

Российская академия наук
Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая
Маргианская археологическая экспедиция

Труды
Маргианской археологической
экспедиции

Том 4

Исследования Гонур Депе
в 2008 -2011 гг.

Редакционная коллегия
В.И. Сарияниди (главный редактор),
П.М Кожин, М.Ф. Косарев, Н.А. Дубова

Москва 2012

Russian Academy of Sciences

Institute of Ethnology and Anthropology
named by N.N. Miklukho-Maklay

Margiana Archaeological Expedition

Transactions of Margiana Archaeological Expedition

Volume 4

Gonur Depe studies in 2008-2011

Editorial board

V.I. Sarianidi (editor in chief), P.M. Kozhin,
M.F. Kosarev, N.A. Dubova

Moscow 2012

УДК 05 [902+572+599+391] (31“636/637”/575.4)

ББК 63.4+63.3(0)31+63.5 (5Тур)

Т 78

Книга подготовлена в рамках работы по проекту Российского Фонда
Фундаментальных исследований № 10-06-00263а

The volume is prepared in the frames of project supported
by the Russian Foundation for Basic Research (№ 10-06-00263а).

Т 78 Труды Маргианской археологической экспедиции. Том 4. Исследования Гонур Деде в 2008 - 2011 гг. /
Гл. ред. В.И. Сарияниди – М.: Старый сад, 2012 - 340 с.
ISBN 978-5-89930-140-7

Сборник посвящен описанию археологических работ 2008-2011 гг. на территории дворцово-храмового комплекса конца III – II тыс. до н.э. Гонур Деде (Туркменистан). В него включены исследования керамических комплексов, палеоантропологического, археозоологического, палеоботанического материалов и петрофонда памятника. В связи с важным открытием, сделанным во время последних сезонов раскопок, - находкой значительного числа специальных погребений собак на царском некрополе, в сборнике публикуются переводы авестийских текстов, посвященных этим животным. Затрагиваются вопросы изучения палеопатологии, реконструкция лица по черепу, описывается случай кефалотфии на Гонуре, а также находка мужского нагрудного украшения сходного с современными туморами. Специальное внимание уделяется подробному изучению уникальных мозаик из царских гробниц Гонура. Сборник дополняют этнолого-исторические исследования, в том числе описание истории узелкового ткачества.

Transactions of Margiana Archaeological Expedition. Vol. 4. Gonur Depe Studies in 2008-2011.
/ Ed. in chef V Sarianidi – М.: Staryi sad, 2012 - 340 p.
ISBN 978-5-89930-140-7

The collection is devoted to the description of archaeological works 2005-2007 at the territory of a palace-temple complex of the end of the Third – Second Millennium B.C. Gonur Depe (Turkmenistan). It includes the study of ceramic systems, paleoanthropological, archaeozoological, archaeobotanical materials and petrofund of the site. Due to the important discovery made during the last seasons of excavations - finding a significant number of special dog's burials on the royal necropolis translations of Avestan texts on these animals are publishing in this book. Studying of paleopathology, the processes of reconstruction of the face by the skull are describing as well as the case of kefalotaphia at Gonur and finding of the male breast ornament similar to the modern tumor. Special attention is given to a detailed study of the unique mosaics from the Gonur royal tombs. Ethnological-historical texts including such on the history of knot weaving, compliment the collection.

УДК 05 [902+572+599+391] (31“636/637”/575.4)

ББК 63.4+63.3(0)31+63.5 (5Тур)

Труды Маргианской археологической экспедиции

Том 4

ИССЛЕДОВАНИЯ ГОНУР ДЕДЕ В 2008-2011 ГГ.

Подписано в печать 30.04.2012. Формат 90x60/8. Усл. печ. л. 42,5. Тираж 300 экз.

Издательство ООО «Старый сад»

Типография АНОО ВПО «Одинцовский гуманитарный институт»,

143000, Московская область, г. Одинцово, ул. Ново-Спортивная, д. 3

ISBN 978-5-89930-140-7

© Институт этнологии и антропологии РАН, 2012 г.

© Маргианская археологическая экспедиция, 2012 г.

© Коллектив авторов, 2012 г.

Содержание

FOREWORD.....	8
<i>Sarianidi V.I.</i>	
Arias from the Southwest Asia in Bactria and Margiana	11
1. THE RESULTS OF ONGOING STUDIES AT GONUR DEPE 2008-2011	
<i>Sarianidi V.I., Dubova N.A.</i>	
Archaeological Excavations of the Margiana Archaeological Expedition during 2008 – 2011 Years	29
Excavation Area 17	29
Excavation Area 18	33
Gonur 20	39
Gonur 21	43
Gonur excavations in 2011	45
Appendix 1:	
<i>Sataev R.M.</i> Sedimentological Studies of the Deposits within the Excavation Area 18.....	56
Appendix 2:	
<i>Sataev R.M., Sataeva L.V.</i> Archaeozoological and Archaeobotanical Studies at Gonur Depe in 2010.....	57
Appendix 3.	
<i>Sataeva L.V.</i> Preliminary Results of Studies of Floral Remains at Gonur Depe in 2011, Spring and Autumn	62
<i>Boroffka N.</i>	
Participation of the German Archaeological Institute (DAI) in the Excavations of Gonur Depe during the 2010, Spring, Short Summary.....	64
<i>Джуманазаров М.А.</i>	
Gonur Pottery Kilns.....	68
2. ANTHROPOLOGICAL, BIOLOGICAL AND NATURAL HISTORY STUDIES	
<i>Kufterin V.V., Dubova N.A.</i>	
The Case of Decapitation at Gonur Depe: Craniological Material from the Burial № 4067.....	74
<i>Kufterin V.V.</i>	
Preliminary Palaeopathological Analysis of the Anthropological Materials from the Excavations of the Object Gonur 20	77
<i>Nechvaloda A.I.</i>	
“Veddoid Shape” Skulls from the Burials of the Gonur Depe Palace-Temple Complex: Craniology and Anthropological Reconstruction	87
<i>Dubova N.A.</i>	
Animal Burials in the Margush Country	101
<i>Krukova V.Yu.</i>	
Dogs of the Avestan Texts	140
<i>Sataev R.M., Sataeva L.V.</i>	
Cattle in the Household of Ancient Margiana	154
<i>Sataeva L.V., Sataev R.M.</i>	
Archaeobotanical Studies at Gonur Depe	159
<i>Yuminov A.M.</i>	
Rocks that were used for Tools Making and Stone Products found during Archaeological Excavations of the Administrative-Religious Complex of Gonur Depe (Southern Part of the Palace, and Temenos)	163

3. ANCIENT ORIENTAL MOSAICS ART BY BMAK MATERIALS	167
<i>Shaposhnikova T.A.</i>	
Mosaics and Relief Decoration of the Walls of the Royal Necropolis of Gonur Depe.....	170
<i>Kovaleva N.A.</i>	
Preliminary Research and Conservation of Two Fragments of “Carpet” Mosaic of Gonur	176
<i>Veresotskaya G.E.</i>	
Restoration of the Wall Fragment of the Casket-Tabernacles, and the Study of Technical and Technological Characteristics of Mosaics Materials of the End of Third Millennium BC from the Royal Tomb 3230 of Gonur Depe	185
<i>Yuminov A.M.</i>	
Mosaics Insertions from the Royal sepulture 3915.....	189
<i>Pisareva S.A.</i>	
Results of the Investigations of the Materials of the Archaeological Samples from Excavations at Gonur Depe.....	192
Expert Conclusion on Fragments of the Mosaic Decoration from the Tombs 3210 and 3250	197
4. PROBLEMS OF THE INTERPRETATION OF THE ANCIENT BMAK CULTURE	
<i>Kozhin P.M.</i>	
Nomad Handmade Pottery of the advanced Bronze Age in the Middle Asia.....	199
Appendix.	
The Results of the Study of Handmade Pottery Fragments from Gonur Depe Vicinities.....	220
<i>Krukova V.Yu.</i>	
About Gonur Tulips	222
<i>Craddock P., Fletcher Ph.</i>	
Report on the Analysis of an Iron Pin from Gonur	238
5. ARCHAEOLOGY OF THE CENTRAL ASIAN DOMESTIC TRADITIONS	
<i>Tsareva E.G.</i>	
Filikli: to the history of knotted weaving in Central Asia (on Mesopotamian and Turkmenistan data).....	240
<i>Tuichieva S.</i>	
The symbol “Hand of Fatima” in the Pamirs (gender aspect).....	250
<i>Shirokova Z.A., Shovalieva M.M.</i>	
Transformation of the Costume-Complex of Tajiks-Migrants from Badakhshan	256
<i>Dubova N.A.</i>	
Male Pectoral Decoration from the Tomb 4014 of the North Gonur: Bronze Age Tumor	267
Appendix.	
<i>Sataeva L.V.</i> Preliminary Expert Conclusion on the Wood Samples obtained from the Tomb 4014 (Excavation Area 18)	269
6. DATA TO THE PROBLEMS OF THE STUDY OF ANCIENT CULTS AND RITUALS	
<i>Eganyan L.</i>	
Early Bronze Age Site Mez Sepasar in the context of Indo-European beliefs and rituals	272
<i>Vrtanesyan G.S.</i>	
Composite Statuettes of the Bronze Age	291
BIBLIOGRAPHY	314
LIST OF ABBREVIATIONS	327

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	8
<i>Сарианиди В.И.</i> Переднеазиатские арии в Бактрии и Маргиане.....	11
1. РЕЗУЛЬТАТЫ ПРОДОЛЖАЮЩИХСЯ ИССЛЕДОВАНИЙ НА ГОНУР ДЕПЕ 2008-2011 Г.	
<i>Сарианиди В.И., Дубова Н.А.</i> Археологические работы Маргианской археологической экспедиции в 2008-2011 гг.	29
Раскоп 17.....	29
Раскоп 18.....	33
Гонур 20	39
Гонур 21	43
Работы на Гонуре в 2011 г.....	45
Приложение 1: <i>Сатаев Р.М.</i> Седиментологические исследования осадочных отложений в пределах раскопа 18	56
Приложение 2: <i>Сатаев Р.М., Сатаева Л.В.</i> Археозоологические и археоботанические исследования на Гонур Депе в 2010 г.	57
Приложение 3: <i>Сатаева Л.В.</i> Предварительные результаты изучения растительных остатков на Гонур Депе весной и осенью 2011 г.....	62
<i>Бороффка Н.</i> Кратко об участии Немецкого археологического Института в раскопках Гонур Депе весной 2010 г.....	64
<i>Джуманазаров М.А.</i> Гончарные печи Гонура	68
2. АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ, БИОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИРОДОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	
<i>Куфтерин В.В., Дубова Н.А.</i> Случай декапитации на Гонур Депе: краниологический материал из погребения № 4067.....	74
<i>Куфтерин В.В.</i> Предварительный палеопатологический анализ антропологических материалов из раскопок объекта Гонур 20	77
<i>Нечвалода А.И.</i> Череп веддоидного облика из погребений на территории дворцово-храмового комплекса Гонур Депе: краниология и антропологическая реконструкция	87
<i>Дубова Н.А.</i> Погребения животных в стране Маргуш	101
<i>Крюкова В.Ю.</i> Собаки авестийских текстов.....	140
<i>Сатаев Р.М., Сатаева Л.В.</i> Крупный рогатый скот в хозяйстве древней Маргианы	154
<i>Сатаева Л.В., Сатаев Р.М.</i> Археоботанические исследования на Гонур Депе.....	159
<i>Юминов А.М.</i> Горные породы, употреблявшиеся для изготовления орудий и изделий из камня, обнаруженных при археологических раскопках административно-культурного комплекса Гонур Депе (южная часть Дворца и Теменос)	163

3. ИСКУССТВО ДРЕВНЕВОСТОЧНОЙ МОЗАИКИ ПО МАТЕРИАЛАМ БМАК	167
<i>Шапошникова Т.А.</i>	
Мозаики и рельефный декор стен царского некрополя Гонур Депе.....	170
<i>Ковалева Н.А.</i>	
Предварительные исследования и консервация двух фрагментов «ковровых» мозаик из Гонура.....	176
<i>Вересоцкая Г.Э.</i>	
Реставрация фрагмента стенки ларца-дарохранильницы	
и исследование технико-технологических особенностей материалов мозаики	
конца III тыс. до н.э. из царской гробницы № 3230 Гонур Депе.....	185
<i>Юминов А.М.</i>	
Мозаичные вставки из гробницы 3915.....	189
<i>Писарева С.А.</i>	
Результаты исследования состава материалов	
археологических образцов из раскопок на Гонур Депе.....	192
Экспертное заключение по фрагментам мозаичного декора из гробниц 3210 и 3250.....	197
4. ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ДРЕВНЕЙ КУЛЬТУРЫ БМАК	
<i>Кожин П.М.</i>	
Лепная керамика кочевников развитого бронзового века в Средней Азии.....	199
Приложение: Результаты изучения образцов лепной керамики из окрестностей Гонур Депе.....	220
<i>Крюкова В.Ю.</i>	
О гонурских тюльпанах.....	222
<i>Крэдок П., Флэтчер Ф.</i>	
Сообщение об анализе железной булавки из Гонура.....	238
5. АРХЕОЛОГИЯ СРЕДНЕАЗИАТСКИХ БЫТОВЫХ ТРАДИЦИЙ	
<i>Царева Е.Г.</i>	
Филикли: к истории узелкового ткачества в Центральной Азии	
(по материалам Месопотамии и Туркменистана).....	240
<i>Туйчиева С.</i>	
Символ «Рука Фатимы» на Памире (гендерный аспект).....	250
<i>Широкова З.А., Шовалиева М.М.</i>	
Трансформация костюмного комплекса таджиков-переселенцев из ГБАО.....	256
<i>Дубова Н.А.</i>	
Мужское нагрудное украшение из погр. 4014 Северного Гонура: тумор бронзового века.....	267
Приложение:	
<i>Сатаева Л.В.</i> Предварительное экспертное заключение	
на образцы дерева, полученные из погр. 4014 (раскоп 18).....	269
6. ДАННЫЕ К ПРОБЛЕМАМ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНИХ КУЛЬТОВ И РИТУАЛОВ	
<i>Еганян Л.</i>	
Памятник раннебронзового периода Мец Сепасар	
в контексте индоевропейских верований и ритуалов.....	272
<i>Вртанесян Г.С.</i>	
Составные статуэтки эпохи бронзы.....	291
ЛИТЕРАТУРА	314
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	327

Foreword

This, the fourth volume of Transactions of Margiana Archaeological Expedition, included first of all, the results of works at Gonur Depe site during 2008-2011, as well as preliminary results of the analysis of the collected materials. Members of the expedition try did not to lock in the analysis only of some archaeological data. They are collaborating with specialists from different scientific fields including not only traditional archaeology, zoology, botany, ecology, geography, geology, metallurgy, but those experts who study civil history and parts of it – ethnography and modernity. Several papers in these fields have highlighted in a separate section. In addition, a separate section is devoted to studies of the unique mosaics from the royal Gonur necropolis.

Many articles placed in this collection, as well as published in other journals, almost always referred to different archaeological areas of the main site of Margiana – Gonur Depe. Often those who work directly at the site, not mention what the actual area is behind the words «area 5, 8 or

16» because for them it is quite clear. In order not to force the reader to puzzle and track down the very same publication, which indicated the location of excavations, we found it convenient since this volume of Transactions to print in each subsequent layout of excavations. It will be presented at the third page of cover. Similarly, on the second, we plan to repeat the scheme of arrangement of the main sites of the Middle East and neighboring areas, making changes to them as needed.

It is worth mentioning that www.margiana.su Internet site was created in 2008. Unfortunately, in a variety of reasons, not yet able to ensure its continuous updating. But new publications of the participants of Margiana archeological expedition placed on it quickly enough. In the very near future we plan to remedy this situation and promptly put on the site the information of the ongoing field work, the major new publications, events related to the study of Margiana, as well as duplicate the basic information in English.

Editorial board

Предисловие

В данный, четвертый том Трудов Маргианской археологической экспедиции включены, в первую очередь, результаты работ на памятнике Гонур Депе в 2008-2011 гг., а также предварительные итоги анализа собранных материалов. Поскольку участники экспедиции стараются не замыкаться в анализе одних археологических данных и сотрудничают со специалистами разных научных направлений, включая не только традиционные для археологов зоологию, ботанику, экологию, географию, геологию, металловедение, но и тех специалистов, которые изучают современность, в том числе историю и ее часть – этнографию. Несколько работ в этой области выделены в самостоятельный раздел. Кроме того, самостоятельный раздел посвящен начатым исследованиям уникальных мозаик царского некрополя Гонура.

Во многих статьях, помещенных в данный сборник, а также публикуемых в других изданиях, почти всегда упоминаются разные территории главного памятника Маргианы – Гонур Депе – археологические раскопы. Зачастую те, кто работает непосредственно на памятнике, не упоминают, какая собственно территория скрывается за словами «раскоп 5, 8 или 16», т.к. для них

это вполне ясно. Для того чтобы не заставлять читателя ломать голову и разыскивать ту самую публикацию, где расположение раскопов указано, мы сочли удобным, начиная с этого тома Трудов, печатать в каждом последующем схему расположения раскопов. Она будет представлена на третьей странице обложки. Точно также на второй мы планируем повторять схему расположения основных памятников Ближневосточного региона и соседних территорий, внося в них изменения по мере надобности.

Здесь имеет смысл отметить, что в 2008 г. в Интернете был создан сайт Маргианской экспедиции www.margiana.su. К сожалению, в силу разнообразных причин, пока не удается обеспечить его постоянное обновление. Но появляющиеся публикации участников Маргианской археологической экспедиции, размещаются на нем достаточно оперативно. В самое ближайшее время мы планируем исправить это положение и оперативно размещать на сайте информацию о текущей полевой работе, основных новых публикациях и событиях, связанных с изучением Маргианы, а также продублировать основную информацию на английском языке.

Редколлегия

Переднеазиатские арии в Бактрии и Маргиане

Вторгнувшиеся в Индию арии, по одной из гипотез, представляли собой одну из поздних волн переднеазиатской миграции, чему предшествовала длительная история переселения носителей индоевропейских диалектов с места их первоначального обитания. Оставляя в стороне вопросы о многочисленных «прародинах», помещаемых на разных территориях от Балканского полуострова и приуральских степей вплоть до Малой Азии, Сирии, Митании и Кавказа, в общих чертах остановимся на истории индоевропейских племен, самоназвание которых было «арии» и которые принесли иранские языки на территорию Ирана и Индостана. Считается, что их связывала миграция родственных племен, что со временем привело к индоиранской языковой и культурной общности.

Предполагается, что одна из таких племенных групп, в конечном счете, дошла до современного Афганистана (иначе древней Бактрии), передвигаясь в общем, восточном направлении, дошла до современной Индии. Согласно нашим известным лингвистам, академикам В.В. Иванову и В.Т. Гамкрелидзе, первоначальная прародина арийцев (по крайней мере, до аккадского периода) в V-IV тыс. до н.э. совпадала с восточной Анатолией, южным Кавказом и северной Месопотамией. Выйдя оттуда в III тыс. до н.э., первые волны индоиранских племен появляются в Иране и далее, через Афганистан (древнюю Бактрию) и восточный Туркменистан (древняя Маргиана), достигают вскоре Индийского субконтинента. Свидетельством этого, как представляется, является сложение в конце III тыс. (точнее в 2250-2300 гг. до н.э.)

на обширной территории Центральной Азии Бактрийско-Маргианского археологического комплекса (БМАК). Можно предполагать, что в то же время на этой территории начинают закладываться основы и общих обрядов, традиций, культов, мировоззрения, которые впоследствии стали благодатной почвой для сложения зороастризма (см.: Сарияниди, 2004, 2005, 2006, 2007, 2008, 2008а, 2010; Sarianidi, 1998, 2007, 2007а; и мн. др.).

В конце III тыс. до н.э. в Митании встречаются следы пребывания ариев, язык которых получил условное название «митанийского арийского». В результате находок письменных документов в Эл-Амарне, Бокзгее, Митании, Алалахе, ученым стали известны некоторые слова арийского происхождения, включенные в тексты: имена царей и знатных людей, а так же коневодческая терминология, так характерная для ариев, которые стали одерживать военные победы, благодаря своим боевым колесницам, запряженных конями. Появляются и отдельные имена богов Малой и Передней Азии. В этом отношении интересно отметить, что в хеттском трактате Киккули уже встречаются слова арийского происхождения, которые характеризуют занятие коневодством, а также отдельные числительные. Т.Я. Елизаренкова замечает: «Таким образом, три разных круга лексики свидетельствуют о пребывании ариев в переднеазиатском и малоазиатском регионах в середине II тыс. до н.э. Видимо, их было мало, и они быстро растворились среди местного населения. В социальном плане они принадлежали к верхушке общества, и в настоящее время большинство ученых счита-

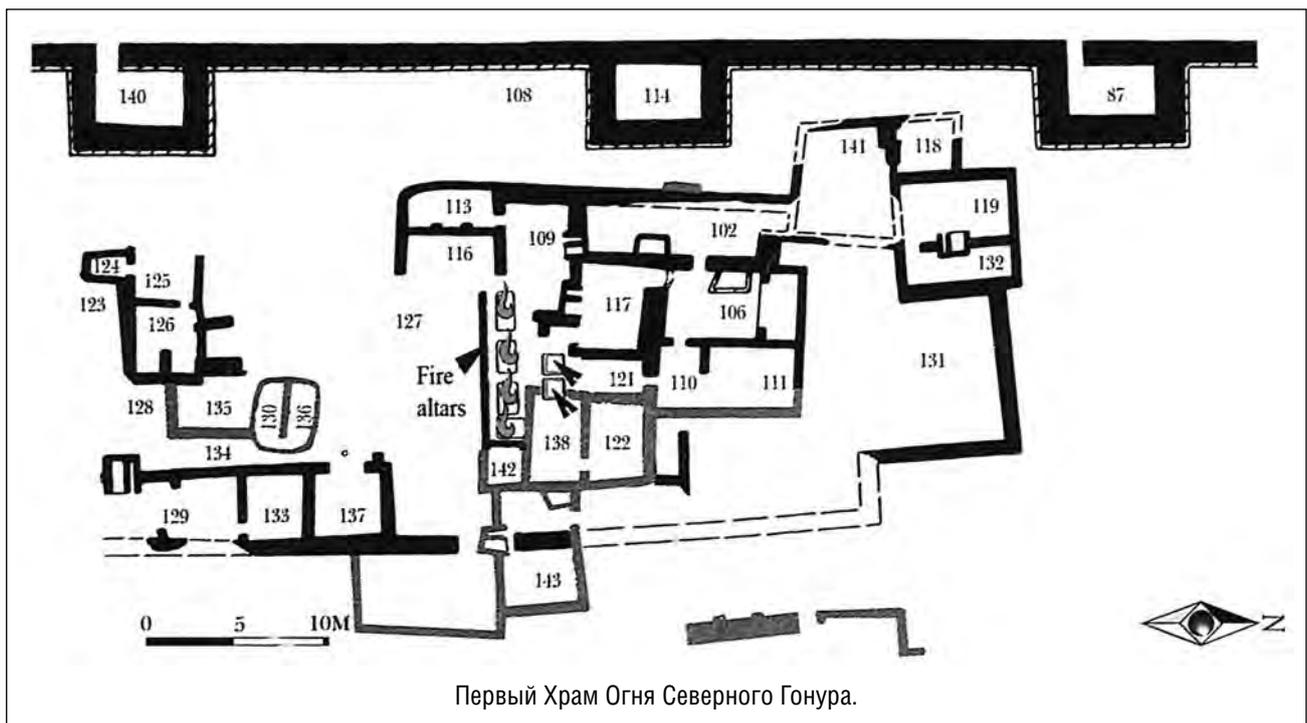
ют, что «митаннийский арийский» язык на основании его лингвистических особенностей следует считать индо-арийским языком» (Ригведа, 1989. Т. 1, с. 430-431).

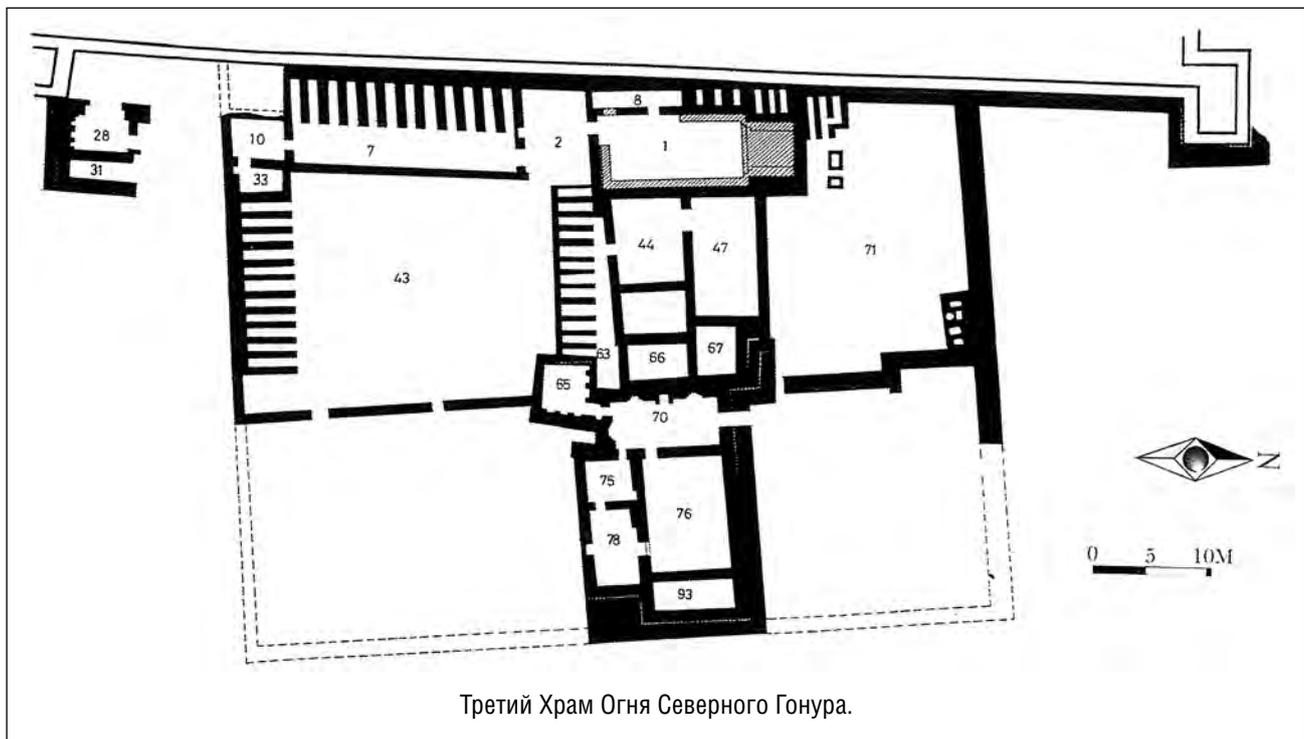
Показательно, что «митаннийских ариев» объединяют с ведийскими, в отличие от иранцев, также и сфера религии и мифологии: Индра в обеих традициях является богом, а не демоном; Варуна у иранцев как таковой не представлен (Т.Я. Елизаренкова). В общем, как считает Т.Я. Елизаренкова, можно сказать, что арии Ригведы появились в северо-западной Индии после расцвета «митаннийских ариев» в Передней Азии и до

миграции иранских племен на территорию современного Ирана.

Представляется, что с этих же позиций следует подходить и к появлению переднеазиатских племен позднеаккадского периода в восточной части современного Туркменистана (БМАК), где на рубеже по крайней мере III-II тыс. до н.э. с их участием складывается новая страна Маргуш, позднее названная Маргианой. Следует отметить, что примерно в это же время другая, по-видимому, также переднеазиатская волна арийцев отмечается в Бактрии (современный Афганистан), что весьма знаменательно. Далее вновь пришедшие из Передней Азии племена могли на своих конях, запряженных в колесницы, устремиться на северо-восток, в долину р. Инд.

Как уже не раз было доказано, имеются все данные говорить о том, что Бактрия вместе с Маргианой именно на рубеже III и II тыс. до н.э. являют собой пятый центр древневосточной цивилизации (Сарианиди, 1977). Не исключено, что это было и самостоятельное, единое государство с общими материальной, духовной культурой и языком. В то же время на обширной территории Бактрии появляются разнообразные памятники материальной культуры, ранее здесь неизвестные, которые стали достоянием науки в самое последнее время.

Перейдем к общему рассмотрению новшеств, появившихся с приходом новых, арийских племен. Как известно в пункте Дашлы-3 в Бактрии (Афганистан) рядом располагаются два монументальных сооружения, одно из которых представляет собой круглое громадное здание, состоящее из большого числа помещений (Сариниди, 1977, рис. 11-14). В центре бывшего Храма располагается еще одно большое круглое здание диаметром свыше 30 м с девятью внешними, прямоугольными башнями. Наиболее важной, сакральной частью этого здания, бесспорно, является внутренний «круглый двор» «Круглого Храма Дашлы-3», в центре которого располагается несколько больших, взаимосвязанных между собой прямоугольных помещений, подиумы которых некогда были окрашены в белый цвет.

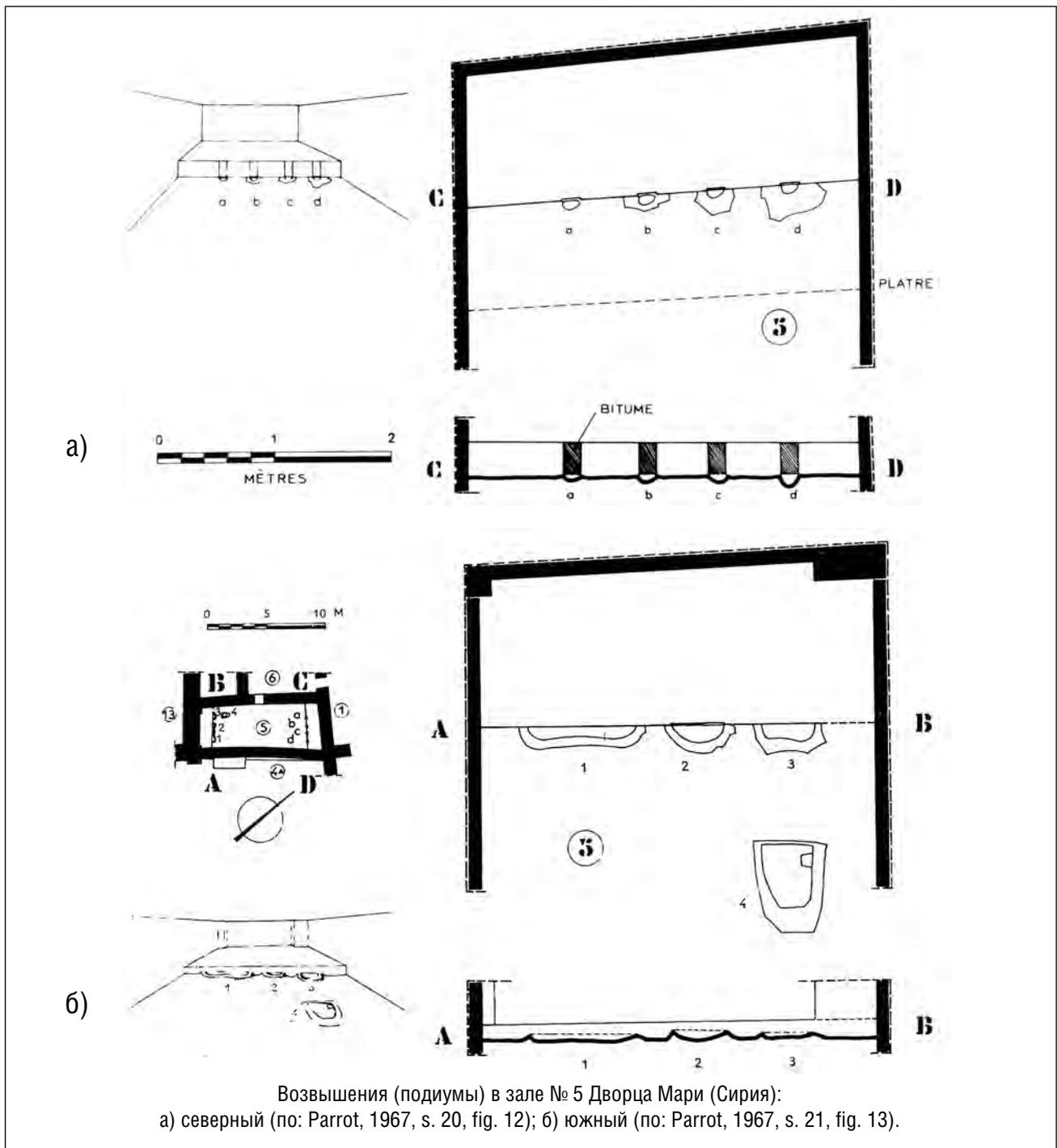
Два таких прямоугольных помещения (№№ 2, 3) имеют идентичную планировку. В их торцовых частях находятся невысокие Т-образные подиумы, также окрашенные сверху белым алебастром. В каждом из этих помещений имеется по одной сложной по конструкции культовой печке, вознесенной на кирпичные платформы (Сариниди, 1977, рис. 11), напоминающие культовые печи Гонура и страны Маргуш в целом. Точно такие же до деталей «святилища» с «Т-образными, подиумами» и культовыми печами, предназначенными для жертвоприношений, были

раскопаны в «Храме Огня» Гонура (пом. № 106 в Первом Храме по: Сариниди, 2008, рис. 19 и пом. № 1 В Третьем храмах Огня по: Сариниди, 2008, рис. 20), а так же в других культовых зданиях Маргианы.

В этом отношении очень показательно одно прямоугольное вытянутое помещение в сирийском дворце Мари. Оно очень похоже по планировке на подобные залы в Бактрии и Маргиане и имеет Т-образный «подиум» с торцовой стороны (Parrot, 1967).

Но вернемся к храму Дашлы-3, расположенному в Бактрии. По периметру центрального круга, вокруг вышеупомянутых «святилищ» с Т-образными подиумами и двух помещений с печами, располагается целая серия чрезвычайно однотипных узких, коридорообразных «помещений». Они имеют ширину до полуметра и высоту около метра. Эта планировка названа нами «комплексом келий».

Назначение этих комнат не вполне ясно, но бесспорно, что оно культово-религиозное. Изнутри стены таких келий обмазаны густой, глиняной обмазкой. Изредка в них встречаются большие обломки крупных сосудов типа хумов. Точно такие «коридорообразные» сооружения имеются во всех без исключения храмовых зданиях Маргианы и Бактрии, не оставляя абсолютно никаких сомнений в их бесспорно культовом назначении.

Возвышения (подиумы) в зале № 5 Дворца Мари (Сирия):
 а) северный (по: Parrot, 1967, s. 20, fig. 12); б) южный (по: Parrot, 1967, s. 21, fig. 13).

Подобные «комплексы келий», состоящие из чрезвычайно узких и невысоких помещений, имеются еще только в Передней и Малой Азии. Напомню, например, анатолийской Буюк Кале, до определенной степени Хатусса с ее Храмом-1, где центральное здание со всех сторон окружают очень сходные с вышеописанными «кельи» (Bittel, 1970, fig. 13). Такие «комплексы келий» совершенно не были известны в Средней Азии до рубежа указанных тысячелетий. Они могли прийти сюда, в конеч-

ном счете, в Бактрию и Маргиану, именно из Передней Азии.

Но вернемся к двум вышеупомянутым бактрийским храмам в пункте Дашлы-3. Итак, два «Храма» в Бактрии в пункте Дашлы-3 во всех смыслах (особенно планировочном) сходны между собой и содержат «модели келий». Кроме того здания типа Дашлы-3 имеют еще две круглые стены, которые делят его пространство на три круга. Бросающиеся в глаза три круглые стены в на этом памятнике могут быть сопоставле-

«Комплекс келий» кремля Северного Гонура. Аэрофото Г. Давтяна (Франция), весна 2009 г.

ны с авестийской Варой (понимаемой как поселение). Именно такой термин применен в Авесте при описании круглого сооружения, предназначенного «для рогатого

и мелкого скота, для людей, собак, птиц и для «горения красных огней», которое было построено по повелению верховного Бога Ахура-Мазды.

«Кельи» в Большом храме Хатуссы
(по K. Bittel, цит. по: Amiet, 1980. P. 500. Fig. 886).

«Кельи» в Храме 2 Дашлы 3.

До самого последнего времени специалисты, переводчики «Авесты» считали, что Вар был квадратным или прямоугольным, но никак не круглым сооружением. Однако специальный лингвистический анализ соответствующих авестийских пассажей, проведенный И.М. Стеблин-Каменским, привел его к заключению, что «Вар Йимы» не был квадратным или прямоугольным, «... а состоял из трех концентрических кругов с девятью проходами во внешнем круге (в кольцевой стене), с шестью проходами в средней круглой стене и тремя во внутреннем круге» (Steblyn-Kamensky, 1995, p. 307-310), что полностью соответствует раскопанной планировке Храма Дашлы-3. Поразительно, как точно соответствуют планировка Храма Дашлы-3 с его тремя, шестью и девятью проходами в круглых стенах данным Авесты!

Раскопки еще одного, но более позднего, раннеахеменидского монументального памятника под названием Кутлуг-Тепе там же в южной Бактрии, привело к открытию последнего по времени сакрального памятника такого рода, до определенной степени напоминающего вышеописанный. Кутлуг-Тепе

также представляет собой круглое, монументальное сооружение наподобие Дашлы-3, что, бесспорно, указывает на продолжение традиции строительства круглых Храмов в Бактрии вплоть до ахеменидского времени (Сарианиди, 1977, рис. 55-56). Как замечает академик Б.А. Литвинский, «о культовой природе Кутлуг-Тепе свидетельствует многослойная изоляция его от внешнего мира. Наиболее сакральным является, очевидно, внутренний двор с алтарями и зданием с белой штукатуркой (белый цвет в зороастризме был связан с выражением принадлежности к религии) <...> Многослойная ограда отделя-

ла сакральный мир Храма от окружающего мира» (Литвинский, 2004, с. 9). «Многослойность» планировочной изоляции от внешнего мира заключается в сооружении и в Кутлуг-Тепе трех таких же, как и в Дашлы-3, кольцевых кругов, разделяющих этот памятник на три части.

Еще одним из впечатляющих зданий Хатуссы на территории Малой Азии является Храм-1. Он имеет размеры 64 x 42 м и представлен в виде массивного кирпичного сооружения, состоящего из хозяйственных хранилищ (store-room). Около южного угла этого здания типа храма стоит привратный дом (gate-house) с квадратным каменным бассейном внутри на линии входа. Вода набиралась в него из колодца посредством труб. По свидетельствам текстовых описаний, царь должен был совершать ритуальное омовение рук во время своего появления. Храм состоял из серии комнат по трем сторонам центрального двора и колоннады из квадратных каменных столбов по четвертой стороне. Небольшое отдельно стоящее здание имеется в святом месте, где находилось место поклонения (shrine) Язикилия. За колоннадой стояло святилище (sanctuary), закрытое от взглядов непосвященных входом, устроенным не напротив, а наискосок от него.

В этом отношении Храм 1 отличается от Храмов 2-5, которые возможно имели окна между статуей в святилище и двором. В конце основной (главной) комнаты Храма-1 стояла база, возможно от культовой статуи. Для сооружения основной части Храма-1 был использован гранит, для остальной – мыльный камень. Некоторые из хозяйственных комнат (хранилищ) имели пифосы, без сомнения, частично использовавшиеся для возлияний, проводившихся в Храме. Весь комплекс был окружен кварталами, последний из которых датируется по булле с оттиском печати царя Тудаливаса IV (1250-1220 BC.). Некоторые специалисты считают, что такие Храмы как Храм-1 в Хаттусе, а также в Буюккале с имеющимися в них «кельями» представляют собой типичные хеттские культовые постройки. Вообще же следует отметить, что два вышеупомянутых монументальных сооружения, построенных рядом в пункте Дашлы-3, по мнению проф. Б. Брентиса и Дж. Туччи

(пришедших независимым путем к этому выводу), могли быть Храмами, где происходила коронация арийских богов, что представляется вполне знаменательным для нашей темы (Сариниди, 1977, рис. 17).

После рассмотрения культово-религиозных Храмов Малой Азии, у которых основу планировки составляют «кельи», становится ясным и бесспорным, что именно от них происходят так называемые «комплексы келий» Бактрии и Маргианы.

Теперь обратимся к светским зданиям, планировка которых получила название «двор в обводе коридоров», имеющих, скорее всего, древнесирийское происхождение.

Такие планировочные решения типа «двор в обводе коридоров», с одной стороны, обнаруживаются в храмовых зданиях Маргианы (Тоголок-1, 21, Южный Гонур и др.), а с другой стороны, – в той же сирийской архитектуре. Наглядным примером служат постройки египетского города гигсоской эпохи – Аварис, где в строительстве используется этот архитектурный прием. Жители города Аварис, расположенного в дельте р. Нил, были выходцами из древней Сирии, откуда они принесли вместе с собой в качестве «архитектурной памяти» и подобную планировку.

Среди мелкой прикладной пластики древней Сирии, имеются т.н. «составные» (или

композитные) каменные статуэтки. Они имеют отдельно изготовленные детали, составленные вместе. Подобные же фигуры, встречаемые исключительно в аристократических и царских могилах известны в Бактрии и Маргиане. Головы, руки и лица каменных составных статуэток из Маргианы искусно выточены отдельно из белоснежного мрамора, в то время как остальные детали тела выточены из черного камня (часто черного стеатита). Белые и темные детали искусно соединены между собой, создавая образ сидящей матроны в пышных одеяниях. В этой связи необходимо упомянуть могилу № 1200 («могила камнереза» на большом некрополе Гонура), где среди прочего инструментария и изделий мастера-камнереза было встречено шесть рук от подобных статуэток, выточенных из белого мрамора (Sarianidi, 2007, fig. 223, 224). Отметим, что хотя туркменистанские «составные» статуэтки подобного рода отличаются особенной тщательностью своей отделки, у них никогда не показаны детали одежды, как это отмечено для известных «составных статуэток», изготовленных в древней Сирии (см., например, подчеркнутые складки на груди, показанные на одной такой фигурке – Arts of ancient cities, 2003, fig. 108). Лишь одна гонурская «композитная статуэтка», возможно, имела наброшенную на голову и плечи накидку (Arts of ancient cities, 2003, fig 55).

Хотя гонурская посуда в общем, безусловно, напоминает ближневосточную, имеются и сходные с сирийскими образцы. Особо обращает на себя внимание часть уникально-

Керамический «бубликообразный» сосуд с некрополя Гонура.

го изделия, найденного на большом некрополе Гонура. Сосуд был размером до полуметра, полый кольцеобразный. Почти такой же сосуд имеется и на сирийском памятнике Хабуба Кабира (Benoit, 2010, fig. 10, 27). Сирийский сосуд позднеурукского времени посажен на высокий поддон, он имеет сверху два разнотипных слива, и, по мнению Е. Стромменгер, возможно, использовался при культовых возлияниях (Arts of ancient cities, 2003, fig. 108).

Второй аналогичный полый внутри бубликообразный сосуд происходит также из Малой Азии (Bittel et al., 1984, Abb. 14), из раскопок памятника Bogaz-Kay VI. В отличие от вышеописанного, этот бубликообразный пустотелый сосуд имеет только один фестончатый венчик и не два, а только один слив, свидетельствуя о существовании и упрощенных типов подобных сосудов в Малой Азии.

Кроме этих сходных между собой сосудов, следует отметить, что Малой Азии на рубеже III-II тыс. до н.э. существовали художественно выполненные фигурные медно-бронзовые топоры (один из них, например, изготовлен в виде пары хорошо моделированных львов, атакующих дикого кабана – Christie's Antiques, NY, 1994, N. 68), а также длинные кинжалы гонурского типа с витыми стержнями от ручек (Christie's Antiques, NY, 1994. Abb. 30, G. 213). Один такой «символ-топор» из встреченных в аристократических могилах большого некрополя Гонура выполнен в виде петуха-рыбы (Sarianidi, 2007, fig. 64), а второй – в виде кабана (Sarianidi, 2007, fig. 66). На некоторых печатях лица, занимающие высокое положение, вооружены боевыми булавами или своеобразными скипетрами.

Скорее всего, в свое время эти изделия имели самое разнообразное смысловое значение. Показательно, что все такие «топоры» имеют не строго вертикальные сквозные проухи, а несколько косые, что не совсем понятно для практического использования этих изделий в качестве обычных топоров. С другой стороны, их лезвия художественно загнуты на обоих концах и вполне могут быть сопоставлены с бактрийско-маргианскими подобными предметами, имеющими преднамерен-

Бронзовый ритуальный топор в форме петуха-рыбы из погр. 1500 некрополя Гонура.

Бронзовый ритуальный топор из царской гробницы 3220 Северного Гонура.

но затупленные лезвия. Думается, подобные «топоры» с тупыми лезвиями на самом деле по своему назначению могут быть сходны со скипетрами или жезлами, изображенными в руках знатных людей.

Имеются и другие формы жезлов. При раскопках погребений на Гонуре было встречено два захоронения, среди погребальных приношений которых выделяются два однотипных медно-бронзовых саблевидных изделия, прямо напоминающие аналогичные, достаточно широко распространенные на Ближнем Востоке. Все три найденные гонурские изделия имеют на своих концах глубокие полукруглые изгибы и, вероятно поэтому, были названы археологами «гарпунами» (harpoons). Особенно показателен такой художественный «гарпун» из Богазкея с фигурным «лезвием» и «обухом» (Герни, 1987,

фото 8). На скальных изваяниях мы видим, что точно такие «саблевидные» изделия держат в руках хеттские воины (особенно в последнем ряду) с характерными полукруглыми изгибами (Герни, 1987, PL. XXXI), прямо напоминающие аналогичные изделия гонурского некрополя.

Такие же «гарпуны» обнаружены в Телло (III тыс. до н.э.), в Сузах (начало II тыс. до н.э.), в Египте, Сирии, Афганистане, Иране (Хафт Тепе), Язили-кая (Анатолия), Рас-Шамре. В Средней Азии они впервые появляются в Маргиане на рубеже III-II тыс. до н.э. и явно имеют ближневосточное происхождение. Судя по изображению на фресках Мари, эти «саблевидные изделия» были, скорее всего, «символами власти», которые попали в Среднюю Азию вместе с пришлыми переднеазиатскими племенами

Бронзовый ритуальный топор в форме кабана из погр. 2760 некрополя Гонура.

Бронзовый ритуальный топор из царской гробницы 3230 Северного Гонура.

и отмечали высокий статус их владельцев. Весьма показательны они в руках грозных аристократов, одетых в богатые, пышные одеяния, перед которыми униженно стоят слуги (Ancient seals..., 1983, fig. 20). На типично символическое, а не боевое назначение этих предметов указывает, например один из гонурских «гарпунов» (погр. № 3280), который оказался позолоченным, а его ручка была обернута в несколько слоев серебряной нитью.

Фигура на царских воротах из Богазкея
(по: Герни, 1987, фото 8).

Фрагмент живописного изображения
из дворца Мари в Сирии. Правый персонаж держит
в руках жезл – символ власти – «гарпун»
(по: Parrot, 2006, s. 270).

Археологические раскопки в Маргиане выявили несколько типов погребений. Наряду с шахтными могилами на кладбищах Гонура встречено несколько десятков кирпичных гробниц. Все гробницы были впущенные в материк так, что на уровне дневной поверхности выступали лишь их перекрытия.

«Гарпуны» из погребений Гонура

Почти все такие гробницы содержали среди погребальных приношений золотые или серебряные изделия, что свидетельствует об их принадлежности высшим слоям общества. Среди керамических изделий имеется много ваз, кубков на высоких ножках и др. сосудов, находящихся свои соответствия на другом конце тогдашнего мира, а именно – на индийском субконтиненте (Sarianidi, 2007, fig, 24-31; №№ 1-10). Особо надо отметить крупные краснофонные корчаги, расписные широкими красными, кольцевыми полосами по тулову, что близко напоминает аналогичную роспись керамики хараппской культуры долины р. Инд. Но не менее интересно, что гонурские гробницы чрезвычайно близко напоминают аналогичные сирийские, которые Е. Стромменгер обнаружила и раскопала совместно с К. Кольмейером на уже упомянутом памятнике Хабуба Кабира, являющимся, по мнению авторов раскопок, культовым и административным центром (Strommenger, Kohlmeyer, 1998).

Приведенные выше черты сходства бактрийско-маргианских и сирийских «комполитных» статуэток, «бубликообразных» сосудов и «топоров», а также подобия в конструкции погребальных сооружений, делают весьма обоснованным мнение, что такие черты культуры впервые появляются в бактрийско-маргианском регионе вместе с появлением здесь в конце III тыс. до н.э. пришлых переднеазиатских племен.

Большим достижением археологии Туркмении являются раскопки маргианских Храмов, специально предназначенных для изготовления тонизирующего напитка типа Сомы-Хаома. Особо показательны огромные монументальные Храмы Тоголок-21, Тоголок-1 и теменос Гонура, которые в настоящее время полностью раскопаны. В процессе раскопок был найден различный инструментарий и, кроме того, специальные «культовые сосуды» со сливами. Тулова сосудов были украшены процарапанными, всегда однотипными изображениями «древа жизни», по бокам которого или нацарапаны или прилеплены сделанные из глины фигурки рогатых козлов, часто стоящих на задних ногах. Такие сосуды всегда связаны с изготовлением и хранением тонизирующего напитка типа

Сомы-Хаома и чаще всего находятся в местах его изготовления и хранения. Наряду с такими изделиями, имеются сосуды и другого типа со скульптурными фризами. По самому венчику таких сосудов прилеплены различные животные (в меньшей степени птицы), а так же лягушки и выползающие на венчик по внутренней стороне стенок извивающиеся змеи, которые подбираются к корням «древа жизни» с целью обглодать их. Но рыба Кара бдитительно следит за змеями и отгоняет их от его корней. Среди этих фигур встречена и пара разнополых людей. Причем в руках у мужчины находится младенец, а женщина с опущенной головой и заведенными за спину руками показана в рабской, явно униженной позе. Не исключено, что подобная микрокомпозиция изображает бога грома, который пытается забрать их общего (мужчины и женщины) сына и унести его на небо, чему сопротивляется его мать. Подобный миф отражает идею обожествления бога Хаомы, олицетворяемого ребенком, и перенесения его на небо, чему способствует его отец (бог грома) вопреки желанию его матери. Очень важно отметить, что такие «культовые сосуды» найдены как в Бактрии, так и в Маргиане. Наконец, похожие изделия со скульптурными фризами людей и особенно животных были найдены в Кюль Тепе в Малой Азии, а так же на Кипре (Morris, 1985).

После изготовления тонизирующего напитка Сомы-Хаома его, скорее всего, разливали в подобные крупные сосуды со скульптурными фризами, а затем это питье раздавалось общинникам. В настоящее время при раскопках Храма Тоголок-21 и Гонура встречено около десяти подобных целых и раздавленных культовых сосудов. Примерно столько же встречено аналогичных культовых сосудов при раскопках Храма Сомы-Хаомы на Гонур Депе, как самого раннего в Маргиане. Этот факт также может указывать на то, что пришельцы принесли такие изделия с собой со своей былой, переднеазиатской прародины.

В этом отношении исключительный интерес представляют раскопки в Алалахе в восточном Средиземноморье, проведенные под руководством Л. Вулли. Там были найдены не только полуразрушенные Храмы,

наподобие вышеописанных маргианских, но и глиняные налепные фигурки, которые, видимо, принадлежали венчикам точно таких же культовых сосудов. Среди них можно назвать фигурки отдыхающих львов (Woolley, 1955, PL. LV11c) и выползающей на венчик сосуда змеи (Woolley, 1955, PL. LV11f). Отметим, кстати, находку на этом же памятнике типично маргианской печати, изготовленной из слоновой кости.

Следует сказать, что при раскопках Храма Тоголок-21 и Гонура-1 были встречены тщательно залощенные глухие, банкообразные сосуды, сбоку у которых имеются своеобразные дырчатые «кармашки» неясного, но скорее всего культового назначения.

Такие кувшины нигде более на территории Туркмении не были найдены, но зато встречены в Западной Анатолии, на поселении Ахаркай (Aharkay) (Efe, 1994, fig. 3, p.10; fig. 5).

Выше мы рассмотрели ближневосточные параллели бактрийско-маргианского археологического материала, но наряду с ними имелись большие торговые и культурные

связи с далекой долиной Инда, к рассмотрению которых и перейдем. Первое, о чем необходимо сказать, это т.н. «гадательные палочки», изготовленные из слоновой кости. Они были найдены, с одной стороны, при раскопках хараппского города Мохенджо-Даро, а с другой (свыше двадцати экземпляров) встречены при раскопках древнемаргианского города Гонура (Сарианиди, 2001). Правда, судя по всему, это были не «гадательные палочки» (как, видимо, ошибочно считал Дж. Маршалл), а, скорее всего, «игральные палочки» для настольной игры типа нард. Все такие «игральные палочки» имеют небольшие размеры (до 8-10 см в длину), они четырехгранные в разрезе. На трех из четырех поверхностей «палочек» изображены кольцевые знаки с точкой внутри (соответственно на одной из сторон – один, на другой – две, а на третьей – три). На четвертой грани нацарапаны в определенном ритме вертикальные линии, что вполне возможно трактовать как числовые знаки. Все такие «игральные палочки», были найдены исключительно в аристократических могилах Маргианы, иногда вместе с игральными настольными досками, часто инкрустированными фигурными вставками, сделанными так же из слоновой кости. Нет никаких сомнений, что все они принадлежали какой-то настольной игре, возможно, типа современных «нард». Видимо, в те далекие времена (в III-II тыс. до н.э.) на Востоке необходимо было иметь для игры «в нарды» по три такие «игральные палочки», количество которых много позднее было сокращено до двух экземпляров. Сами «палочки» уменьшились в размерах до маленьких, квадратных кубиков-зар (размером около 2 см в стороне). Много позже, слегка видоизменившись, они попали в Европу. Осталось отметить, что все такие «игральные палочки» (Сарианиди, 2006, рис. 29) всегда изготовлены из слоновой кости. Их концы почти всегда настолько стертые от пальцев рук, что имеют округленные завершения. Показательно, что именно такую же округлую форму имеют концы «игральных палочек» хараппской культуры индийского субконтинента (Marchall, 1931, p. 556), что указывает на их сходное использование.

В аристократических могилах Гонура известны и другие изделия, изготовленные из

Сосуд «с кармашком» из верхних слоев раскопа 5 Северного Гонура.

Изделия из слоновой кости из погр. 3155
Северного Гонура.

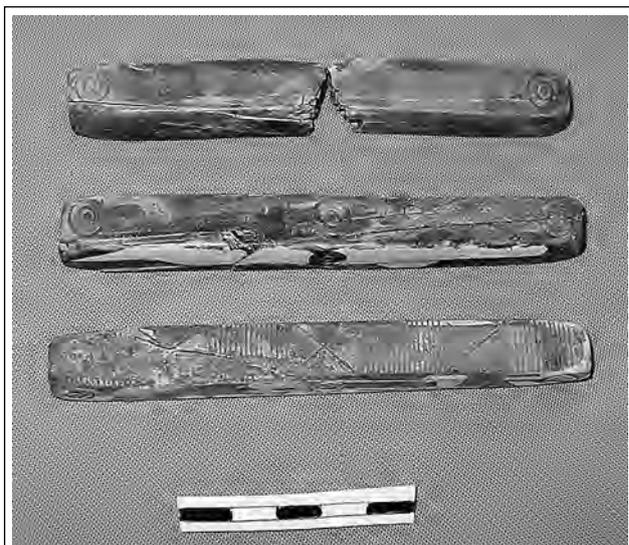
Изделия из слоновой кости
из царской гробницы 3220 Гонура.

слоновой кости. Это – орнаментированные кружковым орнаментом гребни, достаточно широко представленные при раскопках Гонура (Сарияниди, 2008, рис. 33), костяные круглые, квадратные и многоугольные «фишки» (Сарияниди, 2006, рис. 65; Сарияниди, 2008, рис. 107), крупные диски (также, видимо, «фишки») с гравированными изображениями геометрических фигур или большого скорпиона (Сарияниди, 2006, рис. 92), предназначенные предположительно для настольных игр типа нард, а также различные туалетные изделия типа булавок с навершиями в виде цветочных бутонов (возможно мака, из которого готовили тонизирующий сок типа Сомы-Хаома – Сарияниди, 2007а, с. 121), не совсем понятные костяные уплощенные орнаментированные «накладки» (Сарияниди, 2008, рис. 35, 115). Все эти предметы были достаточно широко распространены на Гонуре, но назначение их не всегда известно.

Среди «головных булавок» обнаруженных на большом (или главном) гонурском могильнике особо показательны таковые с навершиями в виде сжатого кулака с коническими навершиями, много реже – в виде

раскрытой ладони с разным расположением согнутых пальцев (Сарияниди, 2006, с. 21).

Как отмечалось выше, в царских гробницах и богатых цистах были найдены также инкрустированные слоновой костью «игральные доски» (Сарияниди, 2008, рис. 101) и инкрустации в виде «отдыхающего животного», изготовленного также из слоновой

«Игральные» (или «гадательные») палочки
из пом. 115 раскопа 5 Северного Гонура.

Изделия из слоновой кости из погр. 3245 царского некрополя Гонура.

кости (Сарианиди, 2008, рис. 102). Среди прочих изделий, изготовленных из слоновой кости можно упомянуть и извивающуюся змею (Сарианиди, 2006, рис. 66), найденную среди погребальных приношений в могиле № 3155.

Особый интерес представляет находка на раскопе 9 Северного Гонура целой хараппской печати с древнеиндийской надписью и изображением мерно идущего слона, изготовленной в самой Индии (по данным А. Парполы) и, возможно, потерянной каким-то древним торговцем на Гонуре (Сарианиди, 2006, рис. 114). В аристократическом погребении № 3245 найдены туалетная ложечка (Сарианиди, 2006, рис 104), искусно выточенная из куса слоновой кости и представляющая собой шедевр древневосточной резьбы. Ее ручка выполнена в виде беззащитной овечки, которую терзает хищный крылатый дракон с яростно задраным длинным хвостом (Сарианиди, 2008, рис. 141).

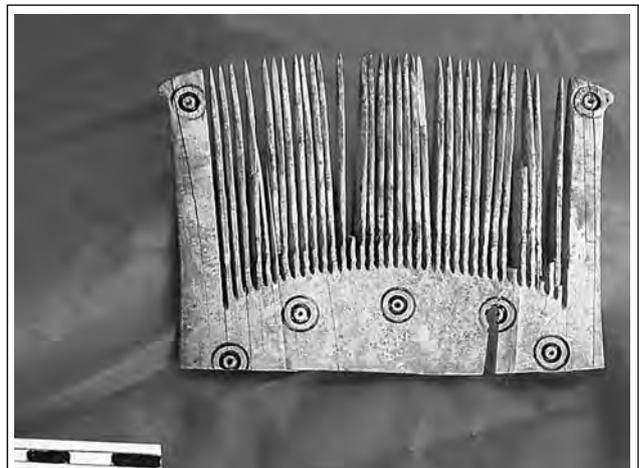
Исключительный интерес представляет находка в камере № 3245 фрагмента слоновьего бивня, совершенно не обработанного, а, по-видимому, только приготовленного для обработки. Из этого можно заключить, что в Маргиану привозили в основном необработанную слоновью кость, из которой местные мастера изготавливали изделия.

Эти и большинство других предметов, вырезанных из слоновой кости, но найденных не в долине р. Инд, а в Маргиане, без сомнения, свидетельствуют об оживленной

меново́й торговле и культурном обмене, которые существовали в древности между Хараппской цивилизацией и Маргианой, а также Бактрией.

Наличие связей между Маргианой и долиной р. Инд очень ярко прослеживается в «Царском святилище» Гонура. Это здание выстроено за пределами кремлевской стены и в непосредственной близости от северного фаса стены каре. Центральным помещением здания (№ 115). В его центре устроен так называемый «киоск», т.е. сооружение без стен, а с одними угловыми устоями. Стены этого, а также соседних с ним пом. 130 и 131, декорированы большим числом «слепых окон», имевших, бесспорно, культово-религиозное назначение. Напомним, что самые ранние «слепые окна» известны в Северной Месопотамии в Тепе Гавра (IV тыс. до н.э.), откуда они, возможно, через иранский Годин-тепе попали в Бактрию и Маргиану.

Интерьеры пом. 130 и 115 имели первоначально по три таких «слепых окна» устроенных с каждой стороны, что, бесспорно, указывает на их главное «культовое» назначение. Лишь много позднее они были перестроены и приспособлены под проходы и очаги. Здесь могли проходить главные, культовые действия в честь бога Ахура-Мазды. Кроме того, в помещениях «Царского святилища» имеются т.н. культовые двухкамерные печи, но не с перегородками между камерами внутри, а с «уступами». В такого рода очагах горели в противоположность всем остальным печам не обычные дрова, а, вероятнее всего, ароматические тра-

Гребень из слоновой кости из погр. 2900 Северного Гонура.

вы. В этой связи отметим, что такие «пахучие» травы использовались исключительно в «культовых» помещениях № 115 и № 170 в системе всего дворца и в больших круглых алтарях Гонура. Можно сказать, что «Царское святилище» представляло собой предельно замкнутое здание или иначе – изолированный парадный микрокомплекс, безусловно, культово-религиозного назначения.

Лишь только в пом. 132 были сделаны малочисленные находки. Это – сильно фрагментированная стеатитовая каменная фигурка сидящего человека, ладонь которой охватывает приподнятое колено левой ноги. До определенной степени эта композиция напоминает один бактрийский серебряный сосуд. На каменных и медно-бронзовых печатях и амулетах Маргианы и особенно Бактрии также имеются изображения колена-преклоненных божеств, у которых одно колено располагается выше другого. Но если на территории индийского полуострова такие сидящие статуэтки появляются как бы «внезапно», то в Маргиане они находятся вместе с пришлыми из Передней Азии арийскими племенами. Иными словами такие сидящие статуэтки, у которых одно колено

находится выше другого, задолго до этого известны были в сиро-хеттской глиптике и сфрагистике, так что Бактрия и Маргиана, по-видимому, занимают промежуточное место между ближневосточными и индийскими находками такого рода.

В том же пом. 132 найден разбитый культовый сосуд для возлияний тонизирующего напитка, который в иранском языке назывался Хаома, а в индийском – Сома. Сосуд имеет три слива в виде наlepных бычьих голов. Здесь же находились шесть экземпляров (два комплекта) вышеупомянутых «игральных палочек» с нацарапанными одинаковыми знаками, изготовленных из слоновой кости, которые употреблялись при настольной игре типа нард. Приблизительно такие же находки из слоновой кости были сделаны в памятниках цивилизации долины р. Инд, в XXIII квартале столичного города Мохенджо-Даро, которые Дж. Маршалл определил их как «гадательные палочки». Теперь, после находок аналогичных изделий из слоновой кости в Маргиане (на Гонур-Депе) вместе с «игральными досками», разделенными на большие квадратики, точнее будет считать их «игральными».

Центральное помещение № 131 «Царского святилища» на раскопе 5 Северного Гонура
Вид с юго-запада.

Рассмотрим теперь сам этот индийский архитектурный комплекс XXIII (без стен) в Мохенджо-Даро. Если не обращать внимания («убрать») на поздние постройки внутри этого комплекса помещений, то можно заметить, что оно чрезвычайно близко напоминает «киоск» в «Царском святилище» (помещение без стен, а с одними угловыми устоями), раскопанный на Гонуре. В обоих зданиях центральные помещения не имеют стен, вместо которых стоят лишь четыре угловые «устоя». Это особое помещение два индийских археолога (М. Дхаваликар и С. Арте) определили как не простое, бытовое, а как «храм Огня» (Dhavalicar, Arte, 1989). Независимо от точного определения этого архитектурного микрокомплекса, вряд ли это было простое жилое сооружение, а, какое-то особенное, скорее всего культовое здание.

Но вернемся к другим находкам Гонур Деде. Среди индийских находок на Гонуре эффектно выглядит большая каменная фигура лежащего, отдыхающего барана с круто закрученными назад рогами. Возможно она, а точнее модель, по которой она создавалась, попала в Маргиану из Индии, (Сарианиди, 2008, рис. 108), о чем свидетельствуют похожие изделия (Сарианиди, 2008, рис. 109). Следует также отметить медно-бронзовую печать с изображением «трикефала», обнаруженную на поселении Алтын-Депе, распо-

ложенного у подножья гор Копетдага в слоях БМАК, а также типично «хараппскую» керамику, изготовленную на месте в Маргиане по «хараппским» образцам. К сказанному добавим круглые фаянсовые наручные браслеты белого цвета, встреченные в некоторых могилах Гонура, а также сходные с древнеиндийскими керамические комплексы на территории дворца Гонура и среди погребальных приношений на большом Гонурском могильнике (Sarianidi, 2007, p. 152, fig. 36).

Как было показано выше, многое указывает на тесные торговые и культурные связи, существовавшие с одной стороны между Бактрией с Маргианой, а с другой – с цивилизацией долины р. Инд. Пока еще трудно определить в каком направлении шли эти связи: из Маргианы в Индию или наоборот, но сам этот факт уже не вызывает никаких сомнений.

Г. Поссел первый допустил «присутствие бактрийцев в Индии». Именно он обратил внимание на каменные статуэтки из Мохенджо Даро с разным расположением ног, о которых говорилось выше. Их характерным признаком является общая коленопреклоненная поза, с выступающим вверх коленом левой ноги, которое охватывает ладонь левой же руки. Г. Поссел выделил среди женских фигурок Мохенджо-Даро семь таких фигурок, описанная поза которых была определена им как «сидящий человек», что достаточ-

Рис. 26. План помещения XXIII квартала МР на Мохенджо-Даро (а) (по: Marshall, 1931) и «царского святилища» Северного Гонура (б).

но близко напоминает статуэтку из «киоска» Гонура. В результате специально проведенного анализа С. Винкельман пришла к выводу, что такие коленопреклоненные фигуры встречены были исключительно в поздних слоях хараппской культуры конца III тыс. до н.э. (Winkelman, 1994, p. 815-816). Г. Посселом был также поставлен вопрос: кого изображают такие однотипные статуэтки, иконография которых до деталей повторяет друг друга – богов или молящихся? (Possehl, 2002, p. 117). И хотя окончательного ответа мы не имеем, наиболее вероятным представляется, что они изображают молящихся.

По мнению другой исследовательницы – А. Арделенау-Янсен, к «сидящим» статуэткам можно отнести и известную каменную статуэтку «царя-жреца» (Ardelenau-Jansen, 1991). Она же первая обратила внимание на сходство его одеяния в виде плаща, переброшенного через левое плечо с характерными одеяниями бактрийцев, изображенных на известном сосуде, происходящем из разграбленных могил Бактрии. И хотя общепризнано их местное, хараппское происхождение, А. Арделенау-Янсен первая не только предложила включить в группу типологически сходных фигур и статуэтку «царя-жреца», но и выдвинула смелую гипотезу о ее бактрийском происхождении. Эта идея была поддержана Г. Посселом (Possehl, 2002, p. 117, fig. 6,8), тонко подметившим, что на том же бактрийском, серебряном сосуде во втором, нижнем регистре, в сцене пахоты изображены не горбатые животные индийской породы, а *Boss Taurus*, что лишней раз подтверждает общее западное происхождение этого сюжета (более подробно см.: Possehl, 2002, стр. 117, 233). Как видим, есть веские основания включить в эту группу и гонурскую, коленопреклоненную статуэтку, найденную в пом. № 132, иконографическая поза которой прямо аналогична рассматриваемым, с одной стороны, хараппским статуэткам, а с другой – персонажам сиро-хеттской глиптики.

Обратим внимание и еще на одну особенность статуэтки «царя-жреца»: одежда на ней, украшена трилистниками типа растения «пипал». Подобные гравированные изображения были встречены в Бактрии (Сариниди, 1977, рис. 19), а также в Маргиане.

Сходные, коленопреклоненные человеческие фигуры (правда, не всегда реальных людей, а чаще птице-людей) известны в бактрийско-маргианской глиптике и сфрагистике (Sarianidi, 1998, 57-1, 1785-1). Они могут, в конечном счете, восходить к «духам-гениям» сиро-хеттской глиптики (Schaeffer-Forrer, 1983, PL. № 13-16). Как выше было сказано, коленопреклоненные фигуры встречены были исключительно в поздних слоях хараппской культуры конца III тыс. до н.э., что соответствует появлению переднеазиатских племен в Маргиане и, по-видимому, в Бактрии. В своем подробном исследовании С. Винкельман приходит к выводу, что коленопреклоненные фигуры появляются сначала на Ближнем Востоке, когда в южном Иране на цилиндрах появляются изображения с согнутыми ногами. Затем, где-то в конце III тыс. до н.э. такие изображения достигают Бактрии и Маргианы. В конце этого тысячелетия сходные фигуры появляются и в северо-западной Индии. Как теперь становится очевидным, Маргиана и Бактрия маркируют промежуточный пункт на пути распространения подобной архитектуры и подобных статуарных персонажей переднеазиатского мира, через Элам и Восточный Иран и далее через Бактрию и Маргиану в долину р. Инд, что имеет принципиально важное значение в вопросе о «конце» хараппской культуры и проливает новый свет на эту новую проблему. В этой связи С. Винкельман прямо замечает: «...Кветта дает нам очень важные свидетельства о приходе бактрийского искусства в область Индийской цивилизации» (Winkelman, 1994, p. 882). Добавим, к этому выводу наличие в царских погребениях Гонура медного светильника и алебастровых сосудов (Сариниди, 2006, с. 212, рис. 74; Сариниди, 2008, с. 181-182, рис. 89, 90), форма которых прямо копирует аналогичные, найденные в Кветте (Possehl, 2002, рис. 12, 38).

Еще раз подчеркнем, что предположение, выдвинутое А. Арделенау-Янсен и поддержанное Г. Посселом и С. Винкельман, находит свое подтверждение в новейших данных из Маргианы, давших новые доказательства культурных и торговых связей между БМАК и позднехараппской цивилизацией. Правда, С. Винкельман пока не усматривает «прямых

связей» между этими культурными общностями, в то время как А. Арделеану-Янсен и особенно Г. Поссел независимым путем приходят к вполне аргументированным выводам, что они отражают «...присутствие бактрийцев в Мохенджо-Даро в поздний период». В одной из своих недавних работ Г. Поссел прямо отмечает, «материал БМАК в Мохенджо-Даро обильный» (Possehl, 2002, p. 232).

Напомню, что все свидетельства относятся к поздне харапским слоям, что хорошо согласуется с хронологией Гонура. Г. Поссел пишет, что в 2000 годах до н.э. БМАК появляется в Маргиане, а затем и в долине Инда, что соответствует запустению харапской культуры. В дохарапский период коленопреклоненные фигурки пока не известны и, возможно, они действительно происходят от сиро-хеттских прототипов, о чем уже сказано было выше. Г. Поссел справедливо допускает «... проникновение народа БМАК на индийский субконтинент» (Possehl, 2002, p. 231), и, если находки таких коленопреклоненных статуэток в поздних слоях харапской культуры не случайны, то они в общей форме совпадают по времени с появлением пришлых, переднеазиатских племен в Средней Азии, что может быть поставлено в прямую связь между собой.

Итак, монументальная архитектура типа «киоска» без стен, а лишь с «устоями» в «Царском Святилище» и «Храма Огня» в Мохенджо Даро; стеатитовые женские статуэтки с разным положением ног; настольные «игральные доски», инкрустированные вставками из слоновой кости; «игральные палочки» для игры типа нарда; разнообразные косметические и туалетные изделия из слоновой кости «харапского» типа на Гонуре; харапская керамика, медно-бронзовые амулеты и печати с типично индийскими изображениями (в особенности в виде «трикефала») и многие другие находки указывают на близкое взаимное сходство культуры БМАК в Маргиане и цивилизацией долины р. Инд.

Можно полагать, как было показано выше, что эти параллели связаны с миграцией племен из Передней Азии через Афганистан и восточный Туркменистан вплоть до северо-западной Индии.

Эта гипотеза выглядит весьма заманчиво в свете существующей концепции об «арийском завоевании» Индии, если предположить, что завоевателями северо-западной Индии и были пришлые бактрийско-маргианские племена, поселения которых раскопаны и изучены в последние десятилетия в Туркмении и Афганистане.

Явно не случайно культовая архитектура на Гонуре бесспорно относится к самому раннему периоду памятника, а найденный «парик» от каменной составной статуэтки (находка Р. Медоу в позднехарапских слоях) синхронизирует их между собой, относя это событие к рубежу III-II тыс. до н.э. Типично харапская печать, была найдена на Гонуре практически на материке, в самом раннем слое памятника и связана с ранней архитектурой, т.е. опять рубежом III-II тыс. до н.э. Вместе с тем, все сказанное не исключает, а напротив предполагает торговые и культурные связи и контакты, в обратном направлении, которые шли из долины Инда в дельту Мургаба. В этом отношении весьма показательным основанием на левом берегу Окса древнехарапской торговой фактории, что имеет огромное историческое значение (см. выше) (Frankfort, 1989, p. 200-207). Судя по всему, движение бактрийско-маргианских племен дальше на восток, носило во многом мирный характер, т.к. кроме 14 разбросанных скелетов (включая одну женщину и одного ребенка), обнаруженных у стен Мохенджо-Даро, нам, по существу, ничего не известно о «драматических» событиях, связанных с т.н. «арийским завоеванием Индии», которое, возможно, и не было столь ужасным и кровавым, как предполагали раннее некоторые исследователи.

1

Результаты продолжающихся исследований на Гонур Депе 2008-2011 гг.

В.И. Сарианиди, Н.А. Дубова

Археологические работы Маргианской археологической экспедиции в 2008-2011 гг.¹

Работы Маргианской экспедиции в 2008-2011 гг. продолжали исследование памятника Гонур Депе предыдущих сезонов. Были закончены раскопки на раскопе 17, заложен новый раскоп 18 (на восток от Храма Огня Северного Гонура) и проведены уточняющие раскопки на юго-западе центрального дворцово-храмового комплекса Гонур Депе (граница раскопов 6 и 7). Кроме того, была продолжена работа по музеефикации ряда объектов на Гонур Депе.

Раскоп 17

Раскоп был заложен весной 2008 г. На раскопе 12 на юго-западе Гонура был выявлен небольшой фрагмент неширокой стены с пилястрами. По своему размеру и конструкции он практически идентичен обводной стене Северного Гонура, но выстроен далеко на юго-запад от основного ее контура. Было сделано предположение, что данный фрагмент может являться еще одной, четвертой линией стен, окружающих дворцово-храмовый комплекс. Первоначально на пересечении отрезков, проведенных от северных угловых башен гонурского кремля (270 м от северо-западной и 260 м от северо-восточной) была сделана северная разведочная траншея (40 м длиной и 5 м шириной), которая не выявила ни следов обводной стены, ни каких-либо по-

мещений. Найдено лишь несколько поздних рядовых погребений. Длина упомянутых отрезков была определена в соответствии с расстояниями фрагмента стены с пилястрами на раскопе 12 от ближайших угловых башен кремля. Затем, после расширения раскопа на восток и расчистки небольшого возвышения, усыпанного фрагментами керамики, были обнаружены стены пом. 1, а затем и другие помещения. После завершения раскопок, оказалось, что на раскопе 17 выделяется два отдельных, не связанных между собой комплекса: восточный и западный.

Восточный комплекс состоит из 10 помещений. Самое крупное из них (№ 15) – большой двор, обнесенный со всех сторон стеной. Исключение составляет северная часть, где стены нет или она не сохранилась. Стены всех помещений стоят на мусоре. В центре пом. 15 расположена «емкость» диаметром 60 см, стенки которого сделаны из глины (толщ. 3 см). Высота стенок достигает 30 см над полом, но глубина «емкости» – 15 см. К востоку и к западу от этой «емкости» на одной линии стоят 2 крупных хума диаметром 50 см. Далее к западу от западного хума сделана кирпичное возвышение 160x100 см высотой 30 см. Около восточной стенки помещения имеется еще одно возвышение длиной 90 см. В его южную часть вмазано 3 хума диаметром

¹ Статья подготовлена в рамках работ по проекту РФФИ № 10-06-00263.

40 см, а в северной – сделан прямоугольный очаг. Юго-западный угол очага обожжен до красного цвета сильнее, чем другие части. Толщина обожжения 2-3 см.

В 4,5 м к северу и югу от центральной глиняной емкости стоят хумы диаметром 40 см, вмазанные в пол. Южный хум находится в 1 м к северу от прямоугольного очага. Прямо на восточной стене помещения в 1 м к югу от платформы с тремя сосудами стоит еще один хум диаметром 50 см. Далее к югу расположен еще один прямоугольный очаг 120 x 90 см, глубина которого 20 см, а толщина обожжения стенок – 1,5-2 см. Очаг составляет единое целое с платформой, в которую вмазан, и с хумом (диам. 40 см). Между этой платформой и южным хумом к северо-востоку в полу устроено углубление диаметром 60 см глубиной 40 см. В этой ямке найден круглый сосуд в длинным круглым сливом. Продольная стенка этого очага параллельна восточной стене пом. 14 и находится от него в 1,5 м. В 2 м от очага далее на восток устроен еще один квадратный очаг (120 x 120 см), стенки которого обожжены очень слабо (не более 1 см). Около юго-западного угла этого

очага стоит еще один хум диаметром 40 см. В 1,5 м к востоку от середины восточной стенки пом. 14 устроена грушевидная печь (170 x 60 см).

В северо-западной стене пом. 15 устроен двухкамерный(?) очаг. Его духовка не сохранилась.

Помещения 12-14 располагаются к югу и юго-западу от пом. 15. Вход в пом. 12 находится в северной стенке. Справа от входа стоят два хума диам. 40 см. Оба они были вмазаны в верхний пол, который был на высоте 50 см от нижнего. Прямо напротив входа, практически в середине пом. 12 находится скопление керамических изделий (№ 3866). В южной стене пом. 12, отделяющей его от пом. 13 и 14, устроена кирпичная «ванна».

В северо-восточном углу пом. 14 устроена овальная печь, стенки которой имеют высоту 40 см. Стенки сильно (до бела) обожжены изнутри.

К северо-востоку от пом. 15 имеется еще ряд комнат – №№ 16-20. Почти во всех них не найдено ни очагов, ни керамических изделий. Только в восточной стене пом. 19 имеется небольшая ниша (60 x 40 см), пол которой

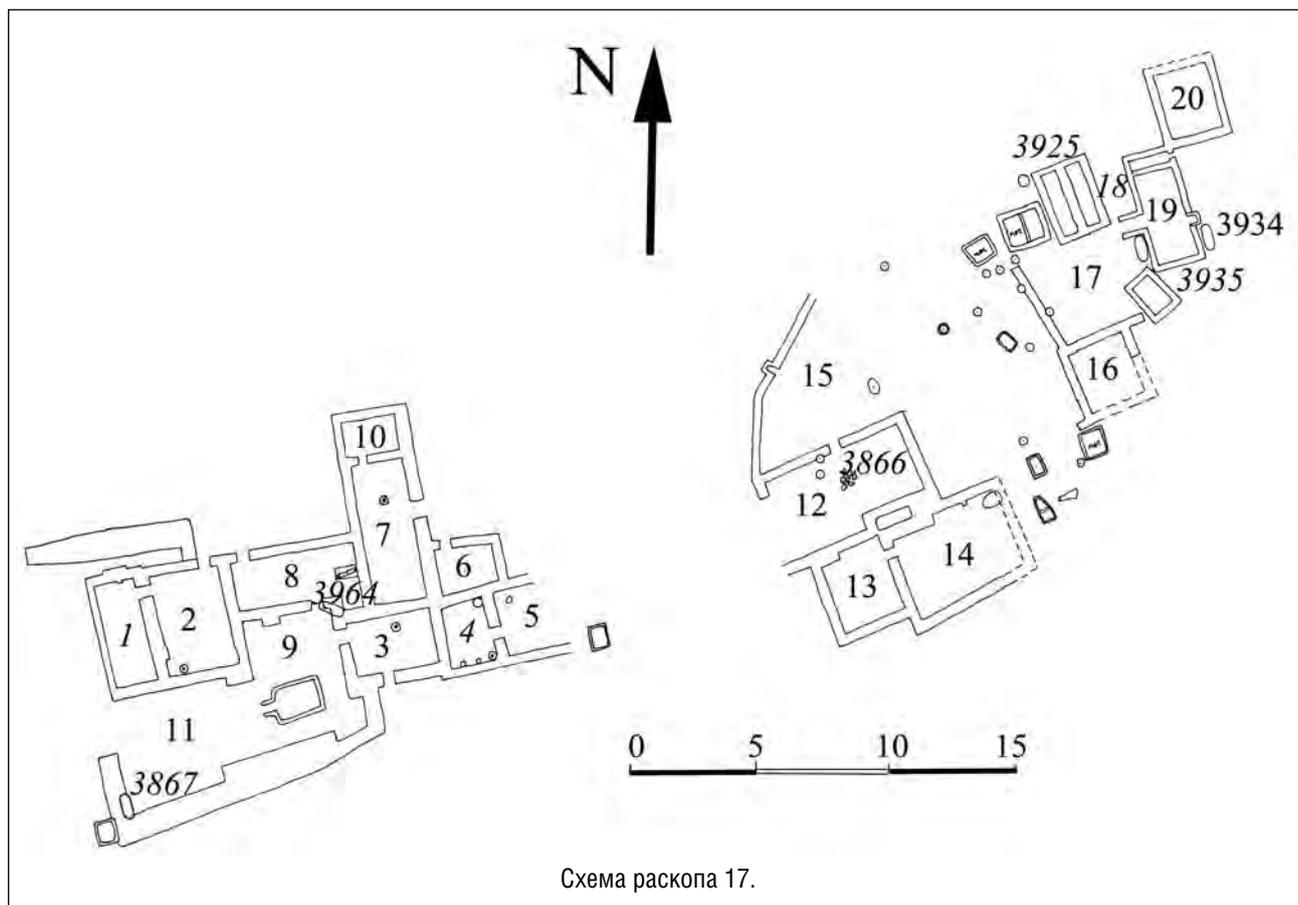

Схема раскопа 17.

слегка обожжен, видимо в результате того, что там стояли длительное время раскаленные предметы (возможно жаровни). Пом. 17 имеет лишь западную стенку и, скорее всего, являлось небольшим двором, отделявшим строение, состоящее из пом. 19-20 от пом. 15. Пом. 20 – самое крайнее с северо-востока. Вход в него, по-видимому, располагался в несохранившейся северной стене. К юго-западному углу этой комнаты пристроено небольшое продолговатое помещение, вход в которое находится с востока. Помещение 19 выстроено к югу от этой небольшой комнатки. Вход в него оформлен небольшим коридором из кирпичных стен, ведущим во двор № 17. Между юго-западным углом пом. 19 и южной стеной пом. 17 устроено погребение человека № 3935 в цисте. Следов разрушения каких-либо стен в этой части построек не имеется, т.е. можно полагать, что это погребение сознательно устраивалось между двумя постройками.

С севера пом. 17 ограничивается печью, разделенной перегородкой на две части, и большим (4 x 2,5 м) сооружением из сырцового кирпича, внутри которого также имеется кирпичная перегородка, разделяющая его на две равные половины. В западной половине устроено погр. человека № 3925. Еще одно погребение в ямной могиле имеется рядом с восточной стенкой пом. 19, ближе к его юго-восточному углу.

Таким образом, центральное место на востоке занимает обширный двор-помещение 15, очаги, подиумы и хумы (всего их в этом помещении 7) на площади которого распределены не случайно, а определенным образом, подчиненным какой-то закономерности. Надо отметить, что ни в одном другом помещении всего комплекса Северного Гонура не было найдено такого большого числа крупных сосудов.

Западный комплекс состоит из 11 помещений. Все стены стоят на мусоре. Пом. 9 и 11 практически не разделяются между собой. Имеются лишь небольшие выступы на южной и северной стенах. Практически всю площадь пом. 9 занимает большая гончарная печь. Южная стена пом. 11 на протяжении 6 м имеет ширину 80 см, затем она утолщается

(возможно, именно с этого места начинается пом. 9) до 130 см и продолжается еще 6 м. Утолщение стены заканчивается на уровне задней стенки гончарной печи. Далее до юго-восточного угла пом. 9 стена имеет толщину 70 см. Характерно, что западная стена пом. 3, находящегося с востока, вдавняется в пом. 9 на 60 см. Между ней и стенкой гончарной печи – 1,5 м. В северо-восточном углу пом. 9 устроен небольшой бытовой очаг (ширина 50, глуб. 60, высота свода – 30 см). Сохранился и его дымоход, который находится неподалеку от входа в пом. 3. Высота порога от уровня материка – 40 см и 25 см от уровня основания стен. Полы всех пом. (9, 11 и 3) находятся на уровне материка. К северу от этого очага устроен проход (ширина 60 см) в пом. 8. Второй вход (ширина также 60 см) в пом. 8 находится в северной его стене, около северо-западного угла. Высота порогов от уровня пола обоих пом. – 40 см.

В 80 см к востоку от юго-западного угла пом. 8 имеется площадка на сохранившемся уровне стены шириной 80 см. Задняя стенка площадки выдается в пом. 9. В западной стене пом. 8 имеется небольшая продолговатая ниша, в которой стоит небольшой керамический сосуд. В середине северной стены пом. 8 на 15 см выше пола вмазана керамическая широкая чаша, которая также, по-видимому, стояла в небольшой нише. В середине восточной стены пом. 8 устроен выступ (130x80, высота над уровнем пола – 50 см), на верхней поверхности которого устроен керамический кобур длиной 120 см. Кобур имеет наклон наружу, в сторону пом. 7. В 1 м к востоку от чаши на северной стене пом. 8 в ту же стену вмазана керамическая тарелка. Можно предполагать, что уровень стен в этой части помещения был небольшим (скорее всего 50 см).

Уровень материка за пределами помещений 3,8,9,11 находится на уровне порогов, т.е. на 40 см выше уровня полов. Пол пом. 7 еще на 20 см ниже (т.е. он заглублен в материк на 60 см). Вход в пом. 7 находится в середине восточной стены. Прямо напротив входа в пом. 7 стоит крупный хум (диам. 50 см, высота сохранившейся части 50 см). Из пом. 7 можно попасть только в пом. 10, расположенное севернее. Юго-восточный угол пом. 7 стоит на черном угольном слое. Проход из

пом. 7 ведет в углубление 7а, которое имеет форму комнаты, но не имеет стен. Проход имеет ширину, значительно большую, чем другие (90 см). Дно углубления находится на уровне пола пом. 7. Углубление 7а с севера на юг достигает 560 см, с запада на восток – 260 см. Из 7а имеется вход в пом. 6 (ширина 60 см). Высота порога 25 см над уровнем пола «углубления» и 15 см – от уровня пола пом. 6. В восточной части пом. 10 около стены устроена кирпичная вымостка (1 ряд кирпичей) на всю ширину комнаты (190 см) и длиной с запада на восток 1 м.

Около середины восточной стены пом. 3 в пол вмазан крупный (диаметр 40 см) хум. По всей видимости, его стенки были обрешены(?) и возвышаются над полом на 15 см. В южной стене пом. 3 (в 120 см к востоку от юго-западного угла) устроена ниша (ширина 60, глубина 30, высота свода 25 см). В 80 см к западу от ниши стена имеет выступ длиной 80 см, шириной 30 см и высотой над уровнем пола 30 см.

К югу от пом. 6 находится пом. 4 и 5, связанные между собой общим проходом. В северо-восточный угол пом. 4 а высоте 55 см вмазан хум (диам. 45 см). Вдоль южной стенки этого помещения имеется возвышение высотой 10 см. В него вмазано 3 керамических тарелки. Расстояние между тарелками по 40 см. На полу между крайней с востока и следующей тарелкой прямо в стене стоит круглый с широким горлом керамический сосуд, украшенный полосами красного цвета. Проход между 4 и 5 пом. находится в восточной стенке пом. 4. Пол этой комнаты на 20 см ниже пола в пом. 3 и на том же уровне, что в пом. 6. Заполнение пом. 6 – черная зола, пом. 5 – серая зола (Л. Сатаевой взяты образцы).

Северо-восточный угол пом. 5 разрушен. Около его юго-восточного угла устроена прямоугольная печь. Уровень пола здесь – как и в пом. 4.

К западу от пом. 8 находится пом. 2, но проходов между ними нет. В пом. 2 можно попасть через проход (шир. 60 см) в северной стене, расположенный рядом с северо-восточным углом. Высота порога – 20 см над уровнем пола. Это на 10 см ниже уровня материка за пределами пом. 1,2,8. Рядом (в 25

см) с юго-западным углом пом. 2 в пол вмазан хум диам. 40 см.

Пом. 1 соединяет с пом. 2 проход около северо-восточного угла пом. 1. Уровень пола в пом. 1 на 20 см ниже пола пом. 2. В 1 м к северу от юго-западного угла пом. 1 в полу устроена яма диам. 1 м и глубиной 50 см.

К северу от пом. 1 и 2 (в 50 см от их северных стен), параллельно им, выстроена очень широкая стена. Она сохранилась на высоту 40 см, имеет длину 880 см и максимальную ширину 140 см. С севера эту широкую стену окаймляет канава (углубление?) шириной 50 см и глубиной 25 см. Канава начинается непосредственно перед входом в пом. 2, идет сначала прямо на север (параллельно восточной боковой части широкой стены), а затем заворачивает на запад. Важно отметить, что северная широкая стена заканчивается на западе почти на том же уровне, что и наружная стена пом. 9 и 11, которая вполне может быть названа южной широкой стеной. Точнее сказать, она заканчивается на уровне внешней стороны прямоугольной печи, устроенной у западного края таковой.

Остается добавить, что в юго-западном углу пом. 11 (т.е. в изгибе южной широкой стены) устроено ямное погребение 3867, а в северо-восточном углу пом. 9 – тоже ямное погр. 3864. Оба погребения – инситные.

Находки в помещениях – крайне малочисленны: в пом. 4 найден фрагмент костяной булавки, белая каменная бочковидная бусина и обломок биконического пряслица из белого камня с красными прожилками. В пом. 3 – только одна бронзовая булавка. В верхнем слое этого комплекса, не привязанном к помещениям, найдены стеатитовая биконическая бусина, маленький амулет-пуговица из красного камня с крестообразной гравировкой, а также печать из белого камня с орнаментом в виде двух волнистых окружностей.

Вышесказанное можно суммировать следующим образом. По всей видимости, первоначальная постройка западного комплекса включала пом. 1,2,8,9,3, к которым с востока примыкали два строения – пом. 6,7,10,7а (с севера) и 4 и 5 (с юга). Все помещения носят хозяйственный характер, о чем свидетельствуют хумы, вмазанные в их полы. Более специфическим представляет обособленно

расположенное пом. 4 (и смежное с ним 5), где имеется небольшое возвышение с тремя вмазанными в него тарелками.

Через некоторый промежуток времени южная и западные стены пом. 9 были разрушены. На этом месте была сооружена большая печь для обжига каких-то изделий. Вряд ли это была типичная керамическая печь, т.к. ни в этом, ни в соседних помещениях не найдено большого числа обломков керамики или бракованных изделий. Правда, надо отметить, что нет ни одной керамической печи, устроенной в поздний период обитания на Гонуре, около которой имелись бы подобные свидетельства активного обжига керамики. Можно предположить поэтому, что гонурцы, несмотря на изобилие керамических печей, вряд ли занимались обжигом изделий в промышленном масштабе. Скорее всего, этот процесс был каким-то образом связан с задачами отправления культов, центром которых являлся Гонур. Не исключено, что здесь (не только на раскопе 17, а и на всей территории Северного Гонура) могли изготавливать/обжигать лишь только определенные виды изделий (возможно, ритуальных) и поэтому керамисты аккуратно убирали все отходы производства.

Вместе с печью для обжига строятся и северная и южная широкие стены. Южная стена как бы окаймляет большой двор перед устьем печи, который, конечно же, необходим для хозяйственных целей – хранения дров, выгрузки готовых изделий и размещения сосудов, приготовленных для обжига. Вполне возможно, что эти широкие стены, имевшие, по-видимому, и большую, чем другие, высоту, ограждали центральную часть комплекса, предназначенного для обжига, от других сооружений. Их толщина могла сохранять высокую температуру около печи и служить достаточной опорой для хранилища большого количества как топлива, так и изделий. Одним из подтверждений тому является тот факт, что ширина южной широкой стены резко увеличивается на уровне расположения задней стенки печи в пом. 9.

Вызывает интерес канава, устроенная вдоль северной широкой стены. Однако ее функции пока остаются неясными. Углубление перед пом. 7 и 6 (пом. 7а) имеет фор-

му помещения и, несмотря на отсутствие ям или следов от опорных столбов, вполне могло быть открытой верандой (айваном), устроенной, как это практикуется до настоящего времени, с восточной стороны постройки.

Несмотря на несохранившиеся части пом. 5, комплекс представляется законченным. Одно из свидетельств этому – два прямоугольных сильно обожженных изнутри очага/печи, фланкирующие его с юго-востока и юго-запада.

Раскоп 18

На протяжении более чем 30 лет раскопок на Северном Гонуре на восточном фасае центрального дворцово-храмового комплекса скапливались большие отвалы земли, образовавшиеся в результате выемки грунта из помещений. Шурфовка территории, находящейся под этими отвалами, которая проводилась в 2006, 2007 и в 2008 гг., показывала наличие небольшого числа сырцовых стен. Но гигантский объем работы даже при наличии мощной техники, который требовался для сдвигения холмов, не позволял провести ни разведочные, ни тем более полноценные раскопки на этой территории. В тоже время, по аналогии с другими фасадами Северного Гонура, были основания предполагать, что и рядом с Храмом Огня, полностью раскопанном и опубликованном уже пару десятилетий назад, могут находиться важные для понимания памятника архитектурные сооружения.

Благодаря бесценной помощи местной администрации, выделившей спец. технику, осенью 2009 г. удалось сдвинуть накопившиеся горы земли далее на восток и провести предварительные раскопки на освободившейся территории. Эти работы дали интересные результаты. Прежде всего были выявлены контуры двух фрагментов монументальной стены, в сильной степени напоминающие обводную стену, которая имеет пилястры с внутренней стороны. Главное отличие этих фрагментов заключается в том, что стена имеет очень большую (до 1,5 м) толщину, тогда как другие части обводной стены весьма тонки (менее 1 м). Немаловажно отметить, что этот фрагмент был выстроен в первый строительный период на Гонуре, т.е. одновремен-

но с Храмом огня и основными постройками Северного Гонура. Как уже было сказано в более ранних публикациях, большая часть обводной стены сооружалась во второй период и нередко перестраивалась, как это имело место, например, на царском некрополе.

Кроме того, одним из центральных объектов на этой территории является круглое сооружение с наружным диаметром 7 м, также имеющее толстые стены. Последующие раскопки показали, что, несмотря на все своеобразие это – еще один большой круглый алтарь, аналогичный тем, которые на Гонуре были раскопаны на западе (раскопы 6 и 14). Работы на этой территории были продолжены в 2010 и в 2011 гг.

Сооружения на этом фазе визуально разделяются на три относительно самостоятельные группы строений: небольшую *северную* (около северо-восточной башни стены каре), *южную*, которая без перерыва переходит в раскоп 9 (его восточную часть), и *центральную*, состоящую из пяти или шести микрокомплексов. Между центром и северными помещениями пока находится отвальная земля. Стены уходят под нее. Важной особенностью центральной части является огромное зольное пятно, которое охватывает большую часть территории (отмечено на схеме пунктиром). В приложении к данному тексту приводится седиментологическое описание Р.М. Сатаева, из которого, в частности, следует, что значительная часть центра восточного фаса первоначально, до застройки могла использоваться в сельскохозяйственных целях и периодически затапливалась водой. Здесь находилось достаточно большое понижение типа бассейна, которое уже с самого начального периода функционирования поселения стало заполняться золой. Вряд ли источниками золы могли быть очаги в помещениях самого раскопа 18, т.к. в помещениях первого периода имеется их крайне малое число. Основная часть очагов и гончарных печей относится не к самому первому, а несколько более позднему периоду, и расположены они в южной части. В Храме огня, как показали раскопки, находились четыре объемных алтаря огня. Белая зола из них хранилась в «хранилищах священной золы», расположенных неподалеку, и раздавалась верующим. Но

восточный бассейн был заполнен черной золой. Не исключено, что черная зола из алтарей после сортировки помещалась именно в этом бассейне.

На всей территории 18 раскопа найдены помещения как первого так и более поздних строительных периодов. В центральной части этого фаса комплекса можно говорить о пяти или (если выделить два круглых алтаря – большой и малый) – шести достаточно самостоятельных комплексах помещений, три из которых находятся между стеной каре и обводной стеной (восточный фрагмент последней был выявлен в результате работ), а два – за пределами обводной стены.

Первый, наиболее сильно перестраивавшийся, комплекс был устроен между двумя башнями каре, к северу от восточного входа в дворцово-храмовый комплекс. От первого строительного периода этого строения сохранилась лишь одна комната (пом. 58а), к южной стене которой примыкает два алтарика, а также фрагменты двух стен на северной окраине этого здания (пом. 25а). От пом. 25а сохранились только три ряда кирпичной кладки, продольная ось которой ориентирована с северо-востока на юго-запад. На запад от северо-западного угла этого помещения отходит стена длиной 2,5 м. Эту первоначальную постройку (стены устроены на глубине 2 рядов кирпичей в материке) перекрывают помещения второго строительного периода (пом. 25-27), расположенный к северу от упомянутого пом. 58. Ни назначение помещений первого периода, ни связь с другими помещениями не устанавливается.

Строение второго периода имеет 9 комнат. Это строение отличает очень толстая (2,5 м) восточная стена пом. 19. Вход в эту комнату ведет из пом. 58, расположенного западнее, также имеющего довольно толстую (1,7 м) северную стену. Вход в пом. 58 снаружи имеется в его западной стене. Он расположен наискосок от прохода в пом. 19. Характерно, что на поверхности восточной и западной стен пом. 58, в их центральных частях имеются компактные выстилки из фрагментов керамики, что позволяет думать, что стены могли являться своеобразным невысоким ограждением, на котором были установлены колонны или столбы. Высота всех стен – 1,25

м. Судя по упомянутым выкладкам керамики, видимо, она и была такой. Т.е., возможно, выше находился только навес, а самих западной и восточной стен не было.

Северная стена пом. 58 также шире других стен, но уже восточной (2,2 м). С юга к этим двум комнатам примыкает также пара помещений (№№ 56, 57), но вход снаружи в них ведет с востока. Далее к югу от них имеется пом. 59, имеющее неправильную форму и вход с западной стороны.

С севера к пом. 19 и 58 пристроено несколько комнат, из которых обращает на себя внимание лишь миниатюрное пом. 60, имеющее площадь всего 4 м² (2х2м). Эта комнатка имеет в своей восточной стене небольшой выступ. Вход в нее ведет с севера из пом. 26, в которое можно было попасть тоже с севера из коридорообразного пом. 25.

Никаких находок, кроме мелких фрагментов керамической посуды, ни в одном из этих помещений не найдено. Обращает на себя внимание полное отсутствие во всех помещениях очагов, как обычных бытовых, так и ритуальных двухкамерных.

Второе и третье здания были выстроены к юго-востоку от описанного комплекса и относятся к разным строительным периодам (дополнительно см. текст Н. Бороффки, участвовавшего в раскопках этих помещений). Более южное сооружение (комплекс «А», по Н. Бороффке) состоит из 12-15 комнат. Вход в него вел или из пом. 14 (с запада) или из пом. 16 (с востока). Основными комнатами являлись пом. 9, 8 и 10 и объединяющий их коридор 7 с двухкамерным очагом в северо-восточной стенке. Что обращает на себя внимание, так это то, что очаг своей самой горячей стенкой, в которой идет дымоход, обращен не вовнутрь, а наружу здания. Это лишний раз подчеркивает, что он имеет явно не бытовое, обогревательное, а ритуальное назначение. Пом. 15, проход в которое имеется как из пом. 14, так и пом. 16 имеет, скорее всего, назначение своеобразных сеней, проходной комнаты, которая ведет в пом. 9. Стены последнего во второй период были обведены еще одним рядом кирпичей, а проход с северной стены перенесен в западную. В западной стене пом. 15 в 1 м от его юго-западного угла имеется небольшая ниша (60х60 см

глубиной 20 см). В центре южной стены этого помещения устроено круглое небольшое возвышение (диам. 1 м).

Около пом. 14. снаружи его западной стены находится строение 17, не имеющее стен, а только обмазку. В западной стене пом. 17 сделан двухкамерный очаг, задняя стенка которого, как и в пом. 7, смотрит не вовнутрь, а наружу помещения. В юго-восточном углу комнаты сделано небольшое прямоугольное возвышение. Из этого строения выход, устроенный в южной стене, ведет в пом. 24, северная стена которого является продолжением южных стен пом. 14 и 15.

Второй проход из пом. 15 ведет в комнату 16, расположенную восточнее. От этого помещения сохранились небольшие фрагменты северной и западной стен, а также двухкамерный очаг в стене, отделяющей его от пом. 15.

Самостоятельный вход имеют комнаты 20, 33 и 29. Не исключено, что стены комнат, первоначально расположенных южнее их и совместных с пом. 16, могли быть разрушены в древности. Но на момент раскопок вход в пом. 33-20 (первоначально это была одна комната, разделенная на две перегородкой во второй период) расположен в южной стене пом. 33. В северной стене пом. 20 имеется сооружение неясного назначения. Непосредственно в северо-западном углу, в северной стене устроена небольшая ниша (ширина 25 см, глубина до 30 см, высота 35 см). Стенки не имеют обожжения, не обмазаны ни снаружи, ни изнутри. Восточная стенка ниши является западной стенкой полукруглого очага, устье которого на 15-20 см углублено в пол помещения. Задняя стенка топки – арочного типа. Стенки обожжены умеренно, дно – не обожжено. Ширина очага - 1,0 м, высота устья – 70 см. За очагом (вне пом. 20) имеется прямоугольная (2,0 х 1,3 м) яма, стенки которой обложены кирпичами (8 рядов). Южная стенка этой своеобразной цисты (никаких следов погребения или хозяйственного использования данной ямы нет) выходит в комнату 20 и упирается сбоку в очаг. Глубина «цисты» – 1,0 м до верха сохранившихся стен, а над полом пом. 20 они возвышаются на 50 см. В это же пом. выходит задняя стенка двухкамерного очага, устье которого об-

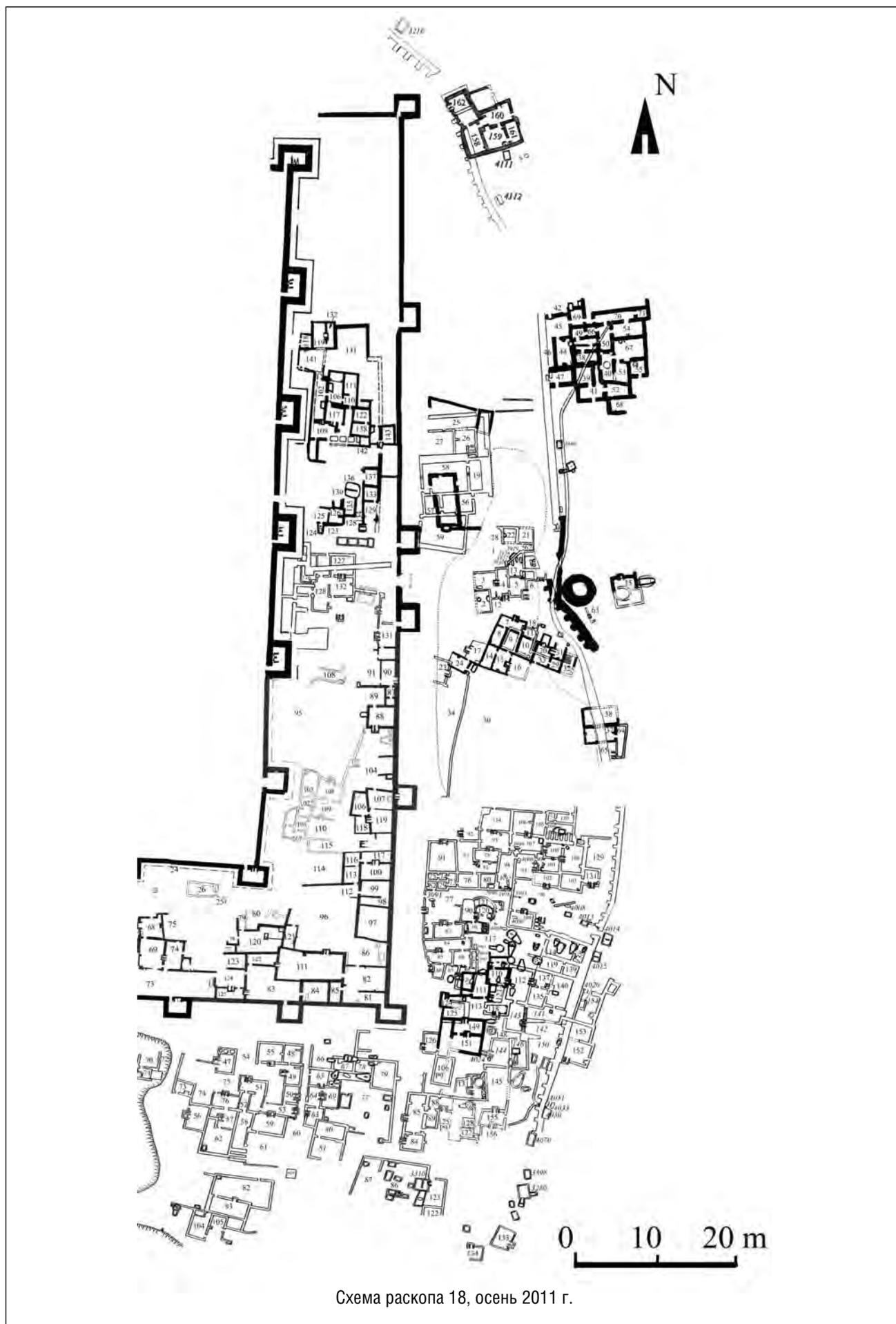

Схема раскопа 18, осень 2011 г.

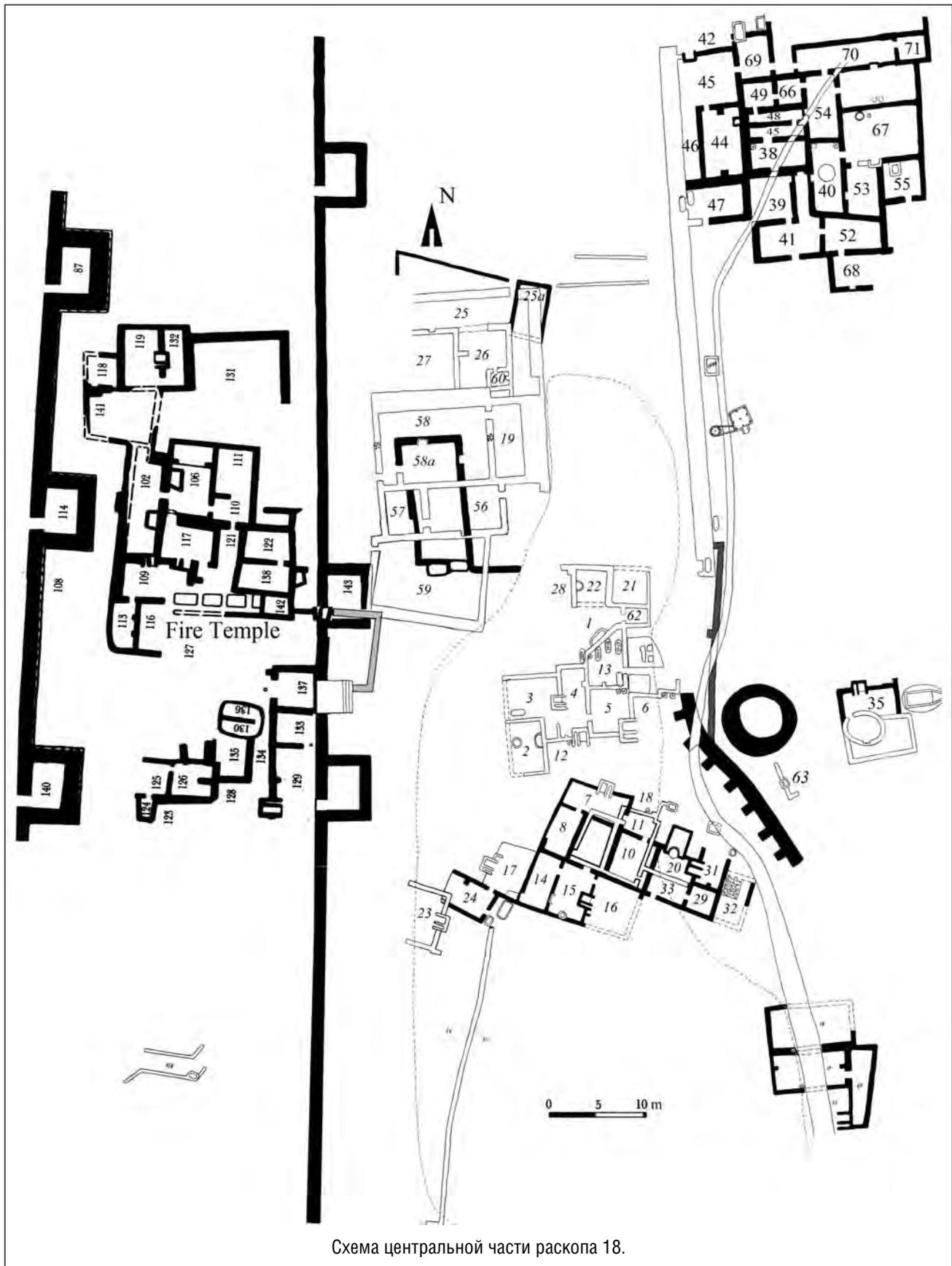

Схема центральной части раскопа 18.

ращено в пом. 31, имевшего вход с северной стороны. С восточной стороны к пом. 29 и 31 примыкает помещение 32, от которого сохранился фрагмент восточной стенки и прямо-

угольное возвышение 2,5 x 2,0 м (высота его 0,8 м), горизонтальная поверхность которого устлана крупными фрагментами керамики. В большинстве своем они относятся к раз-

ным изделиям, поэтому предполагать, что это – скопление хозяйственной посуды, разрушившееся под давлением грунта, вряд ли возможно.

Комплекс «В» по Н. Борофке весь относится ко второму периоду и расположен прямо напротив восточного прохода в стене каре. Он состоит из пом. 1-6, 12, 13, 21, 22, 28 и 62. Пом. 1 представляет собой большой двор, который окружают остальные перечисленные помещения. Из них два (21 и 22) расположены с севера от двора 1. Интересно, что в пом. 22 вход ведет со стороны двора, а в пом. 21 – с наружной, северной стороны. От других помещений эти две комнаты отделяет небольшое пом. 62, которое также открывается во двор. В пом. 3-5 можно попасть с запада, хотя сам проход, как и восточная стена, не сохранился. Все они имеют взаимные проходы. В стене между пом. 3 и 4 имеется двухкамерный ритуальный очаг, открывающийся в пом. 4. В это же помещение тыльной стороной обращен еще один двухкамерный очаг, который топился из предположительного двора (пом. 12). Также двухкамерный очаг устроен в юго-восточном углу пом. 5. Его устье выходит в более восточное пом. 6, т.е. фактически на улицу. Пом. 13, примыкающее с севера к пом. 6, обособленно от других. Вход в него ведет с востока. Важно сказать, что из всех помещений данного комплекса только в нем имеются детские погребения (три внутри, а одно – снаружи, со стороны двора 1). Также показательно, что к восточной стене этой комнаты примыкает большая платформа с устроенным поверх нее крупным двухкамерным очагом. Такой же высоты платформа имеется и слева от прохода.

Северная стенка двора 6 идет с запада на восток и опирается своим углом в тот самый фрагмент широкой обводной стены (общая длина фрагмента – 18,8 м), про который говорилось выше. Это фрагмент отгораживает, как представляется по линии изгиба стены от комплекса А (по Н. Борофке). Чтобы завершить краткую характеристику стен этого фасада, обратим внимание на то, что также в первый период был построен другой ее фрагмент, отходящий от широкой части стены, как раз около большого алтаря. Он имеет ширину всего 60 см, а длину – 17 м и закан-

чивается, упираясь другую широкую длинную стену, но без пилястров, идущую прямо на север (ширина 120 см, выявленная длина – 51 м). Образуется показательная картина: тонкая стена как бы соединяет две широкие стены. Но второй длинный фрагмент стены без пилястров стоит на культурном слое, т.е. он был построен значительно позже первого строительного периода. Были найдены и еще два фрагмента обводной стены, по своим размерам и устройству абсолютно такие же как на других фасадах дворцово-храмового комплекса: один на севере длиной 15 м, около северо-восточной башни стены каре, почти соединившийся с известной ранее частью на раскопе 11; а второй – на юге – длиной 46 м.

Кроме выше упоминавшегося большого круглого алтаря, к востоку от него в небольшое пом. 35, часть стен которого выстроено в первый, а вторая часть – во второй период, вписан небольшой (внутренний диаметр 270 см; сохранившаяся высота стенок 25 см, а толщина – 45 см) круглый алтарь. Он стоит на толстом (более 60 см высотой) культурном слое. Около его восточной стенки имеется небольшой очажок с несильно обожженными стенками. Заполнение алтаря представляет собой своеобразный «многослойный пирог», толщина которого уменьшается к центру алтаря. Этот малый и большой алтари представляют собой еще один (четвертый) строительный комплекс на раскопе 18.

Совсем небольшой микрокомплекс (пятый по счету), представлен еще двумя полуразрушенными помещениями первого периода (№№ 37, 38) и пристроенный к ним во второй период комнатами №№ 64 и 65. Характерной их особенностью является присутствие обычных хозяйственных очагов.

И последний, представляется, самый крупный по площади микрокомплекс (шестой по счету) в центре 18 раскопа – это здание, в центре которого (пом. 40) устроена глубокая яма (диаметр 1,2 м). Пол имеет две обмазки; вторая – на глубине 5 см от верхнего. В соседнем с юга от этого пом. 41 также имеется два пола, но второй – глубже первого на 30 см. Причем более глубокий пол обмазан белой, возможно, гипсовой обмазкой. Около восточной стенки пом. 67 найдено несколько фрагментов лепной керамики от одного раз-

с характерным степным орнаментом. Около северо-западного угла этой же комнаты устроена кирпичная платформа высотой 40 см, в которую вмазаны два крупных хума, а в самом углу сделана ниша (90x100x70 при глубине в полу 20 см) с обожженными стенками.

Всю центральную часть раскопа 18 пересекает арык длиной почти 100 м. В южной своей части, где канал пересекает помещения 37, 38 и 65, он достигает глубины 2 м и ширины 1,5 м. В северной части, канал идет по верхней части сохранившихся стен. Эти факты свидетельствуют о том, что он был сооружен, как и другие арыки на территории Северного Гонура в самый последний период обитания памятника.

Во время осеннего сезона работ были завершены работы на южной части раскопа 18, который плавно сливается с восточной частью раскопа 9. Одной из самых характерных его особенностей является наличие в помещениях большого числа гончарных печей, которые построены ранее стен помещений.

Завершая описание части помещений на восточном фасае дворцово-храмового комплекса Северного Гонура (раскоп 18) необходимо сказать, что среди обнаруженных там всего 70 погребений детям до 13 лет принадлежит 49. Причем большинство могил, где похоронены взрослые, находятся за пределами обводной стены.

На крайнем севере (в непосредственной близости от северовосточной башни стены каре) находится всего несколько помещений, в подавляющем большинстве относящиеся ко второму строительному периоду. Подробное описание работ готовится к изданию. Здесь же имеет смысл подчеркнуть, что на этой части памятника находками, вызвавшими наибольший интерес, стали семь миниатюрных глиняных фигурок, изображающих мужчину, женщину, несколько животных и пару также миниатюрных сосудиков из пом. 161, а также фрагмент ткани от одежды маргушского воина (погр. 4070), по внешнему виду аналогичного тому, который был найден в 2003 г. на некрополе Гонура (погр. 2380)¹. Среди погребальных приношений в этой мо-

гиле, где был похоронен взрослый мужчина, находились две бронзовые пластины с двумя прямоугольными отверстиями – так наз. «лебенки», свидетельствующие о воинском ранге этого человека.

До проведения полного описания строев раскопа 18 сложно делать определенные выводы. Тем не менее, уже сейчас можно сказать, что эта территория в значительной степени отличается от всех других фасаов памятника. Главное ее отличие заключается в том, что здесь крайне мало помещений, в которых устроены двухкамерные ритуальные очаги, зато значительно число гончарных печей. Среди костных остатков животных, по свидетельству Р.М. Сатаева, именно на этом фаса преобладают кухонные отходы, тогда как в других местах встречаются преимущественно такие, которые свидетельствуют о проведении ритуалов.

Гонур 20

Архитекторы В.И. Артемьев и А. Урманова весной 2011 г. продолжали изучение построек на территории гонурского кремля. В 2010 г. ими была опубликована основательная работа о градостроительных особенностях Гонур Депе (Артемьев, Урманова, 2010), где подтверждена мысль В.И. Сариниди о том, что Кремль и Дворец являются частью крупного протогородского образования, бывшего, по-видимому, столицей данного региона, если не всей Маргианы. Отсутствие в раскопках жилых кварталов, а также ремесленного и жилого пригорода, по мнению архитекторов, вполне объяснимо тысячелетиями природных и антропогенных разрушительных воздействий, приведших к полному уничтожению немонументальных сооружений Гонура. Хотя Северный Гонур – храмовый город, где никто не жил, и сюда приходили люди с обширной окружающей территории (о чем неоднократно писал В.И. Сариниди), но кто-то должен был поддерживать жизнедеятельность Кремля. Вероятно Гонур, как столичный город, должен был иметь жилую застройку в округе Кремля. Несложно убедиться, что численность населения в такой застройке должна была составлять 5-15 тыс. жителей, что необходимо для функционирования персонала царского властно-админис-

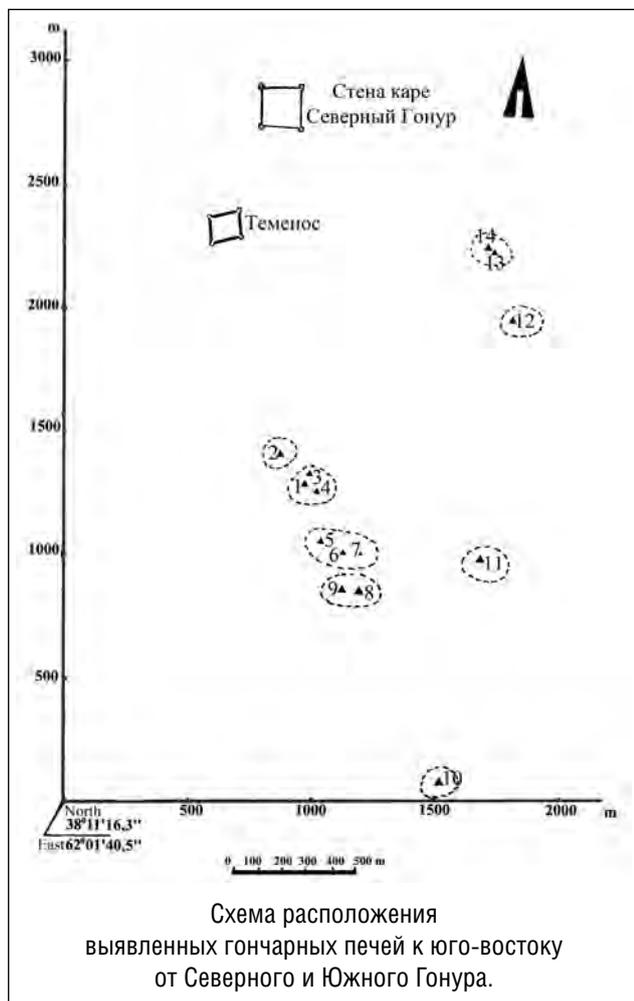
¹ Здесь и далее отсутствующие в тексте иллюстрации см. на цветной вклейке.

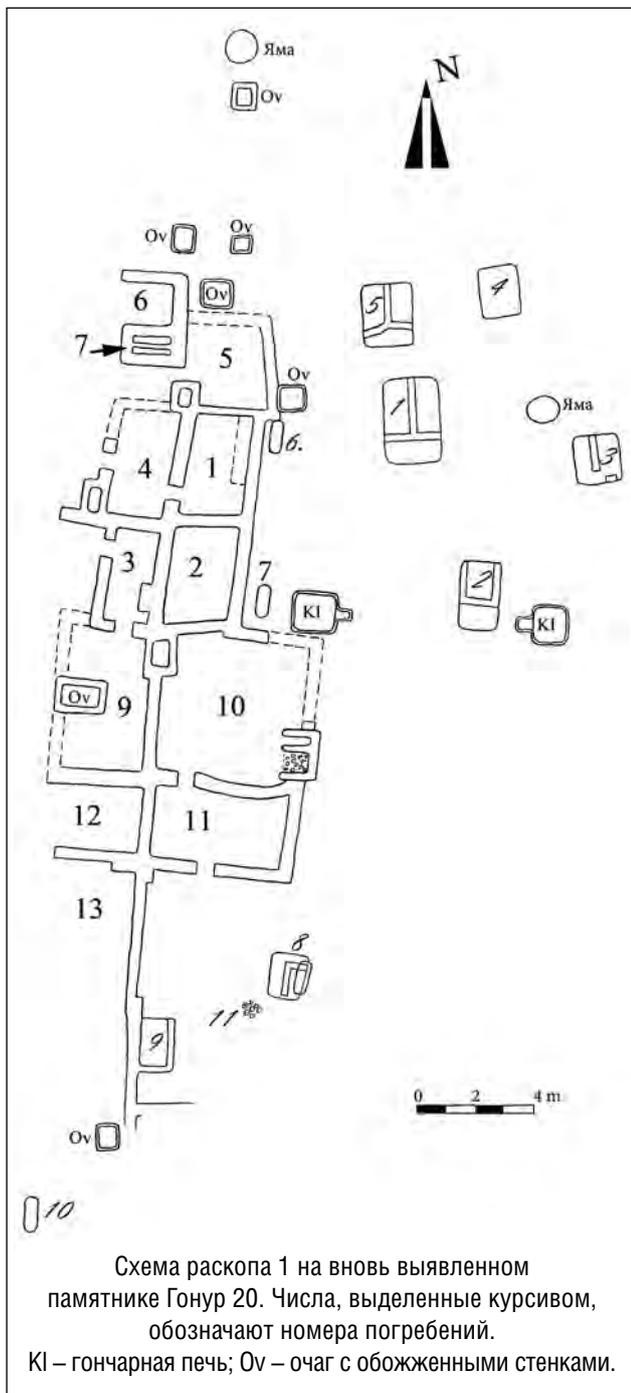
тративного и религиозного аппарата Кремля, который должен был обслуживаться структурой из охранных, храмовых, ремесленных и крестьянских подразделений. Только для бесперебойного снабжения многочисленных ритуальных печей и алтарей храмов Кремля и его округи людские ресурсы могут составить до тысячи человек. Следовательно, должны были существовать поселения в пределах пешеходной доступности центральной части города.

Поискам именно таких поселений и было уделено внимание как в 2010, так и в 2011 г. На север, восток и юг от центрального комплекса Гонур Деде (Северный и Южный Гонуры) было зафиксировано более 20 небольших поселений (невысоких холмов, усыпанных фрагментами битой керамики, относящейся к эпохе бронзы). Так, например, в результате разведочных работ, проведенных Р.М. Сатаевым и В.В. Куфтериним, к юго-востоку от теменоса были выявлены несколько полей скопления обломков керамических сосудов, сконцентрированных вокруг разрушенных

гончарных печей. В плане каждое такое поле имеет форму вытянутого по оси север-юг неправильного овала. Поля располагаются параллельно друг другу. Между ними отмечаются неширокие участки, свободные от развалов керамики. С севера на юг описанные объекты простираются более чем на 1000 м (по самому крупному скоплению), с запада на восток — более чем на 500 м. Первоначально на данной площади выявлены остатки 10 гончарных печей (в том числе 1 круглая), а затем еще 4. У одной из печей (North 38° 11' 58,5"; East 62° 02' 8,6") был заложен шурф, пройденный на глубину 90 см. Поверхностный слой, содержащий фрагменты керамики и древесный уголь, имеет мощность около 10 см и подстилается сильно уплотненным лессовидным суглинком (такыр). В основании разреза на глубине 80 см, вскрыт слой плотного светло-коричневого суглинка, образовавшегося в условиях повышенной увлажненности (вероятно речная пойма). В целом, учитывая характер археологических объектов (гончарные печи), маломощность культурного слоя, приближенность к источнику воды (русло одного из рукавов Мургаба, вероятнее всего, проходило южнее описанного объекта), можно предположить, что данный памятник, получивший название Гонур 20, или хотя бы какая-то его часть, является своеобразной промышленной зоной Северного Гонура, функционировавшей в поздний период его существования (согласно преобладающему типу керамики).

Начаты раскопки двух таких скоплений керамики вокруг гончарных печей на Гонуре 20 (координаты North 38° 12' 02"; East 62° 02' 15"). Здесь было заложено два раскопа: Раскоп 1 включает территорию вокруг печей, обозначенных на рис. 5 цифрами 1, 3, 4 а раскоп 2 — удаленную от него на 100-150 м территорию с печью № 2. Выявленная архитектура, по мнению В.И. Сарияниди, Н.А. Дубовой и Н. Бороффки (Германия), производит впечатление поселений, основанных оседающими на землю скотоводами. В каждом из них раскопано несколько жилых домов, крупных гончарных печей рядом с ними, интереснейшие следы от навесов, некогда устроенных над площадками, где проводись пока не известные нам ритуалы. На раскопе

1 раскопано две гончарные печи (К1 на рис. 5). Около одной из них найдено погребений мужчины 40-45 лет (№ 2). Вторая печь устроена около северо-восточного угла пом. 10. В противоположном, юго-восточном углу которой устроен двухкамерный ритуальный очаг – единственный на всем раскопе.

Всего на этом раскопе выявлено 12 помещений (пространство, отмеченное на рисунке № 13, видимо, помещением не являлось), вытянутых в направлении с севера на юг и располагающихся на запад и восток от одной длинной стены. Важно подчеркнуть, что как с

северного, так и с южного конца этой стены устроены одинакового размера (80 x 80 см) прямоугольные очажки. Интересно пом. 7, представляющее собой две небольшие узкие комнаты типа «келий». В середине южной стены почти квадратного (3,0 на 2,6 м) пом. 5 и между пом. 9 и 10 сделаны прямоугольные емкости. Их пол и стены имеют аккуратную глиняную обмазку. Размер емкости в пом. 5 80 x 80 см, глубиной 30 см, а между пом. 9 и 10 при той же глубине – 100 x 70 см. В северной стенке последней емкости сделан вертикальный валик, частично укрепленный фрагментами керамики шириной 15 см. Обе конструкции похожи на небольшие очажки, но обожжение отсутствует как на стенках, так и на полу. Снаружи у юго-западного угла пом. 4 имеется еще одно подобное сооружение 100 x 50 см со слабообожженными стенками. Важно отметить, что в этой же комнате, на ее западной стенке, ближе к северо-западному углу и на близлежащем пространстве найдены фрагменты одного лепного сосуда с характерным степным орнаментом. Южную стенку пом. 6 образует своеобразное пом. 7, состоящее из двух узких, длинных «келий», назначение которых до сих пор неизвестно.

На территории раскопа 1 найдено 10 погребений и одно небольшое скопление керамических изделий, состоящее из трех банковидных сосудов и одного широкого с широким горлом с узким донцем (№ 11). Из этих 10 могил три (№№ 1, 3, 5 и 6) принадлежат баранам. Все они совершены в цистах (№№ 5 и 6 – двухкамерные с дополнительной «прихожей» перед ними). В каждом из них похоронено по одному животному. Интересна еще одна закономерность: все погребения мужчин (№№ 2, 8 и 9) совершены в цистах, погребения женщин (№№ 6 и 10) – в подбойных, а двух детей (№ 7) – в обычной ямной могиле.

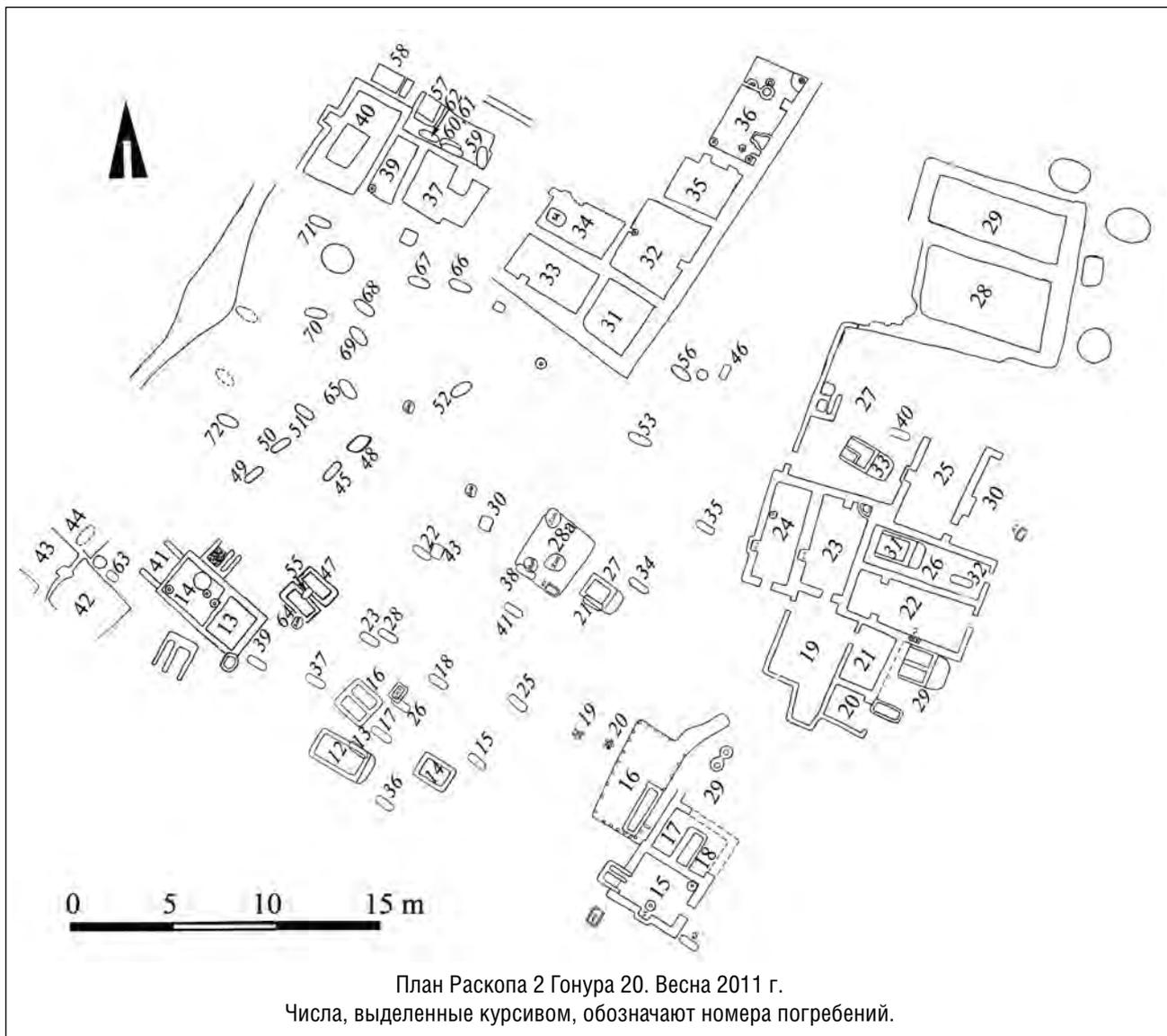
Раскоп 2 имеет более сложную архитектуру, которая пока до конца еще не раскопана. В связи с этим обстоятельством здесь его описание не приводится. Имеет смысл только подчеркнуть, что это поселение выделяет наличие полуземлянок (напр., пом. 28а) с хозяйственными ямами внутри них, а также интересного «навеса», сооруженного над углубленной на 30 см территорией (пом. 16). Последние из упомянутых помещений

(6,0 x 3,5 м), продольная ось которого ориентирована с запада на восток, имеет вход, оформленный в виде пандуса с юго-западной стороны (длина его 3 м). Пандус имеет неправильную форму: снаружи его ширина 80 см, внутри помещения – 90 см, а в середине, расширяясь, она доходит до 100 см.

Пол помещения углубляется к центру. По периметру стен помещения сохранились лунки (диаметр 20-25 см) от столбов, на которых, по всей видимости, держался навес. Глубина лунок - 30 см, расстояние между ними варьирует от 30 до 60 см. В восточной стене имеется четыре таких лунки, в западной – пять, в северной – девять. В 80-100 см от южной стенки помещения, отделяющего его от пом. 17, из сырцовых кирпичей устроена «ванна» (180 x 90 см, глубина 50 см), на момент раскопок заполненная золой, смешанной с землей, небольшим количеством углей разного раз-

мера и несколькими костями животных. За «ванной», около юго-западного угла устроено три лунки под основания столбов, и между ее восточной частью и пандусом – еще четыре. Между «ванной» и южной стеной помещения сразу за тремя лунками в юго-западном углу сделана яма (100 x 80 см глубиной до 50 см), заполненная почти чистой серой золой с углями. Стенки и ванны, и этой ямы обожжения не имеют, т.е. зола, полученная в другом месте, загрузалась в них уже остывшей.

К настоящему времени на Раскопе 2 было найдено 54 погребения: 19 принадлежат детям (в 12 были погребены дети до 6 лет, в 5 – от 7 до 10 лет; в 2 – 14-15 лет); 33 взрослым (16 женских; 14 мужских; в 3 пол определить не удалось); 2 – баранам (в погр. № 29 были похоронены два барана, а в погр. № 33 к «основному захоронению» барана было прихоронено еще два таких животных). Кроме

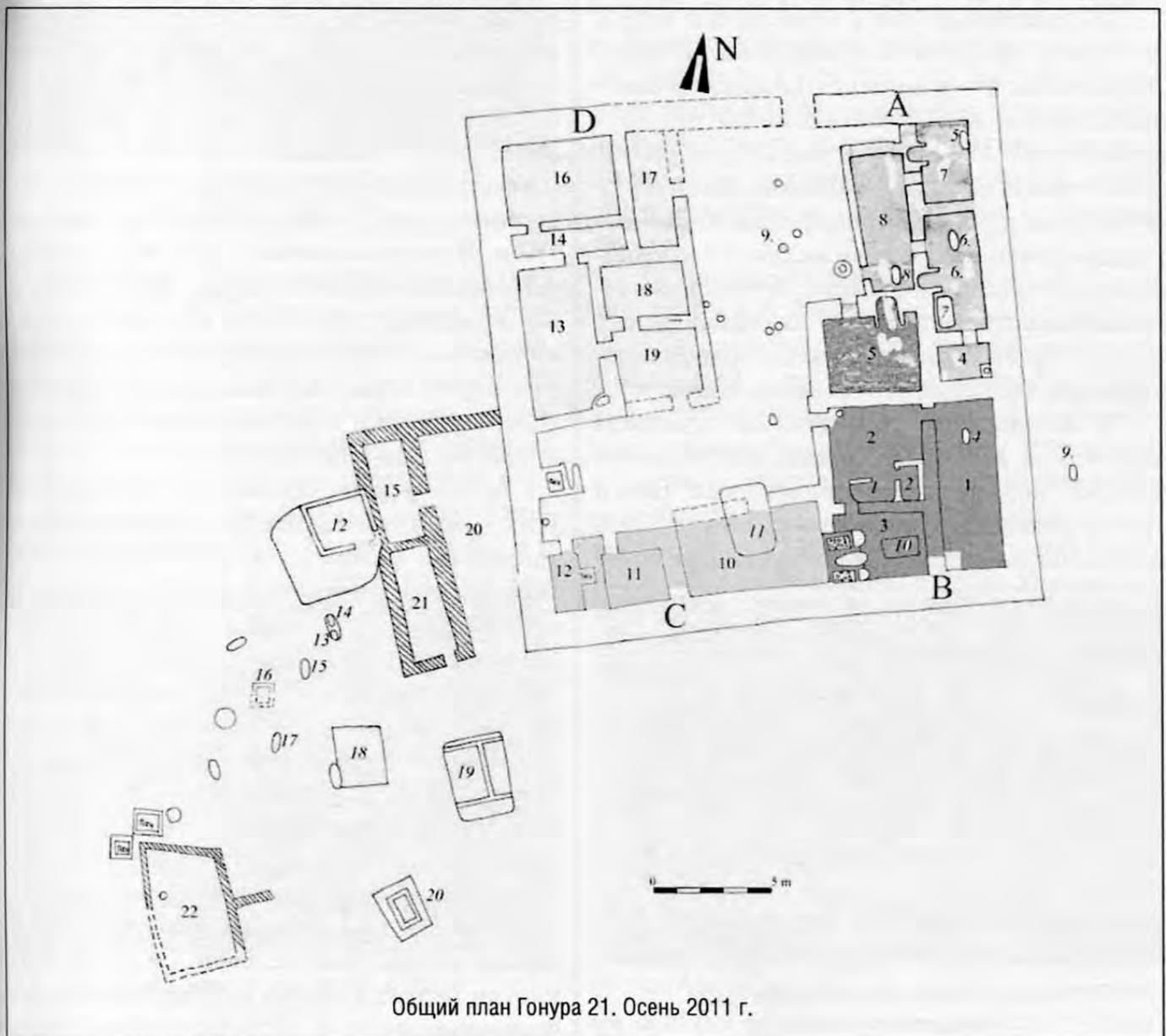
того, было найдено 2 кенотафа-поминальни-ка (№№ 19 и 20) и 1 ритуальная лунка с обож-женными костями (№ 43). После завершения раскопок на раскопе 2, будет опубликовано подробное описание комплекса.

Гонур 21

В 3 км к югу от Северного и Южного Го-нура были начаты раскопки еще одного не-большого поселения, названного Гонур 21 (координаты North 38° 11' 20"; East 62° 02' 44"). Работы на нем проходили весной и осе-нью 2011 г. Работами на этом объекте руково-дил молодой археолог из заповедника «Древ-ний Мерв» М. Джуманазаров. Центральным сооружением памятника является почти квадратное поселение со сторонами 25-26 м, обнесенное толстой (1,5 м) стеной без башен. Оно имеет один вход/въезд с севера такой же ширины как и стена. Судя по взаимным про-

ходам в помещения, можно выделить четыре комплекса, расположенные по всем углам поселения вокруг большого двора (на рис.?? – пом. 9). Комплексы В и С состоят из трех помещений каждый (комплекс В – из поме-щений №№ 1-3; комплекс С – из пом. №№ 10-12); комплекс Д – из шести комнат (№№ 13, 14, 16-19) помещений 4-8, и наконец, комплекс А – из пяти (№№ 4 – 8). На посе-лении имеется один двухкамерный ритуаль-ный очаг, устроенный около западной стены двора 9. В пом. 3 комплекса В найден трехка-мерный очаг, имеющий одну топку и две ду-ховки, устроенный по бокам от нее. Обычные очаги имеются только в комплексе А (пом. 6 и 7). Только в пом. 12 комплекса С имеется небольшая ниша с обожженными стенками.

Еще одна проявившаяся важная законо-мерность: под полами комнат комплексов А и В обнаружено несколько погребений взрослых.

В пом. 1 и 7 находились погребения в подбоях (№№ 4 и 5), в каждом из пом. 6 и 2 устроено по два погребения в цистах. Но наиболее интересны две могилы – № 8 в пом. 8 и № 10 в пом. 3. Для устройства каждого были вырыты ямы, стенки которых обмазаны сначала толстым слоем (до 2 см) глиняной обмазки, а потом таким же слоем белого (гипсового?) раствора, создававших изолирующую прослойку. Как уже не раз подчеркивалось, маргушцы разными способами стремились предохранить «чистую стихию» земли от осквернения ее разлагающимися остатками мертвой плоти. Это делалось и с помощью устройства насыпей под телом умершего из песка, золы, кладкой ряда кирпичей в виде специального ложа, на которое тело укладывалось, обмазывания пола могильной ямы толстым слоем глины и иногда гипса. Но такого рода гипсовая обмазка встречена впервые на памятнике страны Маргуш.

Показательно, что в комплексах С и Д ни одного погребения обнаружено не было. Лишь в пом. 10 (комплекс С) сооружен большой котлован (№ 11: 360 x 130/208 при глубине 240 см). Яма ориентирована продольной осью с севера на юг. В заполнении на глубине 50-85 см от края ямы обнаружены многочисленные фрагменты костей мелкого и крупного рогатого скота и керамики. В северной части ямы находится не менее 13 керамических сосудов разных форм, среди которых найдены также кости мелкого рогатого скота.

В нетронутых грабителями мужском погребении № 7 (пом. 6) найдены не очень богатые погребальные приношения (всего три простеньких керамических сосуда, одна маленькая цилиндрическая бусина из сине-

го камня и подвеска в виде кольца из белого камня), но на груди погребенного находилось деревянное нагрудное украшение, инкрустированное зубчатыми полосками из кости.

Не менее показательные находки были сделаны за пределами основного «замка» на юго-западе. Всего в нескольких метрах от юго-западного угла стены «замка» располагается небольшое кладбище, состоящее всего из 11 могил. Несмотря на то, что все они ограблены в древности, своим обрядом выделяются два погребения: № 12 и № 19. В обоих могилах присутствуют останки баранов. Причем следует обратить внимание, что ни один, ни второй захороненные бараны не потревожены. Грабители жестоко вычистили все приношения, но не тронули сами останки животных. Особо выделяется могила 12, для устройства которой был вырыт котлован 4 x 4 м. От северной стенки в 1,8 м от северо-западного угла отходит стенка, сложенная 1 рядом кирпичей плашмя длиной 2,5 м и высотой 90 см. Перпендикулярно ей в центре котлована устроена вторая стена длиной 1,75 м, в результате чего обособляется небольшая «комната» 2,7 x 2,5 м в северо-восточной части могилы. Ее стенки не замыкаются, а оставляют проход шириной 70 см. В северо-восточном углу этой комнаты устроена своеобразная «суфа» высотой 20 см и с размерами 140 x 60 см. В заполнении этой «комнаты» присутствуют многочисленные фрагменты керамики, мелкие кости мелкого рогатого скота и незначительные фрагменты костей минимум двух детей.

За пределами «комнаты» юго-западном углу «двора» на правом боку головой на восток лежала молодая телка. По определению Р.М. Сатаева, ее высота в холке, измеренная по скелету (без учета мягких тканей), составила 90 см. Это указывает, что рост животного во взрослом состоянии был бы не менее 130 см. Для коров позднего бронзового века такие размеры являются достаточно крупными. Скелет сохранился в полном анатомическом порядке. В северо-восточной части «двора» также на правом боку, но головой на северо-запад лежало еще одно животное – баран. В этой могиле находилось не менее 33 керамических сосудов разных форм. Около грудной клетки барана у стены находилась крупная бронзовая вилка с загнутым зубом (длина

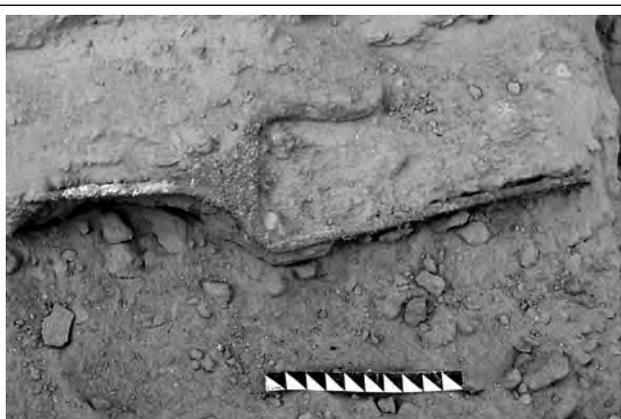
Общий вид погр. 12 на Гонуре 21.
Вид с северо-запада.

Костяки телки и барана во «дворе» погр. 12 на Гонуре 21. Вид с юга.

28,5 см). Рядом с керамическими сосудами найден согнутый бронзовый нож, а также фрагмент позвоночника барана (видимо, погребальная пища). Общее впечатление от этого погребения сильно напоминает в упрощенном виде царские гробницы, устроенные в виде «домов» с «дворами» перед ними.

Второе погребение барана (№ 19) более простое. В котловане 4,3 x 2,7 м и глубиной 1,4 м

Бронзовая «вилка» во «дворе» погр. 12 на Гонуре 21.

устроена двухкамерная циста с небольшой прихожей с южной стороны. Костяк барана лежит на правом боку головой на север на возвышении из двух рядов сырцовых кирпичей (130 x 70 см). По всей видимости, туша барана была обмазана белым раствором (гипс?), сохранившим волокнистую структуру. Образец материала взят для проведения анализа.

Все раскопанные комплексы, как на центральной части Гонура, так и на вновь открытых небольших поселениях Гонурского оазиса были нанесены на топографический план в 2010 г. топографом К. Шадурдыевым, а в 2011 г. архитектором М. Амановым.

Еще раз повторим, что подробная публикация материалов готовится.

Работы на Гонуре в 2011 г.

В 2011 г. продолжали работу на Гонуре палеоэкологи: археозоолог Р.М. Сатаев и археоботаник Л.В. Сатаева. Кроме текущего изучения остатков древней фауны и флоры, им удалось описать, как были устроены межэтажные перекрытия над обводным коридором стены гонурского кремля. Первые результаты изучения растительных остатков приведены в Приложении к данному тексту.

Антропологами Н.А. Дубовой, А.И. Нечвалодой и В.В. Куфтериним было продолжено изучение антропологии древних гонурцев. Проводился комплексный антропологический анализ скелетных останков, реставрация палеоантропологического материала, а также описание, разбор и фотофиксация погребений (всего 163 погребальных сооружения, из них 124 на разных раскопах Гонур Деде, 18 – на Гонуре 20 и 21 на Гонуре 21). Комплексный палеоантропологический анализ, наряду с традиционными процедурами (определение пола и возраста, классическая кранио- и остеометрия) включал исследование краниоскопических особенностей (ДВП), оценку развития рельефа длинных костей и мускуло-скелетных маркеров стресса (МСМ), а также расширенную диагностику патологических состояний. Было проведено обследование, описание, разбор и реставрация скелетных останков из раскопок как 2010 и 2011 гг. В общей сложности удалось исследовать 93 образца различной сохранности и комп-

лектности из 56 погребений в руинах дворцово-храмового комплекса, 18 погребений на объекте Гонур 20 и 7 погребений на объекте Гонур 21. При комплексном обследовании скелетных останков особое внимание уделялось материалу из детско-подростковых погребений. Анализ детских и подростковых скелетов включал диагностику возраста, морфометрию, рассмотрение маркеров стресса и патологических состояний. Продолжена работа по составлению сводной шкалы для определения возраста по продольным параметрам диафизов длинных костей, а также обобщению данных посткраниальной морфометрии с целью изучения динамики процессов роста и развития в гонурской популяции. Как и в предыдущие сезоны работ проводился отбор одонтологического и фрагментов остеологического материала для изучения в камеральных условиях.

Подтверждено в целом благополучное состояние здоровья населения, но были выявлены и новые интересные случаи различных заболеваний костной системы. К важным антропологическим находкам надо отнести находку так называемого «кефалотафного захоронения» (см. соответствующую статью в данном сборнике) в своеобразном пом. 300 на раскопе 10 (северо-западная часть памятника в пределах обводной стены) Северного Гонура. Интересные палеопатологические образцы, а также краниологический материал удовлетворительной сохранности подготовлены для передачи на хранение в Отдел антропологии Института истории АН Туркменистана (г. Ашхабад). Часть материала оставлена в полевом хранилище экспедиции, остальные скелетные останки, после проведения экспертизы, перезахоронены.

Весенний сезон 2011 г. принес и новые открытия на территории царского некрополя. В его восточной и юго-восточных частях были обнаружены скопления погребений разных животных, большинство из которых составляют собаки. Первая информация об этих захоронениях приведена в данном сборнике в статье Н.А. Дубовой, посвященной животным. Представляется, что устройство подобных могил на окраине именно царского некрополя весьма показательно. Собаки похоронены не обычным образом, а, видимо,

с соблюдением каких-то ритуалов. В одних могилах присутствует одна собака, в других – три щенка, в третьи, кроме костяков собак, уложены фрагменты черепов свиньи, крупного и мелкого рогатого скота. Породы захороненных собак также различаются. С одной стороны, это свидетельствует о том, что в гонурском обществе проводилась определенная селекция собак. С другой, видимо, ритуалы, бытовавшие в Маргиане, подразумевали качественные различия между разными породами собак. Если принять ту точку зрения, что по представлениям многих народов, собаки являются посредниками между миром живых и мертвых, помещение разных собак в могилы, соседствующие с царскими гробницами, может говорить о том, что разные функции связи с потусторонним миром выполняли животные, имеющие разные черты. Кроме собственно собачьих погребений, особое внимание обращает на себя устройство в каждом из выявленных трех скоплений пустых, тщательно изнутри обмазанных могил, а также разная их глубина при почти одинаковом диаметре.

Данное краткое сообщение, понятно, не претендует на какой-либо анализ большинства полученных данных, т.к. требуется всестороннее изучение материалов. В качестве информации необходимо к сказанному добавить, что именно в 2011 г. было начато подробное, комплексное обследование и изучение фрагментов мозаик и рельефного декора из царского некрополя Гонура, хранящихся в Музее изобразительных искусств г. Ашхабада. Первые этапы работ освещены в статьях Н.А. Ковалевой, Г.Э. Вересоцкой и Т.А. Шапошниковой в данном сборнике. Предполагается продолжение начатых работ с целью доведения мозаики до создания экспозиционного состояния, а также завершения изучения способов изготовления, монтажа и сборки настенных мозаик Гонура.

Продолжая создание экспозиции на сохраненных, благодаря помощи местной администрации, уникальных погребениях царского некрополя Гонура, А.И. Нечвалодой был изготовлен и помещен на место оригинала в котлован 3900 муляж огромного бронзового котла. Сосуд круглодонный; наибольший диаметр составляет 100 см, высота 91 см.

Прорабатываются возможности и способы муляжирования костных останков животных из ритуального погребения на юго-западе Гонура. Муляж сосуда был помещен в воссозданный, музеефицированный археологический контекст на территории исследуемого памятника Гонур-депе.

Была также продолжена работа по реконструкции внешнего облика жителей Гонура. Поскольку в полевых условиях отсутствуют условия для создания скульптурных портретов, А.И. Нечвалодой изготовлены копии с нескольких черепов, которые служат краниологической основой для работы над реконструкцией физического облика. В соответствующей статье в данном сборнике представлен один из этапов такой работы.

В заключение необходимо сказать, что кроме уже ставших традиционными работами в рамках Маргианской экспедиции в 2010 г. в ее составе работала ландшафтная группа в составе ведущего научного сотрудника кафедры физической географии и ландшафтоведения географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, доктора географических наук В.Н. Калущкова

и аспиранта той же кафедры А.И. Глухова. Группа проводила первичные ландшафтные исследования территории древнего землепользования, расположенной в нижней части древней дельты реки Мургаб (в районе археологического комплекса Гонур-Депе). Была выполнена ландшафтная рекогносцировка местности в окрестностях Гонур-Депе, осуществлено крупномасштабное ландшафтное картографирование ближайших окрестностей памятника, проведено исследование современного хозяйственного освоения местности с учетом возможных негативных последствий в отношении памятника. Определялось влияние на окружающие геосистемы самих археологических раскопок, а также процессов горнотехнической и биологической рекультивации археологических отвалов. Были выявлены важные для ландшафтных исследований топонимы-индикаторы и топонимические системы. Проведенные работы позволили получить достаточно полное представление об эволюции социокультурной и природной среды Южного Туркменистана за последние четыре тысячи лет.

Общий вид на раскоп 17 с востока.

Раскоп 17.
Вид с запада на пом. 11, 1 и 2.

Раскоп 17.
Вид на пом. 15 со стороны пом. 17.

Раскоп 17.
Вид на пом 15 с юго-запада.

Раскоп 17.
Погр. 3867 в процессе расчистки.

Раскоп 17.
Скопление керамических изделий 3866 в пом. 12.

Вид на северную часть раскопа 18. Весна 2011 г.
Хорошо виден поздний арык, перекрывающий
сверху стены помещений. Фото К. Самурского.

Вид на раскоп 18 с юго-востока. Весна 2011 г.
На заднем плане хорошо виден
фрагмент обводной стены. Фото К. Самурского.

Раскоп 18. Начало раскопок весной 2010 г. Аэрофото Г. Давтяна (Франция).
Справа хорошо видны два круглых алтаря.

Раскоп 18. Бытовые очаги в пом. 37 и 38.
Вид с востока.

Керамическая ваза из погр. 4140
на раскопе 18.

Раскоп 18. Вид с юго-запада на большой круглый алтарь.
На первом плане Н. Бороффка (слева) и М. Джуманазаров.

Керамические изделия из пом. 116
на раскопе 18.

Керамический сосуд из пом. 127
на раскопе 18.

Глиняные фигурки из пом. 161
раскопа 18.

Керамический культовый сосуд из пом. 147
на раскопе 18.

Погребение 4070 на раскопе 18.

Керамические сосуды из разных помещений
на раскопе 18.

В.И. Сарияниди (справа), В.И. Артемьев
и М.Ы. Беглиев на территории «комплекса келий»
в кремле Северного Гонура. Апрель 2011 г.
Фото А. Урмановой.

Фрагменты лепного сосуда из пом. 67 на раскопе 18.

Вид на пом. 7 на раскопе 1 Гонура 20
с востока.

Общий вид пом. 28а на раскопе 2 Гонура 20.
Вид с юга.

Общий вид пом. 4 на Раскопе 1 Гонура 20.
Вид с севера.

Общий вид пом. 16 на раскопе 2 Гонура 20.
Вид с северо-востока.

Керамические фрагменты из пом. 4
Раскопа 1 Гонура 20.

Общий вид пом. 16 на раскопе 2 Гонура 20.
Вид с юго-запада.

Гонур 20. Керамические изделия
из погр. 40.

Гонур 20.
Керамические изделия из погр. 37.

Погр. 10 в пом. 3 Гонура 21.
Хорошо видна толстая обмазка стен ямы.

Гонур 20.
Керамические изделия из погр. 4.

Гонур 21.
Керамические изделия из погр. 12.

Общий вид погр. 7 в пом. 6
Гонура 21.

Гонур 21.
Керамические изделия из погр. 12.

Остатки деревянного украшения
с фигурными вставками из кости на груди погребенного
в погр. 6 (пом. 6 Гонура 21).

Гонур 21.
Керамические изделия из погр. 13.

Октябрь 2010 г. К. Шадурдыев за работой.
Фото А. Юминова.

М. Джуманазаров на расчистке
погребений собак на окраине царского некрополя Гонура.
Сентябрь 2011 г. Фото В. Куфтерина.

Р.М. Сагаев на расчистке
царской гробницы 3915 осенью 2009 г.

Слева направо А.И. Нечвалода,
О.С. Сапармаммедова, В.В. Куфтерин на расчистке
рядового погребения, май 2010 г.

Апрель 2011 г. В. Куфтерин проводит
камеральную обработку костного материала.

Этапы муляжирования бронзового сосуда
из погребения 3900 З:

а) создание каркаса из картона и начало моделирования сосуда; б) моделирование формы сосуда с помощью штукатурной массы; в) результат моделирования – копия-муляж сосуда из штукатурной массы; муляж тонирован под бронзу.

Слева направо: Н.А. Ковалева, Г.Э. Вересоцкая, Т.А. Шапошникова, В.И. Артемьев и А.М. Урманова на Северном Гонуре в апреле 2011 г.

Реставратор из Французской археологической миссии в Туркменистане Эстелла Оттенвельтер и реставратор Заповедника «Древний Мерв» Мухаммед Беглиев (сразу за котлом) обсуждают процесс консервации оригинала бронзового котла из погр. 3900. Справа – друг экспедиции Петр Сербов.

Транспортировка муляжа бронзового котла к месту экспонирования.

Октябрь 2010 г. А. Юминов изучает петрофонд Гонура.

А.И. Нечвалода дает интервью на Гонуре туркменскому телеканалу «Мирас»

Май 2011 г. В.И. Сарияниди, Н.А. Дубова, К.С. Самурский и М.Ы. Беглиев с работниками Марыйского музея.

Участники Маргианской археологической экспедиции, май 2010 г.
Фото А. И. Нечвалоды.

Седиментологические исследования осадочных отложений в пределах раскопа 18

Седиментологические исследования, смыкаясь с археозоологическими и ботаническими, были направлены на 1) выяснение особенностей формирования культурных горизонтов; 2) уточнение стратиграфии культурных отложений. Были исследованы разрезы, вскрытые в пределах 18 раскопа в шурфе на площади распространения зольно-угольных отложений, в стратиграфическом шурфе, в заполнении малого алтаря.

Особый интерес представляют результаты изучения разреза, вскрытого шурфом на раскопе 18 в центре площади зольно-угольных отложений (мощность отложений, вскрытых в шурфе составила 270 см). Полученные данные позволяют реконструировать особенности накопления культурных наслоений на данном участке памятника. В основании разреза на желтовато-буром тонкозернистом (алевритистом) материковом песке лежит маломощный слой светло-коричневой супесчаной глины с детритами марганца и следами ожелезнения, включающий мелкие фрагменты угля и керамики (мощность 4 см), который перекрывается желтовато-бурым тонкозернистым значительно ожелезненным песком с включениями мелких углей и керамики (10 см). На нем залегает горизонт светло-серой плотной глины с призматической отдельностью (6 см) (кости КРС, овцы, осла), перекрываемый зеленоватым тонкозернистым песком с линзами плотной серой глины (с растительным детритом) и включающим фрагменты углей, костей (КРС, свинья) и керамики (40 см). Выше лежит слой плотного светло-коричневого алевритистого суглинка (26 см), перекрываемый зольным слоем с включениями костей, углей, керамики (30 см), поверх которого залегает про-

слойка мелкодисперсной угольной крошки (3 см), перекрываемая коричневатым тонкозернистым песком (9 см). Выше отмечается слой золы с включениями мелких древесных углей, обожженной глины, фрагментов керамики (мощность 10 см), поверх которого залегает горизонт мелкодисперсной угольной крошки, с редкими, мелкими фрагментами керамики (16 см). Его покрывает линза светло-серой золы (4 см), поверх которого лежит серовато-коричневый лессовидный суглинок, а на нем угольный горизонт (9 см). Выше залегает рыхлый серовато-коричневый тонкозернистый песок, содержащий значительную примесь углей, включения фрагментов керамики и костей животных (мощность около 100 см).

Характер наслоений выявляемых в разрезе, позволяет сделать следующие заключения: накопление осадка на первом этапе началось в естественном периодически затапливаемом понижении (заболоченный участок), при этом начальный период накопления приходится уже на время функционирования поселения; весь последующий процесс формирования культурной толщи происходил на фоне активной хозяйственной деятельности человека; активное накопление зольных, угольных и мусорных горизонтов имело прерывистый характер, можно говорить о не менее чем четырех периодах накопления; в промежутках между этими периодами происходила частичная денудация культурных горизонтов. Таким образом, можно говорить, что площадь раскопа 18 стала активно осваиваться лишь через какое-то время после образования поселения, а эксплуатация данного участка имела прерывистый характер, возможно, связанный с общими тенденциями развития города.

Р.М. Сатаев, Л.В. Сатаева

Археозоологические и археоботанические исследования на Гонур-Депе в 2010 г.

Археозоологические исследования включали: 1) идентификацию костных остатков животных из раскопок памятника; 2) выявление форм использования животных в хозяйственной и ритуальной практике на основе анализа особенностей их захоронений; 3) морфометрическое изучение костей животных.

В ходе проведенных работ были идентифицированы остатки животных, происходящие из 46 погребений (раскопы 6/7, 8, 9, 12, 16, 17, 18 Северного Гонура; раскопы 1, 2 Гонура-20), 35 помещений (раскопы 6/7, 16, 18 Северного Гонура; раскоп 2 Гонура-20), пространства между ними и стратиграфических шурфов. В материале преобладают кости домашних видов: мелкого рогатого скота (овцы и козы), крупного рогатого скота, свиньи, верблюда, осла, собаки (Таблица). Из диких млекопитающих идентифицированы остатки джейрана (в основном, роговые стержни), бурого медведя (не функционировавший верхний второй моляр), благородного оленя (обработанный фрагмент рога), зайца толая, ушастого ежа (озоленная ветвь нижней челюсти). Фрагмент рога благородного оленя по своим признакам наиболее сходен с рогами бухарского подвида. Из птиц определены кости крупных гусеобразных (*Anser sp.*) и дрофы, из рептилий — среднеазиатской черепахи. На дне круглого алтаря раскопа 18 выявлена линза растительного детрита со скоплением костей зеленой жабы.

В основной своей массе кости животных, происходящие из помещений, внешнего пространства и шурфов раскопа 18, представляют собой типичные кухонно-бытовые отходы. Однако нужно обратить внимание на край-

нюю малочисленность костных остатков (из помещений 219, вне помещений 156 единиц), что, учитывая значительную площадь раскопа, нехарактерно для поселенческих памятников. Это может объясняться несколькими причинами: резкое преобладание в рационе растительной пищи; отсутствие постоянного населения; специфические способы утилизации отходов. Стоит также отметить сравнительно высокую долю в выборке костей крупного рогатого скота. В материале из помещений кости крупного рогатого скота составляют 31%, мелкого рогатого скота — 52,9%. Из пространства вне помещений на КРС приходится 23,7%, МРС — 62,17%. Эти цифры указывают на сходный генезис остатков. Хотя по количеству костей КРС уступает МРС, на первый приходится 62,3% (вне помещений 62,5%) от объема мясной продукции, против 21,2% (вне помещений 23,7%) у второго. На этом основании можно предположить, что наибольший вклад в мясной рацион древнего населения вносил крупный рогатый скот. Однако из-за ограниченности выборки, корректные выводы делать сложно. В материале из погребений (жертвенные животные, напутственная пища) преобладают остатки мелкого рогатого скота, кости коровы встречены преимущественно в верхней части заполнения. По-видимому, крупный рогатый скот использовался в ритуальной практике редко.

К категории кухонно-бытовых отходов можно отнести и материал скопления костей в пом. 20 раскопа 6/7. Здесь также обнаружены заготовки костяных орудий и фрагменты костей, обычно преднамеренно изымаемые (отделяемые) для технических целей. Заготовки орудий из ребер крупного рогатого скота, веро-

ятнее всего, представляют незаконченные чесалки для шерсти, что может быть косвенным доказательством разведения скота для получения шерсти. Стоит также отметить сравнительно крупные размеры крупного и мелкого рогатого скота Гонур-Депе, близкие к таковым у неолитического скота Восточной Европы.

В целом, характер археозоологического спектра (видовой состав животных) не позволяет говорить об исключительных аридных условиях, существовавших в период функционирования города.

Археоботанические исследования включали 1) выявление и извлечение макроскопических растительных остатков (семян, древесных углей, растительного детрита) из культурных горизонтов памятника и заполнений археологических объектов 2) идентификацию растительных остатков. В виде вспомогательного исследования проводилось изучение современной растительности исследуемого региона с формированием сравнительных коллекций.

В процессе археоботанических работ было проведено сухое просеивание и флотация грунта на предмет выявления макроскопических растительных остатков, а также их визуальный поиск. При послойном просеивании параллельно отбирались образцы на спорово-пыльцевой анализ.

В общем объеме были изучены: на раскопе 18, зольно-угольные горизонты шурфа, пом. 29, 30; слой растительного детрита на дне большого круглого алтаря, заполнение печи рядом с большим алтарем, остатки растений из голубовато-серых илистых горизонтов, содержимое сосудов из пом. 49, 52 и погребений 3912, 3913, 3954, 3960, 3961, 3962; на раскопе 6/7 (помещение рядом с алтарем) остатки изделия из древесины.

Основной археоботанический материал происходит из зольно-угольных наслоений, вскрытых на 18 раскопе (в сосудах встречены лишь единичные зерна пшеницы, попавшие туда вместе с грунтом). В этих отложениях, имеющих, по-нашему мнению, бытовой генезис, идентифицированы семена пшеницы 3 видов (*Triticum monococcum*, *T. dicoccum*, *T. aestivum*), шестирядного ячменя (*Hordeum*), чечевицы, нута, гороха – маш, зерна винограда. Нужно отметить, что зерна пше-

ницы и ячменя имеют сравнительно крупные размеры и пропорции, характерные для злаков, культивируемых в условиях ирригационного земледелия.

Изучение углей показало, что на топливо использовались, в основном, саксаул и кустарниковые формы солянок. Кроме этого, в печах бытового назначения сжигали одревесневшие стебли верблюжьей колючки, после их плодоношения (в материале сравнительно много бобов этого растения) и высыхания на корню (возможно сбор сушняка происходил поздней осенью или зимой).

Обращает на себя внимание преобладание в изученном материале углей, происходящих от небольших веток саксаула, что не может быть объяснено тафономическими причинами, поскольку крупные угли сохраняются не хуже. Вероятно, это связано как со сложностью заготовки целых стволов — твердая древесина саксаула с трудом поддается рубке даже современными инструментами, так и с тем, что такая стратегия заготовки топлива (когда срубаются только отдельные ветви) позволяла дольше сохранять запасы древесины. Нужно отметить высокую устойчивость саксаула к подобным вырубкам, когда дерево не погибает даже при значительном оголении, восстанавливая свою крону. Учитывая объем использования древесного топлива, в первую очередь саксаула, можно предполагать значительные первичные запасы древесной растительности на окружающей город территории.

Отдельный интерес представляют растительные остатки из голубовато-серых илистых образований, вскрытых в нижних горизонтах 18 раскопа. Эти слои сформировались в условиях увлажнения, но их рыхлая структура (невысокая доля глинистых минералов), широкая площадь распространения, малая мощность и ее выдержанность не позволяют интерпретировать их просто как участок водоема. Кроме фрагментов стеблей тростника здесь выявлены остатки стеблей и семян злаков. Возможно, что мы имеем дело с наносами реки, которые на ранних этапах истории города использовались под посевы. Обращает на себя внимание, что характер этих отложений сходен с таковым у обмазки печей. Можно предположить, что древнее население использовало его в виде готового сырья для технических целей.

**Видовой и количественный состав остатков животных
из раскопок памятника**

Объекты	Количество костных остатков															
	КРС	МРС (овца + коза неразделенные)	Овца	Коза	Свинья	Верблюд	Осел	Собака	Джейран	Олень благородный	Медведь	Заяц толай	Еж ушастый	Птица	Черепаша	Неопределимые остатки
Раскоп 6/7																
Пом.11-19, над обмазанным полом	21	3	23	12	2				2							
Пом. 11-19, обмазанная «ванна»			1						1							
Пом. 11-19, у Ю-В угла обмазки		3	9													
Новый алтарь, заполнение	32	40	20	8	22	8	6		4					1		7
Пом. 20	6	36	11	7												
Пом. 20, скопления 1	7	38	7			1										2
Пом.20 скопление 2	7	2														
Пом.20 жертвенник-лунка			136													182
Погреб. 3969			3													
Раскоп 8, погребения																
3887	2							1								16
3894			2 ск													
3903 заполнение	2	4														
3905		6						1								
3908 над сосудами			9; 1 ИзА													
заполнение			1 ИзА			1	1									
3912 заполнение		1				1										
3913 из сосудов		6														
заполнение	2															
над могилой	2	3														
3914	1			17	3	1										
Раскоп 9, погребения																
3939		3					3									
3955			1					1 СК								
3959		2		1												
Раскоп 12																
Погреб. 3950, в ногах		5														
Раскоп 16																
Пом.31 в 3 стене на высоте 20 см		7														
Погреб. 3962	1				1											
Погреб. 3968, из вазы на ножке		19														

Объекты	Количество костных остатков															
	КРС	МРС (овца + коза неразделенные)	Овца	Коза	Свинья	Верблюд	Осел	Собака	Джейран	Олень благородный	Медведь	Заяц толай	Еж ушастый	Птица	Черепаша	Неопределимые останки
Раскоп 17																
Погреб.3924			9													
Погреб.3935		2		1												
Раскоп 18, помещения																
2	7	8	2	1	1											
3	2	3	3													
4	8	8					1	6								
7		1				1								1 гусь	1	
8	1	3				3										
12			1													
13 Ю-В скопление		4	2					1		1						
Ю-3 скопление	4	3	2													
14	4	2	1	1												3
25	5															
29	1															
31 внутри круглой емкости		1	5 ИзА	1 ИзА												
32 на выстилке керамики			1						1							
68			1													
72				1												
77	1	12														
85	14	14	4		2	4	8		1							4
91			1													
94			2						2							
104 прямоугольный алтарь	5	4														
106	12	56	15													
109		3		1												
129									1							
131	6	2	4													
Раскоп 18, пространство вне помещений																
«Длинная стена» к востоку	8	9	11	2			1							1		
изолированные астрагалы			9 обр.5	2												
к западу	16	3	7	3					1							
Рядом с малым алтарем					1							1				
К востоку от большого алтаря					1			1			1					
Площадь между пом. 77 и 83	9	18	20 1 ИзА	2	2		1	1	3							

Объекты	Количество костных остатков															
	КРС	МРС (овца + коза неразделенные)	Овца	Коза	Свинья	Верблюд	Осел	Собака	Джейран	Олень благородный	Медведь	Заяц толай	Еж ушастый	Птица	Черепаша	Неопределимые остатки
Площадь вокруг пом. 117	2	3	4													
Под обводной стеной	2	3														
Раскоп 18, погребения																
3916		1		1		1	1									
3917		1														
3918			2													
3919			1													
3920	1	1														
3921		2														
3927			1													
3928		1														
3929		3														
3930		2														
3935		1		2												
3938	1					1										
3941																
3942		1														
3990 из хума	1	4	1													
3995		1														
3996	1		1													
3999a	1															
Раскоп 18, шурф в центральной части зольно-угольного горизонта																
Серая глина 190 см	5		2				1									
Зеленоватый песок 170	1				3											
Угольная крошка 140 см			35									1				53
Раскоп 18, стратиграфический шурф																
Усл. горизонт 1, 20 см		2							1							
2, 40 см	2	11			1				1							
3, 60 см	1	14			1	1										
4, 80 см	7	5			1	1			1							
Гонур 20, Раскоп 1																
Погреб 6, заполнение					2											2
Гонур 20, Раскоп 2, помещения																
16 внутри «ванны»	6	3														
22 обмазка			1	ИзА												
23 внутри вмазанной чаши			5													
26 из цисты 1-камера			1	ск												

Объекты	Количество костных остатков															
	КРС	МРС (овца + коза неразделенные)	Овца	Коза	Свинья	Верблюд	Осел	Собака	Джейран	Олень благородный	Медведь	Заяц толый	Еж ушастый	Птица	Черепаша	Неопределимые останки
2-камера			1 ск													
27	4															
28	1	1														
29			7													
46			1 ИЗА													
51			1 ИЗА обработан													
Гонур 20, Раскоп 2, погребения																
17 заполнение	3	1														
22 жертвенник-лунка			111													26
24			1													
27 из вазы		2														
31 между сосудами		13														
37 из вазы на ножке				4					1							
45 заполнение	1		24	2												
46 в ногах			1 ИЗА													
1-камера			1 ск													
1-камера напут. пища			4													
2-камера			1 ск													
47	2	1														
50				1												
Разведочный шурф около хозяйства Курбана на юго-восток от Северного Гонура																
шурф 1	5	14	1		8	2		2								7

Примечание: ИЗА – изолированный астрагал

Приложение 3:

Л.В. Сатаева

Предварительные результаты изучения растительных остатков на Гонур Депе весной и осенью 2011 г.

Археоботанические исследования были направлены на выявление и идентификацию растительных остатков главным образом из обугленных скоплений

на территории гонурского кремля. Прежде всего, были изучены скопления под внутренними пилястрами, укрепляющими наружную стену кремля. Для выяснения структуры

и состава материала слагающего скопления, выбирались наиболее хорошо сохранившиеся у каждой из четырех стен дворцово-храмового комплекса. Проводились расчистка, микростратиграфическое описание, фотофиксация и отбор образцов для таксономической идентификации растительных остатков.

Было установлено, что скопления представляют собой остатки кровли проходов между внутренней и наружной стеной кремля, обрушившейся при пожаре. Проведенный анализ позволяет реконструировать устройство кровли. Роль несущих балок в конструкции играли стволы тополя, уложенные поперек проемов между внутренней и наружной стеной на расстоянии, по-видимому, не более 1,5 м. друг от друга. При пожаре балки обрушились последними, в целом сохранив свою ориентацию относительно стен кремля. Диаметр балок составлял около 15 см, на основании чего (привлекая коэффициенты зависимости диаметра ствола и высоты дерева) можно сделать вывод, что для их изготовления подбирались деревья высотой около 10 м. Поперек них укладывались жерди (вероятнее всего толстые ветки) из тополя диаметром 5 см. При скреплении частей деревянной конструкции, в отдельных случаях, применялись бронзовые гвозди-костыли. Найденный костыль, обнаруженный в балке северной стены, имеет квадратное сечение (со сторонами квадрата в верхней части 7,2 мм) и длину 93,1 мм. Устройство кровли, на разных участках несколько различается. Наиболее сложное строение имеет кровля восточного коридора. Поверх балок и жердей были уложены ивовые ветки (возможно, плетень), выше маты из стеблей тростника, сверху конструкция была покрыта саманной обмаз-

кой, армированной ивовыми прутиками (выявлены на изломе остатков обмазки).

Обращает на себя внимание выявленное при расчистке у восточной стены большое количество остатков верблюжьей колючки, сгоревшей во время пожара. Здесь же отмечается многочисленный помет МРС. Наличие хорошо сформировавшихся шипов и бобов колючки, позволяет предположить, что ее заготавливали поздней осенью после плодоношения. Скорее всего, растения использовались как зимний корм для скота (как корм для скота колючка заготавливается в Каракумах и в настоящее время). Кроме этого в законсервированном огнем культурном слое обнаружены семена горчицы полевой (*Sinapis arvensis*), лапчатки (*Potentilla sp.*), манжетки обыкновенной (*Alchimilla vulgaris*), горошка (*Visia sp.*), незабудки полевой и мелкоцветковой (*Myosotis arvensis*, *M. micrantha*), ясменника (*Asperula sp.*). В настоящее время перечисленные растения (кроме манжетки, которая не отмечается для Туркменистана) в Туркменистане встречаются в основном на Копетдаге и Балхане в поймах рек. Кроме приуроченности к увлажненным условиям их можно характеризовать как рудеральные формы. Обнаруженные семена, по всей видимости, происходят из навоза животных. В целом, перечисленные факты позволяют сделать заключение, что домашний скот (МРС, КРС) содержался (возможно, недолго перед убоем) в помещениях, устроенных в проходах между внутренней и наружной стеной кремля. Животных выпасали на пойменных пастбищах, на небольшом удалении от кремля. Условия, существовавшие в период функционирования города, отличались от современных повышенной влагообеспеченностью.

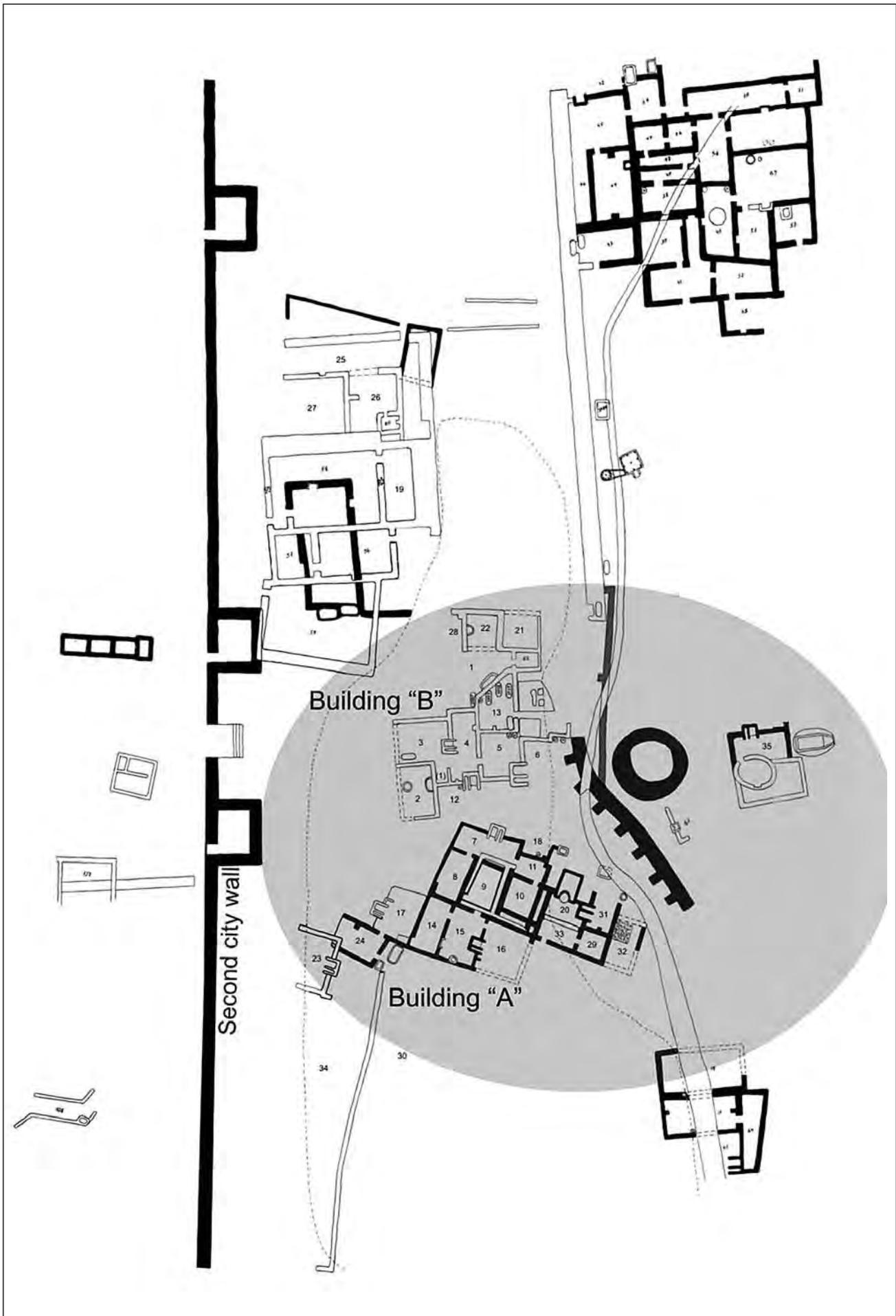
Кратко об участии Немецкого археологического Института в раскопках Гонур Депе весной 2010 г

Начиная с 2010 года, Евразийский отдел Германского Археологического института (г. Берлин) принимает участие в изучении памятника. Данный отчет относится только к той ситуации и сооружениям раскопа 18 Гонур-депе, которые были выявлены в течение весеннего полевого сезона, и в раскопках которых под руководством В.И. Сарияниди принимал участие автор данного текста. Позже раскопки участка 18 были продолжены, были открыты другие здания, но в этих работах автор не участвовал и, соответственно, здесь они не используются.

Раскоп 18 находится к востоку от цитадели в пределах обводной стены комплекса. Главным образом работы были связаны с раскопками комплекса из двух зданий (условно обозначенных как «А» и «В»), расположенных к востоку от второй обводной стены (стены каре с квадратными башнями) Северного Гонура. Этот комплекс сообщался с внутренним городом посредством лестничного прохода в стене, фланкированного двумя башнями. К востоку от указанной стены расположена открытая территория со зданиями «А» и «В», с востока также ограниченная толстой стеной с внутренними пилястрами, построенной на этапе 1 (юго-восточная часть). Стена продолжается в северном направлении, где она обрывается (ворота?). Предполагаемые ворота позже были закрыты несколько более тонкой стеной. Снаружи стены с пилястрами, точно к югу от «ворот» находится большое круглое сооружение («алтарь огня»), которое более детально будет представлено В.И. Сарияниди. Однако уже сейчас мы можем утверждать, что оно также было построено на пер-

вом строительном этапе: в стерильном песке выкапывалась большая округлая яма, выше слоя твердой глины, на котором по внутреннему обводу ямы из сырцового кирпича возводился массив стены. Соответственно, внутреннее пространство частично заполнялось твердой битой глиной, в которой несколько позже была выкопана центральная комната-яма. Проход в это сооружение также отсутствует. Дальше к востоку имеется еще одно круглое сооружение, несомненно, относящееся к этапу 2, поскольку оно встроено в изолированное здание предыдущего, первого этапа. Здесь сохранилось только несколько рядов кирпичной кладки. Вход располагался на северо-западе, напротив входа был устроен очаг. С круглым «алтарем огня» соотносится обводная стена с пилястрами, замыкая данную территорию с юга. В восточной части исследуемого участка обнаружен большой горн для обжига керамики, вероятно, сооруженный несколько позже, поскольку он пререзает слои предыдущих этапов.

В южной части открытого пространства расположен первый комплекс строений («А»), состоящий из помещений 7-11, 14-18, 20, 24, 29-33 (полевое обозначение) и ориентированный по линии северо-запад – юго-восток. Он отделен от структуры «В» «пом.» 12 (в действительности являющимся открытым пространством) и слоем древесного угля, о котором речь пойдет ниже. Сооружение было выстроено непосредственно на стерильном песке и, согласно периодизации Гонур Депе, относится к этапу 1. В четырех помещениях имеются двухкамерные очаги: в пом. 7 - в северной части, в пом. 16, 17 и 31 - в западной.

У южной стены помещения 15 (смежного на востоке с пом. 16) находится вытянутый высокий очаг, по конструкции не пригодный ни для обогрева, ни для приготовления пищи. Другими отличительными особенностями комплекса являются вымощенный керамической пол в северо-западном углу помещения 32 и глубокая круглая яма внутри помещения 20. Позже весь комплекс строений был полностью засыпан и перекрыт слоем черного древесного угля, содержащим множество семян растений и помет овец или коз.

Находки из комплекса «А» в основном представлены керамическими изделиями, распределенными по помещениям крайне неравномерно. К примеру, в пом. 11, 29, 31 и 32 (т.е. только северные и восточные) вообще не было найдено фрагментов керамики. И напротив, следует выделить помещение 14 (юго-западное), которое было почти полностью заполнено обломками посуды, из-за чего можно видеть в нем своего рода складское помещение или хранилище. Сосуды для хранения (хумы) имеются в помещениях 8 и 14, где они были вкопаны в пол. Прочие находки включают бронзовые и костяные булавки (пом. 8, 15 и 16 – т.е. только в центральной части здания), а также глиняные фигурки (пом. 20 и 33 – т.е. только в юго-восточной части комплекса). Таким образом, совершенно ясно, что помещения отличаются по функциональному назначению, а некоторые из них, несомненно, служили для сакральных или ритуальных целей (на что указывают, например, находки двух фигурок в помещении 33, печатей-амулетов в помещениях 9 и 31).

Уже на этапе 1 дальше на юго-восток и северо-запад располагались другие, меньшие по размеру здания: ниже второго «алтаря огня» и возле второй обводной стены. В течение весеннего полевого сезона был открыт второй большой комплекс сооружений, расположенный к северу от первого.

Комплекс «В» примыкает на севере к сооружению «А», отделяясь от первого, как указывалось выше, «пом.» 12. Стратиграфически строение «А», подчеркнем еще раз, заполнено и закрыто слоем древесного угля, который простирается на большую часть всего раскопа 18. Этот угольный слой про-

слеживается под некоторыми стенами здания «В», что явно означает их более позднее строительство – уже на этапе 2 Гонура. Сооружение «В» ориентировано почти строго по линии север – юг, т.е. совершенно отлично от комплекса «А». Оно состоит из помещений 1-6, 13, 21-22, последние из которых расположены в северной части несколько обособленно, но связаны с другими общей восточной стеной. Весь комплекс располагается непосредственно к западу от существовавших прежде «ворот», которые уже не функционировали в период возведения данного комплекса.

В настоящее время в этом комплексе обнаружено только три помещения с двухкамерными очагами, тогда как известны помещения, в которых вообще не было очагов (4 на западе, 6 на востоке и 12 на севере). Один очаг простейшей конструкции был найден в восточной части помещения 13, вокруг которого сохранились остатки «суфы», сложенной из сырца, или приподнятого пола. В помещении 2 имеется простой круглый очаг, устроенный напротив низкого глиняного «ящика», пристроенного к восточной стене.

Для комплекса «В» также характерно различие в распределении находок. В пом. 6, северная и восточная части почти не содержат фрагментов керамики, тогда как в помещениях 3-5 (юго-запад) выявлено особенно большое число сосудов. Сосуды для хранения вкапывались в землю, что отмечено в восточной и южной частях комплекса (у северной стены «пом.» 12, в пом. 5, 6, 13). Как и в комплексе «А», в центральной части строения «В» (помещение 4 и смежные с ним) также преобладают находки ритуально-культового назначения, такие как поделки из необожженной глины геометрической формы, фигурка в помещении 3, печать. Также встречаются отдельные следы металлообработки в «пом.» 12, возле двухкамерного очага. Следует отметить находку в северной части помещения 13 глиняной копии миниатюрной колонки с желобками, использовавшейся, похоже, в ритуальных целях.

На этапе 2 северо-западнее и южнее здания «А» и над ним были построены более изолированные сооружения. От одной из таких однокомнатных построек (пом. 23) на юг от-

ходит длинная стена. Затем она поворачивает на запад (по направлению ко второй стене городища), разделяя очень большую открытую территорию на восточную и западную части. Вся эта площадь перекрыта упомянутым выше слоем древесного угля, но указанная стена стоит поверх слоя и, следовательно, была построена позже.

В целом в центральной части раскопа 18 мы видим, что на первом строительном этапе здесь были возведены два многокомнатных здания, часть восточной обводной стены с пилястрами и круглый «алтарь огня» возле ворот снаружи внешней стены. На этапе 2 главное здание расширяется на север, и в это же время закладываются ворота в обводной стене. Новый круглый «алтарь огня» строится восточнее первого. Среди находок мы можем видеть как керамику, типичную в целом для Гонура, так и маленькие предметы,

некоторая часть которых необычна для городища. Их распределение внутри сооружения показывает различие функционального назначения помещений, конечно, с учетом духовного аспекта жизни древних обитателей. Однако в данном случае исследованная территория слишком мала, чтобы делать какие-либо выводы относительно всего городища. К примеру, в обоих зданиях двухкамерные горны-очаги расположены в западных стенах; «специфические» ритуальные предметы были найдены в центральной части; на севере и/или востоке нет керамики, в то время как на юге и/или западе она имеется в изобилии. Трудно также точно определить назначение каждого из этих двух сложных сооружений: были это группы обычных жилых домовладений, чисто ритуальные постройки или сочетание тех и других, (например, жилище жрецов).

Гончарные печи Гонура

Археологические раскопки ныне всемирно известного памятника Гонур Деде в Туркменистане (100 км к северу от г. Мары в песках Каракумов в древней дельте р. Мургаб) ведутся под руководством В.И. Сарияниди с 1974 г. При проведении полевых работ были открыты и изучены остатки множества гончарных печей, относящихся к эпохе бронзы, среди которых можно выделить не менее 5 видов, отличающихся некоторыми особенностями.

При раскопках 1995 г. в восточной части дворцового комплекса была обнаружена гончарная печь, отличающаяся от других своим объемом и конструктивными особенностями. У этой печи топка состоит из двух частей, расположенных с двух сторон от камеры обжига (рис. 1-3). Перекрытие печи не сохранилось. Мы имеем возможность обмерить только топку, место для закладки дров, лестницу и внутренние заслонки. При строительстве печи использовались кирпичи следующих размеров: 45x22x12 см, 40x21x11-12 см и 37x18x10 см.

Продольная ось ориентирована с северо-востока на юго-запад, соответственно направлены и входы в каждую топку. Общая длина печи – 8,65 м, ширина – 4,5 м. С северной стороны стены печи сохранились только до уровня пола обжигательной камеры, с южной – имеется и нижняя часть ее свода. Ширина топок у места входа в них 0,5 м. В нижней части обе топки расширяются, достигая ширины в 4,5 м. Вход в каждую топку оформлен лестницами из трех ступеней, выполненных из сырцовых кирпичей стандартных размеров. Ступени заканчиваются на

высоте семи кирпичей (90 см) от уровня пола топки. Высота южных стенок печи от места разжигания огня до сохранившейся высоты стен – 2,15 м, а северных – 1,65 м. На той же высоте устроено возвышение. Поэтому из собственно топок огонь попадал в другую камеру, устроенную на 65 см выше пола топки. Для этого соответственно в восточной топке с запада, а в западной – с востока были устроены стенки из одного ряда кирпичей высотой в четыре кирпича. Пол возвышения устлан одним слоем кирпичей, уложенных плашмя. На полу центрального возвышения сделаны 6 столбиков из шести рядов кирпичей каждый (высота 85 см).

В западной и восточной частях печи на расстоянии 65 см от южной боковой стены и в 55 см от северной выложены еще 4 столба из шести рядов в 3 кирпича каждый (высота 85 см). Расстояние между этими столбами – 55 см. Размеры верхних частей этих стол-

Рис. 1. Фото гончарной печи из восточной части кремля Северного Гонура.

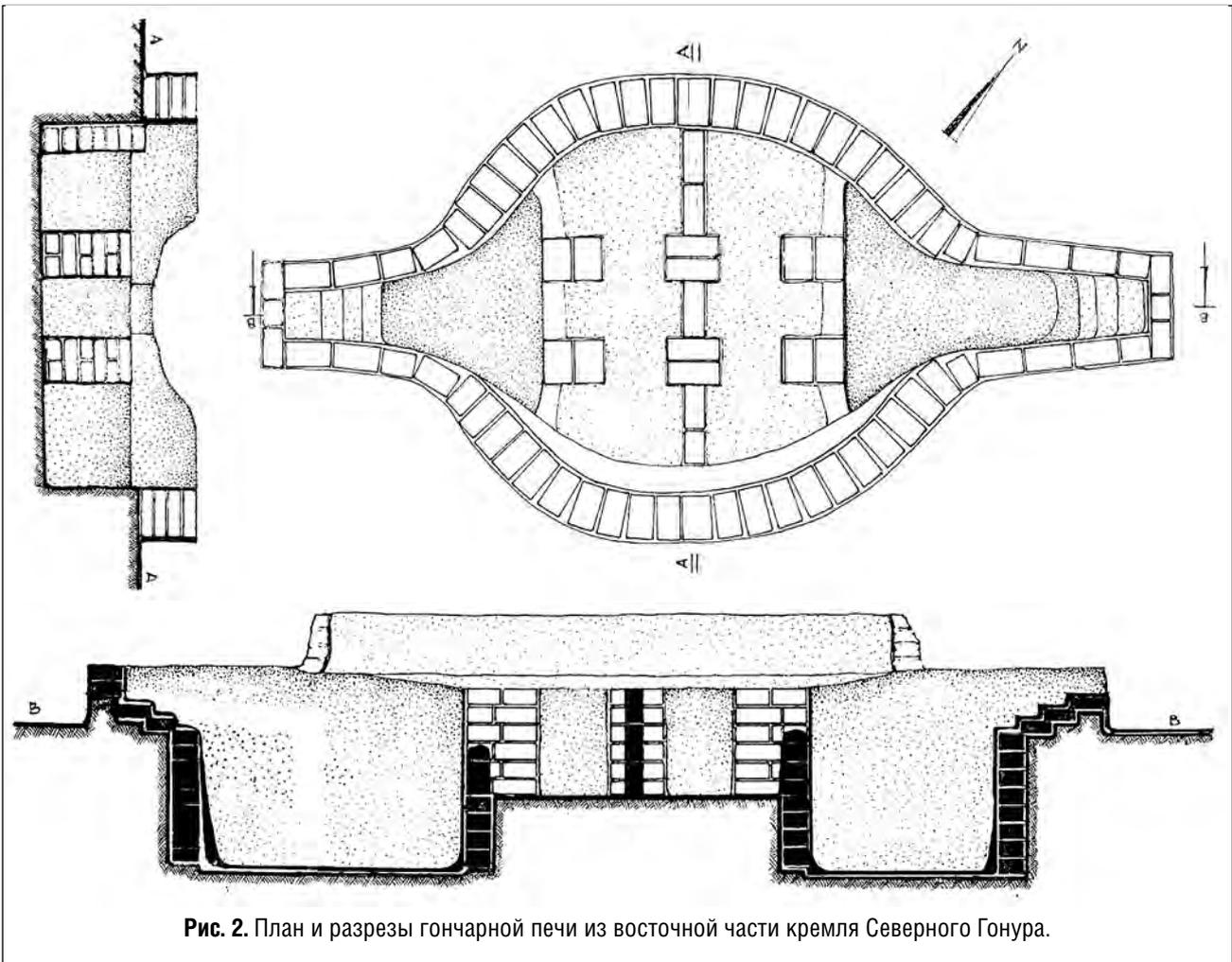

Рис. 2. План и разрезы гончарной печи из восточной части кремля Северного Гонура.

бов – 65 x 43 см (каждый ряд состоит из двух кирпичей плашмя и одного перпендикулярно им, уложенного также плашмя).

В середине центрального возвышения имеется еще 2 столба, один из которых сделан на расстоянии 75 см от южной стены, а второй – в 95 см от северной стены печи. Таким образом, расстояние между этими столбами оказалось равным 50 см. Эти два столбика сложены так-

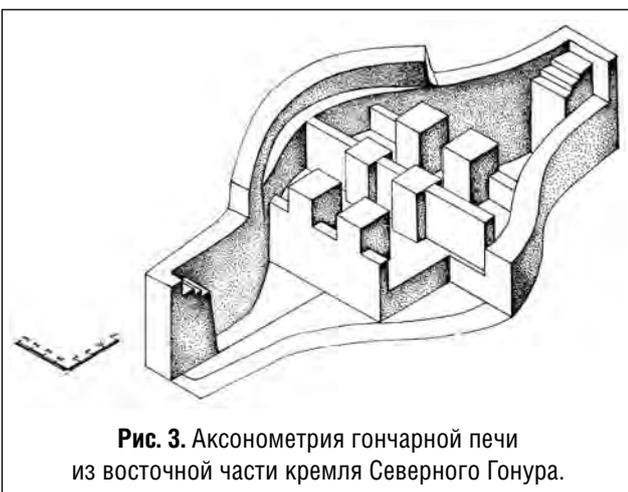

Рис. 3. Аксонометрия гончарной печи из восточной части кремля Северного Гонура.

же в шесть рядов, но по 2 кирпича, соответственно их размер по верху – 45 x 45 см.

По центру печи на полу центрального возвышения выстроена стенка из трех рядов кирпичей, уложенных на ребро, соединяющая оба центральных столбика и боковые стенки печи.

На все эти столбики опирался под обжигательной камеры. Таким образом, сама камера для обжига имела круглую форму, что способствовало равномерности обжига. Ее стены и пол обмазаны глиной с саманом¹ слоем толщиной 6 и 7 см. Общая ее площадь составляет почти 8 м². Поверхности пода не сохранилась, но в нем, по всей видимости, были отверстия, через которые жар проникал в помещение, где и проводился обжиг. Высокая температура достигалась тем, что жар поступал с двух сторон, а также тем, что более холодные массы воздуха из топки (они располагаются ближе к

1 В отличие от других регионов, где саман – смесь глины с соломой, в Туркмении саманом называется сухая солома.

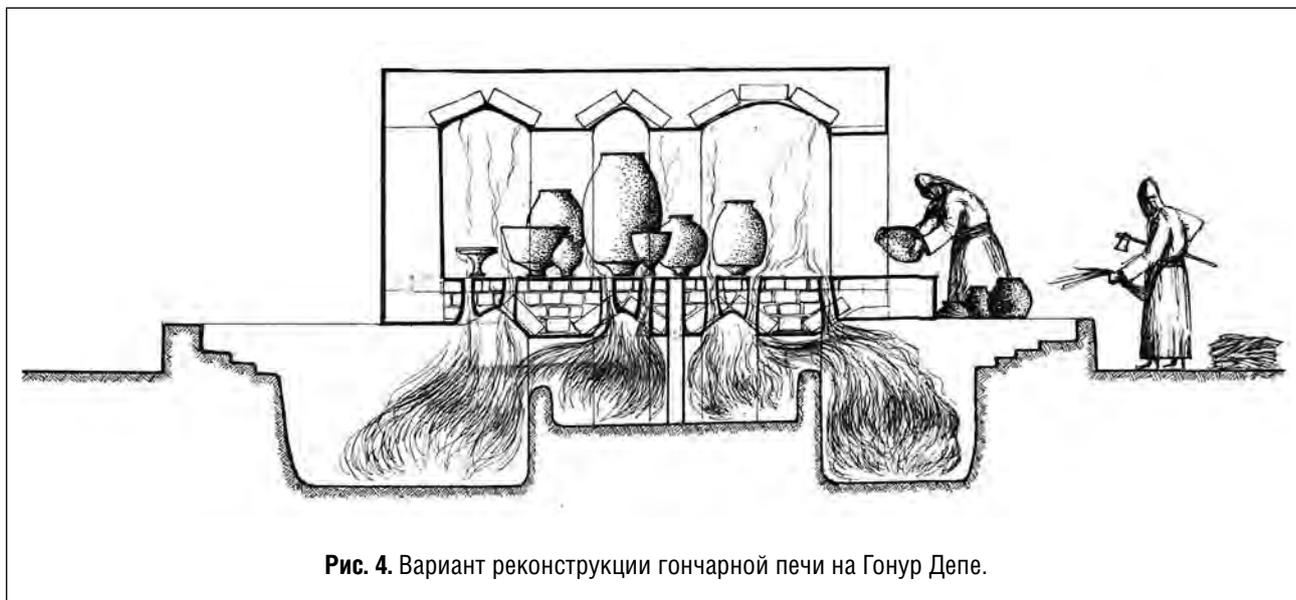

Рис. 4. Вариант реконструкции гончарной печи на Гонур Деле.

топливу) были отсечены сооружением возвышения и не попадали в камеру обжига.

Нами зафиксировано два слоя обмазки стен топки, каждый толщиной 2-3 см. Внутренние детали топки постоянно обмазывались глиной с саманом.

Поскольку печь была большого объема, ее перекрытие сделано в виде арки. Такого же устройства печи с арочным перекрытием были известны и ранее в Намазга Деле (Куфтин, 1956, с. 262, рис. 3) и на Аучин Деле (Сарианиди, 1958, с. 313-317). Но обе они – значительно меньшего размера и имеют только одну топку.

Обжигательная камера не сохранилась, поэтому возникают трудности в определении верхнего перекрытия печей. Ниже приводится приблизительная реконструкция печи (рис. 4).

Еще одна крупная и отличающаяся от большинства подобных сооружений по конструкции печь была раскопана в 2002 г. на севере дворцово-храмового комплекса на раскопе № 10 (рис. 5-7). Сохранилась только ее топка. По своему строению она имеет грушевидную форму и имеет длину 5,60 м и ширину – 2,75 м. Высота стен топки от дна топочной камеры – 1,30 м. Топка находится глубже основной части печи на 15 см. Для этого устроено возвышение из 1 ряда кирпичей, уложенных плашмя. У самого края возвышения сделана кирпичная тумба высотой 1,1 м, длиной 1,5 м и шириной 80 см. Тумба сделана из сырцовых кирпичей размером 46 x 22 x 12 см.

Под обжигательной камерой – кирпичный. Перекрытие топочной камеры было сделано в виде ложной арки из двух кирпичей, поставленных под углом друг к другу или из трех кирпичей, когда между двумя наклонно установленными кирпичами находился еще один, замковый. Внутренняя поверхность стен печи обмазана глиной с саманом. Из-за того, что печь была большого объема, тумба была оставлена, чтобы на ней держалось перекрытие топочной камеры. Внешняя стена печи сделана в один кирпич стандартного размера (40x22x12 см; 39x21x12-11 см) восемью рядами.

Вход в топку открыт в восточном направлении и имеет размеры: 70 см в длину, 65 см в ширину. Его обмазка, состоящая из глины и самана, имеет толщину 5 см.

Внутренняя сторона топки обновлялась замазыванием глиной с саманом, толщиной 2-3 см. Стены топки на внутренней поверхности

Рис. 5. Гончарная печь на раскопе 10. Вид с востока.

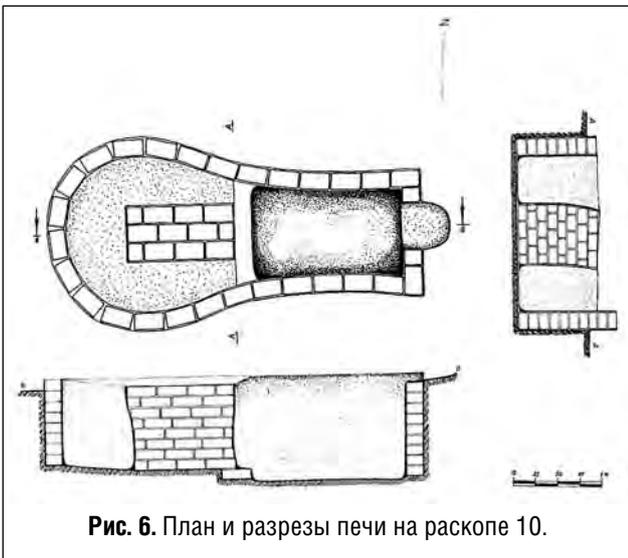

Рис. 6. План и разрезы печи на раскопе 10.

были сильно обожжены, но они разрушились в течение прошедших 4 тыс. лет. При расчистке внутри топки были найдены обуглившаяся древесина, зола, фрагменты обвалившихся кирпичей.

При проведении раскопочных работ в 2006 г. также на севере дворцового комплекса, на раскопе № 11 была найдена гончарная печь, отличающаяся от других своей необычной формой. Топка хорошо сохранилась. Печь имеет почти прямоугольную форму (рис. 8 – 10). Длина печи – 2,45, ширина – 1,75 м. Использовались обожженные кирпичи стандартного размера (46x22x12 см, 40x21x12, 35x21x12-11 см). Для устройства этой печи был вырыт котлован размером 150 x 90 и глубиной 130 см. Его стены были обложены сырцовым кирпичом: первый ряд – плашмя, остальные пять – на ребре. Этот котлован образовал топку. С северо-западной части стена котлована имеет высоту 70 см. На этом уровне котлован рас-

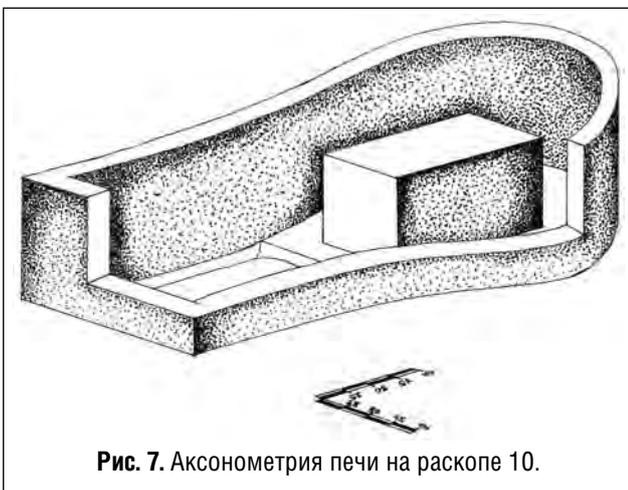

Рис. 7. Аксонометрия печи на раскопе 10.

Рис. 8. Фото гончарной печи на раскопе 11.

ширен еще на 140 см. На образовавшейся возвышенной части из сырцовых же кирпичей (сохранилось 2 ряда) сделан столб (тумба) из двух рядов в один кирпич. Пол топки обмазан глиной с саманом слоем толщиной 2 см.

Внутренние стены топки имеют длину 1,5 м, ширину 90 см. Печь делится на 2 части (рис. 8): имеется место для разжигания огня, которое находится ниже, и место, где должна быть камера для обжига, на 70 см выше. От тумбы осталось 2 ряда кирпичной кладки. Как было выше сказано, заслонки внутри топки сделаны, чтобы перекрыть крышу первого этажа печи.

В 2008 г. во время весенних работ в результате разведки было выявлено новое поселение в 1,5 км южнее дворцово-храмового комплек-

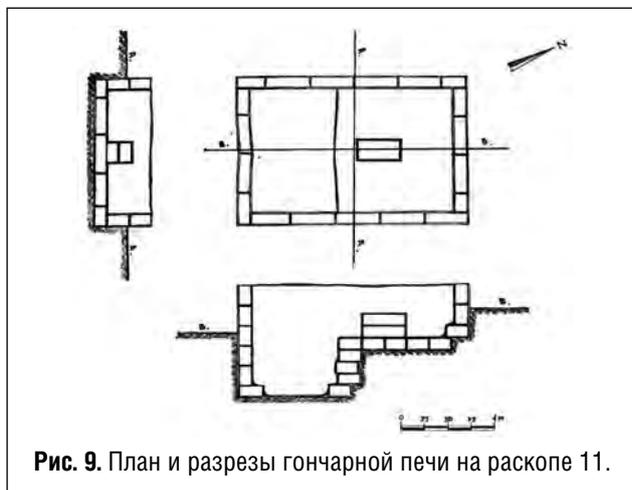

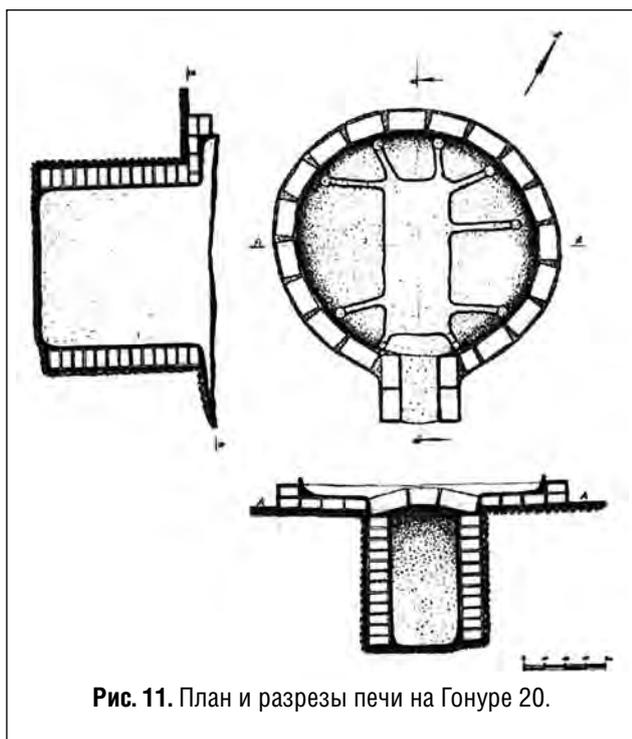
Рис. 9. План и разрезы гончарной печи на раскопе 11.

са и теменоса Гонура, получившее название Гонур-20. Это поселение было обнаружено, благодаря большому числу разрушенных гончарных печей, которые образуют небольшие всхолмления, уделенные друг от друга на расстояния от 50 до 150 м. Здесь приводится описание одной из них.

Круглая печь (рис. 11), расчищенная во время раскопок – не единственная в своем роде. Печи подобного рода и на Северном Гонуре, и на Гонуре 20 уже были исследованы. Устройство нижней ее части стало возможно изучить, благодаря произведенным раскоп-

кам. Внешняя стена состоит из одного ряда кирпичей (46x22x12 см). Топка имеет прямоугольную форму, глубина в центре – 2 м. Длина нижней части печи – 2,05 м, ширина 90 см, внутренняя обмазка 2,5 см толщины. В перекрытии топки имеются 9 каналов для вывода струй горячего воздуха разных размеров – 9 см, 12 см и 15 см. Внутренние стенки каналов, также обмазаны глиной. Место, где в топке разжигается огонь, перекрыто ложной аркой, образованной тремя кирпичами (размеры: 46x22x12 см и 36x22x12). Перекрытие состоит из трех таких рядов (рис. 12). Отверстия, откуда выходят струи горячего воздуха, перекрыты кусочками кирпича.

Верхняя часть печи, камера обжига (второй уровень печи) не сохранилась. Устье печи, через которое закладывали дрова, имеет длину 80 см, ширина 45 см. Вход направлен на юго-восток. От стенок обжигательной камеры сохранилось 2 ряда кирпичей. Пол обмазан раствором глины с саманом 4 см толщины. Камера обжига (второй уровень печи) округлая, имеет диаметр 3,5 м.

При растопке нижней части печи, обмазка пола обжигательной камеры замазка становилась еще крепче. Пространство над топкой помогает экономно распределять струи горячего воздуха. Через это пространство воздух по 9 каналам поднимается на 2 этаж. При проведении раскопок обнаружено, что у 4-х каналов из 9-ти шейки каналов были закрыты кусочками кирпича. Видимо, это сделано для правильного

распределения горячего воздуха. Строение этой печи аналогично печам, найденным в Мингечауре (Азербайджан) (Ионе, 1951, с. 32).

Во время раскопок весеннего сезона 2010 г. на раскопе 18 на востоке дворцового комплекса, найдена небольшая гончарная печь, имеющая также ряд особенностей (рис. 13). Печь построена на плоском месте. И топка, и камера для обжига находятся под землей. При ее постройке использованы кирпичи стандартных размеров (52x22x12, 40-39x22x12, 42x22x12, 45x22x12 см). Топочная камера печи – узкая продолговатая, длина ее 2,45 м, а ширина 90 см. От пода топочной камеры до верхнего перекрытия – 1 м. Внешняя стена состоит из двух рядов кирпича, уложенных на ребро в 2 ряда и вертикально в 1 ряд. Внутренняя обмазка стен имеет толщину 2 см. Ширина части для закладки дров – 60 см, ее внешняя сторона выложена кирпичами в 1 ряд на ребро: с внутренней стороны 2 кирпича, уложенных наклонно, образуя спуск к топке. Верхняя часть топки выложена тремя рядами по два кирпича, поставленных под углом друг к другу в виде арки (рис. 14). Пространство

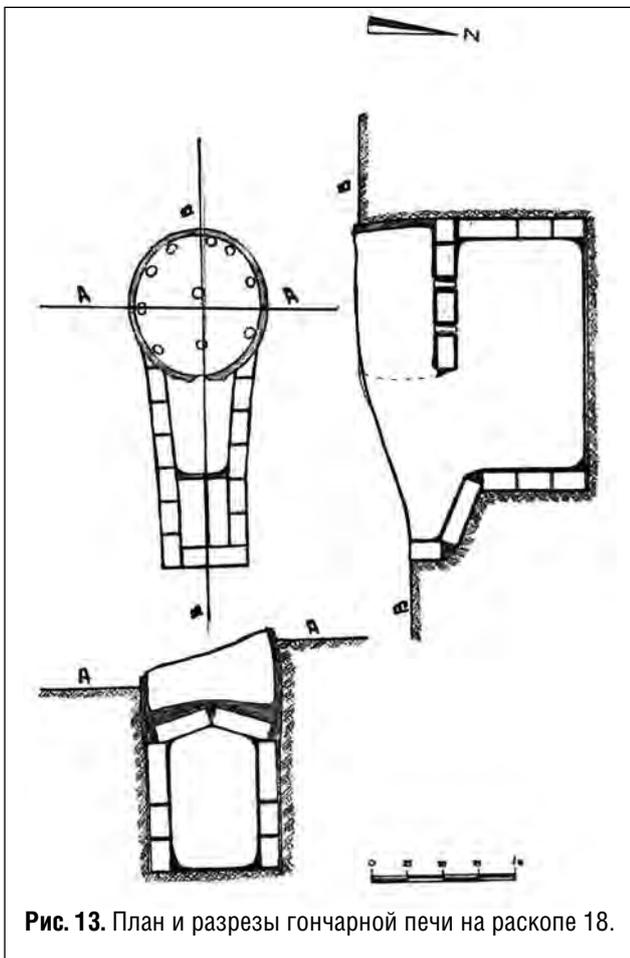

Рис. 13. План и разрезы гончарной печи на раскопе 18.

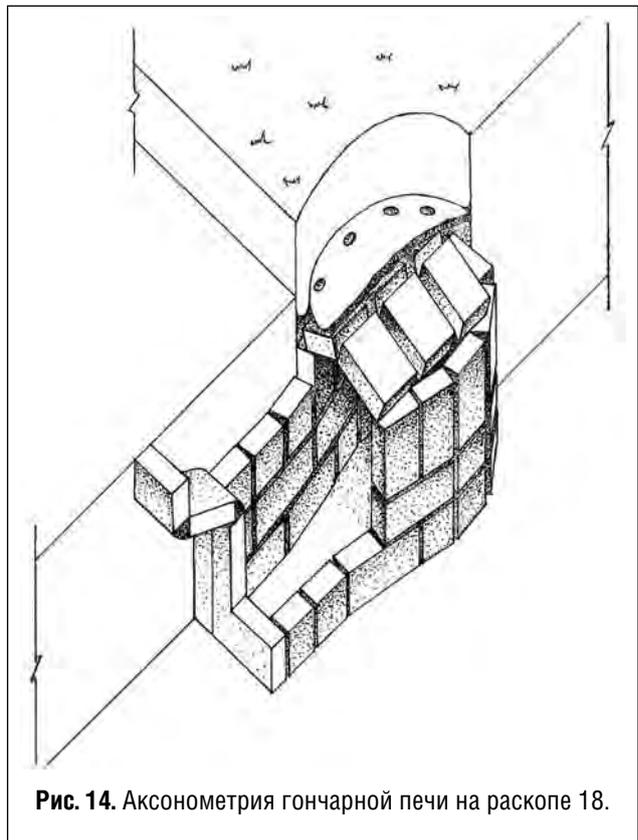

Рис. 14. Аксонометрия гончарной печи на раскопе 18.

между кирпичами замазано глиной толщиной 11 – 12 см. Между кирпичами проложены 10 каналов для вывода струй горячего воздуха в обжигательную камеру. Диаметр каналов 5–7 см. Расстояние между каналами 27, 20 и 16 см. Обжигательная камера имеет круглую форму (диаметр 1,05 м). Ее перекрытие не сохранилось. Два из 10 каналов были закрыты фрагментами кирпичей. Каждый дополнительный канал имеет свое назначение, и об этом хорошо знали мастера гончарных печей. Внешние стороны камеры обжига покрыты слоем обмазки толщиной 6 см.

Проводя полевые работы и соприкасаясь с древней культурой, осознаешь, как жили наши предки, каким мастерством они владели. Насколько больших высот достигло гончарное искусство в древние времена можно видеть при рассмотрении огромного количества керамической посуды на территории Гонура. В данной статье приводятся характеристики нескольких печей, строительство которых относится к концу III (печь на раскопе 18) и II (все остальные объекты) тысячелетия до нашей эры. Проводимые в настоящее время работы на разных памятниках Маргианы существенно дополняют те сведения, которые были получены ранее.

2

Антропологические, биологические и природоведческие исследования

В.В. Куфтерин, Н.А. Дубова

Случай декапитации на Гонур Депе: Краниологический материал из погребения 4067¹

Декапитация (обезглавливание) наряду с находками изолированных черепов (культ отрубленной головы) неоднократно становилась предметом специального рассмотрения как в *case study* сообщениях, так и на страницах обобщающих работ (напр., Бужилова и др., 1998; Масленников, Бужилова, 1999; Бужилова и др., 2002; Винокуров, 2004; Козак, 2004; Buikstra, Gordon, 1980; Harman et al., 1981; Buikstra et al., 1984; Bush, Stirland, 1991; Anderson, 2001; Ardagna et al., 2005; Buckberry, Hadley, 2007; Vennike, 2008, p. 320-321; Tung, 2008). В настоящей публикации представлены материалы к существованию декапитации на Гонур-депе – хорошо известном памятнике БМАК (Юго-восточный Туркменистан, III – II тыс. до н.э., раскопки В.И. Сарияниди). Погребение, явившееся предметом внимания авторов, получило порядковый номер 4067.

Материал и методы исследования

Археологический контекст. Кефалотафия обнаружена в пределах раскопа 10 в весенний полевой сезон 2011 г. При находке данного погребения, первоначальным впечатлением было, что хум, вкопанный в землю в северо-восточном углу помещения 300 (рис. 1), содержит лишь разрозненные кости человека. В большинстве случаев на Гонуре подоб-

ные захоронения содержат кости младенцев. При расчистке местонахождения, оказалось, однако, что в крупном керамическом сосуде находится полный череп взрослого человека. Кальвариум находился на правой стороне, лицевой частью обращен на северо-запад. Из других человеческих костей в захоронении содержались I и II шейные позвонки (в анатомическом сочленении). Заполнение под черепом составлял песок и мелкие фрагмен-

Рис 1. Схема расположения погр. 4067 в пом. 300 на раскопе 10 (северо-западная часть памятника рядом с обводной стеной).

1 Исследование проводится в рамках проекта РФФИ № 10-06-00263а.

ты керамики. Перед лицевой частью, около северо-западной стенки хума, располагался небольшой керамический сосуд, рядом с которым обнаружены два ребра МРС.

Сохранность. Степень сохранности крахиологического материала может быть определена как плохая или очень плохая (кость хрупкая, крошится при очистке) (Мамонова и др., 1989). Череп не подлежит реставрации и морфометрическому исследованию. Сохранность имеющихся позвонков удовлетворительная. Одонтологический материал представлен плохо сохранившимися фрагментами верхнечелюстных премоляра и моляра.

Методы исследования. Определение половой принадлежности производилось на основе морфологических особенностей костей черепного свода (Пашкова, 1963; Алексеев, Дебеч, 1964; Медико-криминалистическая идентификация, 2000; Buikstra, Ubelaker, 1994). Возраст ориентировочно устанавливался по степени облитерации черепных швов эктокрана с использованием схем Симпсона и Оливье (Алексеев, Дебеч, 1964, с. 37), а также Мейндла и Лавджоя (Meindl, Lovejoy, 1985). Общее палеопатологическое обследование материала проводилось с опорой на программу А.П. Бужиловой (1998). Дефиниция зафиксированных повреждений и особенностей осуществлялась с учетом рекомендаций, принятых в практике трасологической и остеологической идентификации (Медико-криминалистическая идентификация, 2000).

Результаты и обсуждение

Обладающие половым диморфизмом качественные признаки фрагментов черепа позволяют достаточно уверенно определить пол индивида из кефалотафа 4067 как мужской. Степень облитерации черепных швов дает возможность предположить принадлежность исследуемых останков субъекту в возрасте около 30 – 40 лет (*adultus / maturus I*) (схема Мейндла и Лавджоя). Схемы Симпсона и Оливье дали менее определенные интервалы.

Из индивидуальных особенностей и патологий, не являющихся предметом специального рассмотрения, можно отметить слабые

отложения зубного камня на фрагменте сохранившегося премоляра и наличие заднего костного мостика атланта (*posterior bridge*) – генетической аномалии (аномалии Киммерле) (Ситель, Бахтадзе, 2003; Finnegan, 1978). При наличии заднего мостика атланта борозда позвоночной артерии превращается в канал с отверстием (*foramen arcuale*) для прохождения самой артерии, ее симпатического нервного сплетения, венозного сплетения и затылочного нерва (Ситель, Бахтадзе, 2003).

На левом сосцевидном отростке и левой скуловой дуге фиксируются следы слабого термического воздействия в виде локальных участков прокаливания костной ткани (рис. 2 – см. цветную вклейку). Небольшое обугливание до стадии черного каления позволяет предположить, что температура сгорания не превышала 300°C (Медико-криминалистическая идентификация, 2000, с. 348; Walker et al., 2008). Кроме того, факт отсутствия следов прокаливания других участков черепа можно рассматривать как подтверждение локальности и не долговременности термического воздействия, поскольку известно, что наряду с областью скул довольно быстро сгорают края орбит, срединные участки лобных и теменных костей, а также большая часть лицевого скелета (Symes et al., 2008, p. 33).

Наибольший интерес в рамках настоящего сообщения вызывают дефекты, наблюдающиеся на нижней межпозвоночной поверхности тела и дуги II шейного (осевого) позвонка (рис. 3). Они представляют собой механические разломы костной ткани, затрагивающие остистый отросток (*processus spinosus*), обе ножки дуг (*pediculus arcus vertebrae*), а также левую и центральную часть тела (*corpus vertebrae*) эпистрофея. С учетом археологического контекста, данные перили или постмортальные повреждения имеют достаточно однозначную дефиницию – отсечение головы от тела. Плоскость разрыва (разлома) приходится на участок II – III шейный позвонки (последний, как отмечалось, в сохранности отсутствует). Поскольку I и II позвонки обнаружены в сочленении, очевидно, что отделение головы от тела произошло до полного разложения мягких тканей. Следы надрубов и насечек (*cut marks*) в виде дефектов наружной костной пластинки на

передней поверхности тела позвонка отсутствуют, что позволяет предположить нанесение удара сзади. Квалифицировать обсуждаемые повреждения как разруб (или разлом) дает возможность морфологическая картина дефектов, более напоминающая локально-конструкционный или конструкционный перелом, характерный, что важно, и для действия тупых предметов с ребром (Медико-криминалистическая идентификация, 2000, с. 132). Вопрос о том, была ли декапитация причиной смерти индивида или являлась результатом посмертных манипуляций с телом умершего, в силу своей общей сложности (Mays, 2002, p. 175), на данном материале однозначному решению не подлежит.

Интересно, что ранее на материалах из раскопок Гонура (могильник теменоса, погребение 9) уже фиксировался случай декапитации (?). Останки принадлежали индивиду юношеского возраста, происходящего, по-видимому, из низших страт гонурского общества (раб, слуга). В качестве рубящего (или колюще-режущего?) орудия в этом случае, вероятно, выступал большой острый предмет

типа ножа или кинжала (Дубова, Мурадова, 2008). В случае с описываемым погребением 4067, сделать обоснованные заключения о характере рубящего орудия сложно ввиду определенной нечеткости морфологической картины дефектов.

Заключение

1. Череп из кефалотафа 4067 принадлежал индивиду мужского пола в возрасте приблизительно 30 – 40 лет.
2. На фрагментах черепа зафиксированы небольшие следы прокалывания костной ткани, указывающие на кратковременное локальное термическое воздействие.
3. На II шейном позвонке наблюдаются дефекты, интерпретируемые как последствия декапитации.
4. Установить конкретный тип рубящего орудия, а также факт отделения головы в перимортальный или постмортальный период на имеющемся материале сложно.
5. Археологический контекст позволяет выдвинуть предположение о ритуальном характере захоронения.

Предварительный палеопатологический анализ антропологических материалов из раскопок объекта Гонур 20¹

Гонур 20 – сателлитный объект, расположенный в 2 км к югу от Северного Гонура – административно-культового центра предполагаемого столичного поселения Древней Маргианы – города Гонур-депе (Сарианиди, 2004, 2006, 2007 и др.). Данный объект обнаружен в весенний полевой сезон 2008 г. и предварительно² отнесен к финальному этапу функционирования памятника – середине II тыс. до н.э. В 2009 г. на этом участке был выявлен ряд погребений, из которых получен довольно интересный антропологический материал. Его важность заключается в возможности выяснения особенностей физического типа населения, вероятно, представлявшего одну из последних волн мигрантов в древнюю дельту Мургаба. Кроме того, он позволяет обратиться к реконструкции и оценке специфики образа и «качества» жизни рядовых поселенцев позднего периода существования Гонура. В настоящей публикации, с целью представления материалов к такой реконструкции, приводятся предварительные результаты палеопатологического исследования скелетных останков из раскопок объекта Гонур 20.

Материал и методы исследования

В основу работы положен антропологический материал, происходящий из раскопок 2009 – 2011 гг. В общей сложности анализируются скелетные останки 32 индивидов. При этом количество единиц, вовлеченных в те или иные исследовательские процедуры,

варьировало (табл. 1–6). Степень сохранности остеологического материала, как и в целом на Гонуре, различна, что указывает на тафономическую мозаичность памятника. Следует, однако, отметить своеобразную диагенетическую особенность: если в большинстве погребений с других участков лучшую сохранность, как правило, имеют эпифизарные отделы длинных костей, то на Гонур 20 нередко наблюдалась противоположная ситуация – разрушение эпифизов в сочетании с хорошей сохранностью диафизов. Данное обстоятельство, возможно, связано с преобладанием в заполнении могильных ям на рассматриваемом объекте песчаного грунта мелкой фракции (на большей части памятника доминируют плотные лессовидные грунты).

При изучении материала основной упор сделан на палеопатологический аспект. Базовые характеристики погребенных (пол и возраст у взрослых и возраст у субадультиных индивидов) определялись с использованием традиционных визуальных методик (Пашкова, 1963; Алексеев, Дебеч, 1964; Алексеев, 1966; Bass, 1987; Buikstra, Ubelaker, 1994). При рассмотрении распределения по возрастам смерти (табл. 2), соблюдался принцип равенства возрастных когорт и применялся метод скользящей средней, что обусловило наличие дробных чисел (см.: Алексеева и др., 2003, с. 22). Палеопатологическое обследование проводилось с опорой на программу регистрации маркеров стресса, предложенную А.П. Бужиловой (1998). Для признаков, под-

1 Исследование проводится в рамках проекта РФФИ № 10-06-00263а.

2 Взятые образцы угля для радиоуглеродного анализа пока обрабатываются.

дающихся стандартизации, использовались балльные системы ранжирования интенсивности патологических показателей. При рассмотрении заболеваний зубо-челюстного аппарата применялся как индивидуальный, так и зубной счет, что позволило оценить не только частоту, но и интенсивность зубных патологий.

Индивидуальное описание коллекции

Погребение 1. Фрагменты посткраниального скелета средней сохранности. Мужчина зрелого возраста. В области нижней трети обеих большеберцовых (медиальная и, особенно, латеральная поверхности), правой малоберцовой костей и, вероятно, шероховатой линии правого бедра, фиксируется выраженная периостальная реакция (балл 1–2) (рис. 1). На передней стороне дистальных концов больших берцовых костей имеются дополнительные суставные фасетки. На буграх пяточных костей отмечены небольшие вертикальные остеофиты. Небольшие остеофиты наблюдаются также на V–VI шейных и некоторых грудных позвонках (наиболее сильно на XI грудном – размер около 5 мм, ориентировка вертикальная) (балл 1–2). IV–VI шейные позвонки имеют разделенные перемычкой отверстия поперечного отростка. Также можно отметить левостороннюю сакрализацию V поясничного позвонка и частичную оссификацию хрящей I правого и левого ребер.

Погребение 2. Мелкие фрагменты черепа и посткраниального скелета мужчины зрелого возраста. Из индивидуальных особенностей на правой стороне фиксируется наличие удвоенных надглазничных отверстий. На фрагменте левой лопатки, в области суставной поверхности акромиона, наблюдаются ДДИ в виде пороза умеренной интенсивности (балл 1). На телах некоторых среднегрудных позвонков – начальные проявления остеохондроза (балл 1).

Погребение 6. Мелкие фрагменты черепа и некоторые элементы посткраниального скелета. Пол, с некоторым сомнением, определяется как женский. Возраст – *maturus I* (30 – 45 лет). На фрагментах черепной коробки со стороны эндокрана отмечаются литические дефекты различной формы, затрагиваю-

щие внутреннюю костную пластинку и диплоэ – вероятно, диагенетическое изменение.

Погребение 8. Фрагменты черепа и посткраниального скелета мужчины зрелого возраста. Наблюдается сильная лингвальная стертость и гиперцементоз корней имеющихся зубов. В цервикальной области правого P¹ и левых I² – P¹, M^{1,2} фиксируются отложения светлого зубного камня. Левый P² поражен кариесом (балл 4 – полное сечение коронки). В области левого M¹ отмечается деструкция альвеолярного отростка (обнажено менее половины корня). Правый C¹ утрачен при жизни (альвеола облитерирована). Из неметрических признаков на черепе наблюдаются надглазничные отверстия (два на правой стороне, одно – на левой).

На костях посткраниального скелета фиксируются обширные ДДИ. В процесс вовлечены акромиальные и стернальные концы ключиц (балл 1 – умеренный пороз), суставные поверхности бугорков и передние (хрящевые) концы некоторых ребер (пороз, остеофиты), практически весь позвоночный столб. Артрозные изменения в виде краевых костных разрастаний отмечаются в области атлантаосевого сустава. На X–XII грудных позвонках прослеживается частичная оссификация заднего связочного аппарата, справа наблюдается окостенение фиброзного кольца (нижняя межпозвоночная поверхность X, верхняя и нижняя – XI, верхняя – XII позвонков). На нижней межпозвоночной поверхности XI грудного позвонка фиксируются центральные узлы Шморля. На телах I–V поясничных позвонков имеются остеофиты (вертикальная и горизонтальная ориентировка, максимальный размер – 8 мм – балл 2). Вертикальный остеофит (около 7 мм) отмечается и на I крестцовом позвонке. На уровне III–V крестцовых позвонков – *spina bifida*. I копчиковый позвонок ассимилирован крестцом.

Погребение 9. Череп удовлетворительной сохранности. Принадлежал мужчине 25–35 лет. Практически на всех имеющихся зубах наблюдаются отложения зубного камня различной интенсивности. Справа фиксируется прижизненная утрата C¹–P² с полной облитерацией альвеол и редукцией альвеолярного края. В области правого P² также отмечает-

ся каверна диаметром около 12 мм (балл 3). Прослеживается резорбция костной ткани альвеол правого и левого M_1 (балл 1–2). В нижней трети носовых костей наблюдаются следы зажившего перелома (рис. 2). Из индивидуальных особенностей можно отметить наличие блоковой ости (слева), двусторонние заднемышцелковые отверстия, добавочное подбородочное отверстие (справа) и окостенение щитовидного хряща гортани.

Погребение 12. Фрагменты посткраниального скелета плохой сохранности. Мужчина позднерепого возраста. Из особенностей фиксируется гипертрофированное развитие скелетной мускулатуры, в том числе энтеопатия в месте прикрепления камбаловидной мышцы на правой большеберцовой кости. Небольшие ДДИ наблюдаются в области суставной впадины правой и суставной поверхности акромиона левой лопаток (балл 1–2).

Погребение 18. Фрагменты черепной коробки, мелкие кости кистей и стоп взрослого человека. Пол не определяется. Со стороны эндокрана отмечаются диагенетические изменения, аналогичные таковым у индивида из погребения 6.

Погребение 27. Фрагменты черепа и костей посткраниального скелета средней сохранности. Женщина старческого возраста. Наблюдается прижизненная утрата всех верхнечелюстных зубов (альвеолы облитерированы, альвеолярный край редуцирован). На нижней челюсти утрачены все моляры, правый P_1 и левый P_2 (альвеолы облитерированы, альвеолярный край редуцирован). В области S^1 и P^1 – двусторонние кавернозные полости (диаметр правой – около 15 мм, левой – около 16 мм, балл 3). На супраорбитальном крае лобной кости слева имеется одиночное надглазничное отверстие.

Кости посткраниального скелета поротизированы, отмечаются многочисленные ДДИ: артроз крестцово-подвздошных сочленений (балл 2–3), грудино-ключичных и акромиально-ключичных (балл 2) суставов. На левой плечевой кости фиксируются деструкция большого бугорка, резкие ДДИ в области малого бугорка, сужение межбугорковой борозды из-за разрастаний костной ткани, губовидные остеофиты на головке (балл 3–4) (рис. 3). Артрозные изменения наблюдаются

на пяточно-кубовидных, I левом плюснефаланговом суставах, суставной поверхности надколенника (пороз, остеофиты, узлы Поммера). На позвоночном столбе можно отметить спондилоартроз и остеохондроз шейного отдела, поротизацию и краевые разрастания на некоторых позвонках грудного отдела, остеофитоз (до 13 мм, балл 3) позвонков поясничного отдела. Из особенностей на плечевых костях фиксируется межмышцелковое отверстие.

Погребение 30. Скелет средней сохранности, череп фрагментирован. Женщина 25–30 лет. Эмаль имеющихся в сохранности зубов непрозрачна, имеет красноватый оттенок (вероятно, проявление одной из форм имперфектного энамелогенеза). На правом I^1 , левых $I^{1,2}$ и участке I_2-I_2 (вестибулярная поверхность) – слабые отложения зубного камня. Слева наблюдается краудинг I^2 . На участке P_1-P_1 – спейсинг (1–2 мм). Также отмечается гиподонтия M_3 . На черепе слева фиксируется заднемышцелковое отверстие.

На правой локтевой кости наблюдается заживший перелом нижней трети диафиза. На месте повреждения – костная мозоль, следы воспаления отсутствуют, линия перелома не прослеживается. В заднемедиальной части дистального эпифиза правой малоберцовой кости имеется новообразование костной ткани размерами 19 × 15 мм (остеома / экзостоз). На уровне III–IV крестцовых позвонков – spina bifida.

Погребение 31. Фрагменты посткраниального скелета средней или плохой сохранности. Мужчина возмужалого или зрелого возраста. Позвонки в удовлетворительном состоянии, небольшие краевые разрастания отмечаются лишь на некоторых позвонках грудного отдела. На акромиальном конце правой и стернальном – левой ключиц фиксируются незначительные ДДИ. Вдавление левой реберно-ключичной связки гипертрофировано. На VI шейном позвонке отверстие правого поперечного отростка разделено перемычкой. Рукоять и тело грудины синостозированы.

Погребение 32. Незначительные фрагменты посткраниума и черепного свода. Пол, предположительно, женский, возраст – maturus I (30–45 лет). На фрагменте темен-

ной кости наблюдается участок деструкции костной ткани размерами 22×13 мм – вероятно посмертное разрушение.

Погребение 34. Фрагменты черепа и посткраниального скелета плохой сохранности. Женщина старческого возраста. Отмечаются сильная лингвальная (левые C^1 , M^3) и вестибулярная (левые $M_{2,3}$) стертость ряда имеющихся зубов, гиперцементоз корней, отложения светлого зубного камня на сохранившихся резцах, клыках и премолярах. Правый M^1 поражен кариесом (окклюзионная поверхность, балл 1). В области левого M_1 фиксируется резорбция костной ткани альвеолы. Левые P^2 – M^2 утрачены при жизни (альвеолы облитерированы).

На суставных поверхностях нижнего эпифиза правой плечевой кости (блок, головчатое возвышение) наблюдаются выраженные проявления деформирующего артроза (балл 3–4 – пороз, губовидные остеофиты, небольшая полировка). ДДИ отмечаются также на суставной поверхности надколенника, стернальном конце левой ключицы, дистальных фалангах. Из патологических проявлений на позвоночнике фиксируются остеохондроз шейного отдела в сочетании с правосторонним спондилоартрозом IV шейного позвонка, небольшие остеофиты и дегенеративные изменения тел грудных позвонков, горизонтальные остеофиты средней степени выраженности (балл 2) и пороз тел на поясничных позвонках. Из других особенностей можно отметить ложную сакрализацию V поясничного позвонка.

Погребение 35. Мелкие фрагменты черепа и посткраниального скелета ребенка в возрасте от 1 до 1,5 лет. Правый подъязычный канал разделен перемычкой. В области наружных слуховых проходов макроскопически фиксируется симметричное костеобразование, возможно маркирующее двусторонний отит (рис. 4).

Погребение 37. Череп довольно хорошей сохранности и фрагменты посткраниального скелета. Мужчина возмужалого или зрелого возраста. Наблюдается прижизненное выпадение правых P_2 , M_2 и левого M_2 с полной облитерацией альвеол. Правый P^2 поражен кариесом (балл 4 – полное сечение коронки). На имеющихся зубах отмечаются отложения

зубного камня. Из генетических аномалий фиксируются гиподонтия M_3 , правые надглазничное и заднемышцелковое отверстия, разделенные перемычкой подъязычные каналы и отверстие поперечного отростка V шейного позвонка, одиночная шовная косточка в лямбдовидном шве. На носовых костях прослеживаются следы зажившего перелома. На межпозвоночных поверхностях X грудного – III поясничного позвонков наблюдаются задние и центральные узлы Шморля (балл 1 – 2).

Погребение 40. Фрагментированный череп и посткраниальный скелет мужчины зрелого возраста. Из неметрических особенностей фиксируются заднемышцелковые отверстия и вставочные кости в чешуйчатом шве (справа). Позвонки в удовлетворительном состоянии. Патологий, за исключением признаков остеохондроза (балл 2) на V и VI шейных позвонках и некоторого снижения высоты тел ряда среднегрудных позвонков, не отмечается. На суставных поверхностях надколенников наблюдаются локальные узелковые перфорации.

Погребение 42. Фрагменты черепа и посткраниального скелета плохой сохранности. Женщина зрелого возраста. Отмечается гиперцементоз корней сохранившихся зубов. В области левого M_2 – пародонтические изменения (обнажено около половины корня). Фиксируется гиподонтия M_3 . На позвонках шейного отдела (особенно IV и V) наблюдаются признаки остеохондроза (балл 3).

Погребение 44. Незначительные фрагменты посткраниального скелета плохой сохранности. Вероятно, мужчина зрелого возраста.

Погребение 45. Фрагменты посткраниума плохой сохранности. Женщина 30 – 40 лет.

Погребение 46. Фрагментированный череп и элементы посткраниального скелета. Пол не определяется, возраст – juvenis (около 18 лет). На некоторых зубах фиксируются слабые отложения зубного камня (темный, сравнительно твердый). Слева имеется заднемышцелковое отверстие. Отверстие поперечного отростка VI шейного позвонка разделено перемычкой (справа).

Погребение 47. Череп средней сохранности и фрагменты посткраниального скелета плохой сохранности. Женщина возмужало-

го или зрелого возраста. Отмечается гиперцементоз корней имеющихся зубов. Правые M^2 (балл 1, цервикальная область), M_1 (балл 2, цервикальная область) и левый M_2 (балл 1, окклюзионная поверхность) поражены кариесом. Левый M^1 утрачен при жизни. На некоторых зубах имеются слабые отложения зубного камня. На фрагменте нижней челюсти прослеживается атрофия альвеолярного края и прижизненное выпадение правых моляров (альвеолы облитерированы).

В вертлужной впадине левой тазовой кости – ДДИ в виде умеренного пороза (балл 1). На телах четырех поясничных позвонков фиксируются небольшие горизонтальные остеофиты (максимальный размер – 5 мм, балл 2). Из индивидуальных особенностей наблюдаются добавочное подбородочное отверстие (справа), межмышцелковое отверстие плечевой кости (слева), разделение перемычкой отверстия поперечного отростка V(?) шейного позвонка, неполная сакрализация V поясничного позвонка, дополнительные суставные поверхности на передней стороне дистального конца большеберцовых костей, двухсоставная передняя таранная суставная поверхность правой пяточной кости.

Погребение 50. Незначительные фрагменты посткраниального скелета очень плохой сохранности. Пол не определяется, возраст – 30–40 лет. Фиксируются гиперцементоз корней имеющихся зубов и линейная эмалевая гипоплазия на правом C_1 и левых C_1 , P_1 , P^1 .

Погребение 51. Незначительные фрагменты посткраниального скелета очень плохой сохранности. Пол, условно, определен как мужской. Возраст – возмужалый или зрелый (25 – 45 лет).

Погребение 52. Скелет средней сохранности, череп фрагментирован. Мужчина возмужалого возраста. На корнях имеющихся зубов прослеживается гиперцементоз. На большинстве зубов обеих челюстей – отложения зубного камня. На левой большеберцовой кости наблюдается дополнительная суставная фасетка.

Погребение 53. Скелет плохой сохранности. Пол, вероятно, женский, возраст – juvenis (около 14 лет). Эмаль некоторых зубов имеет красновато-желтый оттенок (возможно, про-

явление имперфектного энамелогенеза). На плечевых костях фиксируется межмышцелковое отверстие.

Погребение 54. Череп плохой сохранности, посткраниум – средней сохранности. Мужчина зрелого возраста. Правый M^2 (балл 2, цервикальная область), левые M^1 (балл 1, цервикальная область) и M^3 (балл 1, окклюзионная поверхность) поражены кариесом. Отмечается деструкция альвеол правых и левых P_1 – M_3 , правых C^1 , P^2 , M^1 и левого C^1 . На ряде зубов наблюдаются слабые отложения зубного камня. Из индивидуальных особенностей фиксируются задний костный мостик атланта (аномалия Киммерле) и разделение перемычкой отверстия поперечного отростка IV(?) шейного позвонка.

Погребение 55. Незначительные фрагменты посткраниального скелета и изолированные зубы. Ребенок 0,5 лет.

Погребение 56. Скелет плохой сохранности. Ребенок 6 – 7 лет. Слева отмечается Cribra orbitalia (балл 1 – слабые порозные изменения).

Погребение 58. Скелет средней или плохой сохранности. Женщина зрелого возраста. Обнажены корни правых C^1 – P^2 и левого I^2 (пародонтоз, балл 1). На некоторых сохранившихся зубах – слабые отложения зубного камня. На посткраниальном скелете наблюдаются ДДИ в области стернальных концов ключиц (балл 1 – несильный пороз), ушко-видных поверхностей крестца (балл 1 – 2 – пороз, небольшие разрастания костной ткани), левой вертлужной впадины (балл 1 – умеренный пороз). Среди генетических аномалий фиксируются межмышцелковое отверстие на правой плечевой кости, разделенные перемычкой отверстия поперечных отростков IV и VI шейных позвонков, неполная сакрализация V поясничного позвонка, экзостозы в вертельных ямках бедренных костей.

Погребение 59. Фрагменты черепа и некоторые кости посткраниального скелета ребенка в возрасте 1–2 года. Справа отмечается Cribra orbitalia (балл 1 – слабые порозные изменения), слева – заднемышцелковое отверстие.

Погребение 61. Скелет довольно хорошей сохранности, череп – плохой сохранности. Новорожденный.

Погребение 63. Скелет средней или плохой сохранности. Ребенок в возрасте около 5 лет.

Погребение 65. Скелет средней сохранности. Мужчина зрелого возраста. На всех имеющихся зубах фиксируются отложения зубного камня (светлый, легко откалывается). На корнях некоторых зубов наблюдается гиперцементоз. Отмечается резорбция альвеол правых I^2-P^2 , $I_{1,2}$, $M_{1,2}$ и левых I^2-P^2 , P_1-M_3 (балл 1, обнажено менее половины корня). Слева имеется одиночная вставочная косточка в веночном шве.

Обсуждение результатов

Рассмотрение половозрастного состава изученной выборки (табл. 1, 2) позволяет заключить, что численно преобладают скелетные останки взрослых индивидов зрелого возраста. Выраженной диспропорции половой структуры не наблюдается (56,5% мужчин и 43,5% женщин). Процент детской смертности низок (22,6), наибольшее количество умерших детей приходится на интервал 0–4 года. Средний возраст смерти в группе составил величину 30,6 лет. Средний возраст смерти взрослых – 38,1 лет, мужчин – 38,3 лет, женщин – 36,4 лет. Высчитывание остальных палеодемографических характеристик и построение таблиц смертности было сочтено нецелесообразным ввиду селективности исследованной серии.

Анализ распространенности заболеваний зубо-челюстного аппарата демонстрирует высокую частоту встречаемости зубного камня, прижизненной утраты зубов и патологий пародонта (табл. 3). Необходимо отметить, что при исследовании материала дифференциация пародонтоза (нейродистрофического процесса) и пародонтита (воспалительного заболевания) (Справочник по стоматологии, 1966; Овруцкий, 1991) не проводилась (обе патологии учтены совместно). В первую очередь, это было обусловлено фрагментарной сохранностью некоторых черепов и, соответственно, невозможностью объективного учета порядка выпадения зубов, являющегося диагностическим признаком для палеоматериала (Рохлин, 1965, с. 127-128; Ражев, 2009, с. 332-333).

Частота кариеса в группе также высока, верхушечного абсцесса и патологической

стертости зубов – умеренная. Резких гендерных диспропорций по частоте зубных патологий не наблюдается, можно лишь отметить несколько большую встречаемость зубного камня и пародонтопатий у мужчин, «компенсируемую» у женщин более частой прижизненной утратой зубов.

Показатели зубного счета позволяют оценить степень интенсивности патологий зубочелюстного аппарата (таблица 4). Высока она для зубного камня. Интенсивность патологических изменений в области пародонта суммарно также довольно значительна. Распределение данного показателя непропорционально – достоверно большее количество пораженных альвеол приходится на мужскую подгруппу ($\chi^2 = 16,2$ при $p = 0,00$). То же касается и распределения зубного камня ($\chi^2 = 7,8$ при $p = 0,01$). Интенсивность остальных патологий понижена и гендерных различий не демонстрирует.

Рассмотрение частот стрессовых маркеров на черепе дает возможность констатировать вполне ожидаемое преобладание показателя *Cribra orbitalia* у детей (у взрослых данный признак не зафиксирован) и черепных травм (переломы носа) у мужчин (таблица 5). Из патологий посткраниального скелета также прогнозируемо преобладают дегенеративно-дистрофические поражения и изменения опорно-двигательного аппарата (таблица 6). По локализации заметно доминируют ДДИ позвоночного столба. Из-за фрагментарности большинства посткраниумов, к сожалению, не удалось в полном объеме использовать специальную программу оценки степени изношенности основных крупных суставов (Бужилова, 1995) и дать детальную характеристику особенностям физических нагрузок, испытывавшихся населением Гонур 20.

Следует отметить, что приведенные расчеты, ввиду малочисленности изученной выборки, носят ориентировочный характер и их следует рассматривать как требующие уточнения.

Заключение

Сравнение полученных результатов с общим массивом данных по патологии и демографии гонурской популяции (Бабаков и др., 2001; Дубова, Рыкушина, 2007; Дубова,

Куфтерин, 2008; Куфтерин, 2009; Dubova, Rykushina, 2007) позволяет сделать вывод об отсутствии заметных различий между населением, захороненным на объекте Гонур 20, и остальной части памятника. Палеопатологический профиль выборки из Гонур 20 и серии из руин дворцово-храмового комплекса характеризуется повышенными частотами встречаемости зубных патоло-

гий и дегенеративных изменений опорно-двигательного аппарата на фоне довольно благоприятной демографической ситуации. Приведенные данные можно рассматривать как еще один аргумент в пользу трактовки всех антропологических материалов Гонура в контексте единой палеопопуляции (Дубова, Рыкушина, 2005; 2007; Dubova, Rykushina, 2004).

Таблица 1

Половозрастной состав выборки из раскопок объекта Гонур 20

№ погребения	Пол	Возрастная группа	Возраст, лет
1	♂	maturus	35 – 50
2	♂	maturus	35 – 50
6	♀?	maturus I	30 – 45
8	♂	maturus II	45 – 55
9	♂	adultus	25 – 35
12	♂	maturus II	45 – 55
18	?	adultus – senilis	25 – 70
27	♀	senilis	55 – 65
30	♀	adultus	25 – 30
31	♂	adultus – maturus	25 – 40
32	♀?	maturus I	30 – 45
34	♀	senilis	55 – 65
35	?	infantilis I	1 – 1,5
37	♂	adultus – maturus	25 – 40
40	♂	maturus I	30 – 45
42	♀	maturus II	45 – 55
44	♂?	maturus	35 – 50
45	♀	adultus – maturus	30 – 40
46	?	juvenis	около 18
47	♀	adultus – maturus	25 – 40
50	?	adultus – maturus	30 – 40
51	♂?	adultus – maturus	25 – 45
52	♂	adultus	25 – 30

Таблица 1 окончание

53	♀?	juvenis	около 14
54	♂	maturus I	35 – 45
55	?	infantilis I	0,5
56	?	infantilis I/II	6 – 7
58	♀	maturus	40 – 55
59	?	infantilis I	1 – 2
61	?	infantilis I	0
63	?	infantilis I	около 5
65	♂	maturus	35 – 50

Таблица 2

**Распределение погребенных по возрастам смерти
в выборке из раскопок объекта Гонур 20***

Возраст	Мужчины	Женщины	Взрослые (пол не определен)	Дети	Общее
0 – 4	-	-	-	4,0	4,0
5 – 9	-	-	-	2,0	2,0
10 – 14	-	1,0	-	-	1,0
15 – 19	-	-	1,0	-	1,0
20 – 24	-	-	-	-	-
25 – 29	2,4	1,3	-	-	3,7
30 – 34	1,8	1,5	0,5	-	3,8
35 – 39	3,1	1,5	0,5	-	5,1
40 – 44	2,4	1,0	-	-	3,4
45 – 49	2,3	0,8	-	-	3,1
50+	1,0	2,8	-	-	3,8
Всего	13	10	2	6	31

* – не учтены скелетные останки индивида из погребения 18 (не определен точный возраст)

Таблица 3

**Распространенность заболеваний зубо-челюстного аппарата в выборке
из раскопок объекта Гонур 20 (индивидуальный счет, взрослые индивиды)**

Признак	Мужчины N = 8		Женщины N = 8		Суммарно N = 16	
	п	%	п	%	п	%
Кариес	3	37,5	3	37,5	6	37,5
Апикальный абсцесс	1	12,5	1	12,5	2	12,5
Пародонтоз / пародонтит	4	50,0	3	37,5	7	43,75
Зубной камень	6	75,0	5	62,5	11	68,75
Патологическая стертость зубов	1	12,5	1	12,5	2	13,5
Прижизненная утрата зубов	3	37,5	4	50,0	7	43,75

Таблица 4

Распространенность заболеваний зубо-челюстного аппарата в выборке из раскопок объекта Гонур 20 (зубной счет, взрослые индивиды)

Признак	Мужчины N = 110		Женщины N = 114		Суммарно N = 224	
	п	%	п	%	п	%
Кариес	5	4,5	4	3,5	9	4,0
Апикальный абсцесс	1	0,9	4	3,5	5	2,2
Пародонтоз / пародонтит	34	30,9	6	5,3	40	17,9
Зубной камень	81	73,6	43	37,7	124	55,4
Патологическая стертость зубов	7	6,4	4	3,5	11	4,9
Прижизненная утрата зубов	7	6,4	15	13,2	22	9,8

Таблица 5

Частота некоторых патологических изменений на черепе в выборке из раскопок объекта Гонур 20

Признак	Дети и подростки N = 7		Мужчины N = 8		Женщины N = 8		Суммарно N = 23	
	п	%	п	%	п	%	п	%
Cribra orbitalia	2	28,6	0	0	0	0	2	8,7
Гиподонтия	0	0	1	12,5	2	25,0	3	13,0
Травмы	0	0	2	25,0	0	0	2	8,7
Отит / мастоидит	1	14,3	0	0	0	0	1	4,3

Таблица 6

Частота некоторых патологических изменений посткраниального скелета в выборке из раскопок объекта Гонур 20 (взрослые индивиды)

Признак	Мужчины N = 12		Женщины N = 9		Суммарно N = 21	
	п	%	п	%	п	%
ДДИ суставов верхней конечности	4	33,3	3	33,3	7	33,3
ДДИ суставов нижней конечности	2	16,7	4	44,4	6	28,6
ДДИ на позвонках	6	50,0	5	55,6	11	52,4
Энтесопатии	1	8,3	0	0	1	4,8
Травмы	0	0	1	11,1	1	4,8
Периостит	1	8,3	0	0	1	4,8
Spina bifida sacralis	1	8,3	1	11,1	2	9,5

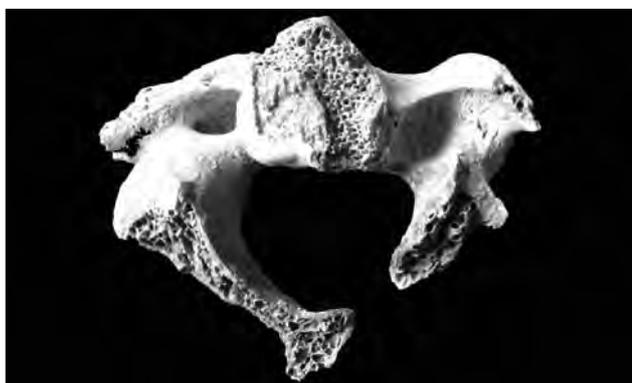

Рис. 3. к ст. Куфтерина, Дубовой.
Признаки декапитации на II шейном позвонке индивида из погребения 4067.

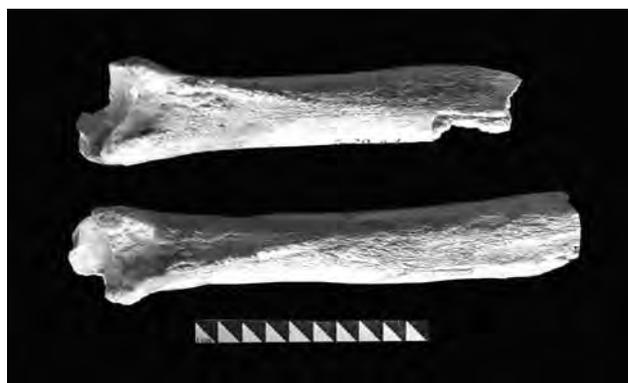

Рис. 1. к ст. Куфтерина. Периостальная реакция на фрагментах больших берцовых костей индивида из погребения 1.

Рис. 2. к ст. Куфтерина.
Перелом носовых костей и прижизненная утрата правых С¹–Р² у индивида из погребения 9.

Рис. 3. к ст. Куфтерина.
Выраженные ДДИ на левой плечевой кости индивида из погребения 27.

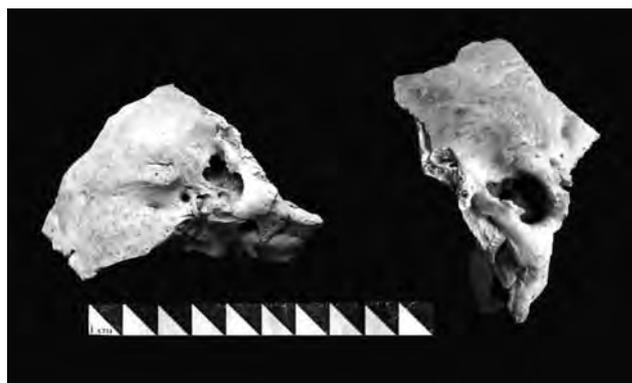

Рис. 4. к ст. Куфтерина. Возможное проявление двустороннего отита в области наружных слуховых проходов у индивида из погребения 35.

Череп веддоидного облика из погребений на территории дворцово-храмового комплекса Гонур Депе: краниология и антропологическая реконструкция¹

В апреле 2011 г. ушла из жизни Галина Вячеславовна Лебединская – ученица М.М. Герасимова, долгие годы руководившая Лабораторией пластической реконструкции Института этнологии и антропологии РАН, подготовившая немало учеников. Ее руками созданы многочисленные скульптурные реконструкции антропологического облика людей древности. Первый опыт скульптурной реконструкции лица по черепу автор получил под руководством Галины Вячеславовны... Ее светлой памяти мне бы и хотелось посвятить это небольшое исследование.

Население одного из крупнейших городов-оазисов Южной Туркмении эпохи бронзы – Гонур Депе подробно и всесторонне охарактеризовано по данным палеоантропологических материалов из обширного некрополя Гонур Депе (Babakov et al., 2001, Бабаков, 2004, Дубова, Рыкушина, 2005, Дубова, 2006, 2010). Большая краниологическая серия была собрана по результатам раскопок третьего периода² существования Гонур Депе. Физический облик и антропологические особенности людей, населявших этот оазис, отражены в ряде пластических и графических реконструкций (Нечвалода, 2008, Дубова, 2006а).

Первый исследователь палеоантропологических материалов из раскопок некропо-

ля Гонур Депе О. Бабаков отмечал присутствие в гонурской краниологической серии черепов с экваториальными чертами: широким носом и альвеолярным прогнатизмом. В частности им определена на двух черепах женском и мужском из некрополя примесь экваториальной расы. Причем, на женском черепе веддоидные особенности выражены несколько сильнее, чем на мужском. По его мнению, это свидетельствует об этнических связях существовавших между древним населением Туркменистана и Индии (Бабаков, 2004, с. 346).

При анализе материалов с территории Туркмении эпохи энеолита и бронзы один из ведущих палеоантропологов Т.А. Трофимова уделила специальное внимание особенностям и генезису экваториального типа, представленного в то время женским черепом энеолитического времени (конец V тыс. до н.э.) из раскопок селища Монжуклы-тепе в низовьях р. Теджен (Трофимова, 1964а, 1964б). Говоря, о генетических связях древнейшего населения Южной Туркмении Т.А. Трофимова выделяет два компонента в составе наиболее древнего пласта населения этого региона. Первый компонент представлен массивным кроманьоноподобным типом, генезис которого она видит в среде автохтонных неолитических популяций связанных своим происхождением с верхнепалеолитическим населением Передней Азии и Северной Аф-

¹ Работы проводятся при финансовой поддержке гранта РФФИ № 10-06-00263.

² По данным стратиграфии и радиоуглеродного датирования выделяется три периода существования памятника. Первый период: со времени основания и до «большого пожара» (2300-2250 гг. до н. э.). Длительность второго периода 200 лет после пожара (1800-1700 гг. до н.э.). Третий период – около 1600 гг. до н. э. (Дубова, 2006).

рики. Второй компонент – экваториальный тип (*южноиндийский, дравидийский или протоавстролоидный*). По ее мнению население экваториального облика проникало на территорию Средней Азии неоднократно с глубокой древности с племенами, двигавшимися с юга по Теджену – Герируду из бассейна Инда.

Развивая свою мысль, о присутствии экваториальных форм на территории Средней Азии с глубокой древности, исследовательница отмечает, что, вероятно, это – отражение древнейших генетических связей, существовавших со времени верхнего палеолита между экваториальными формами Африки и Океании, путь которых мог пролегать через Индостан, юг Средней Азии и Переднюю Азию (Трофимова, 1964а, с. 6-7).

Веддоидный долихокранный прогнатный тип известен на нескольких памятниках Передней Азии и Индии: Тепе-Гиссар, Киш, Сиалк, Мохенджо-даро. В частности, исследователь Тимаргархи на территории Пакистана В. Бернхардт отметил наличие веддоидных особенностей на двух женских, одном мужском, и возможно одном детском черепе. Он отмечает признаки общей грацильности краниологического материала, такие как прямой лоб, слабо выраженная глабелла и надбровные дуги, ярко выраженный прогнатизм (Bernhardt, 1967, p. 374).

До II тысячелетия до н.э. на северо-западе Индостана существовала одна из могущественных цивилизаций Древнего мира – Хараппская. В краниологической серии из Мохенджо-даро, одного из центров Хараппской цивилизации, исследователи выделяли «протоавстролоидный тип» именуемый другими авторами протодравидийским или веддоидным (Sewell, Guha, 1931).

Позднее, в эпоху бронзы, во II тыс. до н.э. отчетливая примесь экваториального типа прослеживается на севере в Хорезмском оазисе среди населения тазабагъябских племен по материалам могильника Кокча 3.

Краниологические материалы, демонстрирующие экваториальные особенности древнего населения Средней Азии нашли свое отражение и в отечественной школе антропологической реконструкции лица по черепу. Как нам кажется, вполне уместным будет в контексте этой статьи представить рекон-

струкции по черепам экваториального облика с территории Средней Азии.

Умелыми руками ученицы профессора М.М. Герасимова Галины Вячеславовны Лебединской был воссоздан облик женщины из Монжуклы-тепе (рис. 1а), ярко и выразительно демонстрирующий расовые особенности морфологии лицевого скелета энеолитического черепа из южной Туркмении. В этом же ряду реконструкция по черепу мальчика из могильника Кокча 3 (рис. 2б). На материалах данного могильника Т.А. Трофимовой был выделен один из типов населения Хорезма обладавший индо-дравидоидными особенностями.

Г.В. Лебединской был воссоздан облик мужчины из погребения № 18 (памятник Калалы-Гыр) из так называемой «башни молчания» связанной с зороастрийским культом (рис. 1а). Т.А. Трофимова при рассмотрении калалыгырских черепов три из них отнесла к дравидоидным формам (1959).

Мэтром антропологической реконструкции М.М. Герасимовым была создана скульптурная реконструкция по женскому черепу из могилы 8 Ширинсайского могильника (III–IV вв. н.э.). По мнению М.М. Герасимова, на данном черепе отчетливо прослеживаются элементы европеоидного и дравидоидного типов (рис. 1г). В результате смешения этих двух антропологических категорий образовался смягченный, промежуточный тип, трудно диагностируемый (Герасимов, 1949, с. 126).

Археолого-исторический контекст

Открыватель и исследователь Гонур Депе профессор В.И. Сарияниди, говоря о связях населения Южной Туркмении (Маргианы) и Гонура, в частности, говорит о множестве артефактов выразительно свидетельствующих о связях Южного Туркменистана с Индийским субконтинентом. Так, в Маргиане имеется много предметов, сделанных из слоновой кости, аналогичных таковым, найденным на памятниках цивилизации долины р. Инд. Там известны, например, коленопреклоненные статуэтки, у которых одно колено выступает вверх. Аналогичная каменная статуэтка была найдена в «царском святилище» на Го-

нур Депе. Эти и другие подобные находки в Маргиане могут указывать на интенсивные взаимные контакты жителей этих двух областей в древности, задолго до предполагаемого «арийского завоевания». О таких же связях свидетельствует и находка типичной *харап্পской печати* (курсив мой – А.Н.) с изображением слона в ранних слоях Гонура. По мнению известного индолога А. Парполы, эта печать имеет бесспорное харап্পское происхождение. В ходе археологических раскопок в Маргиане были встречены орнаментированные гребни для волос, ручки кинжалов, различные булавки и разнообразные накладки из слоновой кости, а также один фрагмент необработанного бивня слона. Обнаружение части необработанного слоновьего бивня в камерной могиле № 3245 на царском некрополе Гонура может с уверенностью свидетельствовать, что слоновья кость привозилась в Маргиану из значительно более южных районов в качестве сырья (Сарианиди, 2010, с. 110).

Проблема происхождения дравидов, в том числе проблема их предполагаемой прародины и ухода с нее, время и пути заселения ими Индийского субконтинента, формирования дравидоязычных популяций, до сих пор остаются открытыми и остро дискуссионным предметом в лингвистике, археологии, антропологии и древней истории Индии. В работе М.Ф. Альбедиль и Н.Г. Краснодембской (1994, с. 245-246) дается краткий обзор теорий и гипотез по данной проблеме, сложившихся в исторических науках за последнее время. По их мнению, предлагаемые теории и гипотезы часто противоречат друг другу, не объединяют и не объясняют всех имеющихся фактов. Их можно свести к двум основным группам.

Согласно одной группе гипотез, дравиды — автохтонное население юга страны, живущее здесь с «незапамятной древности» (Purnalingam Pillai, 1945); согласно другим, они — потомки древних шумеров. Сторонники второй группы гипотез связывают дравидов с цивилизацией древней Месопотамии (David, 1954).

По последним гипотезам, на Южноазиатский субконтинент дравиды (точнее, протодравиды) пришли с запада или северо-запада — из *Средней Азии* (курсив мой – А. Н.), дви-

гаясь по долинам Тигра и Евфрата, а затем по побережью Персидского залива. Шумеры, которые появились в Нижней Месопотамии позже, должны были вступить в контакт с древними дравидами в очень раннее время (Кнорозов, 1981, с. 69-70; Бонгард-Левин, Гуру, 1985, с. 68-80). Одно из самых веских оснований для подобного предположения — значительное число сходжений (корреспонденции) в лексике и морфологии между дравидскими и эламскими языками.

Американский лингвист Макэлпин пишет о генетическом родстве между дравидскими и эламскими языками и об их общем предке — праэламо-дравидском языке. Идея такого родства была высказана еще в прошлом веке Р. Колдуэллом. Макэлпин из 250 эламских лексических корней с надежно устанавливаемым звучанием и пригодной для сопоставления семантикой выявил 40% дравидских соответствий (для корней, зафиксированных в среднеэламских текстах, эта доля еще больше). В области морфологии постулируется общность не только отдельных формантов, но и целых систем (например, падежных показателей, аппеллятивов, парадигмы местоимений). Макэлпин полагает, что можно рассматривать эламский и дравидские языки как близкие ветви одной языковой семьи. Наиболее вероятной прародиной эламо-дравидов он считает Западную Азию, скорее всего Иран. Наиболее вероятной датировкой праэламо-дравидской общности — V тысячелетие до н.э. (McAlpin, 1981).

Материал и методы

Во время археологических работ 2007-2010 гг. на Гонур Депе были продолжены исследования погребений на руинах дворцово-храмового комплекса, относящихся к последнему, третьему периоду существования памятника. Полевой сезон 2007 г. пополнил гонурскую краниологическую серию черепом молодой женщины из погребения № 3734 обладающего яркими экваториальными особенностями (рис. 2 а,б). Сезон 2010 г. принес находку черепа женщины из погребения № 3952, также с выраженными экваториальными признаками (рис. 2 в,г).

Во время весеннего полевого сезона работ 2011 г. на Гонур Депе с черепа с нижней че-

Череп веддоидного облика из погребений на территории дворцово-храмового комплекса Гонур Депе

люстью из погребения № 3952 автором была снята сложная комбинированная форма (для ее получения использовались формосил и гипс). В камеральных условиях была отлита гипсовая копия черепа и нижней челюсти.

Копия послужила основой для работы над реконструкцией лица по черепу. Некоторые краниометрические промеры (45. – скуловой диаметр, дакриальная и симотическая высоты) были уточнены по копии черепа.

Таблица 1

Краниометрические показатели черепов, имеющих явные веддоидные черты из погребений 3-го периода существования Гонур Депе

Признак (по Мартину)	Гонур Депе 2007 г. № 3734	Гонур Депе 2010 г. № 3952
	♀	♀
1. Продольный диаметр	175	187
8. Поперечный диаметр	128	140
8:1. Черепной указатель	73, 4	74, 8
17. Высотный диаметр базион-брегма	134	129
5. Длина основания черепа	99	99
9. Наименьшая ширина лба	90	93
10. Наибольшая ширина лба	107	112
11. Ширина основания черепа	108	110
12. Ширина затылка	99?	102?
29. Лобная хорда	102	111
30. Теменная хорда	116	107
31. Затылочная хорда	96	106
24. Поперечная дуга пор.-бр.-пор.	302	
25. Сагиттальная дуга		372
26. Лобная дуга	118	128
27. Теменная дуга		115
28. Затылочная дуга		128
Высота изгиба лба	24	28
45. Скуловой диаметр	120?	122?
48. Верхняя высота лица	56	62
48:45. Верхне-лицевой указатель	46,7	54,0
47. Полная высота лица	97	106
47:45. Лицевой указатель	80, 8	86, 8
43. Верхняя ширина лица	100	100
46. Средняя ширина лица	88	96
60. Длина альвеолярной дуги	51	55
61. Ширина альвеолярной дуги	58	64
62. Длина неба	44	48
63. Ширина неба	40	34
55. Высота носа	40	43
54. Ширина носа	24	25, 5
54:55. Носовой указатель	60, 0	59,3
51. Ширина орбиты от mf	38	41, 5
51а. Ширина орбиты от d	35	38
52:51. Орбитный указатель	76, 3	73, 5
52. Высота орбиты	29	30, 5
20. Ушная высота	117, 3	
43(1) Биорбитальная хорда	88	93, 4

Таблица 1 окончание

Признак (по Мартину)	Гонур Деле 2007 г. № 3734	Гонур Деле 2010 г. № 3952
	♀	♀
Высота назиона над биорбитальной хордой	14, 8	18,5
77. Назомалярный угол	142, 9°	136, 8°
Зиго-максиллярная хорда	88	96?
Высота Ss над зиго-максиллярной хордой	23	25, 7
Zm. Зигомаксиллярный угол	125, 1°	123, 8°
Sc. Симотическая ширина	8, 5	7, 3
Ss. Симотическая высота	4, 5	3, 5
Mc. Максиллофронтальная ширина	18	18,1
Ms. Максиллофронтальная высота	7, 3	4 7
Dc. Дакриальная ширина	22	23, 4
Ds. Дакриальная высота	13, 0	9, 4
M1 Индекс массивности мозговой коробки	144, 2	150
M2 Индекс относительной высоты свода	8, 95	
M3 Индекс величины лицевого скелета	81, 9	86, 9
Fc. Глубина клыковой ямки	6, 5	2, 8?
32. Угол профиля лба от назиона	90°	84°
Угол профиля лба от глабеллы	87°	80°
33(1). Угол верхн. ч. затылка к горизонтали		103°
33(2). Угол нижн. ч. затылка к горизонтали		16°
33(4). Угол перегиба затылка		119°
72. Общий лицевой угол	79°	73°
73. Средний лицевой угол	84°	73°??
74. Угол альвеолярной части	63°	59°
75. Угол наклона носовых костей	68°	51°
75(1). Угол выступания носа	11°	22°
68(1). Длина нижней челюсти от мыщелков	105	99?
70. Высота ветви	42	55
71a. Наименьшая ширина ветви	32	35
65. Мыщелковая ширрина	96	102
66. Угловая ширина	82	89, 5
67. Передняя ширина	41	43, 5
69. Высота симфиза	29	32
69(1). Высота тела	25	28
69(3). Толщина тела	10	14
Надпереносье (по Мартину 1-6)	2	3
Форма черепа сверху	ovoid	Ovoid
Надбровные дуги (1-3)	1	1
Наружный затылочный бугор (по Брока 0-5)	0	
Сосцевидный отросток (1-3)	1	2
Нижний край грушевидного отверстия	anthr.	anthr.
Передне-носовая ость (по Брока)	2	2

Череп исследовались в рамках принятой в отечественной антропологической науке программы (Алексеев, Дебец, 1964). Краниометрические показатели сведены в

табл. 1. Дополнительно, на черепах брались вспомогательные размеры необходимые для объективного воспроизведения лица по черепу (Лебединская, 1998). Вычислялись так-

Некоторые указатели черепа женщины из погребения № 3734

индекс	характеристика	значение индекса
8:1. поперечно-продольный	долихокран (70,0 – 74, 9)**	73, 4*
17:1. высотно-продольный	гипсикран (75,0 – x)	76, 5
17:8. высотно-поперечный	акрокран (98,0 – x)	100
9:8. лобно-поперечный	ультрагипермегазем (80,0 – x)	84, 1
47:45. общелицевой	зурипрозоп (80,0 – 84, 9)	80, 8
48:45. верхнелицевой	зуриен (45,0 – 49, 9)	46, 7
52:51. орбитальный	хамеконх (76,0 – 84,9)	76, 3
54:55. носовой	гиперхамерин (58,0 – x)	60, 0

*значение индекса исследуемого черепа

**градации индекса по Мартину (межгрупповая шкала)

же индексы: массивности мозгового черепа (M1), величины лицевого скелета (M2), относительной высоты свода (M3)³.

Особое внимание мы уделили исследованию лицевого скелета. Показатели горизонтальной профилировки лица и области переносья являются одними из наиболее таксономически ценных признаков в краниологии, разграничивающих большие расы. Несмотря на малочисленность исследуемой выборки, и применяемый в этом случае индивидуальный уровень исследования, мы воспользовались приемом, предложенным И.И. Гохманом (1980). Были определены показатели общей профилированности лица и общей профилированности переносья.

Моделирование мягких тканей лица по черепу производилось по методу, разработанному М.М. Герасимовым (1949, 1955) в соответствии с методическими разработками Г.В. Лебединской (1998). На этапе постановки смоделированного глазного яблока в орбиту (его размер, степень выступания из орбиты) использовались методические приемы С.А. Никитина (2007).

Краниологическая характеристика

В краниологическом смысле под экваториальными особенностями на черепе мы понимаем следующие признаки: прогнатизм, относительную широконосость, среднее или

невысокое переносье, среднее или слабое выступание носовых костей по отношению к профилю лица, средняя уплощенность лицевого скелета в области горизонтальных углов. Рассмотрим морфологический комплекс черепов из погребений 3-го этапа существования Гонур Деле.

Погребение № 3734. Череп молодой женщины хорошей сохранности, очень грацильный (рис. 2 а,б). Все швы мозгового черепа открыты, третьи коренные зубы еще не прорезались. Основно-затылочной синостоз не закрыт. Возраст можно определить в 16-18 лет. Обращает на себя резко долихокранная, высокая (акрокrania – высота черепа равна его ширине), и узкая мозговая коробка. Лицевой скелет имеет среднюю профилировку. На уровне орбит можно говорить о более выраженной уплощенности лицевого скелета.

Верхний отдел лица – низкий и узкий. Орбиты среднеширокие и очень низкие (хамеконхные). Нос невысокий и очень широкий (гиперхамерин). Обращают на себя внимание носовые кости, имеющие крышеобразную форму. Т.А. Трофимова (1959, с. 54), говоря о «веддоидном» типе выделенном ею в серии из оссуарного могильника Калалы-гыр, и характеризуя череп № 64, отметила высокие крышеобразные кости носа, высота которых определяется большими величинами симотической высоты и симотического указателя,

3 M1 представляет собой среднюю геометрическую из размеров трех основных диаметров мозговой коробки и отражает ее общую массивность. M2 – частное от деления размера высоты мозговой коробки от порионов на среднюю геометрическую из размеров продольного и поперечного диаметров черепа. Данный индекс указывает на относительную высоту свода мозговой коробки. M3 – средняя геометрическая из размеров ширины и верхней высоты лица дает представление о его общей массивности.

Некоторые указатели черепа женщины из погребения № 3952

индекс	характеристика	значение индекса
8:1. поперечно-продольный	долихокран (70, 0-74, 9)	74, 8
17:1. высотно-продольный	хамекран (х-68,9)	68,9
17:8. высотно-поперечный	метриокран (92, 0-97,9)	92, 1
9:8. лобно-поперечный	ультрагипермегазем (80,0-х)	83, 0
47:45. общелицевой	мезопрозоп (85, 0-89, 9)	86, 8
48:45. верхнелицевой	мезен (50, 0-54, 9)	54, 0
52:51. орбитальный	хамеконх (х-82, 9)	73, 5
54:55. носовой	гиперхамерин (58, 0-х)	59, 3

сочетающимися со слабым выступанием носовых костей над линией профиля лица. Этот морфологический комплекс, фиксируется и на черепе № 3734.

По общему лицевому углу лицевой отдел прогнатный, в сочетании с резко выраженным альвеолярным, зубным прогнатизмом, и макродонтией. Наблюдаемый комплекс представляется нам выраженно экваториальным (табл. 2).

Погребение № 3952. Череп женщины хорошей сохранности (рис. 2 в,г). Разрушена левая височно-теменная область. Возраст 18-22 года. Череп долихокранный с низким мозговым сводом (хамекран).

В латеральной норме по контуру мозгового свода наблюдается небольшое постбрегматическое понижение. Затылок выступающий («затылок Тутанхамона»). Эта особенность очень хорошо заметна на одном из этапов реконструкции лица по черепу (рис. 4б). Лицевой скелет средних размеров. Можно отметить достаточно резкую профилировку в горизонтальной плоскости в подносковой части лица в сочетании с ослабленной профилировкой в области переносья, что является морфологической особенностью данного черепа.

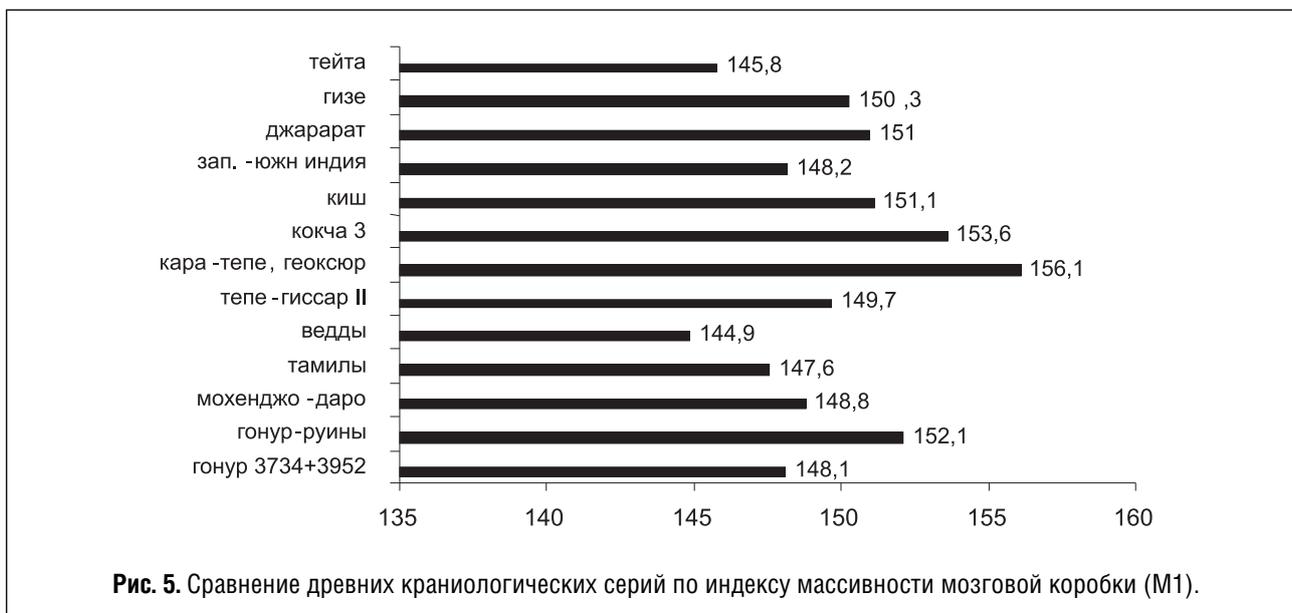
Орбиты неширокие и низкие (хамеконх). Нос невысокий и очень широкий (гиперхамерин). По лицевому углу череп прогнатный с резко выраженным альвеолярным и зубным прогнатизмом. Нижняя челюсть грацильная. Данный комплекс краниологических особенностей позволяет нам говорить о выраженном экваториальном типе (табл. 3).

Нами были вычислены индексы массивности мозговой коробки (М1), относи-

тельной высоты свода (М2), индекс величины лицевого скелета (М3). На гистограмме (рис. 5) приведены результаты сопоставления древних краниологических серий по индексу массивности черепной коробки. Для сравнения привлечены следующие краниологические серии: Гонур, руины – серия II тыс. до н.э. с территории Южной Туркмении (Дубова, 2010); Киш – серия, представляющая население Южной Месопотамии середины III тыс. до н.э. (Алексеев, 1980); Западная и Южная Индия – материалы, представленные черепами из трех могильников эпохи неолита и бронзы III-II тыс. до н. э. (Лангнадж, Теккалакотта, Неваса) (Абдушелишвили, Алексеев, Малхотра 1980). По мнению авторов публикации, эти черепа имеют общий средиземноморский облик со значительным влиянием протоавстролюидного (веддоидного элемента); Гиза – черепа египтян XXVI-XXX династии из Гизы (I тыс. до н. э.) (Howells, 1973); Джарарат – серия из могильника на юго-западном берегу озера Севан, представляющая краниологический тип древних средиземноморцев (Алексеев, 1974); Тейта – черепа негроидов племени Тейта (Howells, 1973), живущих на юге Кении⁴ Параметры по сериям веддов (Woo, Morant, 1932), тамиллов (Harrower, 1926), Мохенджо-Даро (Sewell, Guha, 1931) Тепе-Гиссар II (III-II тыс. до н.э.), Кара-Тепе Геоксюр (IV-III тыс. до н.э.), Кокча 3 (II тыс. до н.э.) заимствованы нами в работе: Трофимова, 1964б.

Общую грацильность мозговой капсулы демонстрируют ведды, негроидная черепная серия из Восточной Африки (племя Тей-

4 Сравнительные данные, привлеченные для анализа, взяты из работы Ю.К. Чистова (1995, с. 507).

та) и тамилы. Серия черепов из Западной и Южной Индии (со значительной примесью веддоидного компонента) имеют относительную грацильность мозговой капсулы. Такой же индекс массивности черепной коробки характерен и для «веддоидных» черепов Гонура. Древние средиземноморцы Кара-Тепе, Геоксюра, Тепе Гиссара, Джарарата, Киша и Гонура-руины имеют наибольшую матуризованность (рис. 5)

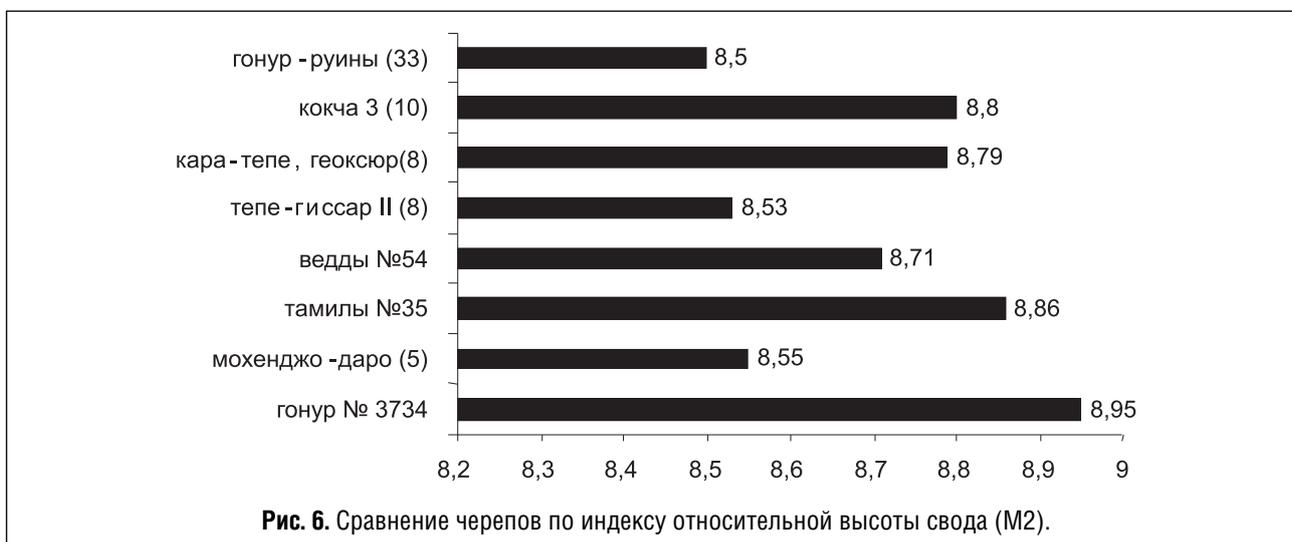
Выразительная картина вырисовывается при сравнении черепных серий по индексу относительной высоты свода (см. рис. 6)

Наибольшую относительную высоты свода показал гонурский череп № 3734, что неудивительно при малых широтных размерах черепной коробки. Хотя, конечно, надо иметь в виду, что такой величины показатели вполне могут иметь и отдельные

череп, например, среди тамилы, в сериях из Кочки 3, Кара-тепе или Геоксюра. На черепных сериях тамилы и веддов мы можем отметить те же особенности строения свода. Череп веддов резко долихокранны и акрокранны (высота черепа превышает ширину).

На рис. 7 показано сопоставление черепов, привлеченных для анализа по индексу массивности лицевого скелета. На гистограмме хорошо видно, что грацильностью в строении лицевого скелета обладают экваториальные группы: ведды, «веддоиды» Гонур Депе. Череп женщины из Монжуклы-тепе и мужской череп из Мохенджодаро обладают более массивным лицевым скелетом.

Воспользовавшись приемом, предложенным И.И. Гохманом (1980), на «веддоидных»

черепках из Гонур Деде⁵ были определены общая профилированность лица, профилированность переносья. Величины этих признаков соотношены с пределами их межгрупповой изменчивости у современных рас. На графике (рис. 8) показаны значения этих параметров еще в нескольких черепных сериях как древности так и современности представляющих различные расовые стволы.

В левой нижней части графика сосредоточились черепные серии: Гонур-руины, Киш, Джарарат, Гиза, показатели горизонтальной профилировки лица и переносья которых не выходят за пределы межгрупповой изменчивости в европеоидных сериях. Серия из Восточной Африки (племя Тейта) заняла подбоящее ей место в области, обозначающей пределы изменчивости африканской расы.

Черепка «веддоидного» облика из погребений на территории дворцово-храмового комплекса Гонур Деде демонстрируют высокое значение указателя профилированности лица, превышающее таковые в сериях из Западной и Южной Индии, и негроидной серии из Восточной Африки. Переносье у «веддоидов» Гонур Деде менее уплощено по сравнению со значением общей профилированности переносья на черепках из Западной и Южной Индии.

На оси ординат отложен показатель профилированности лица, на оси абсцисс – профилированность переносья. Овалами на графике отмечены области расположения популяций больших рас: I – европеоидной, II – монголоидной, III – негроидной. Обозначение серий: 1 – Гонур № 3952; 2 – Гонур-руины; 3 – Киш; 4 – Западная и Южная Индия; 5 – Джарарат, 6 – Гизе, 7 – Тейта.

Этапы восстановления лица по черепу

На рис. 3 и 4 показаны этапы скульптурной реконструкции лица по «веддоидным» черепкам из погребений 3-го этапа существования Гонур Деде. Данные черепки несут яркие признаки принадлежности к экваториальному расовому стволу: резко выраженная долихокrania, наряду с акрокranностью, низким и узким лицевым скелетом, гиперхмеринией, альвеолярным прогнатизмом. Все это делало задачу реконструкции лица по черепу весьма интересной.

Выполненные скульптурные портреты по черепкам молодых женщин из погребений (№ 3734, 3952) на территории дворцово-храмового комплекса Гонура (середина II тыс. до н.э.) свидетельствуют, что на территории Южной Туркмении с древнейших времен

⁵ При вычислении общей профилированности лица (139, 8) мы воспользовались измерениями по черепу 3734, как наиболее «экваториального» по углам горизонтальной профилировки. Общая профилированность переносья вычислялась по измерениям черепа 3952 (она равна 97,8), так как при реставрации черепа 3734 носовые косточки были поставлены на место с помощью восковой мастики, что, несомненно, могло повлиять на результаты измерений симотической и дакриальной высоты. При большой роли индивидуальной изменчивости и малочисленности выборки, такая процедура вполне оправдана.

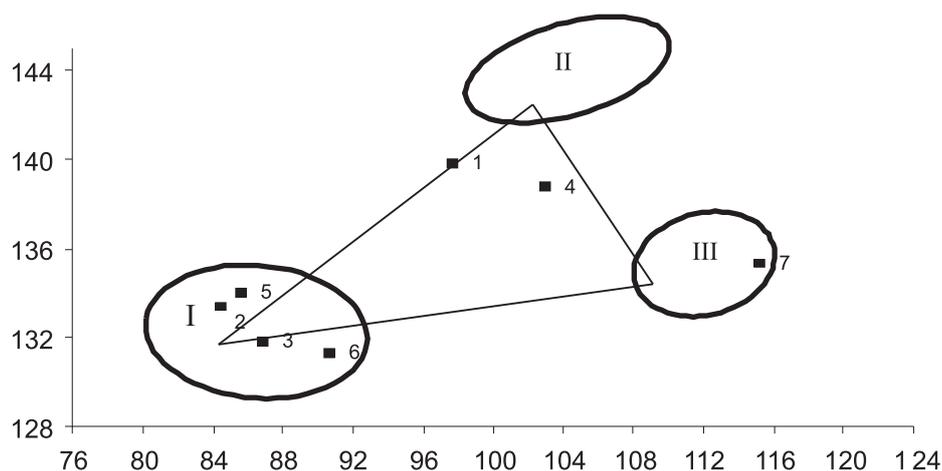

Рис. 8. Положение древних краниологических серий на корреляционном поле по признакам горизонтальной профилированности лица и переноса (шкала межгрупповая, данные взяты из: Гохман, 1980).

На оси ординат отложен показатель профилированности лица, на оси абсцисс – профилированность переноса.

Овалами на графике отмечены области расположения популяций больших рас:

I – европеоидной, II – монголоидной, III – негроидной. Обозначение серий: 1 – Гонур № 3952; 2 – Гонур-руины; 3 – Киш; 4 – Западная и Южная Индия; 5 – Джарарат, 6 – Гизе, 7 – Тейта.

обитало население, несущее в своем физическом облике черты экваториального расового ствола.

В любом случае, вопросы связанные, со временем проникновения, и появления эква-

ториальных форм на юге Центральной Азии, проблема предполагаемой «прародины» *протоавсталоидов, веддоидов, веддидов*, (курсив мой – А.Н.) нами не затрагивались и остаются пока предметом дискуссий.

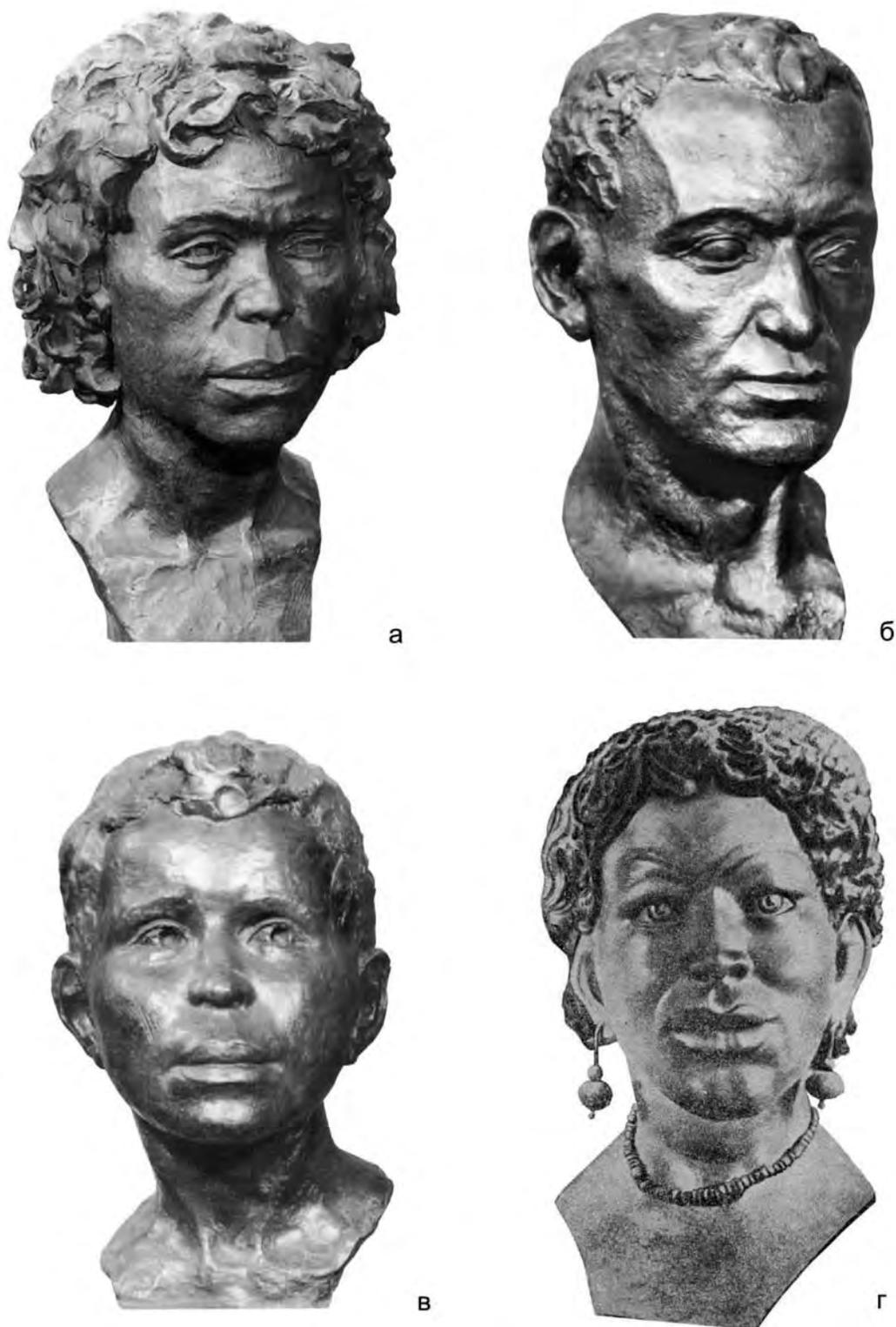

Рис. 1. Физический облик людей различных эпох с чертами экваториальной расы с территории Средней Азии по данным пластической антропологической реконструкции: а) Южная Туркмения. Энеолит. Скульптурная реконструкция выполнена по черепу женщины из погребения №5 могильника Монжуклы-тепе. Автор Г.В. Лебединская (по Лебединская, 2006, с. 108); б) Хорезм (II-III вв. н. э.). Дворец Калалы-Гыр, «башня молчания». Скульптурная реконструкция выполнена по черепу мужчины из погребения №18. Автор Г.В. Лебединская (по Лебединская, 2006, с. 175); в) Южное Приаралье. Могильник Кокча 3 (XIII-XI). Южное Приаралье. Тазабаябская культура. Скульптурная реконструкция выполнена по черепу мальчика из погребения № 26 могильника Кокча. Автор Г.В. Лебединская (по Лебединская, 2006, с. 149); г – Ширинсайский могильник (III-IV вв. н. э.). Скульптурная реконструкция выполнена по черепу женщины из могилы 8. Автор М.М. Герасимов (по Герасимов, 1949, с. 128).

Рис. 2. Череп веддоидного облика из погребений 3-го этапа существования Гонур-депе. Погребение 3734, череп с нанесенным маркером толщины мягких тканей в области правой скуловой дуги: а) *norma facialis*; б - *norma lateralis*; Череп из погребения 3952: в) *norma facialis*; г) - череп из погребения 3952; *norma lateralis*.

Рис. 3. Этапы реконструкции лица по черепу молодой женщины из погребения 3734: а) один из завершающих этапов реконструкции лица по черепу; б) скульптурный портрет молодой женщины из погребения 3734, дополненный прической.

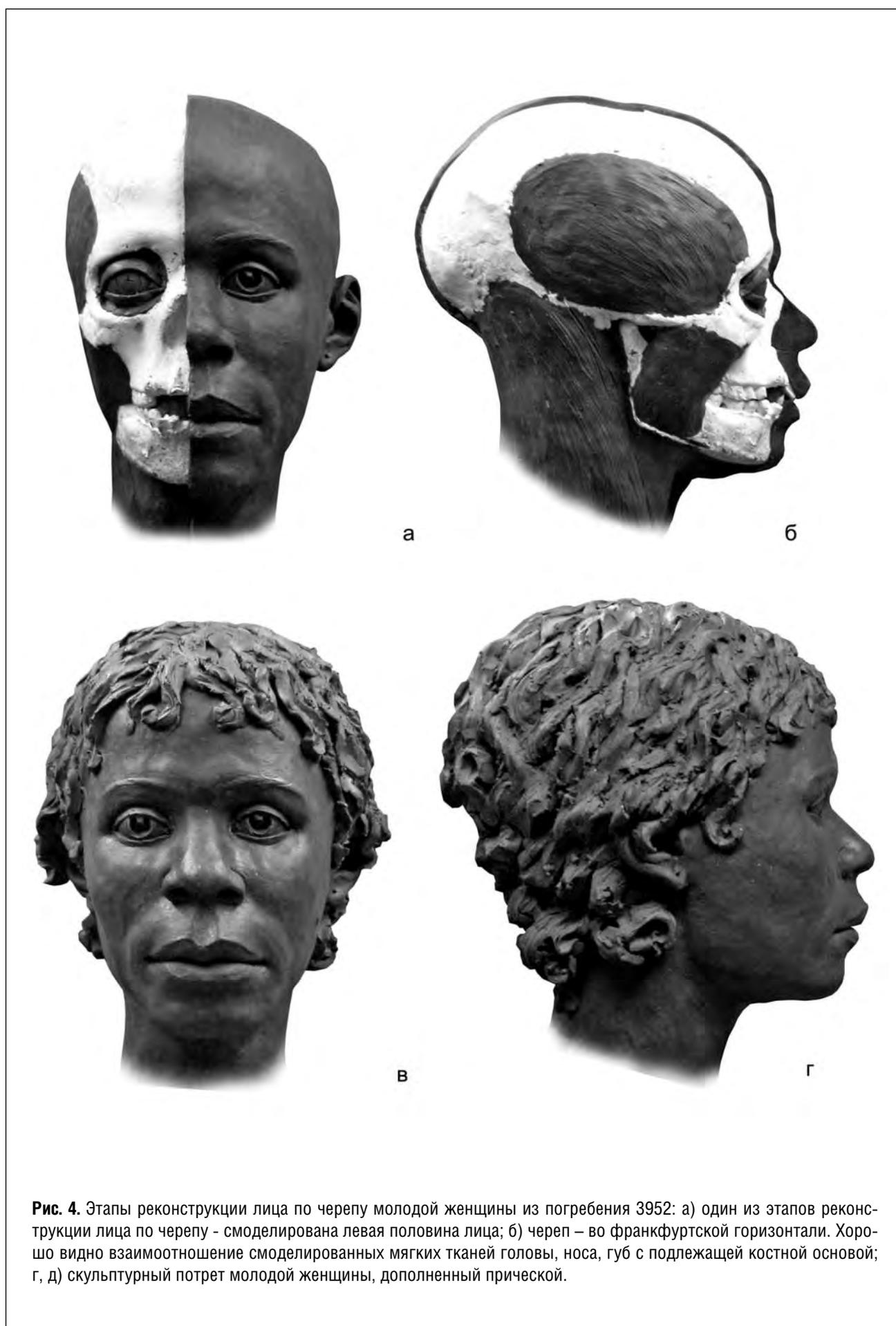

Рис. 4. Этапы реконструкции лица по черепу молодой женщины из погребения 3952: а) один из этапов реконструкции лица по черепу - смоделирована левая половина лица; б) череп – во франкфуртской горизонтали. Хорошо видно взаимоотношение смоделированных мягких тканей головы, носа, губ с подлежащей костной основой; г, д) скульптурный портрет молодой женщины, дополненный прической.

Погребения животных в стране Маргуш¹

Среди четырех с лишним тысяч погребений, которые раскопаны на Гонур Депе, выделяется особая их группа, где в качестве основных погребенных выступают разные животные – бараны (в основном маленькие ягнята), козы, собаки. Ранее мы уже уделяли внимание этому вопросу (Сарианиди, Дубова, 2007; Дубова, 2008)². Но материал на данную тему постоянно накапливается. Благодаря участию в работе экспедиции археозоолога, уточняются видовые определения захороненных животных, детали их погребения. Каждый новый сезон работ приносит достаточно неожиданные находки на разных территориях памятника. Так, например, во время весеннего и осенних полевых сезонов 2011 г. на территории царского некрополя была раскопана целая серия интереснейших погребальных сооружений, где были захоронены собаки и фрагменты других животных (свиней и коров). Поэтому нет сомнения в том, что более подробное, чем предшествующие, рассмотрение вопроса весьма актуально. Представляемое вниманию читателя исследование претендует лишь на подведение промежуточного итога исследования, когда уже удалось обнаружить некоторые закономерности и сделать определенные выводы, но полная разработка данной темы, конечно,

еще впереди. Также как и подробный археозоологический анализ всех находок.

Кости животных на памятнике встречаются в большом количестве. Так, они происходят из ритуальных объектов, человеческих погребений и помещений, а также пространства между ними. Как отмечает археозоолог Р.М. Сатаев, в общем виде это: остатки животных и их дериватов, использовавшихся в ритуальных целях (без явной связи с погребально-поминальным обрядом); остатки животных, использованных в погребально-поминальном обряде (кости жертвенных животных, связанных с погребениями, остатки заупокойной мясной пищи) и крайне редко и только на определенных территориях – кухонные отходы (кости животных, использованных в пищу) (Сатаев, 2008). Здесь мы уделим внимание лишь тем находкам, которые происходят из специальных захоронений животных или их фрагментов.

Всего в настоящее время раскопано 74 местонахождений полных или фрагментированных костяков 162 животных³. Чаще всего обнаруживаются погребения баранов/коз (всего 37 погребения, где находились останки 58 особей), а также собак (33 погребений, 57 особей) (табл. 1, рис. 1). На Гонуре встречаются разные их типы: погребения животных

1 Статья подготовлена в рамках работы над проектом РФФИ № 10-06-00263.

2 Несколько ранее В.И. Сарианиди и мной для выпуска ЗВОРАО был подготовлен несколько более краткий вариант данной статьи, где учтены только результаты весенних работ 2011 г. на Гонуре (Сарианиди, Дубова, в печати).

3 В этой работе анализируются погребения животных, выявленные только на самом Гонур Депе (Северный, Южный Гонур и некрополь Гонура). Кроме этих данных, в 2009-2011 гг. было раскопано несколько подобных же захоронений на двух самостоятельных небольших поселениях, которые располагаются к югу от центрального (Гонур 20 – в 1, 5 км, а Гонур 21 – в 3 км). Они здесь не затрагиваются.

Таблица 1

Количество полных скелетов некоторых животных в погребениях на Гонур Деле

№ п/п	№№ могилы	Территория Гонур Деле	Виды животных							Человек (полный или фрагментированный скелет)	
			Бараны/козы	Верблюды	Лошади	Собаки	Коровы/быки	Ослы	Свины		
1	«Погребение жеребенка»*	Некрополь							1 (0) (без головы и хвоста)		
2	18/Palace («Могилы агнца»)	Дворец	1 (0) (ягненок)	2							
3	158/Palace	Дворец				1 Нижняя челюсть					1 (только череп)
4	258 (обожженная яма)	Некрополь				1(0)					
5	1172 (обожженная яма)	Некрополь				1					1
6	1315	Некрополь	1								1
7	1939 (обожженная яма)	Некрополь				1(0)					
8	2087 (обожженная яма)	Некрополь				1(0)					
9	87/2002 (обожженная яма)	Некрополь				1(0)					
10	1800 (обожженная яма)	Некрополь				1 (только клык)					
11	2845	Запад (Р 6)	1(0)								
12	2872	Север (Р 11)				1(0)					
13	2900	Север (Р 5)	4+1**		Нижняя челюсть	2					2

№ п/п	№№ могилы	Территория Гонур Деле	Виды животных								Человек (полный или фрагментированный скелет)	
			Бараны/козы	Верблюды	Лошади	Собаки	Коровы/быки	Ослы	Свины			
14	3038	Запад (Р 11)	1(0)									
15	3124	Юг (Р 8)	3(0)									
16	3130	Юг (Р 8)	3(0)									
17	3149	Юг (Р 8)	2									1
18	3155	Юг (Р 8)	1									2
19	3200	Юго-восток (Царский некрополь)		2	1	1	1					7 (4 основные захороненные, 3 слуг)
20	3206	Юго-восток (Царский некрополь)									1 (кости конечностей)	
21	3210	Юго-восток (Царский некрополь)	2	1		1		1 (теленок)				11 (4 основных захороненных и 7 слуг)
22	3225	Юго-восток (Царский некрополь)		2								10
23	3240	Юго-восток (Царский некрополь)	2	2		2		1 (теленок)				17
24	3265	Юг (Р 8)	1									1
25	3280	Юг (Р 8)	1				2					2

№ п/п	№№ могилы	Территория Гонур Деле	Виды животных								Человек (полный или фрагментированный скелет)	
			Бараны/козы	Верблюды	Лошади	Собаки	Коровы/быки	Ослы	Свиньи			
26	3281	Северо-запад (Р 10)		1 лопатка, плечевая и лучевая кости				1 (фрагмент конечности плуочневой кости)			1 (фрагмент нижней челюсти)	
27	3282	Северо-запад (Р 10)	2? (фрагменты черепов)									
28	3310	Юго-восток (Р 9)	2 (о)		1	1	1 (теленок)					1
29	3330	Юго-восток (Царский некрополь)								1 (кости конечностей)		
30	3331	Юго-восток (Царский некрополь)								1 (кости конечностей)		
31	3340	Юго-восток (Царский некрополь)								1 (о)		
32	3377	Юго-запад (Р 12)	1 (о)									
33	3398	Юго-запад (Р 12)	1 (о)									
34	3405	Северо-запад (Р 10)			1 зуб							
35	3478	Северо-восток (Р 11)		1 (лопатка)								
36	3479	Юго-запад (Р 13)			1 (передняя конечность)							

№ п/п	№№ могилы	Территория Гонур Деле	Виды животных								Человек (полный или фрагментированный скелет)	
			Бараны/ козы	Верблюды	Лошади	Собаки	Коровы/ быки	Ослы	Свины			
37	3547	Юго-восток (Р 15)	1(0)									
38	3548	Юго-восток (Р 15)	1(0)									
39	3597	Юго-запад (отдельный комплекс, Р 16)	3***							1(0)		
40	3600	Юго-запад (Р 13)					1(0)					
41	3612 (обожженная яма-циста)	Юго-запад (Р 13)	1									
42	3614	Юго-запад (Р 13)	1 (конечности)							1 (нижняя челюсть)		
43	3621	Юго-запад (отдельный комплекс, Р 16)	1(0)									
44	3622	Юго-запад (отдельный комплекс, Р 16)	1(0) (без головы)									
45	3623	Юго-запад (отдельный комплекс, Р 16)	1(0)									
46	3710 (обожженная яма)	Юго-запад (отдельный комплекс, Р 16)	3 (фрагменты костяков)									
47	3711	Юго-запад (отдельный комплекс, Р 16)	4 (фрагменты скелетов 3 баранов и 1 козла)									
48	3739	Юго-запад (отдельный комплекс, Р 16)	1(0)									

№ п/п	№№ могилы	Территория Гонур Деле	Виды животных								Человек (полный или фрагментированный скелет)		
			Бараны/козы	Верблюды	Лошади	Собаки	Коровы/быки	Ослы	Свины				
49	3766	Юго-запад (р 9)	1 (фрагментированный скелет)		1 (череп и лопатка)	1 (череп)							
50	3790	Юго-запад (отдельный комплекс, Р 16)	1 (о) (козленок)										
51	3813	Юго-запад (отдельный комплекс, Р 16)				2(о) (в позе совокупления)							
52	3829	Юго-запад (отдельный комплекс, Р 16)	1 (только рог)			2(о)		1 (кости конечности)					
53	3830	Юго-запад (отдельный комплекс, Р 16)	2(о)										
54	3855	Запад (Р 14)	1(о)										
55	3865	Юго-запад (отдельный комплекс, Р 16)				4 (3 взрослых, 1 щенок)							1
56	3880	Юго-восток (Царский некрополь)		1		1							3 (1 основной захороненный и 2 слуг)
57	3890	Юго-восток (Царский некрополь)						1(о) (корова) (расчлененный)					

№ п/п	№№ могилы	Территория Гонур Деле	Виды животных								Человек (полный или фрагментированный скелет)	
			Бараны/ козы	Верблюды	Лошади	Собаки	Коровы/ быки	Ослы	Свины			
58	3895	Юго-восток (Царский некрополь)						1(0) (бык (полный скелет)				
59	3900	Юго-восток (Царский некрополь)	2		8 (7 в погребении, 1 – у верхнего края могилы)				2		7	
60	3905	Юго-восток (Царский некрополь)		1							4 (1 основной захороненный и 3 слуги)	
61	3915	Юго-восток (Царский некрополь)		3		1					5 (3 основных захороненных и 2 слуги)	
62	3925	Север (Р 17)	1(0)									
63	3955	Юго-запад (Р 9)				1(0)						
64	3959	Юго-запад (Р 9)				1(0)						
65	4065	Юго-восток (Царский некрополь)	1 (ветвь нижней челюсти)				7(0)			1 (позвоночный ствол и таз; без головы, конечностей и грудной клетки)		
66	4069	Юго-восток (Царский некрополь)				1(0)					1 (нижняя челюсть)	
67	4073	Юго-восток (Царский некрополь)				1(0)					1 (череп)	

№ п/п	№№ могилы	Территория Гонур Деле	Виды животных							Человек (полный или фрагментированный скелет)		
			Бараны/ козы	Верблюды	Лошади	Собаки	Коровы/ быки	Ослы	Свины			
68	4075	Юго-восток (Царский некрополь)				1(о)						
69	4076	Юго-восток (Царский некрополь)				1 (череп)						
70	4077	Юго-восток (Царский некрополь)				3(о) (щенки)						
71	4095	Юго-восток (Царский некрополь)				1(о)		1 нижняя челюсть				
72	4099	Юго-восток (Царский некрополь)				2 (1 щенок) (о)						
73	4110	Юго-восток (Царский некрополь)	1 фрагмент нижней челюсти			1 щенок		1 (роговой стержень и кость конечности)	1 кость конечности		8 человек (1 женщина, 1 девушка и 6 детей 6-12 лет) и 1 нижняя челюсть подростка	
74	4140	Юг (Р 9 / Р 18)	1(о)									
ВСЕГО особей			58	18	6	57	10	9	4		84 (37 основных погребенных и 48 слуг)	
ИТОГО погребений, содержащих останки данного вида			37	11	6	33	10	8	4		17	

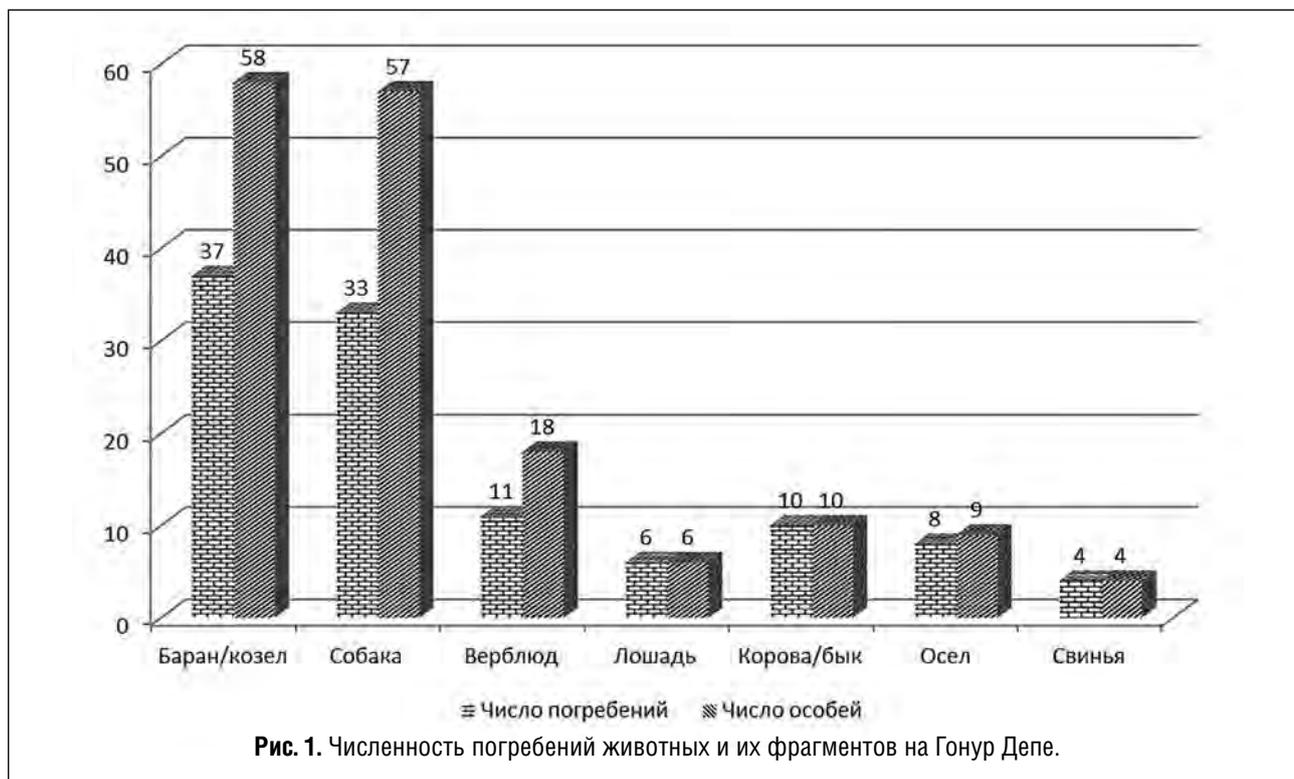
(о) – Животное – основной погребенный в данной могиле

* – Вид животного, захороненного в этом погребении, было проведено сразу же при обнаружении. Изучивший кости данного скелета Р.М. Сагаев определил, что они принадлежат ослу. Американский археолог Р. Мидоу, исследовавший костные останки животных на Гонуре в середине 1990-х годов и знакомый с данным погребением лишь по фото и по описаниям, также склоняется к этому определению (см.: Рагрола, Janhunen, 2010, с. 425-426). Учитывая, что во всех публикациях данная могила получила именно такое название, здесь мы его сохраняем. В процитированной работе, посвященной анализу, в том числе и видовой принадлежности гонурских экзидов, подробно рассматриваются их разновидности. Здесь мы используем лишь обобщенный термин – «ослы».

** – 4 полных скелета баранов (2 взрослых и 2 ягненка) располагались за восточной стенкой цисты, 1 скелет ягненка лежал под скелетом пожилого мужчины.

*** – Все три полных скелета ягнят располагались у задних ног осла

• – Погребение не расширено до материка в виду окончания сезона работ. Расчетка будет продолжена в 2012 г.

в непосредственной близости от человеческих могил или в них самих; разновидность таких захоронений – помещение большого числа разных животных во «дворах» царских гробниц; погребения, имеющие, скорее всего, ритуальный характер – захоронения разных животных в самостоятельных могилах, в том числе в громадных ямах, сопровождающих царские гробницы, а также помещение в самостоятельные небольшие цисты или ямки частей туш животных, как правило, разных. Примеры погребений были уже приведены в упомянутых публикациях, некоторые из них будут кратко описаны ниже. Имеет смысл остановиться на самой общей характеристике территориального размещения могил животных.

Обратим внимание на то, что наибольшее число местонахождений останков животных найдено на территории царского некрополя (23 из 74 или 31,1%) (табл. 2, рис. 2). Добавим, что именно здесь присутствуют захоронения всех видов животных, тогда как на других раскопах подавляющее большинство составляют погребения баранов/козлов. Семь из восьми погребений останков ослов найдены на царском некрополе, лишь одно, получившее название «погребение жеребенка» – на большом некрополе Гонура.

Из 4 местонахождений фрагментов костей свиньи три присутствуют на царском некрополе и только одно (фрагмент нижней челюсти) – вместе с костями верблюда и коровы на раскопе 10 (погребение № 3281). Даже на второй по численности таких могил территории – на раскопе 16 (обособленное пространство на юго-западе памятника, за пределами его обводной стены) раскопано почти в два раза меньше таких местонахождений (16,2%). Видимо, не случайно именно на раскопе 16 организовано и так называемое «ритуальное погребение трех баранов и осла», занимающее центральное положение на всем раскопе, а сам раскоп, как это было отмечено в публикации (Сарианиди, Дубова, 2008) расположен на правом берегу протоки р. Мургаб, прямо напротив большого (или главного) некрополя Гонура. Подавляющее большинство погребений здесь (8 из 12) принадлежит баранам. Еще меньше местонахождений захоронений животных и их фрагментов на раскопе 8, хотя эта территория все же выделяется среди других по их числу. Все они включают баранов и лишь одно принадлежит собаке.

Обратим внимание, что совсем не найдено погребений животных на юго-западе Гонура (раскоп 7) и на востоке (раскоп 18) в пределах обводной стены. Подчеркнем, что

Таблица 2

Местонахождения погребений животных и фрагментов их скелетов на разных территориях (раскопах) Гонур Деде

	Некрополь	Дворец	Царский некрополь (юго-восток)	Темнос (юг)	P 5 (север)	P 6 (запад)	P 8 (юг)	P 9 (юг)	P 10 (северо-запад)	P 11 (северо-восток)	P 12 (юго-запад)	P 13 (юго-запад)	P 14 (запад)	P 15 (юго-восток)	P 16 (юго-запад)	P 17 (север)	Всего местонахождений
Баран/коза	1	1	4		1	2	6	4	1		2	2	1	2	9	1	37
Собака	6	1	15		1		1	4		1		1			3		33
Верблюд		1	8						1	1							11
Лошадь			1	1	1			2				1					6
Корова			6					1	1			1		1			10
Осел	1		6												1		8
Свинья			4						1								4
Общее число местонахождений костей животных на данной территории	8	2	23	1	1	1	6	4	3	3	2	4	1	2	12	1	74
%	10,81	2,70	31,08	1,35	1,35	1,35	8,11	5,41	4,05	4,05	2,70	5,41	1,35	2,70	16,22	1,35	100,00

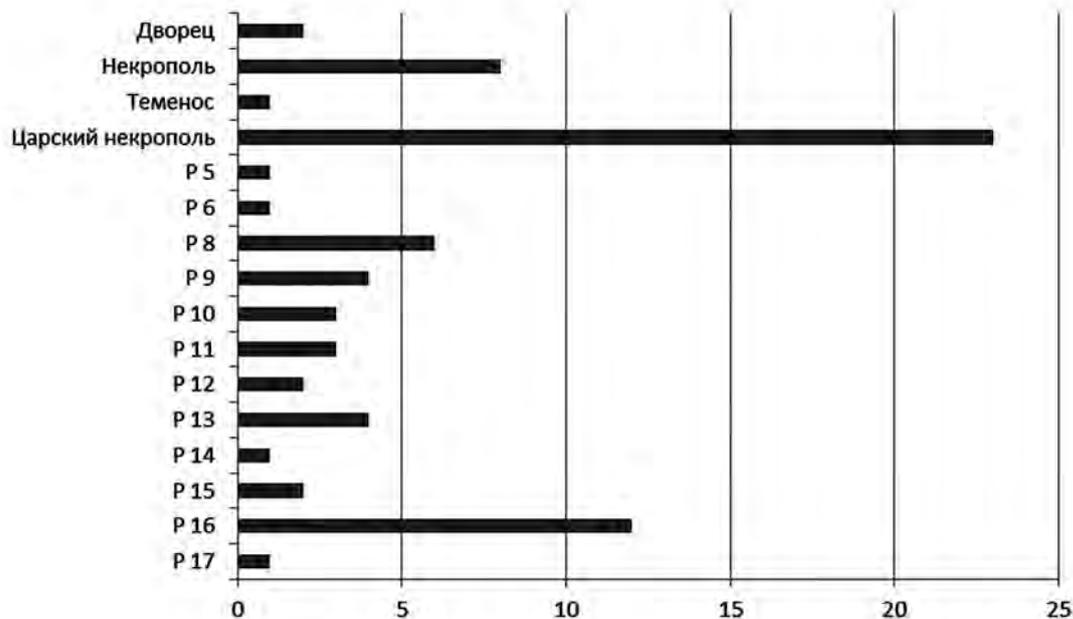

Рис. 2. Распределение числа местонахождений погребений животных и их фрагментов по разным территориям (раскопам) Гонур Деле.

по свидетельству археозоолога Р.М. Сатаева, раскоп 18 выделяется тем, что в его помещениях, в отличие от других территорий Гонура, большую часть составляют кухонные останки. Лишь во время осеннего полевого сезона 2011 г. на границе раскопа 18 и восточной части раскопа 9, непосредственно около выявленного фрагмента обводной стены раскопано 1 погребение барана в цисте (№ 4140).

Нельзя не заметить и того, что, если считать дворец и кремль центральной частью памятника, то погребения животных одно-

значно тяготеют к южным территориям и они вообще не найдены на восточном фасае памятника (рис. 3).

Прежде чем описать особенности погребений каждого из обнаруженных видов животных, отметим, что можно выделить ряд их типов. Так, найдено несколько захоронений животных в ногах похороненных людей. Это, например, погр. №№ 3265 и 3280. В первом случае это был баран, уложенный в южной части цисты, где была похоронена пожилая женщина. Во втором – также в южной части цисты, где находились мужчина 35-40 лет и

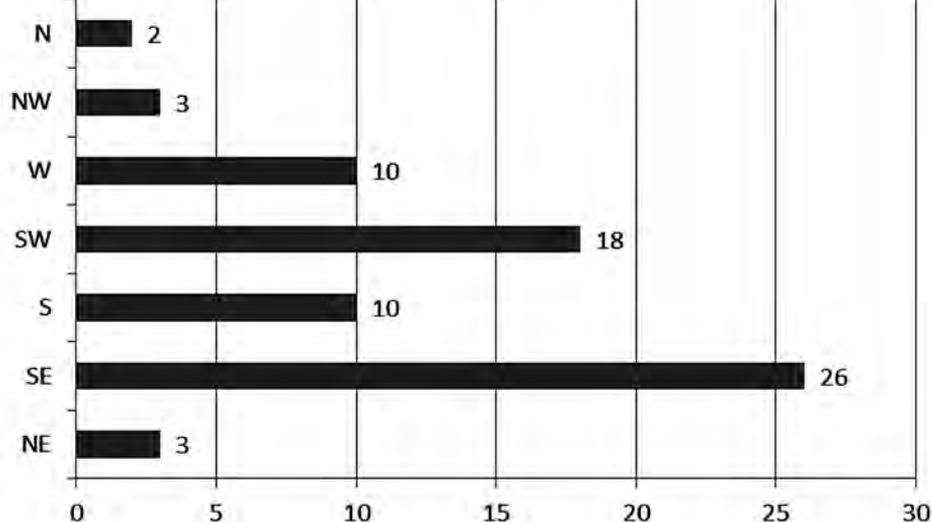

Рис. 3. Распределение числа местонахождений погребений животных и их фрагментов на Гонур Деле по странам света.

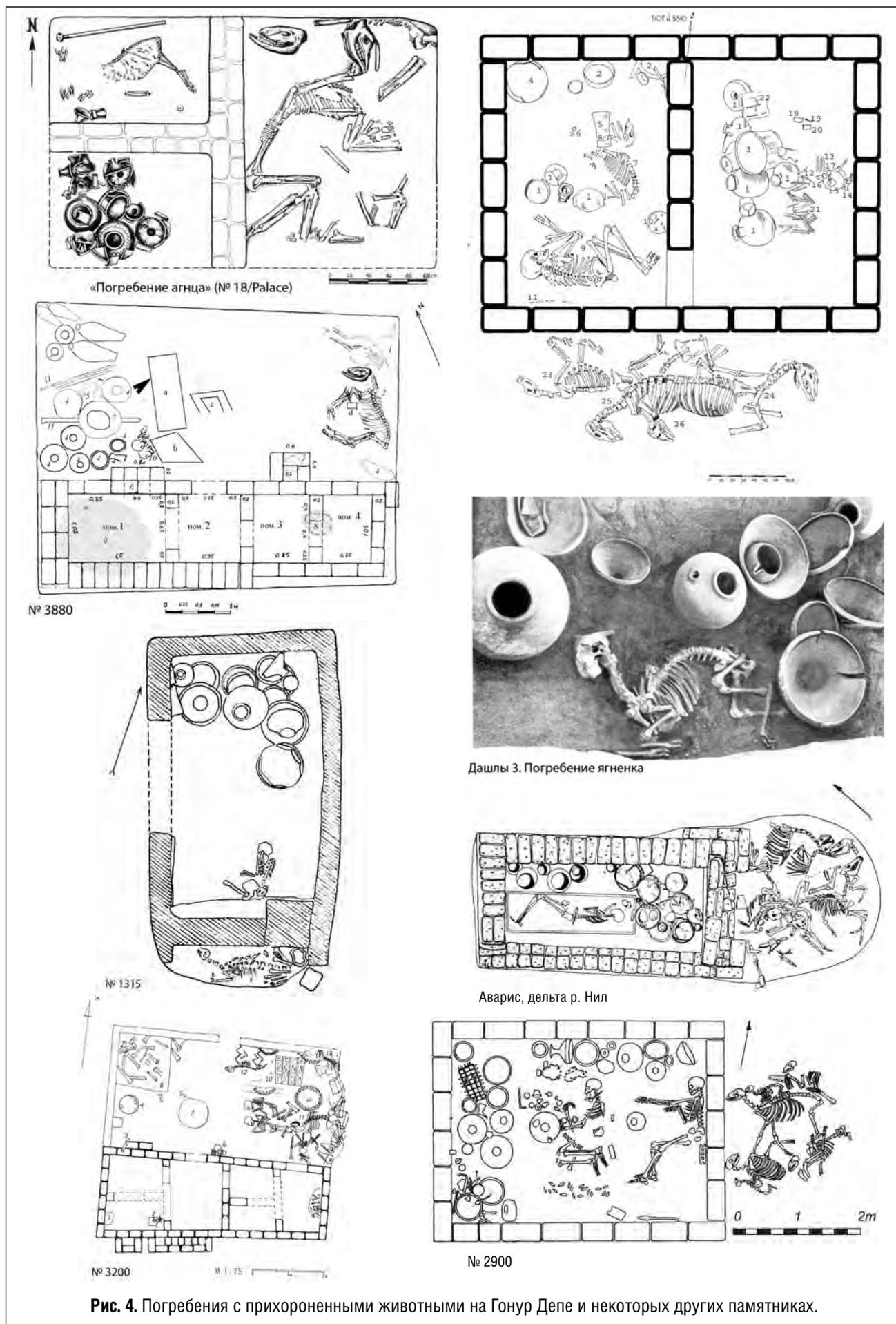

Рис. 4. Погребения с прихороненными животными на Гонур Деде и некоторых других памятниках.

мальчик 7-8 лет, были помещены две собаки разных пород (одна длинноногая собака легкого сложения, вторая – близкая современным алабаям) и баран.

Второй вариант захоронения животных рядом с людьми: специально убитые животные погребаются в отдельной ямной могиле, устроенной рядом с человеческой. Такими примерами являются цисты № 1315 на некрополе, № 2900 на раскопе 5, №№ 3149 и 3155 на раскопе 8 и № 3310 на раскопе 9. К могилам №№ 1315, 3149 и 3155, где погребены взрослые мужчины, с юга примыкают ямы с баранами. В двух цистах присутствует по одному барану, а в № 3149 – два, причем лежащие один – головой на запад, а второй – на восток.

Знаменитую цисту № 2900 на раскопе 5 северного фаса Гонура (Дубова, 2004; Sarianidi, 2007), где был похоронен пожилой мужчина со своей, скорее всего служанкой того же возраста, отличает примыкающее к ней с востока коллективное захоронение животных – двух взрослых баранов, лежавших «лицом» друг к другу головами на запад; двух ягнят, находившихся за спинами взрослых особей; двух собак, лежавших у ног взрослых баранов и нижней челюсти лошади, которую поместили под тазом северного барана. Цисту № 3310, состоящую из двух камер, также сопровождает коллективное погребение. Но в этом случае с юга снаружи от цисты присутствовали останки четырех молодых животных. Самое крайнее с запада положение занимает убитая собака, за задними ногами собаки лежит скелет барана, задние ноги которого упираются в стенку цисты. Оба эти скелета частично перекрыты задней частью теленка и частично скелетом осла. Важное обстоятельство заключается в том, что, несмотря на присутствии в погр. 3310 полного скелета пожилой женщины, основной погребенный в этой могиле – маленький ягненок, которому принадлежат и все погребальные приношения, находившиеся в цисте. Женщина, видимо, также была принесена в жертву ягненку в качестве служанки, т.к. в отличие от молодого барашка, лежавшего, как и приношения, на возвышении, она находилась на полу цисты у стенки ее. С наружной стороны этой стенки и находилось погребение животных.

Самым первым, подобным цисте 3310 погребением было «захоронение агнца» (№ 18). Оно было обнаружено на руинах пришедшего к тому времени запустение вышерассмотренного дворца, около его главных северных ворот (Sarianidi, 1996, р. 33-48). В этой цисте в одной из трех камер был похоронен молодой баран без головы и хвоста, в углу второй камеры располагалось почти 20 целых и частично раздавленных сосудов, между которыми встречены единичные кости баранов (повидимому, напутственная пища). В третьей камере находились полные скелеты двух верблюдов, которых поместили сюда в качестве жертвы для агнца.

Далее мы еще вернемся к описанию и «захоронения агнца» и цисты 3310, а сейчас необходимо отметить, что, по-видимому, к этому же типу погребений можно отнести помещение животных во дворах царских гробниц. Таких могил на царском некрополе насчитывается пять – 3200, 3210, 3880, 3905 и 3915 – т.е. все гробницы, представляющие собой модели домов с примыкающими к ним дворами. Во всех этих гробницах найдены останки верблюдов: по одному в 3210, 3880 и 3905; два – в 3200 и три – в 3915. Также почти во всех них, кроме 3905, присутствует по одной собаке. Гробницу 3210 отличает порода собаки: если во всех могилах, кроме этой, похоронены крупные догообразные собаки, то здесь – маленькая домашняя собачка, завернутая в попонку, сплошь ушитую бисером. Во дворе гробницы 3210 был помещен один баран. В других гробницах кости баранов не были найдены.

Еще одним подобием такого же типа могил, но отличающихся большим своеобразием, являются три огромные ямные погребения, названные нами «котлованами» – 3225, 3240 и, конечно 3900. Два котлована, к счастью не были тронуты грабителями, лишь прямоугольная яма 3240 была самым жестоким образом порушена. Отличием этих трех могил от гробниц царского некрополя является то, что в них нет ценных погребальных приношений, соответствующих рангу царственных особ. В каждом из котлованов имеется четырех-колесная повозка, по два верблюда, много убитых рабов или слуг. В погр. 3240, кроме перечисленного, находились две

собаки и два барана. Самым «богатым» из трех котлованов является погр. 3900, оно же и наиболее символическое. В нем разместились семь человек, семь собак, два осла, огромный (объемом до 200 л) бронзовый котел, уникальный бронзовый сосуд из семи шаров, бронзовые лопата и светильник, два каменных посоха, сопровождавшие повозку и верблюдов (Сарианиди, Дубова, 2010). Такое содержание могильной ямы дал основания В.И. Сарианиди предполагать, что данное погребение являет собой необходимый инвентарь для проведения коллективных праздников, сопровождавшихся общественными трапезами. Позволю себе сделать и предположение, что каждый предмет из этих богатых приношений, помещенных в котлован, является символом какого-то явления. Или же их совокупность вместе с «набором животных»

должна была олицетворять какой-то ритуал или обряд. Весьма удивителен тот факт, что все животные (ослы, верблюды и собаки) аккуратно уложены в могилу, каждый на свое, видимо, обусловленное чем-то, место. Пятеро же из семи мужчин, умерщвленных явно до помещения их в котлован, фактически брошены или очень небрежно положены между тушами ослов и верблюдов. Все они лежат ничком, упираясь лицом в землю. Их руки и ноги не занимают какого-то «правильного», как, например, в обычных погребениях, положения. Они или подогнуты под туловище или наоборот раскинуты в стороны. Туловище одного человека оказалось вообще под дном упомянутого крупного бронзового котла. Только один мужчина находился около южной стенки котлована, как бы «сползающим» на боку по стене ямы.

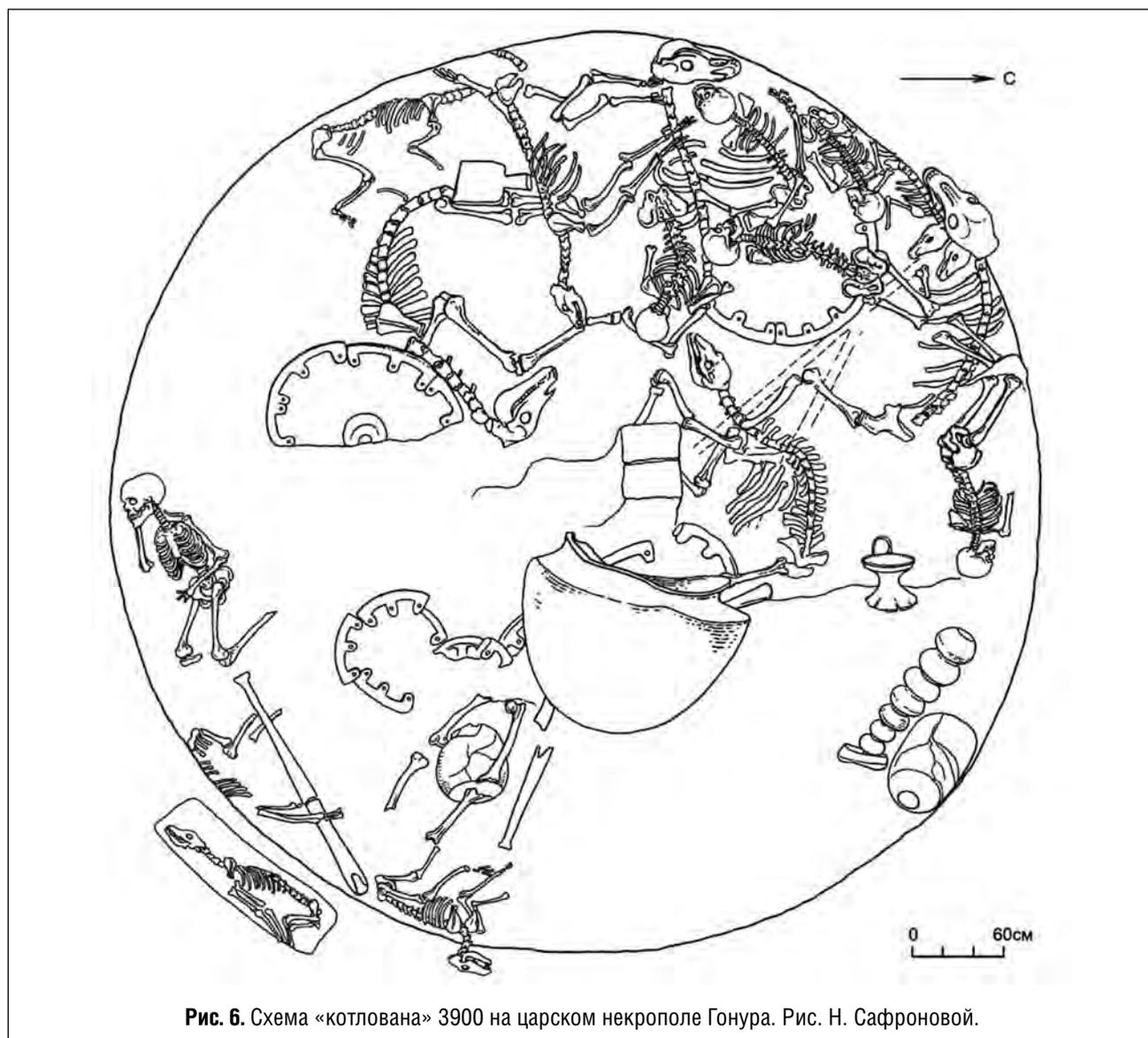

Рис. 6. Схема «котлована» 3900 на царском некрополе Гонура. Рис. Н. Сафроновой.

Почему эти три котлована, несмотря на отсутствие царственных захороненных, можно сопоставить с погребениями, состоящими из дома и двора? Дело в том, что все три огромных ямы тяготеют (или территориально приближены) к трем царским гробницам, представляющими собой модели сложных многокомнатных домов: погр. 3240 расположено южнее гробницы 3235; погр. 3225 – гробницы 3230, а погр. 3900 – западнее 3220. Ни в одной из трех упомянутых гробниц не найдены костные останки животных. Но сложная конструкция погребальных сооружений, погребальные приношения в них,

Таблица 3

Погребения животных, где они являются основными захороненными на Гонур Деде.*

Животное	Число могил	Территории Гонура
Баран	19	
в том числе:		
	1	Дворец
	1	P6
	3	P8
	2	P9
	1	P11
	2	P12
	2	P15
	6	P16
	1	P17
Собака	16	
в том числе:		
	6	Некрополь
	5	Царский некрополь
	2	P9
	1	P13
	2	P16
Бык	2	Царский некрополь
Осел	3	
в том числе:		
	1	Некрополь
	1	P16
	1	Царский некрополь
Всего	40	

* В приведенной таблице учтены только захоронения целых тел животных.

в том числе уникальные серебряные, бронзовые, золотые предметы и ювелирные украшения говорят об очень высоком ранге тех, для кого они были построены. Предположить, что в другой жизни эти особы, обладавшие при жизни большой властью и, скорее всего, богатством, были бы лишены значительного числа слуг, необходимых им животных и средств передвижения, вряд ли возможно.

Подобного типа погребения, когда могила животного/животных сопровождает могилу человека, были встречены на других памятниках как БМАК, так и близких ему территориально и культурно. Например, заметное погребение «жрицы и погонщика» было раскопано на более позднем (середина I тыс. до н.э.) памятнике дельты р. Мургаб Тоголок-1. Почти в середине двора на этом памятнике найдена прямоугольная циста, к которой находились скелеты женщины, мужчины и двух быков. В северо-восточной стороне погребения сохранились кирпичные ступеньки, по которым быки и их погонщик спустились в самую могильную яму. В противоположном углу большой кучей были сложены несколько десятков сосудов, среди которых находилось два целых культовых сосуда со скульптурными фигурками по венчику. Выше, в земляной засыпке могилы был обнаружен медный сосуд средних размеров и «воронка с ситечком» для очищения тонизирующего сока типа Сома-Хаома от мелких обломков былых стеблей. Здесь же находился обломок черного «миниатюрного сосуда» и выпавшие из своих гнезд вставки из белого камня (более подробно см.: Sarianidi, 1998, p. 108, fig. 55-56). Нет никаких сомнений в том, что в этой могиле была захоронена жрица со своими аксессуарами («миниатюрная колонка», два культовых сосуда) с двумя быками и погонщиком.

На территории могильников сапаллинской культуры (Южный Узбекистан) также был описан ряд подобных могил: Сапаллитепа (см.: Аскарлов Ширинов, 1993) и Бустон VI (см., например: Аванесова, 1995, 2002, 2006 и др.).

Важно подчеркнуть, что идентичные погребения, когда одно или несколько животных прихораниваются к могиле человека, в немалом числе встречены на значительном

Тип могильной ямы, где основным погребенным являются животные

Тип	Всего	Баран	Собака	Осел	Бык
Камерная могила	5	5			
Циста	15	12	1	2	
Шахтная могила	1	1			
Ямная могила	15	1	11	1	2
Обожженная яма	4		4		
Всего	40	19	16	3	2

отдалении от Маргианы – в дельте Нила, в столице гиксосов городе Аварисе (Vielack, 1996). Правда, прихороненные животные представлены там в большинстве своем (если не единственно) ослиами.

Наиболее интересными и важными, с точки зрения изучения, прежде всего, духовной культуры маргушцев, является особая группа могил, где основными погребенными являются сами животные. Ряд их, раскопанных на Гонуре, уже были упомянуты выше («могила агнца» № 18 и погр. 3310).

Как видим по табл. 3, погребения, устроенные для самих животных, составляют лишь немногим более половины всех местонахождений их останков. Могилы баранов встречены на разных территориях Гонур Депе. В то же время ни одной из них не раскопано на большом и царском некрополях Гонура. Захоронения собак присутствуют в основном на царском некрополе и на большом некрополе Гонура. Лишь по два таких встречено на раскопах 9 и 16 и одно – на раскопе 13. Намного более редки погребения быков (всего два, раскопанных лишь на царском некрополе) и ослов (всего три; присутствуют на тех же территориях, что и собаки, за исключением Р9 и Р13). Т.е. можно еще раз подчеркнуть, что по видовому составу животных, которым сооружены были самостоятельные погребения, особым статусом выделяются царский и большой некрополи, а также раскоп 16 (повторим, расположенный на юго-западе за пределами всех архитектурных комплексов дворцово-храмового центра Северного Гонура, на правом берегу р. Мургаб, напротив большого некрополя).

Обращает на себя внимание и разнообразие типов погребальных сооружений, которые были устроены специально для разных

видов животных (табл. 4). Так, в камерных могилах были захоронены только бараны. Все они устроены только на юго-западе Гонура (раскоп 16). Надо добавить, что три подобных могилы из 5 раскопанных, представляют собой единый комплекс – так называемое «ритуальное погребение животных» (погр. 3621, 2622, 3623), где кроме этих трех животных присутствует и погребение осла (погр. 3597) (Сарианиди, Дубова, 2008). В цистах опять же чаще всего хоронили баранов (12 из 15). Двум ослиам из трех, кто удостоился отдельного погребения, также были сооружены цисты (это погр. 3340 на царском некрополе и уже упомянутое погр. 3597 на раскопе 16). В единственной шахтной могиле (№ 3398 на раскопе 12) был похоронен также баран. Зато четыре из 14 собак были погребены в обожженных ямах, причем все сооруженные на большом некрополе Гонура. Большая же часть захоронений собак, хотя и были устроены, как отмечалось выше, на царском некрополе (7 погребений из 16), но, как там, так и на других раскопах, «удовольствовались» лишь ямные могилами. То же приходится говорить и о таких крупных жертвенных животных как быки, обе могилы которых – ямные, находящиеся на царском некрополе.

Чтобы дать представление о том, как богаты были погребения животных, имеет смысл дать краткое описание нескольких наиболее интересных из них.

Погребения баранов

Самым первым, в начале раскопок на Северном Гонуре было найдено уже упоминавшееся «Погребение агнца» (№ 18). Описание могилы опубликовано ранее, но за рубежом (Sarianidi, 1996). Дадим здесь его краткую характеристику. Погребение устроено в кот-

ловане (размером 3,5 на 2,0 м при глубине 1,7 м), внутри которого крест на крест были встроены две сложенные из кирпича стенки, образовавшие три больших камеры. В камере, где должен был быть похоронен агнец, пол могилы предварительно был обожжен до красноты. В момент раскопок баран лежал на правом боку, в правильном анатомическом расположении без передних ног, грудины и головы; ориентирован шеей на север. Но (обратим на это обстоятельство особое внимание) среди его позвонков был обнаружен бронзовый ножичек с остатками истлевшей деревянной ручки. За спиной ягненка находился каменный, выточенный из зеленоватого кристаллического сланца «посох» общей длиной 105 см и толщиной в средней части около 5 см. Медное навершие было прикреплено к «посоху» длинным гвоздем, загнутым на конце. Оно – полое внутри и имеет семь прорезных сквозных отверстий в виде небольших крестов, а сверху рельефный орнамент в виде плетенки, без начала и конца типично сирийско-анатолийского типа. Внутри полого навершия находятся шарики, которые производили весьма специфический шум. Рядом с агнцем находится миниатюрная колонка, выточенная из мягкого камня типа стеатита или хлорита, сверху которой лежала небольшая, лощеная ваза, покрытая красным ангобом. Перед передней частью ягненка на полу находилось около 20 кремневых наконечников стрел. Рядом найдена россыпь инкрустаций прямоугольной и квадратной формы, сделанных из заполированной до блеска слоновой кости и, видимо, когда-то украшавших несохранившуюся шкатулку. У ног агнца на полу находилось откатившийся в сторону еще один крупный костяной кружок из слоновой кости, одна сторона которого заполирована и сохранила кружковый орнамент.

В углу второй камеры располагалась около 20 целых и частично раздавленных сосудов, между которыми были встречены единичные кости других животных, преимущественно баранов. В третьей камере находились полные скелеты двух верблюдов, которых поместили сюда в качестве жертвы для агнца. Заложенный проход вел в своеобразную клетку или своего рода каморку, где

находились четыре серебряные булавки, три из которых имели навершия в виде ладони, пальцы которых были сложены в разных вариантах (раскрытая ладонь, сжатые в разных комбинациях пальцы). Одна булавка имела навершие в виде фигурки женщины, одетой в каунакес и спокойно восседающей на кресле или троне. Такие изображения достаточно широко распространены были в это время в Передней Азии и, скорее всего, связаны с появлением племен, знавших их, в древней дельте р. Мургаб в Центральной Азии.

Исключительное место занимает также упоминавшееся выше **погребение № 3310** – циста, устроенная в котловане размером 320 на 230 см при сохранившейся глубине около 60 см. Могила ориентирована с востока на запад. Поперечная перегородка, состоящая из одного ряда кирпичей, положенных плашмя, делит рассматриваемую цисту на две одинаковые камеры, проход между которыми находится в южной части перегородки. В западной половине цисты, на своеобразной платформочке, состоящей из трех кирпичей, на правом боку лежит ягненок, шея которого покоится на каменной «миниатюрной колонке», положенной на бок.

На полу этой же части цисты, на левом боку, но головой на восток, лежит скелет пожилой женщины возрастом 50-60 лет, в скорченном положении, с согнутыми ногами. В северно-восточном углу цисты на возвышении вмазан крупный сосуд, наполовину заполненный пережженными костями барана. По определению Р. Сатаева, в сосуд, как и в так называемые поминальные лунки, устроенные в особых помещениях Гонура, после сжигания в другом месте были сложены карбонизированные кости лишь одного молодого животного (Сатаев, 2008а, 2010). Присутствие в этой могиле подобного «погребального поминального сосуда» лишний раз свидетельствует о ее (могилы) ритуальном характере. Около ног ягненка на возвышении стоят три сосуда, в другом углу так же на земляной подсыпке находится медно-бронзовое блюдо, рядом с ним маленькое металлическое блюдце и бронзовый секач со сломанной ручкой. Неподалеку находятся кости барана и козы, видимо от жертвенной пищи. В верхних слоях (на высоте не менее 20 см над уровнем на-

ходок), в начале расчистки этой же цисты, именно в этом месте была обнаружена стеатитовая прямоугольная шкатулка на ножках. Около межкамерной перегородки, у самого прохода, обнаружены мозаичные вставки из слоновой кости, образующий геометрический орнамент, по-видимому, остатки еще одной небольшой шкатулки или плакетки.

Вторая камера была предназначена только для погребальных приношений, которые были положены на земляное возвышение высотой около 30 см. Центральное место среди них занимают широкий, цилиндрический керамический сосуд с пятью сквозными отверстиями на дне, до определенной степени напоминающий сито. Стенки этого сосуда украшает часто встречаемый в стране Маргуш нацарапанный по сырой глине орнамент в виде центрального «древа жизни» и предстоящими по обеим его сторонам рогатыми козлами, стоящими на задних ногах. Отверстия на дне сосуда и упомянутая композиция указывают на культовое назначение изделия. Как уже не раз было отмечено, разнообразные ситечки использовались при изготовлении ритуального питья наподобие Сомы-Хаомы для отцеживания сухих ветвей алкалоидных растений. Этот керамический сосуд окружают девять других, среди которых выделяются два: один из них черноглиняный с частичным лощением, другой расписной с высоким горлом и длинным, широким сливом, украшенный расписным орнаментом в виде зигзагов.

Эти, два импортных, скорее всего иранских, сосуда перекрыты сверху плохо сохранившейся некогда деревянной «игральной доской» с инкрустацией из слоновой кости, образующих «квадратики». В высшей степени показательно, что, как и в других случаях (в погребениях 2900, 3130 и 3210), имеются три квадратные клеточки (размером 5 см на 5 см) в ширину и восемь таких же клеточек в длину. Ближе к югу от этого скопления приношений, в середине цисты располагались сложенные вместе с серебряными и бронзовыми предметами шесть так называемых «игральных палочек», пять плоских восьмиугольников и шесть квадратных фишек для игры, выточенные также из слоновой кости, указывающие на явные связи с населением

долины р. Инд. Сами изделия, скорее всего, были изготовлены на месте, в Маргиане.

Среди предметов, окружавших изделия из слоновой кости следует упомянуть серебряную сигнальную трубу, бронзовую воронку с ситечком и ручкой, для отцеживания жидкости при приготовлении тонизирующего сока типа Сомы-Хаома, бронзовые нож и небольшой сосудик. В других случаях подобные приношения мы встречали в погребениях мужчин-воинов (погр. 2900 и 3280). Кроме этих предметов здесь же, в середине цисты, находилось весьма важное приношение: семь кусков реберной части туши молодых (возрастом до года) баранов. На краю скопления кусков мяса лежал бронзовый косметический флакон с аппликатором.

Два погребения баранов были раскопаны около южной части обводной стены дворцово-храмового комплекса: одно снаружи от нее (3124), второе – внутри (3130). Погр. 3124 (125 на 90 см и глубиной 50 см) совершенно в цисте, сложенной из сырцовых кирпичей, положенных плашмя. Два взрослых барана лежат на правом боку, один в затылок другому, головами на север, т.е. в наиболее распространенном в Маргиане положении и ориентации. Их задние ноги подтянуты к передним (в чем можно увидеть аналогии со скорченной позой погребенных людей). В юго-западном углу цисты, сразу под ногами южного барана также на правом боку, головой на запад лежал полный скелет маленького ягненка. Вдоль северной и западной стен погребальной цисты стояли 7 керамических сосудов, внутри одного из которых находился миниатюрный фаянсовый сосудик, окрашенный изнутри и снаружи в ярко синий цвет. Внутри другого керамического сосуда была положена большая бронзовая чаша. Перед головой северного барана было обнаружено несколько бусин, в том числе четыре небольшие золотые. Дополняли погребальные приношения, куски жертвенного мяса молодых ягнят, положенные сверху в несколько сосудов.

В прямоугольной кирпичной цисте 3130 (230 на 123 см и глубиной всего 25 см от дневной поверхности) были погребены еще три барана. Два взрослых животных лежали в центре (чуть сместившись к ее северо-запад-

ной стене) мордами друг к другу и головами на северо-запад. За спиной северного барана на правом боку, головой на северо-восток лежал маленький ягненок. Вдоль стен и в углах ямы стояло 8 керамических сосудов, а в юго-западном и северо-западных половинах погребения были помещены 2 цилиндрических бронзовых сосуда, рядом с одним из которых находился миниатюрный фаянсовый косметический сосудик с узким горлышком.

Около таза южного барана лежала бронзовая булава длиной 13 см. Рядом, также как и у ног северного животного, лежало множество бронзовых, сердоликовых и гипсовых бусин, в том числе в виде бисера. За спиной северного барана было положено несколько медно-бронзовых предметов: косметический флакон с бронзовым аппликатором внутри, большой кинжал, зеркало, а самое главное – два так называемых «гарпуна», а точнее бронзовых жезла – символов власти: один размером 49 см с серебряной рукояткой, а второй – с острым концом и длиной 65 см. Спина третьего из погребенных баранов – маленького ягненка – лежала непосредственно на бронзовом «гарпуне» с острым концом. Показательно, что оба «гарпуна» из погребения 3130 были тщательно завернуты в ткань, о чем свидетельствуют отпечатки ее, сохранившиеся, благодаря окислам меди. Сверху на богатый набор бронзовых предметов были положены куски мяса молодого верблюда. Дополняют погребальные приношения этой цисты три кремневых наконечника стрел, положенные в один из сосудов, и «игральная доска», как и в описанном погр. 3310, украшенная инкрустацией в виде решетки из слоновой кости (3 клетки в ширину и 8 – в длину).

Погребение 2845 представляло собой камерную могилу, устроенную за пределами западной обводной стены комплекса (раскоп 6). Оно имеет прямоугольную форму (150x112 см по внутреннему и 201x163 см по внешнему периметру). Стенки сложены из плашмя положенных сырцовых кирпичей (42-45,5x23-25x10-11 см); высотная сохранность – 70 см (105 см от древней дневной поверхности). В северной стене камеры устроена ниша (30x27x19 см), в которой стояла красноглиняная ваза на высокой ножке. К северной же

стене вплотную прилегает вымостка, на которой размещался погребальный инвентарь. Высота вымостки – 20 см.

Захороненный молодой баран лежит на грунтовой возвышении (105 x 75 см), обнесенном по периметру одним рядом сырцовых кирпичей, поставленных на ребро (высота 15 см), устроенном в восточной части камеры. Погребальный инвентарь стоит на полу камеры. Вход в камеру устроен в южной части (ширина 50 см). Песчаные полы фиксируются на 4-5 см ниже основания стен. Продольная ось ориентирована с севера на юг. Животное лежит на правом боку, головой на север.

Всего в погребение было положено 16 керамических сосудов (11 – на поперечной вымостке; 4, из которых один красный ангобированный – на полу камеры; 1 ваза, как говорилось, – в нише северной стены камеры). За туловищем ягненка находилось 3 кремневых наконечника стрел, 1 маленький бронзовый (ритуальный) ножичек; несколько фрагментов двух бронзовых стержней; 3 фрагмента со сквозными отверстиями от предмета неясного назначения из свинца. В керамической чаше был найден небольшой кусок шлака. Между сосудами – два камня: один округлой, окатанной формы, и один напоминающий лоцило.

В цисте 3790 (175 x 90 см при сохранившейся высоте стенок 20 см) на раскопе 16 был похоронен с достаточно богатыми приношениями молодой (до 1 года) козленок (определение Р. Сатаева). Животное лежало на правом боку, головой на север. Весь погребальный инвентарь находился в северном углу цисты, западная половина ее была совершенно пуста. За спиной козленка лежали два плоские овальной формы камня и керамический сосуд. Перед мордой животного находилась миниатюрная колонка из черного камня. У ее основания стоял кубок на ножке и еще 5 керамических сосудов. У передних ног козленка лежал изолированный астрагал взрослого барана.

Интересным на том же раскопе 16 оказалось погребение двух баранов (3830). Оно устроено в двухкомнатной подземной камере. В котловане размером 260 на 175 см (продольная ось – север-юг) из сырцового кирпича

устроено две равновеликие комнаты, имеющие одну общую стенку. В южных стенках каждой из комнат имеется проход (ширина каждого 70 см), заложенный в момент раскопок всухую сырцовыми кирпичами, положенными плашмя. Каждая камера имеет самостоятельное перекрытие, образованное тремя кирпичами: два стоят наклонно, а третий, скошенный в нижней части расположен между ними. Костные останки обоих баранов лежат головой на север на правом боку в восточной комнате. Погребальные сосуды, включающие огромный сероглиняный конический сосуд, на короткой ножке которого

изображено небольшое дерево, находились во второй комнате. За головами баранов стояло две вазы на ножках и конический сосуд. В вазах была найдена погребальная пища (фрагменты бараньей туши). Перегородка между комнатами укреплена слоем фрагментов керамики, вмозанных в кладку. Пространство между верхней частью перегородки и полом было заложено наклонно стоящими сырцовыми кирпичами. Котлован, сооруженный для камеры, имел в ширину большие размеры, чем сама камера, поэтому выходы из комнат ведут в своеобразный узкий коридор. Справа от входа в комнату, где лежали бара-

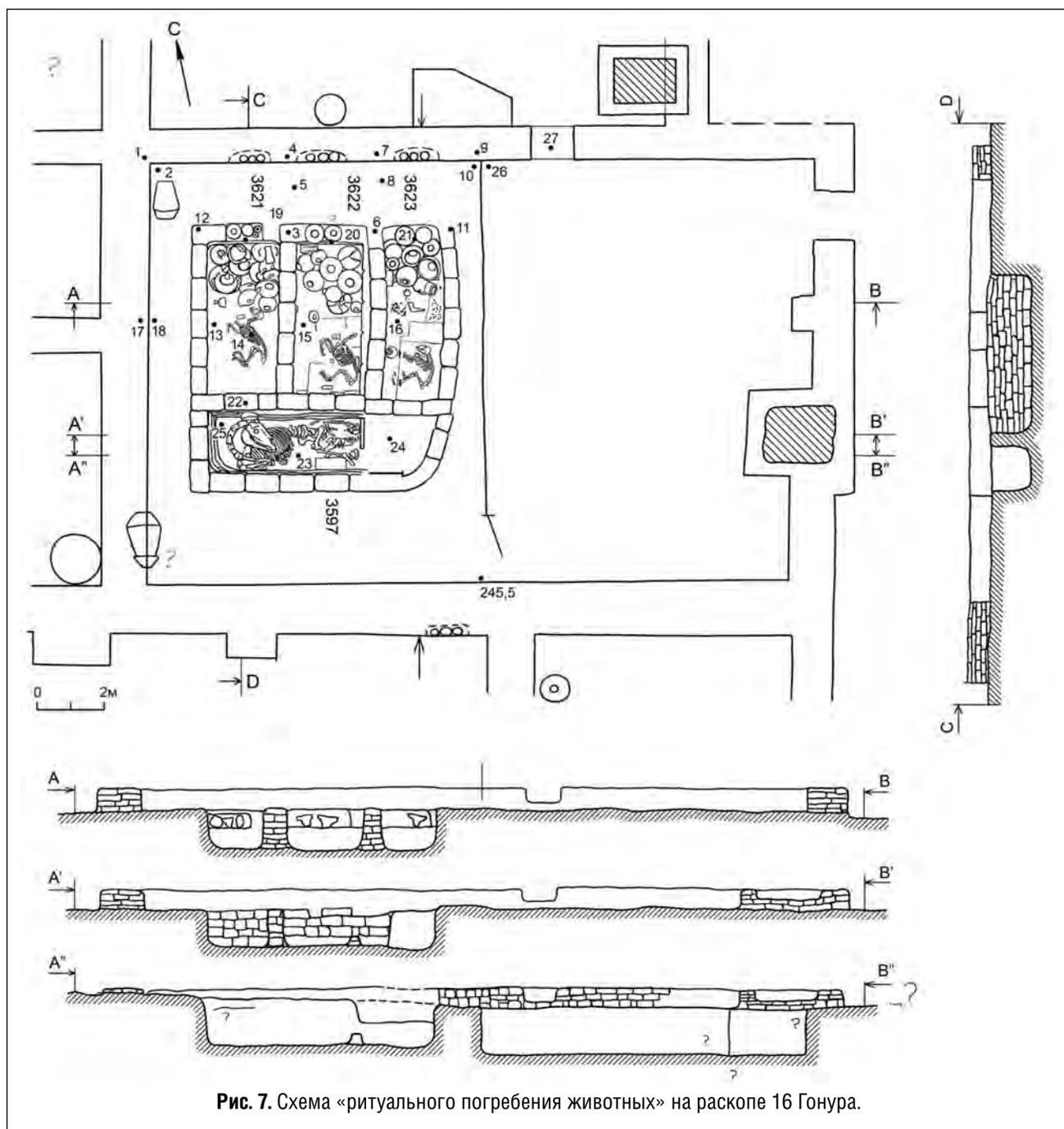

Рис. 7. Схема «ритуального погребения животных» на раскопе 16 Гонура.

ны, в этом коридоре стоят два небольших керамических сосуда.

Среди самых богатых и особенных погребений животных нельзя не упомянуть и «**ритуальное захоронение животных**» на раскопе 16, уже получившее свою довольно подробную публикацию (Сарианиди, Дубова, 2008. Приложение 1). Это погребальное сооружение является центральной частью данного раскопа Гонур Деде, вокруг которой находятся разнообразные помещения, имеющие преимущественно ритуальное назначение. Сами погребения устроены в глубоком котловане (3,3 x 3,0 м, при глубине 1,3-1,0 м) на вершине холма, расположенного на правом берегу одной из дельтовых протоков Мургаба. В метре от него к востоку был вырыт еще один котлован 5,0 x 6,0 м, глубиной 1,5 м. В момент раскопок второй котлован был заполнен плотной, утрамбованной землей, напоминающей материк. Внутри первого котлована были устроены три сырцовые перегородки – две ориентированные с севера на юг, а третья – перпендикулярная им и расположенная с юга. В образовавшихся четырех камерах были устроены гробницы, получившие порядковые номера 3621, 3622. 3623 и перпендикулярную им 3597. В перегородке, выстроенной с запада на восток и отделявшей погр. 3597 от трех других, сделаны проходы в каждую и гробниц, заложенные сырцовыми кирпичами всухую. В северной стенке каждой камеры на высоте 55-70 см от уровня пола устроены ниши (высота 30-65, ширина 60-70, а глубина – 25-40 см). В нишах находится 2-4 керамических сосуда. Во всех четырех камерах в заполнении обнаружены фрагменты перекрытий могил. Судя по местонахождению остатков перекрытий (уровень нижних частей ниш), можно говорить о том, что они были сооружены ранее ниш. Первоначально яма – котлован была перекрыта толстым слоем соломы, которая затем была обмазана не менее толстым слоем глины. После устройства этих захоронений весь котлован был засыпан землей, вокруг него, на древней дневной поверхности были выстроены стены из сырцового кирпича, образовавшие пом. 3 и 4. Следует отметить, что в полу пом. 3, под его северной стеной, непосредственно к северу от каждой и трех камер устроены небольшие ке-

нотафы-поминальники: круглые ямки диаметром и глубиной около 0,5 м. В каждой из ямок находились кости крупного животного (корова?) и 4-5 керамических изделий.

Каждая из трех камер представляла собой прямоугольную яму (2,2 на 0,8-1,1 м и глубиной 1,0-1,3 м). Проходы имели пороги высотой в 1 кирпич и притолоки, высотой в два кирпича. В могиле 3621 сохранились следы деревянной притолоки – тонкой (1,5 см толщиной) доски, лежавшей на боковых стенках прохода. Около восточных стенок каждой камеры, в 10-15 см от нее, буквой «П» лежит один ряд кирпичей. Все пустоты между кирпичами (включая внутренние между кирпичной выстилкой и стенкой) заполнены плотно утрамбованной землей, смешанной с глиной. На образовавшихся возвышениях размером 95-100 на 60-70 см в каждой камере были погребены бараны возрастом около 1 года (в погр. 3623 — не старше 10 мес.). Все три особи лежат на правом боку, головой на север.

У особи из погребения 3622 (средняя из трех камер) череп отсутствует. Судя по повреждениям атланта, голова животного была отсечена ударом плоского острого предмета, например, большого ножа или меча. По-видимому, при отсечении голову связанного животного оттягивали левой рукой на себя, а правой наносили прямой рубящий удар по шее (Сатаев, 2008). В области поясницы этого же барана, по-видимому, при жизни животного была вставлена бронзовая пластина, причем таким образом, что ее нижняя половина глубоко вошла между позвонками, что, бесспорно, свидетельствует о совершении каких-то особых ритуалов. Наиболее вероятно, что перед этим ритуалом обезглавливания, баран был сначала обездвижен введением в поясничную часть позвоночника бронзовой пластины.

В перпендикулярно расположенную к трем могилам баранов камеру № 3597 на правый бок, с повернутой назад головой уложен целый скелет взрослой особи (старше 4 лет) эквида, который идентифицирован как осел (Сатаев, 2008). Исследовавший останки Р.М. Сатаев отмечает, что от типичных ослов животное отличается сравнительно крупными размерами, от кулана – строением черепа. Среди признаков, наблюдаемых на черепе и

нижней челюсти этого животного, отмечаются черты характерные для лошади. Можно предположить, что в данном погребении мы имеем дело с гибридной формой эквида. За его затылком, между черепом и стенкой камеры, помещен бронзовый сосуд типа котелка. В ногах животного были захоронены три жертвенных ягненка (возраст до 5 месяцев).

Погребение осла (3597) заметно выделяется от всех четырех могил по погребальным приношениям. В нем присутствует лишь один бронзовый сосуд, находившийся за головой животного. Поражают, особенно на фоне бедности окружающих могил людей, богатые погребальные приношения, найденные в погребениях баранов. В каждом из погребений было от 13 (в 3622) до 22 (в 3621) керамических сосудов, приблизительно половина из которых – конические, а два-три – вазы на ножках. Большая часть сосудов располагается в северной части камер. В каждом из трех погребений имеется много однотипных бронзовых и каменных изделий. Так, во всех могилах присутствуют миниатюрные колонки и бронзовые пластины; в двух (3622 и 3623) – «лесенки» с отверстиями. Интересно, что цвет камня, из которого сделаны миниатюрные колонки, в каждой могиле свой. В каждом же есть ножи и стержни. Характерны различия в числе бронзовых наконечников стрел (4-3-2 от 3621 до 3623 соответственно), причем в погр. 3623 они имеют отличную форму, что вряд ли случайно. Только в погр. 3622 был положен бронзовый браслет, а в погр. 3621 – булавка с каменным наборным навершием и каменная пуговица. Погребение 3623 выделяется присутствием в нем «игральной доски» и бронзовой «уховертки». В погр. 3621 и 3622 около шей животных имеются бусы из полудрагоценных камней; а в могилах, окружающих погр. 3622 с двух сторон – наборы мелких каменных изделий разных форм, причем, по всей видимости, уложенных определенным образом.

Символическое ритуальное назначение данных погребений и всего погребального комплекса – безусловно. Отмеченные различия в наборах приношений между описанными могилами, по всей видимости, являются свидетельством разного «социальным положением» животных. Например, наличие

бронзовых наверший жезлов, вполне логично можно интерпретировать как знак определенного уровня властных полномочий; бронзовые «лесенки» – как присущий воинский ранг. Особый интерес представляет т.н. «игральная доска» и «миниатюрные колонки», всегда находимые в аристократических могилах Гонура. Известно, что помещение в могилы игр характерно не только для Маргианы («игральные доски» найдены на Гонуре в захоронении знатного воина № 2900, в погребении баранов 3130, в погребении ягненка 3310; в «царской» гробнице 3210), но и для очень многих территорий в разное историческое время.

В настоящее время трудно судить с уверенностью, что обозначало собой это коллективное захоронение, но думается, что почти полное отсутствие погребального инвентаря у осла намекает на разную роль, которую играли отдельные животные в жизни маргушских племен. Не исключено, что такие факты как наличие остатков трех ягнят у ног осла, игральной доски у одного из захороненных баранов, отсечение головы у другого, присутствие набора мелки каменных изделий у двух баранов из трех и проч. и в то же время объединение всех четырех погребений в единую могилу, свидетельствуют о стремлении подчеркнуть одновременно и общность, и разные стороны какого-то одного явления или общины...

Но на Гонуре встречены и намного более бедные погребения баранов. Так, на юго-востоке памятника, в руинах самого раннего храма Сомы-Хаомы (раскоп 15) устроено два своеобразных погребения баранов. Под полом пом. 4 данного храма устроена прямоугольная циста № 3547 (175 на 80 см). Взрослый баран лежит в южной часть ее (на левом боку головой на северо-восток) таким образом, что его голова находится внутри положенного на бок большого конического сосуда, а таз и задние ноги упираются в южную стенку. Всего же в цисте – тринадцать сосудов, 9 из которых имеют коническую форму, но разные размеры. Вторая циста (3548) была устроена позже таким образом, что ее западная стенка является одновременно восточной стенкой погр. 3547. Но погр. 3548 устроено на полу упомянутого пом. 4. Взрослый ба-

ран здесь лежит в северной части могильной ямы на правом боку, головой на север. Его лоб упирается прямо в северную стенку. Под его шеей найдена бронзовая булавка, а перед мордой стоит небольшая керамическая банка. Южная часть цисты почти пуста. В ней находится лишь большой хум, врытый в пол в северо-восточном углу. Около задних ног барана был положен кусок жертвенного мяса (фрагмент задней части барана), поверх которого лежит согнутый бронзовый нож. Оба погребения устроены уже после того, как храмик на раскопе 15 был заброшен, скорее всего ближе к последнему, третьему периоду жизни на Гонуре.

Захоронения агнцев известны и на других памятниках Маргианы, в северной (Узбекистан) и Южной Бактрии (Афганистан). Около древнего поселения **Тоголок-24** при проведении сельскохозяйственных работ местными трактористами случайно был частично разрушен находящийся рядом могильник, в котором оказались прямоугольные, кирпичные цисты с погребениями древних людей и отдельно от них молодых (до года) агнцев (Сарианиди, 1990, Tabl. LV). Особенный интерес представляет одна такая циста, в которой в центре, на специальном возвышении, на правом боку, головой на север погребен молодой агнец в окружении погребальной посуды. Вся задняя (курдючная) часть у него отсутствует. Возможно, захоронен был не целый баран, а лишь его передняя часть. Вместе с животным в цисте находятся пять погребальных сосудов (один из которых медно-бронзовый), находящийся перед грудью, каменная «миниатюрная колонка» и кремневый наконечник стрелы.

Богатством и экстраординарностью инвентаря выделяется захоронение барана с мощными рогами в **могиле 331** известного памятника эпохи бронзы в Зеравшанской долине (Узбекистан) Бустон VI. Изучающего его уже много лет Н.А. Аванесова пишет, что оно отличается от других известных комплексов оригинальностью и выразительностью бронзовых, золотых и глиняных изделий. Найденные в погребении артефакты удивительным образом сочетают культуру степных обществ и ту, которая характерна для древнеземледельческих памятников (Аванесова, 2003, с. 24)

На **Дашлы 1** (Афганистан) ягненок был захоронен в скорченной позе, с согнутыми ногами, головой на север вместе с погребальной керамикой (Сарианиди, 1977, рис. 24). Раскопанное погребение впущено в руины бесспорно монументального здания, сохранившего «слепые окна», прямо аналогичные не раз описанным в особо важных помещениях Гонура в Маргиане. В этом же здании найдены обломки гипсовых плиток, которые, скорее всего, составляли (возможно, в виде мозаики) изображение животного, чрезвычайно похожее на индийских зебу (Сарианиди, 1977, с. 33, рис. 19).

Таким образом, можно заметить, что большая часть могил, где центральное положение занимает баран (или бараны), содержит не просто богатые погребальные приношения, но такие, которые свидетельствуют о высоком социальном статусе погребенных. Это – миниатюрные колонки, каменные посохи, бронзовые жезлы («гарпуны»), игральные доски, серебряные и золотые изделия, бронзовые пластины с отверстиями (так называемые «лесенки») и др.

В захоронениях животных, как и людей, обычно один-два керамических сосуда содержат остатки погребальной мясной пищи (кости барана). Особый интерес представляет случай в погр. 3310, где присутствуют семь кусков жертвенного мяса, что очень символично. В связи с этим нельзя не вспомнить о том, что, по мнению М. Бойс, у огнепоклонников Ирана и Индии «...именно семь порций жертвенного мяса современные зороастрийцы используют при совершении специальных церемоний и ритуалов, которые они называют “андом” или иначе “часть”» (Boyse, 1989, p. 163). Но к символике числа семь вернемся чуть позже.

В связи с рядом погребений, где у погребенных животных отсутствует часть туловища (например, 3622, где похоронен баран без головы, и «Погребение жеребенка» на некрополе, где у животного отрезана голова и хвост), нельзя не сказать о том, что в «Рукописях Мертвого моря» (обнаруженных пастухами свитках с надписями, сделанными на рубеже н.э.), в частности, говорится о том, что при совершении жертвоприношений часть такого агнца должна быть специально отрезана и посвящена Богу.

Несмотря на то, что это тема совершенно другого исследования, нельзя умолчать и здесь о том, что изображения баранов присутствуют на Гонуре только в самой примитивной форме – в виде небольших фигурок из необожженной глины. Большинство же известных образов принадлежит козлам. Так, на ритуальных сосудах «мировое дерево» обычно фланкируют небольшие налпные фигурки козликов, стоящие на задних ногах. Тонко выполненные головы горных козлов украшают маргианские и бактрийские булавки для волос. Уникальная миниатюрная скульптурка из золота, венчавшая вместе с миниатюрой лежащего бирюзового льва булавку из метеоритного железа в царской гробнице 3200, показывает также козла. Правда, имеется одно очень значительное изображение лежащего барана: это каменная его фигура, являвшаяся подголовником у похороненного в царской гробнице 3220 мужчины (рис. 8). Почему большинство захоронений принадлежит баранам, а изображения представляют нам в первую очередь козлов? – вопрос для особого исследования. Одной из возможных рабочих гипотез можно предложить такую: поскольку на многих и мозаичных, и гравированных, и рельефных гонурских изображениях присутствуют горы, можно предполагать, что или первые насельники Маргианы жили некогда в горах, или горы произвели на них сильное впечатление, когда они преодолевали Копетдаг. В горах более распространенными являются именно горные козлы. Кроме того, даже в многочисленных отарах баранов ведущими стада являются козлы. Может быть, кроме общего производящего впечатление облика гордой головы с мощными закрученными рогами, именно эта символика «впереди идущего», «ведущего за собой» существа и играла свою роль.

Б.А. Литвинский посвятил теме «фарна» (в значении «слава, величие, сияние, блеск, «высшее благо мирского времени» (В.И. Абаев) и др.), нередко выступающего в виде изображения головы козла/барана, специальное исследование (1968). Правда, анализируя зооморфные ручки на керамических сосудах первой половины I тыс. н.э. с территории Ташкентской области, Борис Анатольевич

сделал замечание, что эти «ручки среднеазиатской и сарматской керамики первых веков н.э. не имеют ... прямой преемственной связи с зооморфными ручками (в частности в виде барана) на керамике из комплексов эпохи поздней бронзы, происходящих с территории Ирана». В примечании 12 на этой же странице он уточняет: «Некоторые из этих комплексов нередко трактуются как принадлежащие древним иранцам, но перенесение на них нашего объяснения кангюйско-сарматских зооморфных ручек в виде барана было бы слишком рискованно» (Литвинский, 1968, с. 7). Тем не менее показательным, что еще в 1950-е годы у ягнобцев по погибшей овце устраивали поминки, совершали, как пишет Е.М. Пещерева, «круговое хождение вокруг трупа, и овцу оплакивали с причитаниями, так же как это делали в связи со смертью человека» (цит по: Литвинский, 1968, с. 99).

Ритуальные захоронения баранов отмечены практически на всей обширной территории Евразии. В могильнике Тапхар VI в Забайкалье наряду с человеческими захоронениями обнаружено 6 погребений баранов. Почти каждое из них располагалось рядом с погребениями людей. Захоронения целой туши барана встречены в горном Алтае (раскопки В.В. Радлова II Катандинского кладбища), Туве (раскопки С.И. Вайнштейна в урочище Ак-Довурак). Причем, С.И. Вайнштейн привел параллель между рассматриваемым обрядом и описанием китайской летописи «Вэй-шу» ритуала захоронения жертвенных баранов у древних уйгуров. Последние «при каждом громовом ударе» кричали, стреляли в небо; затем покидали это место, чтобы вернуться через год осенью. Здесь они «зарывают в землю барана и зажигают светоч с ножом, шаманка читает молитвы». Похожий обряд у алтайцев зафиксировал Г.Н. Потанин: «Алтайцы приносят жертву огню после первого грома. При этом колют рыжеголового барана... подле огня кладут на четырех углах тряпки. Кам в это время камлает вокруг огня» (Гутнов, 2001). По мнению С.В. Данилова (1982, с. 229-232), «в этих сообщениях говорится об обряде, связанном с посвященным жертвенным животным».

Но цель данной статьи – лишь систематизация новых сведений о захоронениях

2011 г. на царском некрополе Гонура. Пока, ввиду того, что полные видовое и поло-возрастное определения, а также точное описание расположения отдельных частей скелетов археозоологом проведено пока не было, здесь эти могилы будут охарактеризованы лишь в самых общих чертах. Выявлено три скопления погребальных сооружений на восточной окраине царского некрополя. Одно – к востоку (в 15 м) от гробницы 3235, второе – в 10 м от 3220, третье – в 15 м к юго-востоку от гробницы 3915.

Центральное положение среди сооружений у гробницы 3235 занимает **погр. 4065** (рис. 11). Это – почти круглая яма 120x110, глубиной 30 см в песчаном материке. Стенки ее аккуратно обмазаны и уплотнены. Здесь находятся семь особей собак, лежащих одна на другой по спирали. Глубже этого скопления прослеживается квадратный (180 на 180 см) контур глубиной 55 см, в центре которого (непосредственно под скелетами семи собак) находится небольшое возвышение (25 см). На нем в сложенном пополам виде лежит позвоночный ствол и таз осла (определение Р. Сатаева). Первые три шейных позвонка выступают вверх, на уровне скелетов собак. Здесь же находится ветвь нижней челюсти овцы. Поражает то, с какой аккуратностью грудная клетка отделена от позвоночника: не поврежден ни один позвонок. В 0,5 м к за-

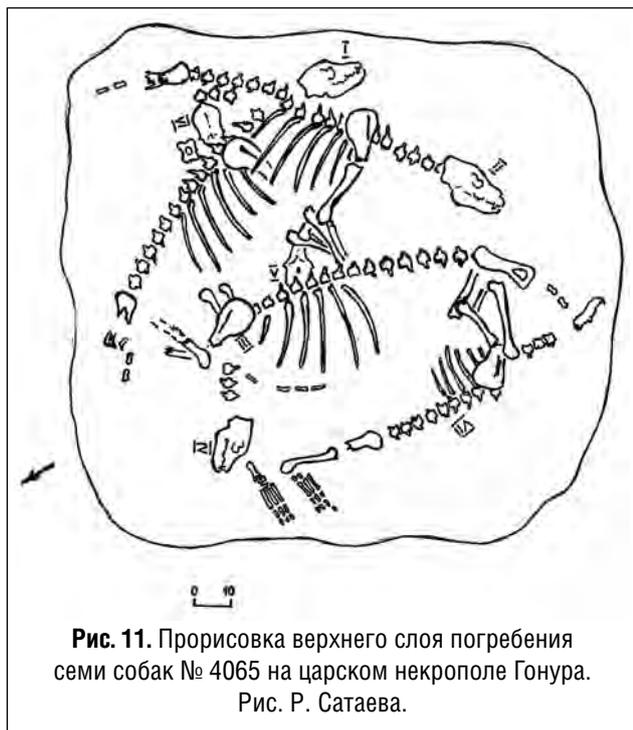

Рис. 11. Прорисовка верхнего слоя погребения семи собак № 4065 на царском некрополе Гонура.
Рис. Р. Сатаева.

паду от этой могилы также в песке устроено **погр. 4069**, также ямное, овальное (160 на 150 см, глубиной 70 см). На дневной поверхности эта могила была обозначена глиняным валиком шириной 15 см и «крышкой». Толщина обмазки – до 2 см. На высоте 20 см от песчаного пола на правом боку, головой на восток лежит скелет собаки. Перед ее мордой находится верхняя треть большой берцовой кости человека. Около восточной стенки найдена коническая тарелка на короткой ножке. Около южной стенки, напротив таза собаки – кость крупного животного (определение пока не проведено); около северо-западной части стенки – нижняя челюсть свиньи. На 20 см выше уровня грудной клетки собаки в заполнении был найден роговой стержень джейрана (определение Р. Сатаева).

Вторая группа погребений собак организована в 10 м к востоку от «обводной стены» гробницы 3220. Здесь имеется значительно большее число могил, группирующихся вокруг **погр. 4075**, представляющего собой также овальную яму (150 на 120 см) глубиной 35 см. Около ее южной стенки ничком (шея и голова находятся под грудной клеткой) головой на юг лежит собака. Пропорции конечностей говорят о том, что это животное, скорее всего, представляет собой особую породу, близкую современной туркменской гончей – *тазы*. Рядом с этими останками имеются кости других животных, определение которых пока не проводилось. В 2 м к юго-западу от этого погребения устроено еще одно (№ 4073), также ямное, почти круглое (160 на 150), глубиной 75 см. В центре его, на возвышении 25 см от уровня пола на левом боку головой на восток лежит собака с отрубленным хвостом. На полу около юго-восточной части могилы лежит череп свиньи (без нижней челюсти). Имеются фрагментированные костные останки и других животных, также пока не определенные.

В 1,5 м к востоку от погр. 4075 устроена ямная могила (130 на 120 см, глубина от 60 в западной до 90 см в восточной части) – № 4076. Пол погребения тщательно обмазан. На высоте 20 см от пола лежит череп собаки. В 2 м к юго-востоку от погр. 4075 и в 1 м к югу от 4076 находится круглая (диам. 150

см) ямная могила **4077** глубиной **50** см. Около ее западной стенки на правом боку головой на юг находится также щенок; в **15** см от южной стенки также на правом боку головой на восток лежит еще один. Прямо у восточной стенки ямы на правом боку мордой на север находится голова такого же животного. По-видимому, останки еще одного щенка найдены около северной стенки, а в южной части могилы на высоте **30** см от пола – кости какого-то животного (определения пока не проведены).

Важно подчеркнуть, что между погр. **4076** и **4077** находится небольшой прямоугольный алтарик (**100** на **60** см, глубина **15** см). Его стенки обожжены в разной степени: от черного до красного. Глубина обжига не более **0,5** см. В центре алтарика найдено несколько фрагментов сильно обожженных (пористые, легкие) керамических изделий. Кроме того, именно в этом скоплении могил с собаками, имеются как совершенно пустые ямы, аналогичные тем, в которых покоятся останки собак (№№ **4074, 4079, 4080, 4083**), так и сохранившие фрагментированные кости разных животных, в первую очередь крупного рогатого скота (№№ **4081, 4082**). Одна могила странной вытянутой формы (№ **4071**) также с костными останками разных животных устроена и напротив гробницы **3235**.

Еще одно скопление погребений, включающих и собачьих, раскопано, как выше отмечено, к юго-востоку от гробницы **3915**. Здесь обнаружено всего **2** ямные могилы, где были похоронены собаки: №№ **4095** и **4099**. Первая могила имеет диаметр **160** см и глубину **50** см. В северо-восточной части на слое песка толщиной **25** см на правый бок, головой на восток уложена собака. Ее задние конечности подогнуты к туловищу, передние находятся под грудной клеткой. Практически на уровне дневной поверхности зафиксированы два скопления костей животных: одно в **10**, а второе – в **70** см от скелета. В более удаленном скоплении присутствует нижняя челюсть коровы. В заполнении найдены мелкие фрагменты керамики. Вторая могила собаки находится в **160** см к югу от первой. Она представляет собой также круглую яму диаметром **100** см и глубиной **70** см. В северо-восточной части ямы на правый бок голо-

вой на северо-запад уложена собака. Ее ноги подогнуты к туловищу. Около конечностей этого животного найдены останки щенка. Он лежал также на правом боку, головой на юго-восток. На расстоянии **30** см к западу от морды взрослого животного найден фрагмент черепа джейрана с сохранившимися роговыми стержнями. В заполнении могилы найдены фрагменты костей животных, среди которых присутствуют и кости джейрана. Были встречены и мелкие фрагменты керамики. Кроме этих двух ямных могил, также как и в двух предыдущих скоплениях, в этом имеются пустые округлые ямы – №№ **4093, 4094, 4101** и **4102**. В их заполнении присутствуют лишь мелкие фрагменты керамических изделий.

Описания погребений собак на царском некрополе приведены здесь в виду их важности и лишь для получения общего представления. Конечно, их подробный и тщательный анализ еще впереди. Говоря о погребениях собак, нельзя еще раз не вспомнить и о котловане **3900** на царском некрополе Гонура. Когда контур этого котлована был только обнаружен и начата его расчистка, на глубине около двадцати сантиметров от уровня древней дневной поверхности расчищены костные останки крупной собаки со следами искусственной смерти. Задние и передние ноги собаки были близко соединены, скорее всего, связаны, позвоночник неестественно изогнут, хвост, по всей видимости, отрублен или даже отрезан. На лбу имеется крестообразная травма, нанесенная каким-то тяжелым острым орудием, что видимо, и стало причиной смерти самой собаки. Оказалось, что это животное лежало у края глубокого котлована диаметром **5** м. На глубине **2,5** м в нем на полу были раскопаны четырехколесная повозка, останки двух ослов, двух верблюдов, огромный медно-бронзовый котел, медно-бронзовый «символ», состоящий из семи(!) шаров, поставленных один на другой, два массивных каменных посоха (один из них имеет веретенообразную форму, расширяющуюся в середине, а второй заканчивается изображением копыта), бронзовый светильник и, наконец, бронзовая совковая лопата, удивительно близко напоминающая точно такие же современные предметы (Сарианиди, Дубова, 2010). Замечу, что подобное пог-

ребение найдено в археологической практике впервые.

Наибольшее скопление костных останков находится в западной/северо-западной части котлована – это костяки ослов, верблюдов, людей и собак. Обратим свое внимание к размещению собак в этой могиле. Одна из собак лежит на левом боку головой на север на полу котлована около его западной стенки рядом с тазом верблюда. Ее голова находится под ногами другой собаки, положенной также на левый бок и головой на север. Кости последней полностью перекрыты скелетом третьей собакой, лежащей уже на правом боку и головой на восток. Голова третьей собаки находится на высоте 80-85 см выше уровня пола котлована. Еще две собаки лежат севернее, над человеческим скелетом на левом боку головами на северо-восток. Причем головы обеих находятся прямо под нижней челюстью одного из ослов. Характерно, что собаки были аккуратно положены поверх человеческих тел, сброшенных в могилу после верблюдов и ослов. Еще две собаки лежат около юго-восточной части стенки котлована. Обе – на правом боку, головой на северо-восток. Головы обеих находятся выше ног. Скелеты этих двух животных находятся как бы справа и слева от погребения собаки, найденной первой на верхнем краю котлована, но на 1,70 см глубже. Рядом с ногами одной из собак расчищены кости ног человеческого скелета, лежащего на спине головой на северо-запад под большим бронзовым котлом. В свою очередь ноги второй собаки, уложенной в юго-восточной части могилы, находятся на веретенообразном посохе, сделанном из красного камня. Все восемь собак, по определению археозоолога Р.М. Сатаева – крупные, догообразные (или мастифообразные) с ростом в холке около 80 см, несколько уступающие немецкому догу. Такие породы были давно распространены на Ближнем Востоке.

Если рассмотреть общую схему расположения останков собак в котловане, то можно увидеть некоторую закономерность. Так, ни в северной, ни в южной, ни в центральной частях котлована их нет. Все особи помещены около юго-восточной и западной/северо-западной стенок. Причем внутри могилы на юго-востоке положены лишь два животных, а около противоположной стенки на разной глубине

– пять. Одна из пяти собак находится рядом с бронзовой лопатой, две уложены друг на друга и перед грудиной осла и рядом с его головой, а еще две – друг над другом, рядом с ногами второго осла, выше их. Оставим интерпретацию именно такого размещения собак в котловане специалистам по мировоззрению древних. Отмечу лишь, что восьмая собака, найденная первой на верхнем краю котлована, могла быть оставлена в качестве охранительницы самого погребения и всего, что было в него помещено.

Еще одно погребение, раскопанное на царском некрополе осенью 2011 г., нельзя хотя бы бегло не упомянуть, говоря о собаках. Это – яма округлой формы (170 X 180 см при глубине 70 см), где было устроено интересное коллективное погребение № 4110 (рис. 12а,б). Оно расположено в 15 м к северо-западу от котлована 3900. По определению антрополога В.В. Куфтерина, в этой могиле находились останки 8 человек (1 женщина 25-30 лет; 1 девушка 15-18 лет и 6 детей – трое 10-12 лет, двое 6-7 лет и один 9-11 лет), уложенные в каком-то, не вполне пока понятном порядке (двое детей лежат на спине, трое – на правом боку, один – на левом; женщина и девушка – на правом боку; девушка уложена головой на север, трое, в том числе женщина – на северо-запад, ребенок 9-11 лет – на юг, один 10-12 лет – на юго-восток и один около 10 лет – на юго-запад). Но в контексте данной статьи для нас важно отметить, что в юго-восточном секторе ямы на глубине 20 см от края могильной ямы обнаружен скелет молодой собаки (щенок, по определению Р.М. Сатаева, 5 месяцев), уложенной на живот головой на юго-запад. В северо-восточном секторе на 10 см выше скелета 10-летнего ребенка найдена нижняя челюсть еще одного человека (подросток 15-16 лет) и фрагмент нижней челюсти барана. На том же уровне в северном секторе находилась метакарпальная кость (фрагмент конечности) осла. Сам факт присутствия в могиле такого значительного числа погребенных, полного скелета щенка, а также фрагментов костяков осла и барана – весьма показателен. Явно, что оно является свидетельством какого-то сложного ритуала. Но до полного изучения поло-возрастного состава погребенных всеми доступными методами и анализа всех

особенности обряда, конечно, делать выводы было бы преждевременно.

Уделю здесь больше внимания не интерпретационной, а описательной составляющей. Важно сказать, что останки животных, найденные в разных могилах на Гонур Депе, показывают, что у древних маргушцев было несколько пород собак. Одна из них, чьи погребения до настоящего времени были наиболее многочисленными (упомянутые выше погр. 2872, 3200, 3280, 3600, 3813, 3900, 3905, 3915) это – крупная дого- или мастифобразная порода среднеазиатской овчарки, близкая современным туркменским *алабаям*. Вторая, намного меньшая по численности известных погребений – это порода, близкая гончим (туркменским *тазы*) (погр. 3280, 4075). Третья – это небольшая «домашняя собачка», которую могли брать на руки и одевать в попонки, например, обшитые бисером (погребение во дворе царской гробницы 3210). В могилах, найденных на восточной окраине царского некрополя, присутствуют собаки, не относящиеся к перечисленным разновидностям, т.е. еще одной породы.

Конечно, когда все необходимые археозоологические исследования будут проведены, можно будет и прояснить процесс селекции собачьих (что, без всякого сомнения, свидетельствует об очень высоком развитии маргушского общества), а также еще на шаг приблизиться к пониманию непростого духовного мира древних маргушцев. Но уже сейчас, имея самую краткую информацию об этих погребениях, трудно переоценить сделанные находки. Глядя на схему царского некрополя до раскопок весеннего полевого сезона 2011 г., бросалась в глаза пустота его восточной части. И вот, почти два десятка найденных там погребений стали весьма показательными. С одной стороны, погребения собак на кладбищах нередко маркируют их границы, отмечают, что далее захоронения на этой территории не производятся (см., например: Кожин, 2011, с. 112). С другой стороны, по мнению Р. Сатаева, нередко собак хоронят на окраине кладбища с целью его, кладбища, охраны. С третьей стороны, среди

всех домашних животных и сейчас в Средней Азии (в том числе в Туркменистане), и в древности собака занимала особое положение. В наши дни в Туркменистане алабай, почти наравне с «крылатым» ахалтекинцем, является национальной ценностью. Этим животным посвящены даже самостоятельные праздники⁴. Но те же алабаи в повседневной жизни испытывают массу лишений. Собаки, которых хозяева тренируют для собачьих боев, получают, конечно, достаточно питания. Те же, кто охраняет стада, нередко должны сами заботиться о собственном пропитании. Собак и любят, и «показывают им свое место» одновременно.

И здесь, на Гонуре, например, в только что упомянутом погр. 3900 собаки захоронены самыми последними, после людей, т.е. им отдано наивысшее уважение среди всех погребенных. И в то же время, как пишет В.И. Сарианиди, на большом некрополе «собака небрежно брошена на край одной могильной ямы». Да и все погребения собак на большом некрополе совершены, как это выше было отмечено, в обожженных ямах, т.е. в таких погребальных сооружениях, где хоронились люди с физическими недостатками (Сарианиди, 2001; Бабаков и др., 2001; Васильев и др., 2001 и др.). Нельзя не сказать и о том, что в Маргиане среди зооморфных изображений собаки встречаются лишь в виде мелких, достаточно примитивных изделий из глины. Они отсутствуют и в известных анималистических сценах на сосудах, не украшают навершия булавок и другие предметы. Самая замечательная анималистическая сцена, изображенная на небольшом серебряном кубке из тайника в царской гробнице 3235, имеется фигура хищника из семейства псовых. Но общий ее облик больше напоминает волка.

У многих народов собака связывается со сверхъестественными силами. Так, жители Памира говорили работавшему там в 1950-х годах Ю.Б. Симченко, «что собаки – единственные твари, которые защищают человека от всяких злых сверхъестественных существ» (Симченко, 1993, с. 152). Автор – известный сибиревед, глубокий знаток культуры наро-

4 «День ахалтекинского скакуна» празднуется в последнее воскресенье апреля. До 2007 г. «День алабая» отмечался 8 марта.

дов Крайнего Севера, нашел, говоря его словами, «поразительное единодушие» в представлениях о собаке столь удаленных друг от друга этносов. Он описывает, в частности мнение народов Севере: «Что бы ни говорили о происхождении собак – они близки духам. Ненцы считают собак шаманами, потому что они видят духов. ... Но ведь то же самое говорят про собак и все окрестные народы. Селькупы, например, считают собак существами, которые не только видят духов, но и которые могут их спокойно отогнать. Духи бессильны перед собакой. Маленькая собачка способна сокрушить и съесть самого крупного духа. То же самое у нганасан – собаки и видят, и отпугивают духов. Если ты простой человек, не шаман, захочешь увидеть духа, то надо посадить перед собой собаку и дожидаться, когда она начнёт рычать и лаять вдаль. Тогда надо смотреть между её ушами, и увидишь нечто человекообразное, скорее – обезьяноподобное, что-то лохматое и чудное, что-то опасное и противное. И пока собака сидит перед тобой, ничего тебе не угрожает. Ладно бы так думали все самоеды, которых я перечислил. Можно предполагать, что все эти сказки им достались из общего мешка прошлого. Но как же быть с долганами, которые по происхождению – тунгусы, по языку – якуты и с примесью тех же северных тюрков и русских. Те тоже убеждены, что собаки – шаманы в четвероногом мире, как и волки. То, что собаки видят и чувствуют духов, многие долганские старики утверждали, ссылаясь на собственный опыт...

Старина Вальгиргин так излагал суть собачьего существа:

– Собака – самый сильный шаман... Шаман-человек должен свой ум направлять, чтобы к духам попасть...

Собака так живёт, что всё время и с людьми, и с *келе*-духами бывает... У собаки такая же душа как и у человека. Говорят – почему собака человека терпит? Он её работать заставляет. Она такие тяжести таскает. Она всё делает, что человек скажет. Бывает, что и кормит плохо, и много работать заставляет. Это – как у человека у неё душа. Бывает женщина очень капризная. И кормит плохо, и много охотиться заставляет, и смеётся над тобой. А всё равно к ней тянет. Потому,

что ты её любишь. Так и собака. Её человек любит – один из всех. Он её так же, как человека, любит. Поэтому собака всё время с ним живёт...

Мне эта трактовка показалась весьма близкой к знаменитому Пушкинскому заключению: «Чем меньше женщину мы любим, тем больше нравимся мы ей». В чукотском варианте, применительно к собакам, это можно было бы сказать так: «Чем меньше мы любим собаку, тем сильнее она к нам привязана...» Несправедливо, как и всё в этом мире.

– Я, когда только начинал шаманить, то всегда подходил к собаке и смотрел через её уши, когда она начинала ворчать на кого-то. И всегда кого-то видел.

Вспомните нганасан!

– Если ты без собак живёшь, то *келе* могут до тебя добраться...»

(Симченко, 1993, с. 152-153).

У зороастрийцев собака принимает участие во многих погребальных обрядах. Собака обязательно сопровождает покойника в последний путь. Ведущий специалист по зороастризму В.Ю. Крюкова замечает: «Сила святости собак настолько велика, что они могут заменять второго человека в погребальных похоронных обрядах, исполнение которых в одиночку является тяжёлым грехом» (Крюкова, 2009, с. 25). О том же пишет и М.Б. Мейтарчян (1999, с. 111). В Видевдате специально отмечается: «14. Да не понесет никто в одиночку мертвого. А если понесет в одиночку мертвого, набросится на него трупная муха Друхш-йа – Насу, которая “проникает”, смешивается с ним через отверстия его тела» (Крюкова, 2009, с. 25-26). По пути, по которому проносят мертвых людей и (очень важно!) мертвых собак, запрещается ходить живым. Но этот запрет не относится к собаке, т.к. муха Насу ее взгляда не выносит и улетает в «северную сторону». Если нет уверенности, что ритуал совершен удачно и Насу изгнан, требуется снова провести собаку. А если Насу все равно не улетает, вместе с людьми и с собакой необходимо по дороге к погребению пройти и священнику.

В зороастризме существует представление о смерти как осквернении (Крюкова, 2009, с. 26). В.Ю. Крюкова считает, что собаки тесно связаны со смертью. В древнеиндий-

ской традиции эта связь представлена иначе, чем в Авестийском Видевдате, «если не противоположным образом» (Крюкова, 2009, с. 25). В Ригведе пара собак принадлежат Яме и разыскивает тех, кому предопределено умереть. Эти собаки, в отличие от древнеиндийской традиции, сопровождают божество Веры уже после смерти человека. Иначе говоря, встреча мифологических собак с человеком происходит не тогда, когда он осквернен умиранием и смертью, а когда его нетленная душа уже отделена от бренного тела. «В отличие от ведийских, авестийские собаки не привлекают смерть, а напротив отгоняют ее своим взглядом от мертвого тела, для чего их и используют в похоронных ритуалах» (Крюкова, 2009, с. 25).

Зороастрийцы отмечали, что и в своих «недостатках» собака повторяет человека: «... у нее характер священника; у нее характер воина; у нее характер скотовода; у нее характер вора; у нее характер зверя; у нее характер ребенка, характер потаскухи; угодливая как раб, коварная, как раб... В этом она как раб. Ждущая темноты как вор, промышляющая ночью как вор. Угодливая как потаскуха, коварная как потаскуха» (Видевдат по: Рак, 1998, с. 289). В целом можно отметить, что и на Гонуре нет свидетельств обожествления собаки.

Кормление собаки ритуальной пищей как во время похорон, так и в другие поминальные дни, обязательно, т.к. считается, что пища, данная собаке, предназначается для душ умерших родственников и близких. Проведение обряда *sagdid* (оглядывания умершего собакой) необходимо для определения пути души усопшего. Согласно этому обряду предписывается, чтобы к каждому умершему была приведена «желтая четырехглазая собака» или белая собака с желтыми ушами, взгляд которой отпугивает демонов, которые пытаются проникнуть в труп.

Представления о роли собаки как проводника умершего в загробный мир, нашедшие отражение в обряде захоронения жертвенной собаки, были свойственны и далеко от Средней Азии проживавшим народам сяньби и ухуань (Викторова, 1974, с. 264), возможно и хунну (Данилов, 1983). Литература о значении собак в культуре – огромна и, конечно,

требует своей систематизации и анализа. О каком отношении к собакам населения страны Маргуш говорят найденные там их погребения, нам только предстоит понять.

Нельзя не сказать, что погребения собак известны в мезолита. Как отмечает М.Ф. Косарев, «в отличие от большинства других почитаемых животных, собаку нередко погребали по человеческому обряду» (Косарев, 12003, с. 65). Этот же, крупнейший специалист по мировоззрениям древних обществ приводит интереснейший пример по стоянке Усть-Белая в Прибайкалье, где собака «была положена на животе, вытянуто, при ориентировке северо-восток – эго-запад. Голова слегка повернута направо и положена на лапы. На шее животного были обнаружены восемь подвесок из зубов благородного оленя, расположенных по четыре слева и справа, которые были, видимо, нашиты на ошейнике собаки. С запада она была обложена обломками крупных костей быка и рогами быка и косули» (Кольцов, Медведев, 1989, с. 176; цит по: Косарев, 2003, с. 65). М.Ф. Косарев приводит целую серию погребений собак на территориях от Западной Сибири до Байкала (2003, с. 63-71). Но приходится еще раз повторить, что пока в нашем исследовании не поставлена задача обобщения и анализа всех имеющихся сведений о погребениях животных, в том числе собак. Скорее, приведение здесь небольшой части таких данных можно трактовать в качестве постановки вопроса об общих и особенных чертах захоронений животных в разных регионах, и, конечно, их семантики в каждом конкретном случае.

Погребения эквидов

Наличие на памятниках эпохи бронзы останков эквидов – ослов и лошадей – тема для особого исследования. Как уже было отмечено в примечании к табл. 1, мы оставляем за специалистами-археозоологами принятия решения о более точном видовом определении костных останков гонурских эквидов. Здесь имеет смысл пока использовать оппозицию лошадь-осел. Нередко можно встретить мнение, что присутствие в культуре обрядов, связанных с лошадью, их изображений, является косвенным свидетельством присутствия на территории индоиранцев. Этот аспект в

данной работе тоже никак не затрагивается. Далее будут приведены те данные, которые свидетельствуют о знакомстве гонурцев с лошадью, а также об использовании ее в обрядах и ритуалах.

Как теперь стало ясно, на Гонуре мы можем говорить лишь об одном целом погребении лошади. Это – молодое животное, прислоненное к восточной стенке двора царской гробницы 3200 и зажатого там с другой стороны четырехколесной повозкой. Единственный сохранившийся от него зуб определен Р. Сатаевым именно как принадлежавший лошади (Сатаев, 2008). Как видно из табл. 1, останки лошади имеются лишь во фрагментах. Наиболее крупный из них – плохо сохранившиеся череп и лопатка этого животного (погр. 3766) на раскопе 9 в пом. 149, который сопровождался черепом собаки и фрагментированным черепом барана. На раскопе 13 (пом. 31) найдена передняя конечность лошади (погр. 3479), а в описанном выше групповом захоронении животных около цисты 2900 – ее нижняя челюсть. Дистальный сустав плечевой кости лошади был раскопан в зольно-углистом слое из «холма золы» на Южном Гонуре (погр. 3473), а одиночный зуб – в северо-западном углу обводной стены (погр. 3405).

Кроме этих данных, которые приведены в таблице, большой интерес представляют несколько отдельных зубов лошади (определения как предыдущих, так и этих останков, принадлежат Р.М. Сатаеву), найденные в верхнем слое заполнения погребений на раскопе 16. Это – два захоронения в подбойных могилах. В обоих случаях зубы лошади явно не случайно находились на 10-15 см выше, чем погребальные приношения, стоявшие в подбое. В погр. 3795 был найден один зуб этого животного, а в 3798 – два. Фрагментов других костей лошади ни в одном, ни в другом погребении не найдено.

В этой связи можно опять вспомнить данные, которые приводит С.В. Данилов по публикациям погребальных традиций плиточных могил Забайкалья (раскопки Р.Н. Ступникова неогрabenных плиточных могил у ст. Оловянной в Восточном Забайкалье), где нередко в верхнем дерновом слое над плитами, перекрывавшими каменные ящики, были

уложены не только черепа, но отдельные нижние челюсти, а в ряде случаев только зубы лошадей и других животных (бык, свинья, собака, овца) (Данилов, 1983). Автор трактует эти факты как свидетельство тех же ритуальных функций челюсти или зуба животного, которые возлагались на целые их головы.

Итак, у нас есть все основания не соглашаться с утверждениями как К. Моор (Moор, 1993, р. 167-168), так и более осторожными замечаниями Р. Мидоу (Meadow, 1993, р. 73; см. также: Parpola, Janhunen, 2010, р. 425-426) об отсутствии останков лошадей на Гонуре. Теперь мы с достоверностью можем говорить о том, что домашняя лошадь в Маргиане была. Остается только дожидаться публикации описания ее останков специалистами.

Еще одно животное, занимающие в мифологии древних культур особое место – ослы. Останки *ослов*, как фрагментарные, так и целые скелеты на Гонуре не на много более многочисленны. Все три погребения целых туш этих животных найдены в особых местах и, что показательно – по одному на каждом: первое – на большом некрополе Гонура («погребение жеребенка»), второе – на северной окраине царского некрополя (погр. 3340), а третье – в камере № 3597 в ритуальном погребении животных на раскопе 16, описанных выше. Богатых приношений ослам не было принесено. В погр. 3340 имеется пара бусин и несколько керамических сосудов, а погр. 3597 – только бронзовый котелок, а в «погребении жеребенка» они отсутствуют совсем. Еще две особи этого животного погребены в уникальном котловане 3900, где их присутствие может быть интерпретировано и в качестве обычных тягловых животных для четырехколесной повозки, и в виде важного, пока не ясно какого символа, если вспомнить, какое место в мироздании древних ближневосточных религиозных систем занимает осел.

Не будем забывать, что первые материальные свидетельства существования страны Маргуш были получены менее полувека назад. Поэтому, конечно, ныне мы находимся только в начале пути понимания системы религиозных представлений древних маргушцев. Но полученные в результате раскопок свидетельства того, что разные части тела

животных играли свои роли в ритуалах и, видимо, в символической, уже имеются. Так, явно не случайно большее число (по сравнению с отдельными самостоятельными захоронениями) особей тех же ослов представлено в погребениях отдельными частями скелетов (например, конечностями). Говоря о местонахождениях останков этого животного нельзя не напомнить выше описанные могилы собак на царском некрополе. В одной могиле, где были похоронены 7 собак, лежащие по спирали (№ 4065), под ними находился позвоночный столб и таз осла; между скоплением ямных могил, в четырех из которых были погребены собаки (№№ 4073, 4075, 4076 и 4077) и гробницей № 3220 находится две круглые ямы, в которых были найдены кости конечностей ослов (№№ 3330 и 3331); а в коллективном захоронении двух молодых женщин и 6 детей (№ 4110) на глубине 10 см от края могильной ямы – фрагмент нижней челюсти барана и в противоположном секторе ямы – кость конечности осла.

Погребения верблюдов

Обращает на себя внимание полное отсутствие специальных захоронений *верблюдов*. Полные их скелеты (соответственно были погребены целые животные) найдены исключительно в царских могилах и «котлованах», сопутствующих таковым, где они, скорее всего, использовались только в качестве «символического стада» для обеспечения «удобств» захороненных в потусторонней жизни. Это обстоятельство позволяет предполагать, что пришлые в древнюю дельту Мургаба племена впервые познакомились с верблюдом только тогда, когда они появились в Маргиане и Бактрии. Но имеющееся исключение, правда, лишь одно (погр. 18 – «могила агнца»), когда два верблюда были погребены в цисте, где основным захороненным был ягненок, а также тот факт, что конечности верблюдов присутствуют в нескольких особых могилах, говорят также и о более сложных представлениях населения в отношении этого животного. Показательно, что важное место верблюды занимают в пластике маргушцев. Имеются их глиняные изображения. Сливы сосудов иногда оформляются в виде голов этих животных. Присутствуют они и в релье-

фах (серебряный сосуд из тайника гробницы 3220), и в навершиях на булавах, а также в гравировках на донцах золотых и серебряных сосудов. Важно, что не встречено ни одного изображения одногорбого верблюда. Можно считать, что и в реальности маргушцы разводили только двугорбых верблюдов, имеющих и показательное название – «бактрианы». Как справедливо не раз отмечал автор раскопок В.И. Сариниди, тот факт, что на изображениях присутствуют именно бактрианы, свидетельствует об изготовлении всех предметов с такими рисунками и фигурами именно в Маргиане. Импорт их из каких-то «более передовых» районов тогдашнего мира исключается, т.к. ни одного подобного изображения ранее гонурских пока не найдено.

Погребения крупного рогатого скота

Всего два самостоятельных погребения и оба расположенные на царском некрополе имеют представители крупного рогатого скота. Оба они устроены за пределами обводной стены, которая, однако, по всем признакам была построена позже организации царского некрополя, во второй строительный период Гонура, т.к. ее основание стоит на толстом культурном слое. Одно из погребений (3890) расположено в 9 м к юго-западу от царской гробницы 3220 (рис. 15). Это – яма неправильной прямоугольной формы 100 на 80 см глубиной до 50 см в центре. В яму был помещен расчлененный скелет *коровы*. Погребальный инвентарь отсутствовал. Описание животного и видовое определение как его, так и второй особи в погр. 3895, произведено Р. Сатаевым. Судя по состоянию зубной системы нижней челюсти и синостозу эпифизов, животное имело возраст 2,5 года (не достигло полной костной зрелости).

Туша коровы была разделана по отделам, которые укладывались в яму последовательно и в определенном порядке. Разделка туши животного произведена с большой тщательностью по контактным поверхностям, без рубки и раскалывания. Характер разделки туши указывает, что туша была предварительно освежена (дистальные отделы конечностей оставлены с тушей, шкура с них не снималась) и выпотрошена (ребра отделялись по суставным поверхностям). Примечательно, что в пог-

ребении обнаружены только 16 ребер (2 первых левых ребра не отделены и сохранились сочлененными с позвонками), оставшиеся 10 изъяты. Таз был разделен на две половины. Конечности отделены от туши целиком.

Первыми, вероятно, в яме были выложены разделенные отделы позвоночника быка (они не перекрывают никакие другие отделы скелета). Затем была уложена голова (частично перекрывает поясничный отдел). Следующими выкладывались ребра, заходящие на лицевую часть черепа. Одновременно с ними (или несколько позднее) в захоронение были помещены левая задняя и передняя конечность. Поверх левой тазовой кости крестообразно уложено семь ребер (три левых и четыре правых). Последними в яму были помещены правые задняя и передняя конечность. Нужно отметить, что правые конечности лежат вверх латеральной стороной (наружной), левые — медиальной (внутренней).

В целом, характер расчленения туши животного и пространственного размещения ее частей в яме, по мнению Р.М. Сатаева, говорит о том, что подобная разделка являлась частью сложного ритуала. Мастерство и тщательность проведенной процедуры может свидетельствовать о хорошем знании анатомии животного проводившими ее людьми, а также о большом опыте подобных манипуляций с тушами.

Второе погребение, принадлежащее *быку*, на 10 отстоит от первого на запад-юго-запад (№ 3895, рис. 16). Оно устроено также в яме, но больших размеров (300 на 180 см при глубине до 130 см), т.к. животное уложено туда целиком на левом боку головой на север. На высоте 30-40 см над скелетом быка в заполнении был найден конический керамический сосуд. Других предметов в этом захоронении не было обнаружено.

Напомним, что останки быков также были найдены на более позднем (середина I тыс. до н.э.) памятнике дельты р. Мургаб Тоголок-1, где раскопано погребение «жрицы и погонщика»: в прямоугольной цисте находились скелеты женщины, мужчины и двух быков.

Характерно, что изображения быков также редко встречаются на Гонуре, как и останки самих животных, и в глиптике. Пожалуй, кроме грубоватых глиняных фигурок этого

животного, найденных на разных раскопах, наиболее яркими их изображениями является ожерелье на двух нитях полудрагоценных камней с серебряной подвеской в виде двух быков, стоящих головами друг к другу, из погр. 2900. Участвующая в анималистической сцене на небольшом серебряном сосуде из гробницы 3235 среди прочих животных фигура быка, по мнению специалистов, скорее, изображает зебу. Вспомним также и мраморную головку быка, найденную на полу пом. 32 в храме Тоголок-21. Головка имеет пару углублений, куда, по-видимому, были вставлены не сохранившиеся к моменту раскопок рога, сделанные предположительно из другого камня (лазурита, сердолика) или даже из драгоценного металла (золота). В месте облома по линии шеи головка заполирована до блеска, а сбоку по краям имеются три сквозных отверстия для крепления этого навершия на ручке-основе. В этой связи В.И. Сарияниди отмечает, что точно такого рода булавы употребляются современными зороастрийскими жрецами при приобщении молодых людей к зороастрийской религии (Сарияниди, 2010, с. 96).

Взавершение описания местонахождений костных останков животных на Гонуре необходимо сказать о том, что на этом памятнике не найдено ни одного погребения целого скелета *кабана* или *свиньи*, хотя их отдельные кости присутствуют в четырех погребениях, три из которых устроены на царском некрополе. Лишь в одном из них (3206) кости конечностей принадлежат только этому животному. В трех других случаях в специально сооруженные погребения уложены останки разных животных.

Прежде чем перейти к подведению предварительных итогов исследования погребений животных на Гонуре (т.к. подробный анализ этого явления пока еще не проведен), хотелось бы обратить внимание на одну закономерность. Это — особое, как представляется, значение числа «семь» у населения страны Маргуш. Так, в котловане 3900 на царском некрополе погребены *семь* человек (все молодые мужчины) и *семь* крупных собак, близких по своим физическим характеристикам современным туркменским алабаям. В этом же захоронении имеется уникальный бронзовый сосуд, состоящий из *семи* шаров, постав-

ленных один на другой. В одном из углов только что описанного, несущего явные признаки ритуального, погребения быка (№ 3890) в ряд выложены *семь* ребер. В другом месте той же могилы поверх левой тазовой кости лежат три левых ребра, головками на север, на них головками на запад (т.е. поперек нижних) лежат четыре правых ребра, т.е. всего опять же *семь* одинаковых костей (а точнее, конечно, укладывались, видимо, части туши, включающие эти кости). Как отмечалось выше, в одной из камер в погребении ягненка № 3310 находилось жертвенное мясо в виде *семи* кусков реберных частей нескольких особей молодых ягнят. И еще одно наблюдение: в «могиле агнца» (№ 18) прикрепленное к каменному посоху медное, полое внутри навершие имеет *семь* прорезных сквозных отверстий в виде небольших крестов. Здесь мы просто обращаем внимание на эту, бросающуюся в глаза закономерность, хотя специальный анализ символики чисел, наверняка имеющей место в богатейшей культуре БМАК, еще впереди.

Итак, все приведенные выше сведения обоснованно показывают, что кроме древнего земледелия, важную роль в повседневной жизни населения страны Маргуш играло и древнее скотоводство. Поскольку имеются особые погребения баранов, собак, ослов, которым принесены богатые погребальные приношения (иногда намного более богатые, чем присутствующие в окружающих их могилах людей; имеются свидетельства и наличия человеческих жертвоприношений ягнятам – погр. 3310), есть все основания считать, что такие обряды не были ни единичными или случайными, но, напротив, они составляли характерные ритуалы местных племен. Наличие в могилах баранов и коз символов высокой военной и, видимо, административной власти, могут указывать на то, какую большую роль они играли у жителей Маргианы.

Численное соотношение погребений разных видов животных на Гонуре говорит о том, что самое видно место в представлениях населения занимали бараны и собаки. Характерно, однако, что наибольшее число погребений баранов совершено в камерных могилах и в цистах, а собак – в ямных (лишь одно – в цисте). Причем на большом некрополе Гонура все погребения собак совершены в обожженных

ямах. Налицо – разные места, занимаемые этими животными в системе мировоззрения жителей страны Маргуш. Наверное, какая-то часть погребений баранов может быть интерпретирована как «заместительная жертва». Возможно также, что животные хоронились, чтобы отвести болезнь от человека (болезнь «передавалась» жертвенному животному) или избавить его от проклятия (Данилов, 1982). Но думается, что только таким объяснениям всего разнообразия раскопанных их могил противоречит хотя бы тот факт, что среди прочих присутствуют богатые (с большим числом крупных бронзовых изделий, в том числе с жезлами-«гарпунами»; с «игральными досками», с мелкими золотыми изделиями) захоронения трех особей баранов (самец-самка и ягненок) (№№ 3224, 3230). Об особом отношении к баранам свидетельствуют и факты обнаружения обезглавленных животных («погребение агнца» № 18; погр. 3622) также с богатыми погребальными приношениями. Есть и ряд случаев, когда головы баранов погребались отдельно или с фрагментами костяков других животных: в погр. 3766 (раскоп 9) сильно разрушенный череп барана находился вместе с черепами лошади и собаки; в погр. 3282 (раскоп 10) присутствуют два сильно фрагментированных черепа баранов плохой сохранности. В погр. 3614 на раскопе 13 конечности барана сопровождают нижнюю челюсть коровы. В сильно разрушенном погр. 3829 на раскопе 16, где основным погребенным является собака, присутствуют фрагменты конечности коровы, а также роговой стержень барана.

Нельзя обойти молчанием и находки останков лошади на Гонуре. Кроме тех замечаний, которые были сделаны выше, хотелось бы отметить следующее. Использование методов молекулярной биологии привело многих специалистов к выводу, что лошадь, скорее всего, была одомашнена в разных местах в интервале 9000-2000 до н.э. (более подробно см., например: Nyland, 2003; Иванов, 2004, с. 48-50; Кузьмина, 2004). Как известно, вопросы об одомашнивании лошади и ее активном хозяйственном использовании, в том числе как тяглогового или верхового животного, также как и связь лошадей и повозок с индоариями – вопросы совершенно разные и должны

решаться согласованно, но самостоятельно. В настоящее время считается доказанным, что самое раннее ритуальное захоронение одомашненной лошади, вместе с колесницей имеется в культуре Синташты, хотя, материалы Гонура показывают, что на ту же роль с большим основанием может претендовать целый скелет молодой лошади из царской гробницы № 3200, которая имеет радиоуглеродную датировку 2250 гг. до н.э. Одним из этих центров является восточная часть Малой Азии вместе с древней Сирией. В связи с кругом этих вопросов в высшей степени показательны изображения колесниц на печатях в Канеше (Малая Азия), что можно сопоставить с ролью, отводимой лошади в древнехеттских и лувийских текстах. Показательны слова акад. В.В. Иванова, относящиеся к данной теме: «Эбла (Сирия), Уркеш и Каниш группируются вокруг сирийско-анатолийско-малоазийского ареала [одомашнивания лошади – Н.Д.], и на рубеже III-II тыс. до н.э. можно видеть результаты предполагаемого движения на восток – на севере в Синташте-Аркаиме, на юге – в Маргиане...» (Иванов, 2004 с. 51).

Отметим также, что определенные культурные связи между очерченными регионами (сирийско-анатолийско-малоазийским и маргианско-бактрийским) показывает, в том числе, и идентичная конструкция колес. И в Сузах, и на Гонуре, и в Бактрии, а также на аккадских мозаиках они – сплошные деревян-

ные, сбитые из трех плах; имеют двустороннюю втулку, снаружи оббиты медно-бронзовыми «пинами», закрепляемыми на массиве колеса с помощью бронзовых же «ушек» и заклепок (Дубова, 2004; Сарияниди, Дубова, 2010). Физическую миграцию населения с Ближнего Востока (конечно, не прямолинейную, целенаправленную, а волнообразную в поисках новых незаселенных земель, продолжавшуюся, возможно, не одно поколение и при активном мирном взаимодействии с народами территорий, встречавшихся по пути с первоначального места поселения) подтверждают и данные антропологии (Дубова, 2009, 2010). Думается, что дополнительный луч света и на эту проблему может пролить подробный анализ символики погребений животных и фрагментов их тел на Гонур Депе. Как ранее уже говорилось, задача данной работы намного скромнее – лишь охарактеризовать те явления, которые были зафиксированы на Гонур Депе к настоящему времени.

Если добавить к только что сказанному информацию о размещении погребений животных на памятнике (см. выше), видимо, можно говорить и о том, что у жителей страны Маргуш во II тыс. до н.э. бытовали сложные, нам пока неясные представления и ритуалы, связанные не просто с баранами, лошадьми, верблюдами, собаками или с божествами, которого олицетворяли именно они, но и с представлениями об устройстве мира и загробной жизни.

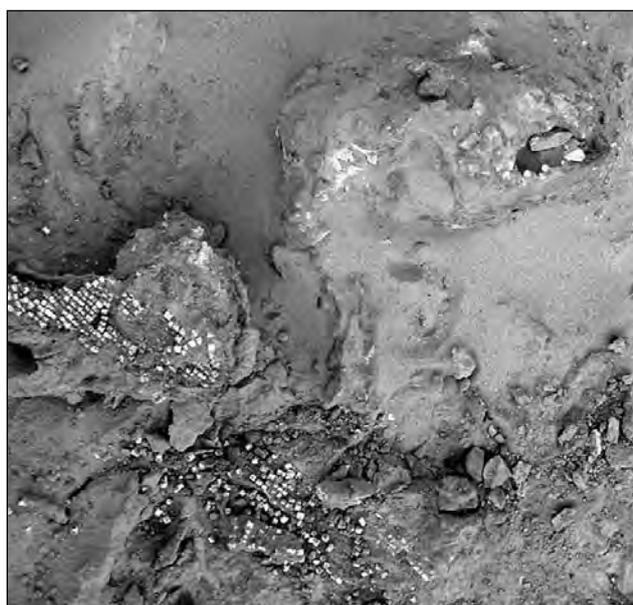

Рис. 5. Захоронение небольшой собачки во «дворе» царской гробницы 3210.

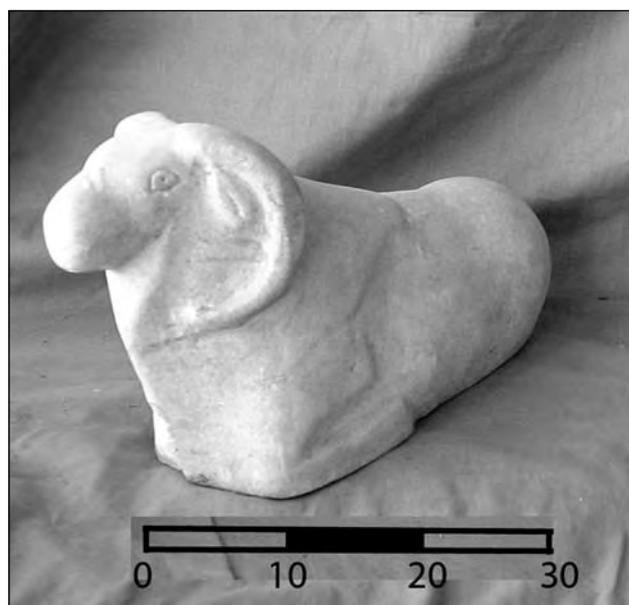

Рис. 8. Каменная скульптура барана из гробницы 3220 Гонура.

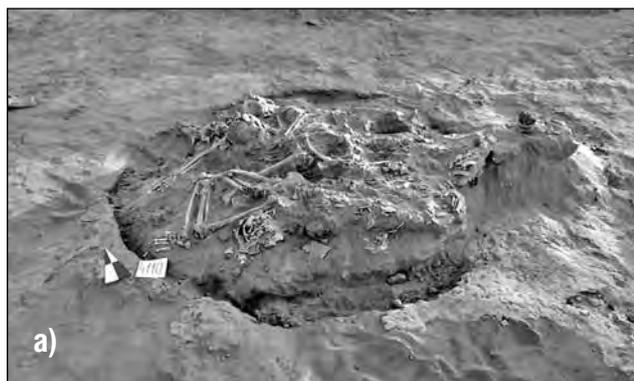

Рис. 12. Коллективное погребение № 4110 на территории царского некрополя Гонура.
а) – начало расчистки верхнего слоя; б) – завершение расчистки погребения, слева внизу хорошо виден костяк щенка.

Рис. 9. Погребение собаки № 3600.

Рис. 15. Погребение коровы № 3890 на территории царского некрополя Гонура.

Рис. 16. Погребение быка № 3895 на территории царского некрополя Гонура.

Рис. 13. Костные останки взрослых верблюдов (1) и собаки (2) в царской гробнице 3915. Вид с запада.

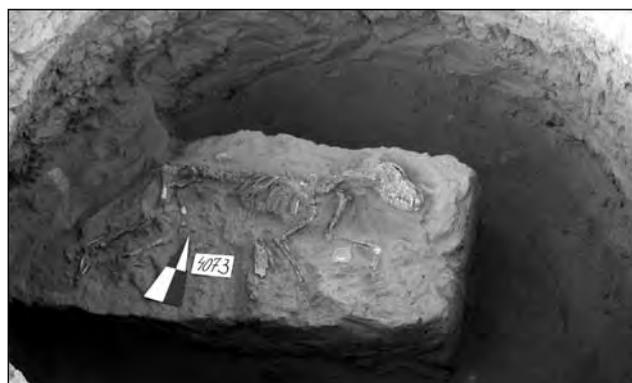

Рис. 17. Погребение собаки № 4073 на царском некрополе Гонура

Слив в форме головы лошади, Гонур, Раскоп 8, верхний слой.

Фрагмент навершия серебряной булавки. Гонур, Раскоп 13, подъем.

Навершие серебряной булавки из погр. 2900. Гонур, Раскоп 5.

Терракотовая фигурка верблюда. Гонур, Раскоп 18, пом. 6

Слив в форме головы верблюда. Гонур, Раскоп 6, пом. 6

Терракотовая фигурка верблюда. Гонур, Раскоп 17, пом. 19.

Гравированное изображение верблюда на донце серебряного конического кубка из царской гробницы 3220

Терракотовая фигурка верблюда. Гонур, Раскоп 16, около пом. 126.

Рис. 14. Изображения лошади и верблюдов на предметах, найденных на Гонуре.

Терракотовая фигурка быка. Гонур,
Раскоп 18, пом. 12

Терракотовая фигурка быка.
Гонур, раскоп 16, пом. 72

Серебряная подвеска в ожерелье из погр. 2900
Гонура. Раскоп 5.

Фрагмент культового сосуда со сливом в виде
головы быка. Гонур, Раскоп 8, подъем

Культовый сосуд, венчик которого
украшен головами быков. Некрополь
Гонура, погр. 2630

Рис. 18. Изображения быков на предметах, найденных на Гонуре.

Собаки авестийских текстов

Авестийские тексты – едва ли не самый большой корпус религиозной литературы, содержащей сведения о собаках. Отношение зороастрийцев к этим животным стало восприниматься как один из характерных признаков древнеиранской религии. Роль собаки в индоиранских, индоевропейских и, шире, общечеловеческих представлениях, связанных со смертью и посмертным существованием душ, хорошо известна и неоднократно анализировалась (Schlerath, 1954; Воусе, 1977). Тем не менее, для времени и места предполагаемой родины зороастризма (рубеж II-I тысячелетия до Р.Х., Восточный Иран, Северный Афганистан, Средняя Азия) практически нет материальных памятников, содержащих адекватное подтверждение сведений древних текстуальных источников о собаках. Во многом это можно объяснить специфическими чертами зороастрийского погребального обряда (если считать, что он сформировался в известном нам виде уже в указанную эпоху). Вошедшие в состав Авесты предписания хотя и требуют совершения по отношению к собаке погребального обряда, равного предусмотренному для человека, однако сам этот обряд исключает погребение в земле, тем самым лишая будущих археологов возможности совершать одно из самых благих, согласно авестийскому Видевдату, дел, – выкапывать трупы людей и собак. Однако, если подобное действие (под страхом сурового наказания в случае невыполнения) вменялось жрецами праведным зороастрийцам, можно предположить, что их менее праведные и более склонные к греху собратья и соседи нередко оскверняли

священную материю земли захоронениями людей и, возможно, собак.

Что касается погребений людей, исследования последних десятилетий 20 века показали, что даже в оплоте сасанидского зороастризма – Фарсе – погребальные практики были весьма разнообразны и не сводились к тому единственному канонизированному обряду выставления трупов, который известен по зороастрийской литературе. Известные в Средней Азии сведения о ритуальных погребениях собак были обобщены в свое время Б.А. Литвинским (Литвинский, Седов 1984, с. 161-162). Среди указанных им случаев выделяются те, которые близки к нормативному зороастрийскому обряду (Миздахкан, Ток-кала), – это захоронения костей собак в оссуариях (Литвинский, Седов 1984, с. 161-162). Однако большинство других случаев представляют иные обрядности. Среди них – погребение собак в земле, а также ритуальное захоронение черепа или нижней челюсти собаки (Дингильдже в Хорезме, Тепаи-шах в Бактрии, Кафыр-кала под Самаркандом и др.). При этом на суфе святилища Балалык-тепе было помещено 9 челюстей собак, а в могильном сооружении 1-го тыс. до Р.Х. на Дингильдже три собачьих черепа были специально уложены под углом друг другу (Литвинский, Седов 1984, с. 161-162). Эти сведения имеют большое значение, если не для изучения нормативных зороастрийских обрядов, известных по сохранившимся текстам, то для понимания древнеиранской обрядности в широком смысле. Тем более что теперь о возможной предыстории формирования этой обрядности или ее древнейшем суб-

страте на территории Центральной (Средней) Азии стало известно больше, а в последние два года Маргианской археологической экспедицией под руководством В.И. Сарияниди на Гонур-депе были открыты уникальные захоронения собак, как отдельные, так и в комплексе с человеческими.

Общие сведения об этих находках публикуются в данном томе, и мне хотелось бы кратко отметить только следующие моменты. Во-первых, гонурские открытия демонстрируют наиболее ранние в данном регионе не единичные, а множественные погребения собак, что говорит об устойчивой роли собаки в практиковавшихся древними обитателями Гонур-депе обрядах. Во-вторых, важно, что даже при том что о прямой преемственности ритуалистики эпохи бронзы и более поздних периодов пока говорить сложно, появились несомненные свидетельства ранних идей и обрядов, которые были продублированы в последующие эпохи. Это относится и к ритуальному использованию черепов и челюстей собак в погребениях, и к отдельным захоронениям собак, и к сопогребениям их с людьми. В-третьих, как место большей части находок (Царский некрополь), так и их количество и особенности труположения некоторых собак (например, маркировка основного захоронения уложенным в верхнем слое могилы трупом собаки в коллективном «котловане на царском некрополе Гонур № 3900; близкая ему картина в коллективном, в основном детском погребении № 4110, также на царском некрополе, где в верхнем слое могилы обнаружены скелет ребенка и щенка, а в основном слое – семи (преимущественно) детей), не оставляют сомнения в связи собак с погребальным обрядом и в их участии в погребальных ритуалах. Можно предположить, что собак убивали при завершении этих ритуалов, обозначая, таким образом, успешное достижение цели. В.И. Сарияниди уже обращал внимание на интересную числовую символику, прослеживающуюся в погребениях. Новые находки подтверждают ее неслучайность: так, в погр. № 3900 помещены трупы 7 собак и 7 людей (помимо других животных), плюс одна собака в верхнем слое; в погр. 4110 – 7 людей плюс один человек и одна собака в верхнем слое; в погр. 4065 – 7 собак, осо-

бенным образом уложенных по кругу, плюс позвоночный столб и тазовые кости осла под собаками. Примечательны также специфические оградительные меры, предпринимавшиеся древними жителями Гонур-депе по отношению к трупам собак. Так, на некрополе Гонура обнаружены погребения собак в обожженных ямах (что может свидетельствовать о предохранении земли от их трупов, на что неоднократно указывал В.И. Сарияниди), а вновь открытые собачьи погребения на царском некрополе, по устному сообщению Н.А. Дубовой, были обведены по древней дневной поверхности глиняным валиком. Возможно, так отмечалась связь этих животных (или именно этих животных) со смертью. Хотя это лишь два варианта из нескольких известных погребений собак.

Появление новых фактов существования древнейших ритуалов с участием собак интересно с точки зрения предыстории иранской мифологии и ритуалистики, в которых собака занимает столь значительное место. Вместе с тем, для осмысления новых открытий стоит обратиться к более поздним, но также древнейшим в своем роде памятникам – зороастрийским авестийским текстам.

Необходимо учитывать, что дошедшие до нас авестийские тексты подверглись во время компиляции Авесты жреческой цензуре и, возможно, даже были специально отобраны среди других (несохранившихся), чтобы отразить избранную – в качестве единственно возможной – версию обряда (но была ли она единственной?). Если говорить о том, как представлены темы собаки и погребального обряда в разных частях Авесты, необходимо указать, что обе они не выходят за рамки авестийского Видевдата (мытарства отделившейся от тела души описаны в авестийском Хадохт-наске – фрагменте, очень близком Видевдату). Конечно, авестийские *наски* (части или «книги») разграничены, в том числе тематически, но, вопреки ожиданиям, практически никаких деталей или упоминаний погребального обряда или культа собаки (как и вообще этого животного) не обнаруживается нигде, кроме Видевдата. Постоянно называемая в авестийском Видевдате второй или даже практически равной по степени святости праведному человеку (то есть члену

зороастрийской общины), собака отнюдь не является спутницей ни пророка Заратуштры, ни зороастрийских божеств гимнов-Йаштов. С одной стороны, связь Видевдата с другими частями Авесты, в том числе мифологическая и текстуальная, несомненна. С другой – создается впечатление некой культурной и ритуальной обособленности этого памятника. Некоторые культы, сверхважные для Видевдата, как например, культ выдры (ей, относящейся согласно зороастрийской классификации животных к «собакам», посвящены конец 13 и весь 14 *фрагард*, или раздел, Видевдата), не зафиксированы ни в каких других авестийских и среднеперсидских текстах. В последних, в том числе в Бундахишне, выдра упоминается среди «собак», но ее мистическая роль не раскрывается.

В Видевдате собаки не связаны исключительно со смертью и похоронным обрядом, хотя здесь их роль особенно велика: они сопровождают прекрасную деву (веру-Даену), когда она проводит душу умершего по мосту Чинват (Видевдат 19.30), подобно тому как ведийские собаки служат Яме, находя людей, которым предопределено умереть (о различиях в древнеиндийской и древнеиранской мифологиях в отношении к смерти и собакам см.: Крюкова, 2009). Собака также обладает способностью прогонять демониссу трупного разложения Друхш-йа-Насу, которая в виде мухи прилетает из ада, с севера, поэтому собака участвует в погребальных (в том числе в обряде *сагдид*, новоперс. «осматривание собакой») и очистительных обрядах. Наличие собак входит в число показателей благополучной жизни и мира, наряду с присутствием людей, мелкого и крупного скота, птиц и горящих огней (Видевдат 2.8 и след., Видевдат 3.3 и др.). Видевдат причисляет к «собакам» некоторых других животных, очевидно, исходя из их полезности для человека (важный принцип зороастрийского разделения всех существ на «добрых» и «злых»), или мифологического значения (еж, выдра). Также называется несколько разновидностей собственно собак – охраняющая дом, скот, охотничья(?), молодая. Часто собака упоминается вместе с человеком: «Если умрет человек или собака...», что, в сущности, свидетельствует о равенстве этих двух созданий Святого духа

в сознании зороастрийских жрецов. Иногда поясняется различие между человеком и собакой: «Все создания женского пола – двуногие и четвероногие» – о женщине и суке.

Ниже представлены мои переводы с авестийского языка из Видевдата (они носят ознакомительный характер, не будучи снабжены научным аппаратом, и не сопровождаются параллелями из среднеперсидского перевода Видевдата). Перевод сделан по критическому изданию текста Авесты К. Гельднера (Geldner, 1886 – 1895). Я привожу упоминания собак в контексте, не стремясь максимально сократить объемы публикуемого, а, напротив, стараясь представить памятник так, чтобы были заметны как его особенности, так и особенности отношения зороастрийцев к собаке, в том числе по сравнению с человеком. Часть переводов публикуется впервые. В те, что были напечатаны ранее (13, часть 15 *фрагарда*), внесены изменения. Порядок текстов следует порядку их размещения в Видевдате.

Переводы с авестийского языка из видевода

Фрагард третий

1. О, создатель плотского мира, праведный! Где на этой земле первое [место] наирадостнейшее? – И сказал Ахура-Мазда: То, где муж праведный пройдет, о, Спитама Заратуштра, с дровами в руках, с барсманом в руках, с молоком в руках, со ступкой в руках, в согласии с верой слово возглашающий Митре широкопастбищному, Рамана добропастбищного молящий.

2. О, создатель плотского мира, праведный! Где на этой земле второе [место] наирадостнейшее? – И сказал Ахура-Мазда: То, где муж праведный дом возведет с огнем, с молоком, с женой, с сыном, с добрым стадом.

3. И потом в этом доме обилие коров, обилие Истины, обилие пастбищ, обилие собак, обилие жен, обилие детей, обилие огня, обилие зажиточной жизни.

7. О, создатель плотского мира, праведный! Где на этой земле первое [место] наирадостнейшее? – И сказал Ахура-Мазда: То, где загривок Арезуры, о Спитама Заратуштра, где дэвы сходятся из логова Друга.

8. О, создатель плотского мира, праведный! Где на этой земле второе [место] наиболее радостнейшее? – И сказал Ахура-Мазда: То, где больше всего останков закопано **мертвых собак и мертвых людей**.

12. О, создатель плотского мира, праведный! Кто первым землю наибольшим удовлетворением удовлетворяет? – И сказал Ахура-Мазда: Тот, кто больше выкапывает закопанных останков **мертвых собак и мертвых людей**.

36. О, создатель плотского мира, праведный! Если в землю закопанных **мертвых собак и мертвых людей** в течение полугода не выкапывать, какое за это наказание? – И сказал Ахура-Мазда: Пять сотен ударов пусть нанесут ему конской плетью, пять сотен ударов «делающей послушными».

37. О, создатель плотского мира, праведный! Если в землю закопанных **мертвых собак и мертвых людей** в течение года не выкапывать, какое за это наказание? – И сказал Ахура-Мазда: Тысячу ударов пусть нанесут ему конской плетью, тысячу ударов «делающей послушными».

38. О, создатель плотского мира, праведный! Если в землю закопанных **мертвых собак и мертвых людей** в течение двух лет не выкапывать, какое за это наказание, какое возмещение, есть ли очищение?

39. И сказал Ахура-Мазда: Никаким наказанием, никаким возмещением нет очищения, неискупимо содеянное во веки веков.

40. В каких случаях? – [Сообразно тому,] будет ли это поклявшийся или просвещенный по вере маздаяснийской, или неклявшийся или непросвещенный по вере маздаяснийской, – в этом [последнем случае] освобождается [от вины] клятвами по вере маздаяснийской не творить впредь неподобающих дел.

Фрагмент пятый

1. Вот человек умирает в речных долинах, птица слетает с горных вершин в речные долины, пожирает тело мертвого человека. И вот птица взлетает из речных долин на горные вершины, садится на дерево, твердое или мягкое, марает его слюной, на него испражняется, на него гадит.

2. Вот отправляется человек из речных долин к горным вершинам, подходит к тому дереву, где птица, в поисках дров для огня. Валит его, рубит его, колет его, разжигает им огонь, сына Ахура-Мазды. Какое [человеку] за это наказание?

3. И сказал Ахура-Мазда: Ни принесенная **собаками**, ни принесенная птицами, ни принесенная волками, ни принесенная ветром, ни принесенная мухами мертвечина не является грехом человека.

4. Если бы грех за ту мертвечину, которую переносят собаки, переносят птицы, переносят волки, переносит ветер, переносят мухи падал на человека, тотчас же мне весь плотский мир это сделало бы ищущим умаления Истины, [таким как] дрожащий душой [грешник] «поплатившийся телом», в массе тех трупов, что прилепились к земле.

5. О, создатель плотского мира, праведный! Вот человек поливает пшеничное поле вдоль по каналу, – так во второй, в третий раз, а на четвертый – вытаскивают **труп собаки**, или лисицы, или волка. Какое [человеку] за это наказание?

6. И сказал Ахура-Мазда: Ни принесенная **собаками**, ни принесенная птицами, ни принесенная волками, ни принесенная ветром, ни принесенная мухами мертвечина не является грехом человека.

7. Если бы грех за ту мертвечину, которую переносят **собаки**, переносят птицы, переносят волки, переносит ветер, переносят мухи, падал на человека, тотчас же мне весь плотский мир это сделало бы ищущим умаления Истины, [таким как] дрожащий душой [грешник] «поплатившийся телом», в массе тех трупов, что прилепились к земле.

27. О, создатель плотского мира, праведный! Если мужи соседствующие опустятся вместе на ложа, на изголовья ли вместе, и будет их там рядом два человека, или пять, или пятьдесят, или сто с женами, и вот из этих мужей один умрет, скольких мужей Друхш-йа-Насу болезнью, порчей и осквернением настигает?

28. И сказал Ахура-Мазда: Если же на жреца Друхш-йа-Насу обрушивается, о, Спитама Заратуштра, то одиннадцать настигает, десять заражает. Если же на воина Друхш-

йа-Насу обрушивается, о, Спитама Заратуштра, то десять настагает, девять заражает. Если же на пастуха-крестьянина Друхш-йа-Насу обрушивается, о, Спитама Заратуштра, то девять настагает, восемь заражает.

29. А если на **собаку, стерегущую скот**, Друхш-йа-Насу обрушивается, о, Спитама Заратуштра, то восьмерых настагает, семерых заражает. Если на **собаку, стерегущую дом**, Друхш-йа-Насу обрушивается, о, Спитама Заратуштра, то семерых настагает, шестерых заражает.

30. А если на **охотничью(?) собаку** Друхш-йа-Насу обрушивается, о, Спитама Заратуштра, то шестерых настагает, пятерых заражает. Если на **молодую собаку** Друхш-йа-Насу обрушивается, о, Спитама Заратуштра, то пятерых настагает, четверых заражает.

31. А если на «собаку» дикобраза Друхш-йа-Насу обрушивается, о, Спитама Заратуштра, то четверых настагает, троих заражает. Если на «собаку» ежа Друхш-йа-Насу обрушивается, о, Спитама Заратуштра, то троих настагает, двоих заражает.

32. А если на «собаку» ласку Друхш-йа-Насу обрушивается, о, Спитама Заратуштра, то двоих настагает, первого заражает. Если на «собаку» *vizu*-(?) Друхш-йа-Насу обрушивается, о, Спитама Заратуштра, то первого настагает, первого заражает.

33. О, создатель плотского мира, праведный! А если это будет «собака» лисица, с каким числом созданий Святого Духа [труп] этой «собаки», что лисица, смешивается, скольких заражает?

34. И сказал Ахура-Мазда: [Труп] этой «собаки», что лисица, с созданиями Святого Духа не смешивается, их не заражает, за исключением того [человека], кто ее бьет и убивает, – к нему пристаёт [осквернение] во веки веков.

39. О, создатель плотского мира, праведный! Приносим мы в дома, о, праведный Ахура-Мазда, в этой жизни плотской огонь, барсман, чаши, хаому, давила, а после этого в этом доме умрет человек или собака, – что должны делать маздаяснийцы?

40. И сказал Ахура-Мазда: Пусть вынесут из этих домов, о, Спитама Заратуштра, и огонь, и барсман, и чаши, и хаому, и давила,

пусть вынесут мертвого. Да уразумеют, что достойный муж к достойному [месту] и относится, и пожирается.

Фрагмент шестой

1. Как долго остается невозделанной та земля, на которой **умрет собака или человек?** – И сказал Ахура-Мазда: В течение года, о, святейший Заратуштра, не возделывается та земля, на которой **умрет собака или человек**.

2. Не следует после этого маздаяснийцам ни возделывать, ни водой орошать ту землю, на которой **умрет собака или человек** в течение полугода. Свободно после этого могут маздаяснийцы ту другую землю возделывать, свободно орошать водой.

3. Если маздаяснийцы ту землю станут возделывать, если станут орошать водой ту [землю], где **умрет собака или человек**, в течение полугода, тем самым согрешат эти маздаяснийцы [грехом] «оставления трупов» против воды, земли, растений.

4. О, создатель плотского мира, праведный! Если маздаяснийцы ту землю станут возделывать, если станут орошать водой ту [землю], где **умрет собака или человек**, в течение полугода, какое им наказание?

5. И сказал Ахура-Мазда: Этим «поплатившимся телом» две сотни ударов пусть нанесут конской плетью, две сотни «делающей послушными».

6. О, создатель плотского мира, праведный! Если захотят маздаяснийцы землю возделывать, орошать, пахать, перекапывать, то что должны делать эти маздаяснийцы?

7. И сказал Ахура-Мазда: Здесь эти маздаяснийцы, в этой земле пусть отыскивают кости, волосы, мокроты, экскременты, кровь.

8. О, создатель плотского мира, праведный! Если не станут отыскивать эти кости, волосы, мокроты, экскременты, кровь, какое им за это наказание?

9. И сказал Ахура-Мазда: Этим «поплатившимся телом» две сотни ударов пусть нанесут конской плетью, две сотни «делающей послушными».

10. О, создатель плотского мира, праведный! Тому, кто кость бросит **собаки или мертвого человека** такую по величине, как верхняя фаланга мизинца, а из нее вытечет жир или костный мозг, – какое наказание?

11. И сказал Ахура-Мазда: Тридцать ударов пусть нанесут ему конской плетью, тридцать «делающей послушными».

12. О, создатель плотского мира, праведный! Тому, кто кость бросит **собаки или мертвого человека** такую по величине, как верхняя фаланга среднего пальца, а из нее вытечет жир или костный мозг, – какое наказание?

13. И сказал Ахура-Мазда: Пятьдесят ударов пусть нанесут ему конской плетью, пятьдесят «делающей послушными».

14. О, создатель плотского мира, праведный! Тому, кто кость бросит **собаки или мертвого человека** такую по величине, как верхняя фаланга большого пальца, а из нее вытечет жир или костный мозг, – какое наказание?

15. И сказал Ахура-Мазда: Семьдесят ударов пусть нанесут ему конской плетью, пятьдесят «делающей послушными».

16. О, создатель плотского мира, праведный! Тому, кто кость бросит **собаки или мертвого человека** шириной в палец и величиной с ребро, а из нее вытечет жир или костный мозг, – какое наказание?

17. И сказал Ахура-Мазда: Девяносто ударов пусть нанесут ему конской плетью, девяносто «делающей послушными».

18. О, создатель плотского мира, праведный! Тому, кто кость бросит **собаки или мертвого человека** шириной в два пальца и величиной с два ребра, а из нее вытечет жир или костный мозг, – какое наказание?

19. И сказал Ахура-Мазда: Этому «поплатившемуся телом» две сотни ударов пусть нанесут конской плетью, две сотни «делающей послушными».

20. О, создатель плотского мира, праведный! Тому, кто кость бросит **собаки или мертвого человека** шириной в руку и величиной с бедро, а из нее вытечет жир или костный мозг, – какое наказание?

21. И сказал Ахура-Мазда: Четыреста ударов пусть нанесут ему конской плетью, четыреста «делающей послушными».

22. О, создатель плотского мира, праведный! Тому, кто кость бросит **собаки или мертвого человека**, такую, как голова человека, а из нее вытечет жир или костный мозг, – какое наказание?

23. И сказал Ахура-Мазда: Шестьсот ударов пусть нанесут ему конской плетью, шестьсот «делающей послушными».

24. О, создатель плотского мира, праведный! Тому, кто все тело целиком бросит, – какое наказание?

25. И сказал Ахура-Мазда: Тысячу ударов пусть нанесут ему конской плетью, тысячу «делающей послушными».

42. О, создатель плотского мира, праведный! Можно ли очистить ту хаому, праведный Ахура-Мазда, которую подносили к **труп собаки или к мертвому человеку**?

43. И сказал Ахура-Мазда: Нельзя очистить, о, праведный Заратуштра, выжатую хаому ни [оскверненную] болезнью и смертью, ни поднесенную к трупу; ту, что невыжата – пусть на четыре пальца в землю поместят во внутренней половине дома на все время, пока не пройдет год, а по прошествии года свободно может вкушаться скотом и людьми, подобно тому, как и прежде.

44. О, создатель плотского мира, праведный! Куда нам нести тело мертвого человека, о Ахура-Мазда, куда положить?

45. И сказал Ахура-Мазда: На высочайшие места, о, Спитама Заратуштра, на которых достовернейше известны **пожирающие трупы собаки** и пожирающие трупы птицы.

46. Здесь эти маздаяснийцы пусть этого мертвого закрепят за его ноги, за его собственные волосы [чем-нибудь] из железа, камня или рога («ветки, сука?»), а не то пожирающие трупы собаки и пожирающие трупы птицы растащат плоть («кости») к водам и растениям.

47. О, создатель плотского мира, праведный! Если не закрепят, и из-за этого эти **пожирающие трупы собаки** и пожирающие трупы птицы растащат плоть («кости») к водам и растениям, какое [маздаяснийцу] наказание?

48. И сказал Ахура-Мазда: Этому поплатившемуся телом две сотни ударов пусть нанесут конской плетью, две сотни «делающей послушными».

49. О, создатель плотского мира, праведный! Куда нам нести кости мертвого человека, о Ахура-Мазда, куда положить?

50. И сказал Ахура-Мазда: Да будет сделана тогда *uzdâna*- выше **собаки**, выше лисичи, выше волка, незаливаемая сверху водой дождевой.

51. Если могут маздаяснийцы, то на камень, или известь, или глину, а если не могут маздаяснийцы – на свое ложе, свое изголовье, светом покрытые сияния солнца [кости] на землю да будут положены.

Фрагард седьмой

1. Спросил Заратуштра Ахура-Мазду: Ахура-Мазда, Дух Святейший, создатель плотского мира, праведный! Когда на мертвого человека Друхш-йа-Насу обрушивается?

2. И сказал Ахура-Мазда: Сразу после того, как умрет, о, Спитама Заратуштра, из [тела] сознание (ваода-) выйдет, Друхш-йа-Насу обрушивается из северных пределов, в форме отвратительной мухи с торчащими вперед коленями, поднятым кверху задом, [которая] вся покрыта пятнами, как ужаснейшие храфстра.

3. О, создатель плотского мира, праведный! А те, что **убиты собакой**, убиты волком, убиты колдуном, убиты из вражды, убиты человеком, предательски убиты, убиты удущением, — через сколько времени [на них] Друхш-йа-Насу обрушивается.

4. И сказал Ахура-Мазда: Тогда в следующую дневную службу Друхш-йа-Насу обрушивается.

5. Если мужи соседствующие опустятся вместе на ложа, на изголовья ли вместе, и будет их там рядом два человека, или пять, или пятьдесят, или сто с женами, и вот из этих мужей один умрет, скольких мужей Друхш-йа-Насу болезнью, порчей и осквернением настагает?

6. И сказал Ахура-Мазда: Если же на жреца Друхш-йа-Насу обрушивается, о, Спитама Заратуштра, то одиннадцать настагает, десять заражает. Если же на воина Друхш-йа-Насу обрушивается, о, Спитама Заратуштра, то десять настагает, девять заражает. Если же на пастуха-крестьянина Друхш-йа-Насу обрушивается, о, Спитама Заратуштра, то девять настагает, восемь заражает.

7. А если на **собаку, стерегущую скот**, Друхш-йа-Насу обрушивается, о, Спитама Заратуштра, то восьмерых настагает, семе-

рых заражает. Если на **собаку, стерегущую дом**, Друхш-йа-Насу обрушивается, о, Спитама Заратуштра, то семерых настагает, шестерых заражает.

8. А если на **охотничью собаку** Друхш-йа-Насу обрушивается, о, Спитама Заратуштра, то шестерых настагает, пятерых заражает, (здесь таким пребывать, чтобы и ложа, и изголовья были покрытыми).

9. О, создатель плотского мира, праведный! Насколько эти подстилки и подушки Друхш-йа-Насу болезнью, порчей и осквернением настагает?

10. [От] верха этих подстилок до нижней одежды Друхш-йа-Насу болезнью, порчей и осквернением настагает.

11. О, создатель плотского мира, праведный! Можно ли очистить ту одежду, о праведный Ахура-Мазда, которую подносили к **труп собаки или к мертвому человеку**?

12. Можно очистить, о, праведный Заратуштра...

23. О, создатель плотского мира, праведный! Можно ли очистить того человека, о, праведный Ахура-Мазда, который съест **труп собаки или мертвого человека**?

24. И сказал Ахура-Мазда: Нельзя очистить, о, праведный Заратуштра. Эти люди, вырезающие печень, вырезающие сердце, эти люди глазные яблоки из глазниц вырывают, — на них до ногтей Друхш-йа-Насу обрушивается, посему оскверненными («неочищенными») им пребывать во веки веков.

28. О, создатель плотского мира, праведный! Можно ли очистить те дрова, о, праведный Ахура-Мазда, которые подносили к **труп собаки или к мертвому человеку**?

29. Можно очистить, о, праведный Заратуштра. — Каким образом? — Если этот труп не обглодан **пожирающими трупы собаками** и **пожирающими тупы птицами**, на величину пяди, — если [дерево] сухое, на величину локтя, — если сырое, — пусть положат [дрова] на землю, во все четыре стороны единожды пусть водой окропят, тогда очистят.

30. А если этот труп обглодан **пожирающими трупы собаками** и **пожирающими тупы птицами**, на величину локтя, — если [дерево] сухое, на величину *фрабазу*, — если

сырое, – пусть положат [дрова] на землю, во все четыре стороны единожды пусть водой окропят, тогда очистят.

31. [Сообразно тому,] насколько сухое дерево, насколько сырое, насколько твердое, насколько мягкое, – пусть положат [дрова] на землю, во все четыре стороны единожды пусть водой окропят, тогда очистят.

32. О, создатель плотского мира, праведный! Можно ли очистить те зерно и сено, о, праведный Ахура-Мазда, которые подносили к **труп**у собаки или к мертвому человеку?

33. Можно очистить, о, праведный Заратустра. — Каким образом? – Если этот труп не обглодан **пожирающими трупы собаками** и пожирающими трупы птицами, на величину локтя, – если [дерево] сухое, на величину *фрабазу*, – если сырое, – пусть положат [дрова] на землю, во все четыре стороны единожды пусть водой окропят, тогда очистят.

34. А если этот труп обглодан **пожирающими трупы собаками** и пожирающими трупы птицами, на величину *фрабазу*, – если [они] сухие, на величину *вибазу*, – если сырые, – пусть положат [зерно и сено] на землю, во все четыре стороны единожды пусть водой окропят, тогда очистят.

Фрагмент восьмой

1. Если в сооружённой из дерева или крытой прутьями («войлоком?») постройке умрёт человек или **собака**, что должны делать маздаяснийцы?

2. И сказал Ахура-Мазда: Пусть они разыщут дахму, приготовят дахму. Если признают, что легче перенести покойника, тогда пусть вынесут покойника, а дом пусть оставят [на месте]; пусть окурят этот дом *урвасна*, *вохугаона*, *вохукерети* или *хаданаепата*, или другими наиболее благоуханными растениями.

3. Если признают, что легче перенести дом, тогда пусть перенесут дом, а покойника пусть оставят [на месте]; пусть окурят этот дом *урвасна*, *вохугаона*, *вохукерети* или *хаданаепата*, или другими наиболее благоуханными растениями.

4. О, создатель плотского мира, праведный! Если в маздаяснийском доме умрёт человек или **собака**, [когда] наступит день, в который начнётся дождь ли, снег ли, или темень, [когда] уйдут скот в укрытия, люди

уйдут в укрытия, что должны делать маздаяснийцы?

5. И сказал Ахура-Мазда: Где в этом доме маздаяснийском чище всего земель, суше всего земель, меньше всего тем путем проходит мелкий и крупный скот, огонь Ахура-Мазды, барсман по истине простертый, муж праведный.

6. О, создатель плотского мира, праведный! Как далеко от огня, как далеко от воды, как далеко от барсмана простертого, как далеко от мужей праведных?

7. И сказал Ахура-Мазда: На тридцать шагов от огня, на тридцать шагов от воды, на тридцать шагов от барсмана простертого, на три шага от мужей праведных.

8. Здесь маздаяснийцы в этой земле пусть яму выкопают, — [глубиной] в полноги — в твёрдой, в полчеловека — в мягкой; на это место пусть принесут золы или [сухого] навоза, а сверху нанесут пыли из кирпича или камня, или сухой глины.

9. Здесь пусть бесчувственное тело положат на две ночи, или на три ночи, или на месяц — на всё время, пока не прилетят птицы, не произрастут растения, не растекутся лужи, ветер не высушит землю.

10. И вот когда прилетят птицы, произрастут растения, растекутся лужи, ветер высушит землю, тогда маздаяснийцы в этом доме пусть брешь прорежут. Двое мужчин из проворных, умелых, — нагие, неодетые, должны, закрепив труп глиняным кирпичом или камнем, положить его на известь, на землю, где достовернейше известны **пожирающие трупы собаки** и пожирающие трупы птицы.

11. Тут эти переносчики трупов пусть сядут на удалении от мертвого в три шага. И да возгласит Глава праведный маздаяснийцам: Пусть маздаяснийцы соберут мочи, чтобы ею переносчики трупов вымыли волосы и тело.

12. О, создатель плотского мира, праведный! Чьей же должна быть эта моча, о праведный Ахура-Мазда, которой переносчикам трупов вымыть волосы и тело, — мелкого или крупного скота, мужчин или женщин?

13. И сказал Ахура-Мазда: Мелкого или крупного скота, не мужчин, не женщин, кроме двоих — мужа и жены в кровнородственном браке, — они пусть мочой помочатся, ко-

торой переносчики трупов должны вымыть волосы и тело.

14. О, создатель плотского мира, праведный! Если по пути проносят мёртвых собак и мёртвых людей, проходить ли по тому пути мелкому или крупному скоту, мужчинам или женщинам, огню, сыну Ахура-Мазды, или барсману, по истине простёртому?

15. И сказал Ахура-Мазда: Не проходить по тому пути ни мелкому скоту, ни крупному, ни мужчинам, ни женщинам, ни огню, сыну Ахура-Мазды, ни барсману, по истине простёртому.

16. Собаку жёлтую четырёхглазую, белую желтоухую трижды да проведут тогда по этому пути. И с проведением, о, Спитама-Заратуштра, собаки жёлтой четырёхглазой, белой желтоухой, Друхш-йа-Насу улетает в северную сторону.

17. Если нет, снова, о, Спитама-Заратуштра, собаку жёлтую четырёхглазую, нет — белую желтоухую, шесть раз да проведут тогда по этому пути. И с проведением, о, Спитама-Заратуштра, собаки жёлтой четырёхглазой, белой желтоухой, Друхш-йа-Насу улетает в северную сторону.

18. Если нет, снова, о, Спитама-Заратуштра, собаку жёлтую четырёхглазую, нет — белую желтоухую, девять раз да проведут тогда по этому пути. И с проведением, о, Спитама-Заратуштра, собаки жёлтой четырёхглазой, белой желтоухой, Друхш-йа-Насу улетает в северную сторону.

19. Если нет, снова, о, Спитама-Заратуштра, собака жёлтая четырёхглазая, нет — белая желтоухая [и] священник первым по этому пути проходят, и да промолвит он победоносные слова...

35. О, создатель плотского мира, праведный! Можно ли очистить тех двух мужей, о, праведный Ахура-Мазда, которые подошли к трупу собаки или мёртвого человека?

36. И сказал Ахура-Мазда: Можно очистить, о, праведный Заратуштра. — Каким образом? — Если этот труп обглодан пожирающими трупы собаками или пожирающими трупы птицами, пусть [каждый] очистит своё тело коровьей мочой и водой, тогда очистятся.

37. А если труп не обглодан пожирающими трупы собаками или пожирающими трупы

птицами, то тогда в первый раз мазадаяснийцы в этой земле три ямы пусть выкопают, и пусть [каждый] очистит своё тело коровьей мочой, не водой. Пусть подведут моих собак <...>

38. Тогда во второй раз мазадаяснийцы в этой земле три ямы пусть выкопают, и пусть [каждый] очистит своё тело коровьей мочой, не водой. Пусть подведут моих собак <...> Пусть ждут всё время, пока волосы от головы до самых кончиков не высохнут.

39. Тогда в третий раз мазадаяснийцы в этой земле три ямы пусть выкопают, на удалении от первых в трёх шагах, и пусть [каждый] очистит своё тело коровьей мочой, не водой.

40. Сначала пусть вымоют руки, — ведь если руки не вымыты, то все тело это делает нечистым. А после того, как руки вымыты трижды, вымытыми руками облей с макушки лоб.

97. О, создатель плотского мира, праведный! Можно ли очистить тех двух людей, о, праведный Ахура-Мазда, что на труп наткнулись в глуши, в месте диком?

98. И сказал Ахура-Мазда: Можно очистить, о, праведный Заратуштра! — Каким образом? — Если этот труп обглодан пожирающими трупы собаками или пожирающими трупы птицами, пусть [каждый] очистит своё тело коровьей мочой — тридцать раз вымыть, тридцать раз омыть главным омовением.

99. А если труп не обглодан пожирающими трупы собаками или пожирающими трупы птицами, — пятьдесят раз вымыть, пятьдесят раз омыть.

Фрагмент тринадцатый

1. Что за создание Святого Духа, из тех созданий, которые созданы Святым Духом, каждую стражу уша до того, как взойдет солнце, приходит убивать тысячами [создания] Злого Духа?

2. И сказал Ахура-Мазда: дикая остромордая собака Ванхапара («ёж»), которую зло-словащие люди именем Дужака («ёж») называют, — вот это создание Святого Духа, из тех созданий, которые созданы Святым Духом, каждую стражу уша до того, как

взойдет солнце, приходит убивать тысячами создания Злого Духа.

3. И если кто-либо, о, Спитама Заратуштра, убьет дикую остромордую собаку Ванхапару, которую зло-словащие люди именем Дужака называют, то повредит свою душу на девять поколений, для которых мост Чинват будет непроходимым, если он при жизни не искупит [этого греха] перед Сраошей.

4. О, создатель плотского мира, праведный! Если кто-либо, о, Спитама Заратуштра, убьет дикую остромордую собаку Ванхапару, которую зло-словащие люди именем Дужака называют, какое ему наказание? – И сказал Ахура-Мазда: Тысячу ударов пусть нанесут ему конской плетью, тысячу «делающей послушными».

5. Что за создание Злого Духа, из тех созданий, которые созданы Злым Духом, каждую стражу уха до того, как взойдет солнце, приходит убивать тысячами [создания] Святого Духа?

6. И сказал Ахура-Мазда: Дэв, имя которого Заиримьянура («черепеха»), которого зло-словащие люди именем Заиримьяка («черепеха») называют, — вот это создание Злого Духа, из тех созданий, которые созданы Злым Духом, каждую стражу уха до того, как взойдет солнце, приходит убивать тысячами создания Святого Духа.

7. И если кто-либо, о, Спитама Заратуштра, убьет дэва, имя которого Заиримьянура, которого зло-словащие люди именем Заиримьяка называют, искуплена будет его мысль, искуплено слово, искуплено дело, возмещена будет его мысль, возмещено слово, возмещено дело.

8. Кто убьет **собак из стерегущих скот, стерегущих дом, охотничьих(?) и обученных**, душа того с большим криком и с большим воем отойдет к будущей жизни, чем волк вопит, попав в глубочайшую западню.

9. Никакая другая душа не поддержит его душу в смерти криком и воем; ни одна из **двух собак, стерегущих мост [Чинват]**, не поддержит его душу в смерти криком и воем.

10. Кто нанесет **стерегущей скот собаке** рану, или отрежет ей ухо, или порежет («отрежет?») ей ногу, а из-за этого вор или волк незаметно утащит из стада скотину, то дол-

жен тогда ущерб искупить: за причиненный **собаке** ущерб пусть понесет наказание как за умышленно совершенный.

11. Кто нанесет **стерегущей дом собаке** рану, или отрежет ей ухо, или порежет ей ногу, а из-за этого вор или волк незаметно утащит из дома движимое добро, то должен тогда ущерб искупить: за причиненный **собаке** ущерб пусть понесет наказание как за умышленно совершенный.

12. О, создатель плотского мира, праведный! Кто **собаку, стерегущую скот**, убьет отнимающим жизнь «ударом, от которого выпускают дух», какое ему наказание? – И сказал Ахура-Мазда: Восемь сотен ударов пусть нанесут ему конской плетью, восемь сотен «делающей послушными».

13. О, создатель плотского мира, праведный! Кто **собаку, стерегущую дом**, убьет отнимающим жизнь «ударом, от которого выпускают дух», какое ему наказание? – И сказал Ахура-Мазда: семь сотен ударов пусть нанесут ему конской плетью, семь сотен «делающей послушными».

14. О, создатель плотского мира, праведный! Кто **охотничью собаку(?)** убьет отнимающим жизнь «ударом, от которого выпускают дух», какое ему наказание? – И сказал Ахура-Мазда: шесть сотен ударов пусть нанесут ему конской плетью, шесть сотен «делающей послушными».

15. О, создатель плотского мира, праведный! Кто **молодую собаку** убьет отнимающим жизнь «ударом, от которого выпускают дух», какое ему наказание? — И сказал Ахура-Мазда: пять сотен ударов пусть нанесут ему конской плетью, пять сотен «делающей послушными».

16. Столько за ежа, столько за *vizu-(?)*, столько за дикобраза, столько за острозубую лисицу, столько за юркую(?) лису(?) – за всех существ Святого Духа, относящихся к «собакам», кроме водяной выдры.

17. О, создатель плотского мира, праведный! Где **собаке, стерегущей скот**, положенное место? – И сказал Ахура-Мазда: В пределах [расстояния] *йуджйасти* ходит она, выслеживая вора или волка.

18. О, создатель плотского мира, праведный! Где **собаке, стерегущей дом**, положенное место? – И сказал Ахура-Мазда: На

пути, удаленном в расстояние хатра от дома ходит она, выслеживая вора или волка.

19. О, создатель плотского мира, праведный! Где **охотничьей (?) собаке** положенное место? – И сказал Ахура-Мазда: [Рядом с тем,] кто не требует никаких умений, [лишь] нуждается в защите жизни («тела»).

20. О, создатель плотского мира, праведный! Кто **собаку, стерегущую скот**, обделяет пищей, насколько согрешит такими делами? – И сказал Ахура-Мазда: Как если бы он в этой плотской жизни обделил пищей хозяина знатного дома, настолько согрешит.

21. О, создатель плотского мира, праведный! Кто **собаку, стерегущую дом**, обделяет пищей, насколько согрешит такими делами? – И сказал Ахура-Мазда: Как если бы он в этой плотской жизни обделил пищей хозяина среднего дома, настолько согрешит.

22. О, создатель плотского мира, праведный! Кто **охотничью(?) собаку** обделяет пищей, насколько согрешит такими делами? – И сказал Ахура-Мазда: Как если бы он в этой плотской жизни обделил пищей пришедшего к нему в дом столь праведного мужа, обладающего теми же качествами, что и атраван, настолько согрешит.

23. О, создатель плотского мира, праведный! Кто **молодую собаку** обделяет пищей, насколько согрешит такими делами? – И сказал Ахура-Мазда: Как если бы он в этой плотской жизни обделил пищей ребенка («несовершеннолетнего»), посвященного в правила веры, который трудясь исполняет службу, настолько согрешит.

24. О, создатель плотского мира, праведный! Тому, кто **собаку, стерегущую скот** обделяет пищей, какое наказание? – И сказал Ахура-Мазда: Этому поплатившемуся телом две сотни ударов пусть нанесут конской плетью, две сотни «делающей послушными».

25. О, создатель плотского мира, праведный! Тому, кто **собаку, стерегущую дом** обделяет пищей, какое наказание? – И сказал Ахура-Мазда: Девяносто ударов пусть нанесут ему конской плетью, девяносто ударов «делающей послушными».

26. О, создатель плотского мира, праведный! Тому, кто **охотничью(?) собаку** обделяет пищей, какое наказание? – И сказал Ахура-

Мазда: Семьдесят ударов пусть нанесут ему конской плетью, семьдесят ударов «делающей послушными».

27. О, создатель плотского мира, праведный! Тому, кто **молодую собаку** обделяет пищей, какое наказание? – И сказал Ахура-Мазда: пятьдесят ударов пусть нанесут ему конской плетью, пятьдесят ударов «делающей послушными».

28. Так в этой плотской жизни, о, Спитама Заратуштра, те из созданий Святого Духа быстрее всего приближаются к старости, что **собаки**, которые остаются без еды возле едящих, видящие, но не получающие; принеси им молока и жира с мясом – положенную **собаке** пищу.

29. О, создатель плотского мира, праведный! Если в маздаяснийском доме **собака** безголосая окажется бешеной, что должны делать маздаяснийцы?

30. И сказал Ахура-Мазда: Пусть наденут ей на шею, завязав затем морду, специально вырезанный кусок дерева: твердого – размером в *ашти*, мягкого – вдвое больше.

31. И этим пусть прикрепят, пусть закрепят ей [морду], а не то нелающая **собака, бешеная**, поранит скот или человека; за причиненный ущерб пусть понесет наказание как за умышленно совершенный.

32. Если в первый раз нападет на скот, в первый раз поранит человека, — пусть ей отрежут правое ухо; второй раз нападет на скот, второй раз поранит человека, — пусть ей отрежут левое ухо.

33. Если в третий раз нападет на скот, в третий раз поранит человека, — пусть ей отрежут от правой ноги; четвертый раз нападет на скот, четвертый раз поранит человека, — пусть ей отрежут от левой ноги.

34. В пятый раз нападет на скот, в пятый раз поранит человека, — пусть ей отрежут хвост. И этим пусть прикрепят, пусть закрепят ей [морду], а не то нелающая **собака, бешеная**, поранит скот или человека; за причиненный ущерб пусть понесет наказание как за умышленно совершенный.

35. О, создатель плотского мира, праведный! Если в маздаяснийском доме **собака**, потерявшая нюх, окажется бешеной, что должны делать маздаяснийцы? – И сказал Ахура-Мазда: Пусть выискивают средство ее

вылечить, как для посвященного [в вопросы веры] праведника.

36. О, создатель плотского мира, праведный! Если искомое не найдется, что должны делать маздаяснийцы?

37. И сказал Ахура-Мазда: Пусть наденут ей на шею, завязав затем морду, специально вырезанный кусок дерева: твердого – размером в ашти, мягкого – вдвое больше. И этим пусть прикрепят, пусть закрепят ей [морду], а не то потерявшая нюх **собака, бешеная**, упадет в яму, или в колодец, или в расщелину, или в протоку, или в судоходные воды и от этого пострадает.

38. Если так пострадает, из-за этого совершающие становятся “поплатившимися телом”.

39. **Собаку** создал, о, Заратуштра, Я, Ахура-Мазда,
Одетую в свою одежду,
обутую в свою обувь,
Бодрствующую, острозубую,
Получающую долю мужа,
чтобы стеречь добро. Так я, Ахура-Мазда, **собаку** предназначил быть стражем от племени туранского,

Покуда стоит твердыня Истины,
Покуда стоит мир.

40. И в том доме, где, о, Спитама Заратуштра, будет бодр [она] голосом, не утащит незаметно ничего из хозяйства вор или волк; убиты [будут ею] волки, уничтожены волки, отброшены волки, брызжущие слюной.

41. О, создатель плотского мира, праведный! Какой же из двух волков убийственнее, о, праведный Ахура-Мазда, когда **собака** породит волка, или когда волк **собаку**? – И сказал Ахура-Мазда: Такой из двух волков убийственнее, о, праведный Заратуштра, когда **собака** породит волка, чем когда волк **собаку**.

42. От тех двух собак происходят стерегущие скот, стерегущие дом, охотничьи и обученные, которые смертельны для живых существ, те, что становятся губительнее, опаснее, убивающими больше живых существ, чем другие **собаки**.

43. От тех двух волков происходят смертельные для живых существ, те, что становятся губительнее, опаснее, убивающими больше живых существ, чем другие волки.

44. **Собака** одна, [а] сравнима с восьмью [существами]: у нее нрав как у атравана, у нее нрав как у воина, у нее нрав как у крестьянина, у нее нрав как у раба, у нее нрав как у вора, у нее нрав как у зверя (? disav=), у нее нрав как у девки, у нее нрав как у ребенка.

45. Пищу ест как атраван, неприхотлива как атраван, беззащитна («легко ранима») как атраван, довольна и малой долей как атраван, -- в этом ее нрав как у атравана.

Держится впереди как воин, сражается за скот благодатный как воин, [она] перед [домом] и позади дома как воин, — в этом ее нрав как у воина.

46. Бдительная, спящая чутко как крестьянин, [она] перед [домом] и позади дома как крестьянин, [она] позади и перед домом как крестьянин, — в этом ее нрав как у крестьянина. Угодливая как раб, коварная как раб, [поющая?] стихами (?) и трехстишиями (?) как раб, — в этом ее нрав как у раба.

47. Ждущая темноты как вор, промышленяющая ночью как вор, вслепую хватающая пищу как вор, ненадежная как вор, — в этом ее нрав как у вора. Ждущая темноты как зверь, промышленяющая ночью как зверь, вслепую хватающая пищу как зверь, ненадежная как зверь, — в этом ее нрав как у зверя.

48. Угодливая как девка, коварная как девка, гадящая на дороге как девка, [поющая?] стихами (?) и трехстишиями (?) как девка, — в этом ее нрав как у девки. Сонливая как ребенок, слюнявая как ребенок, высовывающая язык как ребенок, забегаящая вперед как ребенок, — в этом ее нрав как у ребенка.

49. Когда двое подходят к моим домам, не должно препятствовать им – **собаке, стерегущей скот и стерегущей дом**. Не стояли бы прочно мои дома на земле, созданной Ахурой, если бы у меня не было **собаки, стерегущей скот и стерегущей дом**.

50. О, создатель плотского мира, праведный! Когда **умирает собака**, ничего уже не выслуживающая, и семья которой иссякло, куда отходит ее дух (баоба-, «сознание»)?

51. И сказал Ахура-Мазда: К источникам вод [он] приходит, о, Спитама Заратуштра, где сотворяются две водяные выдры: из тысячи **сук собак** и тысячи **кобелей собак** – пара

выдр, — самка и самец. Убивший выдру вызывает засуху беспастбищную.

52. Тогда это жилое место покинет, о, Спитама Заратуштра, счастье и изобилие, здоровье и целительность, процветание, приумножение, произрастание, рост хлебов и пастбищ.

53. О, создатель плотского мира, праведный! Когда же в это жилое место вернется, о, Спитама Заратуштра, счастье и изобилие, когда здоровье и целительность, когда процветание, приумножение, произрастание, когда рост хлебов и пастбищ?

54. И сказал Ахура-Мазда: Не вернется в это жилое место, о, Спитама Заратуштра, ни счастье и изобилие, ни здоровье и целительность, ни процветание, приумножение, произрастание, ни рост хлебов и пастбищ,

55. пока здесь, в этом месте(?) убивший выдру не будет убит ударом, пока посвященной [в вопросы веры] душе выдры не совершат поклонение в течение трех дней и трех ночей, не будет возожжен огонь, простерт барсман, принесена хаома.

56. После этого вернется в это жилое место счастье и изобилие, здоровье и целительность, процветание, приумножение, произрастание, рост хлебов и пастбищ.

Фрагард пятнадцатый

1. Как много дел творимых, которые плотский мир («люди») вершит, произведенных, неискупленных, невозмещенных, из-за которых совершающие их становятся «поплатившимися телом»?

2. И сказал Ахура-Мазда: Пять, о, Заратуштра праведный. Первое из этих дел, что совершают люди, кто мужа праведного иной верой или иным учением соблазняет; сознательно тот, своим разумением доходит до того, из-за чего совершающие становятся «поплатившимися телом».

3. Второе из этих дел, что совершают люди, кто собаке, стерегущей скот или стерегущей дом, дает нераздробленные кости и горячую пищу.

4. И если эти кости к зубам пристанут, в горле застрянут, или горячая пища пасть или язык обожжет и тем самым [собака] поранится, если так пострадает, из-за этого совершающие становятся «поплатившимися телом».

5. Третье из этих дел, что совершают люди, кто суку беременную ударяет или гонит, или кричит [на нее], или пугает.

6. Если эта сука упадет в яму, или в колодец, или в расщелину, или в протоку, или в судоходные воды и тем самым поранится, если так пострадает, из-за этого совершающие становятся «поплатившимися телом».

19. Если не обеспечит опеку, тем самым весь женский пол восстановит [против себя](?), — двуногих и четвероногих (двуногая — девушка, четвероногая — сука).

20. О, создатель плотского мира, праведный! Когда та [беременная или оценившаяся собака] войдет во владение общины [маздаяснийцев], кто из маздаяснийцев должен нести попечение?

21. И сказал Ахура-Мазда: Пусть это будет тот, чей дом построен ближе всего, ему вменяется попечение, пусть обеспечит защиту на все время, пока не вырастут щенки.

22. Если не обеспечит опеку, и тогда щенки пострадают от неподобающего попечения, за причиненный ущерб пусть понесет наказание как за умышленно совершенный.

23. О, создатель плотского мира, праведный! А если эта сука войдет в верблюжий хлев, кто из маздаяснийцев должен нести попечение?

24-25. И сказал Ахура-Мазда: Кто этот верблюжий хлев построил, чьим этот верблюжий хлев окажется, тому вменяется попечение, пусть обеспечит защиту на все время, пока не вырастут щенки.

26. О, создатель плотского мира, праведный! А если эта сука войдет в конюшню, кто из маздаяснийцев должен нести попечение?

27-28. И сказал Ахура-Мазда: Кто эту конюшню построил, чьей эта конюшня окажется, тому вменяется попечение, пусть обеспечит защиту на все время, пока не вырастут щенки.

29. О, создатель плотского мира, праведный! А если эта сука войдет в хлев для крупного скота, кто из маздаяснийцев должен нести попечение?

30-31. И сказал Ахура-Мазда: Кто этот хлев для крупного скота построил, чьим этот хлев для крупного скота окажется, тому вме-

няется попечение, пусть обеспечит защиту на все время, пока не вырастут **щенки**.

32. О, создатель плотского мира, праведный! А если эта **сука** войдет в загон для мелкого скота, кто из маздаяснийцев должен нести попечение?

33-34. И сказал Ахура-Мазда: Кто этот загон для мелкого скота построил, чьим этот загон для мелкого скота окажется, тому вменяется попечение, пусть обеспечит защиту на все время, пока не вырастут **щенки**.

35. О, создатель плотского мира, праведный! А если эта **сука** взойдет на вал («стену, насыпь, постройку»), кто из маздаяснийцев должен нести попечение?

36-37. И сказал Ахура-Мазда: Кто этот вал воздвиг, чьим этот вал окажется, тому вменяется попечение, пусть обеспечит защиту на все время, пока не вырастут **щенки**.

38. О, создатель плотского мира, праведный! А если эта **сука** войдет в ров, кто из маздаяснийцев должен нести попечение?

39-40. И сказал Ахура-Мазда: Кто этот ров вырыл, чьим этот ров окажется, тому вменяется попечение, пусть обеспечит защиту на все время, пока не вырастут **щенки**.

41. О, создатель плотского мира, праведный! А если эта **сука** будет посреди выгона, кто из маздаяснийцев должен нести попечение?

42. И сказал Ахура-Мазда: Кто этот выгон устроил, чьим этот выгон окажется, тому вменяется попечение, пусть обеспечит защиту на все время, пока не вырастут **щенки**.

43. Пусть принесут ей [**собаке**] «место» из чего-нибудь мягкого, расстеленное. Пусть обеспечит защиту на все время, пока эти **щен-**

ки не станут «со своим оружием», «со своей долей (драопах-)».

44. О, Создатель плотского мира, праведный! Когда эти **щенки** станут «со своим оружием», «со своей долей»?

45. И сказал Ахура-Мазда: Как только эти **щенки** смогут обежать дважды семь домов. Свободно после этого [**собак**] можно отпускать, будь то зима или лето. **Шесть месяцев щенку** защиту, семь лет ребенку – огонь, сын Ахура-Мазды, так [определил?] женщине.

46. О, создатель плотского мира, праведный! Если хотят маздаяснийцы [ради получения потомства] жизнеспособного [**собак**] **спаривать**, что должны делать маздаяснийцы?

47. И сказал Ахура-Мазда: Здесь маздаяснийцы, в этой земле, яму пусть выкопают, посреди стойбища, вполовину ноги в твердой земле, вполовину человека — в мягкой.

48. Сначала пусть они привяжут [**суку**] от детей, от огня, сына Ахура-Мазды, все время пусть осуществляют попечение, пока не придет другой **кобель**, следующий, снова следующий, но так, чтобы не навредить первым.

49. Кто **суку** родившую, троих познавшую, понесшую, оценившуюся, кормящую, пришедшую потомство произвести, для чего **кобелей** познавшую...

50. О, создатель плотского мира, праведный! Кто **суку** родившую, троих познавшую, понесшую, оценившуюся, кормящую, пришедшую потомство произвести, для чего **кобелей** познавшую, убьет, какое за это наказание?

51. И сказал Ахура-Мазда: Пусть нанесут ему семь сотен ударов конской плетью, семь сотен ударов «делающей послушными».

Крупный рогатый скот в хозяйстве древней Маргианы¹

Важнейшим видом сельскохозяйственных животных является для человека крупный рогатый скот, который разводится практически на всей территории, освоенной человеком. Хотя до сих пор нет единого мнения о месте и времени одомашнивания крупного рогатого скота, преобладает точка зрения, что его центр связан с древнейшими земледельческими культурами в Передней, Средней Азии и Египте (Цалкин, 1970а). В начале VI тыс. до н.э. крупный рогатый скот появляется у ранних земледельцев Северной Месопотамии (Шнирельман, 1989). В Южной и Центральной Европе появление домашнего крупного скота относится к концу V – началу IV тысячелетия, а в Северной – к IV – III тысячелетию до нашей эры (Цалкин, 1970а). Таким образом, можно считать, что первый опыт содержания и разведения крупного рогатого скота принадлежит населению Древнего Востока.

К земледельческим цивилизациям Древнего Востока относится и Маргиана, самым крупным известным к настоящему времени поселением которого, является Гонур-депе. Сельскохозяйственные животные занимали в хозяйстве древнего населения Гонур-депе особое место. Они не только являлись источником пищи, шкур, физической силы, но также широко использовались при проведении различных обрядов и ритуалов и занимали определенное место в религиозных воззрениях древнего народа (Сарианиди, 2001; Сарианиди, Дубова, 2008; Сатаев, 2008; Дубова, 2009; Сатаев, Сатаева, 2010; Сатаев, 2010).

Изучение остатков животных из раскопок памятника показывает, что древние жители оазиса содержали мелкий (овца, коза) и крупный рогатый скот, верблюдов, ослов, свиней, а также лошадь (Сатаев, 2008; Сатаев, Сатаева, 2010а). Нужно обратить внимание на наличие в составе видов, обычно ассоциируемых с лесостепными или степными ландшафтами (крупного рогатого скота, свиньи, лошади).

Время, когда впервые появляется и начинает разводиться домашний крупный рогатый скот на юге Туркменистана, до настоящего времени точно не установлено. По-видимому, это произошло не позднее VI тыс. до н.э. Так, В.И. Цалкин (Цалкин, 1970б) считал, что домашний крупный рогатый скот разводился на территории Южной Туркмении уже в конце VI – начале V тыс. до н.э. Остатки быков были обнаружены еще экспедицией Р.Пампелли, при раскопках в 1904 г. холмов Анау, расположенных в северной предгорной полосе Копетдага (по современным представлениям эти слои датируются началом V тыс. до н.э.), эти кости исследователи отнесли к дикой форме (Пампелли, 2004). Однако Н.М. Ермолова (1985) в материале из раскопок Анау определяет кости домашней коровы. На памятниках, датируемых серединой IV тыс. до н.э., кости домашнего крупного скота уже достаточно многочисленны (Жаспаров, 2006). В связи с этим, можно констатировать, что крупный рогатый скот разводится на территории южного Туркменистана не менее 8 тыс. лет.

¹ Исследование проводится при финансовой поддержке гранта РФФИ № 10-06-00263.

Согласно существующим представлениям одним из главных факторов, определяющих возможности содержания того или иного вида домашнего скота при традиционном ведении хозяйства, являются биоклиматические особенности пастбищных угодий. Как отмечает Е.Е. Антипина (2006, с.15), «состав разводимых сельскохозяйственных видов у древних народов принято рассматривать как обусловленный природными физико-географическими факторами», «хотя при исследовании конкретных ... хозяйственных систем все эти взаимосвязи не часто обнаруживаются в столь явной форме». Безусловно, без наличия соответствующей кормовой базы не может быть никакого развитого животноводства, но связывать уровень скотоводства преимущественно с характером и продуктивностью естественных угодий, по-видимому, можно лишь для его наиболее примитивных форм.

Несмотря на несколько различающиеся оценки климатической обстановки, существовавшей на территории Древней Маргианы в период существования памятника (Ляпин, 1990; Щетенко, 2003; Сатаев, Сатаева, 2010б), можно предполагать, что климат в период существования города значительно не отличался от современного, а в пределах оазиса был даже более благоприятным для развития сельского хозяйства.

При анализе остатков животных, имеющих кухонно-бытовой генезис (т.е. использованных на мясо) нами были получены несколько неожиданные результаты. Кости крупного рогатого скота (обобщенные данные из помещений и внешнего пространства) составляют 27,4 %, мелкого рогатого скота – 57,5 %. И хотя по количеству костей КРС уступает МРС, на первый приходится 62,4 % от объема мясной продукции, против 22,4 % у второго. Это позволяет предположить, что значительный вклад в мясной рацион древнего населения вносил крупный рогатый скот. Однако, по мнению И.В. Копыла (2004), полынные и солянковые угодья пустынь и степей – отличные пастбища для овец, верблюдов и частично лошадей (полыни и солянки являются ценными осенне-зимними нажировочными кормами), и совершенно непригодны для крупного рогатого скота, так как

полыни и солянки им не поедаются. Наши наблюдения за поеданием зеленых кормов крупным рогатым скотом в условиях Юго-Восточных Каракумов показывают излишнюю категоричность такого вывода. Коровы обычно выпасаются на тех же пастбищах, что и мелкий рогатый скот, поедая солянки (в том числе и кустарниковую форму), саксаул, тамариск. Нужно отметить, что сочные солянки поедают в основном верблюды, мелкий рогатый скот, лошади и коровы подъедают высушенные и перезимовавшие растения, в которых значительно снижается содержание солей. Тамариск и тростник заготавливаются также как зимний корм для крупного рогатого скота. Традиционно используемым кормом для крупного рогатого скота в Средней Азии также являются ветки ивы (Традиционные знания..., 2007), которая в период существования древнего поселения была здесь многочисленна.

Учитывая, что в целом данные разных авторов об урожайности пустынных пастбищ значительно не отличаются, можно на основании усредненных величин приблизительно подсчитать количество скота, которое может прокормиться на естественных угодьях. Для этого мы использовали формулу допустимой нагрузки, предложенную Б.А.Быковым (1983), с введением в нее коэффициента эффективности использования кормовых ресурсов разными видами:

$$H = (Y / \varepsilon) / (K * D),$$

где H – количество голов допустимое к выпасу при существующих условиях на 1 га; Y – поедаемая часть урожая пастбища; ε – коэффициент эффективности использования кормовых ресурсов разными видами; K – суточная потребность в кормах одного животного в кг сухой массы; D – продолжительность выпаса.

Поскольку в условиях пустынь фактором, лимитирующим количество голов животных, обеспеченных естественными кормами, является продуктивность пастбищ в летний и осенне-зимний период, рассчитаем допустимое количество для данных периодов. За суточную потребность животных в кормах мы принимаем средние значения данных приводимых В.В.Кучеруком (1985): для коров она составила 16 кг/сут., лошадей

– 19,5 кг/сут., овец – 2,2 кг/сут., коз – 1,6 кг/сут., верблюдов – 23 кг/сут. Опираясь на материалы А.Г.Бабаева и З.Г.Фрейкина (1977) определяем летний период выпаса в среднем в 160 дней, осенне-зимний – 150 дней. Урожайность пастбищ с учетом наличия многочисленных кустарников и полукустарников для летнего периода устанавливаем в 700 кг/га, осенне-зимних – 300 кг/га, поедаемость фитомассы – 60%. Таким образом, для летнего периода объем поедаемой продукции пастбищ составил 420 кг/га, для осенне-зимнего – 180 кг/га. Как уже отмечалось выше, разные виды скота неодинаково потребляют растительные корма, одни более (КРС, лошадь) другие менее (МРС, верблюд) избирательны. Коэффициент эффективности использования кормовых ресурсов, по своей сути, отражает вклад каждого выпасаемого вида в поедании фитомассы. Данные В.В.Кучерука (1985) по количеству поедаемой в год воздушно-сухой массы с 1 га сухостепных пастбищ (наиболее близких к обсуждаемым нами условиям), показывают, что 1 овца съедает в год с 1 га 90 кг растений, т.е. только в 1,3 раза меньше чем КРС (123 кг) и в 4,8 больше чем лошадь (21 кг). Если принять кратность веса туш сельскохозяйственных животных по отношению к одной туше мелкого рогатого скота для КРС за 6, а лошадей за 5,5 (Антипина, 2008), в весовом отношении 1 корова приравнивается 6 особям МРС, а 1 лошадь – 5,5 особям МРС. Тогда 6 и соответственно 5,5 особей МРС поедают подножную растительность с гектара площади пастбищ в 4,3 раза больше чем КРС и в 23,5 раз больше чем лошадь, т.е. более эффективно используют угодье. Таким образом, можно установить значение коэффициента эффективности использования кормовых ресурсов для МРС в 1, для КРС в 4,7, для

лошадей в 23,5. Хотя пищевые пристрастия верблюдов несколько отличаются от таковых у МРС, но при том, что они поедают растения не входящие в рацион последних, можно принять для них значение коэффициента за 1. Результаты приведенных расчетов (таблица) показывают, что площадь пастбищных угодий, необходимая для выпаса 1 особи КРС (27 га в летнее и 62,5 га в осеннее-зимнее время), может обеспечить кормом более 30 овец (летние пастбища – 33,7 гол., осенне-зимние – 34,7 гол.) и более чем 40 коз (летние пастбища – 45,0 гол., осенне-зимние 48,0 гол.), а объем мясной продукции, полученный от них, более чем в 5 раз превышал бы таковую от КРС.

Интересно, что наши расчетные значения (таблица) оказались близки к данным, полученным В.В. Кучеруком (1985) в результате учета численности голов скота в сухостепной подзоне Казахстана. Для лошадей он приводит значение 0,005 гол./га, коров – 0,03, овец – 0,15, коз – 0,38. Различия с нашими данными проявляются в соотношении голов КРС, лошади и МРС и связаны с большей эффективностью использования кормов КРС и лошадьми в условиях менее аридных условий. Таким образом, увеличение числа голов МРС относительно КРС, свидетельствует об ухудшении условий выпаса для последнего.

Исходя из выше изложенного, можно говорить, что разведение КРС в аридных условиях требовало больших экономических вложений, обусловленных, по-видимому, не только и не столько их ролью как источника мясной продукции. Оценка возраста использованного на мясо КРС показывает, что забивались преимущественно животные старшего возраста. Сходное явление отмечается для памятника III тыс. до н.э. Телль Хазна I с тер-

Таблица

Соотношение количества голов скота с площадью пустынных пастбищ

Виды скота	Количество голов скота на 1 га пастбищ		Площадь, необходимая для прокорма 1 головы скота, га	
	Летние	Осенне-зимние	Летние	Осенне-зимние
КРС	0,037	0,016	27,0	62,5
Лошадь	0,005	0,002	200	500
Овца	1,193	0,545	0,8	1,8
Коза	1,640	0,750	0,6	1,3
Верблюд	0,114	0,052	8,7	19,2

ритории современной Сирии, и связывается с потерей старыми животными хозяйственной ценности (Антипина, Лебедева, 2008). Е.Е. Антипина и Е.Ю. Лебедева (2008, с.384) отмечают, что «такая структура забоя... является следствием разведения и сохранения в собственном хозяйстве максимального числа животных для получения от них прижизненных продуктов – молока, шерсти, а также использования как тяглового скота». Кроме этого, отмечая трудность и нерентабельность содержания крупного рогатого скота в аридных условиях, они указывают, что его «разведение здесь... было обусловлено потребностями земледелия» (Антипина, Лебедева, 2008). Примечательно, что на обнаруженной на поселение Улуг-Депе (Южный Туркменистан, IV тыс. до н.э.) статуэтке быка красками нанесены полосы, которые по мнению Г.Н. Лисициной (1978) изображают упряжь.

Наши данные показывают, что крупный рогатый скот Гонур-депе имел сравнительно крупные размеры. Реконструированная на основании промеров изолированных костей и целых скелетов ориентировочная высота в холке крупного рогатого скота с Гонур-депе, составляет для коров не менее 120 см, быков не менее 130 см, волов не менее 134 см. Возможно рассчитанные показатели даже несколько занижены, так, высота в холке измеренная по целому скелету быка была около 136 см. Обращает внимание, что рост более древнего (IV тыс. до н.э.) по сравнению с обсуждаемым крупного рогатого скота Южного Туркменистана составлял 122-124 см (Каспаров, 2006). Рост крупного рогатого скота позднего бронзового века из Восточной Европы оценивается в 120 см (Цалкин, 1970а), для скота из Зауралья в северной лесостепи в среднем – 122 см, в южной – 125 см (Косинцев, 1989). Высота скота происходящего с памятника бронзового века Николаевский могильник, расположенного в лесостепном Приуралье, даже для вола не превышала 129,0 см (Сатаев, Гимранов, 2007). П.А. Косинцевым (2000) отмечаются крупные размеры для скота с памятника бронзового века Аркаим (степное Зауралье), для коров высота в холке составляла 115 см, быков – 130 см, волов – 135 см. Стоит отметить, что длина таранных костей (лучше сохраняющихся в ископаемом состо-

янии) крупного рогатого скота с Гонур-депе варьировала в пределах 64,5-78,4 мм, в среднем составляя 70,4 мм (n = 30), что сходно с размерами костей, приведенными В.И. Цалкиным (1970а) для более древнего – неолитического скота из археологических памятников Восточной Европы и заметно крупнее скота бронзового века Восточной Европы. Даже кость, происходящая от целого скелета коровы, не достигшей полной костной зрелости, достигала в длину 65,0 мм, при том, что среднее значение для таранной кости скота с Аркаима – 67,79 мм (Косинцев 2000). Используя коэффициенты пересчета роста животных на биомассу, предложенные Л.Л. Гайдученко и Д.Г. Здановичем (2000), можно ориентировочно оценить живой вес быков с Гонур-депе в 500 кг, коров чуть более 400 кг.

Череп быка, захороненного на Гонур-депе целой тушей, имел в длину 514 мм, а коровы 470 мм. Животные отличались некрупными рогами, отходящими от черепа назад и загибающимися слабо вверх, у быка длина рогового стержня по большей кривизне составляла 210 мм, что значительно меньше не только по сравнению с древними формами, но даже с современным серым степным скотом (Цалкин, 1970а). По-видимому, разводимый скот отличался короткорогостью, что может говорить о селекции животных в данном направлении. На изображениях быков с памятников Древней Маргианы (Сарианиди, 2008, илл. 102; 169) представлены короткорогие животные. Краниологический материал, указывающий на наличие комолых особей на Гонур-депе, отсутствует, тогда как в степной зоне в позднем бронзовом веке комолый скот был обычным, что демонстрируют находки комолых черепов на Аркаиме (Косинцев, 2000). По данным Л.Л. Гайдученко и Д.Г. Здановича (2000) на рубеже III- II тыс. до н.э. или в начале II тыс. до н.э. в степях разводится мелкий скот с комолыми коровами и частично рогатыми быками.

Проведенный на основании промеров отдельных метаподий дискриминантный анализ (по Беговатову и Петренко, 1994) указывает, что в стаде древнего населения Гонур-депе уже присутствовали кастрированные особи – волы. Кастрация крупного рогатого скота вошла в практику животно-

водства не позднее IV тысячелетия до н.э., а позже стала применяться и в отношении других домашних видов (Цалкин, 1970а). Волы интенсивно использовались как тягловые животные, еще до приручения верблюда и лошади. В отношении КРС кастрация применялась как в раннем, так и в позднем возрасте. Т.е. можно говорить, что древнее население уверенно владело рядом зооинженерных приемов.

В целом, нужно констатировать, что разводимый в аридных условиях крупный рогатый скот бронзового века по своим размерам был не меньше, а даже несколько крупнее, чем в степи и лесостепи. Для своей эпохи, животные были сравнительно высокие и массивные. Разведение крупного рогатого скота описанного физического типа и в значительных количествах не могло обеспечиваться только естественными ресурсами территории, а диктовалось требованиями и одновременно являлось следствием развитого земледелия. Крупный рогатый скот являлся не только потребителем отходов продукции земледелия, но ценным источником естественных удобрений. Схожее мнение высказывает Е.Е. Антипина (2006) на основании изучения животноводства лесной зоны Восточной Европы. Согласно ее представлениям доминирование крупного рогатого скота в стаде древнего населения здесь происходит вслед за переходом к земледелию (Антипина, 2006). В Средней Азии существует опыт, ког-

да после уборки пшеницы, ячменя и соломы скот выгоняют на убранные поля, где он съедает оставшееся зерно и солому, а оставленный им навоз до весны удобряет поля (Традиционные знания..., 2007). Наши наблюдения показывают, что разложение и утилизация копрофагами кала других видов домашнего скота в условиях Каракумов происходит значительно дольше, чем навоза коров. При погребении песчаными наносами, навоз мелкого рогатого скота может консервироваться, что демонстрирует нам состав отложений некоторых культурных горизонтов, содержащих в большом количестве навоз этих животных.

На основании выше изложенного можно сделать следующие выводы. Разведение крупного рогатого скота в аридных условиях Средней Азии имеет длительную историю и является одной из форм ведения традиционного хозяйства на данной территории. Крупный рогатый скот способен адаптироваться к использованию естественных кормовых угодий пустынных пастбищ. Значение крупного рогатого скота в хозяйстве населения в периоды увеличения аридизации климата коррелирует с уровнем развития земледелия (источник молока, тягловой силы и естественных удобрений полей, потребитель отходов продукции земледелия). Наличие крупного рогатого скота в составе стада населения аридной зоны является испытанным временем способом поддержания плодородия пустынных почв.

Археоботанические исследования на Гонур Деде¹

Растительные остатки, обнаруживаемые в процессе археологических раскопок и целенаправленных археоботанических обследований культурных отложений, являются ценными источниками исторической и палеоэкологической информации. Они несут сведения о характере и особенностях земледельческой практики древнего населения, кормовой базе скота, эксплуатации естественных растительных ресурсов территории, использовании древесины в строительстве и при изготовлении разнообразных изделий, импорте древесины и предметов из дерева. В процессе археологических раскопок на Гонур Деде, выявлены разные формы сохранения растительных остатков: древесина (чаще всего законсервированная солями меди), древесные угли, углефицированные семена и плоды, отпечатки растений (на кирпичах, обмазке, на полу различных сооружений), навоз животных.

В настоящей статье приводятся основные результаты изучения остатков растений, выявленных при проведении специальных археоботанических исследований, а также обнаруженных в ходе раскопок. Пробы для анализа отбирались из зольных и углистых прослоев, заполнения очагов с разных участков памятника, из содержимого сосудов. Выделение растительных остатков производилось путем сухого просеивания на месте и путем флотации. Объем каждой пробы составил 8 л. Просеивание проводилось через три сита, с размером ячеек 2 мм, 1 мм и 0,2 мм. Флотация осуществлялась путем предвари-

тельного замачивания пробы частями по 2 л с дальнейшим промыванием через три сита. В результате сухого просеивания и флотации проб получались концентраты обугленных растительных остатков, из которых отбирались образцы для анализа. При отборе материала отсортировывалась угольная крошка, не несущая каких-либо структурных признаков. Подготовленный таким образом археоботанический материал включал обугленные семена и плоды культурных и дикорастущих видов, части стеблей растений и колосков злаков, древесный уголь, навоз животных. Кроме этого изучались необугленные фрагменты древесины — сохранившиеся части деревянных изделий, а также отпечатки веток, использовавшихся для армирования многослойных обмазок хумов, «ванночек» и «чанов».

Изучение анатомических особенностей, позволяющих проводить идентификацию древесных углей, производилось на тонких сколах разной ориентации (поперечной, радиальной и тангенциальной) в отраженном свете при разных увеличениях (x8 – x56). Для изучения клеточной структуры необугленных фрагментов древесины использовались срезы, полученные с помощью лезвия, или поперечные и продольные разломы. Ископаемые образцы сравнивались с образцами древесины основных родов деревьев и кустарников, произрастающих в настоящее время на территории Каракумов, Копетдага и Кавказа.

Археоботаническое исследование культурного слоя на различных участках памят-

¹ Работа выполняется при поддержке РФФИ – проект № 10-06-00263

ника дает представление о спектре растений, культивировавшихся древним населением Гонура. Наиболее широко в изученных образцах представлены зерна пленчатых пшениц (однозернянки *Triticum monococcum*, двузернянки *T. dicocum*) и голозерных (мягкой/твердой *T. aestivum/durum* и карликовой *T. compactum*), двурядного и шестирядного ячменя (*Hordeum distihum*, *H. vulgare*). Зерна пшеницы и ячменя имеют сравнительно крупные размеры и пропорции, характерные для злаков, выращиваемых в условиях достаточного влагообеспечения (ирригационного земледелия). Из зерновых культур также встречено просо, из бобовых – чечевица, нут и горох (мелкосемянная форма), из садовых – яблоня, алыча, вишня, виноград, из бахчевых – дыня. Район исследования входит в зону орошаемого земледелия, и все выявленные на памятнике культуры выращиваются здесь и в настоящее время.

На характер пищевого использования злаков, в частности, указывает содержимое большого красноглиняного ангобированного сосуда из погребения № 3901 с территории царского некрополя. Анализу было подвергнуто органическое содержимое сосуда, которое представляет собой слипшуюся в комок темно-коричневую бесструктурную массу с впрессованными блестящими светло-коричневыми чешуйками.

Исследуемая масса частично растворяется в воде, окрашивая ее в светло-коричневый цвет, что указывает на ее водорастворимость. В нерастворимый осадок выпали белые комочки органического вещества. Мясные волокна при микроскопическом исследовании не выявлены, возможно, это молочный или растительный белок. Эта масса хорошо растворяется в 95% спирте (т.е. в образце имеется жирорастворимая фракция). При микроскопическом исследовании (под увеличением $\times 28$, $\times 140$ и $\times 280$) содержимого массы выявлены изолированные блестящие чешуйки, представляющие собой фрагменты зерновых оболочек, которые имеют параллельное жилкование и извилистость (рис. 1). Размеры и рисунок извилистости соответствуют таковым зерновых оболочек проса обыкновенного (*Panicum miliaceum*) (рис. 2). Зерновые оболочки других злаков не обнаружены.

Учитывая характер чешуек, можно говорить, что исследованная масса представляет собой блюдо, приготовленное из дробленного не отвеянного проса. Вероятнее всего блюдо является кашей или густой похлебкой, сваренной на молоке.

Семена винограда, обнаруженные в очагах, представляют собой спекшуюся массу из разноориентированных зерен, что позволяет идентифицировать их как виноградный жмых, остающийся при отжиме сока. Последнее свидетельствует о наличии у древнего населения Гонура виноделия.

Изучение углей из очагов и зольно-углистых отложений показывает, что основным источником топлива являлась древесная растительность, в основном в виде хвороста. Другие виды топлива (солома, навоз животных) использовались в меньшем количестве. Так, углистые горизонты с разных участков памятника, образованные выбросами из печей в основном на 2/3 объема состоят из углей саксаула (*Haloxylon sp.*), кустарниковой формы солянки (*Salsola sp.*), ивы (*Salix sp.*) и тамариска (*Tamarix sp.*). В ритуальных и гончарных печах использовалось только древесное топливо. Угли из дворцово-храмового комплекса идентифицированы как тамариск, саксаул, джузгун, спиреантус Шренка. Последний вид сейчас на территории Каракумов не встречается, является эндемиком пустынь Казахстана, но видимо, его ареал раньше был шире. Там, в Казахстане этот кустарник в настоящее время используется как топливо. Угли из дворца, происходящие от сгоревших конструкций (перекрытий), принадлежат тополю (балки) (*Populus sp.*) и иве (армирование глинистой обмазки крыши).

Учитывая объем использования древесного топлива, обусловленного широким развитием гончарного производства, можно говорить о значительных первичных запасах древесной растительности на окружающей город территории. Последующее еще в эпоху бронзы сведение лесов вдоль русла р. Мургаб и каналов, отходящих от нее, вызвало обмеление реки и снижение уровня грунтовых вод. В настоящее время древесная растительность представлена преимущественно редкими одиночными саксаулами и кустарниковыми солянками. Тамариск встречается

в основном на наиболее увлажненных участках. Ива и тополь в незначительном количестве произрастают по берегам оросительных каналов.

Интересным представляются результаты изучения отпечатков растений. Анализ наиболее хорошо моделированных отпечатков веток, выявленных на внутренних слоях гипсовых обмазок, которым покрывали массивные сосуды – хумы, а также стенки выполненных из сырцово-глиняных стационарных емкостей («ванн» и «чанов»), показывает, что они принадлежат иве. Вероятнее всего, ивовые прутья служили для армирования вяжущего материала. На поверхности сырцовых кирпичей выявлены многочисленные отпечатки стеблей, листьев и семян злаков, которые замешивались в исходное тесто.

Отпечатки зерен пшеницы отмечаются на поверхности черепков лепной кухонной керамики. Кроме этого обугленные семена пшеницы обнаружены и на изломах черепков, что говорит о добавлении их в гончарную массу.

Многочисленные отпечатки стеблей тростника и сами стебли (сохранившиеся в результате их консервации гидроксидами железа) выявлены в заполнении сырцового сооружения, устроенного в малом южном бассейне (так называемого «фильтра»). Взаимное расположение слоев стеблей с перемежающимися слоями песка может указывать, что заполнение сооружения в действительности могло играть роль своеобразного фильтрующего материала.

Особое место среди растительных остатков занимают находки истлевшей древесины, представляющей собой фрагменты изделий и конструкций. Их анализ также демонстрирует широкий таксономический состав. М. Тенгберг из «царских гробниц» были определены древесина ивы, вяза (*Ulmus sp.*) и ясеня (*Fraxinus sp.*). При этом вяз и яшень отмечены только в единичных образцах. Исследовательница предполагает, что часть древесины (в особенности вяз), использовавшейся для изготовления предметов, могла поступать с предгорных областей Копетдага (Тенгберг, 2008). Подробнее остановимся на анализе наиболее интересных объектов.

Древесина от черенка бронзовой лопаты из погр. № 3900. Был исследован фрагмент клиновидной формы, размер которого 52 – 53 мм в длину, 18,5 – 20,7 мм в ширину, 14,5 мм в толщину. Верхний срез фрагмента покрыт коричневой коркой, на нем прослеживается углубление, сходное со следом от гвоздя. Древесина сухая, неуглефицированная, достаточно прочная, местами пропитана солями меди (обусловившими сохранность древесины). Микроскопический анализ поперечного разлома показал, что древесина кольцесосудистая, состоит из 3 полных годовичных колец и неполного четвертого (срублена весной), ширина их 2 мм, 2,5 – 3 мм и 3,5 – 4 мм. *Годичные кольца* состоят из 3 зон, более темной ранней (весенней) и поздней (осенней) древесины и светлой промежуточной: 1 – ранняя древесина. Состоит из сосудов диаметром 100 – 125 мкм, расположенных радиальными рядами по 2 – 3, иногда до 6 крупных сосудов в ряду, внезапно уменьшающихся; сердцевинные лучи узкие; 2 – зона паренхимных клеток с большими радиальными веретеновидными межклетниками; 3 – зона поздней древесины, с мелкими клетками, без межклетников (рис. 3). На поперечном разломе видны черные блестящие бугорки (застывший млечный сок).

Эти характеристики позволяют отнести изученные фрагменты к скумпии кожевенной (*Cotinus coggygria*) (Гаммерман, Никитин, Николаева, 1946; Вихров, 1959). Древесина скумпии содержит млечный сок, устойчива к гниению, может использоваться для дубления кожи и шкур, крашения тканей, в качестве негниющей подпорки на виноградниках, а также для инкрустации художественных изделий. Сейчас скумпия в Средней Азии выращивается как культурное, декоративное растение и не встречается в дикорастущем состоянии. Естественный ареал ее составляет Средиземноморье, Кавказ, Крым, Малая Азия, Китай и Гималаи. Возможно, в III тыс. до н.э. ареал распространения скумпии включал оазисы Средней Азии, но не исключено, что дерево для изготовления данного черенка были импортировано или с запада (Кавказ или Малая Азия) или с востока (учитывая археологические подтверждения контактов населения Маргианы с долиной р. Инд, из

Гималаев). Приведенные выше данные могут говорить об импорте дерева и отдельных деревянных изделий из соседних регионов.

Древесина от колеса повозки из погр. № 3900. В погребении была найдена деревянная повозка с 4 колесами с бронзовыми ободьями. Практически вся древесина истлела, но удалось отобрать для анализа небольшой фрагмент размером 65x15x8 мм, контактировавший с бронзовыми накладками, по которому и была проведена ботаническая идентификация. Годичные кольца видны невооруженным глазом на радиальном разломе в виде темных и светлых полос шириной 1,8-2,0 мм. При увеличении x28 на естественном поперечном разломе видна кольцесосудистая древесина с одним рядом крупных сосудов ($d = 200 - 250$ мкм), некоторые из которых заполнены солями. Вслед за этой зоной диаметр сосудов уменьшается до 100 мкм, затем видны сосуды в группах по 2-3 с диаметром 70 мкм и меньше. Группы более мелких сосудов поздней древесины (по 5 – 8) вместе с трахеидами и древесной паренхимой собраны в полоски, имеющие косотангенциальное направление. Сердцевинные лучи узкие, значительно уже диаметра сосудов, многочисленные, расстояние между лучами 70 – 140 мкм.

Такое микроскопическое строение характерно для вяза (*Ulmus*), причем отдельные признаки являются переходными между вязом шершавым, вязом гладким и берестом (карагачем) (*U. scabra*, *U. laevis*, *U. caprinifolia*). Таким образом, микроскопическое исследование позволяет отнести данный образец к вязу (*Ulmus sp.*). В настоящее время вяз в окрестностях Гонур-депе нами не отмечен.

Древесина из погребения 3915. Остатки древесины были выявлены в северном углу гробницы. Отпечаток от истлевшего деревянного изделия имеет форму дуги, кроме этого на отпечатке и сохранившейся древесине отмечаются следы бронзовых окислов и мельчайшие чешуйки бронзы. Это позволяет предполагать, что изучаемый объект является фрагментом колеса повозки, разрушенной грабителями.

Сохранившаяся древесина необугленная, сильно фрагментированная, темно-коричневого цвета, наиболее крупные фрагменты до 75 мм длиной, 20 мм шириной, 10 – 15 мм толщиной. Хорошо выделяются следы контакта с бронзой. Фрагменты расщепляются радиально (вдоль сердцевинных лучей). Анатомические характеристики (диаметр крупных сосудов 250 – 300 мкм, мелких – 100 мкм, косотангенциальная поздняя древесина, узкие сердцевинные лучи) в целом соответствуют описанию образца от колеса повозки из погребения 3900, что позволяет также отнести изученный образец к вязу. Результаты проведенного нами анализа по фрагментам колес из двух погребений на царском некрополе (3900 и 3915) согласуются с таковыми, приводимыми М. Тенгберг еще по двум погребениям (3200 и 3240), и говорят об использовании при изготовлении колес повозок древесины вяза. Эта древесная порода имеет прочную, твердую, упругую древесину и до настоящего времени применяется для производства обозного инвентаря, мебели и других столярных изделий (Деревья и кустарники СССР, 1966). Таким образом, проведенные исследования указывают на значительную роль растительных ресурсов в жизни древнего населения Гонур-депе.

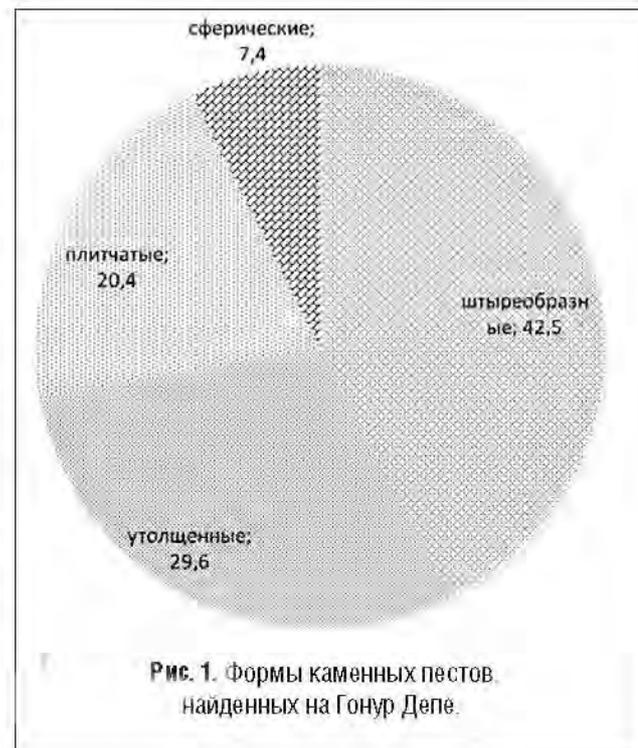
Горные породы, употреблявшиеся для изготовления орудий и изделий из камня, обнаруженных при археологических раскопках административно-культурного комплекса Гонур Деле (южная часть Дворца и Теменос)

При проведенных раскопках археологического памятника Гонур Деле осенью 2010 г. начато изучение петрофонда. Под термином «петрофонд» понимается совокупность горных пород, применявшихся для изготовления орудий труда и изделий из камня, обнаруженных на определенном поселении. Исследование петрофонда может способствовать оценке минерально-сырьевой базы древнего общества и позволяет вести целенаправленный поиск источников добычи полезных ископаемых, разрабатываемых на данной территории в древности.

К настоящему времени проведено петрографическое описание 263 каменных эко- и артефактов, обнаруженных на памятнике за период раскопок 1983-2010 гг. Все орудия по характеру их использования были разделены на три основные группы: *абразивные, режущие-колющие и орудия ударного действия* (рис. 1). В коллекциях были представлены 8 видов каменных орудий самого различного назначения. Большая часть из обнаруженных орудий относится к *абразивам* (около 90% от общего объема выборки). Орудия представлены пестами, ступками, терочниками, точильными камнями, ложилами всевозможных форм и т.д. Количество изделий *ударного действия* (к ним относятся различного рода, ударники, рубила и т.п.) относительно невелико и составляет 7%. К группе *режущие-колющих* предметов относятся ножевидные резцы и скребки. В целом, они составляют 2,5% от

общего числа орудий, найденных на объекте. Кроме того, коллекции содержали образцы горных пород и минералов, применявшихся в качестве сырья. Как показали исследования, всего для изготовления каменных орудий древними мастерами Гонура было использовано 11 различных типов горных пород и минералов.

Режущие орудия, обнаруженные при раскопках храмового комплекса Гонур Деле, представлены в ограниченном количестве (около 2,5% от общего числа орудий). Они

имеют небольшие размеры, форма их произвольная. Режущая поверхность не превышает 3-6 см, имеет трехгранное сечение. Угол заточки варьирует в пределах 10-15°. На боковой поверхности нанесены сколы для захвата ножей большим и указательным пальцами. Все обнаруженные орудия изготовлены под правую руку. В качестве материала использовался силицит - кремнийсодержащая горная порода зеленовато-серого цвета однородного сложения. Орудия изготавливались путем нанесения сколов по речной гальке, их поверхность специально не шлифовывалась. Вплоть до настоящего времени все изделия сохранили отличную работоспособность. Они легко режут даже волосы.

Среди ударных орудий на памятнике присутствуют две разновидности орудий: ударники и рубила. Количество ударников составляет 2,5% от общего числа каменных орудий. Ударники имеют шарообразную или овальную форму, диаметром 4-6 см. Рабочая поверхность орудия имеет небольшие размеры, со множеством раковистых выщербин. Для надежной фиксации орудия на боковых плоскостях делались сколы под большой, указательный и средний пальцы. Все найденные изделия, как правило, «праворукие». Ударники изготавливались из галек окремненных известняков. Данные породы отличаются повышенной твердостью и имеют несколько больший удельный вес.

Рубила – каменные орудия, предназначенные для рубки или размягчения волокон растения и превращения их в мягкую кашеобразную массу. Рубила составляют около 5% от общего объема коллекции. По внешнему виду различают два типа орудий: клиновидные в форме песта с небольшой рабочей поверхностью (3-5 см) и широкие с более длинной (до 7-8 см). Нижняя часть изделий заострялась серией широких сколов. Верхняя – обрабатывалась для надежного захвата пальцами рук. В качестве материала для изготовления использовалась галька мелкозернистых пород (окремненных известняков, алевролитов и мелкозернистых песчаников).

Абразивы являются наиболее распространенной группой орудий, найденных на поселении. Среди них выделяются точиль-

ные камни, лоцила, песты, ступки и терочные плиты.

Лоцила – инструменты, предназначенные для полировки и лощения необожженной керамики и металлических изделий. Данные орудия представлены в незначительном количестве 5,8%. Как правило, лоцила имеют округлую форму. Размеры изделий не превышают 5 см в поперечнике. Поверхность обточенная, гладкая, без бугорков и ямок. Рабочая поверхность с тонкой шлифовкой или полировкой, большей частью криволинейная. Для облегчения фиксации орудия во время эксплуатации на нем предварительно делались сколы под большой, указательный и, реже, средний и безымянный пальцы. Для производства лоцил часто использовалась мелкая речная галька известняков, силицитов и алевропесчаников. Данные породы характеризуются тонкозернистой структурой, высокой сопротивляемостью к истиранию и хорошей способностью к полировке. Кроме того, в качестве лоцил применялись обломки старых каменных изделий с уже обработанной и шлифованной поверхностью.

Точильные камни (или абразивы) предназначены для заточки и обработки металлических орудий и каменных изделий. Точильные камни составляют около 14,9% от общего объема каменных орудий. Размер орудий варьирует от 4-5 до 10-12 см. По форме среди них можно выделить бруски треугольного сечения, бруски четырехугольного сечения, бруски шестиугольного сечения. Большинство орудий имели несколько рабочих поверхностей, различающихся по крупности слагающих их зерен. Абразивы в виде плиток встречаются значительно реже. Рабочая поверхность могла быть плоской, комбинированной (плоской, плавно переходящую в полого-выпуклую), выпуклой или вогнутой формы. Большинство орудий изготавливались для эксплуатации как левой, так и правой рукой. Выемки и упоры для пальцев тщательно шлифовывались. Боковые поверхности в некоторых случаях специально не обрабатывались. Для изготовления точильных камней применялись различного рода песчаники, в основном тонко- и мелкозернистые, наиболее подходящие для эффективной обработки металла.

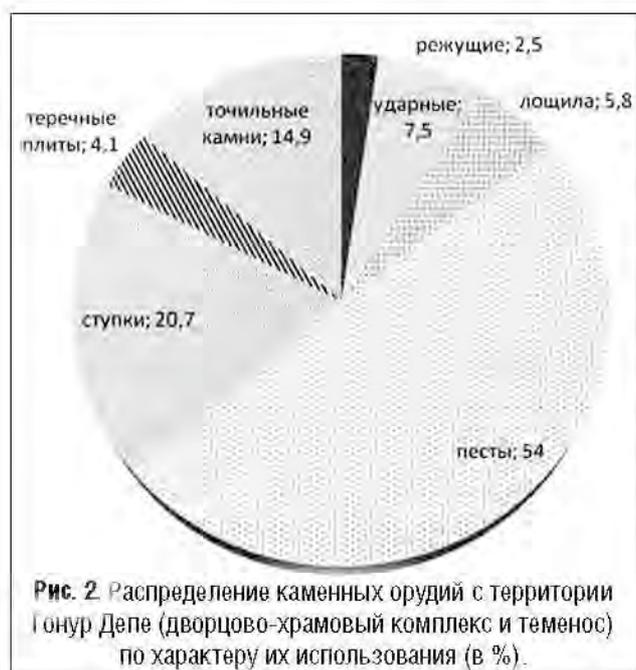
Песты являются одним из самых распространенных видов каменных орудий в храмовом комплексе Гонур Деде. Общее их количество превышает половину изученной коллекции (54%). Они сильно отличаются по формам, размерам, а также типам горных пород, применявшихся для их изготовления. Среди пестов по форме можно выделить четыре группы изделий: штыреобразные (42,5%), утолщенные (29,6%), плитчатые (20,4%) и сферические (7,4%). Штыреобразные (или классические) песты характеризуются вытянутой формой. Площадь рабочей поверхностью небольшая, преимущественно плоская. Утолщенные песты (песты-утюжки) имеют узкую рабочую поверхность, в большинстве случаев с сильно скошенными краями. Песты плитчатой формы по сравнению с вышеописанными, имеют более массивный вид и большую плоскую рабочую поверхность, часто занимающую всю нижнюю часть орудия.

Сферические (полусферические) песты являются наиболее редким типом орудий и имеют несколько рабочих поверхностей. Все изделия, за редким исключением, изготавливались из речной гальки различных пород путем нанесения на ее поверхности сколов или пропилов, для удобного захвата пальцами рук. Природно-естественная шлифовка поверхности галек по мере возможности сохранялась в максимальном объеме. При изготовлении орудий, для уменьшения трудозатрат на

его производство, учитывалась оригинальная форма галек. Нанесенные сколы в большинстве случаев сглаживались и дополнительно обрабатывались абразивами. Подавляющее большинство орудий изготавливались под правую руку. Для производства пестов использовались силициты, известняки, алевропесчаники и мелкозернистые песчаники. Основная масса орудий изготавливалась из тонкозернистого материала. Все породы отличаются хорошей абразивностью и высокими прочностными характеристиками.

Коллекция *ступок*, найденных на территории дворцово-храмового комплекса Гонура, составляет 20,7% от общего количества орудий. Под ступками понимаются орудия, предназначенные для растирания ограниченного количества горных пород или растительных продуктов до порошкообразной (кашеобразной) массы. Они имеют небольшие размеры и массу, позволяющие держать данное орудие в одной руке. Для удобства фиксации изделия во время его эксплуатации по краям рабочей поверхности наносились сколы или пропилы под пальцы рук. Средний размер ступок составляет 6-8 см, отдельные изделия могут достигать до 15 см. Орудия характеризуются небольшим весом. Среди ступок по форме рабочей поверхностью различают две разновидности: плоские и вогнутые. В отдельных изделиях между зернами рабочей поверхности обнаружены остатки растираемого вещества, фазовый состав которого будет установлен в последующих работах. Для изготовления орудий использовались как плитчатый камень, так и речная галька. В качестве материала наиболее часто применялся мелкозернистый песчаник кварцевого или полимиктового состава. Значительно реже использовался известняк.

Терочные плиты предназначены для измельчения и растирания в порошок растений, минеральных красок, руд и т.д. От ступок они отличаются большими размерами, что позволяет за один раз перетирать большее количество материала. Количество терочников составляет 4,1% от общего объема каменных орудий. Для изготовления данных орудий применялся полимиктовый песчаник средне- и грубозернистый, гравипесчаник и конгломерат. Эти породы обладают одним из

наиболее высоких классов абразивности, а больший размер составляющих их отдельных зерен создает своеобразную шершавую поверхность, обеспечивающую более быструю переработку мягкого материала.

Таким образом, установлено, что видовой состав каменных орудий дворцово-храмового комплекса Гонур Депе не отличался большой разнообразием. Более двух третей из всего количества обнаруженных на поселении орудий (песты, ступки), была предназначена для растирания специфических растений и красящих минералов, возможно применявшихся при проведении культовых обрядов. Данные орудия выполнены в изящной манере, они хорошо отшлифованы, их форма и размеры очень удобны для проведения работы. На изделиях в определенных местах присутствуют специальные сколы, облегчающие захват орудия пальцами рук.

Орудия хозяйственного назначения (ударники, резцы, лоцила, точильные камни, терочные плиты и т.д.) имеют ограниченное распространение, что, скорее всего, связано с их второстепенным значением для данного объекта. Эти орудия делались в более грубой манере, в некоторых случаях для их производства использовались даже обломки сломанных ранее изделий. Вместе с тем, присутствие на памятнике ударников, резцов и

абразивов, при помощи которых возможно изготовить другие орудия, а также наличие каменного сырья (необработанной гальки, плитняка, «дикого» камня и пр.), доказывает возможность производства каменных орудий труда непосредственно на поселении Гонур Депе.

Набор горных пород, используемый для изготовления орудий на данном памятнике, крайне ограничен и включает в себя только породы осадочного комплекса: алевролиты, песчаники, гравелиты и известняки. Вероятно, это связано с отсутствием собственной сырьевой базы, так как большая часть территории, на которой расположен памятник, перекрыта мощными наносами неогеновых песков. Одним из ближайших районов, где имеются коренные выходы указанных пород, являются северные предгорья Копетдага.

Согласно произведенным расчетам по специальной выборке из 97 каменных орудий, изготовленных под левую (19 шт.) и правую (78 шт.) активную руку, количество людей, живших на Гонуре в бронзовом веке с преобладающей правой рукой составляло порядка 80%. Количество левшей находилось в пределах 20%. Это несколько больше современного уровня (10-15%). Такой вывод однако, вполне может являться следствием недостаточности выборки.

3

Искусство древневосточной мозаики по материалам Гонур Деде

Царский некрополь Гонур Деде был открыт В.И. Сарияниди в 2004 г. Всего к концу осеннего полевого сезона этого года на царском некрополе у восточной оконечности большого южного бассейна было обнаружено 12 неординарных погребений. Весной 2009 г., в результате сильных ливневых дождей и размыва во многих местах такырной корки, удалось выявить вблизи уже раскопанных новые могилы. Таким образом, число гробниц на данной территории возросло до 15.

Основное ядро могильника составляют одиннадцать могил (№№ 3200, 3210, 3220, 3225, 3230, 3235, 3240, 3880, 3900, 3905, 3915), вокруг которых позднее были устроены двухкамерные погребения (№№ 3205, 3245, 3250, 3857), но много меньших размеров. С севера могильник ограничивает так называемое «погребение тайчанаха» (№ 3340). Кроме того, снаружи к гробнице 3220 с юга примыкает богатое захоронение в подбое (№ 3870). Одна из двухкамерных могил – № 3250 – перерезает наземную круглую стену, окружающую гробницу 3220, не оставляя никаких сомнений относительно ее более позднего происхождения. К югу от гробницы 3220 раскопаны два погребения животных: одного быка (№ 3895) и одной расчлененной и специально уложенной коровы (№ 3890) (см. ст. Н.А. Дубовой в этом издании). Все гробницы представляют собой прямоугольной формы котлованы, вырытые в глинисто-песчаном материке, выложенные изнутри кирпичами или обмазанные толстой глинистой обмазкой. Все они, за исключением двух могил – 3225 и 3900 – были неоднократно ограбле-

ны еще в древности. Указанные могилы были оставлены не ограбленными из-за их особого характера (Сарияниди, 2004, 2006, 2007; Дубова, 2004).

По характеру и богатству погребальных приношений эти могилы, бесспорно, принадлежали высшей правящей элите страны Маргуш и поэтому с полным основанием могильник может быть назван царским некрополем. Из всех других раскопанных к настоящему времени более чем 4000 захоронений на Гонур Деде царский некрополь выделяется, прежде всего, конструкцией погребальных сооружений, представляющих подземные модели жилых домов маргушской знати. Лучше сохранившиеся гробницы имели входы. Причем, когда это можно было установить с точностью, все они располагались с восточной стороны (гробницы 3220, 3230, 3235) и всегда оказывались заложеными кирпичами, но в «сухую» без глиняного раствора, что позволяло при необходимости быстро разобрать закладку и проникнуть внутрь гробницы. Три из них имели наклонные спуски: в гробницах 3220 и 3230 в виде пандусов, а в гробнице 3235 – в виде лестницы с семью ступенями, ведущей внутрь гробницы. Эти и другие наблюдения дают все основания предполагать, что гробницы были пустотелые, и в них практиковался последовательный обряд коллективных захоронений. Ни одна гробница не сохранила крыши, поэтому вопрос о перекрытиях остается пока открытым. В то же время, учитывая сохранившуюся глубину стен до двух метров, думается, они слегка возвышались над уровнем окружающей по-

верхности, и в них спокойно мог находиться стоящий в полный рост человек.

Всего в настоящее время стало известно восемь царских гробниц и три так называемых котлована с особым обрядом и приношениями. Из восьми гробниц пять (3200, 3210, 3880, 3905, 3915) устроены одинаковым образом: в южной части глубокого котлована располагается многокомнатный «дом», сооруженный из сырцового кирпича, а в северной – «двор». Во «дворах» найдены останки рабов или слуг, повозок, керамических сосудов, верблюдов, собак и других животных. Две гробницы (3230, 3235) сооружены в виде отдельных многокомнатных домов и дворов не имеют. Гробница 3220, также представляющая собой четырехкомнатный дом, вместе с двумя прямоугольными алтарями огня и грушевидной ритуальной печью обнесена внешней круглой стеной, отделяющей ее от остальной части могильника.

Почти все помещения «домов» использовались для размещения драгоценностей, посуды из бронзы, золота и серебра, ювелирных изделий и других погребальных приношений. В одной из комнат (обычно восточной) находились костные останки основных погребенных. Все гробницы были жестоко ограблены в древности. Тем не менее, сохранились бесценные фрагменты декоративного убранства фасадов «домов», а также объемных деревянных ящиков (их В.И. Сарияниди называет «дарохранительницами»), подобных которым ранее ни на одном археологическом памятнике найдено не было. Можно уверенно говорить о том, что как и «дарохранительницы», так и все передние фасады раскопанных царских гробниц с «дворами» и отдельные комнаты в «домах» (гробницы 3200, 3230, 3235) были богато украшены искусно выполненными многофигурными композициями, большая часть которых была живописной, а отдельные элементы исполнены в технике мозаики. Следует особо подчеркнуть, что ни в более позднее время, ни на более ранних памятниках подобная техника не известна. Подчеркнем специально, что ни в одном из помещений монументального дворца Северного Гонура подобных мозаичных композиций не было найдено, что говорит о том, что «дома» правителей и/или жрецов

в другой жизни были более важными, более парадными, чем в этой.

Мозаичные композиции сохранились крайне фрагментарно, не говоря уж о живописи. Уцелевшие к счастью исследователей их небольшие фрагменты показывают не только богатейшую фантазию и искусство маргианских мастеров, но и позволяют заглянуть в мир легенд, мифов, ритуалов древних предков туркменского народа. Ныне представленные в Музее изобразительных искусств в г. Ашхабаде сюжеты «Пары противоборствующих грифонов», «Грифон в картуше», «Змеи, заглатывающие козлов», а также в Музее г. Мары «Борьба крылатых драконов со змеями» демонстрируют, как неоднократно отмечалось В.И. Сарияниди на материалах печатей и амулетов Бактрии и Маргианы, одну из ведущих идей того времени – борьбу сил Добра и Зла. Несмотря на изображения главными героями мозаик змей, грифонов, змеиных драконов, что, безусловно, свидетельствует о глубоких местных корнях мифологии, мы можем видеть очень большое число параллелей с чуть более ранними живописными картинами из дворца Мари в современной Сирии (см., например: Parrot, 1981). Некоторые фрагменты (например, крылатые грифоны) выполнены на гонурских образцах значительно более профессионально, с большей экспрессией и знанием живой фактуры, чем на сирийских.

В этом разделе мы представляем первые этапы изучения отдельных мозаичных вставок и их композиций. Подъем и полевую консервацию мозаик и рельефного декора (укрепление и точечную профилактическую заклепку на «газ» и марлю), а также «подъем блоком» мозаичных «дарохранительниц» в 2004 г. осуществила Н.И. Чудновская, художник-реставратор Управления по сохранению культурного наследия г. Москвы с помощью сотрудника Государственного историко-культурного заповедника «Древний Мерв» М. Беглиева.

В 2005-2006 гг. частичную камеральную обработку фрагментов мозаик (укреплена и приклеена на гипрок на ПВБ (поливинилбутираль 10%) и монтаж для экспозиции произвела Айджан Шайымова (Ниязмухаммедова) из Управления по изучению и охране

памятников истории и культуры Министерства культуры Туркменистана (г. Ашхабад). В 2009 г. частичную камеральную обработку небольшой части мозаик и монтаж экспозиции фрагментов мозаик «Борьба крылатых драконов со змеями» и «дарохранительницы» из гробницы 3880 произвел сотрудник Марыйского веляятского музея М. Рзаков. Эти работы выставлены в Музее г. Мары. Коллекция отдельных мозаичных вставок хранится в запаснике Музея изобразительных искусств в г. Ашхабаде.

Во время весеннего полевого сезона 2011 г. группа реставраторов начала планомерные исследования, консервацию и каталогизацию уникальных художественных изделий. Работы проводились реставратором высшей категории Натальей Алексеевной Ковалёвой и реставратором первой категории Галиной Эдуардовной Вересоцкой из ГосНИИ Реставрации Министерства культуры РФ (Москва),

имеющих большой опыт консервации и реставрации монументального декора древних эпох, в том числе и в полевых условиях а также Татьяной Анатольевной Шапошниковой – архитектором-реставратором архитектурно-реставрационной мастерской «Вега» (Санкт-Петербург). Здесь же мы представляем первые экспертные заключения специалистов, касающиеся использованного для изготовления мозаик минерального сырья и техники его обработки, примененных пигментов и связующих материалов. Их выполнили: А.М. Юминов – канд. г.-м.н., научный сотрудник Института минералогии УрО РАН (г. Миасс); немецкие специалисты; С.А. Писарева – к.х.н., зав. лабораторией физико-химических методов исследования ГосНИИ Реставрации МК РФ; В.Н. Киреева – химик-технолог; В.В. Петрова – ведущий научный сотрудник Геологического института РАН (г. Москва).

Мозаики и рельефный декор стен царского некрополя Гонур Деле

С 4.04.2011 по 2.05.2011 в Музее изобразительного искусства в г. Ашхабаде проводилось обследование, изучение и реставрация фрагментов мозаик и рельефного декора и «дарохранилищ» из царских гробниц. Во время работы в Музее Н.А. Ковалевой и Г.Э. Вересоцкой выполнены исследования и консервативно-реставрационные работы в отношении трех фрагментов коврового мозаично-живописного декора стенок «дарохранилища» из погребения № 3230. Автором статьи тогда же было проведено обследование, изучение, фотосъемка и обмеры фрагментов мозаик и рельефного декора из царского некрополя Гонура, происходящих из погребений №№ 3230, 3210, а также предварительное обследование деталей мозаик из погребений №№ 3235, 3915, 3905, 3880, 3245. По результатам обследования начато составление каталога деталей мозаик.

В каталоге содержится информация о размерах, общей форме профиля детали мозаики, о форме заточки ее края, наличии следа пигмента (графья) на лицевой поверхности мозаики, наличии знака на тыльной поверхности детали и повторяемости знаков в данном и других погребениях царского некрополя, наличии аналогичных деталей разных размеров в данном и других погребениях. За время весеннего сезона удалось описать и каталогизировать мозаичные вставки из двух погребений - №№ 3210 и 3230 в количестве 155 штук. Образцы составленных карт каталога представлены на рис. 1.

Каждая из вставок, включенная в каталог, была описана, измерена и сфотографирована с лица и с оборотной стороны в

нескольких проекциях и получила свой индивидуальный номер.

В данной статье, открывающей серию работ, посвященных изучению мозаик царского некрополя Гонура, описывается всего пять деталей мозаик, получивших условное название «Глаза». Они происходят из погребения № 3210 и демонстрируют высочайшую художественную ценность. Даже эти несколько фрагментов выполнены с использованием разнообразных технологических приемов. Заслуживают особого внимания способы изготовления и монтажа отдельных деталей мозаик в большие блоки (внахлест, радиальные стыки, заподлицо), наличие сложносоставных деталей больших размеров, использование маркировки на тыльных сторонах деталей.

Полный анализ приемов изготовления деталей, монтажа и сборки мозаик будет проведен после составления каталога на все раскопанные погребения.

Рассмотрим особенности этих деталей. Все пять фрагментов мозаики «Глаза» (3 правых и 2 левых – см. табл. 1) представляют собой почти плоскую (с небольшим уклоном) заточенную пластину со сложным абрисом. У всех деталей мозаики на тыльной стороне имеются продольные мелкие полосы – следы заточки о другую плоскую поверхность. При этом, лицевая поверхность детали имеет идеально гладкую заточенную поверхность, на которую нанесен рисунок зрачка (графья).

На местах утраты красочного слоя зрачка наблюдается шероховатая поверхность, что свидетельствует о том, что поверхность зрачка, ограниченного глубокой линией ри-

Таблица 1

Характеристики мозаичных вставок «глаза» из гробницы 3210

№ Фото-графич. детали	Тип Детали и мозаики	Материал	Размеры: длина, ширина, высота (мм)	Декорирование лицевой поверхности	Наличие знака на тыльной стороне	Заточка края
02614-02618, 08041-08044	Двух частная сложно-составная в форме глаза (правый)	Камень	Длина 61мм, Ширина 21мм, Толщина 2,0 мм – 2,5мм	Зрачок декорирован краской с черным и красным пигментом по прочерченному рисунку (графья)	Отсутствует	Прямая
02619-02621, 08045-08048	Двух частная сложно-составная в форме глаза (правый)	Камень	Длина 58 мм, Ширина 25 мм, Высота 2,0 – 3,2 мм	Зрачок декорирован краской с красным и черным пигментом по прочерченному рисунку (графья)	Отсутствует	Прямая
02622-02625, 08049-08052	½ Часть детали сложно-составной в форме глаза (правый)	Камень	Длина 47 мм, Ширина 38 мм, Толщина 2,0 мм – 2,5 мм	Зрачок декорирован краской с красным и черным пигментом по прочерченному рисунку (графья)	Отсутствует	Прямая
02631-02633, 08060-08062	Двух частная сложно-составная в форме глаза (левый)	Камень	Длина 63 мм, Ширина 5 мм, Толщина 1,8-2,5 мм	Зрачок декорирован краской с красным и черным пигментом по прочерченному рисунку (графья)	Отсутствует	Прямая
02626-02633, 08053-08059	Двух частная сложно-составная в форме глаза (левый)	Камень	Длина 63 мм, Ширина 25 мм, Толщина 1,8 – 2,5 мм	Зрачок декорирован краской с красным и черным пигментом по прочерченному рисунку (графья)	Отсутствует	Прямая

сунка (графья), была предварительно подготовлена для нанесения краски с черным и красным пигментом. Такой прием нанесения красочного слоя на заранее подготовленную шероховатую поверхность наблюдается и в обследованном погребении № 3230 на фрагменте «Голова сокола» (рис. 2; № фото 1463-1464). В этом случае шероховатая поверхность была подготовлена под краску с розовым пигментом.

Все детали мозаик «Глаза» имеют сложносоставную двухчастную форму, идеально подогнаны между собой по прямой линии. Детали имеют прямую форму заточки. (Достаточно распространенным приема стыка деталей по прямой линии является также способ заточки деталей под разными наклонными углами).

К сожалению, не сохранились блоки, в которые монтировались эти глаза, установить местоположение их невозможно. По следам красочного слоя на внешней поверхности глаза (полевая съемка 2004 г.) можно с достаточной точностью предположить, что глаз имел черную отводку.

Описанные пять деталей мозаики «Глаза» из погребения № 3210, по технологии изготовления отличаются от другой группы «глаз», найденных в этом погребении (рис. 9). Для этой группы деталей была применена техника высверливания круглого отверстия (зрачка) из плоской «пластины» глаза. На поверхности «белков глаз» нанесены углубления в виде вогнутой линзы, имитирующей «блеск».

Детали мозаики «Глаза» были обнаружены также и в погребении № 3235. Применены аналогичные способы изготовления деталей: заточка пластины, высверливание отверстия, инкрустация зрачка без «лунки». Все три группы глаз, найденные в двух погребениях №№ 3210, 3235 царского некрополя, имеют размер, близкий друг к другу.

В этой статье упомянуты лишь некоторые техники изготовления деталей мозаик, их сборки и монтажа. В дальнейшем будет составлен полный каталог мозаичных вставок

по всем погребениям с описанием технологий их изготовления и выявленных особенностей.

Очень интересным является факт обнаружения в отдельных погребениях знаков на тыльной поверхности деталей мозаик: все обнаруженные знаки собраны, описаны, прорисованы. В настоящее время мы не имеем оснований для определения цели нанесения знаков: были ли они использованы для сортировки деталей при изготовлении или монтаже отдельных деталей в «блоки» или с какой-либо другой целью. Проанализировано местоположение вставок в погребении, маркировка знаками симметричных деталей, а также однотипных, но разномасштабных деталей со знаками.

Заслуживает особого внимания анализ больших фрагментов мозаик погребения № 3210, хранящихся в Музее изобразительных искусств г. Ашхабада. На основании полевой съемки и камеральной обработки подъемного материала готовится компьютерная реконструкция сохранившихся фрагментов: «Орлы», «Рыбы», композиция «Змеи, терзающие горных козлов», фрагментов орнаментальных полос.

Тематика, стилистика и технологические приемы сборки и монтажа деталей, использование цветного рельефного декора и цветовая палитра изученных мозаичных композиций из царского некрополя Гонура имеют сходство с живописным декором из дворца Мари в Сирии (Дубова, 2011; см. также рис. 10). Большое количество деталей мозаичных вставок «Глаз», найденных в погребении 3210, позволяют предположить, что настенная мозаика царского некрополя Гонура представляла собой монументальную многофигурную композицию.

Цветовое решение и технологические приемы сборки мозаик дарохранительниц Гонур-депе, как представляется, имеют сходство с напольными мозаиками дворца Мари, что будет являться предметом изучения и анализа художниками-реставраторами Н.А. Ковалевой и Г.Э. Вересоцкой.

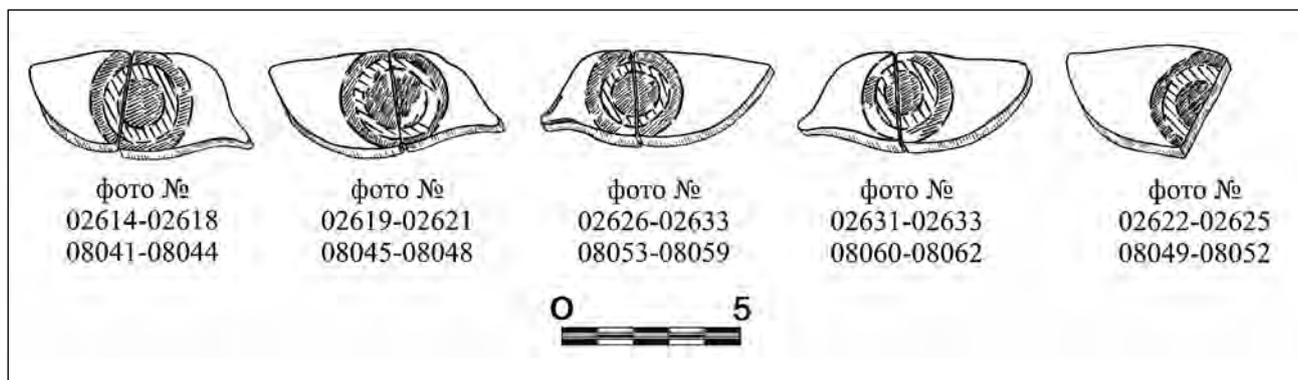

Рис. 5. Детали мозаик «Глаза» из погребения № 3210.

Рис. 9. Деталь мозаики погребения № 3210 с «выемкой». Камеральная съемка 2007 г. Н.А. Дубовой.

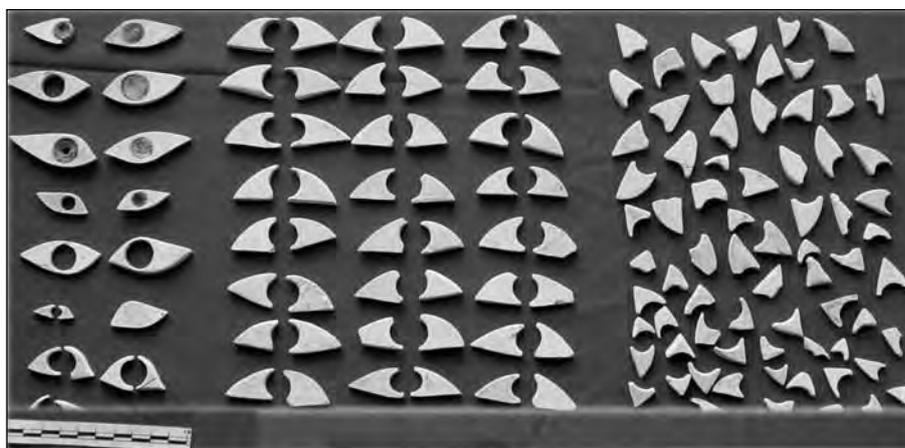

Рис. 11. Мозаичные вставки, по-видимому, от глаз из гробницы 3235.

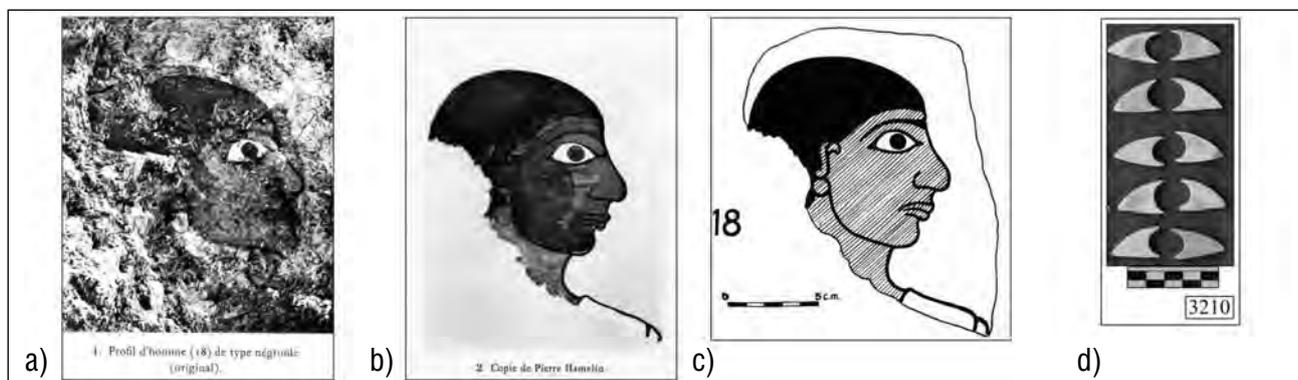

Рис. 10. а – Рельефный портрет с мозаичной вставкой «Глаз». Дворец Мари в Сирии (по: Parrot, 1958, s. 9); б, с – прорисовка этого портрета. d – детали мозаик из гробницы № 3210 царского некрополя Гонура.

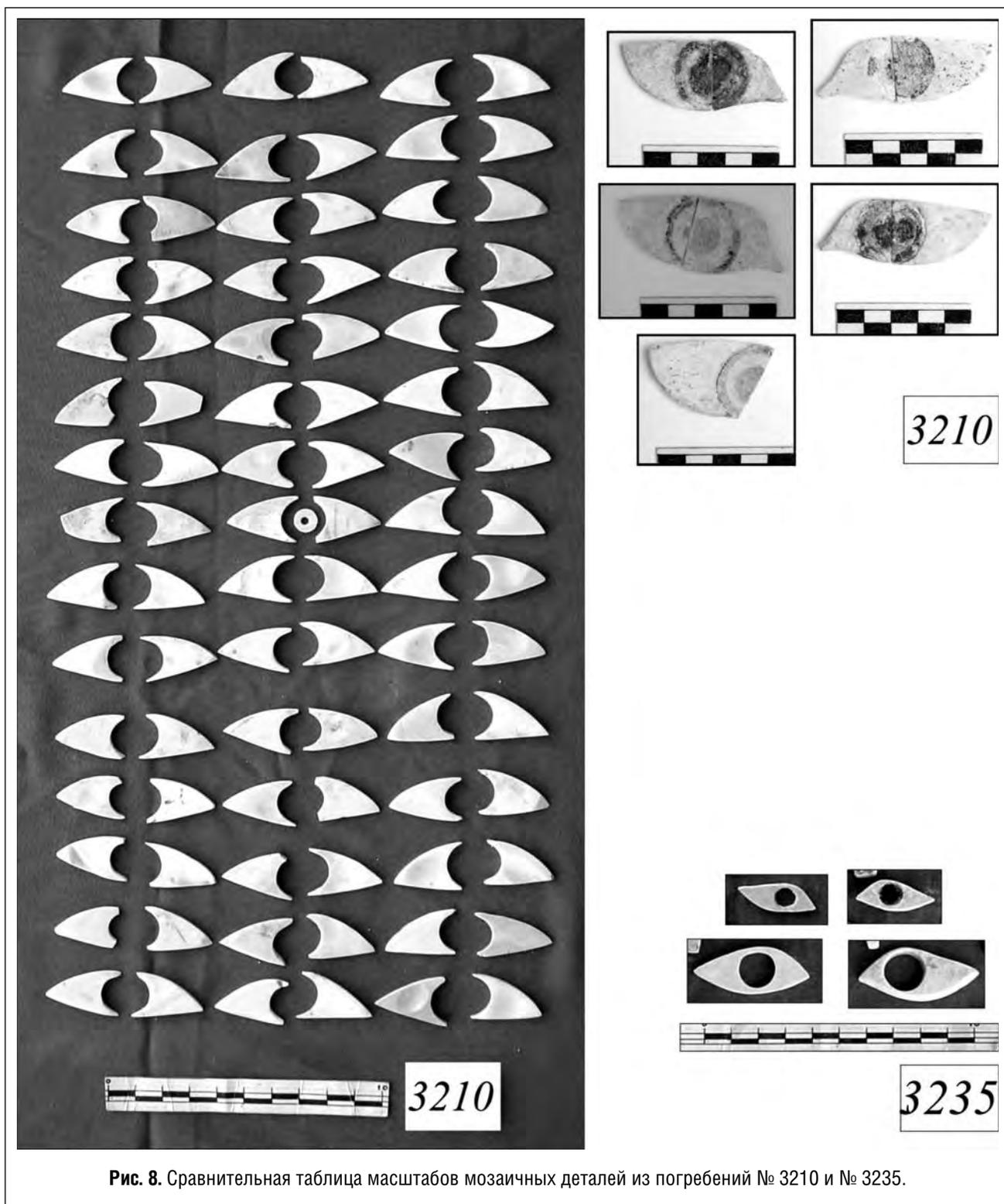

Рис. 8. Сравнительная таблица масштабов мозаичных деталей из погребений № 3210 и № 3235.

Предварительные исследования и консервация двух фрагментов «ковровых» мозаик из Гонура

В процессе раскопок 2004 г. одного из «царских» погребений Гонура – гробницы № 3230 – были обнаружены фрагменты прямоугольных пластин, на лицевых поверхностях которых сохранился мозаичный декор (рис. 1 – см. на цветной вклейке; 12). По мнению автора раскопок, д.и.н. В.И. Сарияниди, это – остатки «объемных деревянных ящиков – «дарохранительниц» (Сарияниди, 2005).

Два фрагмента, получившие порядковые номера № 14 и 15 и обозначенные, как «ковровые мозаичные панно» поступили в лабораторию в состоянии «после полевой консервации» – оба были укреплены в поле растворами поливинилбутираля и паралоида В-72 и оклеены тканью, также с использованием ПВБ и паралоида В-72¹.

Фрагмент № 14. Размер 25 x 39 см. Поступил в плоском фанерном ящике лицевой стороной вниз. Тыльная сторона не укреплена. Поверх нее хаотично расположены куски «лесса» мелкие обломки мозаик – отдельные элементы узора и небольшие фрагменты с грунтом, лессовая пыль, песок (рис. 2).

Фрагмент № 15. Размер 31 x 54,5. Также был уложен лицевой поверхностью вниз в плоский фанерный ящик. Тыльная сторона не укреплена и густо покрыта лессовой пылью, частичками грунта и отдельными кусочками мозаики. Поверх тыльной стороны фрагмента в ящике была проложена упаковочная пленка, выпуклости которой отпечатались в лессовом месиве (рис. 13).

Мелкие детали, найденные в этом соре, дали первое представление о материалах мозаики: были отмечены ярко-белые квадратные элементы – очень твердые и прочные, похожие на камень, размером 0,5 x 0,5 см и толщиной 0,2-0,5 см. Лицевые стороны «отполированы» до зеркального блеска. Тыльные стороны этих деталей – значительно меньше, примерно 0,3 x 0,3 см, поверхность всех их была неровной, как бы – «оббитой», равно как и боковые грани, имеющие трапециевидную форму.

Детали мозаики второго вида – это тонкие желтоватые пластинки, в большинстве – размером 0,5 x 0,5 см и толщиной менее 0,1 см. Эти пластинки значительно менее прочны и впоследствии некоторые из них чуть «размокали» в процессе укрепления, и становились достаточно хрупкими. Несколько пластинок из этого материала были иных размеров – квадратной – размером 1,5 x 1,5 см и прямоугольной формы, размером 1,5 x 1,0 см.

Вышеописанные элементы мозаики композиционно соседствовали с красными и черными вставками, выполненными из мелкодисперсных материалов, где угадывался лесс, гипс (или известь) и цветовые добавки: красная и черная краски. Кроме того попадались вставки, выполненные из твердой черной массы.

1 Сведения получены от автора полевой консервации реставратора Н.И. Чудновской. Здесь я не могу не упомянуть о моем восхищении работой Н. Чудновской: полевая консервация уникальных мозаик была выполнена без обязательной в таких случаях предварительной технологической подготовки, при почти полном отсутствии в полевых условиях необходимых материалов – лишь благодаря ее высокому профессионализму и чутью реставратора.

Оба фрагмента были переложены на планшеты – лицевыми сторонами вниз на толстую полиэтиленовую пленку.

По результатам первичного осмотра была составлена предварительная программа работ:

1. Удаление мусора и мелких частиц мозаики с тыльных сторон фрагментов, с фиксацией местоположения отдельных элементов.

2. Зачистка-утопление тыльных сторон для обеспечения проникновения укрепляющего раствора.

3. Мастиковка трещин и утрат тыльных сторон.

4. Укрепление тыльных сторон с использованием растворов БМК-5 в малотоксичной смеси растворителей ИПС + Уайтспирит в количестве 5-7 пропиток (2,5 – 5%).

5. Нанесение слоя армирующей доделочной массы на основе 10% БМК-5 в ИПС на тыльные стороны фрагментов, с использованием посеянных авторских штукатурных материалов.

Поверх этого слоя следует нанести 10% раствор БМК-5 в ИПС или Ацетоне – выравнивающий и завершающий укрепление тыльной стороны.

6. Оклейка тыльной стороны марлей с использованием 10% раствора БМК-5 в ИПС или Ацетоне².

7. После этого фрагменты можно было перевернуть и начать обработку лицевой стороны³.

Когда был удален мусор и открылись тыльные стороны фрагментов, сразу же стало видно, что под серым слоем штукатурной основы ранее существовало другое, возможно, деревянное, основание: обнаружилось несколько

небольших, очень хрупких, кусков «лесса», сохранивших форму слоя, представлявшего собой, по всей видимости, остатки полностью разрушенных конструкций толщиной около 2 см, в которых просматривались следы материала, визуальное органического происхождения (рис. 14). Большое количество лесса в этом слое, возможно, объясняется тем, что в процессе разрушения дерева образующиеся пустоты замещались частичками лесса из завала захоронения, которое к тому времени уже было ограблено, разрушено и покрывалось сезонными наносами песка и лесса.

После удаления разрушенных остатков основы открылась картина штукатурной композиции пластин мозаики, составленная из треугольных, квадратных и прямоугольно-линейных элементов, разделенных одинаковыми продолговатыми пустотами (рис. 3, 15). Ширина (и глубина) этих пустот – около 0,8-1 см. Кое-где в них виднелась ткань профилактической заклейки, а в некоторых – просматривались тонкие слои остатков лицевой поверхности, со следами черной краски. По предположению реставратора Г.Э. Вересоцкой, отдельные крупные элементы мозаики были разделены продолговатыми, стандартными в сечении, деревянными вставками. Лицевые стороны этих вставок, судя по всему, были окрашены. На фрагментах № 14 и № 15 в этих местах (в пустотах) отмечена только краска черного цвета.

Здесь, возможно, уместно упомянуть, что профилактическая заклейка не везде плотно прилегалась к лицевым поверхностям, поэтому многие части мозаики были подвижны, что несколько затрудняло обработку тыльных сторон фрагментов⁴. Перед началом

2 В работах были задействованы следующие материалы: БМК-5 – сополимер бутилметакрилата с метакриловой кислотой; ИПС – изопропиловый спирт - Изопропанол; У/с – уайтспирит; Этиловый спирт – Этанол; Ацетон; ПВС – поливиниловый спирт; Марля, кисти, скальпели и др. инструменты.

При полевой консервации были использованы: ПВБ – поливинилбутираль – спиртовой раствор; Паралоид В-72 – в ацетоне; Марля, «газ» («вуаль»), инструменты.

3 За основу была взята разработанная в Секторе среднеазиатской живописи Отдела монументальной живописи ГосНИИР Методика консервации и реставрации среднеазиатского полихромного архитектурного декора: Ковалева, 2005, 2006 г.; Kovaleva, 2006.

4 В дальнейшем я бы не рекомендовала использовать для нанесения профилактической заклейки «газ», так как этот материал излишне упруг и не приспособлен для полного облегания всех неровностей, особенно на фактурных поверхностях археологического монументального декора, так как силу своей специфики эти поверхности всегда имеют достаточно деформаций и утрат, и жестковатая ткань «газа» во многих местах отстала, образовав «пузыри». Поэтому – то, что так затрудняло обработку тыльных сторон, в то же время сильно облегчило мне удаление ткани с лицевых поверхностей.

Рис. 4. Фрагмент № 14.
Графическая прорисовка схемы построения деталей тыльной стороны мозаики.

работ была сделана графическая прорисовка тыльной поверхности наиболее разрушенного фрагмента № 14 для фиксации отдельных элементов мозаики (рис. 4).

Штукатурный материал элементов мозаики оказался светло-серого цвета и был достаточно плотным и твердым. Согласно результатам аналитических исследований, он состоял из смеси извести и кварца. Толщина этого слоя 0,7-0,8 см., связующего вещества в нем не обнаружено⁵.

Для более качественного укрепления штукатурную основу было необходимо частично утоньшить – вплоть до тыльных сторон наиболее глубоко внедренных в нее элементов мозаики. Эти детали – белые квадратные вставки, почти кубической формы, преобладали количественно и составляли, по всей видимости, основу рисунка.

Как уже упоминалось, размер лицевой поверхности каждого такого элемента – 0,5 x 0,5 см., толщина некоторых из них доходила до 0,4-0,5 см. Все они были сделаны из одно-

родного стекловидного материала ярко-белого цвета и повсеместно выстроены по диагональным своим осям в линии, составляя графическую основу общей композиции.

В процессе консервационной обработки тыльных сторон фрагментов было выявлено, что некоторые участки заполнены особой мастикой черного цвета, как показали аналитические исследования, состоящей из «черного углеродного пигмента, кварца и гипса, дигидрата и ангидрита», где в качестве связующего использована «композиция из термически обработанных природных смол» (личное сообщение В.Н. Киреевой). Особенно отчетливо места, заполненные черной мастикой «проявлялись» при первичном укреплении тыльной стороны раствором полимера (рис. 5).

Перед основной серией нанесения укрепляющих растворов на тыльных сторонах обоих фрагментов были замастикованы трещины и утраты грунта (рис. 6, 16). Материал для таких мастиковок: мелкий песок + ПВС (1%). Такая операция необходима для изоля-

5 Аналитические исследования материальных компонентов основы и пигментов мозаик из погребения № 3230 выполнялись к.к. В.Н. Киреевой.

ции торцов отдельных фрагментов лицевой стороны, примыкающих к утратам грунта, от возможного проникновения укрепляющих растворов – во избежание попадания раствора полимера на ткань профилактической заклейки. В то же время этот состав впоследствии легко удаляется в процессе обработки лицевой поверхности.

В пустотах между треугольными и квадратными формами композиции – в тех местах, где визуально сохранились остатки окрашенной лицевой поверхности, было произведено укрепление растворами БМК-5 в ИПС (2,5%). Затем в эти ложбинки была нанесена доделочная масса. Материал: лесс + мелкий песок + БМК-5 в ИПС (5%).

После выравнивания участков утрат и очистки обеих поверхностей от пыли, было выполнено укрепление тыльных сторон обоих фрагментов: по 2 пропитки 2,5% и по 4-5 пропиток 5% раствором БМК-5 в ИПС+ У/с (1:2). Затем обе поверхности были прокрыты 1 раз 10% раствором БМК-5 в ИПС.

На укрепленные и просушенные тыльные поверхности был нанесен армирующий слой доделочной массы: лесс + мелкий песок + БМК-5 в ИПС (10%). После полного высыхания оба тыльника были прокрыты один раз 10% раствором БМК-5 в ИПС (рис. 7, 17). Завершающей операцией обработки тыльных сторон было нанесение на них марлевой заклейки с использованием 10% раствора БМК-5 в Ацетоне (рис. 8, 18). После полного высыхания оба фрагмента мозаики стало возможным перевернуть лицевой поверхностью вверх для продолжения консервационных работ⁶.

Когда фрагменты были перевернуты, открылась нанесенная в поле профилактичес-

кая заклейка: обе лицевые поверхности были оклеены тонкой тканью, № 14 – марлей (рис. 9), а № 15 кроме марли – местами – очень тонкой тканью вроде «газа» (рис. 19). Удаление профилактики выполнялось путем обильного смачивания тканей этиловым спиртом, который является хорошим растворителем для ПВБ. Однако из-за присутствия паралоида В-72 кое-где приходилось применять ацетон (рис. 10, 20, 21) (см. сноску 6).

Дальнейшая обработка обоих фрагментов заключалась в удалении с лицевых сторон мозаик загрязнений, посторонних наслоений и пленок укрепляющих растворов, нанесенных в процессе полевой консервации, а также – в подклеивании многочисленных отстающих деталей мозаики.

Система композиционного построения мозаичного декора обоих фрагментов оказалась в чем-то схожа, в чем-то различна. Орнамент обеих пластин выстроен по единой схеме: как уже упоминалось, рисунок складывается из треугольных, квадратных и прямоугольно-линейных элементов и это было хорошо видно уже на фотографиях тыльных сторон (рис. 5, 15). Основные квадратные детали форматом около 12 x 12 см расположены попарно один над другим и рисунок каждой такой пары идентичен, но полностью отличается от рисунка другой, соседней пары. В композиции фрагмента № 14 – уцелели две пары таких квадратов (рис. 11 – см. цветную вклейку), в композиции фрагмента № 15 – три. Каждая пара квадратов фрагмента № 15 отделена от соседней полосой узорного бордюра шириной около 3-4 см. Рисунок бордюров – разный (рис. 21 – см. цветную вклейку). В то же время на фрагменте № 14 две вертикально расположенные пары квадратов с различным

6 Такой способ обработки тыльных поверхностей фрагментов лессово-ганчевого полихромного декора разрабатывался нами в процессе создания «Методики консервации и реставрации Центрально-азиатского полихромного декора» (Ковалева, 2005, 2005 Kovaleva, 2006) в течение более чем 30 лет. По нашему мнению, по технико-технологическим параметрам он значительно превосходит многие существующие методики. Во-первых, максимально полное удаление остатков разрушенных лессовых штукатурок позволяет сократить число укрепляющих пропиток в 3-4 раза. Это значительно уменьшает количество растворителей, используемых при укреплении памятника, а вместе с тем и – реставрационных операций. В том числе исключается такая трудо- и материало-затратная процедура, как «отгонка» избыточной пленки полимера. Вполне достаточное укрепление позволяет затем работать с лицевой стороной такого фрагмента без опасений. Кроме того, применение малотоксичной смеси растворителей и уменьшение их количества в значительной степени снижает опасность нанесения вреда здоровью реставратора. Во многих музеях РФ и бывшего СССР находятся фрагменты архитектурного декора, обработанные в поле с использованием БМК-5. Многим из них уже более 30 лет. Их декоративные качества не изменились.

рисунком образуют композицию из четырех квадратов и не разделены бордюром, но окаймлены ими с двух сторон (рис. 11). Рисунок этих квадратов попарно различен, рисунок бордюров, по некоторым признакам (оба они сильно повреждены) идентичен – элементы построены в зигзагообразном порядке.

В то же время на фрагменте № 16 (реставратор Г.Э. Вересоцкая) имеются четыре вертикально расположенные пары квадратных элементов, по некоторым признакам, все с одинаковым рисунком и между ними – три линии бордюров, степень разрушения которых лишь позволяет предполагать идентичность рисунка, который не встречается на фрагментах № 14 и № 15.

«Верх» и «низ» каждой пластины также был околонтурен полосой орнаментированного бордюра. На фрагменте № 14 она не сохранилась. На фрагменте № 15 – сохранилась лишь одна кайма с зигзагообразным орнаментом, и рисунок ее идентичен рисунку одного из бордюров, разделяющих здесь квадратные вставки, а также рисунку боковых бордюров фрагмента № 14.

Зато на фрагменте № 16 уцелели обе орнаментальные каймы. Они разные: одна из них повторяет орнаментальный «зигзаг» одного из бордюров и каймы фрагмента № 15. Другая же очень походит на второй вертикальный бордюр того же фрагмента. Ширина всех бордюров и кайм колеблется от 3,5 до 5 см. Можно предположить, что рисунок кайм – контуров всех трех пластин был одинаков (ведь должны были быть еще две пластины – стороны «ящика-дарохранительницы»), и внутренние линейные вставки также могли повторяться. Однако внутренние разделительные бордюры фрагмента № 16 на фрагментах № 14 и № 15 уже не встречаются.

Как уже отмечено, организующей основой рисунка всех орнаментальных сюжетов являются жесткие линии, образованные ярко-белыми «кубиками», диагонально размещенными по отношению друг к другу. Их линии местами образуют прямые углы – контуры треугольных элементов мозаики и – одновременно – контуры больших квадратов. Они же составляют зигзагообразный стержень орнамента основных бордюров и таким

образом, активно участвуют в построении всех элементов рисунка.

Другой тип «твердых» составляющих мозаики представляют, уже упомянутые, тонкие пластинки желтоватого цвета. Одни пластины – мелкие, размером 0,5 x 0,5 см, перемежающиеся в общем рисунке с ярко-белыми «кубиками» того же формата. Другие, занимающие центральное положение в отдельных элементах орнамента – более крупные, часть из них – квадратные, размером 1,5 x 1,5 см; иные – прямоугольные размером 1,0 x 1,5 см.

Эти детали являются составляющими элементами декора всех мелких треугольных и квадратных композиционных вставок во всех крупных треугольных и квадратных элементах общей орнаментальной системы.

Промежутки между отдельными составляющими орнамента окрашены красной и черной красками. Основу черной краски составляет «черный углеродный пигмент» (местами – это даже не совсем окраска, а слой, образованный черной пастой), основа же красной краски – «красно-коричневые глинистые минералы» (определения проведены В.Н. Киреевой). В просторечии красная краска – это «красная охра», именуемая в обиходе живописцев Центральной Азии «кзыл-кессак» и широко применяемая там до сих пор.

Особый интерес представляет техника конструирования орнаментальных композиций: все они сложены из отдельных частей, разделявшихся (или объединенных, можно и так сказать) «деревянными» брусками. Рисунок каждого крупного квадратного элемента в его углах, и это хорошо видно на тыльной стороне, составляют четыре прямоугольных треугольника, с основаниями около 8-9 см. В центре же размещался квадрат со стороной 7,5 см, отделенный от треугольников пустотами, оставленными утраченными «разделителями». Каждый квадрат был, уже не конструктивно, но композиционно, поделен на треугольники (это видно лишь на лицевой стороне). В свою очередь, вся композиция была строго организована системой прямоугольных элементов бордюров и кайм, что также хорошо читается на тыльных сторонах обоих фрагментов (рис. 8, 15).

По поводу способа изготовления мозаик у нашей группы реставраторов было много споров. Конечно, вероятно, самым простым и общедоступным способом был такой: нанесение на деревянную пластину штукатурной основы и монтаж в нее подготовленных элементов, согласно имеющимся эскизам (вероятно, в распоряжении древних художников имелись различные варианты таких эскизов-шаблонов). Против этого предположения, однако, может свидетельствовать, например, значительная разница в толщине ярко-белых «кубиков» и желтоватых пластинок (4-5 мм и 1 мм), повсеместно соседствующих и чередующихся и составляющих основу рисунка. Причем, под тонкими пластинками и, соответственно, вокруг расположенных рядом белых «кубиков» везде располагается толстый слой черной мастики. Немаловажно и то, что тыльная поверхность белых элементов была вовсе не ровной, и толщина их не одинакова. Она колеблется от 0,25 до почти 0,5 см. Установить такие детали, работая «с лицевой стороны», практически невозможно. Например, известные мозаики Пальмиры составлены из мелких каменных деталей – кубиков, которые имеют одинаковую толщину и относительно ровные лицевую и тыльную поверхности. Такие элементы легко помещаются в подготовленную цементирующую массу, свободно сочетаясь между собой, и поэтому лицевая сторона остается ровной.

Уместно задать себе такой вопрос: Каким образом при создании мозаик Гонура, монтируя рядом такие «разновысокие» элементы мозаики: толщиной 5 мм и менее 1 мм, мастер сумел сохранить ровную и гладкую лицевую поверхность лицевой стороны? Мне представляется, что древние мастера применяли иной способ изготовления этих предметов. Во-первых, уже отмечено, что отдельные составные части мозаик имеют общие, для всех таких элементов формы и размеры, « типовые » для всех трех фрагментов: №№ 14, 15 и 16. Можно выделить один тип (и размер) квадратных вставок, один тип (и размер) прямоугольных вставок и один тип прямоугольных полос (правда имеется два варианта ширины). Такие формы можно составлять в любом порядке, имея заранее подготовленный набор. Кроме того, можно заметить, что рисунки узоров

орнамента, например, квадратов и примыкающих к ним бордюров, не всегда очень точно сочетаются композиционно, хотя формы их вполне совпадают.

Представляется, что все эти детали должны были изготавливаться отдельно, и лишь позднее соединяться в соответствующие композиции. При изготовлении таких отдельных элементов могли использоваться единые, возможно, деревянные или керамические формы-рамки – треугольные, квадратные, продолговатые. Глубиной они должны были соответствовать толщине слоя известково-кварцевой подложки, а также – толщине деревянных брусков, впоследствии вставлявшихся между деталями мозаик при монтаже их на постоянную основу.

Такая форма могла накладываться на рисунок-шаблон, выполненный на тонкой ткани (или на другой основе – коже, пергаменте, подложенной под мокрую и поэтому прозрачную ткань). Ткань, в свою очередь, должна быть покрыта прозрачным липким клеем, например, медом, или другим очень медленно сохнущим клеящим составом, легко растворимым водой. На этот рисунок вначале наклеиваются тонкие желтоватые мозаичные пластинки, затем – ярко-белые «кубики», на которые потом наносится горячая черная мастика – черный углеродистый пигмент + кварц + гипс + природные смолы (определения В.Н. Киреевой), накрывающая заданный участок. Ведь подо всеми тонкими пластинками орнамента, а также под примыкающими к ним ярко-белыми «кубиками» есть черный слой. И потому-то вдоль некоторых, особенно хорошо сохранившихся зигзагообразных линий белых «кубиков» смог образоваться такой ровный черный край – торец. После этого по другую сторону линии «кубиков» наносится смесь извести и кварца, местами – с добавлением гипса (определения В.Н. Киреевой). Затем вся оставшаяся емкость формы заполняется общим слоем этой безусадочной смеси извести и кварца.

После высыхания раствора и удаления с лицевой поверхности ткани с остатками клея, изготовленные таким способом квадратные и треугольные детали композиции прочностью и твердостью могли поспорить с камнем. После изъятия из формы их мож-

но было монтировать на подготовленную деревянную основу с помощью клея, приготовленного из какой-либо природной смолы (камеди) с использованием направляющих и разделяющих деревянных брусков. Требовалась лишь завершающая окраска отдельных участков композиции красной и черной красками.

Представляется, что таким способом могли быть изготовлены и некоторые другие живописно-мозаичные картины, обнаруженные в процессе раскопок Гонура.

В настоящее время фрагменты «ковровых» мозаик № 14 и № 15 находятся в состоянии «в процессе камеральной обработки». В дальнейшем необходимы следующие консервационно-реставрационные операции:

- окончательная расчистка лицевых поверхностей от остатков загрязнений, пленок посторонних укрепляющих материалов, аварийных мастиковок;
- полное укрепление лицевых сторон с подклейкой элементов мозаики;
- подготовка искусственной основы для монтирования каждой пластины;
- монтаж отдельных пластин, возможное соединение пластин с имитацией форм «дарохранильницы»;
- доведение до экспозиционного вида.

Повторю, что данное исследование – предварительное, и последующие работы дадут возможность более подробного описания техники и технологии изготовления уникальных гонурских мозаик конца III тыс. до н.э.

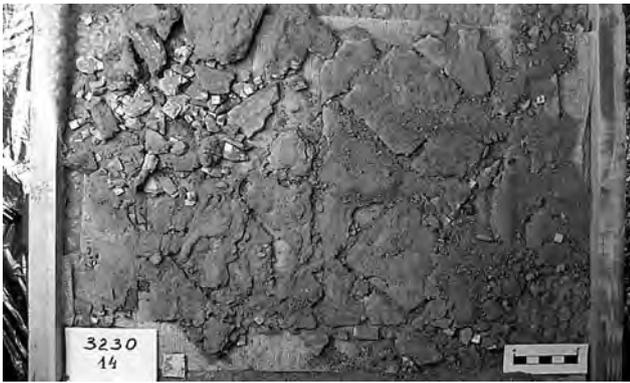

Рис. 2. Фрагмент № 14 в процессе освобождения от упаковки.

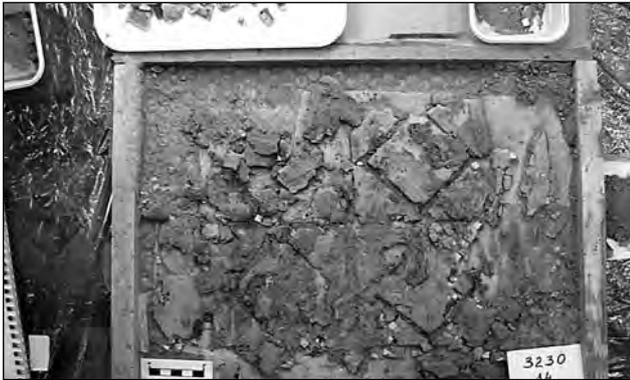

Рис. 3. Тыльная сторона фрагмента № 14 в процессе удаления с нее сора и пыли.

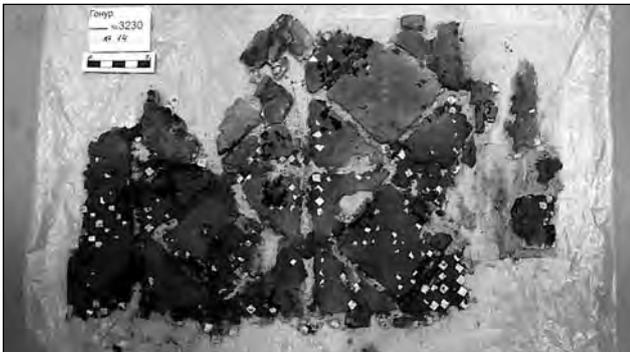

Рис. 5. Фрагмент № 14. Первичное укрепление после утоньшения тыльной стороны 2,5% раствором БМК-5. Видны места, заполненные черной мастикой.

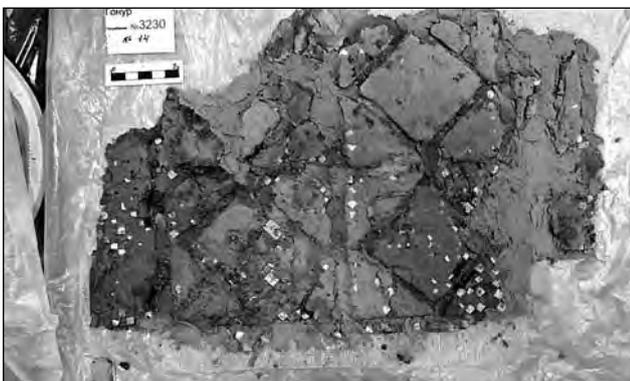

Рис. 6. Фрагмент № 14. Мастиковка трещин и утрата на тыльной стороне мозаики.

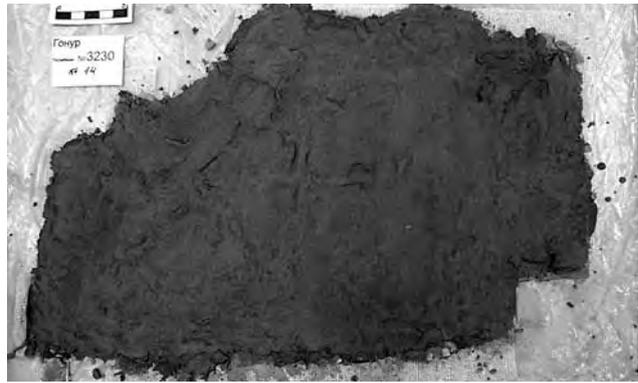

Рис. 7. Фрагмент № 14. Процесс нанесения армирующего слоя доделочной массы на тыльную сторону.

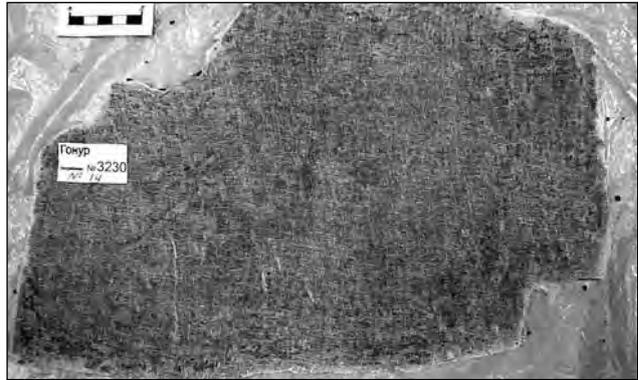

Рис. 8. Тыльная сторона фрагмента № 14 после оклейки марлей.

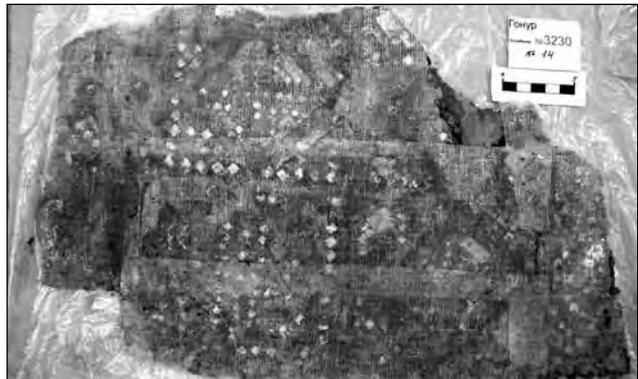

Рис. 9. Лицевая сторона фрагмента № 14 под профилактической оклейкой, нанесенной в поле.

Рис. 10. Процесс удаления профилактической заклейки с фрагмента 14.

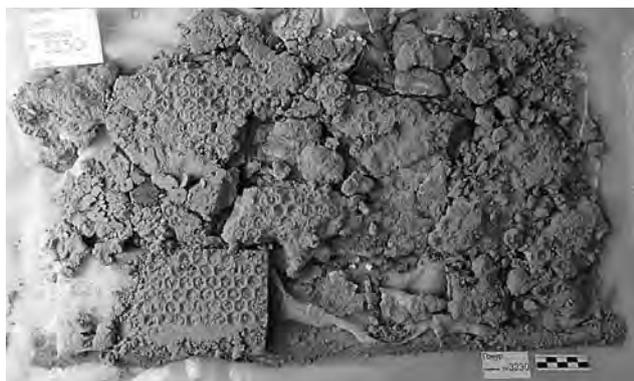

Рис. 13. Фрагмент № 15 в процессе освобождения от упаковки. Тыльная сторона.

Рис. 17. Нанесение выравнивающего слоя доделочной массы на тыльную сторону фрагмента № 15.

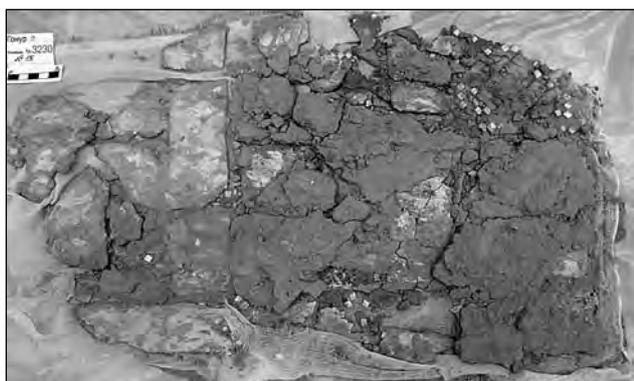

Рис. 14. Тыльная сторона фрагмента 15 в процессе удаления лессовой основы.

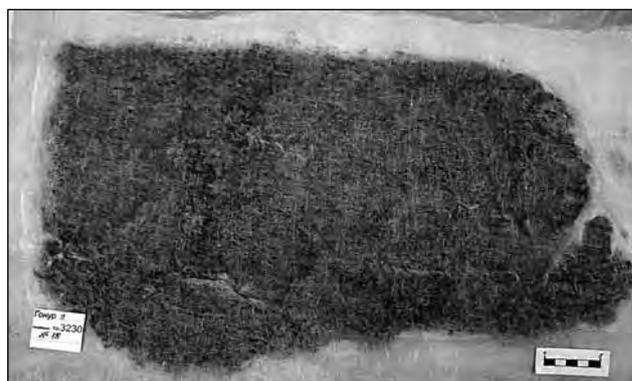

Рис. 18. Оклеивка марлей тыльной стороны фрагмента № 15.

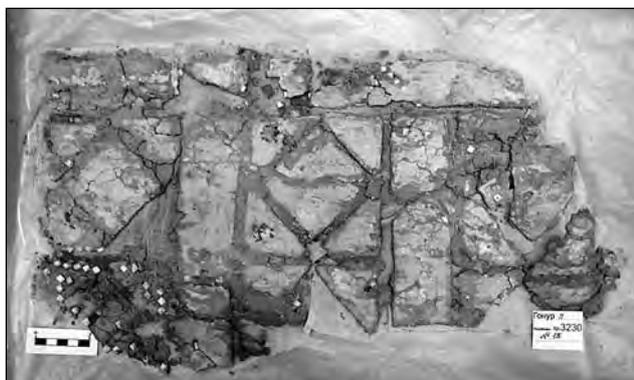

Рис. 15. Фрагмент 15. Тыльная сторона. Штукатурная композиция отдельных элементов мозаики.

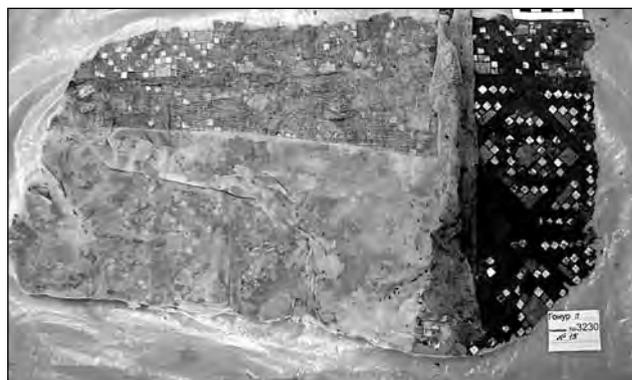

Рис. 19. Процесс удаления профилактической заклейки с лицевой стороны фрагмента № 15.

Рис. 16. Мастиковка трещин и утрат по тыльной стороне фрагмента 15.

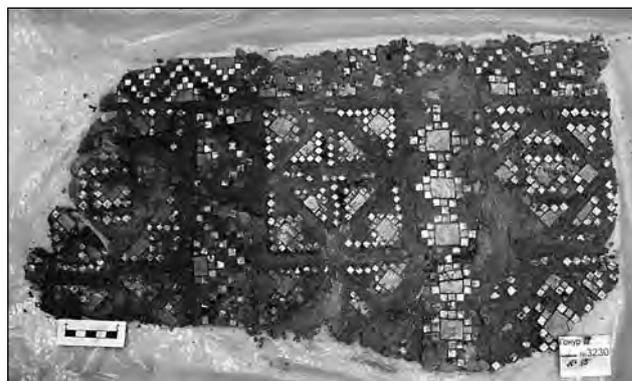

Рис. 20. Фрагмент № 15. Лицевая сторона в начале расчистки: удаление загрязнений и пленок укрепляющих растворов.

Реставрация фрагмента стенки ларца-дарохранительницы и исследование технико-технологических особенностей материалов мозаики конца III тыс. до н.э. из царской гробницы № 3230 Гонур Депе

В работе описывается процесс консервации фрагмента стенки дарохранительницы из царского погребения № 3230 Гонур Депе, выполненной в смешанной технике мозаики с элементами полихромной росписи по лессовому грунту (рис. 1- см. цветную вклейку).

Техническое состояние фрагмента мозаики до реставрации

Фрагменты стенок дарохранительницы, выполненный в смешанной технике мозаики и полихромной росписи по лессовому грунту, поступили на реставрацию после предварительной полевой консервации, выполненной в 2004 г. Фрагмент с условным номером 3230 № 16, обнаружен в завале лежащей лицевой поверхностью вниз и был зафиксирован с тыльной стороны профилактической заклеякой из капроновой сетки на 10% полимерной смоле Паралонид Б-72 (реставратор Н.И. Чудновская). Извлеченная из завала мозаика была уложена на хранение в фанерный ящик. Лицевая поверхность фрагмента находилась под слоем лесса, и лессово-песчаных комков, на которых сохранились редкие кусочки мозаичных вставок из белого материала. Мозаичные вставки по периметру фрагмента выкрошились и находились в ящике для хранения в разрозненном состоянии. Часть разрозненных мозаичных вставок, собранных в небольшие пакетики, хранилась рядом с фрагментом. На поверхности мозаики, слева и справа по краям фрагмента лежали кости – фаланги пальцев

кости человека. Они были также частично укреплены профилактической заклеякой с тыльной стороны.

Мозаика представляет собой орнаментальный геометрический узор, составленный из квадратных и прямоугольных кусочков из белого материала. Мелкие детали орнамента, группируясь в определенной последовательности, образуют более крупные композиции из квадратов и ромбов, разделенные между собой прямоугольными горизонтальными и вертикальными вытянутыми полосами орнамента. Сложный узор дополняется цветными вставками красного и черного заполнения поля между орнаментом, дополнительно подчеркивая яркий цвет основного белого материала мозаики.

Описание методики реставрации

Расчистка и укрепление лицевой поверхности мозаики.

Существующие размеры фрагмента стенки дарохранительницы – ширина 85,5, высота – 37 см. В самом начале работы, фрагмент, находящийся в ящике с невысокими краями, был условно разделен на четыре части натянутыми нитками, зафиксированными на рейках, что было сделано для контроля, необходимого в процессе разбора мелких фрагментов мозаики, находящихся в разрозненном состоянии. В таком случае поднятые с поверхности каждого квадрата разрозненные фрагменты мозаики были уложены в отдельные промаркированные поддоны и уже не могли перепутаться. Это

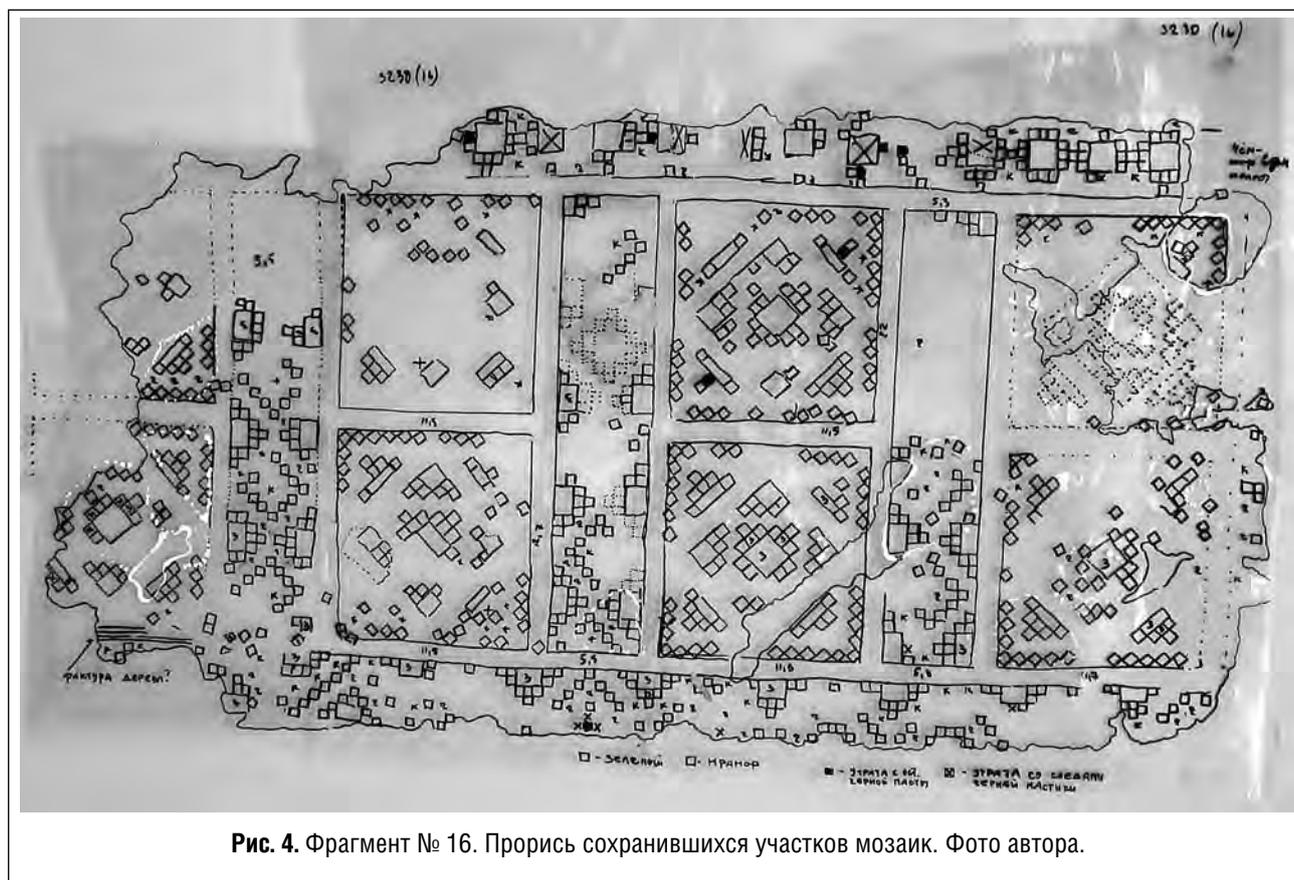

Рис. 4. Фрагмент № 16. Прорись сохранившихся участков мозаик. Фото автора.

очень облегчило дальнейшую работу по расчистке фрагмента и подбору и вклейке выпавших кусочков декора.

Подбор и вклейка мозаичных вставок.

Во время раскрытия лицевой поверхности мозаики от лессовых наслоений было отмечено, что многие мозаичные вставки плохо держаться в своих гнездах и поэтому, в процессе консервации они были подклеены к основе 10% р-ром БМК-5 (в ацетоне).

Хочется остановиться подробнее на таком важном моменте, как подбор разрозненных фрагментов мозаики и установка их на место. Хотя на это требуется немало времени, мне представляется, что это важный момент, т.к. не привнося ничего своего, мы только тщательно подбираем к каждой пустой ячейке свой, индивидуальный кусочек, например, с характерным сколом на тыльной стороне мозаичной вставки. Совмещение фрагмента проводится только с «его» ячейкой, имеющей свое характерное углубление, что очень важно для реконструкции подлинного фрагмента древней мозаики.

Кроме того, мозаичный узор смонтирован из разных материалов (минералов), уло-

женных в определенной последовательности, и это также необходимо учитывать, при подборе разрозненных, выпавших мозаичных фрагментов.

Укрепление красочного слоя полихромного декора.

В процессе расчистки мозаики от лессовых наслоений участки грунта с полихромной росписью укреплялись небольшими фрагментами по мере их открытия. Укрепление проводилось 2,5% р-ром БМК-5 (в ИПС+Ус). В тех местах, где красочный слой был сильно распылен, укрепление его проводилось вместе со слоем лесса на его поверхности. Только затем проводилась дорасчистка. Таким образом, удалось сохранить все фрагменты полихромной росписи декора.

Выравнивание деформированной поверхности основы фрагмента.

В процессе реставрации, тогда, когда уже была раскрыта вся поверхность мозаики, раскрыт и укреплен красочный слой, стало очевидным, что часть изображения в центре фрагмента деформирована и смещена. Центральная часть мозаики, сдвинутая со своего

места, представляет собой локальный участок, видимо выпавший блоком из штукатурного основания и затем зафиксированный профилактической заклейкой в процессе левой консервации.

Для восстановления точной композиции рисунка орнамента предварительно была сделана прорись самого фрагмента и схема реконструкция всей стенки ларца-дарохранительницы. После этого, марлевая профзаклейка фрагмента была подрезана в нескольких местах, и фрагмент, согласно схеме-реконструкции, был установлен на место и зафиксирован на новую марлеву профилактическую заклею.

Замечания о технологии изготовления гонурских мозаик

На основании предварительно выполненных анализов можно представить такую технико-технологическую схему:

- В качестве конструктивной основы был использован деревянный каркас, переплетение реек которого составлял основной геометрический узор данной мозаики. Ширина реек от 13 - 15 мм. С тыльной стороны реставрируемого фрагмента хорошо видно, что основа мозаики разделена на ровные блоки – треугольники и квадраты. Сверху обрешетка была закрыта обмазкой из известково-песчаного раствора (см. приложение). Деревянная основа реек обрешетки давно истлела, но остались следы в виде пустот – это отпечатки структуры дерева в штукатурке основе. В настоящее время состав мастик, которые были использованы в этой системе соединения частей мозаики, уточняется.

- Этот каркас являлся основой ларца-дарохранительницы. Просто коробку внутренних размеров и основательного веса, вряд ли можно было поднять и поставить на нужное место (по произведенным расчетам размер одной из стенок 85 x 35 см). *Мы видим, что сохранность мозаичных композиций для третьего тыс. до н.э. просто уникальна. Скорее всего, это связано не только с прочностью самого изображения, выполненного в мозаичной технике, но и благодаря жесткому каркасу основы.*

- С тыльной стороны фрагмента мозаики, лежащей поверхностью вниз, четко

прослеживались идеально ровные блоки основы, повторяющие схему рисунка мозаики и, перекрывающий эти слои, еще один слой однородной лессовой штукатурки (взяты образцы).

- Исходя из имеющихся данных, можно говорить о том, что одним из этапов создания композиций было выполнение предварительной разметки орнамента по шаблону. Т.е. специально изготовленные шаблоны рисунка укладывались на поверхность и продавливались на еще влажный слой штукатурного грунта основы, образуя на поверхности основную сетку орнамента. Затем в эту сетку укладывались мозаичные вставки. Предварительно сделанные В.Н. Киреевой анализы нижних слоев мастик, на которых лежат образцы, показал, что в качестве связующего использован известково-песчаный раствор.

- Часть вставок в определенной композиционной последовательности клеена на черную мастику, составленную из углеродсодержащего пигмента и смеси смол растительного происхождения (идентифицировать которые не представляется возможным). Выполненные анализы показали, что эта мастика термически обработана, это может говорить о том, что для равномерного смешивания разных смол с пигментом, приготовления рабочей консистенции и придания ей пластических свойств мастику требовалось прогреть (или варить?).

В настоящее время выясняются физико-химические свойства этой мастики. Необходимо понять, выполняет ли эта сложная система технологической подготовки слоев кроме декоративных и какие-то еще практические функции.

- С лицевой поверхности были нанесены слои клеящего соединительного состава мастик, разного, для каждого вида материалов, использованных для составления геометрической композиции мозаики (взяты образцы). *Возможно, здесь были использованы материалы разного состава с разными декоративными характеристиками и соответственно физико-химическими свойствами, которые требовали особых подложек. Не исключено также, что в этом регионе существовала уже сложившаяся технологическая*

традиция, о которой нам пока еще почти ничего не известно.

- Мозаика вклеена и выровнена, плоскости между мозаичными вставками идеально выглажены.

- Нанесена полихромная раскраска орнамента.

Поражает идеально ровная линия полихромной раскраски орнамента, сохранившаяся на границе орнаментальных блоков. Можно предположить, что деревянная часть каркаса с лицевой стороны мозаики, выступала над поверхностью оштукатуренной основы и гипса и выполняла помимо конструктивных еще и декоративные функции.

Замечания специалиста

После перебора многочисленных предположений было решено обратиться за консультацией к профессиональному мозаичисту – Карнаухову Александру Давыдовичу, преподавателю кафедры монументальной живописи Художественного института име-

ни В. Сурикова для уточнения технологических тонкостей изготовления мозаики и подтверждения некоторых наших предположений.

Краткие выводы, сделанные после беседы с А.Д. Карнауховым.

1. В качестве традиционного клеящего вещества использовался асфальт или битум.

2. Мелкие мозаичные вставки укладывались с помощью палочки, смоченной воском.

3. Монтирование мозаики производится прямым способом с использованием методики ячеистой мозаики: предварительно размечаются ячейки, в которые и монтируются мозаичные вставки.

4. Использование черной мастики под некоторыми участками мозаики может нести чисто практические функции защиты: нередко именно мастики препятствуют проникновению влаги в пористый кусочек мозаики.

5. Ячеистый способ нанесения мозаики нивелировался с помощью черной мастики, которая накладывалась в места укладки пористых кусочков мозаики.

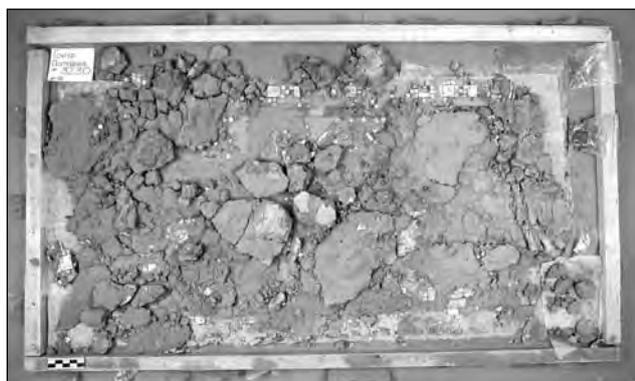

Рис. 2. Общий вид стенки дарохранильницы из погребения 3230 до реставрации. Фрагмент № 16. Фото автора.

Рис. 3. Мозаичная композиция из гробницы 3230. Фрагмент № 16 разделен на квадраты перед расчисткой. Состояние до реставрации. Фото автора.

Мозаичные вставки из гробницы 3915¹

Мозаичные вставки были обнаружены при раскопках царского некрополя (раскоп 8 гробница 3915) в 2009 г. Данное погребение на археологическом объекте является одним из самых ранних и датируется 2250-2300 гг. до н.э.

Мозаичные вставки представляют собой плоские плитки светло-серого цвета, с легким желтоватым оттенком и матовой поверхностью. Форма и размеры плиток стандартизированы, их толщина составляет 6-8 мм, ширина в поперечнике около 8 см. По периферии изделий фиксируются специальные пазы и выступы параболической формы, легко входящие друг в друга, что позволяет собирать композиции заданной площади. По внешнему виду выделяются три основных типа мозаичных вставок: треугольные, ромбовидные и сердцевидные. На лицевой стороне каждой из плиток вырезана рельефная композиция из стилизованных изображений трех (в треугольных и в сердцевидных) или четырех (в ромбовидных) горных вершин. Горы имеют округлые формы с уплощенными вершинами и крутыми склонами. Изображения налегают друг на друга и расположены в шахматном порядке, создавая эффект чешуи (рис. 1- см. цветную вклейку).

Можно привести основные параметры вставок: глубина орнамента 3-4 мм. Ширина проточек возле вершин около 5 мм, у подножий – до 10 мм. Лицевая поверхность тщательно пришлифована. На некоторых участках сохранились фрагменты красящего пигмента блекло-зеленого цвета. Боковая поверхность вставок с

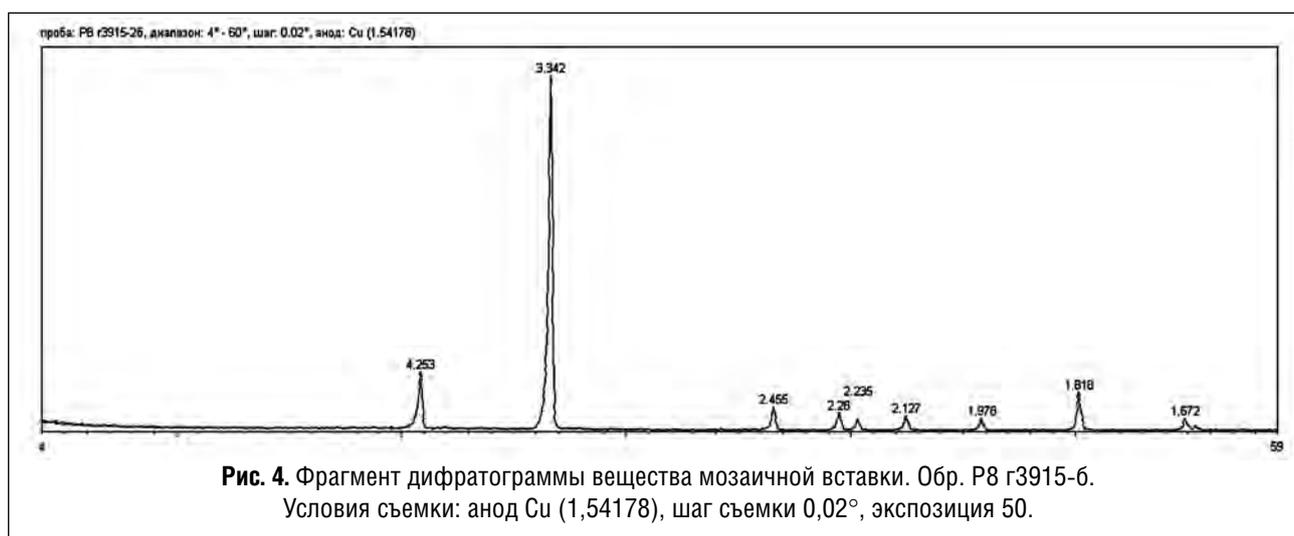
лицевой стороны сточена на полукруг. На ней иногда присутствуют тонкая пленка краски насыщенно-синего цвета (рис. 3).

Обратная сторона мозаичных плиток плоская, ее поверхность ровная, хорошо выведена, со следами грубой шлифовки, которая проявляется в многочисленных бороздах и канавках глубиной до 1 мм, а также серии параллельных царапин, возникших при обработке поверхности абразивом. На реверсной стороне большей части изделий вырезаны специальные знаки, по внешнему виду близкие к буквам «Ө» (4 обр.), «П» (1 шт.) или «□» (1 шт.). Высота знаков варьирует в пределах 8-10 мм.

Плитки изготовлены из материала, не обладающего повышенными прочностными характеристиками и легко поддаются механической обработке. Вещество однородного сложения, микропористое, легкое, с плохой степенью цементации. Оно хорошо прилипает к языку и при растирании пальцами на ощупь дает слабый мыльный эффект. Материал имеет тонко- и скрытозернистую структуру. Текстура однородная. Рентгено-структурный анализ вещества мозаичных вставок показал, что они состоят из α -кварца с средним индексом кристалличности кварца (рис. 4).

Изучение вещества под микроскопом подтвердило, что оно более чем на 95% сложено кварцем. Зерна таблитчатой формы, с острыми краями, имеют преобладающие размеры 10-20 микрон, реже до 50 микрон, расположены хаотично в кремнеземном матриксе (рис. 5 – см. цветную вклейку). В шлифах кварц характеризуется наличием неправиль-

1 Работы проводятся в рамках работы над проектом РФФИ № 10-06-00263а.

ной трещиноватости, вероятно, вызываемой изменениями объема минерала при его переходе в различные политипные модификации кремнезема, связанные с **нагревом** вещества. В отдельных случаях наблюдается полная дезинтеграция зерен (фото 6 – см. цветную вклейку). Крайне редко в материале вставок фиксируются микроскопические органогенные остатки древних одноклеточных организмов (рис. 7 – см. цветную вклейку).

Кроме того, что в минеральных образованиях кремнезема в небольшом количестве обнаружены единичные мелкие зерна карбонатов в виде пятен неправильной либо округлой формы, чешуйчатые выделения серицита, и также незначительные вкрапления рудных минералов, предположительно гематита (фото 8).

Таким образом, судя по минеральному составу и структурно-текстурным особенностям материала, для производства мозаичных плиток в качестве сырья могли быть использованы осадочные горные породы, в которых значительно преобладает кремнистая составляющая. Это подтверждается и наличием в материале вставок реликтовых остатков микроорганизмов. К таким породам в первую очередь относятся опока, диатомит и трепел.

Опока – прочная мелкопористая горная порода, сложенная микрозернистым водным аморфным кремнеземом (опалом) с примесью глины, полевого шпата, глауконита. Содержание кремнезема в опоках достигает до 98%.

Диатомит – лёгкая тонкопористая, рыхлая или сцементированная порода, преимущественно состоящая из опаловых створок диатомовых водорослей или их обломков.

Содержит от 68 до 98% кремнезема. В различных количествах в диатомите встречаются шарики (глобулы) опала. Содержание песчано-алевритового материала в породе не превышает 5-10%.

Трепел – рыхлая или слабо сцементированная, тонкопористая порода, легко растирающаяся между пальцами и мараящаяся как мел. Трепел состоит из мелких сферических опаловых телец (глобул) размером 10-100 микрон, с примесью глинистых минералов, глауконита, кварца и полевых шпатов. От вышеописанных порода отличается малым содержанием органических остатков.

Как видно, в минеральном составе данных пород преобладает кремнезем (опал), в то время как анализируемые мозаичные вставки сложены в основном кварцем. Мономинеральные горные породы, целиком состоящие из неокатанных обломков кварца размером в первые десятки микрон, в природе не встречаются. **Следовательно, материал мозаичных вставок не является природным соединением.** Скорее всего, он был синтезирован в результате термической обработки кремнедержащего сырья. Из многочисленных опытов известно что, при постепенном нагревании на температурном интервале 130-640°C рентгеноаморфный опал обезживается и раскристаллизовывается, а затем преобразуется в кварц. Это подтверждают данные диффрактограмм.

Дальнейшие преобразования минералов группы кремнезема (кварц-тридимит-кристобалит) происходят при температурах фазового перехода и являются обратимыми. При атмосферном давлении кварц остается ста-

бильным до температуры 867°C, тридимит устойчив между 867°C и 1470°C, кристобаллит от 1470°C до точки плавления 1713°C. Каждая из трех вышеперечисленных модификаций имеет свои низко- и высокотемпературные формы (α и β соответственно). Для кварца α - β переход при атмосферном давлении происходит при температуре 573°C, для тридимита 117°C, а высокотемпературный кристобаллит переходит в низкотемпературный между 200 и 268°C. Процессы протекают с большой скоростью ввиду сходства кристаллических решеток модификаций α - и β -форм.

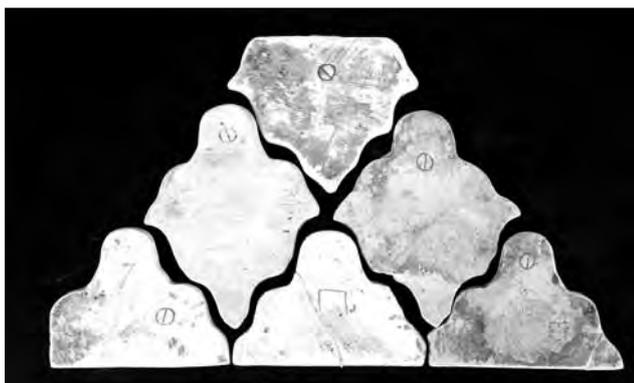

Рис. 2. Обратная плоская сторона мозаичных вставок с затертыми бороздками, царапинами и специальными отметинами древнего мастера.

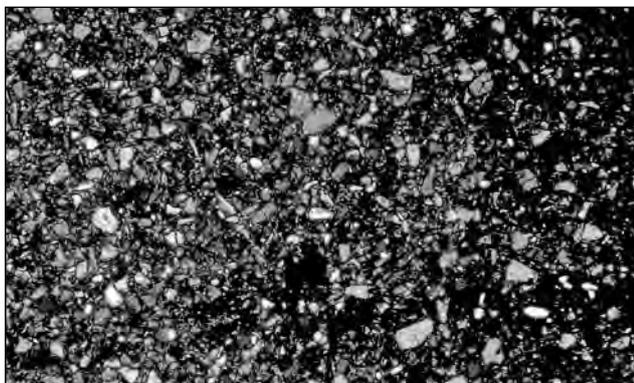

Рис. 5. Вещество мозаичной вставки под микроскопом. Серое с различными оттенками – кварцевые зерна. Проходящий свет. Николи скрещены.

Рис. 6. Следы деформаций в зерне кварца, вызванное термическими преобразованиями среды. Проходящий свет. Николи скрещены.

Полиморфные превращения кремнезема вызывают изменение объема минералов, связанные с перестройкой их кристаллической решетки. Это приводит к деформации и раскрекиванию зерен. В связи с тем, что данные реакции являются обратимыми, при последующем охлаждении изделий в конечном итоге получается α -кварц. Для точного определения методов изготовления представленных к анализу мозаичных вставок необходимы дополнительные исследования как их самих, так и подобных артефактов, найденных на Гонур Деле в других царских гробницах.

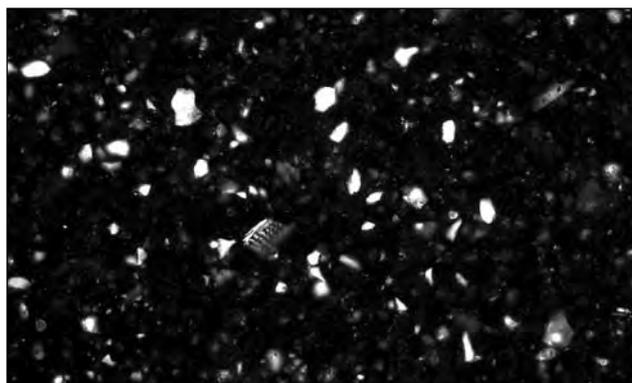

Рис. 7. Фрагменты спикул губок в веществе мозаичных вставках. Проходящий свет. Николи скрещены.

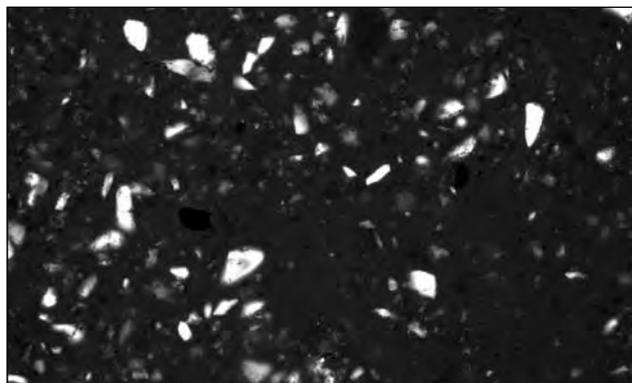

Рис. 8. Округлое зерно карбоната (красновато-коричневое), и рудных минералов (черное) в мозаичной вставке. Проходящий свет. Николи скрещены.

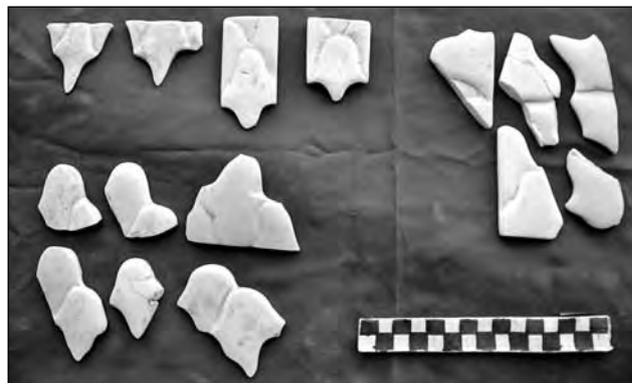

Рис. 9. Другие мозаичные вставки из гробницы 3915.

Результаты исследования состава материалов археологических образцов из раскопок на Гонур Деде

Краткое описание этапов работы

Результаты визуального осмотра. Для анализа 07.04.2010 были представлены следующие образцы:

Гонур 2009

Р8 царский некрополь, гробница 3880. 2300-2250 до н.э.

1. 2 элемента от «гор», красное: 1) основа пластинка – кальцит, вероятно, мрамор; 2) красная роспись – киноварь.

2. 3 фрагмента с глазурью: 3) основа – пластинки силиката; 4) по основе – коричневая глазурь – прозрачный слой с коричневыми трещинами - пластинки силиката с тонким слоем коричневого прозрачного слоя железосодержащего?

3. Гонур09, осень.

Р8 царский некрополь, гробница 3905 (с территории «двора»).

Большая пластинка, с песчаным слоем, локальное бледно-зеленое пятно; 5) Не видно в пп зеленых частиц, Cu^{2+} положительно;

6) на торце – бледно-голубая окраска

Не видно в пп синих частиц, в 5) и 6) - только плоские силикатные частицы. ПП бледно-голубого включения из торца пластинки – силикатные частицы, очень слабая окраска.

1.09.10 Повторная съемка МРС – Si, Ca, Cu сл. Возможно, голубая окраска за счет меди.

Другой пакетик с несколькими пластинками, с более плотными зелеными слоями. 7) Так же, как и в 5 – не видно зеленых частиц, Cl- нет

4. Гонур 09 осень

Р8 царский некрополь, гробница 3915.

Белая основа, зеленый слой – пропитка белой основы, 1) пп – нет отдельных зеленых частиц, основа – силикат; на торце пластинки синий слой; 2) пп – мелкие частицы натурального ультрамарина.

3) Синий пигмент? материал? – натуральный ультрамарин.

5. Гонур 2010 весна

Р 6 пом. 11-19 керамический фрагмент из скопления на глиняной обмазке.

Красно-бурый порошок – красно-коричневый железосодержащий пигмент, на кварце. МРС Fe, Ca, K, Si, Al, Mg.

Методы исследования

- микроскопические (в простом отраженном и проходящем поляризованном свете);
- микрохимический качественный анализ;
- микрорентгеноспектральный анализ (сканирующий электронный микроскоп JSM 5610LV, оснащенный спектрометром INCA(Oxford), анализ выполнен в ИГЕМ РАН, зав. лабораторией кристаллохимии д.г.-м.н. Моховым А.В.

Результаты

Образец № 1.

Гонур 2009. Р8 царский некрополь, гробница 3880 (рис. 1 – см. цветную вклейку). 2300-2250 до н.э.

1. 2 элемента от «гор», красное: 1) основа пластинка – кальцит CaCO_3 – мрамор; 2) красная роспись – киноварь HgS (см. спектр и состав – рис. 1).

Образец № 2.

Гонур 09. Р8 царский некрополь, гробни-

Сводная таблица результатов экспертизы

№ образца	Название образца	Состав основы	Состав пигментов	Методы исследования
1.	Гонур 2009. Гробница 3880. Р 8 царский некрополь, 2 элемента «горы с красным»	кальцит CaCO_3 - мрамор	красный пигмент - киноварь HgS	М, МХА, МРС
2.	Гонур 2009. Гробница 3880. Р8 царский некрополь	силикат	коричневая глазурь - железосодержащее соединение	-«-
3.	Гонур 2009, осень. Р 8 Царский некрополь, Гробница 3905 (с территории «двора»).	силикат, окрашенный в бледно-голубой цвет соединением меди	зеленый пигмент – медьсодержащее соединение	-«-
4.	Гонур 2009, осень. Гробница 3915. Р8 царский некрополь,	силикат	зеленый пигмент - медьсодержащее соединение; синий пигмент на торце пластинки - натуральный ультрамарин	-«-
5.	Гонур 2010, весна Р 6 пом. 11-19 Керамический фрагмент из скопления на глиняной обматке.	кальцит	Красно-бурый порошок - красно-коричневый железосодержащий пигмент, на кварце	-«-

ца 3880 (рис. 2 – см. цветную вклейку).

2. 3 фрагмента в виде пластинок с глазурью: 1) основа пластинки – *силикат*; 2) по основе – *коричневая глазурь* – прозрачный слой с коричневыми трещинами – силикат с тонким слоем коричневого прозрачного слоя, основу которого составляют соединения железа.

Образец № 3.

Гонур 2009, осень. Р8 Царский некрополь, **гробница 3905** (со «двора») (рис. 4 – см. цветную вклейку).

2300-2250 до н.э.

Большая пластинка, с песчаным слоем, имеет локальное *бледно-зеленое пятно*, содержащее медь; точный состав медного соединения установить не представляется возможным из-за отсутствия частиц медного соединения.

Торец пластинки – *бледно-голубого цвета*.

При исследовании методом поляризованной микроскопии не выявлены синие или голубые частицы.

Исследование методом микрорентгеноспектрального анализа, помимо основных элементов Si и Ca, выявило примесное содержание меди Cu (см. спектр и элементный состав пластинки). Поэтому голубая окраска

силикатной пластинки может быть объяснена присутствием меди.

Образец № 4.

Гонур 2009, осень. Р 8 царский некрополь, **гробница 3915**.

2300-2250 до н.э.

Белая основа – силикатный материал, зеленый слой – пропитка белой основы медной солью (см. спектр и элементный состав пластинки и зеленого слоя), как и в предыдущем образце; на торце пластинки остатки синего кристаллического пигмента, который представляет собой мелкие частицы натурального ультрамарина.

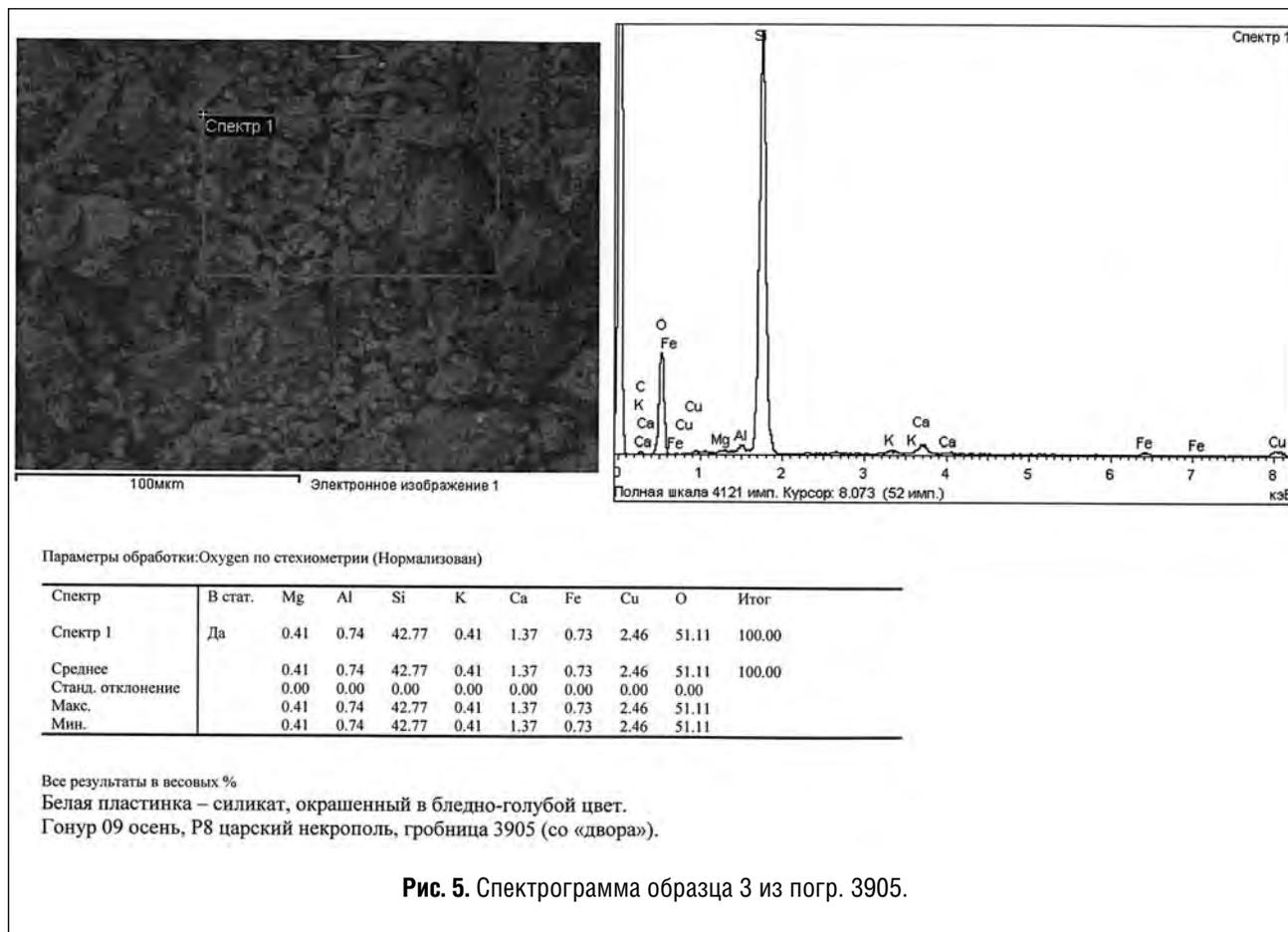
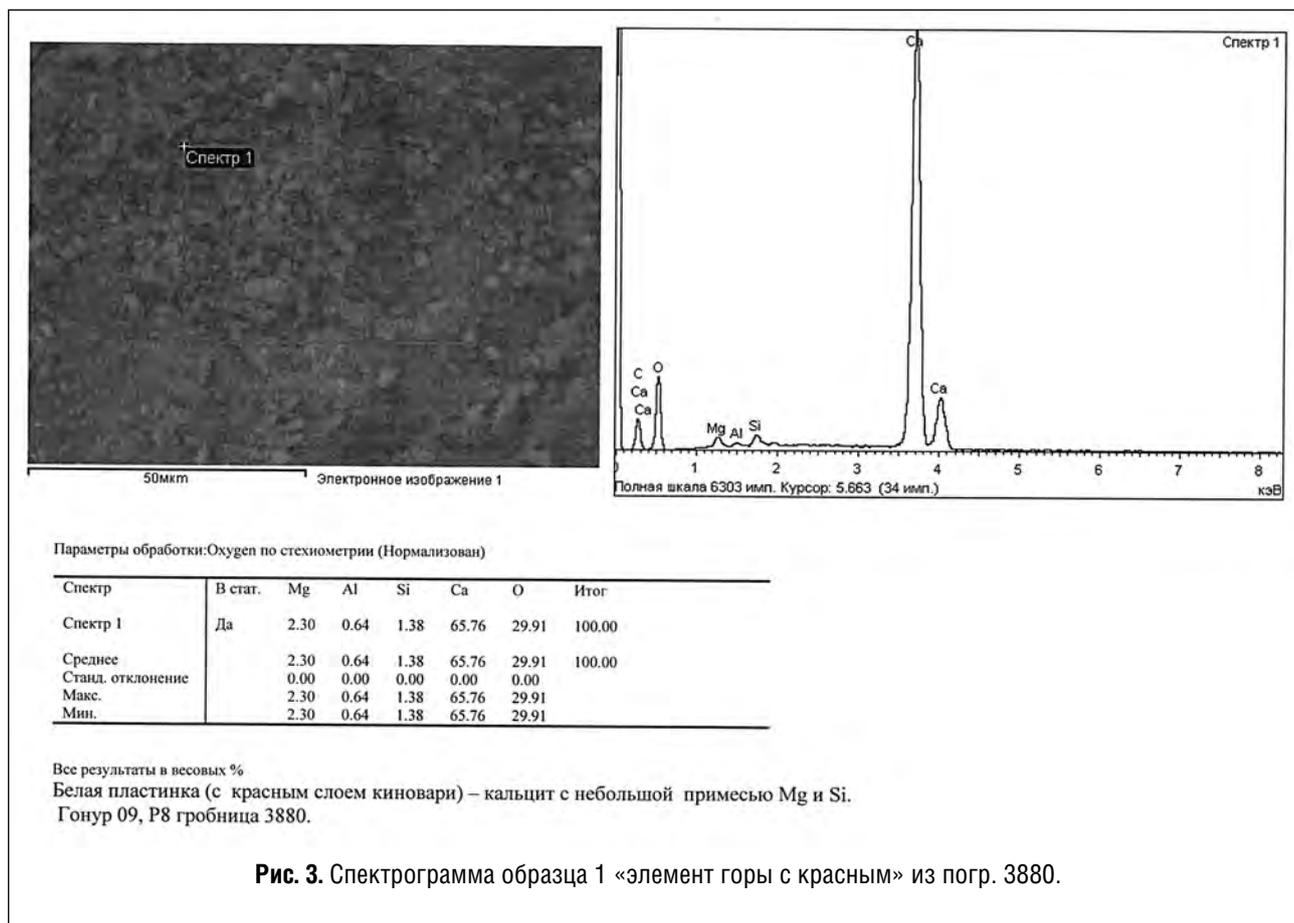
3. *Синий пигмент* – натуральный ультрамарин.

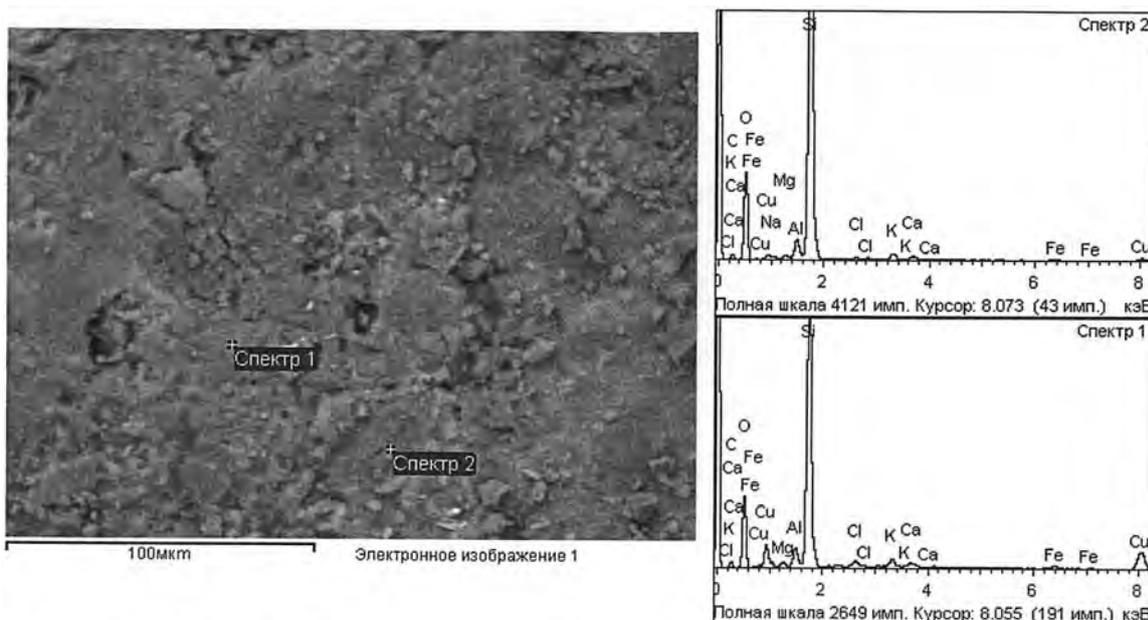
Образец № 5.

Гонур 2010, весна. Р 6 пом. 11-19 **Керамический фрагмент** из скопления на глиняной обматке (рис. 7 – см. цветную вклейку).

Красно-бурый порошок – красно-коричневый железосодержащий пигмент, кварц. Элементный состав красного порошка – Fe, Ca, K, Si, Al, Mg (см. спектр и элементный состав).

8.09.2010

Параметры обработки: Охуген по стехиометрии (Нормализован)

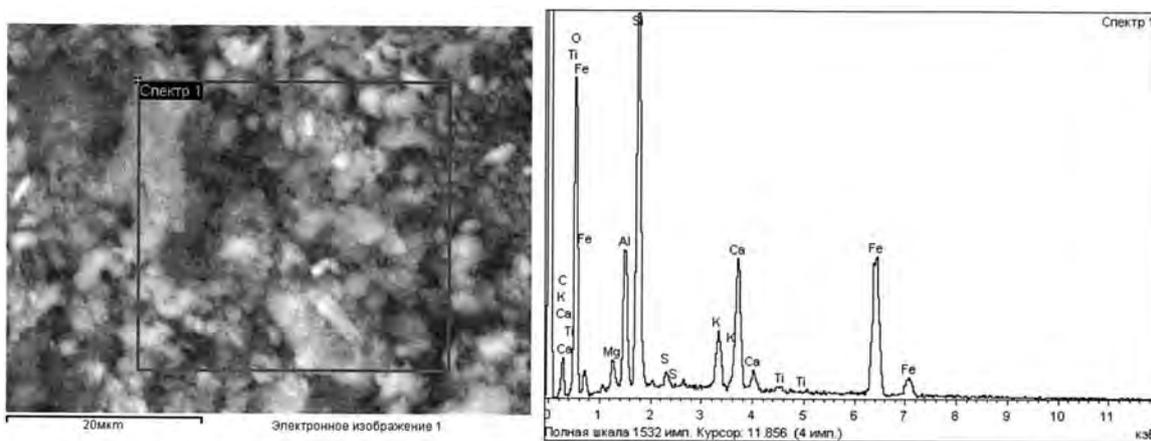
Спектр	В стат.	Na	Mg	Al	Si	Cl	K	Ca	Fe	Cu	O	Итого
Спектр 1	Да		0.83	2.90	35.28	1.07	1.44	0.67	0.79	10.33	46.70	100.00
Спектр 2	Да	0.70	0.52	2.33	41.58	0.29	1.14	0.49	0.53	1.43	50.98	100.00
Макс.		0.70	0.83	2.90	41.58	1.07	1.44	0.67	0.79	10.33	50.98	
Мин.		0.70	0.52	2.33	35.28	0.29	1.14	0.49	0.53	1.43	46.70	

Все результаты в весовых %

На поверхности белой пластинки – зеленый слой (глазурь?), окрашенный соединением меди.

Гонур 09 осень, Р8 царский некрополь, гробница 3915 .

Рис. 6. Спектрограмма образца 4 из царской гробницы 3915 Северного Гонура.

Параметры обработки: Выполнен анализ всех элементов (Нормализован)

Спектр	В стат.	O	Mg	Al	Si	S	K	Ca	Ti	Fe	Итого
Спектр 1	Да	55.00	1.38	5.46	12.49	0.50	2.54	5.90	0.24	16.49	100.00
Среднее		55.00	1.38	5.46	12.49	0.50	2.54	5.90	0.24	16.49	100.00
Станд. отклонение		0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	
Макс.		55.00	1.38	5.46	12.49	0.50	2.54	5.90	0.24	16.49	
Мин.		55.00	1.38	5.46	12.49	0.50	2.54	5.90	0.24	16.49	

Все результаты в весовых %

Гонур-2010 весна Р6. пом.11, керамический фрагмент 19 из скопления на глиняной обзаке – охра с частицами кварца и небольшим количеством карбоната.

Рис. 8. Спектрограмма образца красного пигмента из пом. 11-19 с раскопа 6 Северного Гонура.

ИМЯ ФАЙЛА - "PET-PR.SP"

ОБРАЗЕЦ - 3250

ТИП АНОДА - Cu ЧИСЛО ИНТЕРВАЛОВ - 1 РЕЖИМ - ПОШАГОВЫЙ
 НОМЕР НАЧ.УГОЛ КОН.УГОЛ ШАГ ЭКСПОЗ. СКОРОСТЬ МАКС.ИНТ.
 1 2.000 64.000 0.050 1.00 16 3709

Интенсивность приведенная Вся шкала = 3709

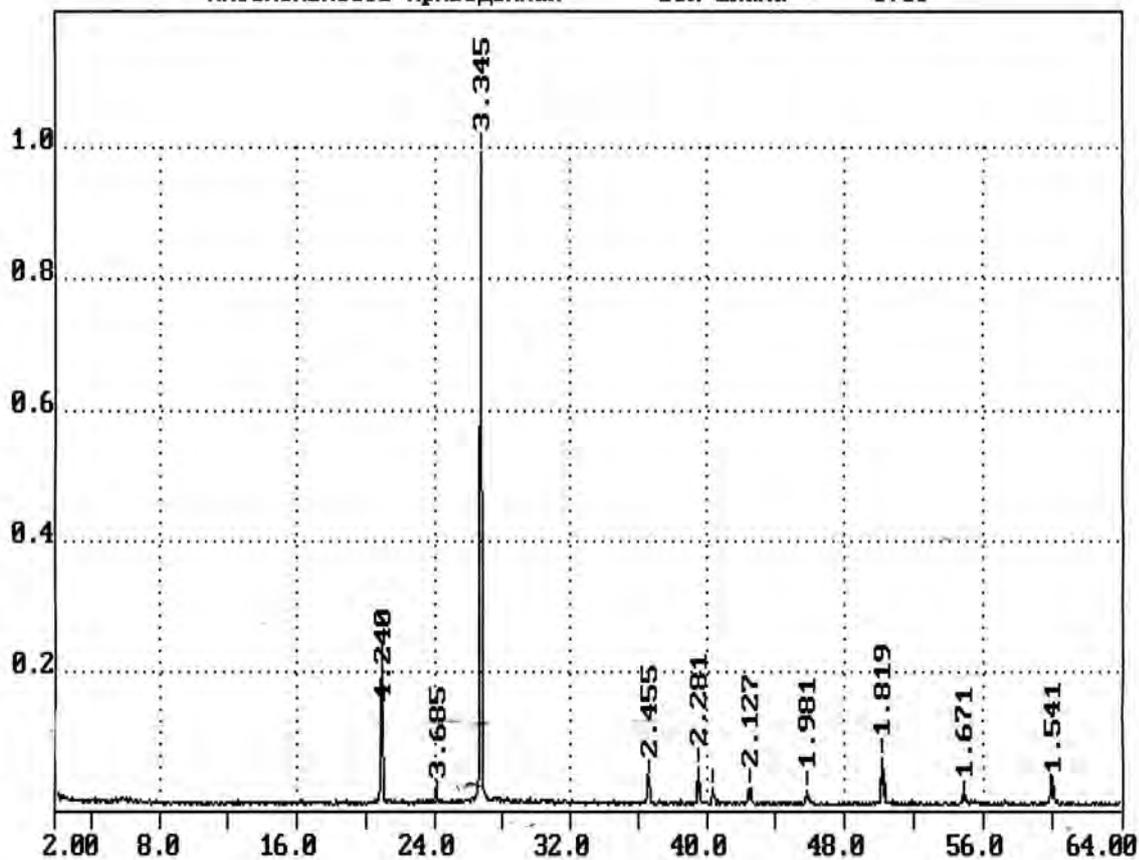

ТАБЛИЦА ПИКОВ СПЕКТРА						
N	2тэта	Площ	Iприв	Полушир	Межпл	%
1	20.95	107	455	0.23	4.240	12.3
2	24.15	31	297	0.10	3.685	8.1
3	26.65	482	3689	0.13	3.345	100.0
4	36.60	33	297	0.11	2.455	8.1
5	39.50	31	297	0.10	2.281	8.1
6	40.30	31	297	0.10	2.238	8.1
7	42.50	31	297	0.10	2.127	8.1
8	45.80	31	297	0.10	1.981	8.1
9	50.15	34	297	0.11	1.819	8.1
10	54.95	31	297	0.10	1.671	8.1
11	60.05	36	297	0.12	1.541	8.1

Рис. 9. Спектрограмма мозаичной вставки из царской гробницы 3250 Северного Гонура, выполненная в ИнГео РАН.

Экспертное заключение по фрагменту мозаичного декора

Ниже приведен перевод на русский язык¹ экспертизы нескольких мелких фрагментов мозаичных вставок, найденных в гробнице № 3210 осенью 2004 г. и переданных для анализа в научных центрах Германии профессору, доктору Ханно Шаумбургу (Hanno Schaumburg) руководителю Координационного Центра «Восточная Европа» Технического университета г. Гамбурга. Благодаря его дружеской помощи и поддержке, эти анализы были проведены немецкими специалистами, за что, авторы книги выражают господину профессору самую искреннюю признательность, сожалея о том, что в виду разнообразных обстоятельств дальнейшее сотрудничество в области применения современных технических методов в археологических раскопках Гонура пока не было продолжено.

Авторы также считают своим долгом поблагодарить ведущего научного сотрудника Геологического института РАН (г. Москва) В.В. Петрову, благодаря любезности которой был проведен спектральный анализ одного фрагмента мозаичной вставки из гробницы 3250.

Материал «Туркменистан»

Проблема: Анализы указывают только состав элемента.

- Полу-количественный анализ дает в итоге (почти 100%) кварца (SiO_2), немного кальция и железа

- Глина или соль (вяжущее средство) не доказаны,

- Органические вяжущие средства не доказаны

SiO_2 , имеет, к сожалению, 8 кристаллических и различных аморфных модификаций (все химически идентичны).

3 варианта получения [данного минерала] были бы возможны в соответствии с полученными спектрами:

1. β -Cristobalit; естественное происхождение, вулканическая горная кварцевая порода (редко).

«слой глазури» состоит из α -Christobalit. Преобразование дополнительным долговременным нагреванием уже при 200°C - 250°C из β -Cristobalit (также конечно, маловероятно)

2. Одна из 8 возможных горных пород кварца нагревалась минимум до 1470°C . Это образует модификацию β -Cristobalit. После охлаждения долговременное нагревание (около 250°C), кристаллизация в α -Cristobalit («слой глазури»)

3. Фритта гальки (египетский фаянс, кварцевая фритта), существует уже с 4 000 г. до Р.Х.

Структура не подходит полностью к изучаемому образцу.

Результаты химического анализа: натрий отсутствует, есть немного кальция,

только в «глазури» присутствуют:
92 - 97% SiO_2 – Окись кремния

¹ Перевод с немецкого языка Н.А. Дубовой

1 - 6% Na_2O – Оксид натрия

2 - 6% CaO – Оксид кальция

Возможные пути получения данного образца:

Измельченный известковый песок смешивается с натуральной содой и водой, что дает пластичную как глина массу.

При подсыхании обогащается на поверхности содой (Na_2CO_3), которая при последующем горении дает в итоге глазурь, внутри которой кристаллы кварца аморфны и уже при 700°C образуют замазывающий натриево-калиевый силикат.

Возможные способы укрепления (консервация) [материала]:

Синтетические смолы (в растворах, никаких дисперсий)

Преимущества:

Хорошо проникает внутрь материала
хорошая прочность
трещины преодолеваются обратимо

Недостатки:

пожелтение
потемнение (Глубокий свет)
блеск едва ли предотвратим
в образец вносится инородное вещество

Сложный эфир кремнекислоты (связь =закрепление поликремнекислоты спиртами)

Химизм:

Сложный эфир кремнекислоты распадается к силикагелю и спирту

Спирт испаряется, кремнекислота действует как неорганическое вяжущее средство

Преимущества:

хорошо проникает внутрь материала
химически идентичный материал
нет никаких изменений цвета
имеет нейтральную реакцию
материал не сохраняет первоначальную пористость
никакого потемнения
никакого пожелтения

Недостатки:

дорого
необратимо
кремнекислота не может сама заполнить тонкие трещины

Водяные силикатные растворы, как сложный эфир кремнекислоты

сильнее все щелочное!
очень хорошее укрепление

4

Проблемы интерпретации древней культуры БМАК

П.М. Кожин

Лепная керамика кочевников развитого бронзового века в Средней Азии

Соотношение степных кочевых и земледельческих культур в засушливом поясе горных массивов и полупустынь Азии постоянно присутствующая в исследованиях проблема. Однако решение ее не закономерно и регионально неоднозначно. Случай с маргианскими оазисами может быть теперь наиболее полно документирован, а потому рассмотрение его полезно, как в плане разбора частной конкретной пограничной ситуации (земледельцы – кочевники), так ради поиска возможных социально-хозяйственных закономерностей.

По поводу среднеазиатских кочевых культур развитого и позднего¹ бронзового века существует уже историографическая традиция относить многие из них к числу ответвлений **андроновской культуры** (Виноградова, 2004. С. 77-101). Наиболее широко связи культур Южной Сибири (афанасьевской, андроновской, карасукской) со среднеазиатскими культурами довелось осознать С.В. Киселеву (1951. С. 59–60, 69 [карта], 103–104 и др.). А ведь это было время, когда в

археологическом материале несистематично лишь проскальзывали *намек* на подобные связи. Разрастание археологических коллекций позволяет по-новому формулировать определение археологической культуры, переходить от чисто **статичных определений** (Брюсов, 1952. С. 20²) и представлений к **динамичным**. Определение культуры должно отражать эволюцию ее во времени и пространстве. Действительно, когда речь заходит о продолжительности существования археологической культуры, о ее возможной активности в течение тысячелетия, а то и более, возникает много методологических проблем, связанных с необходимостью увязать неизбежные изменения в материальной культуре с представлениями о единстве такой культуры. В выборе руководящих признаков археологической культуры должны быть учтены моменты, связанные с природной средой и ее устойчивостью, особенностями структуры, размерами коллективов и организацией власти (управления) в них. Демографические параметры, соотношение *когорт*³, размеры

1 Это условное деление бронзового века на ранний, развитый, поздний, а иногда еще и финальный в последнее время пытаются сделать основой общеэвразийской периодизации, хотя реально такие обозначения пригодны лишь для построения относительно-хронологических шкал в пределах отдельных крупных и стран культур и регионов.

2 Дальнейшие определения восходят к данному здесь, но отбрасывают неумеренные политические славословия.

3 Это условное обозначение, реальное действие которого проявляется лишь на уровне крупных коллективов, связанных со становлением государства. Изначально можно говорить лишь о приблизительном соотношении групп, образованных разными поколениями.

и количество семей, входящих в коллектив – все это обязательно обрело материальное выражение. Цель же археологического исследования правильно интерпретировать, обнаруженные при раскопках материальные остатки и их ситуационные соотношения⁴. Устойчивыми признаками археологической культуры, таким образом, окажутся предметы бытового употребления, связанные с определенным образом жизни населения; предметы коллективного употребления, связанные с управленческими функциями, и особенно с ритуальной коллективной деятельностью. Таковыми же оказываются различного рода производственные, хозяйственные, культовые, бытовые постройки и сооружения. Все это, в совокупности, для определенных этапов исследования формировало картину, позволяющую соотносить археологические материальные данные, относимые к какому-то компактному хронологическому периоду, с этническими, экономическими, социо-культурными, языковыми проявлениями единства на определенном географическом пространстве. Вопрос о языковом единстве при этом оказывается наиболее сложным, т.к. в бесписьменных доисторических культурах отсутствует непосредственная возможность определения языковой принадлежности населения. Очевидно, создание стандартной процедуры определения языковой принадлежности должно опираться в таких ситуациях на **духовную культуру этноса**, который в данный конкретный изучаемый период (эпоху, этап, время) охватывал географический ареал, занятый выявленной археологической культурой. Таким образом, демаркационные моменты в указанной выше процедуре могут быть обозначены следующим образом: археологическая культура (материальная, духовная культура) → этнос (непосредственное взаимодействие человеческих групп, причастных к данной археологической культуре, однородность антропологического типа, практическое, ритуально-магическое, организационно-обрядовое, знаково-культовое воспроизводство материальной и духовной

культуры в устойчиво-однозначном традиционном ключе) → язык (искусство, фольклор, однородные производственные техники, обусловленные непосредственными контактами обучаемых и учителей в процессе профессиональной подготовки, воспроизводство в более поздние периоды материального культурного комплекса в неизменном виде).

С таких позиций, видимо, следует пересмотреть материал андроновских памятников, сделав упор на ареальные различия, устойчиво в них проявляющиеся на фоне определенных общих черт, из числа которых наиболее выразительными оказываются формы андроновской керамики и орнаментация, соответствующая этим формам. Соотношение этих двух параметров находится в сложной и динамичной связи. Именно эта связь позволяет строить типологические линии развития, как форм посуды, так и ее орнаментации (рис. 5). Казалось бы, построение **генетической типологии** (Кожин, 1994⁵) значительно упрощено, благодаря такому памятнику, как Северный Тагискен (Итина, Яблонский, 2001). Однако, переход от андроновской культуры к населению, оставившему этот могильник, был далеко не однолинейным и тем более не прямолинейным. Действительно, большая древность основных территориальных и хронологических групп андроновской культуры по сравнению с Тагискеном – несомненна. Однако памятник, содержащий значительную серию керамических изделий, выполненных на круге, обнаруживает явные связи андроновской культуры (и в ее классических формах, и в дандыбай-бегазинских дериватах) с карасукско-ирменской традицией, с тазабагьябской (м.б. лучше обозначить эту культуру, как кокчинскую, по памятнику Кокча 3). Наличие соответствующей керамики указывает на прямые контакты со среднеазиатскими земледельческими культурами. Применение гончарного круга здесь настолько устойчиво и профессионально, что остается задуматься над тем, как и в каких местностях этот взаимодействующий конгломерат культур

4 Для крупных долговременных поселений – это вопросы, которые должны с возможно большей определенностью решаться в пределах каждого отдельного стратиграфического горизонта.

5 Основное содержание статьи безнадежно загублено «редактурой», выполненной тогдашними «корифеями» кафедры археологии истфака МГУ.

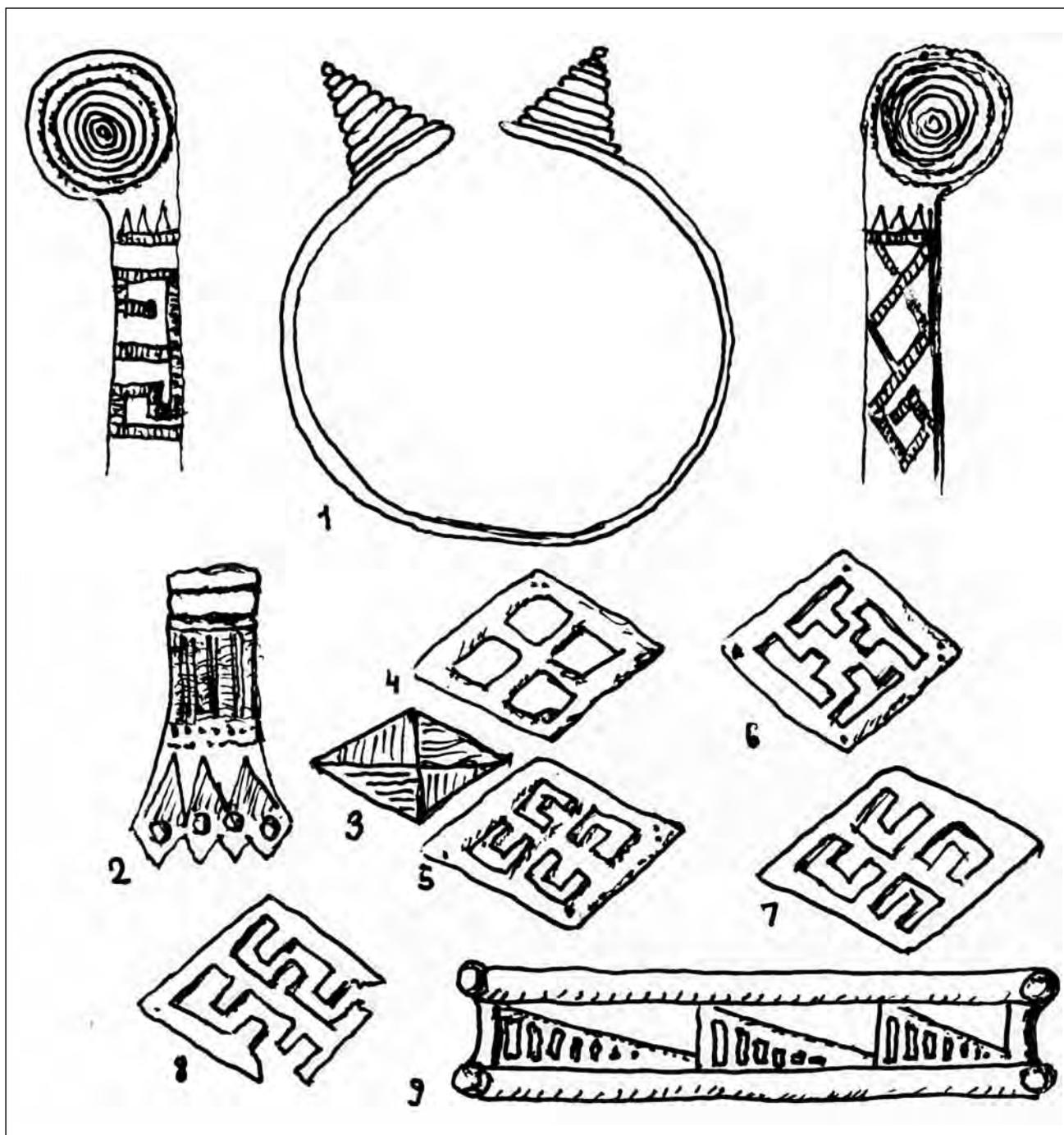

Рис. 5. Знаки и символы андроновской орнаментации на бронзовых украшениях. Приводимые образцы показывают единство орнаментальных традиций в гончарстве и металлообрабатывающем ремесле. Изначальные же схемы андроновской орнаментации естественны для двух разновидностей орнаментов плетенных изделий: посуде плетеной из гибких растительных стеблей на вертикальных основах и таких же сосудов, выполнявшихся на спиральной горизонтальной основе. Плетение и ткачество, появление которых теперь может быть обоснованно отнесено к эпохе позднего палеолита в Старом Свете, внесли огромный вклад в формирование ранней духовной культуры человечества. Именно к этим видам производственной деятельности восходит формирование счетных систем, ранние опыты исчисления **длины и площади**, как и всех видов измерения поверхностей и даже объемов в древнейших культурах (Кожин, 2011. С. 354, 355, 357, прим. 9; Кожин, 1999. С. 228–233. К сожалению, в русском и английском тексте работы имеется несколько весьма досадных опечаток).

1 – мог. Лисаковский, к. 1, мог. 5 (Евдокимов, Усманова, 1990, с. 69); 2,3 – Малый Койтас, Вост. Казахстан; 4-8 – Агаповка II, к.4, погр. 6 (Сальников, 1967, с.269, рис. 39,17); 9 – Черноозерье I, м. 94 (Генинг, Стефанова, 1994, с. 50, рис. 16, 94-1).

стабилизировался и получил окончательное оформление как **традиционное этнокультурное образование**. Только подобный характер объединения мог дать возможность разнородному населению хоронить своих близких в единых, общих для всех этих поселенцев, гробницах.

В отношении андроновской культуры проявляется типичная для всех археологических материалов недостаточность информационных данных (во всяком случае, ни один полноценный вид доисторических материалов не представлен такими количественными объемами, которые позволяли бы, по праву, опираться на статистические показатели), а главное, в большинстве случаев фиксируемых в научных раскопках (прежде всего в раскопках крупных однокультурных кладбищ), не представляется возможным использовать полноценные данные, обеспечивающие обоснованное сочетание при интерпретации таких показателей, как *стратиграфия, планиграфия* комплексов, полные *антропологические определения* (пол, возраст, антропологический тип, наследуемые аномальные особенности костного скелета. Часто наблюдения затрудняет плохая сохранность костного материала), *точный состав функциональных комплексов*. Особенности подлинных *производственных технологий*, применяемых при выполнении форм и орнаментации керамических изделий⁶, к сожалению, до сих пор слабо подготовлены для таких наблюдений. Это

вызвано тем, что разработка проблем доисторического керамического производства была ориентирована в основном на поиски *источников* глиняного сырья (что чаще всего оказывается мало перспективным), на описание *составов керамического теста*⁷. Большое значение придавалось практическому моделированию древних изделий. При этом со времен еще дилетантских опытов В.А. Городцова⁸ в этом направлении, исследователи не считали нужным ориентироваться на те возможности, которые предоставляли подлинные образцы древней керамики, сохранявшие реальные следы керамических технологий⁹. Малую осмысленность исследовательских приемов, используемых при изучении гончарной техники бронзового века, наглядно продемонстрировали заключения большинства специалистов, привлеченных Н.М. Виноградовой для работы с керамическими изделиями из памятников бронзового века Таджикистана¹⁰.

Прежде чем рассматривать особенности керамического материала, важные для понимания места, времени и роли среднеазиатских андронидов (такое определение для культурных проявлений внешне частично напоминающих отдельные черты комплексов андроновской культуры стало уже нормой) в жизни степного населения Средней Азии, напомним ранее разработанную мною формальную схему последовательности распространения андроновских группировок по территории, на которой сейчас выявлен анд-

6 Для памятников до начала железного века никакой материал, кроме керамики, не может быть представлен сериями, образующими ясные типологический ряды.

7 Этим наблюдениям придавалось повышенное значение при установлении керамической хронологии и выявлении локальных вариантов культур, хотя формализовать и ясно изложить методику наблюдений и выводов авторы исследований не смогли.

8 Лучший способ изготовления модели фатьяновского сосуда *на болванке* – техника весьма непопулярная даже в этнографическом гончарстве – обеспечивал исследователю комок из смятых газет.

9 Замысел М.П. Грязнова, связанный с изучением *трасологии*, следов древних производственных приемов, остался практически нереализованным.

10 Характерно при этом, что историография в научных изданиях постепенно приобретает весьма ущербный вид. Авторы стараются дать ссылки на всех «важных», «почтенных», «авторитетных» людей, стараясь не пропустить никого, а далее идут ссылки на «хороших знакомых», кому не повредит и пригодится «повышение индекса цитируемости», а еще ссылки становятся надежным средством для «сведения научных счетов». В остальном, – лучше «не рекламировать лишний раз коллег». Есть еще отсутствие интереса к чужим мнениям, а также элементарное незнание литературы по теме. Все это не украшает многие современные научные издания. За такие особенности современной научной печати приходится приносить благодарность золотому веку торговли и консолидации финансового капитала, Интернету и резкому снижению уровня образования на всех его ступенях, возвышающихся над освоением букваря и, частично, таблицы умножения. Немудрено, если XXI в. станет «веком унижения науки» в противовес XX веку, неумеренно возвысившему ее.

роновский ареал в его конечном **предельном оформлении** (Кожин, 2011. С. 354-356). Такая формулировка вызвана тем, что картографирование ареалов древних памятников – это достаточно сложная методическая задача. Она обусловлена большим числом основных и побочных факторов, которым, в пылу разработки проблем, часто не уделяется достаточного внимания.

Определение культуры начинается с памятника, отличающегося своеобразием, представленного сравнительно обширной коллекцией разнообразного материала, который либо резко отличается от окружающих памятников синхронной эпохи, либо находит в них лишь частичные соответствия и аналогии. Такая ситуация соответствует уровню современной изученности путем полевых изысканий степных и лесостепных территорий ко времени выявления основных крупных региональных культур, таких, как ямная, катакомбная, срубная (Городцов, 1914). Она не изменилась и в 1926 году, когда С.А. Теплоухов разрабатывал свою хронологическую схему соотношений ареальных культур Минусинского края. В нее, естественно, вошла андроновская культура, для которой уже тогда было определено региональное распространение. Один из моих университетских учителей, О.Н. Бадер, в связи с проводившимся мною поиском андроновских орнаментальных сюжетов в среднерусской стоянке Холомонаха, сообщил мне, как общеизвестное, что Теплоухов признавался, что его идея хронологической последовательности минусинских памятников полностью созвучна с хронологической шкалой Городцова. Материалы раскопок были ограничены очень небольшим числом памятников, к которым удавалось присоединить обширный шлейф из случай-

ных находок. Учитывая своеобразие первоначальных находок, начинается (в том числе и при полевых работах) целенаправленный поиск аналогичных материалов, ведущийся при нормальных условиях полевой работы¹¹ как в районе первоначальных находок, так и во все большем отдалении от них. До получения картографической картины, которую можно принять за реальное обозначение крайних внешних параметров такой новой группы памятников (или культуры), конфигурация ареала может неоднократно и значительно изменяться, поэтому доминирующее значение в исследовании будет принадлежать общей качественной оценке выделяемой культуры, а лишь затем, по мере накопления фактов, появляется возможность думать о предельных границах культуры, ее внутренних подразделениях (локальных вариантах) и хронологических этапах. Наконец выявление археологических культур на огромных территориальных массивах, охватывающих целые регионы или отдельные значительные их части, позволяет допускать, что, возможно, на определенной территории в определенный период начинает вырисовываться нечто, что с середины XX века специалисты стали именовать *археологической этнокультурной общностью*. При картографировании такого рода крупных ареалов, подразумевается, что в общность могла входить не одна культура, причем входящие в нее «родственные» культуры¹² не обязательно должны быть неразрывно связаны между собой, но могли терять взаимосвязи на одних этапах, находить их на других, и вновь терять. Причем, если культур в общности было больше двух, они могли объединяться и разобщаться различным образом.¹³ Необходимо считаться и с тем, что «родство» культур определяемое исключи-

11 Приходится считаться с современным административным, политическим и географическим районированием, целями конкретного археологического исследования, мнениями коллег и т.п.

12 Родственными признавались культуры, имевшие сходные материальные предметы. Но в дальнейшем, при повышении значения стадияльной «концепции», «родственными» признавались любые культуры, которые тот или иной исследователь сочтет нужным и возможным сближать друг с другом. Конечно, последнее явление по мере переоценки идей стадияльности понемногу теряло актуальность и сходило на нет. Однако рецидивы случались и были даже неизбежны в случаях, когда какое-то сближение культур приобретало значение в контексте не одной только археологии, а целого ряда гуманитарных дисциплин (истории, этнологии, политологии, лингвистики).

13 Впрочем, это уже положения больше теоретического, чем практического плана. Выявление таких подробностей еще предстоит, а знакомство с ними позволит превратить наши данные о сложных длительно существовавших этнокультурных общностях в подлинную историю бесписьменных народов

тельно по памятникам материальной культуры, лишь условное представление (часто даже научная фикция), если мы имеем дело с памятниками, рассеянными пусть даже крупными группами на территориях гигантских регионов.

Итак, принимая во внимание качественные особенности памятников, доминирующих на отдельных локальных ареалах, я предлагаю следующую последовательность начальных моментов распространения основных вариантов памятников **андроновской общности**. Из мощного центрально-казахстанского и северо-казахстанского ареала (его внутреннее разделение по мере накопления полевых материалов становится все более условным) в широтном направлении начинается распространение **зауральского** (на запад) и **алтайско – минусинского** (на восток) вариантов. Минусинский – среднеенисейский вариант постепенно превращается в устойчивый изолят, вступающий на большей части своего ареала в контакт с **карасукской культурой**. Много более сложным оказалось развитие **Зауральского** варианта, значительные территории которого открыты были для многосторонних воздействий и влияний. В частности, влияние абашевско-баланбашских групп распространяется на андроновские памятники вплоть до Иртыша. Сложные этногенетические контакты связывают зауральских андроновцев со срубной культурой. А в **синташтинско-аркаимском комплексе** угадывается сложный конгломерат смешений, очевидно, вызванных активным освоением горно-рудных богатств и металлургии меди и бронзы, в котором участвовало в той или иной степени все население региона. **Южно-уральский, орско-оренбургский** вариант, по мере накопления материала во все большей степени сближается с зауральским. В **южно-казахстанском** варианте (характерен могильник Тау-Тары с высокими цилиндрическими орнаментальными формами, высокими ножками, имитирующими поддон и орнаментацией, восходящей к видам треугольников и меандров, построенных на прямоугольной сетке) намечается уже достаточно значительное отклонение от «андроновских нормативов». Оно еще более усилено в **тазабагыябских памятниках** (Итина, 1959, с. 5–62),

которые в наибольшей степени сближены с типичными для этого региона керамическими изделиями кочевых культур, различного рода горшками и банками ручной лепки, с более слабым, чем у керамики оседлых земледельцев обжигом (Кожин, 2011, с. 271, 272, 351–358). В данном делении очень высока степень условности, за счет того, что формы и орнаменты керамики представлены большим числом разновидностей, не допускающих пока создание однозначной устойчивой их классификации. Рассматривая регион в целом необходимо добавить, что длительный период существования андроновской культуры связан со значительными внутренними в пределах ареала культуры передвижениями населения, внешними его миграциями и внутренним развитием самих локальных вариантов, население которых к тому же могло вступать в контакты различной длительности (иногда неоднократные) с жителями соседних областей. Доистория Европы, пожалуй, может подтверждать именно такой характер развития в периодах, следующих за первоначальным стабильным заселением.

Стадиальная концепция нанесла тяжелый урон не только большому периоду исследований, но даже и здравому смыслу специалистов. Присущий этому историографическому периоду автохтонизм подсказывал выведение одних местных культур из других, не считаясь с критериями сходства и различия самих изделий. Малейшую же видимость сходства в предметах материальной культуры немедленно признавали *доказательством* однокультурности предметов, но связывали такие сходные предметы с разными периодами (этапами) культуры. Например, достаточно невнятная по хронологическому диапазону и распространению **окуневская культура** до недавнего времени считалась проявлением *раннего этапа андроновской культуры* (Киселев, 1951. С. 73, 74; Кожин, 1971). Малое количество изделий, почти полное отсутствие *археологических* признаков и принципов хронологизации вело к созданию своеобразных логических схем. Отказ от «биологизма» был действенным, в основном, формально. Фактически же, безоговорочно признавалось развитие изделий материальной культуры от простых

форм к сложным, что, в действительности, очень точно соответствовало биологическим принципам, перенесенным в свое время Г. Спенсером из биологии в социальные науки. В биологии, действительно, онтогенез (а шире и филогенез) опирался на внутреннее развитие организмов, совершенствование их адаптации к жизненным условиям; усложнение их структуры, строения; обособление отдельных функций живого организма (Майр, 1947. С. 44, 45, 51, 52 и др.; 1971; 1974. С. 390, 427, 428, 20; 1988. Р. 55, 75–91). В изделиях материальной культуры, как только орудия труда, предметы быта, культуры, техники входили в сферу **систематического производства**, начинали действовать совершенно иные силы и мотивы. В человеческом производстве исходным был аморфный материал (а не заданный воспроизводством изначально биологический вид). Человек обрабатывал этот материал в соответствии с задуманной им самим для определенной серии предметов формой и функцией. Даже в пределах жизни одного человека такая работа была обычно краткой акцией, которая подразумевала достижение уже разработанными самим мастером приемами и средствами определенного логического и технического результата – получение орудия, служащего для исполнения, совершенствования, облегчения и ускорения трудовых процессов¹⁴. Инженерно-технические законы производства подразумевают, что необходимое изделие, прежде всего, должно соответствовать задуманной функции, а затем начинается его качественная доводка. В процессе доработки основным становится упрощение конструкции и сокращение **затрат производственного времени** (Кожин, 1984, 1987, 2007), адаптация орудия к производственным процессам, в которых оно должно применяться, к физическим возможностям человека-мастера, обеспечение долговечности и надежности изделия (материал, конструктивные узлы). Практика применения, использования изделия; усовершенствование производственной техники, стандартизация и перевод произ-

водства на поток, – воздействовали на производимые предметы в направлении их резкого упрощения, как в формах, так и в технике исполнения. Однако, изучение даже небольших серий однофункциональных предметов показывали, что внешние особенности их первоначального технического исполнения (в пределах крупных устойчивых человеческих коллективов) сохранялись в их оформлении, хотя и теряли функциональное и техническое значение. Это и создавало основания для построения **типологии** изделий. Однако, во времена О. Монтелиуса наиболее надежные типолого-хронологические наблюдения могли быть сделаны по материалам, связанным с переходом от каменной индустрии к металлической, либо в редких случаях, когда удавалось проследить стратиграфические соотношения комплексов (Кожин, 1984. С. 201–220). Поэтому идея регулярных типологических изменений, обусловленных развитием техническим, структурным, качественно-количественным внутри этнического производства не могла быть сформулирована в объективно-доказательной форме, и, тем более, внедрена в исследовательскую практику. Это позволяло приравнивать типологию к классификации и, выдумывая *ложные типологические показатели*, не считаться с изменениями, вызванными развитием производственных техник, обусловленным упрощением и стандартизацией нарастающей массовой продукции. Итак, в воображении человек создавал **идеальный тип** (изначально даже **архетип**, чрезмерно совершенный для технического воплощения). Пытаясь воссоздать его в производстве, он воспроизводил его в виде **реального типа**. Эволюция производственной техники (первоначально, отдельных ее приемов) и совершенствования самого производства изменяли в разной степени конфигурацию, свойства и даже функции **конечного продукта** (т.е. **типа изделия**) настолько, что фиксация и измерения многолинейных изменений в конечном продукте могли разрешаться в двух аспектах: либо выявлялся **новый тип в едином ряду типо-**

14 Сравнение такого рода действий с **синергетикой** (ср.: Каганов, 2001. С. 545–546; Аршинов, 2003, С. 918–920), в проявлениях которой, благодаря длительному и бессознательному взаимодействию природных сил, достигается, опять же в рамках природы, какая-то **новая эволюционная прогрессивная ступень**, – представляется абсолютно неправомерным.

логических изменений, либо усовершенствованный (или, просто, резко измененный) конечный продукт включался в **иную типологическую систему** (ср.: Огурцов, 2001. Т. 4. С. 71, 72).

В археологических исследованиях уже давно назрела необходимость выработки общих для этой науки единых терминологических определений. Эти определения должны соответствовать общим логико-понятийным стандартам, присущим всем видам и формам научного и философского творчества, находясь при этом в общих рамках *понятийного аппарата гуманитарных наук* (ср. «теоретические» упражнения Ю.Н. Захарука, Л.С. Клейна, в которых теряется связь с подлинными материалами раскопок, археологическими реалиями, и, тем самым, открывается путь для создания различных отраслей научной фантастики, которые выдают за реконструкции древней духовной и даже материальной культуры¹⁵). Конечно, такие культуры как андроновская представляются благодатным полем для постановки подобных вопросов. Ведь в этой грандиозной по общему территориальному размаху культуре явно ощутимы показатели очень большой ее хронологической протяженности (далеко не одинаковой в разных ареалах), хотя определенные черты и признаки – свидетельства первоначального единства – сохраняются во всех частях ареала. Конечно, имея дело с заведомо периферийными памятниками не следует пытаться решать **все основные проблемы данной культуры** или *базирующейся* на ней же **андроновской культурной общности**. Хотя ареалы этих феноменов не совпадают в принципе, пока затруднительно провести между ними отчетливые демаркационные линии: слишком велики в этом вопросе расхождения во взглядах разных исследователей! Даже признавая приоритетное значение реального археологического материала по сравнению с мнениями отдельных исследователей, значение последних не следует преуменьшать.

Итак, ограничив свою задачу, сформулирую основные показатели, важные для определения культурной принадлежности тех памятников кочевых народов Средней Азии периода бронзового века, которые исследователи по тем или иным показателям связывают с андроновской культурой. Кроме самих форм сосудов (имеются в виду горшковидные формы, т.к. «банки» с вертикальными стенками обычно имеют мало выразительный орнамент) – это их геометрическая прямолинейно-угловатая, горизонтально-зональная орнаментация.

В пределах основного андроновского ареала обычная орнаментальная система состоит из нескольких горизонтальных зон (рис. 1-3). Основные зоны расположены на шейке и плечиках горшков. Часто представлена зона, опоясывающая придонную часть. Зоны в верхней части необходимо рассматривать в связи с особенностями формы самого горшка. Как показывают многочисленные образцы керамических изделий, разделение зон связано с структурным оформлением при изготовлении самого горла и плечиков сосудов. А именно: ниже венчика располагается лента, которая может выделять снизу небольшой валик и в пределах этой ленты помещается горизонтальная орнаментальная композиция. В свою очередь под валиком находится следующая лента, которая снизу завершается уступом, формирующим верх тулова сосуда. На этой ленте, в свою очередь, находится орнаментальная композиция, а более сложная композиция обычно расположена на верхней части стенок тулова сосуда. Эти три орнаментально-структурные зоны типичны для андроновской керамики всего ареала. Однако, заполнение этих зон на «нарядных» горшках далеко не однообразно. Кроме того, очень часто вторая сверху зона в западных районах культуры остается пустой. Однако, просматривая большие серии керамики, можно видеть, как на целом ряде форм такое естественное деление орнамента на структурные

15 Ярким примером такой фантастики представляется попытка приравнять материалы групп «замкнутых комплексов» (не буду повторять здесь свои соображения о точном переводе определения *geschlossene Funde*. Суть остается понятна – это наборы предметов, помещенных в землю, часто даже по определенным правилам, людьми, которые использовали эти артефакты в своей повседневной жизни) к «стилистическим связям», «областям», «периодам» и тому подобным фикциям, сконструированным современными исследователями (Клейн, 1970. С. 49).

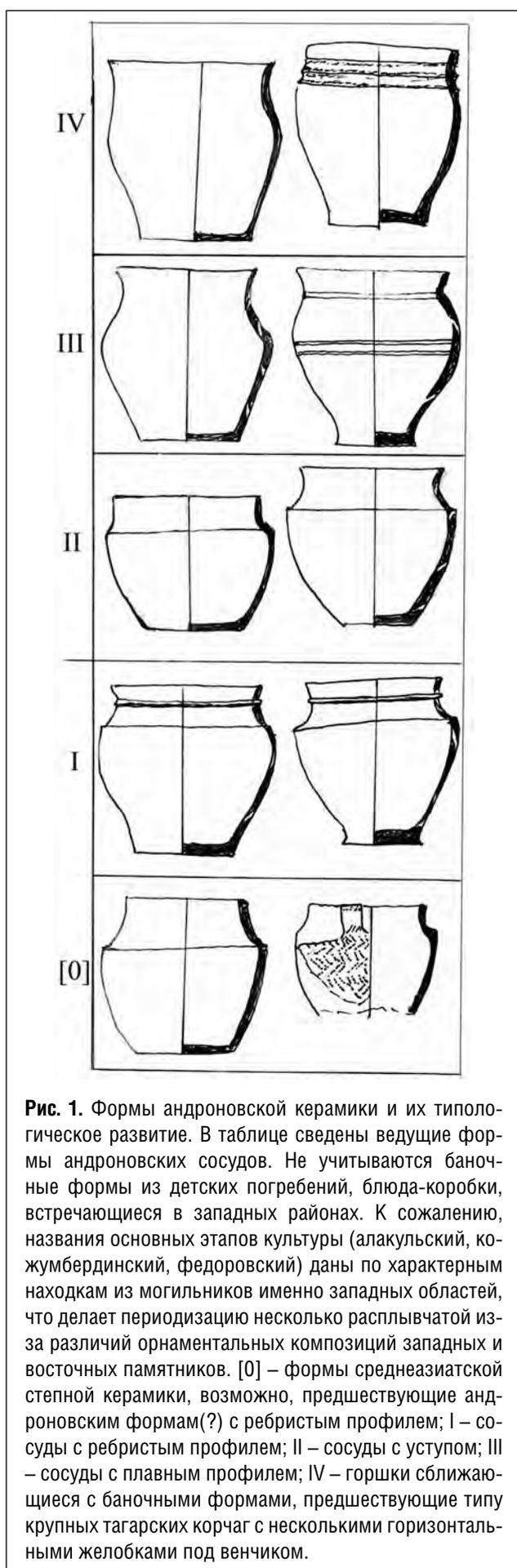

Рис. 1. Формы андроновской керамики и их типологическое развитие. В таблице сведены ведущие формы андроновских сосудов. Не учитываются баночные формы из детских погребений, блюда-коробки, встречающиеся в западных районах. К сожалению, названия основных этапов культуры (алакульский, кожумбердинский, федоровский) даны по характерным находкам из могильников именно западных областей, что делает периодизацию несколько расплывчатой из-за различий орнаментальных композиций западных и восточных памятников. [0] – формы среднеазиатской степной керамики, возможно, предшествующие андроновским формам(?) с ребристым профилем; I – сосуды с ребристым профилем; II – сосуды с уступом; III – сосуды с плавным профилем; IV – горшки сближающиеся с баночными формами, предшествующие типу крупных тагарских корчаг с несколькими горизонтальными желобками под венчиком.

зоны сменяется чисто орнаментальным оформлением, когда структурные деления заменяются орнаментальными разделителями. Эти разделители могут быть выполнены либо несколькими рядами сплошных горизонтальных оттисков гребенчатого штампа либо такими же оттисками, окруженными сверху и снизу рядами треугольных оттисков, выполнявшихся обычно концом штампа, либо разделители выполняются узкими неглубокими каннелюрами, иногда одиночными, иногда сдвоенными. Порою такие каннелюры могут заполнять зону целиком. Верхняя (первая) зона чаще всего заполняется различного вида треугольниками. Третья зона сверху тулова может состоять из нескольких орнаментальных элементов. Сверху может быть проведена полоса из нескольких рядов оттисков зубчатого штампа, иногда обрамленного треугольными вдавлениями, а ниже их начинаются либо горизонтальные ряды треугольников, либо горизонтальные ряды угловатого зигзага, либо этот зигзаг, выполненный однократно, сопровождается подвешенными к нему различными меандровыми фигурами разной степени сложности. Этих фигур обычно на сосудах оказывается не менее пяти-шести, иногда их даже больше. Они могут быть подчеркнуты в свою очередь зигзагом, охватывающим их довольно плотно снизу, который дополняется рядами треугольников, одной из сторон опирающихся на этот орнаментальный гребенчатый зигзаг и образующими как бы ступенчатую конструкцию из шести и более выступов, опоясывающую сосуд по окружности. В придонной части обычно проходит ряд треугольников, хотя в западных районах, чаще всего в северном Казахстане, эти треугольники могут заменяться рядом «шагающей гребенки». Итак, мы имеем сходные орнаментальные композиции, из которых одни соответствуют конструктивной структуре сосуда, а другие – обтекают его плавные формы, следуя за сглаженными вертикальными изгибами профиля.

Собственно, наличие этих двух разновидностей соотношения орнаментации и тектоники сосуда могут быть использованы в качестве типологических показателей, территориальных и хронологических изменений, происходящих в производственной

технике данной культуры. Естественно, что типологический ряд здесь начинается с орнамента, соответствующей структурной тектонике сосудов. То есть именно той серии керамики, которую первоначально считали позднейшей, а позже определили как более древнюю (Кривцова-Гракова, 1947. С. 147-

164). Мнение о принадлежности сосуда с уступом к позднему этапу зиждилось на чисто абстрактном соображении о саморазвитии вещей от простых форм к сложным. Такого рода представление, как уже указывалось, позаимствованное из наблюдений над биологическим саморазвитием видов, при

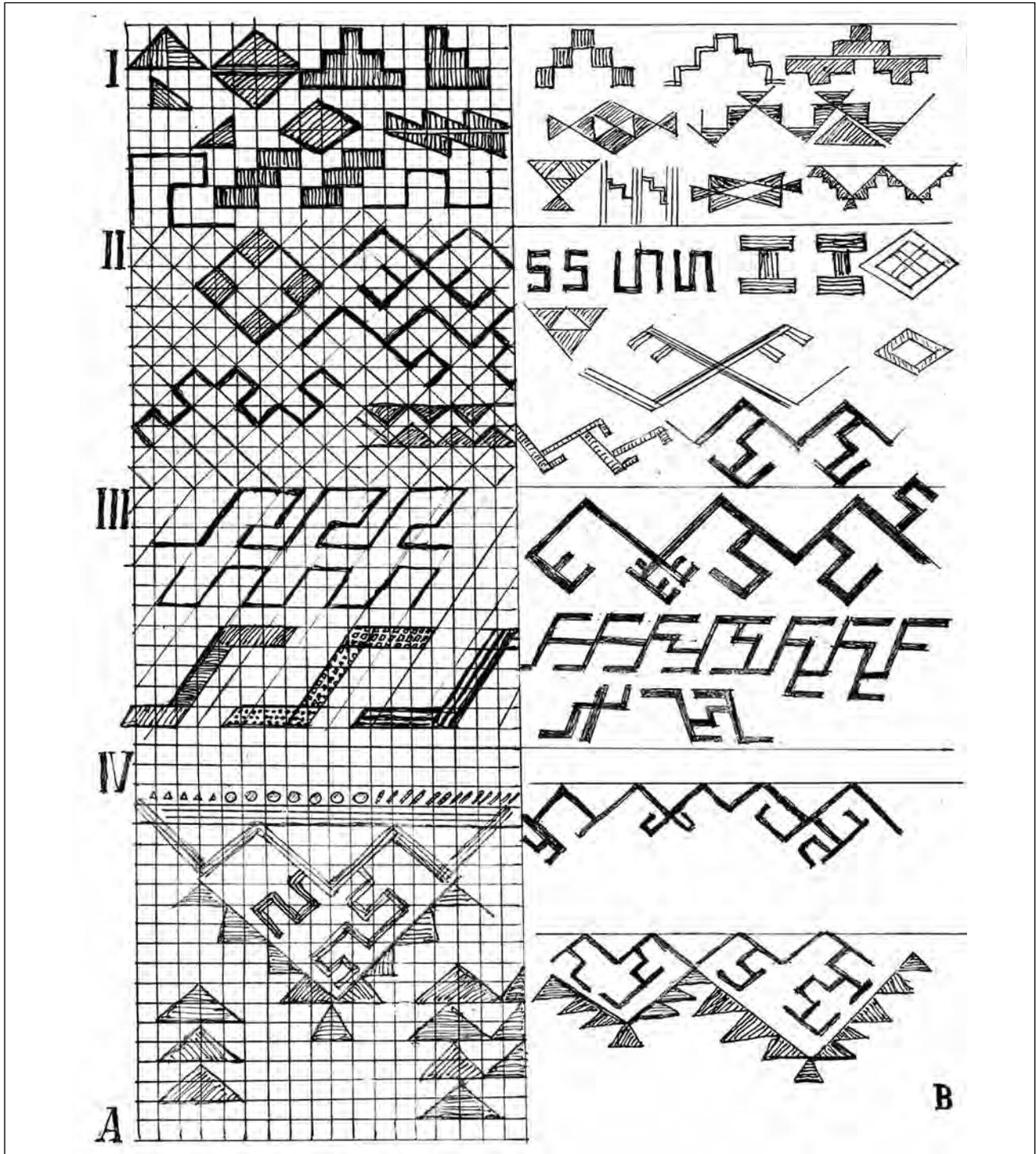

Рис. 2. Андроновская керамика. Построение и оформление орнаментов. Разновидности базовых сеток. Не привожу здесь реальные образцы сеток, обнаруженных на каменных стенках могильных ящиков из могильника Сухое озеро I, кург. 462 и 617 (Максименков, 1978. С. 29, 144), а передаю только основные стандартизованные разновидности их начертаний, подчеркивающие такие исходные элементы, как ромб, различные треугольники и горизонтальный зигзаг, на которых основано все многообразие форм и построений андроновской орнаментации.

Рис. 3. Некоторые обычные андроновские орнаментальные схемы. Представлена случайная выборка основных форм и орнаментов посуды из разновременных андроновских могильников из разных пунктов ареала культуры. 1 – Бугулы I, Центральный Казахстан; 2 – Боровое, С. Казахстан; 3,5 – Алакуль, Челябинская обл.; 4 – Иссык-куль; 6–8 – Тасты-Бутақ, 3. Казахстан; 9 – Алтын-Тюбе, Центральный Казахстан.

небольших объемах материала и отсутствии стратиграфических данных, было вполне естественным именно для подобной абстрактной схемы. Однако, производство керамики с помощью ручной лепки и формовки – это достаточно устойчивый процесс, связанный с изготовлением емкостей разного размера (высоты и ширины) путем формирования этих емкостей из набора глиняных лент, которые наращиваются ярусами друг на друга. Иногда такие ленты заменяются длинными жгутами круглого сечения диаметром от 1 до 2 см, которые навиваются друг на друга спирально. Существуют и другие разновидности техники, в частности, увеличение объема керамической емкости формовкой, выполняемой наковальней и лопаткой (Кожин, 1989. С. 54–70).

Значительно реже сосуды могут лепиться либо на болванке, просто обволакиванием ее пластинами глины. Конечно, так лепится только часть расширяющегося тулова, иначе основа сосуда не может быть отделена от болванки, либо внутри какой-то емкости, на стенки которой накладываются аналогичные пластины глины. Однако, выполненную на болванке или в емкости часть сосуда не удается обычно надежно скрепить с верхней частью сосуда, включающей плечики и горловину горшка. Такая техника обычно связывается

с моментами, когда гончары, в силу каких-то особых причин, чаще всего в связи с резким ростом популяции потребителей, вынуждены многократно увеличивать количество производимой продукции (за счет количества происходит потеря качества и такая ситуация обычно долго не длится). За стадией лепки следует стадия формовки, когда сосуду придаются формы и структура, которые изделие будут отличать до момента его разрушения. Упоминая о «разрушении», я имею в виду именно случаи лепки керамики на «болванке»: у таких сосудов при консервации в погребениях часто расслаиваются стенки на переходе от шейки-горла к тулову. Именно данная техника делает эту часть сосуда особенно хрупкой. В ряде случаев формовка и лепка могут перемежаться. Слепленная основа сосуда может быть отформована, а потом дополнена новыми фазами лепки.

Все это очень важно именно для сложных структурных форм, в которых уже даже при поверхностном взгляде видны эти самые фазы обработки глины. Чем более стандартной становится процедура изготовления сосудов, тем меньше в этой процедуре различных фаз. Человек стремится в своем ремесле возможно больше упростить сам процесс изготовления и в отношении работы и в отношении времени, которые для этой работы требуются.

Упрощение достигается за счет уменьшения количества процедур и техники их выполнения. Конечно, во всех ситуациях ручная лепка неизбежно связана с определенным количеством процедур, что отличает ее от лепки и формовки на кругу, то есть от обработки глины путем давления на вращающуюся основу емкости. Именно этим давлением достигается и специфика формы, и уменьшение количества структурных частей емкости (Кожин, 2010. С. 180–195)¹⁶. Впрочем, это уменьшение количества структурных частей может достигаться и просто вследствие длительного периода во многих поколениях ремесленного изготовления одних и тех же изделий, отличающихся одними и теми же формами. Чем изделия более позднего времени, тем больше они сглаживаются и обретают плавные формы, скрывающие структурные переходы. Именно такая ситуация и создается в области изготовления андроновских горшков.

Итак, определив основные разновидности андроновской керамики, можно кратко сформулировать ее отличия от основной массы среднеазиатской кочевнической керамики, которую различные исследователи пытаются сблизить с андроновскими разновидностями настолько, что начинают видеть в среднеазиатских подобиюх прямые свидетельства стойкого распространения андроновских этнических групп в Среднюю Азию.

Конечно, все эти технические моменты приближают понемногу создание точной астрономической хронологии андроновских памятников¹⁷. Но прежде необходимо рассмотреть те разновидности кочевнической керамики, которые встречены на памятниках БМАК и соседящих с ними культур (рис. 4). Следует отметить, что сближение

Рис. 4. Схемы образцов степной керамики Гонур-Депе. Номера рисунков соответствуют номерам образцов. 2а – это схема всей сохранившейся орнаментации на сосуде, из которого взят образец 2.

с андроновской керамикой идет по линии сходства определенных видов орнаментов (треугольники, некоторые виды меандров). Формы сосудов, их размеры, чаще выявляют значительные различия. Типичные андроновские горшковидные формы здесь не доминируют. Даже в самой Кокче 3 они больше напоминают срубные горшки с перегибом профиля в верхней трети высоты (часто эти сосуды не орнаментированы. Для эпохи бронзы – это прямой показатель каких-то нарушений традиции). Многие сосуды имеют скорее шаровидное тулово с невысокой шейкой над ним. Меандры – крайне редки. Нечетко соблюдается зональность, которая всегда стойко выдержана на типичной андроновской керамике. Нарушения в горшковидных формах проявляются уже в

16 Подчеркивая значение «емкости», я тем самым возражаю против оценки реальных серий сосудов как выражения каких-то абстрактных геометрических идей, которые изначально вкладывали будто бы в свою работу гончары. Перед ними стояла практическая задача: выполнить именно емкость для помещения в нее того или иного объема жидкого или сыпучего содержимого, необходимого для пропитания определенного количества людей. Глиняные стенки сосуда это всего лишь внешнее оформление соответствующей емкости. Идеи же о геометрии емкостей возникли у ученых и философов древности при наблюдениях над бытовыми реальными изделиями.

17 Я не говорю о радиоуглеродных датировках не потому, что по какой-то прихоти не хочу с ними считаться, а потому, что до сих пор не создано ни одного последовательного и серьезного пособия, в котором обоснованно и равноправно, используя профессиональные знания и здравый смысл, представители археологической науки и специалисты точных наук могли бы сформулировать приемлемые для обеих групп ученых установки, стратегию и фактологию применения метода С14.

ожно-казахстанском могильнике Тау-Тары. На поселении Павловка близ Кокчетавы обнаруживаются сосуды типичные для среднеазиатских земледельческих памятников (Кожин, 2010. С. 192). Для могильника Дандыбай органичной становится форма кубка на поддоне, абсолютно типичная для поздней бронзовой культуры аграрной Средней Азии (Грязнов, 1952. С. 137, 138). Правда в Казахстане вся эта керамика, близко сходная с материалами Северного Тагискена, выполнена исключительно ручной лепкой. Это позволяет констатировать определенное движение среднеазиатских групп населения на север. Но это не становится типичным явлением. Опасаюсь, что и обратное движение, прямые выходы андроновских групп в зону земледельческих оазисов той же Туркмении, вряд ли было особенно активным. Скорее, кочевники издавна освоили северные периферийные районы БМАК, но их активность пресекалась, пока местные земледельческие центры были сильны, многочисленны и были способны контролировать все пространство своих границ. По мере упадка аграрных оазисных культур, пастухи начинали сбиваться в мощные летучие отряды, которые не только все активнее беспокоили (попросту грабили!) земледельцев, но и старались приблизить границы своего расселения к земледельческим центрам, чтобы внимательнее

следить за их упадком и более мобильно использовать всякую возможность грабежа¹⁸.

По уровню развития этих «международных связей» их можно сравнивать с политической центрально-азиатских гуннов (сюнну) по отношению к северокитайским княжествам эпохи *Чжаньго* (Борющихся царств), а затем и Циньской и Ханьской империям Китая (Кожин, 2011. С. 252-261). Аналогичные и более близкие к нашему времени ситуации (кстати, значительно лучше документированные) сложились в период до перехода в резервации во взаимоотношениях северо-американских кочевых индейцев – навахов, шошонов и др., и жителей стационарных земледельческих поселений (пуэбло) на Юго-Западе США. Но отказываясь от расхожей теории андроновского давления на земледельческий регион, становится необходимым, хотя бы предварительно, готовить ответ на вопрос о происхождении, составе и распространении среднеазиатского кочевого населения эпохи энеолита и бронзы (их смешанный антропологический состав констатируют давно, его подтверждают и соответствующие публикации в настоящем сборнике).

Самый существенный вопрос в этой связи – это выявление характерных памятников среднеазиатских кочевников. Хотелось бы начать с описания новейших открытий, но большинство таких памятников не отличает-

18 Геродот, III, 98: «Большое количество ... золота добывают вот каким способом. На востоке Индийской земли есть песчаная пустыня...». III, 102: «Другие индийские племена, напротив, обитают вблизи области Пактики и ее главного города Каспатира (современный Пешавер, согласно определению переводчика – С. 568. – П.К.) севернее прочих индийцев. По своему образу жизни они приближаются к бактрийцам. Это самое воинственное из индийских племен, и они уже умеют добывать золото. В их земле есть песчаная пустыня...». А в ней живут крупные муравьи, которые роют норы, выбрасывая из них золотиносный песок. «...За ним-то индийцы и отправляются в пустыню. Для этого каждый запрягает в *ярмо* (? – курсив мой. К сожалению, не могу проверить по оригиналу текст, ибо ярмо в такой запряжке не требуется, а **должны быть оглобли** – П.К.) трех верблюдов, по бокам – верблюдов-самцов, которые бегут рядом как пристяжные, а в середине самку-верблюдицу. На нее они и садятся, выбирая преимущественно спокойную, которая только что ожеребилась. Их верблюды быстротой не уступают коням, а помимо того могут нести гораздо более тяжелые вьюки». III, 104: «В такой верблюжьей упряжке индийцы отправляются за золотом...» 105. «Когда индийцы приедут на место с мешками, то наполняют их золотым песком и затем как можно скорее возвращаются домой...». Их преследуют муравьи, которые крайне опасны. «Так вот, верблюдов – самцов (те ведь бегут медленнее самок и скорее устают) они отвязывают в пути и оставляют муравьям (сначала одного, потом другого). Самки же, вспоминая оставленных дома жеребят, бегут без устали. Таким-то образом индийцы, по словам персов, добывают большую часть золота...». Если отбросить мифологические стороны сюжета – это первое упоминание об оглобелной запряжке верблюдов, полностью соответствующее археологическим данным и возможным реконструкциям гонурских запряжек с учетом, в частности, скульптурных моделей повозок из памятников Маргианы. Мифологические моменты сюжета, сами по себе свидетельства его давней и заинтересованной разработки. Память о временах БМАК вполне могла сохраниться в историко-культурном сознании местного населения в течение всего лишь тысячи лет!

ся богатством материала, в них слабо проявляются особенности кочевой среды. Значительные находки сделаны в окрестностях Гонура на малых поселениях и отдельных могильниках, отмечающих конечный этап доживания городской культуры БМАК (Hiebert, Moore, 2004. P. 294-302; Cattani, 2004. P. 303-315; Lombardo, 2004. P. 391-404; Tosi, Cerasetti, 2010. P. 89-103) Наиболее крупный из таких памятников – могильник Бустан 6 в Таджикистане пока не опубликован монографически (см.: Avanesova, 1997. S. 145-178). Приходится ориентироваться на отдельные особо характерные находки. К сожалению, мнения авторов далеко не всегда ответственны. Характерный пример – это указание на два «андрононских черепка», обнаруженных в раскопе 2 могильника у кишлака Гелот (Виноградова и др., 2010. С. 392, 393, рис. 3, 3, 4). На одном сохранилась часть треугольника, выполненного мелким зубчатым штампом, а на другом фрагмент горизонтального зигзага, состоящий из четырех наклонных оттисков гладкого штампа. Этот черепок (кажется, очень небольшая часть горловины сосуда) безосновательно, но решительно, ориентирован на рисунке так, что определенно не мог принадлежать андрононовскому сосуду. Подобные мелкие фрагменты, опубликованные М. Този и Б. Черазетти (Tosi, Cerasetti, 2010. P. 95) с разных поселений, хотя и орнаментированы вертикальным зигзагом, треугольниками и ромбами с внутренней штриховкой не могут быть уверенно отнесены к андрононовской культуре, так как большинство форм сосудов, которые могут быть реконструированы по этим черепкам, к андрононовской культуре отношения не имеют. Тоже можно сказать о черепках с памятника Тахирбай 3, с фотографиями которых меня ознакомила Н.А. Дубова, о находках из окрестностей Гонура, опубликованных Ф. Хибертом и Мур (Hiebert, Moore, 2004. P. 297, 299). Единс-

твенный определенно западно-андрононовский сосуд, обнаруженный в могиле Тахирбай 3, опубликован М. Каттани (Cattani, 2004. P. 308). Его особенности, начиная с горшководной формы с плавным профилем (то, что принято называть «федоровским типом» и даже у некоторых исследователей встречается обозначение «федоровская культура»), отсутствием орнамента во второй горизонтальной зоне, меандровой композицией из лент, выполненных отрезками из двух параллельных линий, пространство между которыми заполнено частой поперечной штриховкой,¹⁹ полностью соответствуют «западно-андрононовскому стандарту». Единственная специфическая особенность орнаментации – это крупные треугольнички, образующие ряды, служащие разделителями зон. Обычно эти фигурки, выполнявшиеся нажимом уголкам гребенчатого штампа на орнаментируемую поверхность, отличаются более мелкими размерами и более небрежным исполнением.

Публикация погребального комплекса из Зардча-Халифа (Бобомуллоев, 1999. С. 307-313) и материалов двух случайно обнаруженных могил из Сазаганского староречья (Аванесова, 2010. С. 337-359) в некотором роде создают новую ситуацию в исследованиях кочевых культур Средней Азии. В последнем памятнике среди большого числа типичных гончарных сосудов, встречены лепные сосуды, по одному в каждом захоронении, которые автор исследования сравнивает с полтавкинскими, опираясь на мнение Н.К. Качаловой. Однако, вопрос о единообразии и возможности выявления специфической полтавкинской керамики, остается столь же проблематичным, как атрибуция сибирской окуневской посуды. Особенно, в условиях находок сосудов вне ареалов соответствующих культур. Конечно, сравнимые с сазаганскими псалии найдены в Потаповском могильнике, но многие керамические формы и их орна-

19 Горизонтальный зигзаг – один из основных структурообразующих элементов зонального андрононовского (также как абашевского, фаянзовско-балановского и т.п.) орнаментов обычно исполняется в три параллельные линии гребенчатого или гладкого штампа (или нарезок). Однако, во всем поясе культур от Верхнего и Среднего Поволжья до Тобола сравнительно широко представлены ленты с поперечной штриховкой. Вероятнее всего, их внедрение связано с атли-касинской культурой Среднего Поволжья и Суры. Преувеличенное значение, которое придается «уточкам» (Z), обусловлено той особой ролью, которую они играют в орнаментах неолитического и более позднего времени лесной полосы Евразии. Орнаменты андрононовского типа строятся исключительно на зигзаговых лентах и цепочках ромбов и треугольников.

менты скорее напоминают деградировавшие виды аркаимско-синташтинской посуды, чем полтавкинской. Впрочем, к такому выводу склоняется и сама Н.А. Аванесова (2010. С. 343). Дополнительным обоснованием такого подхода могут стать найденные в мог. 1 мелкие бляшки (Аванесова, 2010. С. 344, рис. 2, 4, 5) и находка в мог. 82 Сапаллитепа наконечника стрелы с имитацией сухожильной шнуровки на нем в месте прикрепления «лопастей наконечника стрелы к древку» (Аванесова, 2010. С. 355; рис. 4, 5, 6; ср.: Синташта, 1992. С. 322; рис. 186, 1-6; С. 302; рис. 171, 3). Эти находки, похоже, связывают местную земледельческую популяцию с местными же древнейшими кочевниками. Достаточно неотчетлива позиция Ю.Г. Кутимова (1999) в отношении культурной принадлежности среднеазиатских памятников эпохи бронзы. В.М. Массон (1999. С. 271), приведя несколько традиционных, уже устойчивых андроновских параллелей, определенно не готов к всестороннему обсуждению культурной принадлежности среднеазиатских степных памятников и переводит проблематику в рассмотрение гибридных земледельческо-скотоводческих форм культуры, а затем обращается к весьма туманным языковедческим соображениям. В работе 1999 г. (С. 272) он еще называет «псалиями» костяные предметы из могилы в Зардча-Халифа, которые позднее «определил» как пряслица. Примеры степной керамики, в основном не соответствующей андроновским стандартам, приводит Н.А. Аванесова из могильника Бустан VI (Аванесова, 2010. С. 108, 109, 112, 113. Здесь наиболее близки к андроновской ornamentации фрагменты на рис. 1, 9; 2, 4; 3, 7).

В последние десятилетия резко активизировалось исследование древнего конского снаряжения. После немногочисленных работ А. Можолитч, основанных на европейских, преимущественно венгерских материалах, исчерпывающую сводку по уздечкам, точнее даже «псалиям» эпохи бронзы и начала раннего железа, выполнил К.Ф. Смирнов (1961 г.). Он же придал своим наблюдениям ошибочную направленность, связав исследуемые находки исключительно со «всадничеством». Дальше такое мнение осталось априорно преобладающим. Тут приходится уточнять само

понятие «всадничества». Это, естественно, не фиксация момента, когда человек впервые сел на лошадь верхом и эпизодически совершал конные прогулки. В действительности, – это время массового освоения конной езды, изобретения и использования специального снаряжения для *управления* верховым конем и способов прочной *посадки* на нем, разработки приемов продолжительной езды на лошадях и полного подчинения лошади всаднику. Характерно, что использование кавалерийского организованного строя (а не конской *лавы*) появляются вслед за началом использования ассирийцами форейторов при управлении тяжелыми колесницами. При этом начинает применяться стандартная и надежная сбруя, хотя полноценный конный строй становится возможным лишь после начала использования *подков, строгих удил и седла со стремянами*. Определенно, только в воображении Г. Косины (G. Kossinna) могли существовать те вооруженные боевыми каменными топорами конные орды, которые, ликуя, мчались из Европы на Восток. Почему-то подобные идеи вновь стали входить в моду (Человек ..., 2010а. Т.1. С. 39; ср. оговорки на С. 41, 42).

Интерес к «конной» тематике на какое-то время значительно ослабел. Специалисты ограничивались выводами, связанными, даже не с самой конструкцией узды коня, а с вопросом об используемых в этой узде псалиях, то есть приспособлениях, прежде всего, ограничивающих подвижность удил в пасти лошади. В уздечках эпохи бронзы псалии имели значение конструктивной детали. Эти псалии, по наблюдениям конца XIX и первой половины XX в. разделялись на металлические бронзовые и многочисленные костяные разновидности. Костяные формы распадались на две основных группы – это были столбчатые псалии (то есть обычно прямые или изогнутые круглые в сечении стержни); либо – пластинчатые, в том числе и «желобчатые», которые, в свою очередь, могли иметь кружковые формы, либо сложные фигурные формы; либо же это были прямоугольные удлиненные пластины с центральным отверстием для удил (рис. 6). Однако положение с изучением псалиев резко изменилось, благодаря активизации

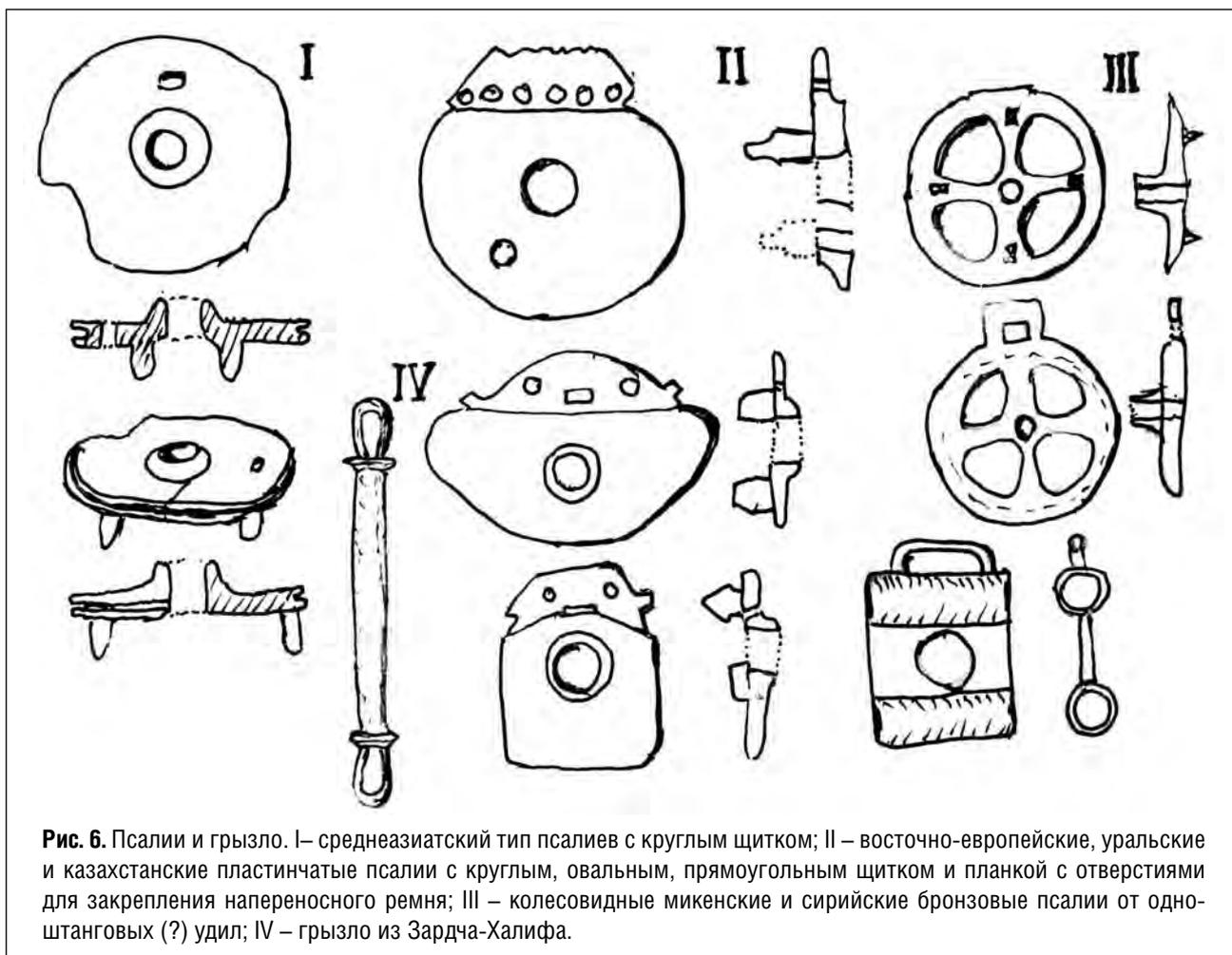

Рис. 6. Псалии и грызло. I – среднеазиатский тип псалиев с круглым щитком; II – восточно-европейские, уральские и казахстанские пластинчатые псалии с круглым, овальным, прямоугольным щитком и планкой с отверстиями для закрепления напереносного ремня; III – колесовидные микенские и сирийские бронзовые псалии от одноштанговых (?) удила; IV – грызло из Зардча-Халифа.

деятельности одной из выдающихся специалистов по изучению конской выездки и конных транспортных средств Мери Э. Литтауэр и затем быстрому нарастанию находок реальных костяных псалиев в памятниках эпохи бронзы Поволжья, Подонья, Зауралья и Казахстана (Пряхин, Беседин, 1998; Penner, 2004 и др.). Количество находок в 1970-е годы росло настолько быстро, что появилась возможность картографирования зон распространения определенных уздечных наборов²⁰.

Широкий круг наблюдений позволяет говорить о том, что наиболее вероятный путь развития конской узды – это появление ее в областях раннего и достаточно глубокого освоения металла, и естественно подозревать, что первые сложные и надежные образцы уздечных наборов были снабжены псалиями, и

даже грызлами, выполненными из металла. Однако, идея прямого движения от простых форм к сложным и здесь нашла свое яркое выражение. Много внимания было уделено псалию с поселения Баланбаш. Это монолитное изделие, в котором шипы являются нераздельной частью «тела» псалия, стало восприниматься как естественная *первоначальная* форма псалия. Исследователи не задумались над тем, что естественные формы, пригодные для исполнения такого предмета, в природе крайне редки. Использование такой формы как архетипической основы для изготовления, точнее даже воплощения первоначального замысла псалия – попросту невероятно. Ее могли выбрать только имея перед глазами реальный образец. Причем, наиболее яркое подобие этой форме выражено в *цельнолитом металлическом псалии*.

20 Собственно под этим названием приходится понимать в основном различия, связанные с формой и способом использования псалиев, реже – появлялась возможность верифицировать реконструкции, полученные на основании этих находок, с помощью различных изображений узды в памятниках древнего искусства (Китай, Месопотамия, Ближний Восток, Греция).

Это, конечно, вовсе не означает, что в качестве исходной формы могла быть использована пластина, в которую были вмонтированы отдельно вырезанные шипы, но, главное, что в костяном или деревянном вариантах псаля монолит с шипами не мог выступать в качестве устойчивого *прототипа* такого изделия. По вопросу о древнейших грызлах можно отметить существование их в двух разновидностях. Одна из них – это штанговые удила, то есть удила в виде круглого стержня, который помещался в пасть лошади, занимая пространство в беззубой части челюсти. Вторая – двухсоставные удила, то есть удила, имевшие две подвижно соединенных части, которые также вставлялись в пасть лошади, но несколько иначе воздействовали на нее (не стану повторяться: наиболее полно эта тема рассмотрена М.А. Литтауэр, 1969).

Исследования конской упряжи и предметов конского снаряжения стало постоянной рабочей темой лишь в последние пятьдесят лет. Притом, что материал этот не слишком распространен, и, к тому же, далеко не повсеместно встречается, находки такого рода являются редкостью, а потому интерпретация их крайне затруднена. Затруднения здесь восходят к двух моментам – во-первых, многими исследователями до сих пор находки конского снаряжения воспринимается как остатки сбруи верхового коня. Во-вторых, даже если обнаруживается, что тот или иной случай находки конских скелетов со сбруей свидетельствует о захоронении упряжных лошадей, а часто и вместе с ними находились (но не всегда сохраняются при раскопках) останки самих деревянных повозок, идея о массовом использовании лошади под верх неуклонно брезжит в сознании историков древности. Соотношение лошадей и повозок, способ упряжки лошадей в конную колесницу, а тем более – способ управления лошадьми остаются для исследователей, не знакомых с практикой конской езды чаще всего полностью непонятными. В частности, не думаю, что «лошадиные фантазии на русско-украинские темы», исполненные Д. Энтони, сделавшие ему имя в археологии, принесли пользу этой последней (Horse, 2000. Vol. 2. P. 273-279). В частности, один из крупнейших советских палеозоологов В.И. Цалкин, консультируя меня

по вопросам, связанным со следами будто бы оставляемыми железными удилами на боковых поверхностях зубов лошадей, указал, что такие следы не могут быть значительными и четко диагностируемыми по причине быстрого роста самих этих зубов. Энтони же *хотел видеть* на этих зубах *четкие следы мягких удил*. Поэтому большинство исследователей, наших современников, знакомых с автомобилем значительно лучше, чем с лошадью, стараются ограничить необходимую интерпретацию немногими наиболее выразительными или лучше им знакомыми деталями. Наиболее выразительной деталью, естественно, являются конские псалии. Практически, очень мало известно относительно конструкций самих уздечек. Из-за этого, в частности, далеко не достоверно определяется положение самих псалий по отношению к скелету головы лошади. Часто это положение является произвольной реконструкцией, что очень характерно, в частности, для китайских образцов Иньского времени и раннего Чжоу. Естественно, у кавалерийской лошади практически никогда не удастся определить положение ремней, таких, как шлея и повод. Само собой до скифского времени, когда на уздечке монтируется достаточно много металлических деталей, отмечавших перекрестья ремней и присоединение повода и пр., об экипировке кавалерийских лошадей, известно крайне мало. Но надо учесть и то, что не так активно были распространены кавалерийские лошади в эпохи, предшествующие 6–5 вв. до н. э. в евразийских степях. Все основное стандартное снаряжение лошадей до этого времени остается для современных ученых загадкой.

Как иллюстрацию растерянности исследователей уместно привести здесь описание комплекса гробницы Зардча–Халифа, выполненное в *последней* (увы!) обобщающей работе. В.М. Массона. Итак: «...это была крупная могильная яма, возможно, имевшая ... каменную обкладку. Рядом со скорченным костяком, ориентированным головой на северо-запад, располагался скелет барана. В состав погребального инвентаря входили 32 предмета, в том числе три сосуда, сделанные на гончарном круге и явно принадлежащие к числу артефактов урбанистической культуры Сапалли, золотые и бронзовые украше-

ния, включая стержень с навершием в виде фигуры лошади. Булавки и стержни с подобными зооморфными навершиями хорошо известны в урбанизированных культурах юга, но изображения лошади там отсутствуют, ...[появление их, видимо, указывает] на степные связи. Подтверждением этого является находка шести костяных пряслиц, идентичных находимым в степных могильниках типа Синташты и относящихся к первой трети II тыс. до н.э. Богатство инвентаря явно указывает, что перед нами представитель древней элиты, возможно степного происхождения, но уже в значительной мере ассимилированный южными культурными традициями, что нашло отражение и в изготовлении стержня с навершием в виде лошади..., подобно тому как греческие торевты выпускали продукцию, отвечающую запросам скифской знати» (Массон, 2006, с. 93).

В этом описании совершенно неожиданны некоторые заключения. Это, во-первых, то, что профессионал столь высокого класса будто бы не знает, что упомянутые им «костяные пряслица» – лошадиные псалии, пусть и плохой сохранности. Тем более, что в упомянутых им южно-уральских аналогиях их находили прямо на лошадиных мордах. Это когда-то такие предметы именовали «костяными столиками». Последнее сомнение в атрибуции их в качестве псалиев выразили, как это не странно, лучшие европейские специалисты в области изучения древнейшей конской сбруи и упряжи – М.Э. Литтауэр и Й. Крауэл. Они приняли их за шайбы на навершиях шлемов. Все дело было в том, что, изучая аналогичные изделия, выполненные из слоновой кости, обнаруженные в одной из «шахтовых могил» в Микенах они обнаружили в центральных отверстиях этих дисковидных псалиев следы каких-то органических нитей, обернутых металлическими листками. Исследователи не поняли, что это был повод уздечки (скорее, вожжей), переходящий в мягкие удила. Обертывать последние металлическим листком, очевидно, стали для

того, чтобы предохранить их от быстрого разрушения в пасти лошади под действием слюны и касаний лошадиных зубов. Хотя удила продевались через беззубую часть лошадиной челюсти, они могли соприкасаться с зубами и даже зажимались ими. Характерно, что многие ранние удила из гальштаттских комплексов изготовлялись из скрученных пучков проволоки (некое подобие представлено в: Hüttel, 1981, Tf. 22, 23, NN 239, 250, 243–245²¹). Отчасти они имитировали сухожильные, волосяные, кожаные уздечки, но в большей мере отражали технические возможности мелкого ремесленного производства, где изделия гнутые или скрученные из проволоки могли заменять литые образцы. При этом, во-вторых, В.М. Массон «не заметил» в составе инвентаря могилы явное удильное грызло. Это – металлический стержень круглого поперечного сечения, с расширениями на концах, имитирующими шайбы. На них извне опираются массивные петли, в которых закрепляли концы кожаных вожжей²².

Конечно, рассмотренная В.М. Массоном могила вызывает массу вопросов, но не стоит забывать, что это фактически случайная находка, где даже нет уверенности в количестве обнаруженных поврежденных псалиев. Кроме того, они явно не предназначены для соединения с указанными металлическими удилами. В этом легко убедится каждый, кто обратит внимание на чрезмерно короткие петли, предназначенные для закрепления поводьев узды или вожжей. К тому же и псалии на них одеты быть не могут. Если именно эти обстоятельства смущали В.М. Массона, то жаль, что он об этом не написал прямо.

Столь же ненадежны данные о двух разрушенных могилах, обнаруженных также на Зеравшане. В одной из них представлена пара псалиев, в другой – булавка с навершием в виде скульптуры барана. Среди сопровождающей керамики, типичной для земледельческих культур, встречены два сосуда своеобразного облика – это лепные горшки с уступчатым плечом, но невысокой шейкой.

21 Благодарю С.В. Кузьминых за возможность пользоваться этим изданием. Сожалею, что не могу сослаться на: Potratz, 1966. Издание более авторитетное и характеризующее в традиционном обстоятельном стиле более обширный регион.

22 Конечно, у оголтелых сторонников раннего появления регулярной строевой конницы появляется желание говорить о поводьях узды, но эти «мечты о коннице» ничем не оправданы.

В связи с ними возникает необходимость продолжить рассмотрение андроновской керамики в несколько ином плане. Здесь нужно отметить очень сложную ситуацию с датировкой не только андронидных, но и андроновских комплексов, а главное, недостаточное внимание к типологии обнаруживаемого в них инвентаря. Впрочем, в этом плане существуют трудности особого рода, ибо даже автохтонные культуры в начале своего развития бывают представлены очень малым количеством ранних предметов и комплексов. Если же речь идет о пришлой культуре, то такие находки могут и отсутствовать.

Таким образом, исходной для всего андроновского ареала керамической формой следует признать горшки с расширенным в средней части туловом, уступом при переходе к горлу и горизонтальным ребром на горле, отмечающим соединение двух лент. Судя по преобладающим образцам, у этих сосудов было широкое плоское дно. Иногда снаружи оно бывает слабо вогнутым. Вероятно, его лепили на черепке от боковой стенки разбитого сосуда. Привлекает внимание то обстоятельство, что в западных районах культуры в орнаментации бывает пробел. Он регулярно встречается на второй сверху зоне орнамента. Иногда, в более восточных памятниках, такой пробел появляется на верхней – венчиковой – зоне орнамента. Регулярность таких особенностей орнаментальных композиций требует объяснений. Обычное объяснение, принятое в археологических трудах основано на этнографических данных, а именно, – орнамент отражает какие-то особенности социальной и родственной структуры населения. Обоснование такой интерпретации далеко не всегда бывает полноценным, что позволяет кое-кому сомневаться в ней. Здесь необходимо вновь обратиться к вопросам построения, стандартных видов, структур и поэлементного состава андроновской орнаментации (Кожин, 1995, с. 73-78).

До сих пор я особо отмечал различие *сеток* (рис. 2), использовавшихся для построения орнамента, но имея дело с **крайне длительной культурной традицией** следует также принимать во внимание и соединение общепринятых орнаментальных приемов и появление новых, таких как *прочес*, т.е. вол-

нистое прочерчивание орнамента по сырой глине гребнем с несколькими зубьями. Но главным изначальным различием орнаментации оказывается то, что при использовании *вертикально-горизонтальной сетки* основу орнамента составляли разные фигуры: равнобедренные треугольники и ступенчатые пирамиды с широким основанием; прямоугольные фигуры, одна из боковых сторон которых состояла из трех ступенек, а другая была вертикальной; горизонтальный зигзаг в виде широкой ленты, часто составленной из мелких прямоугольников. Внутренняя штриховка соседних прямоугольников была взаимно перпендикулярна. П-образный меандр часто украшает стенки сосудов. Применение сетки, в которой горизонтальная линейность сочеталась с наклонной поперечной штриховкой, делает, более разнообразным набор треугольников в горизонтальных рядах, в том числе и остроугольных. Разнообразны косые меандры и крупные треугольники в нижней зоне (на тулове). Последние изнутри расчленены сложными извилами меандров, повторяющихся в каждом из них (меандры могут отличаться друг от друга). Разнообразны оказываются и мелкие разделители зон. К тому же все эти показатели могут иметь локальную специфику и в сочетаниях создавать очень многообразные композиции. Их обычно не фиксируют специалисты, ибо опираются на разбор поэлементного состава орнаментации, а не на анализ композиционных построений.

Предлагаемый здесь разбор истории культуры в пределах основного андроновского ареала сделан был с единственной целью, прояснив внутреннюю ситуацию андроновского населения, попытаться выявить те культурные проявления, которые в то же самое время нашли отражение в ареале Средней Азии, где кочевые культуры всегда были очень важным компонентом историко-политической ситуации и постоянно оказывали давление на положение оазисных культур оседло-земледельческой традиции. С некоторых пор большинство этих кочевых культур стали непосредственно связывать с андроновской культурой. Однако в самих памятниках кочевников Средней Азии проявлялись настолько ярко выраженные особенности, что

непосредственное соотнесение «андроновцев» и кочевых «среднеазиатов» вызывало большое число вопросов, связанных с установлением культурного единства. Определив последовательность развития андроновской культуры во всех основных ее разновидностях, можно было констатировать, что развитие это, выраженное в керамическом материале, проявлялось следующим образом (основная часть наблюдений представлена в работах С.В. Зотовой (1964, 1965)). Вначале существовал горшок с уступчатым плечом и ребристым профилем, то есть его плечики и шейка составлялись при лепке из двух лент. Причем это деление подчеркивалось также и орнаментацией, которая делилась на два горизонтальных пояса на шейке. В дальнейшем происходило смягчение профиля, когда ребристость на шейке исчезала, но сохранялось прежнее деление орнамента. Далее стиралась и зона плечиков, и прежний уступ оставался в памяти гончаров только в форме разделения орнаментальных зон (подобные процессы в разных частях ареала были не одновременны). Таковой рисуется основная линия развития андроновской керамической традиции.

Однако вопрос можно поставить более широко: а было ли создание форм с ребристым профилем первоначальной формой данной керамики? Не было ли в начале андроновской традиции (или в традиции предшествующей андроновской культуре) просто сосудов с уступчатым плечом, на которых затем с помощью дополнительной ленты строился ребристый профиль. Разрешение этого вопроса может иметь как минимум две стороны: техническую и, выражаясь очень обобщенно, этническую. Техническая сторона, как представляется, может быть весьма простой. По каким-то причинам первоначальное низкое горло сосудов создавало определенные неудобства в их использовании в кочевой среде. Это горло систематически стали делать более высоким, возводя на нем дополнительную верхнюю горизонтальную ленту. Получился ребристый профиль. Но на территории Казахстана и Южной Сибири практически такого рода изначальные формы не зафиксированы. Здесь приходится считаться с одной особенностью развития материальной культуры.

Различного рода переходные звенья, моменты переориентации производства, связанные с изготовлением тех или иных изделий в новом оформлении или с новыми деталями, появление которых вызывалось различными хозяйственными, бытовыми, даже ритуальными причинами, обычно очень плохо фиксируется на изделиях материальной культуры. Первоначальных форм, в какой-то мере даже экспериментальных, оказывается настолько мало, что они практически не могли дожить до наших дней или выживали в таком малом количестве, что распознавать их оказывается очень трудно.

Когда же я говорю об объяснении этническом для этих технических перемен, то я имею в виду, во-первых, систематическое внедрение дополнительной ленты на шейке, а, во-вторых, специфическую разработку орнаментации верхних ярусов горизонтально-зонального орнамента. Обращают на себя внимание два момента: в западных областях нижняя часть шейки область второй орнаментальной зоны, часто оказывается неорнаментированной. Но есть и другой вариант, когда в верхней первой зоне вдруг появляется не свойственный ей в памятниках андроновской культуры орнамент, а именно достаточно сложные меандровые фигуры. Причем бывает так, что орнаментация первой и второй зон либо сходна, либо идентична (Кузьмина, 1994, с. 424, рис. 26, 16; с. 425, рис. 27).

Здесь в очередной раз приходится возвращаться к моменту понимания древнего искусства. Особенно к пониманию его прикладных форм. Дело в том, что искусство древности – это далеко не искусство в нашем понимании. Это не способ украшения, не способ эстетического подхода к тем или иным предметам. Это определенная форма функционального использования пространства. Большинство исследователей, без глубоких разъяснений, признали в орнаментальных фигурах, украшавших древнюю керамику, определенные показатели, свидетельствующие о тех или иных формах этнической группировки населения. То есть орнамент в керамике, также как и этнографический орнамент современных культур, сохранивших некоторые виды родоплеменного деления, отражал, с одной стороны, определенные

общеэтнические особенности значительных групп населения, а с другой, те или иные формы взаимоотношений и иерархии родственных и постоянно взаимодействующих человеческих групп. Естественно, что для возражений здесь существует широкое поле возможностей (ср.: Кузьмина, 1994, с. 20 и др.). Не стоит забывать о соображениях, сформулированных в начале данной работы, что динамично развивающиеся культуры могут существовать в течение многих сотен лет. И естественно тот мизерный объем информации, которой мы располагаем, благодаря всего-навсего какому-то столетнему периоду раскопок, не охватывает со всей полнотой все проявления и обозначения, связанные с социальной жизнью древних коллективов. При таком недостаточном уровне обоснования исторического процесса и его конкретных проявлений неизбежен высокий уровень гипотетичности и возникает необходимость введения определенных **допущений**.

Руководствуясь подобными констатациями можно рассмотреть некоторые аспекты предыстории андроновской культуры и сформировать отдельные схематические положения о вероятном развитии историко-культурной и этнокультурной обстановки в обширном регионе, простирающемся от Северо-Западной Индии до границ сибирских степей, и от Афганистана до Южного Прикаспия²³. Допустим, что здесь на определенных территориях (пока четким топосом оказывается течение Зерафшана) в доандроновское время существовали группировки, в которых использовались сосуды с уступчатым плечом, но лишённые ребристого профиля, то есть горло этих сосудов было значительно ниже, чем у типичных андроновских форм. За последние десятилетия очень много появилось в археологических памятниках своеобразных комплексов эпохи бронзы. В частности, такие комплексы обнаруживаются в долине Заравшана, в Сазаганском староречье. Костяные псалии из них, такие же как в комплексе Зардча-Халифа, широко известны от Средней Европы и ряда южных европейских областей Рос-

сии, а также в комплексах зауральской и южно-уральской смешанной андроновидной культуры, и вплоть до пределов Казахстана (Кожин, 2007, с. 414, рис. 31). И датируются такие комплексы, начиная с первых веков 2 тыс. до н. э. Я принимаю эту условную дату, прежде всего, потому, что она обозначает достаточно специфичный период развития и характеризуется пусть и обширным, но весьма определенным ареалом. Отчасти этот ареал совпадает с территорией распространения сейминско-турбинских памятников, а связывает эти степные памятники с сейминско-турбинскими наличие на вершиях бронзовых ножей и булавок с различного рода художественными и скульптурными изображениями, стоящими на завершающей эти предметы плоской площадке-кронштейне (Кожин, 2007, с. 229). Хотя, по каким-то непонятным причинам, сейминско-турбинская культура не заимствует из южной степи типичные формы конского снаряжения. Впрочем, здесь возможны также многообразные и, очень даже значительные, неурядицы с датами (не исключено и использование у сейминско-турбинского населения иных типов уздечек. Наличие уздечек уже подтверждено изображениями на статуэтках). Соображения об общих для сейминско-турбинской, шан-иньской и карасукской культур корнях, сформулированные мною окончательно в 1993 г., ныне пополнились рядом подтверждений. Идея общей южной **протокультуры**, помимо ранее выявленных показателей (наборы бронзового оружия, единство ареала колесничных изображений, ранние формы «звериного стиля», ритуальные сосуды на четырех ножках, «модели бычьих ярм», булавки и ножи с фигурными навершиями и т.д.) находит также отражение в особой форме ритуальной посуды (в Гонур Депе – это бронзовые котлы с округлым дном, обнаруженные в раскопках (Сарианиди, Дубова, 2010, с. 165, рис. 26, 1,2), а в Аньяне подобные им формы из глины (Иньсуй..., 2001. с. 236, рис 114, 1). Карасукские аналогии не столь выразительны (Членова, 1972. с. 194, 197).

23 Эта громадная территория вовсе не соответствует тому, что недавно было демагогически обозначено как «степной пояс Евразии» (Человек..., 2010. Т. 1, с. 38-44. Автор этой «идеи» горазд выдумывать неудачные, но броские определения).

Таким образом можно полагать, что та активная миграционная волна, которая наступает на земледельческие оазисы Закаспия в связи с резкой аридизацией климата, могла состоять из двух основных компонентов, имеющих родственную основу. Это – северные группировки андроновцев и их сибирско-казахстанских предшественников, проникавшие сюда из Зауралья и достаточно отдаленных районов юга Сибири и Казахстана и местных кочевников (к примеру, в Бустане 6 «типичные андроновские» погребальные цисты, выполняются из кирпича, а не из каменной плитки), которые уже в течение длительного периода широким поясом поселений охватывали среднеазиатские земледельческие оазисы.

Однако, какие-то значительные группы кочевого населения из более южных, преимущественно, иранских областей, уже издавна находившиеся в сложном симбиозе с населением месопотамских городов-государств и обширных древневосточных империй, смещались в бактрийско-маргианский регион, где и продолжили свое тесное сосуществование с утвердившейся там молодой мощной цивилизацией. Это подвижное население, так или иначе, упоминают летописи древнейших царей. Часто оно же, наступая на древние царства, наследовало земли этих царей, как аморейские кочевники создали Первую Вавилонскую династию, к которой принадлежал Хаммурапи (История Древнего Востока... 1983, с 324).

Приложение

Результаты изучения образцов лепной керамики из окрестностей Гонур-депе

Полученные семь отдельных образцов обломков лепной керамики из различных раскопов Гонур-депе характерны большой хрупкостью, явной слоистостью, что в некотором роде обусловлено залеганием находок близко к поверхности, где они подвергались резким температурным перепадам, воздействию сухого горячего воздуха и т.п. естественным природным процессам (образцы №№ 1–5). Имеющиеся образцы отличаются неравномерной, но малой толщиной стенок, неровной внешней окраской. В основном, окраска внешней поверхности темно-серая с коричневатыми тонами. Редко поверхность бывает светлая, желтоватая или коричневато-красная. В изломе черепок черно-серый или угольно-черный, слоистый. В тесте обозначены различного размера минеральные отдельности тонкие (до 0,3 мм), довольно крупного размера (0,4 x 0,5 см.). Их приходится не более 2–3 на см². Основной же отощитель – это мелко размолотый порошок

из различного минерального сырья с добавкой песка.

Некоторые образцы содержат значительную примесь крупных известковых пластин. Кое-где видно, что это – крупно дробленные раковины (№№ 1, 3, 5). Обжиг, скорее высоко температурная сушка, не превышает отметки 600-700° и, видимо, был кратковременным. Внешняя поверхность, при незначительной примеси песка, гладкая. Внутренняя – обычно более темная, имеет часто широкое горизонтальное заглаживание. Ни на одном черепке не обнажились спаи лент. Отчасти это обусловлено формующей обработкой «наковальней и лопаткой». Наковальня отличалась небольшой рабочей поверхностью. В целом, внутренняя поверхность, вследствие такой формовки, становится бугристой (№ 5). Утолщение стенок наблюдается под венчиком, где такая формовка не проводилась. Орнамент выполнялся зубчатым, сравнительно широким штампом, гладким штампом и на-

резками, чаще короткими, опоясывающими сосуд горизонтальными рядами (№ 3). Штампованный орнамент пропечатан нечетко, даже несколько расплывчато. Это следствие даже не пересушивания сосуда до нанесения орнамента, а жесткости поверхности из-за избыточной минеральной примеси.

Образец 1. Гонур, весенний сезон, 2010 г. Раскоп 18. Сосуд баночный в верхней части стенки чуть выпуклые. Снаружи – желтовато-серый с темными пятнами, изнутри черный. Венчик плоский. Деформирован формовкой «наковальной и лопаткой». Толщина стенок около 0,4–0,5 см. У венчика толщина 0,8–0,9. Орнамент в четыре разнонаклонных полосы коротких оттисков палочки, образующих вертикальный зигзаг под венчиком. Примеси исключительно минеральные: мелко дробленая слюда, песок, ракушка. На внутренней поверхности следы «наковальни», а поверх них горизонтальная штриховка каким-то плоским инструментом с шириной рабочей части до трех мм.

Образец 2. Гонур 20, раскоп 1, пом. 4. Баночный сосуд. Точно форма не определяется: слишком мал сохранившийся участок венчика. Толщина стенок около 0,5 см (см. также: Сариниди, Дубова, ст. в наст сб., рис. 7б). Там видно, что это – ряд короткой решетки, выполненной широким и глубоким зубчатым штампом, а ниже идет многорядный вертикальный зигзаг. Этот фрагмент на указанной фотографии второй слева. Поверхность изнутри темная, снаружи коричневатая серая. Тесто очень плотное примеси не видны.

Образец 3. Гонур. Раскоп 18, пом. 68. Очень крупный баночно-котловидный сосуд.

Венчик плоский. Черепок темный, цвет однородный, сильно расслаивается. Орнамент: под венчиком – в два ряда короткие вертикальные оттиски, а ниже – широкой гусеницеобразной гребенкой выполнен довольно хаотичный не очень плотный орнамент, построенный на отдельных вертикальных зигзаговых группах оттисков. Примеси: песок и четко фиксирующиеся отдельные дробленой раковины.

Образец 4. Гонур, раскоп 8, Царский некрополь, верхний слой над гробницей 3230. Баночно-горшковидная форма. Интенсивно черные поверхности. В изломе ярко черный. Венчик утолщен. Стенки тонкие. Орнамент, видимо, нарезной. Шесть горизонтальных линий под венчиком. Далее шел ряд не очень правильных обрамленных равнобедренных треугольников с внутренней штриховкой.

Образец 5. Гонур, раскоп 16, пом. 127. Темный, почти черный, изнутри, снаружи и в изломе. Сильно изогнут. Похоже, – придонная часть. Возможно, – круглодонный. Орнамент: несколько нечетких рядов зубчатого штампа и между ними ряд косо поставленных оттисков того же штампа с наклоном вправо. В силу того, что это нижняя часть сосуда ее меньше обрабатывали и на ней лучше заметны оттиски «наковальни» по внутренней поверхности. И уплотнения от лопатки снаружи. Толщина неравномерная, но всюду меньше пяти мм. Значительная примесь раковины. Расположение отдельных характерно тем, что они размещены так, что их широкие поверхности параллельны стенкам сосуда. Это крайне характерно именно для использования техники наковальни и лопатки.

О гонурских тюльпанах¹

Одной из примечательных черт искусства Бактрийско-Маргианского археологического комплекса является обилие изображений тюльпанов, выполненных в различных техниках и представляющих с достаточной достоверностью растение, до сих пор встречающееся на Гонуре.

Так, среди характерных для БМАК металлических перегородчатых печатей, найденных в некрополе Гонура, имеется круглая печать, полностью занятая профильным изображением тюльпана (рис. 1). В.И. Сариниди, интерпретируя изображение цветка, предположительно пишет о нем как о «бутоне мака» (Сариниди, 2001, с. 65). Однако, при том, что изображения мака, как цветка, так и коробочки с семенами действительно имеют место в БМАК (например, см: Сариниди, 2002, рис. на с. 266, 276), представляется, что в данном случае прямые, довольно широкие листья (служащие одновременно укрепляющим элементом печати), как и традиционное профильное изображение цветка с тремя заостренными на конце лепестками, не оставляют сомнения, что перед нами ни что иное, как тюльпан. Весьма показательным самостоятельным использованием этого образа среди других важнейших символов, помещавшихся на печати такого рода: крест, цветочная розетка, орел в геральдической позе, пара орлов, козел, «змееборец» и другие.

Находка довольно простого по материалам и исполнению изображения тюльпана, сделанная на Гонуре в осеннем сезоне 2010 г. (раскоп 18), может являться свидетельством

использования подобного предмета как votivного. Тюльпан был вырезан из глиняного листа, а затем обожжен. Трехлепестковая (два лепестка обломаны) профильная розетка керамического цветка 6,5х6 см, завершенная небольшим фрагментом цветоножки, была найдена со следами горения на одной из сторон (рис. 2).

Еще одно профильное изображение тюльпанов нацарапано на миниатюрном стеатитовом флаконе из Гонурского дворца: тюльпаны предстают перед нами вырастающими из луковиц(?), «всхолмлений» или «почек» своеобразной формы, что, возможно, должно указывать на конкретный временной момент, именно тот, когда эти растения прорастают и начинают зацветать (рис. 3). Выгравированные профильные изображения тюльпанов с характерными листьями входят в состав композиции, помещенной на основание каменной двусоставной вазы из погребения 1750 Гонурского некрополя (рис. 4). В.И. Сариниди указывает, что ваза предназначалась для культовых церемоний, что вполне обосновано, учитывая ее изысканное оформление и то обстоятельство, что каменные сосуды на Гонуре немногочисленны, по причине отсутствия естественных месторождений камня в Маргиане (Сариниди, 2001, с. 70). Что касается композиции в целом, она, как представляется, также достаточно интересна. Тюльпаны на ней служат разделителями между двумя группами выгравированных «петель»; каждая из этих групп формирует силуэты «гор», одна из которых помещена вершиной

1 Работа подготовлена в рамках проекта РФФИ № 10-06-00263а

вверх, а другая – вершиной вниз, будучи как будто бы подвешенной к небу за основание. Прорисовка «петель» последней отличается тем, что контур здесь дан двойной линией, образуя изображение «капель». Конечно, любая интерпретация в данном случае может иметь лишь предположительный характер, но не исключено, что «гора», опущенная вершиной вниз, означает небесные воды или сам небесный свод, который, как известно, многим народам представлялся каменным. Над основанием, уже на ножке вазы, мы видим изображение «витого жгута», над ним – волнообразные линии (воды?), выше – процарапанный двойной линией зигзаг, повторяющий уже высказанную в композиции на основании идею о земной и небесной тверди, или о горе и нисходящей с небес влаги. Внешняя поверхность съёмного резервуара вазы занята изображением того же «витого жгута» (в котором исследователи часто склонны видеть связующий элемент между сферами земли и неба²), что и на ножке.

Для БМАК композиция, которую условно можно было бы назвать «встречей двух твердей, земной и небесной» является достаточно обычной. Интересное ее решение, связывающее два рассмотренных выше изображения на каменных сосудах, представлено на каменном навершии жезла из Бактрии. Его нижняя сфера покрыта повторяющимся двухрядным изображением своеобразных «всхолмлений» или «растительных почек», аналогичных тем, из которых прорастают тюльпаны на миниатюрном стеатитовом флаконе из Гонурского дворца. Средняя область заполнена изображенным в два ряда также уже знакомым нам «витым жгутом», а верхняя – направленными вниз петлями-«каплями». Возможно, в данном случае мы имеем дело с композицией, передающей трехчленное по вертикали строение мира (рис. 5).

Уникальные изображения содержат маргианские цилиндрические печати. Так, на сохранившемся глиняном оттиске недошедшей до нас печати мы видим одну из самых распространенных композиций древневосточного мира, ставшую и в иранской традиции

наиважнейшей: профильные силуэты двух козлов, повернутых друг к другу, а между ними растение (рис. 6). Такие рисунки, например, нацарапанные на стенках керамических сосудов, не редкость в БМАК (напр., см.: Сарияниди, 2002, с. 99; 2005, с. 265, илл. 119), но в данном случае растением, выражающим идею «мирового дерева», служит цветущий тюльпан! Чтобы придать последнему сходство с обычным маргианским схематическим «древом», представляющим собой вертикальную линию ствола с множественными отходящими от него под углом ветвями, направленными вверх (рис. 7), древний мастер вырезал не один, как в остальных известных нам случаях, а два ряда тюльпанных листьев.

Более сложные композиции на цилиндрических печатях БМАК дают нам изображения божеств и иных существ, дополняемые профильными цветками тюльпанов. Так, на цилиндрической печати из Бактрии в профиль изображено рогатое женское божество(?) с «восьмеркой» над головой, ветвью или колосом в руках, сидящее на троне, помещенном над двумя фантастическими животными. Чуть выше по сторонам находятся две направленные в разные от божества стороны обнаженные или полуобнаженные мужские фигуры, у которых четко обозначен пояс. Их подчеркнута мускулистые руки обращены вверх, причем один персонаж экипирован луком и облачен в головной убор, возможно, увенчанный птицей, а у другого из подмышечных областей или от линии груди (из-за спины?) растут две змеи, а головной убор увенчан, как кажется, головой быка. Во внутреннее пространство, которое охватывают руки каждого из персонажей, помещены изображения цветков тюльпана. Вторым сюжетом этой печати, при ее прокатывании служащим разделителем, является изображение подобной же мужской коленопреклоненной фигуры с луком в руках и змеями за плечами, помещенной в медальон, который, в свою очередь, находится над схематичным изображением горы с двумя вырастающими из нее деревьями (рис. 8). Тюльпаны, помещенные

2 Семантика изображения «витой веревки» на культовых сосудах была рассмотрена Б.А. Литвинским (2000, с. 283).

на печати, несомненно, указывают на конкретную дату и событие, освященное присутствием рогатой богини с колосом, раздающей блага-атрибуты, и связанной, безусловно, с землей, с плодородием, – не случайно она помещена ниже предстоящих.

Не менее выразительной является и другая цилиндрическая печать, изготовленная из белого камня и обнаруженная на древней дневной поверхности над погребением 23 гонурского некрополя, как полагает В.И. Сариниди, в выбросах грабителей (Сариниди, 2001, с. 66). На печати изображена сидящая над змеей богиня, держащая в руках цветущие растения (не тюльпаны), которые, одновременно, прорастают из ее тела и головы. Перед ней и чуть выше ее, «сидящим на «постаменте»», по выражению В.И. Сариниди, на печати вырезан козел, над головой которого помещено отчетливое профильное изображение тюльпана (рис. 9). Отмечу, опять-таки, совместное изображение козла и тюльпана, уже известное нам по оттиску печати с двумя козлами и «мировым деревом», а также то, что богиня снова помещена ниже второго персонажа (в данном случае, козла, на предыдущей печати – ниже коленопреклоненных мужчин, или мужчины, поскольку двое, возможно, демонстрируют один и тот же образ, совмещенный и в «промежуточном» медальоне). Маркером принадлежности богини сфере земли служит помещенная под ней змея. Сложно судить о характере и назначении «постаменты» под козлом, -- отходящие от прямоугольника линии могут указывать на травяную подстилку на жертвенном столе. В любом случае, тема плодородия, процветания и произрастания высказана здесь весьма убедительно, причем заявлено и время события, – его подтверждает изображение тюльпана, время цветения которого ограничено несколькими днями.

Останавливаясь на образе богини, из тела которой прорастают растения, необходимо назвать некоторые аналогии. Во-первых, это цилиндрическая печать из гонурского «Храма жертвоприношений» (Сариниди, 2005, с. 283), на которой имеется помещенное в медальон изображение сидящей на троне рогатой богини, а также двух других персонажей, как можно предположить, со сложенными

на груди руками, из тел которых растут растения соответственно двух разновидностей (одно из них сходно с упомянутыми выше растениями, произрастающими из тела богини, сидящей над змеей). Возможно, одно из цветочных изображений на этой печати, помещенное между парой божеств, также является тюльпаном, хотя опубликованный оттиск не дает достаточного основания судить об этом. Еще одна сцена, близкая гонурским, изображена на цилиндрической печати из Шахдада: сидящая богиня плодородия, из тела которой произрастают растения, покоится над двумя лежащими козлами, головы которых обращены в ее сторону (Amiet, 2005, p. 31-34, fig. 6-8).

В погребении 3200 «царского некрополя» северного Гонура во время раскопок 2003-2004 г. было обнаружено скульптурное воплощение образа богини с прорастающими из тела растениями: «Это оригинальное золотое изделие древних ювелиров представляет собой усеченную пирамиду, закрепленную, видимо, на деревянной основе. По остаткам золотой фольги на вершине пирамиды видно, что ее венчала человеческая голова с большими глазами и подчеркнута большими ушами. Найдены и две руки, сделанные из той же фольги. Из ажурного тела какого-то антропоморфного существа словно произрастают шесть белых гипсовых колосьев пшеницы, которые закреплены бронзовыми стержнями. В мелкие отверстия по бокам и на вершине колосьев вставлены тончайшие бронзовые ости. Два колоска выполнены из тонкого листового золота, а их ости – из серебра. По-видимому, из самого основания фигурки на извивающихся толстых бронзовых стержнях, символизирующих стебли, «росли» два плода, также вырезанные из гипса» (Сариниди, 2005, с. 21, рис. 79, с. 212) (рис. 10). Замечу, что эти «плоды» на стеблях очень похожи на те, что вырастают из гор на уже описанном цилиндре (рис. 8), и являются, на мой взгляд, скорее стилизованными деревьями. «Ажурное тело», оказавшееся таковым благодаря утере непрочных материалов и основания, по-видимому, передает типичное месопотамское одеяние. Таким образом, богиню, вероятно, вышедшую из передневносточного пантеона и почитавшуюся на Гонуре в пору цветения

тюльпанов, мы можем наблюдать не только на печатях, но и в скульптурном исполнении. При этом, помимо прочего, тюльпаны на всех изображениях БМАК указывают на местное, центральноазиатское производство ритуальных предметов, поскольку для других регионов упоминание этих цветов не характерно.

По обилию тюльпанов на бактрийских и маргианских вещах, связанных с отправлением культа или отсылающих нас к миру богов, можно судить не только о том, насколько важен был для религиозной жизни бактрийцев и маргианцев бронзового века акт почитания некой богини плодородия в пору цветения этих цветов, но и о том, какое значение придавали утверждению этого праздника жрецы. Замечательная сцена оказалась запечатленной на бактрийском бронзовом косметическом флаконе, многократно опубликованном В.И. Сарияниди (2002, с. 110). Все персонажи здесь представлены животными, аллегорически изображающими реальных исполнителей ритуала. О времени совершения и характере последнего нам сообщает профильное изображение тюльпана с листьями, но, в отличие от сцен на печатях, теперь мы имеем возможность не лицемерить почитаемое божество, а ознакомиться с действиями почитателей. Так, в качестве царя (царицы) перед нами предстает козел, который, как мы видели, на печатях играет роль жертвенного животного. Он (она) восседает на троне, сложив «руки» на груди в молитвенной позе. Перед козлом, видимо, на жертвенном столе, помещено приношение, рядом со столом стоит животное-жрец, можно предположить, выдра, протягивающая козлу чашу с ритуальным напитком. Тюльпан помещен как раз над головой выдры, чашей и жертвенным столом. Другие изображения показывают действия, предшествовавшие этой сцене: в верхнем ряду выдра-жрец кинжалом

убивает волка-жертву, а в нижнем – выдра-жрец занимается приготовлением напитка, а волк находится в коленопреклоненной позе, или, скорее, в типичной позе мертвого, – на боку и с поджатыми коленями (рис. 11).

В этой картине все перевернуто: обычная жертва изображена главным жертвователем, а приношением служит волк, основной враг скотоводов. Таким образом, древний мастер позволил себе смеяться над самым святым – ритуалом и его исполнителями, что, скорее всего, было возможным лишь в особенные дни, приуроченные к весеннему празднику плодородия. Известно изображение подобной сцены естественным ходом, без аллегорий и переименований, – правда, в этом случае действие не отмечено тюльпанами. Пьер Амье опубликовал серебряный бактрийский сосуд с конической крышкой из собрания Лувра (Amiet, 2005a, p. 31-34, fig. 6-8), на цилиндрическом тулове которого помещено изображение «придворной сцены» с участием дам и, видимо, царицы, восседающей на троне (эта фигура практически не сохранилась). Число персонажей на этом сосуде значительно больше, чем на косметическом флаконе, но сама сцена совпадает даже в деталях. Перед царицей, восседающей на троне, находится массивный жертвенный стол, на котором помещена высокая ваза и жертвенное подношение. Рядом стоит жрец, протягивающий царице чашу с жертвенным напитком (видимо, вином). За его спиной другой жрец держит на руках жертвенное животное. Кроме того, мы видим сцены приготовления жертвенного напитка, сидящих поджав под себя ноги дам, деревья, – то, что возле пифоса с напитком, резко отличается от остальных, – а также двух обнаженных мальчиков, один из которых, сидящий в ногах у царицы, держит в руках гроздь винограда (рис. 12).

Рис. 12. Серебряный сосуд, Лувр (Amiet, 2005a, p. 31-34, fig. 6).

Остановимся на предположении о том, что в качестве жреца на косметическом флаконе изображена выдра, чему не противоречит ареал ее распространения. Действительно, пребывание этого животного на празднике плодородия видится вполне уместным, – выдра относится к водной сферой, которая является неперенным условием процветания природы, жизни человека и так далее. Культ этого животного был широко распространен в Евразии, что соответствует ареалу распространения выдры. Так, отдаленный отголосок значения выдры в индоевропейской мифологии мы находим в скандинавском средневековом эпосе, в Старшей Эдде (в Речах Регина). По сию пору мех именно этого животного используется при изготовлении казахских *саукеле*, высоких остроконечных головных уборов невесты, бытование которых у казахов, вероятно, можно объяснить контактами тюркского и иранского кочевых миров. В четко разделяемой, как правило, трехчастной по вертикали структуре *саукеле*, передающей трехчастное же строение мира (верхний мир, принадлежащий богам; обитаемый людьми, животными, растениями срединный; а также мир земли и вод), мехом выдры обозначена нижняя сфера, связанная с землей, водой, плодородием. Еще более интересным видится то, что культ выдры как священного животного, подателя плодородия был засвидетельствован Авестой, а именно авестийским Видевдатом, где выдре посвящено окончание тринадцатого и весь четырнадцатый *фрагард* (раздел, глава)³.

Прежде всего, следует отметить, что Видевдат, скомпилированный из нескольких разных по времени, а, возможно, и месту создания ритуальных текстов, в основном посвященных вопросам ритуальной чистоты, приводит целые списки животных, обладающих той или иной степенью святости. В этом памятнике в качестве священного животного, занимающего второе после человека место по святости, эти списки возглавляет собака, за которой следуют сходные с ней, в глазах зороастрийских жрецов, животные, – лиса, еж, дикобраз, ласка и другие, роль которых была так возвышена, поскольку они не прос-

то давали человеку одежду и пропитание, а мыслились благими существами, сражающимися со злом, проявленным в *xrafstra*-, – хищниках, насекомых, гадах, грызунах и прочих, представлявших армию Злого духа, самым страшным в которой был волк (напомним, что именно он изображен на бактрийском флаконе в качестве «жертвы»). Помимо «собак» в Видевдате упоминаются и важные в хозяйстве благие животные, такие как овца, корова, лошадь, верблюд, но они выступают здесь, в отличие от других частей Авесты, скорее как денежный эквивалент. В этом мне видится специфическое понимание святости в Видевдате: если «святость» домашнего скота абсолютна, таким он создан изначально ради принесения его в жертву, то «собаки» подобны человеку, в первую очередь, жрецам, поскольку они различаются по степени святости в зависимости от того, насколько хорошими воинами против зла они являются, а также потому, что, в отличие от жертвенных животных, они являются не «материалом», который используют люди в борьбе со злом, а сражаются против него сами, «убивая тысячами создания Злого духа». Буквально так же сражались со злом и жрецы Видевдата – убивали и предписывали верующим убивать мириады *xrafstra*-, в том числе ради искупления религиозных преступлений. Видимо, именно с этим связан запрет убивать собак, и, естественно, употреблять их в пищу, а также то, что собаку предписывалось предавать погребению так же, как человека. Аналогичное видедевдатовское отношение к собаке было отмечено Геродотом у магов, западноиранских зороастрийских жрецов, что представляет большой интерес, поскольку в дошедшей до нас Авесте, написанной на восточноиранском языке и отражающей, как принято считать, в основном реалии древности восточного Ирана, кроме Видевдата собака нигде более не упомянута.

Представляется, что повествование о наказании грешника, убившего выдру, составившее четырнадцатый *фрагард* Видевдата является самым поздним по времени создания и включения в канон текстом этого памятника. В сущности, тема культа выдры,

3 Его русский перевод с авестийского языка: Крюкова, 2006; см. также Крюкова, 2011, с. 13-21.

компактно изложенная в цельном тексте, больше нигде в Авесте не затрагивается и не находит полноценного развития в среднеперсидской литературе, где выдра упоминается формально, только вслед за Видевдатом, на который ориентировался значительный пласт религиозных среднеперсидских сочинений. Из этого следует сделать вывод, что этот культ носил локальный характер, а судя по тому вниманию, которое проявили к нему жрецы в момент компиляции Видевдата, можно предположить, что для них почитание водного животного представляло особое значение. Описание суровой кары, которой должен подвергнуться убийца выдры, предваряют последние пассажи тринадцатого *фрагарда*, восхваляющего собаку:

50. О создатель плотского мира, праведный! Когда умирает собака, ничего уже не выслуживающая, и семя которой иссякло, куда отходит ее дух (*baodah-*, «сознание», «чутье»)?

И сказал Ахура-Мазда: К источникам вод [он] приходит, о Спитама Заратуштра, где сотворяются две водяные выдры: из тысячи сук собак и тысячи кобелей собак – пара выдр, – самка и самец. Убивший выдру вызывает засуху беспастбищную.

Тогда это жилое место покинет, о Спитама Заратуштра, счастье и изобилие, здоровье и целительность, процветание, приумножение, произрастание, рост хлебов и пастбищ.

О создатель плотского мира, праведный! Когда же в это жилое место вернется, о Спитама Заратуштра, счастье и изобилие, когда здоровье и целительность, когда процветание, приумножение, произрастание, когда рост хлебов и пастбищ?

И сказал Ахура-Мазда: Не вернется в это жилое место, о Спитама Заратуштра, ни счастье и изобилие, ни здоровье и целительность, ни процветание, приумножение, произрастание, ни рост хлебов и пастбищ,

пока здесь, в этом месте(?) убивший выдру не будет убит ударом, пока посвященной [в вопросы веры] (*dahma-*) душе выдры не совершат поклонение в течение трех дней и трех ночей, не будет возожжен огонь, простерт *барсман*, принесена *хаома*.

После этого вернется в это жилое место счастье и изобилие, здоровье и целитель-

ность, процветание, приумножение, произрастание, рост хлебов и пастбищ.

В этом отрывке выдра предстает как некое сверхсущество, мистическим образом сотворяемое в «источниках вод» из душ-сознаний умерших собак. В то время, как от собак после смерти остается только *baoda-*, «сознание», выдра обладает бессмертной душой *urvan-*, в Авесте упоминаемой по отношению к людям, богам (включая Душу быка) и скоту, возможно, вслед за Душой быка. Ей присуще свойство, обозначаемое авестийским словом *dahma-*, передающим некую квалификацию, обученность, просвещенность, посвященность, прежде всего, в вопросы веры; этим термином называют и полноправного члена общины верующих (см.: Bartolomae, 1961. Sp. 704-706), – выдра единственное животное, удостоившееся в авестийском собрании этого эпитета. Наконец, после смерти выдры, в честь ее души в течение трех дней и ночей совершается зороастрийская литургия.

Вместе с тем, особенным образом излагается и наказание, которое должен понести убивший выдру грешник. В отличие от иных случаев, приведенных в Видевдате, виновный несет его не только перед жрецами, а перед всей общиной, представленной основными слоями зороастрийского общества – жрецами, воинами, крестьянами, а также, обобщенно, «мужами праведными». В числе предписанных четырнадцатым *фрагардом* искупительных действий, по масштабу и характеру в основном совершенно фантастических, наисуровейшее телесное наказание плетью, совершение ритуалов, убиение мириадом *xrafstra-*, предоставление комплектов орудий для жреца, воина и крестьянина, штрафы золотом и серебром, строительство канала «глубиной в собаку, шириной в собаку», пахотная земля, дом, строительство которого, скорее, является воссозданием рая (см. Крюкова, 2006, с. 156-157; 2011), выдача замуж девицы за одного из «мужей праведных», пожертвование баранов, забота о собаках, включая очищение их от паразитов, подчивание «мужей праведных». Таким образом, жрецы стремились охватить в этом перечне все важнейшие сферы существования общины, придавая *фрагарду* форму, напоминающую гимн божеству, с тем

различием, что здесь мы видим не молитвенные просьбы о подачи благ, сопровождаемые жертвоприношениями, а требование искупительных действий для восстановления утраченной после убийства священного животного гармонии.

Особое положение, занимаемое выдрой, с одной стороны, обладающей чертами праведного члена общины, более того, жреца, а с другой – божества плодородия,

объясняет то значение, которое придавали жрецы-компиляторы введению в авестийский корпус повествования о наказании за убийство выдры. Безусловно, их целью было не изложение самого наказания, а обозначение сфер жизни общины, связанных с культом водного божества. Следовательно, выдру мы можем рассматривать как одно из, если не воплощений, то обозначений божества плодородия.

К этому подталкивает нас и само авестийское имя выдры (близкое русскому), *udra-* (m.), само по себе связанное с водой: и.е. **udor-*, **wedor-* «вода» (Pokorný, 1959, s, 78). Компильторы снабжают имя выдры эпитетом *urâra-* «водяная», «живущая в воде», что является не дополнительной характеристикой заведомо водного животного, а отсылкой к зороастрийской классификации существ. Среднеперсидские тексты главой благих существ, «живущих в воде», называют рыбу Кар (авест. *kara-*), обитающую у подножия «мировой горы» и «древа всех семян». Примечательно, что термин *urâra-* служит в Авесте характеристикой древнего индоиранского владыки вод Апам Напата (*urâro yazatô*, Яшт 19.52), с течением времени оттесненного на второй план, возможно, другой «водной» богиней, Ардви Сурой Анахитой (традиционно ее имя переводилось как «Влага Сильная Незапятнанная», что объясняло связь этой богини с водной стихией; новый перевод Э. Пирара («Мягкая Тучная Нетронутая»), фактически, снимает эту связь, по крайней мере, в имени, рассматриваемом как набор эпитетов к слову «вода») (см. «*Anâhîd*» в *Encyclopaedia Iranica*)⁴. В контексте среднеперсидской литературы имя этой богини, *arêdu sūr anâhît*,

две части которого в некоторых случаях связаны в среднеперсидских текстах союзом *ud «и»*, комментируется как «отец и мать вод», *pid ud mâd î âbân* (Pirart, 2006, s. 101, n. 275). Высказывались предположения, что другие божества, связанные в Авесте с водным миром, «Воды» (авест. *âpas*, f. pl.), или «Жены Ахуры» (авест. *ahurânî-*; предполагалось и самостоятельное существование последних в качестве водных божеств) могли первоначально выступать в качестве жен не известного нам верховного божества зороастрийцев Ахура-Мазды, а именно Апам Напата. В этой связи интересно обратить внимание на то, что авест. *udra-*, будучи существительным мужского рода, могло бы представлять мужское водное божество. Вместе с тем, в Видевдате специально акцентируется внимание на том, что «из тысячи сук собак и тысячи кобелей собак – пара выдр, – самка и самец» (13.51), при этом пол животных в обоих случаях передан описательно. С одной стороны, необходимо учитывать, что во время составления 14 и, вероятно, 13 фрагмента авестийский язык был уже мертвым, а язык компильторов не имел категории рода, с другой – можно предположить, что акцент сделан умышленно, для того, чтобы подчеркнуть двойственную природу вод, находящихся под покровительством одновременно и мужского, и женского божества (более того, супружеской пары), что нашло отражение и в сотворении в источнике вод именно пары выдр. Соотнесение пола животных и людей или богов, к которым первые имеют отношение, вообще характерно для авестийских текстов, в качестве примера можно привести пассажи из того же Видевдата, где говорится о ремесле врача-владельца:

7.41. Ученого *атравана* пусть лечит за благословение, хозяина дома пусть лечит за стоимость крупного скота наименьшей цены, владельца имения пусть лечит за стоимость крупного скота средней цены, главу рода, владеющего областью, пусть лечит за стоимость крупного скота наивысшей цены, правителя страны пусть лечит за колесницу, четверкой запряженную.

4 Иное толкование имен богини: Pirart, 2003.

42. Соразмерно первому [перечню]⁵, жену хозяина дома пусть лечит за стоимость ослицы, жену владельца имения пусть лечит за стоимость коровы, жену главы рода пусть лечит за стоимость кобылы, жену правителя страны пусть лечит за стоимость верблюдицы.

Другим примером подобного соотнесения, лежащим ближе к нашей теме, служит описание Ардви Суры Анахиты, одетой в «бобровые одежды из трехсот бобрех, четырехжды родивших» (Яшт 5.129). Описание богини дополнено сообщением, по мнению Хр. Бартоломе, целиком поздней вставкой (Bartholomae, 1961, Sp. 925), согласно которому такие бобрехи «наикрасивейшие, поскольку их мех наиболее пушистый (густой); бобр является водным животным («живущим в воде», *vrâra-*)» (Яшт 5.129). Это дополнение видится тем более интересным, что до сих пор понимание авест. *baβra-* как обозначения «бобра» остается под вопросом⁶, – видимо, им задавались и жрецы-компиляторы, решившие уточнить сферу обитания животного, связанного с Ардви Сурой Анахитой, как водную. В любом случае, в этом добавлении просматривается и желание примирить авест. *baβra-*, единственный раз засвидетельствованное во всей Авесте, с классификацией живых существ по месту их проживания. Что касается авест. *udra-*, бесспорно водного животного, его имя, помимо указанных фрагментов, известно по авестийскому топониму *udrya-* (Яшт 19.6). Среди черт, сближающих 14 фрагментов Видевдата с 5 Яштом, посвященным Ардви Суры Анахите, можно указать и то, что в последнем в качестве противостоящих богине упоминаются различные *xrafta-*, – Видевдат предписывает их уничтожать «мирадами» ради искупления убийства выдры. В отличие от Абан-Яшта, воспевающего Ардви Суру Анахиту, и других авестийских текстов, где богиня называется всеми тремя своими именами, особенностью Видевдата является упоминание лишь *aradvî-*, причем в

качестве названия реки, стекающей с высочайших гор (Видевдат 2.22), воды, все очищающей (Видевдат 7.16), причем, во втором случае *sûra-* и *anâhitâ-* не упомянуты несмотря на то, что Видевдат здесь, по всей вероятности, цитирует Яснх 65.1,2 или Яшт 5.2,5 (или иной источник?).

Исследователи многократно пытались воссоздать картины поклонения древнеиранским женским божествам, так или иначе связанным с культурами плодородия, а также божествам, связанным с водной стихией. Древнейшие культы упомянутой в Гатах богини удачи Аши, «Потомка Вод» Апам Напата и самих Вод сохранялись, но были оттеснены на второй план, уступив ведущее место Ардви Суры Анахите. Считается общепризнанным предложенное Х. Ломмелем еще в 1927 г. отождествление Ардви Суры и упомянутой в Ведах священной реки Сарасвати (Lommel, 1954, s. 405-413). Затмевая древнюю Аши, Ардви Сура Анахита как и первая ассоциируется античными источниками с Афродитой, а также видится ими аналогом Артемиды (подробнее см.: de Jong, 1997, p. 268 ff). Возможно, отдельным божеством, ассоциирующимся, помимо античных, с передне-восточными божествами, является Анахита, Анаитис греческих источников.

Культ другого женского божества плодородия, во многом сходного по своим функциям с Ардви Сурой Анахитой – вавилонской и эламской Наны (Нанайи) широко распространился по всему Переднему востоку – Вавилонии, Эламе, Сузиане, Сирии, Армении, а также в ираноязычном мире (de Jong, 1997, p. 273), в том числе в восточном Иране – в Парфии (Nanç), Бактрии (Nana) и Согде (Nny, Nn) (Azarbay, 1976). Здесь ее культ утвердился не позднее II – I вв. до Р.Х. (Лившиц 2010, с. 117), причем в Согде эта богиня под именем Нанайи даже, возможно, возглавляла пантеон (Marshak, Raspopova, 1990, p. 149), а в роли «умирающего и воскресающего бога» выступал Сиявуш. Один из древней-

5 Здесь интересно отметить, что во втором «перечне», который, как заявлено, должен соответствовать первому, нет указаний насчет лечения супруги зороастрийского жреца. Не может ли это означать, что в текст прокралось свидетельство обычая безбрачия, который столь порицался (Видевдат 4.47)?

6 Основа *ba-bru-, *ba-brau- служит для образования названий животных коричневого или желтого цвета; babr: кл. перс., совр. перс. «тигр», тадж. «леопард», дари «лев» (Расторгуева, Эдельман, 2003), b-d, с. 153.

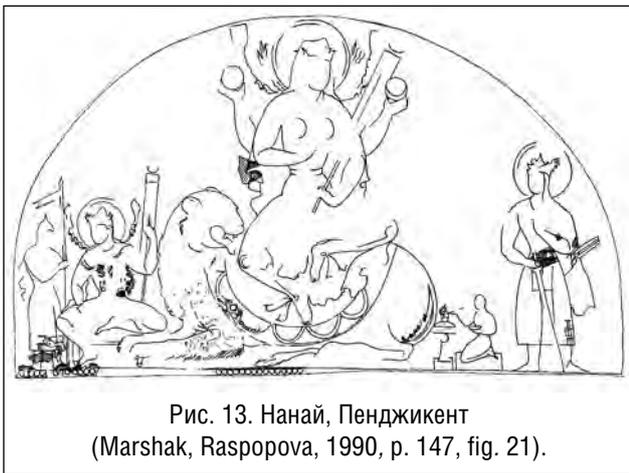

Рис. 13. Нанай, Пенджикент
(Marshak, Rasporova, 1990, p. 147, fig. 21).

ших мифов с подобными персонажами, – шумерский миф о Инанне и ее муже-пастухе Думузи, также игравшим роль «умирающего и воскресающего бога», с тем отличием, что Инанна была еще свободна от роли Матери и божества плодородия. Подобно восседающей на льве Инанне-Иштар, Нанайа изображалась сидящей на льве (рис. 13).

Вполне вероятно проникновение образа Наны-Нанайи в восточноиранские пантеоны из Месопотамии, входившей в состав Парфянского царства. Однако, по крайней мере, в эпоху бронзы, иконографически близкое Нанайе женское божество уже почиталось на среднеазиатской почве, в будущем ставшей родной для иранских народов. Возвращаясь, таким образом, к БМАК, отмечу, что изображения божеств на бактрийских металлических перегородчатых круглых печатях уже систематизировались В.И. Сарияниди с выявлением возможных прототипов (Сарияниди, 1991, с. 243-244, рис. 49-52). Одно из характерных изображений на таких печатях – женское божество, как правило, имеющее крылья, находящееся среди животных (один из вариантов – два льва). Та же или другая богиня изображается в типичной для шумерской Инанны и восточноиранской Нанайи позе – боком сидящей на льве или пантереподобном животном, например, как на серебряной печати из погребения 570 некрополя Гонура (рис. 14). Возможно, мы имеем дело с двумя иконографическими образами одной и той же богини, или, напротив, уже в эпоху бронзы, если не раньше, происходило смешение двух образов – суровой богини на льве (драконе) и богини плодородия, изначально выступающей как хозяйка дикой природы.

В пользу этого свидетельствуют изображения «хозяйки природы» между двух львов, а также богини, восседающей боком на двух змеях.

Следует отметить характерные атрибуты Наны, присутствующие на малоазиатских и сирийских терракотах – обнаженный младенец, юноша-пастух, плод граната, – они хорошо известны и в иранском искусстве, будучи частыми атрибутами богинь, изображавшихся как в торевтике, так и в коропластике, и часто отождествляемых с Ардви Сурой Анахитой. С другой стороны, если говорить о богинях, запечатленных в образцах массового центральноазиатского религиозного искусства, отчасти справедливо замечание Г.А. Пугаченковой, предложившей использовать по отношению к ним «обобщающий термин «Великая богиня» Бактрии, Согда, Хорезма, Маргианы. По-видимому, как и в мифологии иных народов античного мира, в среднеазиатском мифотворчестве существовало немало почитавшихся в местной среде женских образов, носивших разные имена и наделявшихся в чем-то различными, а в чем-то сходными чертами» (Пугаченкова, Ремпель, 1982, с. 46).

Помимо перечисленных выше божественных атрибутов, одним из наиболее примечательных является тюльпан. Среди изображений богинь (или жриц) с тюльпанами в первую очередь следует назвать цилиндрический предмет из слоновой кости, датированный

Рис. 14. Серебряная перегородчатая печать, некрополь Гонура (Сарияниди, 2001, с. 64).

III-II вв. до Р.Х. и происходящий из Тахт-и Сангин – городища у впадения р. Вахш в р. Пяндж, основным сооружением которого был эллинистический храм Окса (Вахша, т.е. р. Аму-Дарьи). Рисунок, выгравированный на цилиндре, соединяет два важных атрибута, указывающих, по-видимому, на некий праздник весеннего цветения, плодородия: женский персонаж, над головой которого помещено профильное изображение цветка тюльпана с тремя заостренными лепестками, от которого спускается нераспустившийся бутон, держит в руках кувшин (Древности Таджикистана, 1985, с. 97, рис. 245). Обращает на себя внимание само место находки – храм, посвященный водному божеству, олицетворению реки. К числу более поздних изображений, передающих уже иной иконографический тип, относятся образы запечатленных в корoplastике согдийских богинь, держащих в руках различные атрибуты, среди которых, помимо уже называвшегося плода граната, младенца, а также трилистника, птицы, сосуда и прочих, встречается и тюльпан (Мешкерис, 1962, с. 24, рис. 4, 1; с. 25, рис. 5, 2). Одна из самаркандских терракотовых плиток эфталитско-тюркского времени содержит характерное изображение стоящей в арке юной богини в венце, в полупрозрачных одеждах, с птицей в левой руке; у ее ног растет тюльпан (Мешкерис, 1962, с. 42, рис. 11, 3). Кроме того, помещенными в прямоугольники тюльпанами, чередующимися с маками, расписаны стены одного из пенджикентских дворцовых залов VI в. (Маршак, Распопова, Шкода, 2004, с. 304). Изображения тюльпанов служат фоном и для явно зороастрийских сцен на многократно публиковавшейся керамической вазе VI в. из Мервской буддийской ступы (Пугаченкова, 1967, с. 91-95, табл. 67; Луконин, 1977, с. 214-219). Одно из изображений на вазе представляет пирующих персонажей, держащих в руках цветки, возможно, тех же тюльпанов.

Несколько особняком стоят на этом фоне произведения официального сасанидского искусства, ярким выражением которого стали сасанидские рельефы. Женское божество на них, передающее очередному царю царей инсигнию власти, – как правило, достоверно определяемая Анахита. В некоторых случаях

женская фигура, изображенная на рельефе, не нашла единодушной среди исследователей идентификации, как это произошло с рельефом в Танг-и Кандил, высеченном при правлении Варахрана (Вахрама) II (276-293). Из трех персонажей рельефа, дама протягивает цветок тюльпана(?) (Луконин, 1979, с. 34) центральной мужской фигуре, позади которой находится еще один мужской персонаж, в правой руке держащий кольцо без лент, а в левой – рукоять меча (Луконин, 1979, с. 143, рис. 11). В.Г. Луконин указывает, что цветок как инсигния власти изображен и на другом сасанидском рельефе, в Дарабгирде, где цветы держат сыновья Шапура I (Луконин, 1979, с. 34). Определяя женскую фигуру на рельефе в Танг-и Кандил как царицу цариц Шапурдухтак, а центральную мужскую как знатного вельможу Арташира хазарапата, Луконин предполагает, что, поскольку «тюльпан – символ Анахиты», «инвеститура цветком, пожалуй, вполне логична. Царица цариц в раннесасанидскую эпоху отождествлялась с богиней Анахитой, и цветок мог символизировать такую инвеституру (не шаханшаха, но более низкого по рангу персонажа)» (Луконин, 1979, с. 34).

Совсем иную интерпретацию изображенного на рельефе предложили Ф. Грене и Ж. Гуангда: «Если центральная фигура, вероятнее всего, царь (видны концы развевающихся лент диадемы), то у женщины нет короны, и, следовательно, она едва ли может быть идентифицирована как Анахид или как царица. Не может ли этот этот рельеф представлять прибытие царя (возможно, Вахрама I) в рай, встречаемого его Ден и сопровождаемого его Хваррах?» (Grenet, Guangda, 1996, p. 184, p. 10). Очевидно, что число суждений по поводу этого изображения может быть сколь угодно великим. Не пытаюсь его умножать, отмечу лишь ту важную роль, которую играет здесь вручение цветка женским персонажем (с чем, пожалуй, согласно большинство ученых). Названия цветов и их принадлежность определенным божествам, а, точнее, определенным дням месяца сасанидского календаря, зафиксированы обеими версиями среднеперсидского зороастрийского сочинения Бундахишн – и иранской, и индийской. Так, в Большом (иранском) Бундахишне

цветы рассматриваются в XVI главе, посвященной классификации растений. Согласно этой классификации тюльпан относится к цветущим растениям, «имеющим благоуханные цветки и растущим в различные времена года благодаря труду рук человека, или к имеющим многолетний корень и цветущим в свой сезон с новыми побегами и ароматными цветками» (XVI.13) (Anklesaria, 1956, p. 149). В дополнении к этой главе сообщается, что «каждый цветок принадлежит своему Амахраспанду» (XVI A) (то есть одному из зороастрийских божеств, Бессмертных Святых), правда, после перечисления божеств этой категории, жрецы продолжают список, упоминая рядом с каждым названием цветка определенный день зороастрийского календаря, принадлежащий, соответственно, тому или иному божеству. Анахиты среди этих богов нет, поскольку ее имя не вошло в календарь, а культ был ассоциирован с почитанием вод, имеющих свой день в календаре (поэтому посвященный Анахите гимн называется Абан-яшт, «Гимн Водам»). Тюльпан в Большом Бундахишне назван цветком Аштад (Арштад, зороастрийской богини справедливости), в Малом Бундахишне он не упомянут ни с каким божеством вовсе. Из всего этого не следует делать слишком определенных выводов – списки цветов не вполне совпадают в Бундахишнах. Могли также различаться придворная, жреческая, местные традиции в отношении тех или иных цветов. Представляется, что, помимо обозначения дня месяца, божества или выражения идеи процветания и плодородия как таковой, тюльпан мог указывать и на время события, совпадающее с периодом цветения тюльпанов и, что более важно, с весенним праздником.

Среди женских образов с тюльпанами, пожалуй, самыми известными и многократно обсуждавшимися в научной литературе являются изображения полуобнаженных женщин с различными предметами в руках, среди которых преобладают тюльпаны (рис.14), помещенные на серебряные сосуды. Большинство современных исследователей видят в этих сосудах образцы придворного сасанидского искусства, хотя высказывались и другие точки зрения. Так, Г.А. Пугаченкова вслед за М.Е. Массоном и А.Я. Борисовым считает

эти сосуды, найденные на территории России (три из них в Пермской губернии, в деревнях Квацпилеево и Слудки, четвертый – в Харьковской губернии, в слободе Лимаровка) произведениями согдийского искусства (Пугаченкова, 1952, с. 54-56).

В изображенных на кувшинах женщинах, на головах которых иногда присутствует нимб, Г.А. Пугаченкова видит жриц согдийской разновидности зороастризма, обслуживавших, в частности, Самаркандский храм огня, другими словами, «храмовых проституток», связывая их образы с празднованием *Ноуруза*, иранского Нового года, и почитанием местного героя, «умирающего и воскресающего бога» Сиявуша (Пугаченкова, 1952, с. 56-59).

К этим и подобным сосудам для вина или воды V-VII вв., которых В.Г. Луконин насчитывает не менее двух десятков (Луконин, 1987, с. 196), не раз обращались исследователи, предлагая различные интерпретации, в большинстве своем связывающие изображения на сосудах с почитанием зороастрийской богини воды и плодородия Ардви Суры Анахиты или дионисийскими культами (Луконин, 1987, с. 197 и сл.). Наиболее смелые предположения были сделаны самим В.Г. Лукониным, резко высказавшимся против точки зрения Г.А. Пугаченковой относительно среднеазиатской принадлежности сосудов и, принимая идею некоторых авторов об их западном происхождении, выступившим с интерпретацией изображений, известных по рисункам, сделанным с утерянного Строгановского сосуда, как «синкретического образа Анахиты – Девы Марии», что казалось автору вполне вероятным, принимая во внимание благоприятствование христианству со стороны Хосрова II (Луконин, 1987, с. 200 и сл.). Тем не менее, атрибуты богини или ее жриц, наблюдаемые нами на сосудах, прочно связывались как до, так и после утверждения христианства, с культами богинь плодородия и богини-Матери как в передневозточном, так и в центральноазиатском искусстве: изображение богини с младенцем известно с древнейших времен, его можно проследить от шумерских цилиндрических печатей до раннесредневековых центральноазиатских терракот; В.А. Мешкерис указывает на обыч-

ность этого сюжета «для большей части эллинистического Востока», включая Индию, Центральную Азию, Афганистан и особенно западнопарфянский Иран (Мешкерис, 1977, с. 25). На территории малой Азии и Армении за этим изображением может стоять богиня-Мать или Нана со своим сыном-любовником Аттисом, «умирающим и воскресающим богом», изображавшиеся на многочисленных терракотах из Малой Азии и Сирии как мать с обнаженным младенцем или юношей-пастухом (Russell, 1987, p. 236). Аттис был рожден Наной из плода граната или миндаля, выросшего, в свою очередь, из крови двуполого сына богини-Матери.

В любом случае, если один из кувшинов упомянутой выше группы, а именно несохранившийся Строгановский, известный только по рисунку, и можно связывать с христианским влиянием, то остальных это не должно касаться, исходя хотя бы из того, что женщины на нем полу- или совсем обнажены. Представляется, что ключом к разгадке если не места производства, то предназначения некоторых из этих сосудов является именно тюльпан, тем более, что, с одной стороны, его цветок в руке богини или жрицы может служить четким указанием на время года, запечатленное на сосуде, а с другой – помогает вовлечь эти изображения в соответствующий контекст.

Аргументируя свою интерпретацию происхождения и предназначения сосудов с тюльпанами, Г.А. Пугаченкова обращается к этнографическому материалу. В 1927 г. вышла статья Е.М. Пещеревой «Праздник тюльпана (лола) в сел. Исфара Кокандского уезда» (Пещерева, 1927) (дополненная автором в 1963 г.), неоднократно привлекавшая внимание исследователей. В этой статье описан весенний праздник тюльпанов, пришедший на время их цветения, примерно указанное автором как 10-20 апреля. В эти дни, как сообщают стихи «благочестивого исфаринского поэта Бобо Голиба», приведенные Е.М. Пещеревой,

Толпой выйдя в поле
И стар и млад собирают тюльпаны,
[Собирают их] в безмерном количестве.
Выходят [из селения] обществами
и семьями,

Собираются среди садов,
Пьют чай и едят суп,
А перед ними пляшет юноша.
Подвязав косы юноше...
.....
С шумом и криками,
Появляется букет цветов [дерево]
(Пещерева, 1927, с. 376-377).

Праздник длится три дня, в первый их которых рубят деревья и провожают на сбор тюльпанов молодых людей. Во второй – мужчины отправляются к обусловленному месту, в сады, окружающие Исфару, где и происходит основное действие: тюльпанами украшают заранее срезанные и освобожденные от листьев и сучьев деревья, «так густо, что дерево превращается в сплошной красный букет», затем эти деревья, предваряемые хором и музыкантами, относят к подготовленному участку земли (это небольшая только что вырытая яма, по краям которой расстилают ковры и кошмы), где устанавливают деревья, причем самое большое помещают посередине. Все это время поет хор, запускают фейерверки, между деревьями танцуют *баччи* (юноши в женской одежде). Вечером, торжественным факельным шествием в сопровождении песен, возвращаются в Исфару, где деревья выставляют на *чорсу* (в центре базара) по четырем углам. Третий день занят паломничеством к *мазарам*, один из которых посещают женщины, другой – мужчины. Женщины устраивают у мазара жертвенное угощение и гадают на детей, затем купаются в реке (Пещерева, 1927, с. 376-377).

Деревья с подвязанными к ветвям кроны тюльпанами, несомненно, служат образами «мирового дерева». В пользу этого говорит и то обстоятельство, что устанавливая их, формировали вполне определенное пространство, – это следует из описания Е.М. Пещеревой, которая указывает, что во время основной части празднества самое высокое дерево ставили в центре, а после перенесения деревьев в село, на центральной площади, перекрестке базара (*чорсу*, «четыре стороны»), их устанавливали «по четырем углам». «Мировое дерево» часто предстает фантастическим цветком, напоминающим стилизованное изображение тюльпана, в произведениях сасанидс-

кой торевтики. Имеется и другое, опять-таки связанное с таджикской этнографией подтверждение того, что тюльпан традиционно мыслился цветком, передающим организацию пространства. О.А. Сухарева обращает внимание на то, что в то время, как во многих районах розетки, служащие элементом декоративных вышивок, называются самими вышивальщицами «луна» и «солнце», «в Самарканде и некоторых других районах (ареал не выяснен) розеткам придается иная семантика: “тюльпан” – лола... Возможно, ... что семантика названия лола для розеток – основного, ключевого мотива крупных декоративных вышивок – была порождена теми же идеями, что и “праздник тюльпанов”» (Сухарева, 2006, с. 88). Действительно, несколько неожиданное именование круглой, как правило, многослойной и многолепестковой цветочной розетки (простой формы, которая, на мой взгляд, несет в себе широкий спектр важнейших смыслов, включая жертву, «мировое древо», центр, ось мира, вертикальное трехчастное его деление, соотносимое с «трехслойностью» розетки (см.: Крюкова, 2006, р. 50) «тюльпаном» могло быть обусловлено только ритуально значимыми причинами.

О.А. Сухарева отметила, что, скорее всего, описанный праздник тюльпанов раньше имел и более широкий ареал распространения, не будучи ограниченным районом Исфара: «...Обращает на себя внимание наличие во многих местах топонима Лолазор – “Тюльпанное поле” (так называлось, например, пригородное селение Самарканда, позже вошедшее в черту города). Термин “лолазор” автору приходилось слышать в значении “женские (или молодежные) гуляния”. Это показывает, что обряды, связанные с тюльпаном (генетически восходящие к древнему культу пробуждения природы), скорее всего, не имели узлокального характера» (Сухарева, 2006, с. 88).

Подобно двум названным выше ученым дамам, Г.А. Пугаченкова также характеризует праздник тюльпана как «специфический во многих отношениях именно для Средней Азии» и «перекликающийся с древними культурами возрождающейся природы», включает в область его бытования Бухару, а также делает важное добавление, раскрывая

«стародавнюю местную основу» праздника (Пугаченкова, 1954). Необходимо отметить, что этнографические данные убеждают нас в том, что почитание тюльпана в Средней Азии было еще шире: профильное изображение этого цветка является одним из самых характерных и часто встречающихся на старинных туркменских вышивках, свидетельствуя, возможно, о продолжении древнейшей традиции, восходящей к эпохе бронзы и искусству БМАК. Таким образом, высказанное еще Е.М. Пещеревой предположение о древнем основании праздника тюльпанов многократно подтверждается. Также и серебряные сасанидские сосуды (рис. 15) оказываются не единственным примером изображения жриц или богинь с тюльпанами. Вряд ли можно связывать рассмотренные изображения на культовых сасанидских кувшинах с *Ноурузом* (как предлагала Г.А. Пугаченкова), относимым, как правило, к конкретному событию (не вполне совпадающему со временем цветения тюльпанов) – дню весеннего равноденствия. Скорее, речь здесь может идти о другом весеннем празднике плодородия, почитающем, вероятнее всего, женское божество, его подающее. Несомненно непосредственное отношение этого божества к водам, что подчеркивается как изображениями богинь с сосудами, так и самими этими сосудами, служившими для ритуальных возлияний. Можно предположить, что среднеазиатский праздник, маркером которого служил тюльпан, утвердился значительно ранее Ноуруза, а затем, потеряв конкретный древнейший смысл, вошел в новую обрядность, в том числе зороастрийскую и этнографически засвидетельствованную.

Подводя итоги, следует отметить, что с определенной долей вероятности можно утверждать, что ряд явлений, таких, как ритуалы, связанные с возрождением природы, проводившиеся в пору цветения тюльпанов, культ выдры и представление о близости этого животного жреческому кругу, а также некоторые образы женских божеств, вошедших в зороастрийский пантеон, прослеживаются в центральноазиатском регионе начиная с эпохи бронзы. Если мнение о вероятном влиянии переднеазиатских черт БМАК на

формирование индоиранской мифологии в целом, приведем к некоторому изменению в ней важнейших индоевропейских сюжетов, в том числе, к трансформации драконоборческого мифа и, возможно, образов вод-

ных богинь плодородия, уже высказывалось (Witzel, 2003, p. 52), теперь можно говорить и о частных деталях, которые сохраняются в культурах Центральной Азии на протяжении тысячелетий.

Рис. 1. Бронзовая перегородчатая печать с изображением тюльпана, Маргиана (Сарианиди, 2002, с. 268).

Рис. 2. Изображение тюльпана, вырезанного из глиняного листа и затем обожженного (раскоп 16, пом. 127).

Рис. 3. Стеатитовый миниатюрный сосуд, дворец Гонур-депе (Сарианиди, 2002, с. 126).

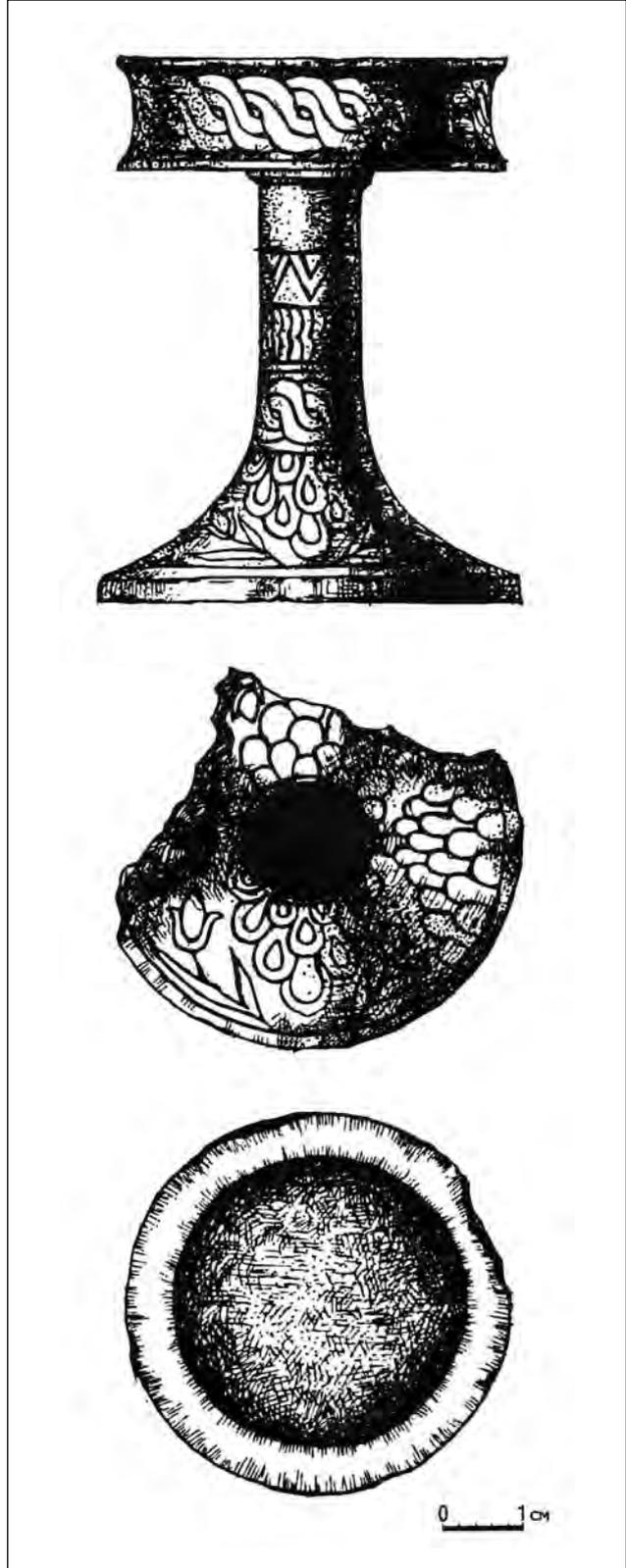

Рис. 4. Каменная ваза, некрополь Гонура (Сарианиди, 2001, с. 70).

Рис. 5. Каменное навершие жезла, Бактрия (Sarianidi, 1986, s. 160).

Рис. 7. Культовый сосуд с изображением козлов у «мирового дерева» (Сарианиди, 2002, с. 99).

Рис. 6. Оттиск цилиндрической печати из Маргианы (Сарианиди, 2002, с. 268).

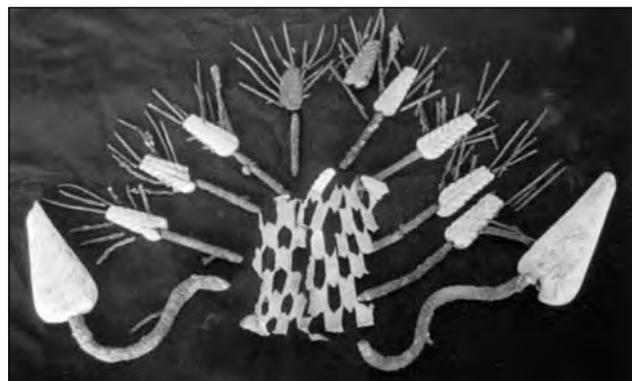

Рис. 10. Божество плодородия, Гонур-депе (Сарианиди, 2005, с. 217, рис. 79).

Рис. 8. Каменная цилиндрическая печать, Бактрия (Сарианиди, 2002, с. 310).

Рис. 9. Цилиндрическая печать, Гонур-депе (Сарианиди, 2002, с. 278).

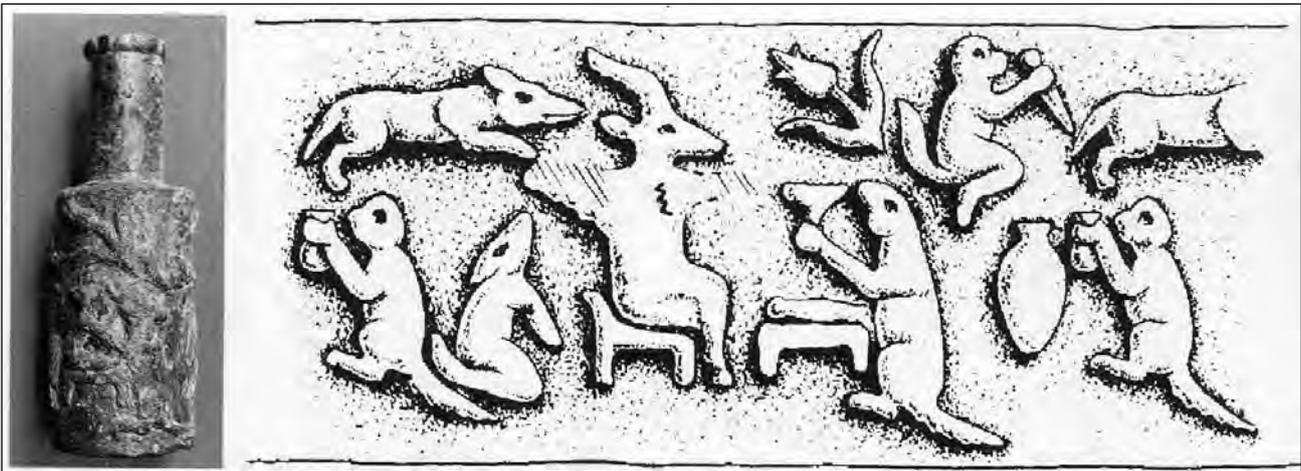

Рис. 11. Бронзовый косметический флакон из Бактрии, Anahit Gallery (Сарианиди, 2002, с. с. 110).

Рис. 15. Сосуд с изображением женских фигур (детали), Государственный Эрмитаж (Тревер, Луконин, 1987, рис. 40, 41).

Сообщение об анализе железной булавки из Гонура¹

Введение

Железная булавка с золотым навершием в форме цветка была найдена на хорошо известном Царском некрополе Гонура (Туркменистан, эпоха бронзы) (рис. 1 – см. цветную вклейку). Гробница 3200 на царском некрополе, из которой происходит изделие, датируется концом III тыс. до н.э. – временем, когда, вероятно, начинается производство первых железных сплавов (Wertime, Muhly, 1980; Craddock, 1995, p. 257 – 259). Поэтому важно попытаться определить, имеет ли использованное железо возможное метеоритное происхождение или получено путем плавки.

Метеоритное железо, использовавшееся древним человеком, происходит из сидеритовых железных метеоритов (Craddock, 1995, p. 103–109; Coghlan, 1956, p. 24–38). Оно имеет очень характерную микроструктуру, которая сохраняется даже послековки и умеренного накаливания. К сожалению, большинство ранних железных изделий сильно корродированы, и срезы, необходимые для металлографического обследования, удается получить очень редко. Сидеритовые метеориты состоят из железа с минимальным 5% (до 20%) содержанием никеля, в среднем составляющего около 8% (Buchwald, 1975). Таким образом, наличие или отсутствие никеля в ранних железных артефактах является надежным индикатором происхождения железа, но, к сожалению, ряд факторов, обсуждаемых ниже, делает это разделение менее четким.

Анализ

В лабораторию Британского музея для обследования поступило несколько небольших фрагментов железа. Несмотря на полную коррозию, их реакция на магнитное воздействие позволяет определить наличие магнетита (Fe_3O_4). Образцы анализировались сильно рассеянными рентгеновскими лучами. Поскольку металл корродирован, точный количественный анализ был невозможен, но удалось определить, что никель относительно железа составлял около 2%. Другие металлы не обнаружены, особенно следует отметить отсутствие кобальта (уровень содержания 0,05%), который часто выявляется в отложениях земных железных руд, и мышьяка (уровень содержания 0,05%), содержащегося в некоторых ранних железных сплавах.

Обсуждение

Существуют две главные проблемы в использовании никелевой составляющей для определения происхождения железа. Никель в первую очередь выщелачивается из корродированных железных изделий, кроме того, железные руды иногда имеют никелевую составляющую, которая оказывается включенной в железный сплав. Отсутствие решения этих проблем приводит к серьезным затруднениям в определении ранних железных сплавов (Waldbaum, 1978; 1980).

Дж. Баддхоу (Buddhoe, 1957) вслед за Р. Геттенсом с соавторами (Gettens et al., 1971) и Ли Чаном (Li Chung, 1979) показал, что никель, характеризующий микроструктуру

1 Перевод с английского В. Куфтерина

метеоритного железа, в значительной степени снижается или практически полностью удаляется из коррозированных артефактов. Поэтому большинство хорошо известных образцов (составляющих, по меньшей мере, 5%) с территории Ближнего и Среднего Востока, таких как артефакты (включая железную булавку с позолоченным навершием) из Алача-Хююк в Анатолии (Kosay, 1944, p. 189) и Угарита в Сирии (Photos, 1988), считаются метеоритными (несмотря на отсутствие металлографического обследования).

Но известно несколько примеров, когда ранние железные артефакты с небольшим процентом никеля включали также шлаки, что, по-видимому, является результатом

плавки железных руд, содержавших никель (Hallstrom, 1973; Photos, 1988; Craddock, 1995, p. 105 – 106). Однако они все же редки и, обычно, также имеют значительные следы кобальта. Достоинно внимания, что во многих металлографических исследованиях артефактов из железных сплавов с Ближнего, Среднего Востока и других территорий очень редко определяются более чем незначительные следы никеля, по этой причине традиционно считается, что немногие древнейшие образцы с никелем действительно имеют метеоритное происхождение. Таким образом, состав булавки из Гонура близок к другим образцам металлических изделий из метеоритного железа.

Археология среднеазиатских бытовых традиций

Е.Г. Царева

Филикли: к истории узелкового ткачества в Центральной Азии (по материалам Месопотамии и Туркменистана)

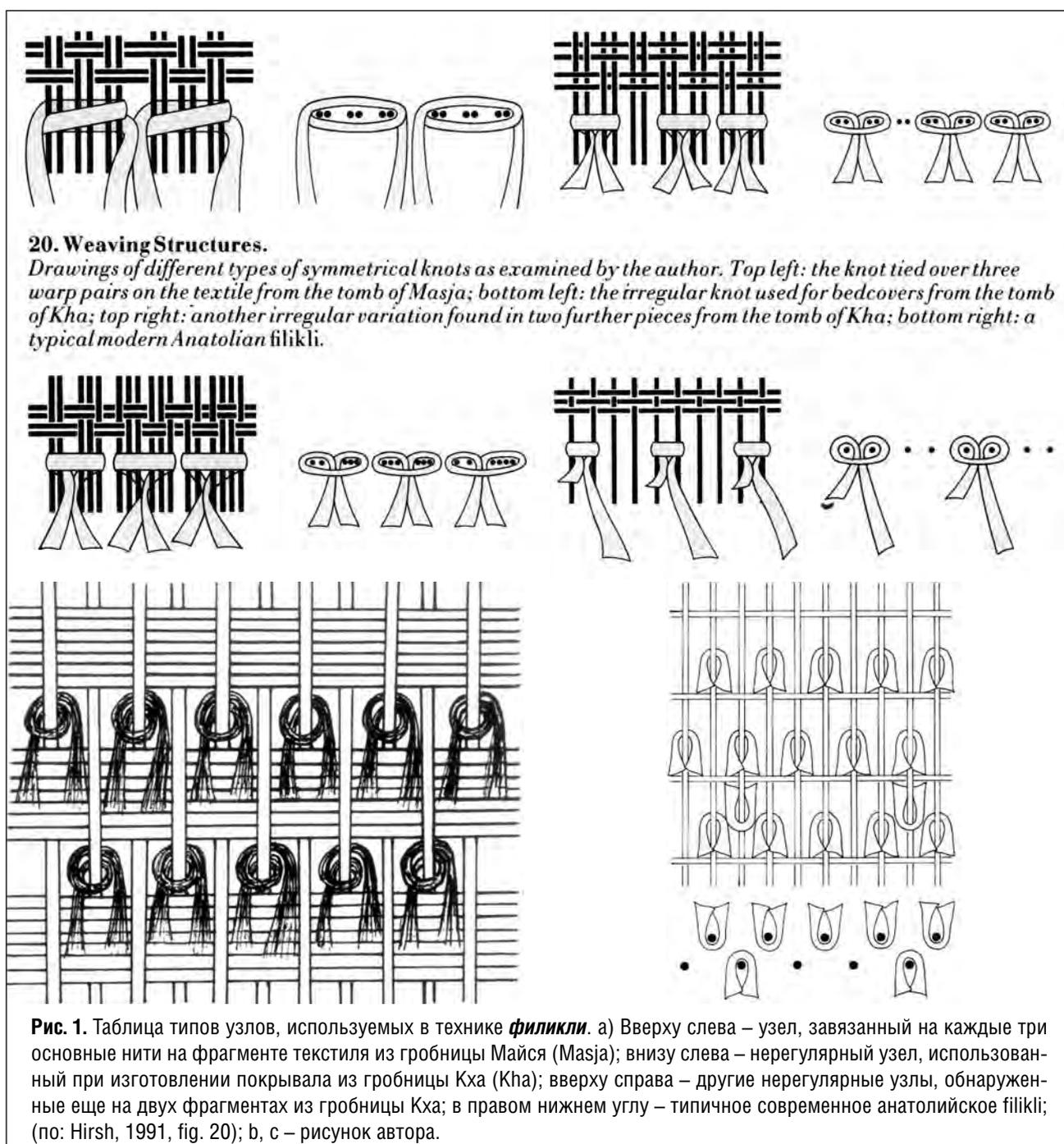
Турецкие *филикли*, греческие *каунакесы*, закарпатские *гуни* – названные термины используются сегодня для обозначения особой, возможно, самой древней из известных нам узелковых структур, а также как название для выполненных в этой технике изделий¹. Три обозначенные названными терминами ареала принадлежат Циркумпонтийской зоне, однако если мы попытаемся проследить историю появления техники, то обнаружим первые вещественные свидетельства ее существования среди находок из Царских гробниц Ура, Шумер, Нижняя Месопотамия, середина 3-го тыс. до н.э. (Woolley, 1934, p. 238; Hirsch, 1991, p. 106). Равно и первые письменные упоминания профессии ковродела: *поиеур* – «ткач узлов» — появляются в текстах Верхней Месопотамии, хотя и в более поздний, древнеавилонский период (Barrelet, 1977, p. 57, 59–60). Далее я буду называть рассматриваемую технику наиболее распространенным сегодня термином *филикли*, хотя, как было сказано выше, структура имеет множество вариантов исполнения и названий. Структурно их объединяет применение выполняемой толстой рыхлой пряжей

узелковой вязки (рис. 1); наличие длинного ворса (до 30 см и более); созданные множественными прогонами утка широкие интервалы между рядами узлов (рис 2 – см. цветную вклейку), благодаря которым концы узлов образуют четко обозначенные ряды; а также использование в декоре крупных, как правило, геометрических построений (рис. 3 – см. цветную вклейку).

Поскольку наиболее ранние свидетельства о существовании *филикли* были найдены в Шумере, существует общее мнение, что техника была изобретена именно на этой территории. Однако, говоря о великой шумерской цивилизации, мы обычно имеем в виду древне-месопотамскую культуру шумерского периода в целом. По отношению к *филикли* это означает, что сегодня невозможно точно сказать, кто изобрел эту фантастически интересную технику, когда, и в какой части древнего культурного мира Старого света.

Понимание того, насколько древним является описанный вид ткачества, пришло недавно. Дискуссия была начата Мери Хьюстон (Houston, 1920, p. 54, fig. 110, 111, 112) в связи с изображениями использовавшихся

1 Другие, не совсем верные по отношению к *филикли*, хотя и распространенные на Ближнем Востоке названия для длинноворсовых ковров: «закатала» и «курдские тулу» (восточная Анатолия, Северный Ирак) (Wertime, 1998).

древним населением Месопотамии юбок, часто описывавшихся в литературе как «сделанные из звериных шкур»². М. Хьюстон предположила, что они представляют собой тканые изделия, что со временем было успешно доказано текстильными находками, обнаруженными в 1920—начале 1930-х годов

сэром Леонардом Вулли в царских гробницах Ура (Южная Месопотамия, ок. 2600 до н.э.). Аналогично многим другим текстильным находкам, под влиянием воздуха эти фрагменты довольно быстро дезинтегрировались, и, хотя Вулли оставил хорошее описание этих ворсовых тканей, мы уже никогда не сможем

2 Только никогда не бывавший в Южной Месопотамии и не испытывавший тяготы ее влажного и экстремально жаркого климата человек мог предположить, что местное население носило шкуры. Это физически невозможно. Иное высказанное предположение, что они могли носить одежду из листьев, могло бы больше соответствовать природным условиям региона, однако оно не подтверждается историко-этнографическими данными, согласно которым наиболее архаичные виды одежды сохранилась у некоторых маргинальных групп населения экваториальной тропической зоны, например, у андаманцев, обитателей островов Бенгальского залива, (Царева, 2009, с. 254).

дополнить те данные, которые были опубликованы им в 1934 г. (Woolley, 1934, p. 238; Hirsch, 1991, p. 106).

Исследователь, развивший тему, обогативший ее важнейшей информацией и связавший работы шумерских *поуеир*-ов с малоазийскими *филикли*, — Удо Хирш. Его базовая для данной темы статья «Ткани богов и королей» пролила новый свет на историю коврового ткачества, и инициировала дальнейшее изучение вопроса (Hirsch, 1991, p. 104—111, 128).

Возможно, лучшими иллюстрациями, показывающими использование длинноворсовых тканей в шумерский период, являются два памятника, происходящие из города Мари, юго-восточная Сирия³. Один, в виде небольшой алебастровой статуэтки, датированной 2500-ми годами до н.э., изображает одетого в юбку в технике *филикли* и сидящего на плетеном стуле Интенданта Эбили-ил (рис. 4). Второй — многоцветная настенная роспись вавилонского периода (ок. 1800 г. до н.э.), представляет жреца и жрицу в сцене ритуального возлияния (рис. 5). Изначально статуэтка была раскрашена, но время смыло яркие тона, оставив мягко сияющую белую алебастровую поверхность. Изготовивший статуэтку мастер вырезал ее столь тонко, что мы видим каждую нить одеяния Интенданта, причем верхний ряд узлов юбки позволяет ясно увидеть их структуру. Менее подробная в передаче фактуры ткани, роспись дает представление о том, как жители Мари декорировали *филикли*, используя при их изготовлении ярко окрашенную пряжу, создающую рисунок в красную, желтую, серую и белую клетку.

Отметим, что многочисленные древние изображения ясно показывают, что одежда в ворсовой технике являлась принадлежностью костюма исключительно божеств и лиц с высоким социальным статусом, главным образом мужчин: жрецов, царей, позд-

нее — чиновников высокого ранга. Именно такую картину представляет мозаика Царского штандарта Ура (ок. 2500 до н.э.) (рис. 6). Обратим внимание, что единственный из 80 представленных на обеих сторонах штандарта персонаж в юбке *филикли* (сторона «мир», верхний ряд слева) изображает сидящую на полукресле персону высокого ранга. Остальные участники сцены, в том числе и сидящие, одеты в более простую одежду, в то время как рабы могут быть и вовсе обнаженными (это известно также по письменным источникам). В аналогичную юбку одет и царь, изображенный на раннединастической каменной плакетке из Лагаша⁴ (Caubet, Pouyssegur, 1997, p. 64), и другие персонажи на этой плакетке и других многочисленных ранних памятниках Междуречья.

Может возникнуть вопрос: что привело к тому, что на территории нижней Месопотамии, с ее экстремально жарким климатом, люди пришли к идее изготовления внешне имитировавших шкуры животных тканей? Ответ очевиден, если сравнить костюм Шумера с одеждой населения других территорий с убийственно жарким климатом, например, обитателей пустынь Центральной Азии. Каждый, кто путешествовал здесь в летний период, знает, что для избегания обезвоживания и солнечного удара местное население надевает толстые войлочные, меховые или подбитые ватой халаты и высокие меховые шапки. Повторим, что в отличие от безводных центральноазиатских пустынь, климат южной Месопотамии экстремально влажен, поэтому использование мехов здесь невозможно. Великие изобретатели, шумеры, однако, нашли им тканую замену в виде тканых имитаций, длинный ворс которых сохранял все преимущества меха, однако сами ткани были значительно легче по весу и несопоставимо более здоровыми для кожи. Носившие юбки *филикли* люди были защищены от воздействия раскаленного

3 Мари, Средний Евфрат, юго-восточная Сирия. Город был основан в начале III тыс., и существовал до конца I тыс. до н.э. Цари Мари играли важную роль в политической жизни Месопотамии 3-ей четверти III и в начале II тыс. до н.э.

4 Лагаш (ал-Хиба) — месопотамский город-государство раннединастического — древнеавилонского периода, находится на высохшем протоке Евфрата. Был основан в начале III тыс. до н.э., играл значительную роль в жизни Месопотамии вплоть до конца I тыс. до н.э.

воздуха и от обезвоживания. Одновременно они могли сидеть (многие изображения представляют сидящих персонажей) на любой поверхности, вне зависимости от того, было ли это дерево или камень, который в условиях Месопотамии, при 60 градусах по Цельсию в тени, мог быть раскаленным, как сковорода.

Многочисленные вещественные находки и некоторые специальные исследовательские проекты последних лет⁵ позволили увидеть, что разработанная шумерскими ткачами техника еще в древности распространилась далеко за пределами своей колыбели, а также что со временем – возможно, что и с местом, – одежда в технике *филикли* стала более «демократичной». Мы видим это по памятникам Бактрийско-Маргианского археологического комплекса, роскошные и невероятно красивые находки которых из храмового города Гонур Депе представляют разнообразные варианты «одетых» в длинноворсовые одежды фигур (Сарианиди, 2002, р.140, 141, 231, 161, etc.). Примерами таких находок являются навершие изысканной серебряной булавки конца III тыс. до н.э. (рис. 7), изображающее сидящую женскую фигуру; а также серебряная печать с образом Хозяйки зверей. Костюм обеих практически идентичен одежде Месопотамии периода бронзы, что представляет выразительный дополнительный материал к нашим знаниям о культурных и этнических контактах между населением обоих регионов.

Чем больше мы изучаем прошлое, тем лучше понимаем, что культуры древности имели гораздо более тесные контакты, чем это часто представлялось многими историческими трудами. Современные исследования показывают, что создатели ранних цивилизаций охотно заимствовали друг у друга новые материалы, техники и предметы роскоши. Вполне естественно поэтому, что пришел день, когда восхитительные ближневосточные ворсовые ткани появи-

лись в Египте, где стали атрибутом быта фараонов и их окружения. Важнейшее для историков текстиля обстоятельство в том, что египетские памятники являются не косвенными свидетельствами, но подлинными тканями, сохранившимися в захоронениях фараонов и чиновников высокого ранга страны Та-Кемет. Самые ранние из таких артефактов были обнаружены в гробнице архитектора Кха, и датируются 14 веком до н.э. (Schiaparelli, 1927). В отличие от Месопотамии и Гонура, египтяне применяли ворсовую технику для изготовления не предметов одежды, но полотенец, ковриков и одеял (рис. 8).

Египетские длинноворсовые ткани делались из льна, при этом манера изготовления использованных в них нитей в деталях следовала местной текстильной традиции. У нас, однако, есть весомые основания предполагать, что техника была принесена на берега «льняного» Нила сирийскими ткачами, одновременно с килимным ткачеством (Carter, Newberry, 1904, р. 28), шерстью и искусством ее крашения. Точнее, с теми группами ближневосточных ремесленников, которые были переселены в Египет Тутмосом III (1479—1425) после завоевания им ряда территорий Восточного Средиземноморья, и позднее – его внуком, Тутмосом IV (1397—1388) (Царева, 2010, с. 570).

Двумя веками позднее (рис. 9 – см. цветную вклейку) ворсовые ткани появляются в поселениях бассейна реки Тарим⁶ (Wenying, 2006), где активно используются вплоть до конца I тыс. н.э., а также среди обитателей колоссальных пространств центральноазиатских степей и высокогорий, особенно – саксов и родственников им бактрийцев (Tsareva, 2009).

Даже этот ограниченный лакунарными находками перечень показывает, что уже в эпоху бронзы описанный метод ткачества широко распространился в Евразии, где продолжал успешно распространяться и

5 Одним из таких проектов была проходившая в Сартиране, Италия, небольшая конференция и приуроченная к ней выставка (материалы опубликованы – Battini Ch., 2009).

6 В соответствии с результатами тестирования многочисленных ковровых памятников по углероду, самый ранний известный нам фрагмент в технике *филикли*, обнаруженный в бассейне реки Тарим, датируется 12 веком до н.э.

развиваться в последующие времена. Демонстрируемая длинноворсовыми тканями стабильность в технических деталях может показаться невероятной, однако в реальности должна быть признана абсолютно типичной для ткачества. Для сравнения: еще более архаичными и также активно практикуемыми в наши дни ткацкими структурами являются *твайн*, *килим*, *простое прямое переплетение* и др.

При изучении ранних периодов истории текстиля мы сталкиваемся с проблемой крайней фрагментарности имеющихся археологических материалов, что в значительной степени объясняется необходимостью существования особых почвенно-климатических условий для их сохранения. В результате находки тканей единого типа с одной – или близких – территорий могут быть отдалены по времени на сотни и даже тысячи лет. Показательным примером могут служить месопотамские длинноворсовые ткани. Как было сказано выше, первые коврики *филикли* были обнаружены в гробницах Ура и датировались III тыс. до н.э. Следующая группа фрагментов в аналогичных техниках из Междуречья была найдена в пещерах поселения Аль-Тар, район Кербелы⁷, с датировками в интервале от 140+/-95 до н.э. – 170+/-250 н.э. (рис. 10 – см. цветную вклейку). Некоторые из них демонстрируют классические для *филикли* характеристики: узелковая техника, длинный ворс, множественные прогоны утка (Al-Tar, 1976, p. 125, 137–138; 178 sp.114, colour plate No.114). Другие являются уже классическими коротковорсовыми структурами. Сделанная из грубой овечьей шерсти, их ворсовая пряжа имеет выраженное пряжение и сучение, в отличие от находок из Ура, сделанный из козьей шерсти ворс которых представляет собой так называемые «пучки». Отметим, что аналогичные по структуре ткани ткуются в Ираке и сегодня (рис. 11 – см. цветную вклейку).

Археологи идентифицировали находки из Аль-Тара как коврики и постилки, что показывает, что отмеченная в Уре и воспринятая в Египте практика использования ворсовых тканей как постилок, к эллинистическому периоду стала доминантной для всего Ближнего Востока. Не будет, видимо, ошибкой предположить, что египтяне покрывали свою мебель длинноворсовыми тканями, следуя уже устоявшейся в Восточном Средиземноморье «моде». Изделия в технике *филикли* при этом были постепенно вытеснены в область ритуальных атрибутов одежды (об этом чуть ниже) и, что примечательно, пастушеского костюма. В последнем они служили накидками того типа, что мы видим на солдатах Штандарта Ура (рис. 6б), чудесным образом сохранившихся на Балканах и на других территориях Восточной Европы в форме плащей типа *гуня* (рис. 12) и пр.

В определенной степени идея применения длинноворсовых техник для изготовления ритуальной одежды подтверждается находками из сакских Пазырыкских курганов Горного Алтая, 6—3 вв.⁸ Если пирамиды долины Нила сохранили ткани, созданные многими поколениями египтян, то расположенные за тысячи километров от них алтайские курганы оказались такими же хранилищами текстильных сокровищ сакских племен (Руденко, 1968). Аналогично пирамидам, замерзшие высокогорные курганы были безжалостно ограблены еще в древности, однако и то немногое, что уцелело, оказалось достаточно, чтобы представить нам изысканную текстильную культуру ранних кочевников этого региона.

Помимо разнообразных гладких беззорных и орнаментированных тканей, в четырех из пяти больших Пазырыкских курганах были найдены 17 длинноворсовых предметов, выполненных в петлевом варианте техники *филикли* (Царева, 2006). Большая их часть является ковриками (рис. 13) и украшения-

7 Пещеры Аль-Тара были раскопаны совместной иракско-японской археологической экспедицией в 1970-х гг. (Al-Tar I, 1976; Al-Rafidan, 1980).

8 Пазырыкские курганы были обнаружены в сердце евразийского материка, в горах Алтая, на высоте 1600 м над уровнем моря. Некрополь состоял из 5 больших и 9 малых курганов. К этому же типу относятся Башадарские, Туэктинские, Ак-Алахинские и другие группы курганов ранних кочевников Южной Сибири. Первый большой курган был раскопан в 1929 г. М.П. Грязновым; последний, пятый, со знаменитым ворсовым и большим войлочным ковром – в 1949 г. экспедицией под руководством С.И. Руденко (Руденко, 1970).

Рис. 15. Амазонка, одетая в леопардовую шкуру.
Рисунок Т. Хоупа, 1812 г. с греческой вазы.
Публикуется по: Норе[1812], pl. 28.

ми сбруи коней, однако один из артефактов является раритетным для середины 3 века до н.э. предметом одежды. А именно: мумия вождя из кургана № 5 (ПК-5) была одета в длинноворсовую набедренную повязку, которую мы можем интерпретировать как пережиточную форму мужской юбки (рис. 14)⁹. Учитывая, что похоронные ритуалы были невероятно важны для людей древности, и ни один атрибут их погребального инвентаря не был случайным, тот факт, что мумия вождя была одета в повязку-*филикли*, при всей единичности факта, представляется важным для выяснения происхождения этого архаичного типа одежды. Корни традиции, как нам представляется, уходят в период, когда жители северных зон Евразии делали одежду из звериных шкур, позднее замененных

их длинноворсовыми имитациями. И хотя сравнение может показаться не совсем корректным, в качестве примера долгого использования шкур в одежде я назову представленное на античной греческой вазе изображение амазонки, частью костюма которой является шкура леопарда, образующая спереди снизу «длинноворсовый» треугольный набедренник (рис. 15).

Поскольку мы затронули вопрос о ворсовых находках из пазырыкских курганов, представляется уместным сравнить 17 выше названных изделий. 15 из них выполнены в технике филикли, и два – так называемый башадарский фрагмент и пазырыкский ковер – в технике узловязания. Башадарский фрагмент соткан асимметричным открытым вправо узлом; а знаменитый ковер из ПК-5 – симметричным, с большой депрессией. Его многокомпонентный, «закодированный» рисунок, по всей вероятности, представляет сложнейшую, тонко разработанную картину мира¹⁰, как его рисовали себе изготовители (либо заказчики) ковра в 4 в. до н.э. (рис. 16 – см. цветную вклейку). Сравнение техники исполнения и декора петлевых и узелковых изделий из курганов пазырыкского типа, очевидно, показывает, что изначально простые и рыхлые, с течением времени ворсовые структуры развились в более плотные и прочные варианты, позволяющие ткачам создавать сложные, детально «прорисованные» изображения. С другой стороны, данное обстоятельство фиксирует тот факт, что узелковая техника не вытеснила *филикли*, и оба варианта ворсовых структур мирно сосуществовали в одной культуре. Дальнейшие наблюдения показывают, что вне зависимости от того, когда появился данный синхронизм, однажды сложившись, в Евразии практика продолжала – и продолжает – свое существование и в наши дни.

В качестве одной из причин распространения узелковой техники именно у скотоводов Степи можно предложить экономический фактор. Проблема заключалась в разном объеме материалов, требующихся для петле-

⁹ О ранних формах юбок и их связи с сакрализованными передниками с бахромой см.: Царева, 2009.

¹⁰ Узелковый ковер из ПК-5, несомненно, сделан «по картону», разработанному носителями сакральных знаний своего времени, и был выполнен высокопрофессиональными мастерами в одном из ковродельческих центров Ахеменидской империи, предположительно, в одной из ее северо-западных сатрапий.

вой и узелковой структур, поскольку узелковая техника требует гораздо больше ворсовой пряжи, чем петлевая. При учете того, что в массе земледельческое население стран Средиземноморья и Циркумпонтийской зоны применяло для основы и утка лен, коноплю и другие растительные материалы, а хорошо окрашиваемую шерсть (главным образом козью) – только для ворса, это отличие увеличивается в разы. Одновременно скотоводы, в том числе и ранние кочевники, не были ограничены в объемах используемой овечьей шерсти, и использовали ее не только в качестве узоробразующего материала, но также и базового структурообразующего, то есть для основы и утка.

Мы видим развитие традиции сосуществования обеих техник на примере разных групп находок, в том числе обнаруженных в 1930-х годах при раскопках Пальмиры и Дура-Европоса, разрушенных Сасанидами в 256 г. Найденные здесь археологами ворсовые фрагменты представляют однотонные окрашенные шерстяные ткани в различных вариантах техники *филикли* (Pfister, 1940, p. 25, L. 120, pl. VI-a; Pfister, Bellinger, 1945, pl. IV-231, XXII-225, XXIII-231, XXXIII-K, L, M). И, одновременно, коротковорсовые узелковые артефакты с многоцветными рисунками (Pfister, Bellinger, 1945, pl. IV-232, back). Богатейшие центры международной торговли, оба названных сирийских города аккумулировали в своих частных и общественных домах и некрополях сокровища, привезенные со всех концов ойкумены, от Китая до Египта. Это обстоятельство не позволяет говорить с уверенностью о местном происхождении названных тканей. Вполне вероятно, что они были привезены торговыми караванами из различных евразийских текстильных центров, что вновь и вновь демонстрирует нам высокий уровень культурной интеграции стран эллинистического мира.

Какую бы характеристику *филикли* мы ни рассматривали, каждая дает поводы для вопросов и размышлений. Один из вопросов-наблюдений состоит в том, что находки из Аль-Тара, Пальмиры и Дура-Европоса представляют огромное разнообразие вариантов структур, поскольку практически каждый из фрагментов демонстрирует индивидуальную манеру вязки, иногда очень простую, в других случаях – крайне сложную, с двусторонним ворсом и пр. (Al-Rafidan, 1980, 31—33, etc.). Такая вариативность как правило характерна для имитаций и инноваций (Царева, 1983), однако это «правило» не распространяется на *филикли*, поскольку образцы 19 в. имеют столь же многочисленные структуры, сколь и их предшественники 2 в. до н.э. Единственным объяснением может быть предположение, что данная система была частью изначальной традиции создателей техники, работавших в рамках соблюдения таких параметров как длина ворса, плотность структуры и др., но имевших определенную свободу в выборе других показателей, включая тип вязки.¹¹ Коротко говоря, изготовителям *филикли* был важен результат, а не способы его достижения. Прецедент не единичен, поскольку аналогичную картину представляют длинно- и коротковорсовые ковровые ткани Бактрии 3 в. до н.э. – 7 в. н.э.

Термин «бактрийские ковры»¹² в настоящее время является вполне устойчивым и относится к большой группе ворсовых изделий кушанского времени и позже. Большая их часть была найдена археологами в поселениях бассейна реки Тарим или, шире, пустыни Такламакан. Другие относятся к хранившимся в монастырях Тибета раритетам, уцелевшим после разгрома монастырей китайцами в 1950-х годах. Небольшое число было обнаружено в пещерах Гиндукуша по трассе Великого Шелкового пути из Центральной Азии в Индию. Некоторые из таких находок выполнены в технике собственно *фили-*

11 Материалы автора, полученные в процессе подготовки выставки и каталога в рамках Международного проекта «The Verse of the Carpet», реализуемом в Дохе в 2015 г.

12 Термин происходит от названия страны – Бактрия – и населявших ее народов, считающихся исконным ковродельческим населением Центральной Азии. Классические бактрийские ковры датируются временем от 3-го века до н.э. и до арабского завоевания. Абсолютное большинство бактрийских ковров остается не опубликованным, редчайшим исключением является включенное в статью изображение «львиного» ковра (Wenying, 2006, fig. 198).

кли, другие – в вариантах узелковой вязки, включая одноярусную. Примечательно, что подавляющая часть последних имеет комплексную структуру, сочетающую узорную узелковую вязку на лицевой стороне (рис. 17 – см. цветную вклейку) с простейшей *филикли* на изнанке. Отметим, что «изнаночный» ворс выполнен в наиболее архаичном «пучковом» варианте шумерского типа (рис. 18 – см. цветную вклейку).

Сегодня представляется очевидным, что уникальное по структурному разнообразию туркменское ковроделие сформировалось именно на базе бактрийских прототипов, от которых оно унаследовало не только техническое совершенство и многовариантность способов вязки, но и значительный слой изобразительных сюжетов и принципов композиционного построения орнаментируемой поверхности (Царева, 2004; 2006).

В качестве специфической формы древнего текстильного наследия Евразии можно рассматривать и особый тип среднеазиатских ковров, называемых в регионе *джульхыр* или *джульварак* (в переводе с таджикского – «медвежья шкура» – рис. 19 – см. цветную вклейку). Описанная В.Г. Мошковой, как наиболее архаичный для Центральной Азии прием ковровой техники, практика изготовления *джульхырс* и сегодня используется в регионе узбеками, таджиками и арабами.

Еще один «осколок» древних традиций ворсового ткачества – совершенно не изученный вариант индийского узловязания. Феномен представлен хлопковыми и шерстяными длинноворсовыми куртками 19 в., изготовленных для персонажей традиционного индийского театра Катхакали, в час-

тности, Царя обезьян Ханумана (рис. 20) (Царева, 2008). Этот вариант представляет особый интерес не только в силу уникальности, но и благодаря использованному материалу – хлопку, традиционному для Индии со времени существования цивилизации Инда, но совершенно не применяемому в качестве ворсовой пряжи в других ковродельческих практиках Евразии.

Столь же, если не более, архаичной представляется традиция использования техники *филикли* ткачихами Балканских стран и Западной Украины. Как уже упоминалось выше, местные мастерицы применяют ее для изготовления длинноворсовых курток-плащей *гуня*, являющихся старинным видом одежды пастухов Закарпатья (рис. 12). Благодаря этой особенности она может рассматриваться как практически абсолютная копия плащей шумерских воинов, изображенных на Штандарта Ура (рис. 6б).

К таким же прямым потомкам продукции древних шумерских «ткачей узлов» *поиеир* следует отнести и собственно коврики *филикли*, производящиеся на территории современной Турции¹³ (рис. 21 – см. цветную вклейку). По меньшей мере со II тыс. до н.э. Малая Азия была одним из древнейших импортеров месопотамских тканей, причем именно шерстяных (Barber, 1994, Ch. 7), поэтому вполне закономерно, что население региона восприняло и освоило технику изготовления тканей «богов и царей», сияющая красота и аура архаики которых заставляют нас и сегодня восхищаться человеческим гением, изобретателем одной из интереснейших текстильных традиций Древнего Востока.

13 Открытым пока остается вопрос о бытовании ковриков типа *филикли* у дидойцев, Северный Кавказ. Неясно, были они привозными из Турции, либо это было местное производство.

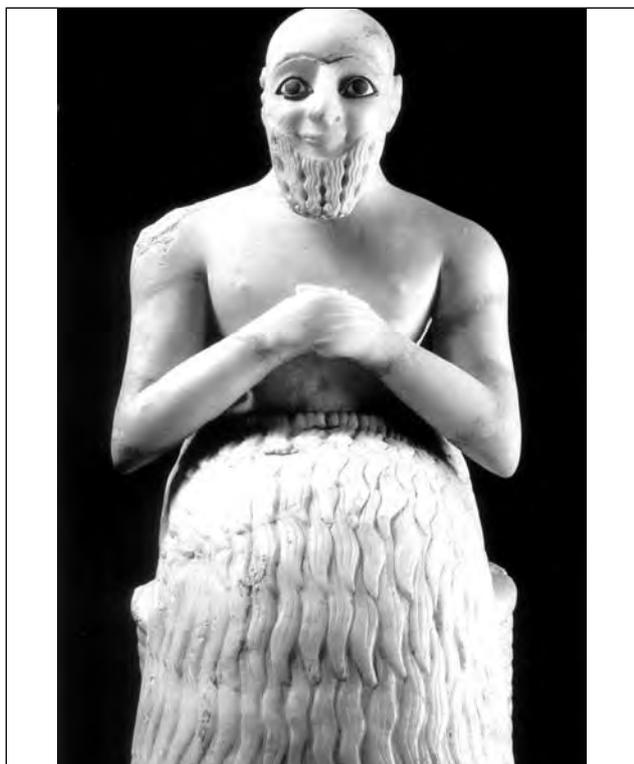

Рис. 4. Алебастровая статуэтка, изображающая одетого в юбку и сидящего на плетеном стуле Интенданта Ибили-ил. Мари, Месопотамия, шумерский период, ок. 2500 до н.э. Находится в Музее Лувра, Париж. Фото любезно предоставлено журналом «Хали», Лондон.

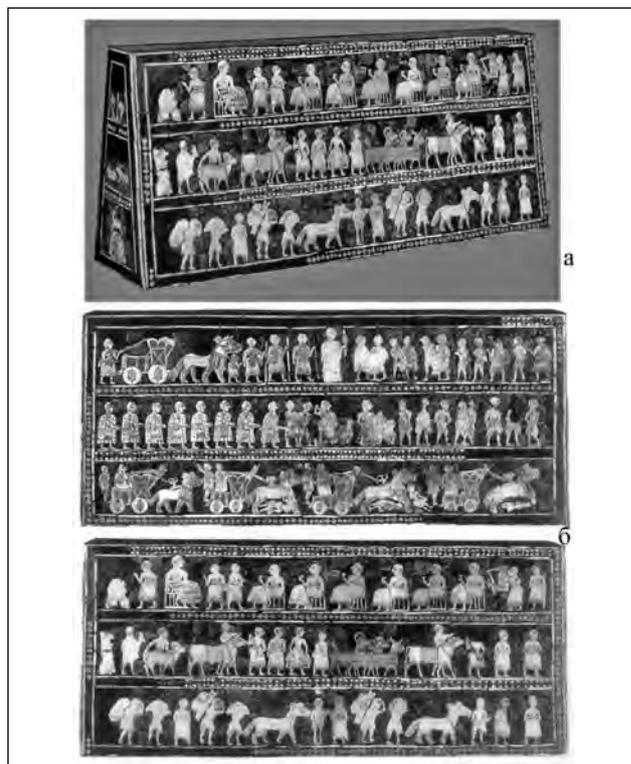

Рис. 6. «Штандарт» Ура. Царские гробницы Ура. Месопотамия, ок. 2600 до н.э. Британский Музей, Лондон. Фото любезно предоставлено журналом «Хали», Лондон. а) общий вид; б) панель «Война».

Рис. 5. Деталь настенной росписи, представляющая жреца и жрицу, выполняющих ритуал возлияния. Мари, Месопотамия, вавилонский период, ок. 1800 до н.э. (по: Parrot, 1960).

Рис. 7. Навершие серебряной булавки в образе сидящей женщины в юбке *филикли*. Гонур Деде, дворец. «Захоронение агнца». II тыс. до н.э. Национальный музей Туркменистана.

Рис. 12. Пастушеская одежда *гуня*. Западная Украина. Начало 20 века. Коллекции Российского этнографического музея, Санкт-Петербург. (Публикуется по: Калашникова, Плужникова, 1990, с. 36)..

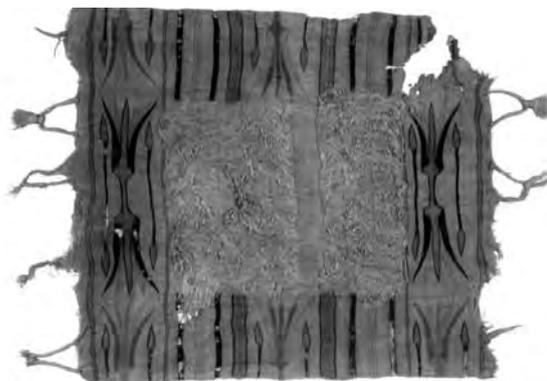

Рис. 8. Изнаночная сторона тронного коврика в техниках килима и филикли. Гробница архитектора Кха. Египет, ок. 1400 до н.э. Museo Egizio, Turin. Фото любезно предоставлено журналом «Хали», Лондон.

Рис. 13. Фрагмент сшивного шерстяного ковра в технике *филикли*. 2-ой Пазырыкский курган, Алтай, 6(?) в. до н.э. Коллекции Государственного Эрмитажа. Фото автора.

Рис. 20. Деталь костюма Ханумана в технике *филикли*. Индия. 19 век. Собрание МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург. Фото автора.

Символ «Рука Фатимы» на Памире (гендерный аспект)

*Рука – самый умный человеческий орган,
говорящий символическим языком.*

*Из буддийского трактата
«Книга тысячи рук»*

Гендер в религии и визуальной культуре может быть выявлен в символах и ритуальных образах. На Памире, где получило распространение большое число культов, основное вероучение, исмаилизм (с X – XI вв.) имел свои архетипы. К одним из них относится широко известный культовый символ шиизма «Даст-и Фотима» (*Рука Фатимы*). Этот символ в виде открытой ладони правой руки, воспроизведенный на любом предмете, превращает его в объект поклонения и ритуала. Такая значимость связана «с магией, которая в средневековом сознании выполняла функцию, фактически идентичную науке, – она, как и наука, служила познанию и была призвана помогать человеку управлять различными силами окружающей его среды, предсказывая их возможные проявления» (Резван, 2009, с. 43).

На Памире данный символ выбивался или рисовался местными ремесленниками или же мастерами-любителями на скалистых поверхностях, священных камнях *остонах* (Ранов, 1982; Olufsen, 2005). Здесь так же существует обычай нанесения отпечатка руки женщинами на ритуальные столбы основного помещения дома (*чида*) во время Навруза (Мухиддинов, 1986, с. 77). По другим сведениям человеку, который не сделал отпечатка пятерни на стене *чида*, в этот день, грозит болезнь или же смерть (Кландаров, 2004, с. 217).

Эта традиция сохраняет черты первобытной магии, основанной на заклинании. В нем

заклучено представление молящегося о возможности содействия человеку в преодолении различных препятствий, в том числе и «противодействие сглазу». Представление о том, что изображение символа «Даст-и Фотима» спасает «от сглаза», особенно укоренен в аграрных обществах, зависящих от урожая и погодных условий (Apostolos-Cappadona, 2005, р. 368). И это совершенно справедливо по отношению к Памиру, где городская культура не получила широкого распространения. Памятники искусства народов Памира не относятся к произведениям высокого искусства. Вероятно, они редко исполнялись по заказу, скорее по прихоти сердца.

Некоторые исследователи рассматривают символ «Даст-и Фотима» и как гендерный архетип. В любой культуре можно распознать «институциональную религию» и параллельные ей «народную (популярную, массовую)» и «женскую религию».

Ученые полагают, что с тех пор как были признаны женские права и права маргинальных групп в области религии и практики собственных женских обычаев, ритуалов, верований, «женская религия» стала представляться как подгруппа внутри общего целого. Символ «Даст-и Фотима» является в этом контексте знаком покровительства Фатимой женщин (Apostolos-Cappadona, 2005, р. 358).

На Памире святой Фотиме было отведено определенное место в домашнем пространстве, что нехарактерно для других регионов. В зонировании жилого помещения *чид* па-

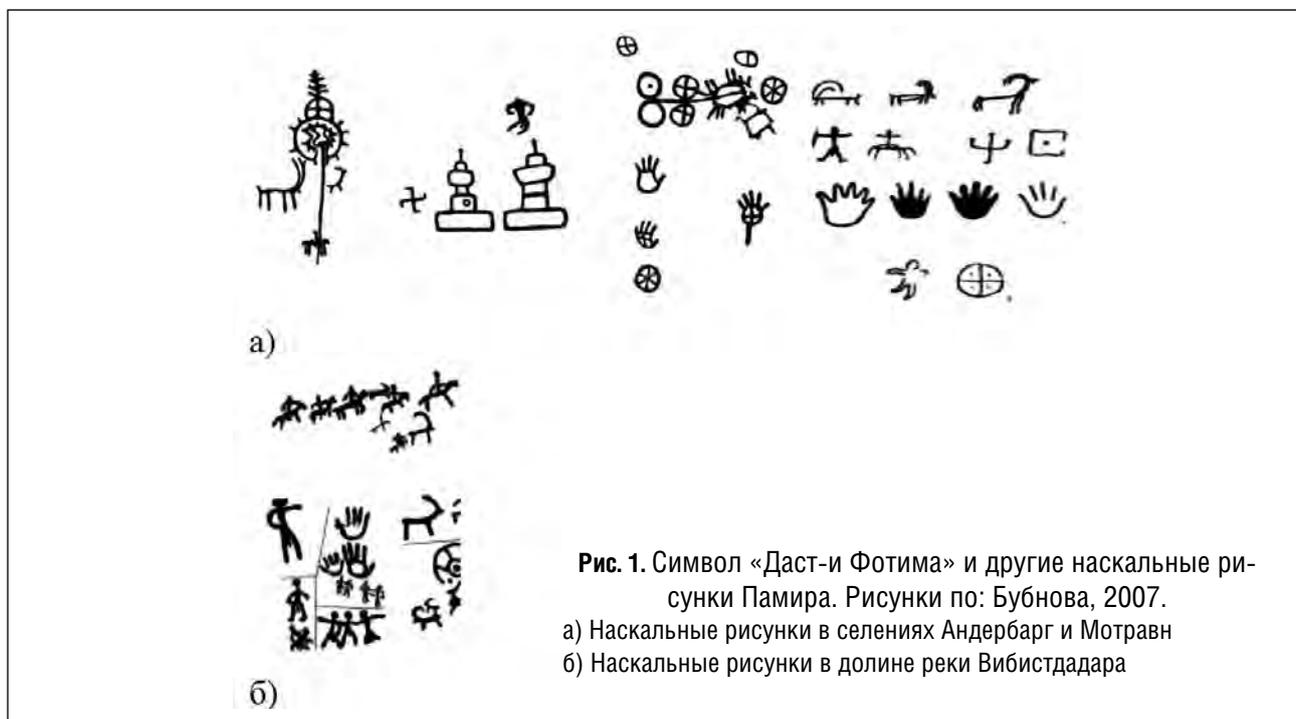

Рис. 1. Символ «Даст-и Фотима» и другие наскальные рисунки Памира. Рисунки по: Бубнова, 2007.

а) Наскальные рисунки в селениях Андербарг и Мотравн
 б) Наскальные рисунки в долине реки Вибистадара

мирского дома, его оформлении к Наврузу (празднику Нового года) можно найти отражение конкретных гендерных соотношений. Пять святых исмаилизма Мухаммад, Али, Хасан Хусейн, а так же Биби Фотимаи Зухро составляли основу *Дин-и пандж тэни* (религии пяти особ) исмаилизма. Они нашли своеобразное олицетворение в пяти столбах комнаты. Крыша дома имеет световое отверстие *роузан* и опирается на опоры *ситан*, украшенные резьбой. Внутреннее пространство *пойга* образовано четырьмя столбами по краям суф *сандж*, пятая же из них фланкирует проход в чид. Каждая колонна-опора имеет особое сакральное значение и одновременно отражает символику арийского происхождения и ислама.

Согласно исмаилитским представлениям, срединный столб, помимо конструктивной целесообразности имел потаенный смысл, поскольку олицетворял собой бога-творца Муртазо Али; опора у маленьких нар – Мухаммада. Другие соответственно символизировали сыновей Али и внуков Мухаммада – имамов Хасана и Хусейна. Пятая опора *кицор ситан* на нарах была аллегорическим символом Биби Фотимаи Зухро, дочери Мухаммада, жены Али и матери Хасана и Хусейна. По традиции, возле него невесту облачают в свадебный наряд, а под высокой суфой, примыкающей к нему, находится помещение

для скота. У края высокой суфы устраивался традиционный очаг (*кицор*), который и ныне остается самым почитаемым местом в жилище. Он – своего рода домашний алтарь, на котором возжигаются благовония *стирахм* во время свадебных, похоронно-поминальных и других обрядов (Мухиддинов, 1986; Емельянова, 2002, с. 65; Мамадшерзодшоев, Джонбобоев, Яминова, 2007, с. 61-62; Middleton, Thomas, 2007, p. 88; Middleton, 2005, p. 120).

В *чиде* архитектурные части распределялись так, что все элементы, связанные с жизнью женщины и ведением хозяйства (одежда невесты, очаг, помещение для скота), находятся близко к колонне Биби Фотимаи Зухро. Световое отверстие *роузан*, *руз* в потолке также служило местом проникновения святой в дом. Полагали, что во время родов Фотима подходила к роузану, протягивала роженице свой рукав, благодаря чему младенец появлялся на свет (Юсуфбекова, 2001).

По особому украшали памирские женщины *чид* в день Навруза. Они опускали в чашу с бобовой мукой ладонь правой руки и на высоте 150-180 см от пола на центральный главный столб, который олицетворял собой бога-творца Муртазо-Али, с четырех сторон наносили ее отпечаток и произносили новогоднее приветствие: «Шогуни боор муборак!». Обращение к столбу должно было

принести в дом успех и благодать, Затем хозяйка оставляла изображение пятерни на остальных столбах дома: сначала на колонну у маленьких нар (Мухаммада), затем на параллельные столбы (Хасан и Хусейн). Каждого из них она поздравляла с Новым годом. Так как Фотима считалась хозяйкой всех видов пицци и около ее столба готовили тесто, пекли лепешки, варили пишу, ставить рисунок пятерни на колонне Биби Фоти́маи Зухро считалось необязательным: святая не обидится. Но некоторые хозяйки все же оставляли ритуальный отпечаток ладони и на этом столбе (Мухиддинов, 1986, с. 77-78).

Фотима настолько была близка к женским членам семьи, что к ней обращались как к родной. Ее могли и не украшать ритуальным рисунком раскрытой ладони, который носит ее имя «Даст-и Фотима». Таким образом, все женское пространство было наполнено духовным, незримым и неосязаемым присутствием святой. Она «не требовала непосредственного контакта – это было как бы вещание в эфир, которое может быть принято не только теми, кому оно непосредственно направлено, но и всяким, кто хочет услышать и знает об этом» (Данилова, 1984).

По мнению отдельных ученых это же характерно и для развития «женской религии» и ее символов, ритуалов. Все они безмолвны и связаны с характером функций женского тела. Эта безмолвность распространялась и на признание «дурного глаза», спасением от которого мог служить знак «Даст-и Фотима» (Apostolos-Cappadona, 2005, p. 348). Вообще вся деятельность женщин во многом была связана с безмолвием. Их вышивку называли безмолвными песнями, самих авторов – скрытыми голосами, их успехи – лидерством за сценой (Додхудоева, 2003, с. 88). Мир средневекового человека и особенно женщин был полон неслышимыми звучаниями, невидимыми, внутренне созерцаемыми линиями, «линиями несуществующими», но умоглядно реальными, ибо «нигде не лежать» не значит «не быть» (Данилова, 1984, с. 68).

Традиция руки и связанные с ней жесты и символы существуют у всех народов, независимо от вероисповедания: руки-крылья в шаманизме, в индийской традиции многорукость божеств – это многократное усиление

их могущества, рукоположение – передача духовной силы в христианстве и т.д. В любом случае изображение пятерни (панджа, хамсе) правой руки всегда было символом божественной благодати и спасения, слияния духовной и телесной сил. Число пять во многих языках мира связано с понятием «рука» (Терлецкий, 2007, с. 45; Эттинген, 2004, с. 167-178). Памирские исмаилиты принадлежат к назаритскому ответвлению исмаилизма. Сами себя они называют панджтани, что дословно означает «пять особ» (Каландаров, 2005, с. 3). Фонд Карима Агахана IV также имеет символ в виде раскрытой ладони «Даст-и Фотима».

В исмаилизме символ «Даст-и Фотима» олицетворял пять главных шиитских святых: Мухаммада (Большой палец), Али (средний), Фатиму (указательный), Хасана (безымянный), Хусайна (мизинец). Кроме того, мизинец символизировал множество духовных и нравственных качеств, добродетель. В этом знаке руки претворена и идея о пяти столпах ислама: аркан ад-дин, т.е. шахада-декларация исповедания веры; салат – молитва; саум – пост; хадждж – паломничество в Мекку; закят – милостыня. У мусульман, особенно шиитов, знак «Даст-и Фотима» – символ божественного провидения, гостеприимства, великодушия, власти. В контексте гендера символическое значение цифры «5» для женщины означало такие понятия, как замужество, равновесие, гармония чувств, совершенство и всеобщность. Этот знак защищал плодородность женщин, природы и скота (Резван, 2009, с. 55; Терлецкий, 2007, с. 77; Apostolos-Cappadona, 2005, p. 360).

Согласно исмаилитскому анонимному трактату «Калам-и пир» считалось, что «в существовании человека на месте неба и четырех элементов находятся пять внешних органов чувств, подобно тому, как ухо на месте неба, глаз на месте огня, нос на месте воздуха, рот на месте воды, *рука на месте земли*» (Васильцов, 2008, с. 35). Ладонь разделялась на сектора, каждый из которых соответствовал определенной букве алфавита и числу. С ее помощью узнавали особенности характера и склонности человека (Резван, 2009, с. 55). В некоторых памирских наскальных рисун-

ках можно видеть это разделение ладони на сектора.

История ритуалов свидетельствует о том, что нередко целое было заменено его частью, которая наиболее явственно отображала знаковую сущность предмета (Велецкая, 1984, с. 87-88). Символ «Даст-и Фотима» а – традиционный сюжет народного искусства Памира, его своеобразная визуальная философия. Изображение телесного объекта (ладони) являлось обращением к духовным силам, которые могли придать креативность человеческим деяниям. Фрагмент целого в виде знака руки стала действенным способом выражения духовной идеи. Он как бы устанавливает контакт между зрителем и окружающей средой, космосом.

Семантика руки уходит своими корнями в сакральные пласты прошлого. Известно, что средневековая цивилизация была цивилизацией жеста, и ритуальная жестикация превалировала над бытовой, входила в систему звукового языка. Ритуальный жест не производился, он клишировался, воспроизводился согласно известному прототипу и выступал эквивалентом слова. При этом степень визуального правдоподобия не могла служить критерием при дешифровке средневековой жестикации (Данилова, 1984, с. 66). Пятерня (*хамса, панджа*) редко копировала анатомию ладони. Все пальцы могли быть представлены симметрично или же в виде свободного рисунка. Так, многие изображения «Даст-и Фотима» на памирских камнях высечены схематично, обобщенно и не отличаются натуралистическим характером.

Никакого реализма и детализации изображения не требовалось. Сам зритель был уже настроен на узнавание известного, ожидаемого. Для него не важен был эффект нового и неожиданного. Важна была установка на воспроизведение, повторение уже зафиксированного нормативного образа. Сила, исходящая от воспроизведенного знака, не требовала вещественного закрепления образа. Он воспринимался человеком согласно установленному образцу (Данилова, 1984, с. 66).

Важность жеста в средневековой иконографии была так значительна, что часто фигура заменялась изображением какого-нибудь

ее символа. Например, образ бога-отца или Христа Пантократора нередко представлял собой благословляющую десницу. Зрители истолковывали его как обозначение «гласа божьего», иными словами *руки говорящей*. В большинстве случаев от нее исходили лучи – зримое истечение божественной энергии. Таким образом «духовная истина была незрима и неосязаема» (Данилова, 1984, с. 66-67).

Символ «Даст-и Фотима» представляет собой рисунок правой ладони. Н. Марр считал, что мышление древнейшего человека было локализовано именно в его правой руке. Есть сведения, что руки отличаются по длине: кости правой руки несколько длиннее, чем левой. У нее лучше, чем у левой, развита мускулатура. У древних скифов и осетин, ряда других народов у убитого врага отрубали правую руку, символизируя тем самым его полное обезвреживание (Эттинген, 2004, с. 167-168). Характерно, что на Памире в день Навруза жена вошедшему в дом хозяину в ответ на его поздравления посыпала правой рукой бобовую муку на правое плечо. Она так же поздравляла его с праздником. Этот же ритуал сопровождал визит человека, родившегося в день Навруза и нареченного этим именем, когда он ходил по домам и приглашал к себе в гости (Мухидинов, 1989, с. 76, 83).

Во многих культурах правая ладонь ассоциируется с женской ипостасью высокого статуса и сильной энергии. В доисламских росписях Пенджикента в Таджикистане можно найти много бинарных символов мужского и женского поля, правой и левой руки с солярными и лунными знаками. Понятие «луна» и понятие «правый» и противостоящее им понятие «солнце» и «левый» взаимно дополняются оппозиционными группами авестийского мира (Karimova, Kurbanov, 2008, p. 187). Следовательно, правая ладонь в понимании древнего и средневекового обществ обладала особой сакральной значимостью.

У многих народов рука означала проявление жертвенности, активность, земледелие, мужество, действие, покровительство, власть, авторитет и силу. Можно указать на схожие типы в архаических и средневековых образцах месопотамского и индийского круга. Символ руки служил оберегом против

злых духов, дурного глаза во многих странах мира, в том числе и в исламе. Изображение открытой ладони как символ защиты, можно найти во многих культурах и религиях: Иштар, Инана (в Месопотамии), а так же как знак Мано Пантеа, Manus Dei (Десница Божья), правая рука Будды в жесте мудра и др. Т.е. знак в виде открытой ладони по сути был так называемым «интернациональным, бродячим сюжетом».

В то же время в различных культурах этот символ был тесно связан с женской ипостасью. Согласно поверьям, рука Венеры (Афродиты), Марии, как и Фотимы, так же имели подобную семантику, хранил женщин в любой ситуации. Символ открытой ладони защищал женщину в период ее физиологического опыта (беременность, роды, кормление) и в повседневной жизни (воспитание детей, приготовление еды и т.д.).

Беременная женщина, полная креативной внутренней энергии, так же как кормящая мать, могла подвергнуться сглазу или же нежелательным воздействиям. Фотима в этом случае выступала как ее мифологическая покровительница. На Памире во время родов использовали различные приговоры, зовя на помощь Биби Фотима-и Зухро. И даже в истории культуры кочевых тюркских народов добрый дух святой Умай был связан с Фотимой. Принимая роды или проводя сеанс лечения, казахские повитухи и целительницы приговаривали: «Не моя рука, рука Биби Фотимы, Зухры, матери Умай (Май), матери Камбар...» (Толеубаев, 1991, с. 44).

В исламе для предотвращения опасности женщины одевали амулет с символом «Даст-и Фотима», чтобы уберечься от злых духов. Он изготавливался из сердолика, драгоценных камней, серебра. Этот символ встречается в рукописях, в объектах культового церемониала в виде декоративных мотивов, каллиграфических образцах (китъа), используется и при дизайне знамен (Терлецкий, 2007, с. 93). Дети носили подобные амулеты от сглаза на шее. Во время родов и первых недель рождения надпись «Даст-и Фотима» выписывалась на дверном проеме в проходе, поскольку порог был священным местом. Однако на Памире, подобных амулетов в виде оберегов, надеваемых на шею, не существовало. Они

также не встречаются в рукописях или же на дверных проемах на Памире.¹

Рука Фатимы была всегда представлена в позе адорации, т.е. направлена вверх к Богине матери плодородия и редко имела сопровождающий ее текст. Так, знак «Кат Иштар», известный как «Кат Инана» или «Рука Иштар» (Инаны), не имела надписей у населения Аккада, у шумеров, и жителей Месопотамии, которые широко использовали ее в своей магии. У них символ руки имел специфическое предназначение и считался «измеряющим (контролирующим) болезнь» (Apostolos-Cappadona, 2005, p. 538).

До настоящего времени не известна история появления символа «Даст-и Фотима». Есть предположения, что он связан с коптским амулетом, известным как «два пальца», олицетворяющих Исиду и Осириса. Он обладал защитой, исходящей от родителей. Большой палец понимался как Хорус или «ребенок», первый и второй – как Исида и Осирис (Apostolos-Cappadona, 2005, p. 357). Так же неизвестно как этот символ стал связываться с исламской святой, хотя существует несколько версий его происхождения. Одна из них повествует о том, что Фатима лечила людей браслетом. Прикасаясь к больному своей рукой она как бы защищала его от бед и делала здоровым. Другая легенда гласит, что Фотима была в замешательстве от того, что Али вновь собирается жениться. При приготовлении обеда она потеряла ложку, но продолжала мешать пищу рукой. Это и послужило основой для знака (<http://anushkagamar.livejournal.com>).

В исламе Фотима выступает как идеальная женщина, чья жизнь была посвящена семье и религии. Она умерла несколько месяцев спустя после смерти пророка. Таким образом, ее жизнь укладывается во временные рамки пророческой миссии Мухаммада. По статусу святой ее можно сравнить с христианской Девой Марией. Как и Мария, Фотима никогда не покидает обращающихся к ней и молящихся во славу ее. Как и Мария Фотима была безгрешна и незапятнанна. Она оставалась «девственницей» при том, что имела

1 Данное положение подтверждено известным специалистом в области этнографии Памира З. Юсуфбековой.

двух сыновей. Ее дети появились на свет без боли. За красоту ее называли «Ал-Зухара» (яркое цветение – символ Венеры) и «Аз-Батуль» (дева), поскольку она оставалась всегда прекрасной и юной, как дева (<http://anushkagamar.livejournal.com>, lib.deport.ru/slovar/sim/r/htm).

В такой интерпретации образа Фотимы легко проследить то, что в язычестве получило название «богиня-мать», «богиня-дева». Прототипы идеальной женственности – святые Мария, Фотима – это ролевые модели чистоты, добра, скромности женщины в статусе дочери, жены и матери. Эти святые превосходят других своей домовитостью. Они полностью посвящены частной, домашней сфере, повседневной, а не публичной жизни. Они покорны и благочестивы, согласны подчиниться и признать господство мужчин над ней (Apostolos-Cappadona, 2005, p. 355).

Все это указывает на гендерное различие и неравенство в статусе не только святых, но и в реальности, так как признает мужское превосходство и не считается с женской натурой. Данное положение только подчеркивает социальный статус женщины в традиционном обществе. Он был строго регламентирован и делал женщину экономически зависимой. Как и в святой, в реальной женщине ценились в основном высокие моральные качества и достоинства (добродетель, чистота, покорность и благочестие), т.е. весь ее облик имел символическое наполнение.

Как и Дева Мария, Фотима была госпожой всех женщин рая, и ее посещали ангелы. Жизнеописание исламской Девы украшено многочисленными эпизодами чудес, трудностей, слез. Это определило ее значение мученицы. В шиизме она воспринимается как «вечная плакальщица» и «судья судного дня». Последнее было связано с этимологией ее имени, происходящего от арабского корня «фтм», означающего «отнимать» или «отнимающая от груди», «ребенок, отнятый от груди» (<http://anushkagamar.livejournal>). Бог как бы «отнял» (оставил) ее и всех, кто любит и уважает ее, от горения в Аду. Хотя ее

образ весьма редко встречается в искусстве, она всегда остается примером для подражания, идеальным прототипом дочери, жены и матери.

Фотима, заключая в себе элементы матриархальных богинь, остается культовой фигурой. Подобно другим женским святым она как бы медитирует между сферами священного и секулярного. Они принимают участие, если даже полностью не разрешают проблемы, касающиеся здоровья, человеческого счастья, плодовитости. Подобные женщины-святые смертны, но одновременно они не могут быть созданы или разрушены, поскольку выступают как данность. Они транслируют персональное в универсальное и наоборот – трансформируют космическое и божественное в конкретную людскую ситуацию.

Женщины-святые выступают как посредники между космосом и землей в решении конкретных человеческих проблем, обыденных по своему характеру. Они, по мнению обращающихся к ним женщин, стремятся уменьшить их ежедневные страдания, делает их жизнь более сносной. Женщины-святые функционируют как воплощение женской диалектики между теологическими канонами и предписаниями религиозной традиции, стремлениями, нуждами, желаниями мирян (Apostolos-Cappadona, 2005, с. 358-359).

Как правило, мужская «высокая религия» участвует в ужесточении канона, ритуальной чистоты и авторитарности письма. Женщины через ритуалы и молитву «женской религии» стремятся достигнуть понимания и уменьшить страданий своих близких. И в этом смысле символ «Даст-Фотима» остается одним из важных гендерных архетипов, к которому обращаются женщины в их стремлении к достойной жизни. Перефразируя известное выражение И. Даниловой, можно было бы сказать, что одна из загадок символа «Даст-и Фотима», может быть, именно в том и состоит, что в ее жесте нет никакой сюжетной нагрузки, это явление *рук* Фотимы (Данилова, 1984, с. 73).

Трансформация костюмного комплекса таджиков-переселенцев из ГБАО

Горно-Бадахшанская Автономная область (ГБАО) или Памир находится в составе Республики Таджикистан. Здесь проживают около 200 тысяч исмаилитов (баджувцы, ваханцы, ишкашимцы, рушанцы, бартангцы, шугнанцы, горонцы, кишлак Егед), тогда как жители районов Дарваза, Ванча и Язгулема исповедуют ислам суннитского толка. Памир был заселен в основном таджиками, но в XVI в. под натиском калмыков началось массовое переселение кыргызов-суннитов в его восточные регионы, где в настоящее время и проживают их потомки.

В пятидесятые годы XX в. дарвазские таджики из горных кишлаков Равноу и Егид переселились в Хатлон, в город Курган-Тюбе, а в семидесятые годы таджики из примыкающих к Калаи-Хумбу кишлаков Зинг и Умарак переселились в поселок городского типа Колхозобад, совхоз Гулистон (Хатлон). Нам необходимо было выяснить отдельные вопросы как по традиционному костюму таджиков, невыясненные во время экспедиции в Дарваз в 1954 г., так и отметить изменения в костюме, которые произошли после переселения (Русяйкина, 1948, с. 81-86; 1949; Народная одежда таджиков Гармской области..., 1959; Широкова, 1970).

Женская одежда

В 1954 г. в Дарвазе женщины нижних кишлаков Равноу и Егида носили платья традиционного старинного покроя с узким станом, с боковинами, узкими вверху и очень широкими у основания, рукавами, широки-

ми у основания и очень узкими у кисти. У девушек ворот был с горизонтальным разрезом, у замужних женщин – с вертикальным разрезом *пешчокак* или со стоячим воротником *гарани калак*.

При переезде в Курган-Тюбе они почти сразу же (по их словам около 30 лет тому назад) стали переходить на новые широкие туникообразные покрои. Сейчас платья шьют длиной до середины голени, т.е. в 5 четвертей¹, ширина переднего полотнища равна 2 четвертям и длине 1 большого пальца, боковины вверху – 1 четверть и 2 широко расставленных пальца. Рукава стали делать равными по всей длине в 1 четверть и 1 большой палец, длина рукавов равна трем четвертям. Исчезла разница между женским и девичьим воротом – все платья стали делать с воротом в виде вертикального разреза. Ширина его со стороны спины равна 4 расставленным пальцам, вертикальный разрез равен 1 четверти и расстоянию между большим и указательным пальцем. Ворот обшит почти всегда красной каймой, внизу скреплен елочкообразной ажурной строчкой типа мережки, называемый *галбелак*. Примерно посредине ворота пришиты с одной или с обеих сторон белые пуговицы и завязки из свитых белых и черных ниток, которые наматывали на пуговицы. Мы видели только одну пожилую женщину, придерживающую в платьях традиционного приталенного егидского покроя.

В центральных кишлаках Дарваза – кк. Умарак и Зинг – туникообразные свободные

1 Четверть – *вачаб* равна расстоянию между вытянутыми большим пальцем и мизинцем.

платья с широкими и длинными рукавами начали носить задолго до переселения. Широкий, свободный покрой стал известен после присоединения Дарваза к Бухаре (1878 г.), с появлением в Калаи-Хумбе бухарского бека и его двора, в других кишлаках изменение покроев женских платьев произошло позже (Широкова, 1976, с. 22-26). Поэтому женщины, переехав в Гулистон (Колхозобад), своих широких платьев не меняли, а сменили только ткани, из которых они были сшиты.

С 50-х годов XX в. в центральном Дарвазе уже появились выкройные платья – на кокетке *куртаи узбаки* (узбекское платье). Сейчас в Курган-Тюбе и Колхозобаде их носят обязательно все работающие – девочки, девушки, молодые женщины и женщины средних лет. Причем с платьями на кокетке стали входить в быт и комбинации. Платья эти шьют, согласно появившейся моде, длинными, различных фасонов, на кокетке с отложным воротником, со стоячим воротником, совсем без воротника. Отделаны они по всем правилам европейской моды – оборками, рюшками, обмерлеженными люриксом, вышивкой – *куртаи чакан*, выполненной традиционными узорами, и с вышитой на русский манер, причем в последнее время вышивали не в городах, а только в сельских местностях.

В Дарвазе платья в начале века шили из кустарной гладкой белой хлопчатобумажной материи – *карбос*, более тонкой – *борунак*, кустарной ткани в рельефные продольные полосы *куртачи* с квадратиками – *сатранчи*. Невесте нижнее платье обязательно делали из белого карбоса, а в очень бедных семьях – все платья шили из карбоса. Бытовали платья из цветной ткани с красными, синими, зелеными полосками *алоча*, *панчаи шер* (лапа тигра). Девичьи нарядные платья и платье невесты из материи *куртачи* отделывали нашивным вышитым красными нитками нагрудником *шоинак*. В кишлаках Равноу и Егид невесте перед выходом замуж и замужним женщинам делали еще и вышивку на спине, называемую *пасах*. Женское платье спереди

с двух сторон от разреза обшивали двумя широкими полосками *пешак*. Нарядным и самым красивым платьем считалось платье из кустарного шелка *казин*, окрашенного в красный цвет или в красный цвет с разными фигурами, полученными способом перевязки – *гулбаст*. Перед платья иногда был украшен черной тканой тесьмой с серебряными пластинами. Что касается нарядных платьев из *карбоса*, то как модницы, так и остальные женщины собирали в складку – гофре. Прямое, по их поверью, одевали только мертвому человеку. Кто не умел делать складки, шли к женщине, которая специально занималась данным ремеслом. Старались ходить к той, которая делала гофре помельче. Складки на платье сохранялись до стирки, потом, после стирки заново делали их. Платья сами были ниже колена, делали еще длиннее, что давало возможность для сбора в складки от подола до груди. Для этого одна женщина придерживала платье, другая, предварительно смочив его, собирала в складки по кругу, натянув на специальное устройство типа корзины, называемое *биничиг*. Собирали в складки и рукава.² На рукавах платьев из Егида, узких к концам, их собирали в складки в широкой части, т.е. у основания. На ровных рукавах платьев из Умарака, собирали складки от основания и до конца. Собранную в складки ткань высушивали на солнце. После чего надевали платье. В 1950-е годы вошли в быт платья из фабричных хлопчатобумажных тканей – белого и белого в цветочек ситца или сатина как гладкого красного, нарядные и на которых вышивали цветными нитками, так и пестрого тика, шелка. В 1980-е годы платья для дома шили также из хлопчатобумажных тканей – ситца, штапеля, выходные из всяких модных нарядных искусственных тканей – кремплина, трикотина, кристалона, ворсалана («мочалка») и т.п., а также натуральных – крепдешина, атласа, шерсти.

Что касается невесты, то в к. Егид-Равноу надевали от 4 до 6 платьев белого и красного цвета, в к. Умарак платьев надевали больше – 7–8, которые в день свадьбы все до единого

2 Платья из карбоса собирали в складки на корзине и на Памире (Устное сообщение Л. Бахтоваршоевой).

надевали на невесту, с собой ничего не везли.³ Два платья делали с горизонтальным воротом – *китифак*, остальные с вертикальным разрезом – *пешчокак*. Как и во всем Таджикистане, в Дарвазе в платьях *китифак* после рождения ребенка распарывали швы между передним полотнищем и боковиной (для кормления ребенка) и с этого времени начинали делать женское платье с вертикальным разрезом ворота *пешчокак* (Широкова, с. 151. Рассудова, 1970, с.28-31. Широкова, 1973, с.189). Примерно в 1950-е – 1960-е годы произошли новые изменения в костюме невесты в связи с изменением тканей и воротников и с более широким покроем туникообразных платьев, в к. Умарак стали готовить для невесты от 7 до 15 платьев из хлопчатобумажных фабричных тканей, сатиновых вышитых или шелковых (3-4 с воротом с оборочкой *пар-пар*, остальные в виде вертикального разреза). В приданое готовили уже значительно больше платьев, чем можно было надеть на человека и часть их (3-4 платья) клали в сундук и везли в дом мужа.

Женские шаровары *эзор*, *лозими*, *тамбун* шили, как уже описывали, из двух сортов ткани – низ делали какой-нибудь темный, темно-синий или черный в цветочки, для молодых иногда яркий – желтый, красный, а верх – *лифа* – из другой ткани попроще.⁴ Шаровары всегда отличались цветом от платьев. Если платья были белые или красные, шаровары были темные, только для молодых это не имело значения. Материалов в старину было так мало и достать их было так трудно, что в конце XIX – начале XX века девочкам лет до 10-ти вообще не шили шаровар, и они ходили в очень длинных платьях. Шаровары шили очень длинными, концы штанин подгибали и подшивали швом «вперед иголку» (*молик*), таким же швом шили мужские рубашки. Концы шаровар обшивали косой тканью другого сорта (*магзи*), а в случаях, когда для молодежи шили шаровары из светлой ткани, то кант делали из этой же ткани.

В Умарак шаровары делали длиной в 5 четвертей – в 4 четверти (*вачаб*) и 1 сустав большого пальца был низ шаровар, верхняя часть шаровар *лифа* была равна по длине – 1 четверти. Ширина шаровар была в три четверти. Шаровары делались на специально плетеной тесьме *эзорбанд*, *банди эзор*. Для тесьмы делали загиб в 2 пальца, сейчас продают резинку и загиб делают шириной в 1 палец. Мотню *хиштак* пришивали на расстоянии 1 четверти и двух, не очень широко расставленных пальцев от концов штанин, причем острые углы вшивали в штанины, а тупой угол вверх. В конец тупого угла вшивали маленький треугольник *кулфак*. Над этим треугольником, для расширения верха штанин, иногда была вшита прямоугольная вставка *мардак*. И вставку *мардак* и вставку *кулфак* вшивали для расширения шаровар. В старину, также как и платья, шаровары иногда делали длиннее и обрызнув водой со стороны пятки на одну четверть вверх собирали в складки, высохнув на солнце они какое-то время сохраняли эти складки. Спереди они находили на ногу так, чтобы видны были только пальцы, а в одетых на ногу туфлях оставались видны носки. Шаровары невесте делали на вдержке, которую завязывали на 7 узлов, надевали иногда 2 пары, которые также завязывали на много узлов. Раньше шаровары шили из кустарных хлопчатобумажных тканей *карбос*, *куртачи*, окрашенных в синий цвет, *сырканч* – карбос белый в красную полоску, полосатой *алачи* и фабричных тканей – *тика*. Шаровары современные также шьют из 2 тканей – верх их ситца, низ из шелка натурального или искусственного, обшивают какой-нибудь блестящей тесьмой. Их делают более узкими, но достигающими почти до щиколотки.

Специальной женской обувью были кожаные туфли на каблук – *кафши пошнабаланд*.

Во время экспедиции в Дарваз в 1954 г. мы выяснили, что женщины специфической верхней одежды вообще не имели.⁵ Лишь в богатых семьях шили стеганые туникооб-

3 Раньше в Дарвазе девушек выдавали замуж очень рано, в единичных случаях даже были и браки в 7-летнем возрасте. Как говорят информаторы пожилого возраста, «мы по несколько лет жили в доме мужа и играли в куклы», т.е. привыкали к дому.

4 О шароварах подробнее см: Широкова, 1970, с. 165-168.

5 Об отсутствии в южных районах верхней одежды см. Широкова, 1970, с. 168-169; 1976, с. 71.

разные халаты *чума* (лит. – *джома*), покрой которых был наподобие мужских стеганых халатов – с боковинами и передними клиньями, рукавами, пришитыми без вырезной проймы, но в отличие от мужского – с очень низеньким и мягким воротом. Сейчас верхняя одежда считается обязательной, для женщин средних лет и пожилых шьют по-прежнему традиционный халат, но только из новых модных дорогих тканей, в основном из кристаллона темных расцветок в яркие цветочки. Молодежь носит готовое пальто, покупаемое в магазинах или в ателье.

Прическа была описана нами ранее довольно подробно, здесь мы в основном, пополним это описание.⁶ Волосы мыли в Дарвазе в понедельник и в пятницу. В девичьей причёске делали прямой пробор и заплетали две основные косы, называемые *вехи му, гуси*. К натуральным косам вплетали искусственные шерстяные косы которые называли *кокул* или *кокули пашм* (Равноу, Егид), *чура* или *чураи пашм* (Умарак). Иногда термином *чура, кокул* называли называли свои косы вместе с искусственными косами. Искусственные косы первоначально делали белые, затем окрашивали в красный цвет. В Егиде, Равноу девочкам кисти кос *пылкак* окрашивали перевязкой в белый, желтый, зеленый цвета. Все молодые женщины, как и девушки, в свои волосы вплетали шерстяные искусственные косы красного цвета *кокули сурх*, каждая прядь которых была шириной в мизинец руки, с кисточкой на конце, обмотанными проволокой, разноцветным бисером, мелкими бусинами, их носили до 30 лет, затем косы были такие же, но без подвесок. В Умараке шерстяные косы были с подвесками из шелковых разноцветных мелких кистей *чамолак* или *чураи чамолак*. Со временем красные косы пачкались и до рождения 1-3-х детей их стирала мать невесты и возвращала. В Умараке после выхода замуж, вернее после рождения детей, красные искусственные косы заменяли на темно-коричневые или черные шерстяные, каждая прядь которых была также в мизинец толщиной. Причем искусственные косы вплетали в свои косы у са-

мых ушей, т.е. обязательно стремились сделать так, чтобы не были видны мочки ушей. Все пожилые женщины заплетали косы в три пряди, и искусственные косы *кокул* приплетали черного цвета, но вплетали их не от ушей, а на самом конце, т.е. длинных искусственных кос они не имели.

На макушке головы, от горизонтального пробора, плели мелкие косы, называемые *торак* – их могли плести в 5 прядей – *панчак*, из 3-х прядей – *сегак*, которых иногда доплетали до 5-6 косичек, заплетали косичку и из 4-10 прядей, которая называлась *бурьебоф*, т.е. сплетенная циновка, иногда плели несколько мелких косичек, которые называли *тораки чавак*, т.е. вроде ячменя, *камчин*, т.е. сплетенная как плетка. По другим сведениям, собранным в к. Умарак девушкам мелкие косы *торак* не плели, а плели их только после замужества во время первого мытья головы, который делали на третий день после свадьбы, В этот день приходила мать невесты навестить дочь и заплетала *торак*, а если матери нет, то это делала свекровь, иногда эти сроки растягивались, – мелкие косы заплетали через 5-6 месяцев, живя уже у мужа, иногда после рождения первого ребенка. На конце их вплетали в основные косы *кокул*. На лбу иногда плели мелкую косичку *нича* по краю волосяного покрова от пробора к уху, иногда подрезали челку *бобле* (Равноу), *пешак*, *гулбыри* (Умарак), а уже над челкой заплетали косичку *нича*. По другим сведениям *нича* носили только после замужества, постепенно разбирая челку на косичку. Сзади от затылка, плели одну косу – *пасак*, что показывало, что перед нами девушка. В эту косу в Умараке также вплетали искусственные косы с подвесками. Девичью косу расплетали иногда сразу же после замужества, иногда на 10-20 день, иногда через 1-2 месяца, чтобы все видели, что невеста была «невинной», иногда расплетали лишь после рождения ребенка. В кк. Равноу и Егиде маленькую косичку плели и на затылке – от пробора к уху, называлась она *ангила*, ее заплетали после того, как расплетали девичью косу – *пасак*. По другим сведениям, ее плели и девушкам.⁷ Невесте в

6 О причёске см.: Широкова, 1970, с. 177-182.

7 Такая же тоненькая косичка на затылке от пробора к уху плелась и на Памире не только девушкам. См.: Андреев, 1958, с. 416.

волосы с двух сторон у уха вплетали кусочки ваты *гули арус* (досл. «цветок невесты»).

Косы девичьи на спине не завязывали и они были свободные, что касается замужних женщин, то вплоть до старости они плели основные косы *вехи му, гуси* с вплетенными шерстяными косами *кокули паим*, которые на 1 четверть от конца в отличие от девичьих соединяли на спине шерстяной тесьмой *кафобандак* размером в 1,5 четверти, и носили их только за спиной, девочки могли носить косы и спереди. В богатых семьях *кафобандак* были из серебряной цепочки. В Равноу и Егиде косы на конце связывали и оставляли на шее, спустив петли вперед на грудь, иногда связанные на конце косы, женщины продевали через руку, таким образом одна коса была спереди, одна сзади. Замужние женщины могли оставлять локоны, завивая их на палочки. Локонов могло быть от одного до двух-трех: один – ниже ушей, другой – ниже лица и третий – до груди.⁸ Иногда на тканую черную ленту насаживали белые перламутровые пуговицы или серебряные пластинки *ситора* и нашивали на основные косы, иногда и на мелкую косичку *нича*. Сейчас девушки заплетают две косы или много косичек – до 25–30, когда становятся матерями 5-6 детей, переходят на традиционную прическу.

После рождения ребенка очищали скрученной ниткой брови и лицо от волосков.

Что касается ношения головного убора, то коснемся следующих его видов: женщины средних лет и пожилые носили платок *соба*, *латта* из 6м тонкого *карбоса шаши*, *борики* с каймой из красных, черных и желтых полос или из белой марли, сшитой в две точки. В кишлаке Равноу, Егид и Умараке прямоугольный платок *соба* накидывали на голову женщине, чтобы скрыть ее фигуру и грудь. Платок накидывали на голову примерно серединой полотнища, причем левый конец оставался больший, им обматывали вокруг головы и забрасывали на спину и немного левый бок, правый конец свисал спереди и вдоль спины. По длине платок волочился по

земле – иногда, чтобы не пачкался, его повязывали так, что он едва касался земли.

Другим видом головного убора была старинная налобная вышитая повязка *мандил*, *сарбандак*, которая была распространена в Дарвазе в конце XIX – начале XX вв. Налобную повязку делали шириной в 3-4 сжатых пальца, вышивали по *карбосу* (полотняного переплетения) гладью с левой стороны по черной наметке – *сияхдузи*, по ткани *сатранчи* (выработка квадратиками) – крестом *пухтадузи*.⁹ В кк. Равноу – Егид повязку повязывали на голову маленьким девочкам, начиная с 4-5 лет – до замужества, жители Умарак помнили лишь, что ее надевали девочкам в 7-10 лет и во время свадьбы и носили какое-то время после свадьбы. Повязку повязывали не каждый день, а только по праздникам и во время свадьбы, повязывали ее поверх распущенного головного платка. Во время свадьбы к налобной повязке пришивали по кромке друг на друга большие платки – *чодар*. Самым нижним являлась *дока* – белая тюль, привозимая из Афганистана, края которой были в красную и синюю полосы. Другим был платок *казини гулбаст* из шелковой кустарной ткани красного цвета, иногда в узоры, платок *гули олича* (досл. «цветки вишни»), очень тонкий шелковый платок синеватого цвета.¹⁰ Лицо невесты закрывали покрывалом – *рупуши арус* – это была или вышитая старинная лицевая занавеска *чашмбанд*, *рубанд* с сеточкой для глаз или кустарный шелковый платок красного цвета *казин*, который на лицо набрасывали углом, его также называли *рубанд*, в бедных семьях на лицо накидывали простой платок. Поверх лицевой занавески повязывали налобную повязку. Общее количество платков на голове невесты должно было быть нечетным и составлять лучше всего – семь, в Равноу и Егиде могло быть и меньше – три-пять, т.е. одна – лицевая занавеска и четное количество больших распущенных платков – *чодар*. Лицевая занавеска всегда контрастно отличалась по цвету от верхнего платка *чодара*, если лицевая зана-

8 О локонах на Памире см.: Андреев, 1958, с. 252. Ношение кос, продетыми через руку было отмечено и А.К. Писарчик по к. Егид в 1956 г.

9 Подробнее о налобных повязках в старину на Дарвазе и Памире см.: Андреев, 1958, с. 250-253; Ершов, Широкова, 1969, табл. 30,39; Широкова, 1976, с. 94-95.

10 По сведениям пожилых информаторов, раньше шерстяных платков не было.

веска была красная, то верхний платок был желтый. Когда в Умараке лицевая занавеска *рубанд* уже исчезла, невесте еще продолжали повязывать на голову налобную повязку *мандил*, *сарбандак*, так как она еще сохранялась. После снятия с лица невесты лицевой занавески, по прошествии некоторого времени налобную вышитую повязку переставали повязывать. Впоследствии налобная повязка стала вещью редкой, их было в кишлаке 1-2 штуки лишь в богатых семьях и передавали невестам по очереди. В очень богатых семьях вместо мягкой вышитой налобной повязки *сарбандак* иногда надевали серебряный позолоченный кокошник, привозимый из Самарканда, Бухары и Коканда.

С 40-х гг. XX в. после того, как вышел из быта головной убор в виде налобной повязки *сарбандак*, *мандил* на голову невесты /ее волосы/ стали наматывать белую чалму в один-два оборота, до 3-х метров *карбоса*, позднее – накрахмаленной марли¹¹. Дарвазцы Умарака оставляли с левого бока длинный конец – *фаши*, который проводили под подбородком и затыкали на правой стороне в складки. Чалму повязывали для придания более красивой формы голове невесты. Поверх чалмы повязывали лицевую занавеску *рубанд* из большого шелкового платка, сложенное вдвое по диагонали или прямоугольником, которым закрывали лицо. В Равноу и Егиде это мог быть платок из шелковой кустарной материи *казин*, который в этот момент называли *рубанд*. Затем накидывали на голову невесте большие платки (*чодар*). *Чодар*, как уже указывалось должен состоять из четного количества платков. Они все были распущены, их стежками прикрепляли по кромке к чалме, самый нижний был обязательно из белой марли, затем мог быть и из кустарного шелка *казин*¹² или больших платков фабричного производства – шерстяных, шелковых, тюли (называемой как *сарандоз*, так и *дока*) – и они назывались *чодари арус* (покрывало невесты). Когда головной убор был готов, выворачивали одну (верхнюю) половину платка, которым было закрыто лицо – *рубанд*, и натягивали поверх больших, распущенных платков (*чодар*).

С середины 60-х годов XX в. на голову невесте стали накидывать большой крепдешиновый белый платок с кисточками, снизу – несколько других больших платков. Иногда платок накидывали на четырехугольную вышитую крестом тюбетейку, реже – золотошвейную.

Что касается украшений, то следует отметить, что в старину к свадьбе готовили следующие их виды: серьги *гушвор*, для невесты были 2-х сортов: *мухаммади* – с двумя подвесками и *кафаси* – куполообразные; нашейные повязки *гулибанд* из мелких бус и бисера. Бусы (*мура*) с пятью серебряными круглыми крупными украшениями, которые сочетались с кораллами (*марчон*). По единичным сведениям, бусы были такими длинными, что в Равноу и Егиде могли их надевать, продев руку с одной стороны и они были настолько дорогими, что их покупали в обмен на корову. Не очень длинные бусы доходили спереди до груди. После свадьбы продолжали их надевать на все другие торжества. Носили и совсем короткие бусы возле шеи, и они назывались также *гулибанд* или *мураи сесадафа*. *Садаф* – перламутровые броши, которые надевали замужние, уже родившие женщины, носившие платье с воротом в виде вертикального разреза – *пешкушо*. Носили и браслеты – *дыстохан*, кольца – *чала*, которые носили на безымянном пальце и мизинце. Старинные кольца были преимущественно с камнями, в то время как более поздние делают без них. Невесте старались достать все эти украшения.

К описанию свадебной одежды невесты добавим следующее. С 1980-х годов стали устраивать комсомольскую свадьбу «*комсомол-туй*». Изменилась одежда невесты. Свадебные платья стали шить выкройные на кокетке из белой парчи, гипюра и других современных шелковых тканей белого цвета. Шьют их с модными воротниками и отделкой. Сейчас головной убор состоит из золотошвейной тюбетейки и белого шарфа с люриксом. Шаровары более узкие, длина до щиколотки, шьют из атласа или искусственных нарядных тканей. На ногах – белые туфли на каблуке.

11 До этого чалму повязывали только в бедных семьях.

12 На платок из марли требовалось 6 м, из кустарной ткани *казин* требовалось 12 м ткани.

Траурная одежда

В Дарвазе в женской одежде траур в цвете одежды не проявлялся, то есть не было определенного цвета траурного платья, нам называли разные цвета – от светлого до темного. В XIX – начале XX в. С тканями было очень плохо, и лишних платьев просто не было. В старину чаще всего носили кустарные платья из белой ткани полотняного переплетения *карбос* или в выпуклый рубчик *куртачи*, иногда в цветную полоску. Однако из новой ткани шили только повседневные платья, траурные платья из новой ткани раньше не шили. Все родственники оставались до трех дней в тех платьях, в которых застала смерть – *куртаи гам*, *куртаи гамдор*, то есть платья горя. Если было очень хорошее шелковое платье, то его уже надевали наизнанку. Женщины в день смерти близкого человека разрывали свои платья до конца подола, кто-нибудь из родственников зашивал их. По сведениям большинства информаторов, на третий день после обряда мытья головы *саршуен*, кто-нибудь из близких родственников приносил другие платья или отрезки из кустарной ткани белого цвета *карбос* или *куртачи*. Старались приносить платья или отрезки из кустарной ткани в мелкие полосы синего, зеленого и желтого цветов, но, в прежние времена женщины, находящиеся в трауре до его окончания не надевали их, а ткань могла идти и на другие нужды. В настоящее время приносят на траур фабричные, иногда даже и цветные ткани, даже яркие, бывают и шелковые, иногда белый ситец в синие цветочки. Из последнего могут шить траурное платье, правда, пока это делают единицы. О современном трауре упоминает и И. Мухиддинов и говорит, что в Дарвазе траурную одежду носят немногие. Там существует обычай дарить близкой родственнице умершего ткань на траурное платье, обычно белую в некрупный синий и голубой узор. Делает это женщине в трауре кто-либо из родственников и это считается для нее почетным (Писарчик, 1976, с. 161-162). Невесты могли надеть платье из ткани *куртачи* с красными полосками – *куртачи тахсурх*. Считали эти платья как бы

выводящими печаль – *гамши лебарорад*, иногда называли их и платьем печали – *куртаи гам*.

По другим сведениям в к. Егиде – Равноу с той целью, чтобы первая боль отдалилась, приносили платья или отрез ткани через одну неделю, 20 дней, 40 дней. После 40 дней могли принести платья из белого карбоса *куртачи* с красными полосками. В кишлаке Умарак, когда отмечали годовщину (*сари сол*), иногда приносили платья из фабричной белой ткани *сон* и надевали их родственницы умершего, раньше это платье было из ткани *карбос*. Траурное платье называют *сияю суз* (досл. «черное от переживания»), хотя оно и было по цвету одинаковым с повседневным, к нему предъявляли некоторые требования: оно должно было быть обязательно стиранным. Часто надетое платье до полугода не стирали, избегали и красного цвета. Очень редко, но белое платье окрашивали в коричневый цвет, иногда – в зеленый. На один – два месяца, иногда – до года обязательно снимали все украшения, выплетали искусственные косы, отменялась косметика – в этом выражался, по словам местных жителей траур. Один день платье подпоясывали поверх талии поясным платком *локи* или искусственными косами *чура*. Считалось, что горе, будучи очень тяжелым, влияет на человека и от него человек обессиливает, и обвязывание талии или пояса платком или искусственными косами как бы укрепляло людей.¹³ Шаровары были повседневные, обычных расцветок.

Если умирал молодой человек, женщины полностью распускали волосы в течение трех дней, если умирал пожилой человек, то в кк. Егид – Равноу волосы распускали, разделив их по обеим сторонам на две пряди *дугак* и свивали, завязав на конце узлом и оставались в таком положении в течение трех дней. Через три дня проводили обряд мытья головы *саршуен*, после чего волосы заплетали в обычные косы из трех прядей *сегаки гуси* и завязывали узлом на конце, перекинув их вперед, и так носили до года.¹⁴ Во время траура *кокул* (искусственные косы) не вплетали, свои волосы были свободно от припле-

13 Обвязывание талии двумя искусственными косами было известно и на Памире (Андреев, 1949, с. 4).

14 Те же траурные прически и на Памире. См.: Андреев, 1958, с. 251, 414.

тенных, что называлось, как уже отмечали, *гуси*. Женщины к. Умарак через три дня мыли голову и заплетали косичку по краю волосяного покрова *пича*, по бокам головы – косички *торак* не заплетали. Через 1-2 месяца вплетали накосники.

В старину во время сильного траура (умер взрослый сын или дядя по матери) женщины кишлаков Егид и Равноу отрезали от ушей косы ножом или отрубали топором, позднее стали отрезать от одной косы волосы на четверть и волосы не заплетали, а свивали. Если умирал в скором времени опять какой-нибудь близкий родственник, то отрезали косы с другой стороны, и также свивали их. Женщины кишлаков Умарак – Зинг также отрезали волосы, если траур был тяжелый. Отрезанные косы бросали в чистую воду или закапывали под зеленым деревом. Но все же отрезание кос считалось не богоугодным делом «*кахри худо мешава*», и родственники следили, чтобы этого не делали.

После окончания траура очищали скрученной ниткой брови и лицо от волосков. Головной платок был из белой марли (раньше из тонкого *карбоса шаши*), который складывали треугольником и накидывали на голову.

После переселения дарвазцев в Курган-Тюбе и совхоз «Гулистон» Колхозобадского района женщины по-прежнему придерживаются старых традиций: родственники на третий день приносят платья из хлопчатобумажных и шелковых фабричных тканей. По-прежнему основным выражением траура является снятие всех украшений, отмена всевозможной косметики.

Мужская одежда

Традиционные мужские рубахи шили туникообразного покроя, белые – без шва на плечах, с пришитыми непосредственно к стану, без выкройной проймы, рукавами и боковинами. Воротник на рубахах делали в виде горизонтального разреза *китифак*, иногда еще с разрезом на плече, с одной стороны. Для пожилых людей обшивали рубахи швом *сарак* (досл. «через край»), для молодых и женихов – тканой или вышитой тесьмой. На грудь под перед и спину была пришита подкладка треугольником, называемая *кавд*. Рубашки для молодых и жениха шили дли-

ною выше колен, для тех, кто читал молитву (*намаз*) ниже колена. Длина рукавов доходила до пальцев руки у пожилых, и до середины кисти – у молодых женихов. Ширина рукавов у основания равна 1,5 четвертям, на конце – одной четверти и один сустав большого пальца, что шили для тех, кто совершал перед молитвой омовение (*тахорат*), а при чтении намаза их подгибали и они должны были быть широкими. У молодых рукава у плеча равны 1 четверти и трем пальцам руки, на конце – 4 расставленных пальца. Традиционные рубахи шили из белого *карбоса* или белой фабричной ткани, иногда в полоску (*тик*), носили навывпуск. И сейчас фабричные рубахи пожилые люди носят навывпуск, предпочитают светлые цвета. В настоящее время, когда идут на работу, иногда их заправляют в брюки. Молодое и среднее поколение носят рубахи согласно их фасону – навывпуск и заправленные в брюки.

Штаны шили и шьют длиной до щиколотки, с мотней, довольно свободные. Если щиколотка была туго закрыта штанинами, то нарушалась молитва (*намоз мешиканад*). Традиционные белые штаны шили из тех же белых тканей, как и рубахи. Сейчас их носят старики и муллы, особенно во время чтения молитвы. После появления ткани *тик*, шьют из последнего. Помимо легких штанов, иногда шили и из шерсти – *эзори шаворррагза*, естественной окраски – коричневой, черной, серой, иногда делают и из ткани, сделанная из хлопчатобумажных толстых ниток. Где-то после 30-х годов XX в. появились верхние темные брюки, называемые *шим*, которые обязательно надевали поверх легких традиционных, шили и брюки *галифэ*. Легкие штаны без брюк носили дома. Сейчас пожилые люди иногда заказывают брюки в местных ателье: так в ателье совхоза «Гулистон» пожилые мужчины заказывают брюки галифэ, которые с удовольствием носят. Молодые и мужчины средних лет предпочитают трусы и фабричные брюки.

Верхней одеждой были халаты из шерсти *чагман*, натуральной окраски. Он в старину и составлял основную одежду горцев, так как халатов из ткани было мало. И сейчас эти халаты иногда продолжают делать по традиции. Шьют их очень широкими и носят

поверх халата из тканей, раньше так носили одежду только богатые люди.

Стеганые туникообразные халаты *чома* были широко распространены в конце XX в. Для пожилых людей их шили длиной до 4-х расставленных пальцев выше щиколотки. Халаты имели боковины и рукава, пришитые без вырезной проймы, рукава – закрывали руку, во время работы – их загибали, во время молитвы – отпускали полностью. Халаты шили из кустарных тканей в разноцветную полоску *алоча*, *алочаи дахкабута* (*алоча* в синюю полоску), *алифтор* (сложная для изготовления ткань, которую делали из двойных ниток – белых и черных) и пр.¹⁵ Они были также и из привозных полушелковых тканей, таких как *мушки зафар* (в желтую и черную мелкую полоску). Для женихов и молодых шили их полушелковыми *чумаи сурча* в красную, зеленую, синюю и желтую полоски. Для жениха халаты на период свадьбы могли быть общественные, давать их, как и другие предметы одежды, считалось богоугодным. До недавнего времени молодым и женихам шили их из полосатой полушелковой ткани *бекасаб* на подкладке темного цвета и *фаровез* – (вставка под мышками) делали из того же материала, что и верх. Сейчас халаты для жениха делают из кристаллона и черного бархата, До сих стеганые халаты имеют все, в них ходят дома, на всякие семейные торжества. Покупают их готовыми или шьют их из сатина черного цвета, а также из полушелковых тканей в мелкую темно – синюю и черную полоску *зирабекасаб*, плотной ткани черного, фиолетового, коричневого цветов. Его всегда простегивали на руках, в последнее время стежку стали делать очень мелкую и частую (на расстоянии мизинца) и выглядят очень эффективно. Новые халаты темного черного цвета надевают пожилые, когда идут в мечеть, в гости, на различные торжества.

Летний халат *актаи*, *яктаи* был одинаков по длине с теплым или длиннее его. Его могли надеть на теплый халат, поверх него. Для молодых он был размером до середины голени, для пожилых – несколько ниже. Шили *актаи* как из белого *карбоса* в желтую полоску *малаги*, так и из *карбоса* в цветную

полоску *алоча* для пожилых и из кустарной белой ткани с рисунком в виде рельефных квадратиков – *сабранчи*, в основном для молодых и женихов. Молодые надевали два таких халата – сначала один, посветлее, потом другой, потемнее, и они очень хорошо сидели. Ворот халата вышивали цветными нитками, по *карбосу* – гладью, а по ткани *сабранчи* – крестом. Кроме того, у молодых, как и у пожилых, ворот прострачивали прямыми простыми нитками, параллельными строчками между которых вставляли скрученные жгутики *пилта*. У основания воротника пришивали тесьму с кисточками. Летом халат завязывали на эти завязочки поясным платком, подпоясывали только во время работы или зимой. Сейчас легкие халаты – это одежда только пожилых мужчин, носят их из фабричной ткани – *коломянки*, плотного шелка или шерсти, в полоску или гладкие – темно-голубого и темно-зеленого цвета, которые завязываются на завязочки или застегиваются на петлю или пуговицу.

Поясные платки, необходимая часть национального костюма, назывались *линги*, *локи*. Раньше их в Дарвазе делали из трех *точей карбоса*, т.е. шириной в 1,5 метра. Помимо того, что он являлся необходимой частью костюма, поясной платок выполнял роль молитвенного коврика, однако во время молитвы им никогда не подпоясывались, он являлся также своеобразной авоськой. Сейчас считается, что обязательной его длиной является опоясывание талии и завязывание платка на два узла, то есть длину его делают меньше одного метра – 80х90см. Раньше поясные платки делали из *карбоса*, которые не вышивали или вышивали один угол совсем немного гладью. Позднее стали делать из цветных хлопчатобумажных тканей всегда избыточно вышитых гладью, а последнее время вышивают их машинной вышивкой, тамбуром, которым и вышивают поясные платки из шелковой ткани. Как уже указывалось, традиционные туникообразные рубахи носили всегда навывпуск и поясными платками обычно не подпоясывали, а подпоясывали только верхнюю одежду. Сейчас верхнюю фабричную рубаху обычно заправ-

15 См. подробнее: Ершов, 1966, с. 225-228.

ляют в брюки, и, хотя брюки всегда бывают на ремне, но поверх ремня мог повязываться еще и поясной платок, иногда сквозь него продевают футляр с ножом. Раньше, когда шли пешком в дальнюю дорогу или ехали на осле или лошади, или участвовали в козлодранье, поверх *чагмана* или *чома* повязывали длинный полушерстяной пояс – *мошови* длиной в 5 метров, в холодное время этот же пояс мог быть и чалмой.

Традиционным головным убором являлась тюбетейка *токи*, которую раньше шили из кустарной ткани белой или в полоску *ало-ча*, позднее из фабричной ткани – ситца или сатина. Для пожилых не вышивали тюбетейки; для молодых они всегда были вышиты. Начиная с 1960-х годов круглые вышитые тюбетейки стали носить отдельные старики, остальные все перешли на черные квадратные тюбетейки с белыми узорами ферганского типа. В холодную погоду поверх тюбетеек повязывали поясной платок. Головным убором для жениха являлась дарвазская вышитая тюбетейка.

Чалма *салла* появилась в крае после присоединения Дарваза к Бухаре (1878 г.). Чалму начинали носить мальчики согласно шариата с периода совершеннолетия, т.е. с 12-ти лет, если они учились у муллы и сами готовились стать муллами, т.е. были *мулло-бача*. Простые люди начинали повязывать чалму лет с 30-ти. Белые чалмы были обычно принадлежностью муллы и женихов, остальные повязывали поясной платок или то, что находили. В зимнее время, как уже указывалось, надевали пуховую чалму *саллаи мошови*. При повязывании чалмы делали обычно от 3 до 7 оборотов, для мулло – 12 оборотов, большинство же мужчин делали 3 оборота. Оставленный конец у левого уха *фаиш* был длиной до 30 см. Женихам обвязывали голову чалмой из 10-12 м белой кисеи. Чалму из-за крайней бедности часто брали общественную во время свадьбы. Зимой повязывали только чалму, тогда как в другие сезоны с одной стороны в складки закрепляли красную розу, с другой, противоположной – белый цветок. Сейчас чалмы носят только муллы и очень почтенные старики. Поясной платок в качестве головного убора остается. Очень редко привозили меховые шапки *теллак* из

Ферганы, еще реже шили их сами – делали тулью в виде круга, выкроенного из черного материала, обшитого по околышу шкуркой барашка, сурка и т.п. Раньше чабаны и мужчины во время полевых работ использовали головной убор *калпок* наподобие киргизских шапок из войлока. Брали кусок *карбоса*, насыпали на него шерсть, обливали горячей водой и катали как тесто. Потом раскрывали и смотрели, если шерсть не прилипла к *карбосу*, опять обливали водой и снова долго катали. Так делали 2-3 раза. Когда шерсть прилипла к *карбосу* ее складывали вчетверо и кроили по выкройке – вырезали 4 дольки (стороны) *тарк* шапки. Высота *калпока* была равна 4 расставленным пальцам, ширина его различна, в зависимости от размеров головы. По ребрам обшивали черным сатином, шапка была с загнутыми краями, обшитыми черной подкладкой, по бокам делали разрезы как в киргизских шапках, с левой стороны делали подкладку; позднее между верхом и подкладкой вставляли бумагу, на макушке имелась кисточка. Сейчас в быт вошли теплые фабричные шапки, которые покупают и носят мужчины довольно охотно.

В старину носили кустарную обувь черного и красного цвета: мягкую – *чоруки махси*, *чоруки баландак*, которую надевали с деревянными калошами – *кавши чубин*; сапоги до колен или немного ниже, на кожаной подошве, заходящей на голенище, по форме подошва напоминала подкову лошади *наъл* и они называются *чоруки гырнаъл*, короткая обувь – *чоруки узбаки*, *чоруки муки* – с толстой, рантовой сплошной подошвой с загнутым носком с кисточкой *пылкак*, называемой *узбаки* потому, что ее делали и надевали узбеки. Обувь надевали с шерстяными или простыми портянками – *пайтова* из 1м *карбоса*, шерстяными носками, в коротких сапогах – с обмотками и шнуром, затягивающими обмотки. Были еще сапоги *хомак* из необработанной шкуры, сшитой веревками. Внутрь сапога клали солому или сухую траву, надевали их во время сельскохозяйственных работ, во время охоты, в дальнюю дорогу поверх портянок *пайтова*. Кожаные туфли *кафши чарми* были у богатых. Сейчас кустарная обувь давно забыта, пожилые мужчины ходят в ичигах с галошами, дома – в одних

галошах. Мужчины помоложе предпочитают фабричную обувь – высокие сапоги, ботинки, летом – босоножки, любят также и артельную обувь.

К описанию свадебной одежды жениха добавим лишь пару слов о современном костюме.

В настоящее время жениха одевают согласно последней требованиям моды: майку. Трусы. Носки костюм темного цвета, белую рубашку, туфли. Из традиционного костюма остается головной убор – круглая тюбетейка, сейчас чаще заменяют ее северной четырехугольной тюбетейкой ферганского типа. До и после свадьбы во время церемониалов стрижки волос цирюльником и приглашения зятя в дом тестя, на жениха одевают халат из *бекасаба*, обвязывают поясным платком. Несколько слов о мужском трауре. Раньше траура не было. Сейчас молодые мужчины до 1 месяца не бреют бороду, а затем уже начинают брить.

Таким образом, в целом одежда всех дарвазских таджиков была едина. Жители кишлаков Умарак и Зинга, расположенные ближе к центру (Калаи-Хумб), уже сравнительно давно (в начале XX в.) стали отказываться от своих старых форм и материалов одежды и переходить на более новые, равнинно-бухарские формы. Жители кишлаков Равноу и Егида, находящиеся в большом отдалении от центра, с плохими дорогами, были в известной замкнутости и сохраняли как в памяти,

так и в быту свои старые формы одежды. Переехав в город Курган-Тюбе и Колхозобад, при окружении с таджиками других районов, традиционный костюм исчез из быта не сразу и не полностью, он подвергался большому изменению при сохранении основных характерных черт. Изменения касались в первую очередь материала одежды, ее украшений, реже – ее покроев, а также обуви и головных уборов. Старые формы сохраняются в одежде, причем иногда в измененном виде и лишь пожилое поколение; молодежь носит вошедшее примерно в пятидесятые годы национальное платье на кокетке, которое при общем единстве шьют из новых модных тканей, по всем правилам покроя и отделки отечественной моды.

Остаются обязательным в быту шаровары и головной платок. Сейчас для молодых покупают фабричные небольшие платки с люриксом. Мужские тюбетейки раньше были круглые, вышитые цветными нитками, сильно различались по узорам, сейчас тюбетейки стали носить квадратные черные с белыми узорами чувского и ходженско-уратюбинского типа. В мужском национальном костюме сочетаются общегородские и национальные элементы. Из национальных предметов распространен халат, поясной платок, тюбетейка, национальные штаны. Преобладание тех или иных зависит от социально-экономического положения семьи, возраста, профессии настоящего.

Мужское нагрудное украшение из погребения 4014 Северного Гонура: тумор бронзового века

Одним из прекрасных образцов декоративно-прикладного искусства туркмен являются серебряные украшения с полудрагоценными камнями. Они до сих пор являются, бесспорно, одним из самых важных элементов одежды туркменской женщины. Многие из женских нагрудных украшений играют роль амулетов, главная цель ношения которых оберечь от болезней, дурного глаза, бесплодия. Такие изделия как тумор служат футлярами, в которые помещаются молитвы, заклинания, вещества (например, зола, соль, особые растения), отпугивающие злых духов. Истоки, корни бытования туморов уходят в глубокое прошлое. Лучше всего известны, конечно, средневековые изделия. Но оказалось, что уже 3,5–4 тыс. лет назад на территории современного Туркменистана подобные украшения-амулеты уж использовались.

Осенью 2010 г. Маргианская археологическая экспедиция проводила работы на восточном фасе Северного Гонура (Раскоп 18). Одной из особенностей этой территории, располагающейся между стеной каре и обводной стеной, является практически полное отсутствие погребений взрослых. Единичные такие могилы имеются лишь на его юге, где раскоп смыкается с раскопом 9, и на севере, где начинается раскоп 11. Все найденные погребения взрослых устроены или за пределами обводной стены или непосредственной на ней. Одна из таких могил в южной части восточного фаса обводной стены получила номер 4014.

Могила представляет собой прямоугольную цисту (240 x 165 при глубине 50 см),

ориентированную с севера на юг. Ее стенки изнутри тщательно обмазаны глиняным раствором. И костяк и погребальные приношения находились в северной половине цисты, южная – полностью свободна. Погребенный лежит в северо-западном углу на правом боку, головой на север. Кисти рук находятся перед лицом, ноги согнуты таким образом, что пятки подтянуты к тазу. За спиной, около

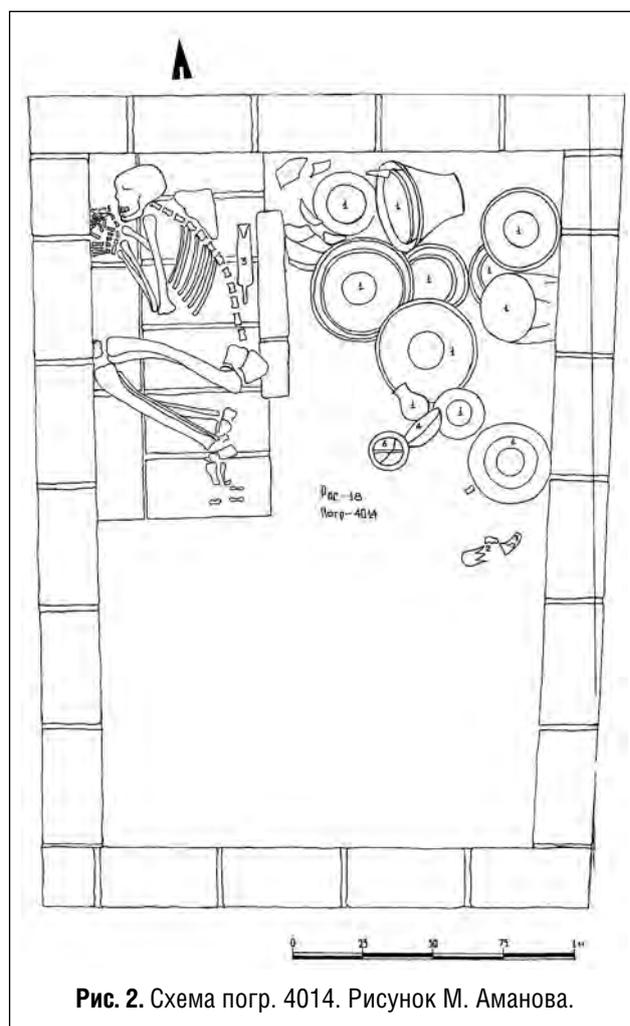

Рис. 2. Схема погр. 4014. Рисунок М. Аманова.

самого позвоночника находится бронзовый нож с загнутым концом. Весь северо-восточный угол занят керамическими изделиями. Всего их 13, из которых 9 имеют коническую форму (2 небольших и 7 среднего размера). 1 сосуд – круглый с узким горлом, а 2 – удлиненной, расширяющейся книзу формы. Около южного края скопления керамических изделий вертикально стоит каменная миниатюрная колонка. Между ней и круглым сосудом с узким горлом наклонно стоит бронзовая неглубокая тарелка (типа миски). По всей видимости, бронзовая тарелка стояла на подсыпке высотой около 15 см, но под тяжестью заполнения она съехала на один край и в момент раскопок находилась в наклонном положении. Заполнение тарелки отличается от основного заполнения могильной ямы своим цветом и структурой (взяты образцы для анализа). На полу около восточной стенки неподалеку от скопления керамики находилось бронзовое четырехзубчатое навершие жезла и бронзовая пластина, покрывавшая когда-то деревянную (взяты образцы для определения дерева) рукоятку. Рукоятка имеет специфическую форму, подобной ранее не было встречено.

По всей видимости, данное погребение было совершено в последний период существования Гонура или в самом конце второго периода. Приблизительная датировка погребения – середина II тыс. до н.э.

Человеческие останки были весьма плохой сохранности. Удалось взять несколько размеров длинных костей посткраниального скелета. Череп был полностью раздавлен весом грунта, состоял из мелких фрагментов, которые не только отреставрировать, но и собрать ввиду их крайне рыхлого состояния, не было возможности. Визуально индивид отличался довольно крупными размерами черепа с сильно развитым (балл 2-2,5) надбровьем и областью глабеллы. Сосцевидный отросток – массивный, крупный, очень длинный (балл 3!). Рельеф на посткраниальном скелете выражен резко, свидетельствует о хорошем развитии мускулатуры. Фрагменты свода черепа с сохранившимися швами, показывают их полное срастание. На костях стопы фиксируются явно и хорошо выраженные возрастные изменения. По комплексу всех признаков,

можно без сомнения говорить о том, что данные останки принадлежали мужчине пожилого возраста (*senilis*, более 60 лет).

Около левого локтя, вокруг шеи и на ключицах было найдено большое число каменных бус, бронзовые бусинки с заостренными концами, вставленные одна в другую. Внутри них имеется заполнение красного цвета (образцы взяты на анализ). Рядом с грудиной мужчины найдены крупная черная каменная бусина (по определению А. Юминова, она изготовлена из магнетита). Между кистями, которые, как было указано выше, лежат перед лицом умершего, «зажат» интересный предмет, украшенный каменной мозаикой. При обнаружении первых мозаичных вставок и начале расчистки этого предмета он был принят за небольшую шкатулку. Но после ее закрепления на месте работ реставратором М. Беглиевым, оказалось, что это – нагрудное украшение, по своей форме и, вероятно, функции напоминающее одно из самых любимых украшений туркмен – тумор.

Деревянная основа (наибольшая ширина 10 см) имела треугольную форму. По бокам она была окаймлена тончайшими бронзовыми пластинками. На основной плоскости украшения имеется 8 рядов каменных миниатюрных мозаичных вставок. Каждый ряд отделяется от следующего – тонкой горизонтальной пластинкой, фактически «палочкой». Шесть рядов изображают горы. Вставки четырех рядов этих «гор» украшены красной краской (минерал определяется), возможно, символизирующей солнце или огонь, который особо почитался древними маргушцами. А средний, пятый ряд имеет синюю, лазуритовую (частично каменную, частично порошкообразную) вставку, вероятно свидетельствующую, что второй почитаемой стихией древних предков туркмен могла быть вода.

Не менее удивительно то, что изображение гор полностью совпадают с таковыми, изображенными на одном из амулетов, найденном на другом памятнике страны Маргуш – Тоголок-21. Верхний (самый короткий) ряд состоит из трех овалов с отверстием посередине, а нижний (самый длинный) – из 10 полумесяцев. В центре нижней части украшения была подвешена упомянутая крупная черная бусина из гематита.

В том, где само украшение крепилось к нитке, бронзовые пластинки, окаймляющие деревянную основу, имеют по три небольшие петельки с каждой наружной стороны. А с внутренней стороны этих же частей пластинок есть крохотные гвоздики, которые и прикреплялись к деревянному массиву.

Это украшение подвешивалось на груди мужчины на искусно сделанных бусах, собранных из найденных каменных бусин О. Беглиевой. Особо поражает тончайшая работа маргушских ювелиров при изготовлении центральных бусин. Один конец черных каменных обойм размером всего около 3 мм, также как оба конца окаймляемых ими чуть более крупных белых бусин, вырезаны в форме зубчиков, идеально подходящих одни к другим. Чтобы эти бусины при движении не раздвигались, они закреплены на трех параллельных нитях специальными бронзовыми пластинками. Также, видимо, для крепления трех рядов нитей явились каменные треугольные бусины (по одной с каждой стороны), имеющие с одной стороны одно, а с другой – три отверстия, через которые нити и продевались. Поверхность бусин не гладкая, а имеет две ложбинки, расходящиеся в стороны от узкого края к широкому.

Сама деревянная пластина, на которой была сделана мозаичная композиция, имела утолщение книзу, а, возможно и имела внутри полость, куда, как и в современных туморах, могли помещаться или какие-то священные молитвы, или, например, зола из очага или

какие-то другие предметы, которые могли бы охранить человека от злых сил. Здесь нелишне напомнить, что зола, как вещество, связанное с огнем, играла важнейшую роль в ритуалах древних маргушцев. Зола тщательно сортировали: в Храме Огня Гонура найдены «хранилища священной золы», в момент раскопок заполненные доверху чистой белой золой без каких-либо включений. Сверху эти «Хранилища» были заложены кирпичами и тщательно обмазаны глиняной обмазкой. Зола подсыпалась на дно могилы, чтобы тело умершего человека не могло «осквернить» священную стихию землю.

О том, что найденное в 2010 г. на Гонуре украшение было вероятнее всего именно тумором, свидетельствует и тот факт, что оно находилось между ладонями, лежащими перед лицом мужчины. Весьма важны и свидетельства того, что для его изготовления использовалась особая древесина, имеющая в том числе и галлюциногенное, и гормоноподобное действие (см. далее экспертное заключение Л.В. Сатаевой).

Кроме подтверждения высочайшего ювелирного мастерства предков туркмен, эта находка позволяет ставить вопросы о современных и древних гендерных различиях в использовании украшений, а также древние корни символизма их формы и содержания. Таким образом, ныне можно говорить о том, что такое традиционное украшение туркмен как тумор имеет древность не менее 3500 лет.

Приложение:

Л.В. Сатаева

Предварительное экспертное заключение на образцы дерева, полученные из погр. 4014 (раскоп 18)

Для проведения анализов были получены три образца.

№ 1. Небольшой фрагмент дерева из бронзового навершия.

№ 2. Небольшой фрагмент дерева из

бронзовой пластины, покрывавшей ручку какого-то предмета.

№ 3. Тонкие продольные фрагменты дерева из бронзовых пластинок, окаймлявших нагрудное украшение («тумор»).

Образец № 1 (рис. 12).

Предварительно определяется как ива.

Образец № 2 (рис. 13).

Предварительное определение соответствует описанию экзохорды. Это красивый древовидный кустарник из сем. Розоцветные (имеется несколько видов), произрастающих на Памиро-Алае, Тяньшане вплоть до Китая.

Образец № 3 (рис. 14).

Древесина идентифицируется как Витекс священный (*Vitex agnus castus*) или Прутняк обыкновенный. Он произрастает в т.ч. в Средней Азии, в т.ч. в Туркмении, то в горах, то на песчаной почве, даже в Каракумах. Он обладает гормоноподобными свойствами (эстроген-прогестерон-тестостерон, т.е. сходными с действием половых гор-

монов; со времен Гиппократата используется против бесплодия, уменьшения лактации, импотенции и т.д.). Кроме того, это растение относится к семейству Губоцветные и является пряной культурой. Может быть заменителем перца, добавляется как пряность к мясу и проч. Одно из названий растения – монаший перец, т.к. по вкусу и действию оно соответствует перцу. Весьма показательно, что листья Витекса 5-7 рассеченные, что сильно напоминает коноплю. Побочное действие этого растения при употреблении в пищу – галлюциногенное. Используется практически все части растения: и цветки, и листья, и плоды, и древесина. Имеются сведения, что это растение также употреблялось в бронзовом веке в Египте.

Рис. 1. Общий вид погр. 4014 в процессе расчистки. Вид с юго-востока.

Рис. 3. Керамические изделия из погр. 4014.

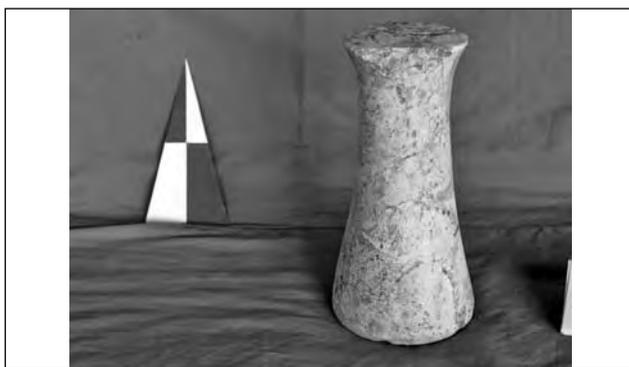

Рис. 4. Каменная миниатюрная колонка из погр. 4014.

Рис. 5. Бронзовое навершие жезла из погр. 4014.

Рис. 9а. М. Беглиев (в центре), М. Аманов и В. Крюкова за работой над реставрацией нагрудного украшения из погр. 4014 с раскопа 18.

Рис. 9б. В.И. Сарияниди изучает нагрудное украшение из погр. 4014.

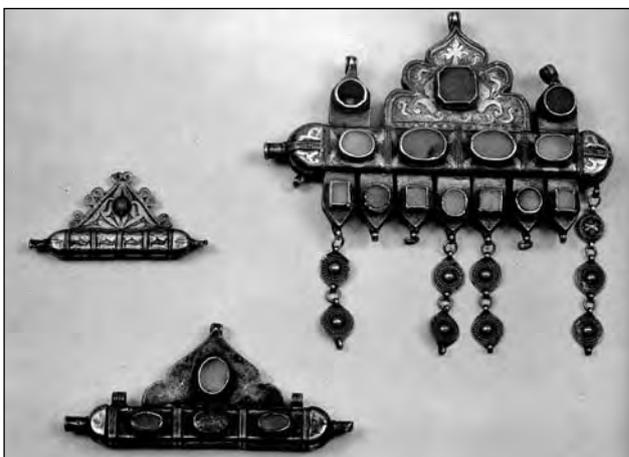

Рис. 11. Туркменские туморы конца XIX – начала XX вв.

Данные к проблемам изучения древних культов и ритуалов

Л. Еганян

Памятник раннебронзового периода Мец Сепасар в контексте индоевропейских верований и ритуалов

На северо-западе Республики Армения, на плоскогорье Ашоцка, в центре окруженной горами равнины, возвышаются горы Мец (Большой) Сепасар и Покр (Малый) Сепасар, разделяющиеся рекой Ахурян (рис. 1). На вершине горы Мец Сепасар (41°03'12" северной широты, 43°49'00" восточной долготы, абсолютная высота 2081 м) раскопан памятник, относящийся к бронзовому веку и датируемый XXVIII-XXVI вв. до н.э. (Еганян, 2006, с. 63). В центре памятника, в вулканическом конусе, на спускавшейся по северному склону первой террасе раскопано святилище прямоугольной формы, ориентированное углами на северо-запад – юго-восток (длина 5,5 м, ширина 4,7 м). Настоящая статья посвящена анализу индоевропейских ритуалов, отраженных в археологических материалах, восстанавливаемых по результатам раскопок раннебронзового памятника Мец Сепасар.

Интерьер святилища. Стены облицованы красным вулканическим камнем, пол покрыт тонким слоем из того же измельченного красного вулканического камня. В за-

падной половине помещения устроен очаг, который представляет собой чернолощенную чашу (диам. 18 см) с проемом во внутренней части, с плоским дном и ямкой внутри очага. В западной половине святилища на глинобитном полу напротив дверного проема, под толстым (20-25см) слоем золы – очаг, отделенным 1/4 круга, выложенного из семи камней (дацит), покрытых красной благородной патиной. Там же, у очага *in situ* были найдены останки семи жертвенных волков.¹ Шесть из семи их черепов были выложены в ряд около двери в юго-западной стороне помещения. Они помещены на слой золы и фрагментов керамики, а один – вблизи очага. Седьмой череп был уложен особым образом. Поверх положенных друг на друга фрагментов разных керамических сосудов в половинке чаши, разделенной по диагонали, находилась каменная пуговица и две костяные иглы, над ними лежал плоский маленький камень, на котором и находился череп. Все черепа – без нижних челюстей. Последние находились на полу, в разных углах святилища.

Сопровождающий материал разнообразен: бронзовая фибула, бронзовое кольцо,

1 Остеологический материал определялся проф. Университета Тюбингена (Германия) Гансом Петером Уерпманом и доктором биологических наук, научным сотрудником Института биологии Национальной Академии наук Республики Армения Ниной Манасерян. Пользуясь случаем, выражаем им нашу искреннюю благодарность.

два шила из кости, каменная пуговица, рыбы кости, обломки разбитой керамики разнообразных форм и размеров, с декором и без и т.д. Привлекают внимание шесть чаш, стоящие на полу у южной стены и прикрытые большим кувшином (Еганян, 2009, с. 72). Хотя найденные в святилище сосуды пусты, можно предположить, что в них хранились принесенные дары. Исключительный интерес вызывает то обстоятельство, что на празднике участники церемонии, видимо, делали подношения, которые состояли из различных напитков и еды (о чем свидетельствуют многочисленные обломки керамики, кости рыб, а также украшения – фибула, колечко – и различная утварь – игла, пуговица). В разных частях святилища найдены обломки очажных подставок с фаллообразными концами, что свидетельствует о том, что очажные подставки после ритуала также разбивались.

Известно, что храмы и святилища появляются на определенных этапах жизни общества, как результат развития культуры,

что связывается с определенными этапами развития и формирования общества. Достижения в области развития культуры сделали возможным сооружения специальных «домов богов». Ранее даже такие известные памятники как святилища Чатал-Гююка в Анатолии были жилыми домами, которые служили для проведения обрядов (Антонова, 1990, с. 51).

Мец Сепасар дает возможность проследить не только форму и внутреннее убранство святилища, но и восстановить характер проводившихся в нем обрядов. Каждая, даже самая маленькая деталь, сохранившаяся здесь *in situ*, так или иначе связана с ритуалом. Так, например, надо установить, почему святилище построено в вулканическом конусе, на вершине горы, почему жертвенными животными оказались волки, когда, в каком сезоне и во время какого праздника приносили их в жертву, почему часть сосудов целая, а другая часть – разбита, почему шесть целых сосудов прикрыты карасом², почему красным

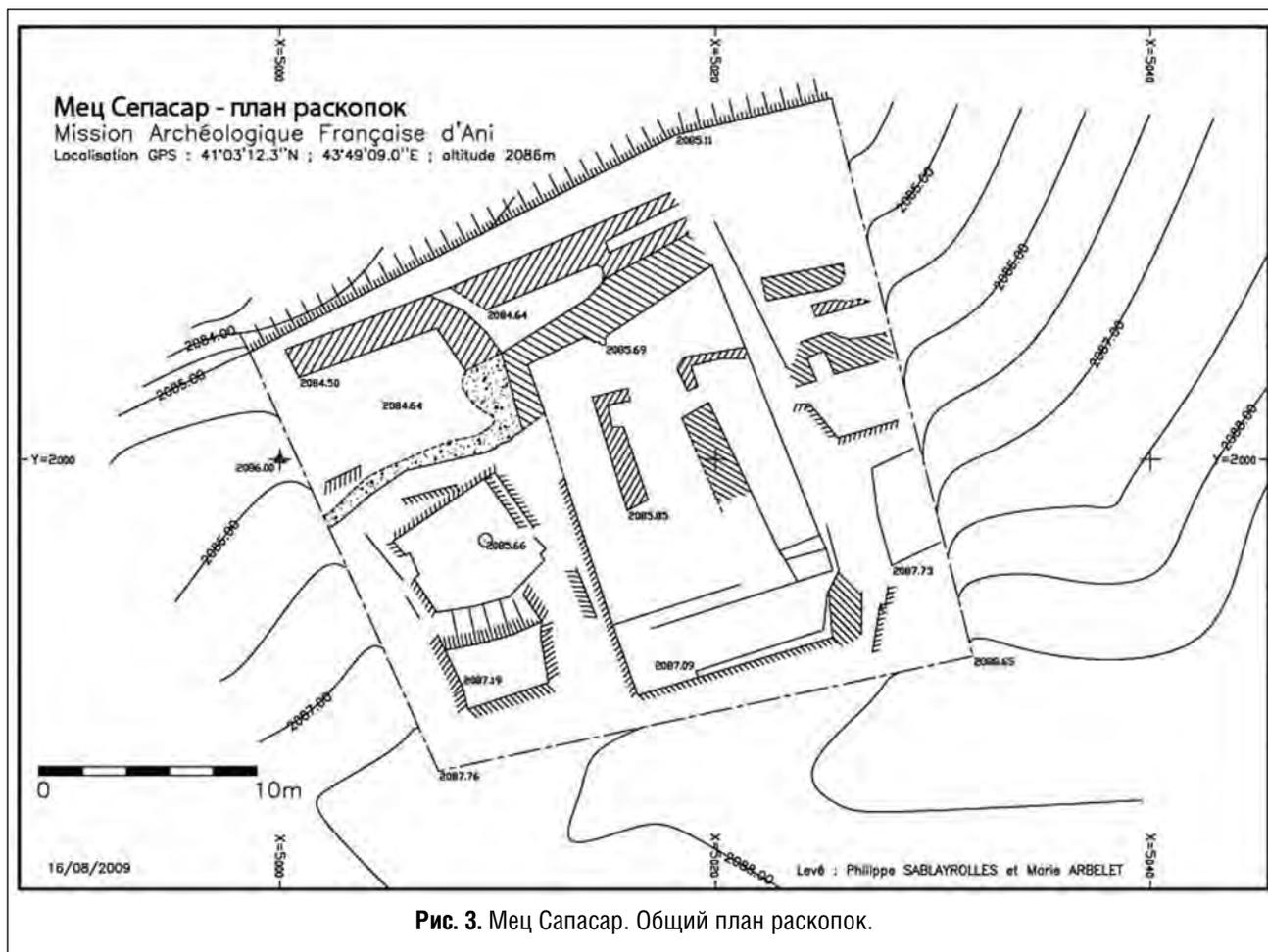

Рис. 3. Мец Сепасар. Общий план раскопок.

2 Карас – большой керамический сосуд, кувшин.

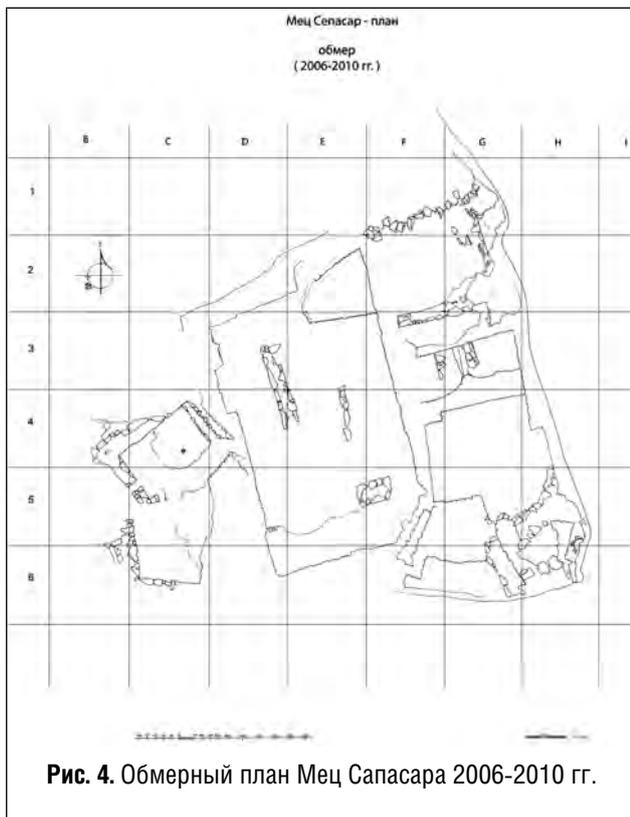

Рис. 4. Обмерный план Мец Сепасара 2006-2010 гг.

каменем облицованы стены изнутри, красным песком покрыт пол, покрыты красной патиной камни, отделяющие очаг от останков волков, и, наконец, какую роль сыграло число семь (семеро волков, семь целых сосудов, 1/4 круга из семи красных камней). Ответы на эти вопросы не будут полными, если не принять во внимание те предпосылки, которыми был обусловлен выбор местности для сооружения святилища.

Первая предпосылка – это гора. В армянском языке слово «гора» (-sar) восходит к индоевропейскому *k'ér с корнем со значением «верхняя часть, вершина, голова, рога». (Джаукян, 1987, с. 74), и другое армянское слово *dar* со значением «гора» означает также «близнец» (Ачарян, 1971, с. 632), «пещера» (Новый словарь..., 1979, с. 602). Это показывает, что с названием «гора» связано представление не только о вершине, но также и смысл «двое» и «пещера». В индоевропейской интерпретации существенная особенность горы и скалы – это доходящая до неба высота, откуда возникло общее индоевропейское представление о небе как о «каменном своде» (Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 667). Такое представление могло возникнуть, например, при виде устремленных ввысь вер-

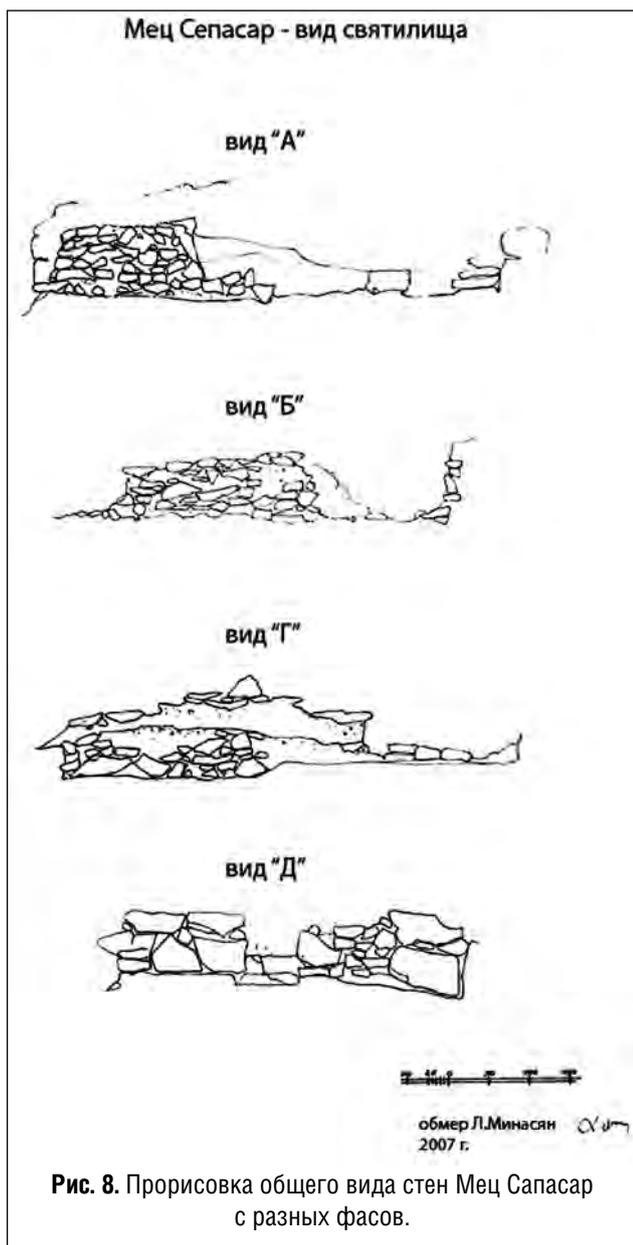
шин Армянского нагорья. Считается, что горы казались людям священными, поскольку они вздымаются в небо, туда, где обитает божество (Голан, 1992, с. 92). Отсюда возникает и поклонение горам: например, у греков – Олимп, у армян – Арарат и др.

Архетип центра Мира, по М. Элиаде, сохранился в древневосточных цивилизациях. Многие древневосточные святилища (например, Непучи, Ларсаи, Сипари) назывались *Dugan-qi*, что означает «связь между небом и землей». По ассиро-вавилонским представлениям, Вавилон построен на месте соединения неба и преисподней, на воротах Бар-Апси (ворота Апси). А Апси – это воды Хаоса до сотворения мира (Элиаде, с. 49; Арутюнян, 2000, с. 34). Иерусалимский храм построен на скале, стоящей на водах преисподней (Теом) (Арутюнян, 2000, с. 34).

Хеттский Пирва (Pirwa) изображался в виде всадника на белом коне, его храм располагался на горе: его атрибуты – волк, орел, камень (Иванов, Топоров, 1974, с. 10). У славян – бог грозы Перун, живущий на горе, то противопоставляется Велесу, то отождествляется с ним. Славянскому Перу-

Рис. 7. План святилища в Мец Сепасар.

ну соответствует прибалтийский Перкунас, живущий на небе. В фольклоре литовцев он изображается с топором или с каменным молотом (Иванов, Топоров, 1974, с. 10). Хеттский «*peruna*» – «скала»; древнеиндийский «*parvata*» – гора, указывают на связь имени громовержца с горой, возвышенностью (Иванов, Топоров, 1992, с. 303).

По древнеиндийской космогонии, земной мир разделен на четыре части сориентированные по сторонам света, а в центре мира стоит священная гора (Maskenzie, 1992, р. 105). По этому принципу ступенчатые пирамиды располагались на пересечении двух магистралей, направленных на восток–запад и север–юг (Maskenzie, 1992, р. 105). Предмет в виде небольшой пирамиды, служил священным

фетишем в Древней Греции (Голан, 1992, с. 91). В Армении есть монументы, представляющие сравнительно небольшие ступенчато-пирамидальные каменные кладки, увенчанные хачкаром (крест-камень) – обелиском (Мнацаканян, 1982, с. 39).

В мифологических представлениях очень важно местонахождение предметов культа на северной стороне. В индийской традиции, священная гора Меру, центр Земли, находится «на самом севере, под Полярной звездой» – центром неба. Север в сравнении с югом считался более высоким, воспринимался как вершина или пик мира (Иванов, Топоров, 1992, с. 346-348). В Древней Индии священный участок обносился оградой с четырьмя воротами, сориентированными по сторонам света (Голан, 1992, с. 106). Модель мира разделена на четыре части. По этой схеме создавалась и планировка святилищ. Вместе с тем, особую значимость придавали западной стороне: вход в святилище с западной стороны и проводимые ритуалы совершались на его западной половине.

Одной из предпосылок является северная сторона. Не только гора Мец Сепасар на севере, но и святилище построено на северной стороне горной вершины. Из мифологических воззрений индоевропейцев известно, что в древности северный ветер аллегорически изображался в виде крылатого быка (Голан, 1992, с. 105). Судя по имени и некоторым чертам образа, бог северного ветра греческой мифологии Борей представлял собой реликт архаического бога Преисподней. Признаком демонизма Борея является его оборотничество (МНМ, 1991, с. 183). Как увидим далее, связь севера с жертвоприношениями волков очевидна – оба связаны с Преисподней.

При выборе места для святилища сыграли роль и горы-близнецы. В индоевропейской мифологии близнецы-братья, называемые «детьми (сыновьями) бога Неба» (Диоскуры, Авшины, литовские и латышские «сыновья бога») (Иванов, 1991, с. 175), в Индии они известны как Авшины, а в Греции – Диоскуры, которые изначально имели образ лошади и считались сыновьями – лошадьми Индры и Зевса (Штернберг, 1936, с. 75). В Древней Индии Авшинов представляли в виде двух птиц или птиц-коней.

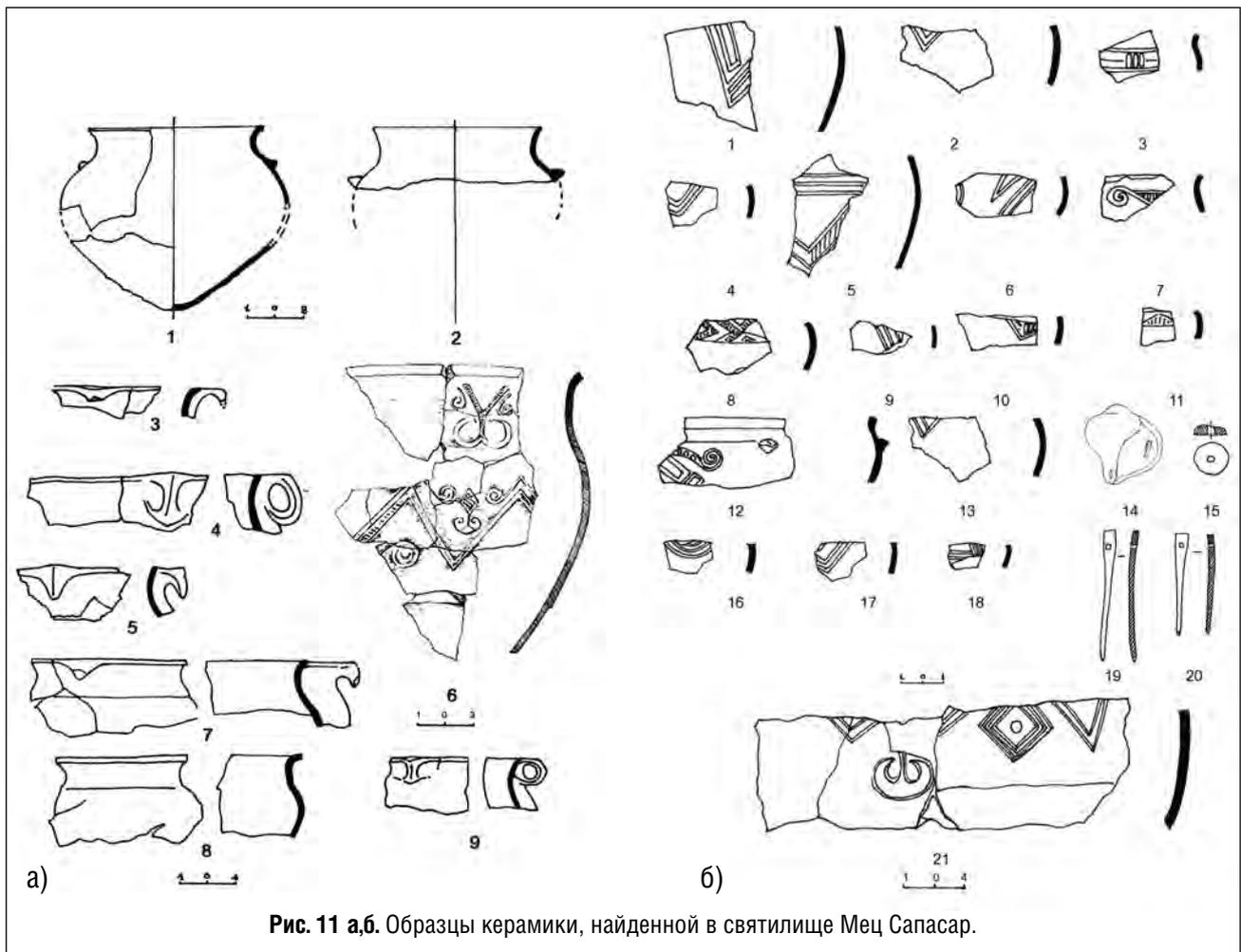

Рис. 11 а,б. Образцы керамики, найденной в святилище Мец Сепасар.

По древнейшим мифам о близнецах, когда умирал один из них, воскресал другой, из чего и предполагается, что здесь отразилась легенда об умирающем и воскресающем Солнце. Исходя из этого, некоторые исследователи указывают на то, что в древнеиндийской мифологии близнецы символизировали восток и запад (Иванов, 1974, с. 131). Рождение близнецов воспринималось как сверхестественное олицетворение божьего вмешательства, которое в близнецных мифах считается исходным (Иванов, 1974, с. 98-101). В мифологии два волка (две собаки), связанные с Мировым деревом, истолковываются как близнецы (Иванов, 1980, с. 60). Е. Штернберг приводит данные, по которым отцом божественных близнецов считался волк или бог-громовержец, и два образа представляют неолитического бога Земли (Штернберг, 1936, с. 80, 83). Марс, который происходит от неолитического бога Земли – покровитель близнецов Ромула и Рема. О происхождении последних существует несколько версий, но содержание их сходно: по приказу короля,

брошенных в море братьев-близнецов вскармливает волчица, посланная Марсом (Штаерман, 1992, с. 387; Мифологический словарь, 1985, с. 146). Этому мифу аналогичен осетинский эпос, в котором братья-близнецы рождаются от мифологического праотца нартов – волка (Калоев, 1992, с. 265).

В Армении наскальные изображения близнецов обнаружены в горах Гегамы и Сюника (Израелян, 1980, с. 218). Известные в разных частях Гегамских гор «вишапы» – драконы, каменные изваяния, на которых изображены друг против друга стоящие птицы (Абемян, 1975, с. 172, рис. 3, с. 174, рис. 5). В армянской мифологии близнецные мифы связываются с Ервандом и Евразом (Мовсес Хоренаци, 1981, Кн. II, ЛЭ), а в эпосе «Сасна црер» – с Санасаром и с Багдасаром. Санасар – эпический эквивалент бога грозы, он приобретает «меч-молнию» убивает дракона и являет собой эпическую трансформацию бога грозы (Петросян, 2002, с. 23). В одном варианте эпоса «Сасна црер» Цовинар зачала близнецов, выпив воду из источника в под-

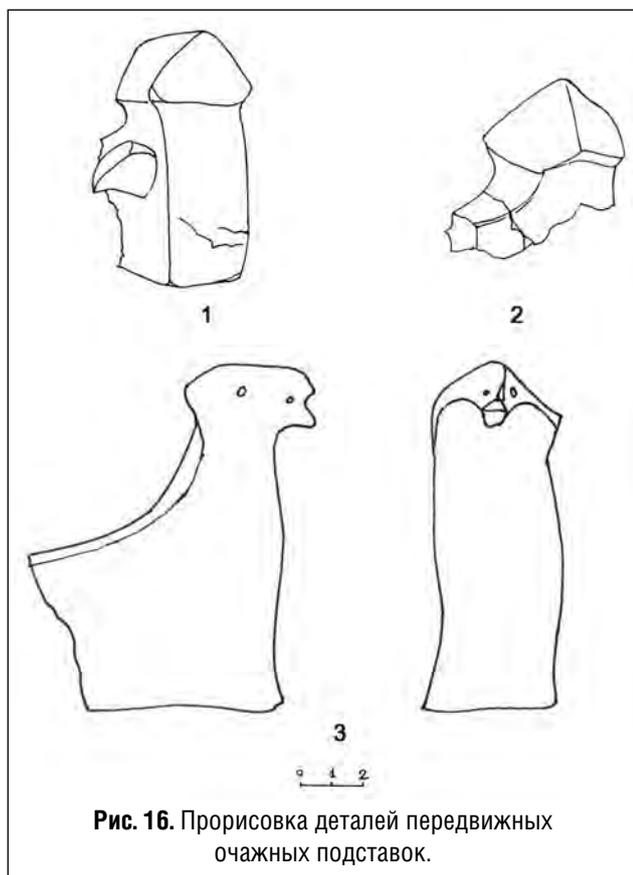

Рис. 16. Прорисовка деталей передвижных очажных подставок.

земной церкви, расположенной на острове (Петросян, 2002, с. 27).

В Армении были известны города-близнецы, отличавшиеся по своим функциям и разным центрам: в одном городе цитадель была предназначена для мирской жизни, для правителя – короля, в другом – для духовной, во главе с верховным жрецом (Акопян, 2010, с. 21).

На вершине горы Мец Сепасар проводилась церемония жертвоприношения волка, считавшегося отцом божественных близнецов. Важен фактор наличия гор-близнецов при выборе места для строительства святилища.

Следующий фактор – это наличие вулканического конуса. Строительство в таком месте, важно, как уже говорилось выше. Облицовка стен красным камнем и покрытие пола тонким слоем измельченного камня могло быть обусловлено сопоставлением конуса и пещеры. Почитание пещер – столь же широкое явление, как и почитание гор. Обитатели пещер Франции, Испании, Урала, Центральной Азии в эпоху палеолита выполняли росписи культового характера на стенах пещер, находящихся глубоко под землей. У некоторых

народов святилища устраивались в пещерах.

На Древнем Крите некоторые пещеры служили одновременно святилищами и кузнями (Голан, 1992, с. 94) (видимо потому, что бог Преисподней считался кузнецом). Многие данные наводят на мысль, что в истоках культа пещер лежит представление об их связи с богом Земли, с Преисподней (Голан, 1992, с. 94). Пещера – мать Вселенной, и как святилище была посвящена Вселенной. По представлениям римлян, *мандус* – та точка земли, которая соединяет ее с потусторонним миром или с царством мертвых (Eliade, 49; С. Арутюнян, 2000, с. 34). Пещера-храм представляет собой модель Вселенной, а находящиеся внутри предметы-символы элементов Вселенной (Топоров, 1992, с. 312). В пещере Дикта Рея родила Зевса (Лосев, 1957, с. 250), в Беовите была пещера Тропониоса, а в Аккае – Геракла (Мифологический словарь, 1985, с. 229). В Дельфах перед пещерой Пифона родились Аполлон и Артемида (Лосев, 1957, с. 40, 357). В пещере жила нимфа Калипсо (Кун, 1956, с. 512). По поверьям многих народов, мифический змей живет в пещере. Есть поверья о том что в пещерах скрываются ветры, дожди, облака, с пещерами связывают сексуальность (МНМ, 1982, с. 311).

В армянской мифологии такую роль отводят пещере Агравакар (дословно: камень ворона), где каждый год, в ночь под праздники Вардавар (Преображения) и hАмбарцум (Вознесение) обнимаются Земля и Небо, открываются находившиеся недалеко от цитадели Вана двери пещеры «Аграву кар» и выходит Мгер (Ганалаян, 1969, с. 39). Мгер армянского эпоса отождествляется с индоарийской Митрой, так же как Санасар и Багдасар соответствуют, с одной стороны – Авшинам, а с другой – Индре и Агни. Множество фактов наводит на мысль, что пещера связывается с поклонением богу Земли и богу Преисподней.

И последнее. В Мец Сепасаре для выбора ритуального пространства роль воды не только обусловлена рекой, разделяющей горы, родниками, бьющими из недр земли у подножья горы, Немаловажна еще одна деталь. огромный, длиной более чем 150 метров уникальный *вишан* (дракон) на западном склоне горы Мец Сепасар-древнее мифическое

свидетельство о борьбе бога Грозы со Змеем. И неважно: дракон – искусственный или творение природы.

В мифологических восприятиях вода выступает как разделяющая противоположные миры. И небесное и земные моря изначально воспринимались как один из атрибутов трехчастного мира.

Итак, мифологические предпосылки, которыми было определено местоположение святилища, это – гора, (стоящие рядом горы-близнецы Мец Сепасар и Покр Сепасар), расположение гор на севере плоскогорья, вода (река Ахурян, разделяющая горы и родники у подножья), также вулканический конус подобно пещере, как точка соприкосновения Земли и Неба, вход в потусторонний мир. Следовательно: вершина Мец Сепасара воспринималась как один из главных компонентов для выбора ритуального пространства; наличие нужных предпосылок (гора, река, пещера) и стало основой для возведения святилища.

Как уже было сказано выше, красным камнем были облицованы стены (кроме западной) святилища, слоем измельченного красного камня был покрыт пол, дацитами с красной патиной был отгорожен очаг от останков и остатков жертвоприношений (головой волков и черепки разбитой керамики). Тонкий слой измельченного красного камня сохранился на жернове у западной стены святилища. Жернов был предназначен для измельчения камня, и, видимо, каждый раз перед ритуалом красный цвет пола обновлялся, (даже небольшое прикосновение во время раскопок повреждало поверхность пола). Красный цвет пола и стен (кроме западной), огонь в очаге и цвет крови жертвенных животных дополняли друг друга, придавая церемонии особую значимость и особый смысл. В хеттском празднике *хассумас* приносили в жертву и шкуры животного, а кровь жертвенного животного сливали не в сосуд, а прямо на землю (Ардзинба, 1982, с. 69). В Мец Сепасаре для очага использовали чернолощенную чашу, которую зарывали в землю, предварительно разбив дно, видимо, чтобы все вытекало через горловину сосуда. Несомненно, в ритуале сыграл роль и расположенный почти в центре святилища стационарный очаг.

Найденные в очаге сгоревшие тонкие ветки – свидетельство проведенного ритуала.

Археологический материал святилища Мец Сепасара можно сопоставить с описанием текста хеттского ритуала «установления очага» который является неотделимой частью от общего ритуала при строительстве дворца (Шаншашвили, 2003, с.59). В хеттских обрядах часто упоминается очаг (=алтарь): ему проносились жертвы, вокруг очага (=алтаря), и иногда вокруг огня, выстраивались служители (Ардзинба, 1982, с.60).

В хеттском ритуале очагу приносились жертвы. «Из дворца приносят 1 горшок свиного сала, 1 горшок меда, 1 головку сыра, белую шерсть, черную шерсть, 1 горшок сладкого молока, орехи, изюм, миндаль, шкуру быка, соль. Все это помещается в очаг. Втыкают палки и говорят: “Как эти палки стоят твердо, так и царское слово и дело должно быть твердым”. Сажают лозу и так говорят: “Как эта лоза пустит вниз корни, а наверх новые побеги, пусть царь с царицей также пустят вниз корни, а вверх – ветви”. Сажают *Gis eu* и так говорят: “как *eu* вечно зеленая стоит и не опадают ее листья, пусть царь с царицей также вечно зелеными будут. Пусть их слово и дело также вечно будет”» (Шаншашвили, 2003, с. 59). Олицетворение культа огня в ведийской мифологии – Агни («огонь») – один из великих богов; в римской мифологии неугасимый культовый огонь и огонь домашнего очага олицетворяла богиня Веста; в греческом – Гестия (Токарев, 1992, с. 239-240). У армян существовал обычай в определенные празднично-обрядовые дни проходить через огонь, гнать скот через огонь. До наших дней существует обычай прыгать через огонь в один празднично-обрядовый день 13 февраля – народный дохристианский праздник Дерендез, посвященный Солнцу. В армянском христианском календаре существует праздник, именуемый, в народе *тярнын-дарадж* (=навстречу Господу). Прыгать через огонь, проходить сквозь огонь, гнать скот через огонь-обычай, которого придерживались в Древнем Риме (Голан, 1992, с. 31).

У армян огонь – символ семьи, он связан с домашним очагом и культом предков, и для каждой семьи свой очаг был святым. По армянским поверьям, были и «священ-

ные очаги», где веками, из поколения в поколение круглый год поддерживался в очаге огонь (Галаджян, 1973, с. 213). И не случайно, что в армянских верованиях при культуре семейного очага особое место придавали *тониру* (=очагу, печи, врытой в землю). Тонир считался священным, иногда его сравнивали с церковью. После завершения установления тонира, для освящения приглашали священника (Абегян, 1975, с. 59). В тех случаях, когда в деревне не было церкви, около зажженных свечей у тонира новобрачные, повернувшись лицом на восток, опускались на колени, целовали тонир и брачная церемония считалась состоявшейся (Абегян, 1975, с. 61). По мнению русского ученого И. Петрушевского, в начале 20 века в нагорном карабахе когда все церкви были закрыты, суть свадебной церемонии для армянского крестьянина была не в бракосочетании в церкви, а в ритуале поклонения тониру (=очагу) (Петрушевский, 1930, с. 4).

Ритуальный смысл святилища ярко выражен в интерьере насыщенного красного цвета. Красный цвет камня, которым облицованы три стены, выложенная из семи камней дашита с красной благородной патиной 1/4 дуги, таким же измельченным камнем был покрыт пол, следы красного камня сохранились на жернове, лежащем у западной стены.

В Центральной Европе обнаружены, относящиеся к мезолиту, захоронения человеческих черепов, имеющих на себе следы насильственной смерти: черепа уложены лицом на запад и посыпаны красной краской (Голан, 1992, с. 46). Почему эти черепа окрашены в красный цвет. Предполагается, что этот ритуал символизировал передачу их владыке потустороннего мира (Голан, 1992, с. 46). Огонь и красный цвет играли одну и ту же роль агента бога Преисподней.

Особая значимость придавалась красному. Символический характер имел цвет ритуального наряда. Во время одного хеттского ритуала царь подпоясывался ремнем, сплетенным из шерсти красного и белого цветов. В другом ритуале к рожку головного убора царя привязывали шнур из красной и белой шерсти (Ардзинба, 1982, с. 56). В Древнем Иране царь носил красно-белую диадему и

красную в белую полоску одежду (Кузьмина, 1976, с. 74).

Как и в описании хеттского ритуала KILAM, в одном из текстов *мелкит* (содержание) встречается перечень большого количества красных тканей (Ардзинба, 1982, с. 56). В одном древнехеттском ритуале говорится о ритуальной одежде алого (буквально «кровоавого» – *isharwanda*) цвета (Ардзинба, 1982, с. 56). В одежде красного цвета совершала ритуал жрица – «сестра бога» (Ардзинба, 1982, с. 56). Хотя известные описания хеттского ритуального платья не позволяют установить символику цвета, исследователи не сомневаются, что цвет хеттского ритуального одеяния носил символический характер, и к этому приводят данные хеттских текстов, в которых прослеживаются цветовые контрасты (Ардзинба, 1982, с. 56).

В некоторых мифах космическое яйцо, из которого произошел мир, представляется трехцветным; верхняя часть белая (небо), средняя часть черная (земля), нижняя часть красная (подземный мир) (Топоров, 1967, с. 85). В одной из скандинавских саг «Мировое древо» описывается символическими расцветками: зеленый ствол, белые ветви и красные корни, где белое – небесная сфера, зеленая – подземный мир. Бог смерти Яма одет в красное. В Древней Греции жрецы, повернувшись лицом на запад, потрясали красными платками. По старинному русскому поверью, при ударе грома следует вытереть лицо красной тряпкой. В Индии на двери дома, где ожидали рождения ребенка, рисовали красную спираль, веря, что это поможет рождению: ведь змей, будучи воплощением мужской силы, считался покровителем зачатия. В Древнем Риме лицо триумфатора торжественно въезжающего на Капитолий, было окрашено в красный цвет, ибо он представлял «лицо бога» (Голан, 1992, с. 44-45). Древнеримский бог земного плодородия Вакх представлялся в одежде красного цвета.

В глубокой древности красный цвет ассоциировался со смертью. Но другие данные говорят о том, что кровь считалась носителем жизни. У разных народов существовали ритуалы: кровь пили или приносили в жертву. Зачастую кровь, приносимую в жертву божеству, выливали на землю, иногда при

этом, присыпая землей (таков, например, армянский ритуал, который сохранился до наших дней). В Армянском языке слово *arun* (кровь) восходит к *esg (g)*- кровь, вероятно, с санскритского слова *aruna* (красный) (Ачарян, 1971, с. 317). Следовательно, название цвета идет от крови. В армянских верованиях красный цвет- символ оплодотворения и плодородия. В народно-символической системе красному цвету отдавалось предпочтение в качестве цвета жизни, и он считался амулетом, избавляющим от зла. По фольклорным материалам красный символизировал и женитьбу: красная невеста – обрученная девушка, красный фартук – женщина, красное яблоко – знак непорочности невесты и т.д. (Базеян, 2007, с. 117). В традиции армян красными были платья жениха и невесты, женская нательная рубашка (Степанян, 2001, с. 479-480).

Исходя из приведенных археологических материалов и верований индоевропейских народов, можно предположить, что красный цвет в ритуале жертвоприношения волков во время празднества сыграл двойную роль – как воплощение символа жизни и смерти одновременно. Огонь, уничтожающий и дарующий жизнь, также красного цвета.

Как было отмечено выше, на полу святилища *in situ* были найдены археологические свидетельства проводимых празднеств, которые сопровождалась жертвоприношениями волков. Конечно, невозможно реконструировать весь ритуал от начала до конца, тем не менее, сохранившиеся останки позволяют восстановить некоторые характерные детали праздника,

Приняв во внимание, что самым важным археологическим материалом, найденным в святилище, являются останки волков, обратимся к мифологическому наследию индоевропейских народов, чтобы понять, чем же обусловлено жертвоприношение.

Еще у неандертальцев обнаруживаются признаки мистизации волка. В палеолитических рисунках присутствует изображение синкретического животного, медведя, с головой волка и хвостом бизона (Голан, 1992, с.197). Образ волка играл культовую роль еще в эпоху палеолита, о чем свидетельствуют ритуальные захоронения или экспониро-

вание волчьих черепов (Столяр, 1985, с.158, 169). Культ и жертвоприношение волка характерны для индоевропейских племен.. По археологическим данным, древнейшие следы «волка» обнаруживаются на рубеже VII-VII тыс. до н.э. в широком ареале Передней Азии, включая и материковую Грецию–Фесалию, Восточную Малую Азию, Иранское плоскогорье и т.д. (Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 485-497).

Мир, по древнейшим мифологическим воззрениям, в том числе и индоевропейским, представляется в виде «дерева» или ему подобных обрядовых сооружений, направленных ввысь. В архаичной индоевропейской культурной традиции «Средний мир», соотносимый со средней частью «Мирового древа», объединяет основных богов, людей, домашних и диких четвероногих животных. В древнехеттской традиции дикие животные «Среднего мира» объединяются под общим названием *Šiunaš huitar* – животные богов (Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 488).

Сюда включается и волк (*ulippanaš*). Обозначение диких животных «Среднего мира» термином «животные бога» или «божественные животные» – хеттский *Šiunaš huitar*, символизирует как бы принадлежность диких животных «богу», а не человеку (в отличие от домашних животных) (Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 486-488). В германской традиции в жертву богу Одину-Вотану, соотносимому с «Мировым деревом», приносились волки, которых вешали на ритуальных столбах, называвшихся «волчьим деревом» (Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 487). Приведенному ритуалу можно сопоставить следующее: в армянском фольклоре известны молитвы «завязывания волков». Эти молитвы часто сопровождалась ритуальными действиями: к столбу прикреплялся ковшик на веревочке, освященной три или семь раз. После возвращения людей и животных, находившихся на пастбищах, ковшик с веревочкой снимался со столба.

Особая культово-ритуальная функция «волка» в индоевропейской традиции, наделенного комплексом особых священных качеств, порождает наряду с первичными лексическими образованиями, увязываемый с корнем глагол **ueit* (знать, ведать) (Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 494).

Древнейший письменный источник – это хеттские «царские» ритуалы, описание которых содержится на клинописных табличках (XVII-XII вв. до н. э.) из архивов столицы Хеттского государства – Хаттусы (Ардзинба, 1982, с. 3). В них исследователями были выявлены тексты с описаниями ритуалов, которые содержат исключительно важные сведения для изучения интересующих нас вопросов. В древнехеттской традиции волк играет особую роль, являясь воплощением сакральных качеств. В частности, волк и волчья стая служат образом единства и всеведения. Из хеттских клинописных памятников известно, что, например, царь Хаттусили I (XVII в. до н.э.), обращаясь к собранию-панкусу, призывает своих воинов-подданных «быть единым целым» то есть объединиться как «волчий род» (Гамкрелидзе, Вяч. В. Иванов, 1984, с. 493).

Хеттские «царские» ритуалы указывают, что ритуал KILAM осуществлялся царской четой в Хаттусе и представлял собой нечто вроде поездки царя и царицы по хеттской столице (Ардзинба, 1982, с. 28). В ритуале KILAM описывается процессия служителей, которые проходили перед царем со статуэтками различных диких животных, в том числе и волка, изготовленными из драгоценных металлов (Ардзинба, 1982, с. 30).

По мнению некоторых авторов, этот ритуал проходил весной, и статуэтки либо соотносились с какими-то конкретными божествами, либо символизировали собой эти божества. Действия участников ритуала уподоблены манере поведения животных и в том, когда «собачьи люди» иногда были во время ритуала, а так называемые «волчьи люди» исполняли танцы. Возможно, что пляски этих служителей, связанные с культом волка, рассматривались как волчьи танцы. В.Г. Ардзинба считал, что это были пляски жрецов – служителей волков (Ардзинба, 1982, с. 34). Некоторые исследователи предполагают, что «собачьи люди», принимая участие в хеттских ритуалах, надевали маски или облачались в шкуры животных которых они изображали (Ардзинба, 1982, с. 34). Надевая волчьи шкуры, люди-волки обретали магическую силу, это придавало им, по-видимому, всеведение и, может

быть, являлось или служило для них символом особого юридического статуса (Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 493).

Свидетельства облачения людей в шкуры животных встречаются в памятниках Чатал-Хююка (Ардзинба, 1982, с. 35) и в одном лувийском ритуале, который происходил под руководством главы дома, когда стране угрожал голод. В лувийском ритуале господин дома приносил в жертву божественного козла, фрукты, вино. Собирались восемь юношей. На одного из них накидывали шкуру убитого козла, и он шествовал впереди остальных, вероятно, изображая волка, был по-волчьи. Ритуал, по-видимому, связан с магией плодородия (Ардзинба, 1982, с. 34).

В текстах Хеттских «царских ритуалов» применяется формула «превращение человека в волка» (Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 493). В Византии вплоть до позднего времени в рождественский праздник воспроизводились ритуальные пляски готских воинов в волчьих шкурах (Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 493). В древнеславянской и балтийской традициях совпадения с хеттской и германской традициями четко прослеживаются в ритуале превращения «человека в волка», что наделяет его чудодейственной силой и особым положением «вещего», «всеведущего» (Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 494). С обороничеством связаны греческий Долон, древнеиндийский Бхимен, немецкий Беовульф (Иванов, 1992, с. 242). Превращение человека в волка существовало и у армян, и по поверьям, человек-оборотень-женщина, превращенная в волчицу (Абегян, 1975, с. 94).

В Ригведе волк сопоставляется с образом вора, разбойника (Ригведа, I, 42, 2-4). Образ волка имел хтонический характер. Гадес изображался в шапке в форме волчьей головы. В иранской мифологии демон бури имеет обличье волка (Голан, 1992, с. 197). Волк почитался в Древней Греции, особенно в провинции Аркадия: греки приписывали аркадянам способность превращаться в волков. В Аркадии существовало сказание о Ликаоне (Лукаон), чье имя носят несколько персонажей мифологизированной истории Греции. Культ волка-оборотня существовал в районе аркадской горы Ликеона (волчья

голова) (МНМ, 1992, с. 54). В древней Ликийской поклонились Ликейю, богу-волку, от которого, очевидно, получила свое название эта страна: вплоть до 2 в. до н.э. человеческие жертвы приносились на горе Ликей в Греции (Голан, 1992, с. 197). С именем бога-волка Ликей, Ликаон, Ликас связано имя скандинавского Локи, который считался демоном огня и грозы. В Старшей Эдде говорится, что Локи был кровным братом Одина (Мелетинский, 1992, с. 68). Один в скандинавской мифологии – бог, тождественный западногерманскому Водану (Вотану). Он считался «правителем мира, богом битв и владыкой мертвых, ему служат вороны и волки» (Голан, 1992, с. 197). Следы культа волка прослеживаются и армянской традиции, где волк является символом определенной социальной организации. Более того, волчья стая является как бы отражением в природе социальной организации людей. В Тароне и в соседних регионах волк был эпитетом для участников ритуальных боевых игр (Арутюнян, 2000 с. 135).

Иногда в качестве «прибогов» фигурируют волки. Образы льва и волка в древней мифологии были близки. Свидетельством тому то, что на Кавказе льва называли «гривистым волком» (Виноградов, 1962, с. 96). А. Голан предполагает, что так воспринимали льва и греки, исходя из того, что на одном рисунке волки изображены с подобием гривы. Автор добавляет, что по воззрениям, восходящим к неолиту, волк собой представлял бога Земли и, таким образом олицетворял мужское божество. Поэтому он и вошел в индоевропейскую мифологию как символ мужества (Голан, 1992, с. 161).

Образ волка имел хтонический характер. Гадес изображался в шапке в виде волчьей головы (видимо, в архаичных представлениях он имел волчью голову). Скандинавская богиня смерти Гела была «сестрой волка и змеи» (Голан, 1992, с. 161). По греческим поверьям, умершие превращаются в змей, а в русской сказке умерший превращается в волка. Волк связан с образом Черного бога потому как, обладая ярко выраженными чертами хищника, он ассоциировался с кровожадным богом. В мифах собака является представителем бога преисподней, а волк – его воплощением.

О важной функции волка в индоевропейской традиции свидетельствует особая распространенность этнонимов и топонимов, имеющих в основе «волк». В армянских топонимах встречаются более 200 имен, основа которых – *gaul-* волк (Акопян, Мелик-Бахшян, Барсегян, 1986, с. 779-782). В древнегрузинской традиции значимость культа волка отражается в собственных именах правителей Иберии, содержащих иранские слова со значением волк: Вахтанг Горгасал (Вахтанг-волчья голова). Само название древней Иберии **Wrkan-* *Hyrkania* восходит к тому же иранскому названию волка (Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 496). Вследствие особой культовой функции первоначальное общекартвельское слово, обозначающее волка, подвергается табуированию, заменяясь заимствованиями из других языков. Грузинское *mgel-i* «волк», мегрельское *ger-i*, заимствуется из армянского *gayl* «волк» (Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 494-496).

Как показывают приведенные данные о волке, он зловец и его образ связан с образом бога земли и преисподней. А с чем же связаны жертвоприношения волков? Жертвоприношение – форма обращения к богам и ритуальное общение с богами. Из архивов хеттских «царских» законов известно, что во время праздника *хассумас* царь, обходя каждое сакральное помещение, совершал обряд жертвоприношения божествам и требовал «еду», которая одновременно служила жертвой, и этой едой (жертвой) кормили богов. Ели ее царевич и участники ритуала (Ардзинба, 1982, с. 45). Принося жертву богам, человек не только поклонялся их могуществу, но и ожидал какого-то взаимного действия. Жертвоприношение богам – это взаимный обмен между людьми и богами, который предполагает обилие пищи, посылаемое богами на землю. Нарушение такой взаимосвязи могло привести к гневу богов и к голоду на земле (Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 701).

Как совершались жертвоприношения по древним хеттским письменным источникам? Ритуал жертвоприношения состоял из чередующихся множественных взаимосвязанных действий. Элементы структуры обряда, согласно одному хеттскому ритуалу, следующие: «кланяться, молиться, сидеть/стоять,

пить/есть, совершать жертвоприношение, говорить/молить, восклицать, петь, плясать, хлопать (в ладоши), играть (на инструменте)» (Ардзинба, 1982, с. 62). Хотя число функций в отдельных ритуалах было различным, однако общая последовательность функций, как правило, не изменялась (Ардзинба, 1982, с. 62). Животных резали и делили на части (печень, грудинка, плечевые части, голова, ноги – ритуально чистое мясо – Ардзинба, 1982, с. 40-41).

Совершение жертвоприношения указывает на то, что волки, являясь объектами культа, все-таки приносились в жертву. При сопоставлении археологического материала Мец Сепасара с ритуалами, описанными в хеттских письменных источниках и приведенными выше, становится ясно, что жертвоприношение волков можно сопоставить с ритуалом *KILAM*. В свете данных хеттского текста, представляется интересным и обнаруживается определенное сходство с жертвоприношением волков. Если в хеттском ритуале это была «ритуальная процессия слугителей, которые проходили перед царем со стаутками различных диких животных (в том числе и волка), изготовленными из драгоценных металлов», то в Мец Сепасаре, за более чем тысячу лет до хеттского ритуала, в жертву приносили самого волка. Финалом ритуала было оставление волчьих голов в святилище. Можно уверенно сказать, что головы волков – это дань божеству как ритуально чистое мясо, оставленное в специальном помещении – в святилище.

Наши рассуждения основаны не только на хеттских ритуалах, где «ритуально чистое мясо (грудинка, лопатка, голова, ноги жертвенного животного, печень и сердце) предназначалось только божеству, и человеку употреблять это мясо было запрещено (Ардзинба, 1982, с. 63). Мы принимали во внимание и то, что на *вишанах* (драконах), культовых, каменных изваяниях, известных из богатых водными ресурсами регионов Армении, датируемых ранним бронзовым веком и связанных с культом воды, изображены голова, передние ноги и кожа жертвенного животного – быка (Ханзадян, 2005, с. 86). До XIX в. в Армении существовал обычай дарить церкви голову, кожу и

передние ноги жертвенного животного (Абегян, 1975, с. 166).

А почему в жертву приносили именно семерых волков? Семь – это магическое число. Оно определяет идею целостности Вселенной (Топоров, 1992, с. 630). Семь – число мифологических образов и число особых групп божеств. Например, во время одного хеттского ритуала, посвященного богине Солнца города Арина, царица приносила в жертву семерых ягнят (Ардзинба, 1982, с. 25). В Древней Месопотамии была определена семидневная неделя, и дни были посвящены небесным телам – Солнцу, Луне, Марсу, Меркурию, Юпитеру, Венере и Сатурну. Ритуальное значение числа семь отражено в наскальных изображениях Армении (Мартirosян, 1978, с. 191). Символический смысл числа семь отражен и в архитектурных решениях культовых сооружений. Семи планетам соответствовали ступени храма Барсиппы (недалеко от Вавилона), которые были окрашены черным, белым, светло красным, голубым, ярко красным, серебристым, золотистым цветами – цветами семи планет, а также Солнца и Луны (Церен, 1966, с. 110). Семью цветами были окрашены также семь ступеней храма Дур-Шарукин (крепость аккадского Саргона) (Ханзадян, 1973, с. 130). Свидетельство символического значения числа семь сохранилось в обычаях, в святилищах, в текстах, в описании ритуала жертвоприношения в Уре: «Я семь разных благовоний... сжигала на семи очагах...» (Ханзадян, 1973, с. 123). Почитанию семи светил был посвящен семитрубчатый светильник, найденный в Мецаморе (Ханзадян, 1973, с. 129). По древнеиндийским представлениям о царе и царстве, существовало понятие о «семи-членности» царства и тела царя (Ардзинба, 1982, с. 23), с которыми можно сопоставить и жертвоприношения семи волков.

В Греции сооружения, размеры инструментов и числа струн с одной стороны, а соотношения праздников – с другой, были тесно связаны с представлениями о небесных телах. Исходя из этого, семь октав соответствовали семи планетам и семи дням недели (Демирханян, 1986, с. 162). В армянской мифологии символическое значение числа семь отражено в семи ударах кузнецов,

скрепляющих цепи мифологического Артавазда, и во многих обычаях (раздача мяса жертвенного животного в семь домов, купание семи девушек и сбор лепестков с семи цветков во время праздника, посвященного богине Астхик и т.д.).

Армянские молитвы «завязывания волков» часто сопровождалась ритуальными действиями: с лаптей или из носков выдергивалась нить, на которой завязывалось семь узлов, между зубьями станка для очеса клался топор, положение которого символизировало разделение волчьей пасти. Человек верил в могущественную силу заклинания. Только лишь после возвращения людей и животных топор убирался и узлы развязывались. А для нахождения потерянной живности проводилось следующее: серп или какой-либо металлический предмет клался в огонь (или топор оставался в полене) до возвращения домашнего скота (Арутюнян, 1996, с. 44). Смысл молитв «завязывания волков» заключался в том, чтобы уберечь людей и животных от кровожадности волка. До отправления скота на пастбище, перед его выходом из хлева, по обе стороны ворот клали разделенные на две части ветки шиповника. После этого выпускали скот. Затем ветки соединяли и оставляли их в хлеве до возвращения животных (Торлакян, 1981, с. 146). Охалка веток из двух частей символизировала завязанную волчью пасть.

С этой точки зрения, интересен также ритуал для войска, потерпевшего поражение в сражении, когда его совершали «на той стороне реки», вероятно, на вражеской территории (Ардзинба, 1982, с. 67). Хеттское войско проходило через ворота, сооруженные из боярышника. По сторонам ворот клали разрезанных на две половины человека, козла, щенка и поросенка, затем по обе стороны разжигали костры и через ворота между кострами, направляясь к реке, проходило хеттское войско. Войдя в воду, воины обрызгивали друг друга водой (Ардзинба, 1982, с. 67).

Сопоставление текстов молитв с вышеприведенными ритуалами и верованиями индоевропейских народов, а также с археологическим материалом, приводит к выводу, что в молитвах описывается весь процесс ритуала, а «заклинания волков» это – код древ-

нейшего ритуала жертвоприношения волка (Еганян, 2009, с. 81).

В Мец Сепасаре в ритуале праздника включалось не только жертвоприношение волков. По всей вероятности, во время празднования должны были открывать сосуды, заполненные еще осенью. Видимо, ритуал не был завершен, и часть сосудов так и осталось нетронутой. В хеттских ритуалах, посвященных божествам, привлекает внимание то, что иногда совершению обряда в храме предшествовало распечатывание сосудов с зерном (Ардзинба, 1982, с. 12). Это характерно и для других весенних ритуалов.

Известно, что Великие праздники сопровождали наступление новых периодов в течение года. Такими крупными астрономическими датами, делящими год на части, являются весеннее и осеннее равноденствия и оба солнцестояния.

Хетты делили год на четыре времени. Первым сезоном, началом Нового года, считалась весна. В первый сезон года, весной, хетты отмечали праздник дождей, праздник Нового года – *вуруллия* с ритуалом *антахшум* (Ардзинба, 1982, с. 8). На хеттском празднике *вуруллия* жрец рассказывал о борьбе бога Грозы со Змеем, под нарицательным именем *илууанка* (демон, дракон, змей) (Иванов, Топоров, 1974, с. 118). На основании строк мифа, предшествующих описанию борьбы бога Грозы со Змеем, В.Г. Ардзинба предполагает, что ритуал воспринимался как способ «защиты» страны (Ардзинба, 1982, с. 27). А «защита» страны посредством ритуала, по видимому, воспроизводила не только возрождение страны, но и возрождение царя – как необходимое условие сохранения плодородия страны (Ардзинба, 1982, с. 27).

Во время *антахшума* служители вскрывали сосуды с зерном, находившиеся в храмах бога. На осенних же праздниках совершали запечатывание сосудов (Ардзинба, 1982, с. 25). Не исключено, что акт «открытия» сосудов символизировал собой «открытие» («рождение») сезона весны и дождя, а их и «опечатывание» – «закрытие» сезона и приближение времени, когда придется бояться неурожая и голода (Ардзинба, 1982, с. 26).

В Ригведе год состоит из 12 месяцев. Он разделен на четыре четверти по 3 месяца

(Волчок, 1972, с. 283). Когда время стали исчислять по годам, одним из важных годовых моментов явился отрезок от конца прошедшего года и до начала наступающего. Проиноевропейское *yehr* в некоторых языках (например, у древних германцев, древних славян) сохранило свое первоначальное значение «весна» (Иллич-Светыч, 1976, с. 83; Голан, 1992, с. 110), из чего можно заключить, что конец старого года и начало нового отмечался весной.

У некоторых народов Европы декабрь, месяц, когда совершалось празднество проводов бога Земли на зимнюю спячку, назывался «волчьим месяцем» (Голан, 1992, с. 110). В декабре совершалось празднество проводов бога Земли на зимнюю спячку. В средневековой чешской рукописи слово *волколак* (волк-оборотень) отождествляется с именем Фавна (Голан, 1992, с. 197). А Фавн у древних греков был равнозначен Сатиру. У болгар время от Рождества до Крещения называлось «волчьи праздники», а волк являлся одним из воплощений неолитического бога Преисподней. В России существовало поверье, что в это время черти свободно разгуливают и досаждают людям (Голан, 1992, с. 115).

Праздники и обряды, посвященные подготовке к новому хозяйственному году и обеспечению роста урожая, концу зимы и началу весны, характерны, как обряды, отражающие идею пробуждения природы, так же как и обряды, посвященные хозяйственному году. У армян эти понятия были связаны с праздником *Барекендан*, бытовой и культурной идеологией народа: обеспечение достатка в наступающем хозяйственном году и борьба со злыми силами, препятствующими этому. Эти идеи выражались в анимистических ритуалах и обрядах (Одабашян, 1978, с. 70-71).

Новый год, *Праздник Аманор*, представляет собой определенный этап в развитии астрономических понятий, календаря и месяцев. У армян новогодний праздничный цикл «Барекендан» связан именно с этим периодом земледельческого календаря. С этого весеннего праздника в глубокой древности начинался Новый год. Барекендан-Аманор праздник, который корнями врос в народный быт. В дохристианском армянском календа-

ре первым месяцем года считался Навасард, который, прежде чем стал названием определенного месяца и новогоднего праздника, в силу особенностей подвижного календаря, именовался тем месяцем, с которым совпадал блуждающий Аманор. Навасард связывался с началом весны, с Барекенданом-Аманором, а потом официально был перенесен на осень. Название праздника обозначается словами *bar, bari, bariq*, обозначающими плод, добро, благо. Для Барекендана характерны ритуальные танцы и игры. Одна из таких наиболее характерных для Барекендана игр – ритуальная игра шах со значением *польза, плод благо, добро*, которая непосредственно связана с корнем в слове Барекендан. На армянском языке *шахс арнел* (*shhu shn̄l̄t̄*) означает танцевать, играть, что связывается с магическими танцами праздника, в которых и заключается основная идея магии плодородия в ритуальном комплексе праздника (Одабашян, 1978, с. 70-71). Армянский Барекендан некоторым своими особенностями (всеобщий характер праздника – участие в нем разных слоев населения, дары, жертвоприношения, танцы мужчин в женском облике и другие ритуальные действия) сопоставим с хеттским ритуальным весенним праздником *KILAM*.

Период гибели Старого года и зарождения Нового, по представлениям армянского народа, был периодом длительным. Весенняя вспашка и посев были важным видом хозяйственной деятельности, одновременно и сакральным новогодним периодом, попадавшим на промежуток между Масленицей и Пасхой (Петросян, 2004, с. 85). Он отмечался 49-дневным постом, известным как Великий пост, первая неделя которого в верованиях армян известна как неделя Св. Талалоса. Второй день этой недели – вторник назывался «воскресение бешеной собаки». Считалось, что тот, кто нарушит Пост, тот будет искусан собаками. Данный мотив можно рассматривать в системе «основного мифа» о Громовержце в его многочисленных метаморфозах. В данном случае речь идет о перевоплощении в собаку (Топоров, 1991, с. 44).

Исходя из описаний ритуалов во все дни первой недели Великого поста у армян, можно предположить, что все сюжеты и мотивы недели соответствуют переходному периоду

от зимы к весне, от гибели Старого и рождения Нового года (Петросян, 2004, с. 85).

Примечательно, что Св. Талалоса призывали в молитвах, получивших название «заговоры от волка» (Арутюнян, 1996, стр. 44). У большинства индоевропейских народов корень имен волка – божества как Талалоса, так и Тал-Тора, как нам кажется, происходит из корня *tagh*, сохранившегося в армянском языке как неупотребляемый. С корнем *tagh* в армянском языке имеется лишь одно слово *tagel* (хоронить – Ачарян, 1971, с. 145). Имя Талалос ($tagh + tagh + oc = tagh$ – корень, а *oc* – суффикс = *taghtaghoc* с переходом *gh* на *L*) первоначально было сохранено в греческом языке в форме *Tartaroç* (Еганян, 2009, с. 76). То есть слово *Tartaroç* – ад – восходит к армянскому корню *tagh* и означает хоронить, что и соответствует образу и функции божества. Возможно, что неупотребление корня может быть обусловлено табуированием. Исходя из изложенного, можно предположить, что св. Талалос, как и Тал-Тор – олицетворения божества – волка.

Праздник проводился в определенный сезон года и подразумевал проведение четких действий, в том числе и жертвоприношение волков с ритуалом отделения головы от тела и оставлением этих голов в святилище, возлияние (свидетельством тому обломки чаш и других сосудов, а также целые сосуды, закрытые карасом), приношения даров (бронзовое колечко, бронзовая фибула, иглы из кости, пуговица), а также открывание сосудов и др.

Человек той эпохи воспринимал окружающий мир тождественным себе. Совершение определенных ритуалов обычно было приурочено к переломным периодам жизни природы и человека (весны, осени, зимы, лета, рождению, вступлению в зрелый возраст, смерти). Все эти периоды природы и этапы человеческой жизни рассматривались как необходимый способ для достижения естественного порядка в природе, сохранения и продолжения жизни человека и всего коллектива (Иванов, Топоров, 1970, с. 322; Ардзинба, 1982, с. 156).

Религию племен, совершавших ритуал жертвоприношения волков, можно отнести к религиям древности такого типа, в которых идеология еще вплетена в ритуал и систему

запретов. Традиция соблюдения определенных действий и верность верованиям и обычаям сыграла большую роль для сохранения и передачи от поколения к поколению обрядов почти в первоначальном виде. Наличие общих стереотипных действий в праздниках позволяет предположить, что их формы восходят к одному стандартному ритуалу. Черты описанных обрядов свидетельствует о том, что археологический материал раннебронзового памятника Мец Сепасара архаичен. Духовный мир оставившего его населения является наследием более древнего периода развития общества, населявшего север Армении. Праздник мог включать в себе повествовательный миф или драматизированные действия, воспроизводящие содержание мифа. Наши предположения основаны не только на таких письменных источниках, как хеттские «царские» ритуалы, но и на армянских традиционных верованиях, особенно на «молитве завязывания волков».

Ритуалы жертвоприношения волков обращают на себя внимание именно в связи с тем, что они принадлежат к числу самых архаичных образцов культовой системы, в которой еще отсутствует разделение мифа и ритуала. Повествование мифа соотнесено с осуществлением определенных обрядовых действий. В силу несомненного архаизма этих праздников и известной консервативности ритуалов, как и культа в целом, в них сохранились некоторые черты социальной организации доклассового общества.

Из хеттских «царских» ритуалов известна «Замена царя» в ритуале. В ритуале использовали пленного, иногда для этой цели служила статуя. В одном из таких ритуалов, после помазания пленного маслом царствования, царь, обращаясь к божеству, говорил: «Смотри, это – царь. Имя царствования я на него возложил, в одежды царствования его облачил, диадему на него возложил. И отметьте его дурным знаменем, укороченными годами, укороченными днями. И направьтесь к этой замене». Затем пленного уводили в ту страну, где он был взят в плен. Царь же совершал обряд омовения и обращался к богам. «Смотрите, Небесному божеству Солнца и земным божествам вместо себя дал замену. И ее вы возьмите, а меня отпустите» (Ард-

зинба, 1982, с. 107). С указанным хеттским праздником совпадает и ритуал лечения хеттского царя Мурсили II от афазии, болезни, мешавший ему говорить (Иванов, 1976, с. 130). «Лечение царя», проводилось устранением предметов, которые имели какое-то отношение к царю как «неотторгаемая собственность – стол, постель, сосуды, колесница, оружие». «Рождение» Мурсили после ритуальной смерти воспроизводилось в обряде очистительного омовения (Ардзинба, 1982, с. 108). Общим для этих ритуалов является мотив умирания и возрождения царя. Совпадения обнаруживаются и в использовании быка, как эквивалента царя и др. (Иванов, 1976, с. 131).

Обычай убийства царя, сакрального символа коллектива или ритуальная его замена типичны также в культе почитания Амона. Хотя баран считался священным животным и его не приносили в жертву, но раз в году его убивали и кожу надевали на статую бога (Фрезер, 1989, с. 588). Баран олицетворял Амона, и его хоронили в гробнице. Следовательно, барана убивали не как жертвенное животное, а ради спасения Амона от старости. Жертвоприношение волков идентично приведенным ритуалам.

Рассмотрение ряда материалов, полученных благодаря археологическим раскопкам в святилище Мец Сепасара, указывает на неординарность среди других памятников раннебронзового периода Армянского нагорья. Здесь необходимо особое осмысление полученных данных. Ритуалы тесно связаны с религией, важны для изучения духовной культуры и указывают на огромную роль обычаев и ритуалов в жизни общества.

Археологические свидетельства жертвоприношения волков, почти полностью сохранившиеся останки *in situ*, раскопанные в святилище кура-аракской культуры в Мец Сепасаре, уникальны. Эта уникальность не только в том, что до сих пор не было археологического свидетельства таких масштабов и форм культа и жертвоприношений волка в Армянском нагорье, но и в том, что они четко и ясно отвечает на вопрос, какими племенами была населена территория Армении в III тыс. до н.э. В этой связи вспомним проблему прародины индоевропейцев. В.А. Сафроновым был проведен тщательный анализ всех

данных, имеющих отношение к решению проблемы индоевропейской прародины (Сафронов, 1989), но до сих пор она остается раскрытой далеко не полностью. Популярностью пользуются гипотезы о западноевропейской и северопричерноморской прародинах индоевропейцев (Дьяконов, 1982, №3, с. 3-30; №4, с. 11-25; Мэллори 1997, с. 61-82). Гипотеза, выдвинутая З. Файстом, Т.В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Ивановым, в качестве прародины индоевропейцев видит Переднюю Азию, в особенности Армянское нагорье и Северный Иран, откуда эта группа распространилась в места их дальнейшего обитания (Джаукян, 1987, с. 74). Есть основания считать, что территория Армянского нагорья в середине III тыс. до н.э. уже была населена индоевропейцами. Зарождение верований индоевропейских племен формировалось в этой же географической среде, и сильнейшие представители этой фауны стали не только объектом подражания, но и предметом почитания. Следовательно, и покровителями-божествами. Среди них был и волк. Это хорошо иллюстрируется материалами из Мец Сепасара.

Итак: Гора Мец Сепасар рассматривалась как атрибут божественного, была своеобразным ритуальным столбом, где и совершали жертвоприношения волка – божества, «животного бога» или «божественного животного» соотносимого со средней частью «Мирового древа», объединенного общим названием *Šiunas huitar* и отправляющего усопших в загробный мир (Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 488).

Жертвоприношение волков свидетельствует, что племена осуществлявшие ритуал, имели свои религиозные взгляды. Ответственными ритуалами, отражавшими их представления, они выражали особое отношение к миру. Археологический материал – свидетельство культа, открывающее новые возможности исследования верований индоевропейских племен, рожденных из мифологического восприятия жизни и смерти. Одновременно он же показывает неординарность памятника в исследовании духовной культуры населения Армянского нагорья в раннебронзовом периоде.

Материалы, раскопанные *in situ* в Мец Сепасаре, указывают на особую культовую и

ритуальную функции волка в индоевропейской традиции, который наделен комплексом особых, священных качеств. Эти качества отражались, прежде всего, в ритуальном жертвоприношении, которое производилось в определенный сезон года – весной и символизировало конец Старого года и рождение

Нового. Ритуалы жертвоприношения волков и открытия сосудов были приурочены к переходным периодам в жизни природы и рассматривались как необходимый и действенный способ для достижения основной цели ритуала – поддержания естественного порядка в природе.

Рис. 1. Местоположение памятника Мец Сепасар на карте Армении.

Рис. 2. Общий вид памятника Мец Сапасар.

Рис. 6. Аэрофотосъемка святилища в Мец Сапасар.

Рис. 5. Общий вид святилища в Мец Сапасар.

Рис. 13. Раковина из святилища.

Рис. 9. Черепа волков в святилище в Мец Сапасар.

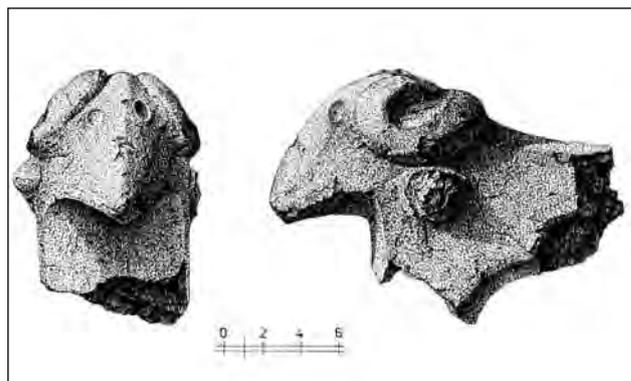

Рис. 14. Терракотовая голова овна (часть передвижной очажной подставки).

Рис. 10. Керамическая посуда из святилища Мец Сапасар.

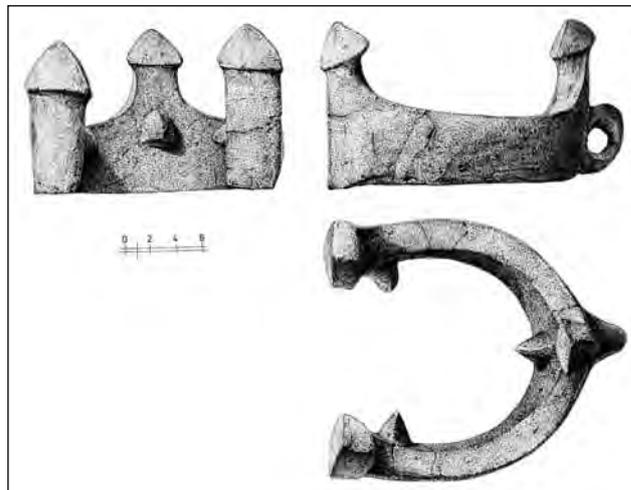

Рис. 15. Фаллообразная передвижная очажная подставка.

Рис. 12. Бронзовая булавка и кольцо.

Составные статуэтки эпохи бронзы¹

Раскопки в Маргиане в первом десятилетии 21 века увенчались находками составных статуэток *in situ*, – обстоятельство, значение которого трудно переоценить. Они же позволяют более обоснованно пытаться найти ответы на вопросы, касающиеся культовой роли и назначения этих изделий, а также особенностей генезиса образа. Вся совокупность иконографического материала (глиптика, пластика), полученного в результате раскопок последних четырех десятилетий в различных регионах Ближнего Востока и Северо-Западной Индии, заставляет задуматься над тем, по какой причине составные статуэтки происходят главным образом из памятников Бактрийско-Маргианского археологического комплекса (БМАК), являясь, в некотором роде своеобразным маркером этой культуры? Не менее важно, что эта проблема увязывается с ныне вырисовывающейся общностью мифологических мотивов и соответствующих иконографических сюжетов в большинстве синхронных археологических культур, расположенных на сопредельных с БМАК территориях (см. напр.: Сарианиди, 1977, 2005; Amiet, 1986; Ламберг-Карловски, 1990; Аруз, 1998; Salvatori, 2000; Winkelmann, 2000 и др.).

Первые образцы составных статуэток были описаны еще в 60-х годах прошлого

века (Girshman, 1963, p. 151-160; 1968, p. 237-248). Пожалуй, самой представительной коллекцией их, по мнению одного из больших знатоков данной тематики А. Бенуа, обладает Лувр (Benoit, 2010). Однако большинство экспонатов этого, да и остальных собраний, происходит из грабительских раскопок. Это обстоятельство затрудняет их датировку и семантическую атрибуцию. В абсолютном большинстве, эти статуэтки изображают стоящих или сидящих, по-видимому, женщин² разного возраста и комплекции. Стиль облачений этих статуэток уподобляется шумерскому «каунакес». Одна из самых утонченных из них была названа «Бактрийской принцессой» (Princesse de Bactriane – Benoit, 2010, p. 25) (рис. 1). Только на хорошо известном ныне памятнике бронзового века, являвшемся столичным поселением страны Маргуш, Гонур Депе две составные статуэтки были найдены в погребениях *in situ*. Одна полностью сохранившаяся статуэтка находилась у изголовья в женском погребении № 1799 на некрополе Гонура (Сарианиди, 2001, с. 50). Вторая статуэтка стояла в лепном сосуде в цисте № 2900 на севере дворцово-храмового комплекса (Сарианиди, 2005, с. 279). Удивительно, но оба этих погребения трудно назвать богатыми в обычном понимании, если сопоставить их по числу находок золотых изделий с дру-

1 Предмет обсуждения данной статьи – весьма важное для БМАК явление. Несмотря на то, что ряд высказанных автором идей в значительной мере дискуссионны и слабо обоснованы, редколлегия сочла возможным ее опубликовать, учитывая в частности то, что в работе представлена небольшая подборка информации на этот счет.

2 Проблема определения пола составных статуэток решается по-разному. Здесь сохранена позиция автора, хотя она нигде им не обоснована – Прим. ред.

гими аристократическими погребениями³. В погребении камнереза с инструментами и кусочками каменного сырья различных пород, были найдены три пары рук из белого камня, что свидетельствует о высоком уровне специализации мастеров страны Маргуш (Сарианиди, 2001, с. 72).

Эламские находки составных женских статуэток Р. Гиршман считал персонификациями Великой богини эламского пантеона (Нарунди) (Girshman, 1968, p. 243). П. Амье, полагая, что это – изображения женских гениев, покровительниц усопших, в определенной степени сохраняющих их индивидуальные черты, датировал их началом II тыс. до н.э. Основным источником этих образов он считал эламские традиции, опираясь на сходство статуэток с изображениями женских богинь на эламской глиптике (Amiet, 1986, p. 197, 200). М. Потье приняла точку зрения П. Амье о доминирующем влиянии художественных традиций Элама на формирование бактрийской пластики, включая и составные статуэтки (Potier, 1984, p. 44-46). В основе этого феномена, по мнению П.М. Кожина, лежало стремление к сохранению индивидуальных черт реальных женщин, с дальнейшим обобщением образа (Кожин, 2004, с. 88). В том, что касается семантики и назначения этих статуэток, все высказанные мнения в целом близки между собой, поскольку так или иначе опираются на различные аспекты идеи посмертного бытия индивида, связанного, вероятно, с его возрождением. Однако вне поля зрения перечисленных авторов этих работ остались особенности техники исполнения элементов статуэток – рук, головы и особенно такого важного, как одеяние.

Сопоставление бактрийско-маргианских статуэток с шумерскими показывает их наибольшее сходство, пожалуй, по форме одеяния. Существует мнение, что элементы узоров, представленных на статуэтках из БМАК, представляют собой в основном стилизованные изображения колосьев (Benoit,

2010, p. 25, 34, 37, 42, 43, 49). Такие же орнаменты изредка использовались в декоре как мужских, так и женских статуэток в Средней Месопотамии (статуэтки из храма Сина в Хафадже – Frankfort, 1939, pl. 35, 76). Как полагает А. Бенуа, стилизованное изображение пальмовых листьев, из которых состояли в основном шумерские каунакес⁴, имеется лишь на одной женской составной статуэтке из Лувра (Benoit, 2010, p. 40) (рис. 2). Это понятно, поскольку финиковая пальма, являющаяся важнейшей сельскохозяйственной культурой (помимо зерновых) Средней и Южной Месопотамии, в условиях БМАК не растет. Вместе с этим, как отмечает А. Бенуа, некоторые бактрийско-маргианские статуэтки имеют элементы узора, похожие на листья лиственных пород дерева (Benoit, 2010, p. 33, 35) (рис. 3), которые в естественных условиях были экзотикой в Шумере и даже Эламе. Можно с большой долей вероятности допускать их особую семантику, основываясь на месте их расположения – у шеи и на поясе. Такое же круговое обрамление в виде «язычков» – листочков, как автор пишет далее, выполнено на одеяниях женщин на серебряной вазе из музея Бустан в Тегеране (Benoit, 2010, p. 30, 31) (рис. 4) и хорошо известного навершия булавы с Гонура (Сарианиди, 1995, с. 78). Судя по их числу и расположению на передней (видимой) части изображений, их должно быть всего 12 или 13, что равно числу лунных месяцев (синодических или сидерических) в годовом цикле. На двух составных статуэтках из Лувра таких «язычков», расположенных вокруг выреза на шее, А. Бенуа насчитала всего шесть (Benoit, 2010, p. 33, 35) (рис. 3), что равно числу двойных месяцев в годовом календарном цикле. Обычный для составных статуэток внешний вид одеяния напоминает схему укладки черепицы или змеиной чешуи, причем эти чешуйки имеют подромбовидную форму.

Истоки подобной составной («лоскутной») конструкции можно приписать двум

3 Здесь автор неправ. Тип могильного сооружения (модель дома) в погр.1799 показывает, что там был похоронен человек из высших слоев общества. Циста 2900 относится к последнему периоду жизни на Гонуре и имеет дату 1600 до н.э. По своим погребальным приношениям она является самой богатой для данного периода – Прим. ред.

4 Вопрос о материале, из которого изготавливались каунакес, обсуждается специалистами (см., например: Tsareva, 2009), и единого мнения на этот счет пока не имеется – Прим. ред.

обстоятельствам. Первое и, казалось бы, очевидное, это – отсутствие широких кусков ткани. Второе (и более вероятное), скорее относится к мифо-ритуальной сфере. Вспомним в связи с этим одеяние Додолы, сделанное из прошитых листьев (Зеленин, 1937, с. 391), одной из функций которого можно предполагать обеспечение беспрепятственного скатывания капель дождя (о связи Додолы-Пеперуды с Богом Грозы см.: Якобсон, 1970, с. 2-4).

Как отмечает А. Бенуа, размеры женских статуэток колеблются значительно: высота от 8 до 18 см, ширина 7,8-16 см (Benoit, 2010). Это делает весьма вероятной точку зрения П.М. Кожина о стремлении к сохранению в статуэтках внешности реальных женщин (см. выше).

Целых, достоверно мужских составных статуэток известно всего пять. Они находятся в собраниях Фарухи (2 единицы), Азизбеглу (1) в Тегеране, Лувре (1) и Метрополитен (1). Кроме того в собрании Фарухи есть еще две некомплектные статуэтки, состоящие только из верхней половины тела. Статуэтки представляют мужчин борцовской комплекции тяжелого веса, покрытых «змеиной кожей» и одетых в короткие (выше колен) юбки, напоминающие килты. Наиболее полно сохранилась статуэтка из коллекции Фарухи, имеющая головной убор и «пояс» из белого камня (известняк). Ее ноги, юбка и торс сделаны из черного стеатита (рис. 6). Две некомплектные статуэтки из коллекции Фарухи имеют на темени цилиндрические выступы предназначенные, по-видимому, для крепления головного убора. Статуэтки из музеев Метрополитен и Лувра имели ямки в области лба и задней части головы. Это дало возможность А.-П. Франкфору предположить наличие утерянных ранее «диадем» и по совокупности признаков классифицировать их как «антропоморфных драконов» (Frankfort, 1994, p. 410-412, fig. 3-5). Все статуэтки выполнены в одном стиле, исключая лишь одну, изображающую совершенно нагого мужчину с гениталиями в виде накладного листка из белого камня. Его руки опущены симметрично вдоль тела, шрам на лице отсутствует (Girshman, 1963, fig. 11, 12) (рис. 7). У обнаженной статуэтки из собрания Фарухи рот

раскрыт в оскале или крике. У статуэтки из Лувра сохранился вставной глаз из белого камня (Benoit, 2010, p. 38) (рис. 9). Глазницы-выемки имеют все статуэтки, это дает основания предполагать наличие вставных глаз, ныне утерянных. Статуэтки изображены с сосудом (чаша) под правой или левой рукой, кроме полностью обнаженной статуэтки из коллекции Фарухи (см. выше). О наличии сосуда у некомплектного экземпляра из коллекции Фарухи в оригинальном состоянии судить трудно, ввиду отсутствия правой руки. Возможно, сосудом является предмет, находящийся в левой руке, расположенной на уровне груди (рис. 8, 9). Ступни ног у статуэток отсутствуют, кроме экземпляра из музея Метрополитен, одетого в «горскую» с закругленными носками обувь (L.1985.95) (Frankfort, 1994, p. 411, fig. 4).

Если женские составные статуэтки находят более или менее понятные соответствия в иконографии БМАК или сопредельных, хронологически сопоставимых культур, то с мужскими дело обстоит иначе: в глиптике нет ни одного аутентичного воспроизведения облика «антропоморфного дракона» (Sarianidi, 1998, p. 21, fig. 3). Поэтому автору представилось целесообразным рассмотреть проблему генезиса и семантики составных мужских статуэток. Прежде всего, обратим внимание на сам метод создания фигурок: их составление из разных фрагментов. Случаи изготовления статуэток из отдельных, предварительно отформованных частей, путем сдавливания, соединения сырой глины с последующим обжигом известны еще со времен верхнего палеолита (Дольни-Вестонице). После обжига (то есть завершения процесса «творения»), головы статуэток в каких-то случаях преднамеренно отбивались. При этом на составных статуэтках животных случаев ацефалии не наблюдалось. Из этого факта специалистами был сделан вывод о ритуальной цели этого акта, в части касающейся женских статуэток. Известна также составная статуэтка из мамонтового бивня из позднепалеолитического погребения Брно-2. Надо отметить, что семантика самого «принципа составности» никак не трактовалась (Абрамова, 2002, с. 105-108). С формальной точки зрения, древнейшими составными ста-

туэтками из Месопотамии, можно считать находки в Телль Эс-Савване (поздне-архаическая Хассуна), поскольку они имели вставные глаза из ракушек (Oats, 1966, pl. 38-41) или волосы из битума (El-Wailly, 1965, pl. 27, fig. 67). Статуэтка быка (поздний Урук 3300-3000 гг. до н.э., музей Ирака IM 22472) имеет известняковое туловище и серебряные ноги. Две ямки на голове, видимо, указывают место крепления (серебряных?) рогов. Львиная голова из желтого мрамора (часть составной статуэтки) известна среди находок в Уре и датируется временем первой династии (Hall, Woolley, 1927, p. 54, fig. 24).

Находки многочисленных составных статуй, а также их фрагментов, известны из раскопок Эблы (Телль Мардих), относящиеся к 2600-2400 до н.э. (Matthiae, 1980, fig. 11, 12, 16). Особый интерес представляет фигурка льва из Эблы с мраморной головой и туловищем из черного порфира (Matthiae, 2008, p. 563, fig. 7). Статуэтка львиноголовой птицы (голова и хвост сделаны из золота, глаза – из битума, а туловище – из лазурита), найденная во дворце Мари (2400-2250 гг. до н.э., Национальный Музей, Дамаск, Сирия № 2399) имела отверстия, которые использовались для ее ношения на теле в качестве амулета. Такого же типа статуэтки были найдены в Уре (Woolley, 1934, pl. 124), Телль Асмаре и Телль Браке (Frankfort, 1934, fig. 28, 29). Исследователи связывали эти изображения с образом мифической птицы Имдугуд (шумер.) или аккадской Анзу (Arts of the first cities, 2003, p. 140).

Здесь необходимо заострить внимание читателя на выделение особой семантики бинарных оппозиций «верх – низ» (начало и конец), вполне внятно выражаемая выбором одинаковых материалов для их изготовления, по крайней мере, на некоторых зооморфных статуэтках (голова-хвост у Имдугуд или рога-копыта у быка). Примером реализации «принципа составности» («композиционности») можно рассматривать отрывок из эпоса «Гильгамеш», в котором описывается мемориальная статуя Энкиду: «Подножье из камня, власы из лазури, лицо из алебаstra, из золота тело» (Эпос о Гильгамеше, 2006, с. 55). Этот отрывок позволяет наметить (хотя бы формально) наличие определенных свя-

зей между составностью, то есть, безусловно, счетным по своей семантике свойством, и аспектом полноты (то есть завершенностью), являющихся необходимыми условиями процесса посмертного возрождения индивида. Рукотворным символом этого и являлась мемориальная статуя. Отметим, что в III тыс. до н.э. составной принцип изготовления статуэток использовался для создания как антропоморфных, так и зооморфных статуэток.

Причиной использования композитной техники, могло быть также и отсутствие заготовок камня больших размеров или технологии крупногабаритного литья бронзы. Составные статуи богов больших (до двух метров) размеров (период ранней бронзы) известны из Эблы (Телль Мардих). Для изготовления головы применялся камень, тела – дерево, которое затем покрывалось тонкими листами серебра или золота (Archi, 2005, p. 90f). Отметим, что жители Эблы в период ранней бронзы (начало второй половины III тыс. до н.э.), при изготовлении составных статуй применяли технологии очень высокого уровня, имея производство, по-видимому, несопоставимое по своим масштабам с другими городскими центрами Месопотамии (Matthiae, 1980, p. 259; Archi, 2005, p. 82-86). Помня удобное географическое положение Эблы, трудно указать причины, позволяющие связать изготовление разных частей статуй из разных каменных материалов с нехваткой сырья. Находки частей крупногабаритных составных статуй (бронзовые ступни) известны из находок в Телль Аграбе (раннединастический II период) (Frankfort, 1954, p. 26).

Составные женские статуэтки БМАК, обычно составлены из пяти частей. Это голова и руки, изготовленные из камня белого цвета, и одеяние и прическа (или головной убор), сделанные из стеатита различных оттенков, от сине-зеленого до серо-черного. Известен случай, когда на статуэтке, извлеченной из раскопа, головной убор (волосы?) просто «расплылся» под воздействием воздуха (этой информацией автор обязан В.И. Сариниди, и очень за это ему признателен). Необходимо также упомянуть единичную находку сидящей женской составной статуэтки из Эблы (дворец G, 2350-2250 гг. до

н.э., Музей Идлиб 3209). Платье изготовлено вместе с накидкой, что сближает ее по стилю со статуэткой из Мари (Parrot, 1959, pl. L), но отличается от нее своими малыми размерами (высота 5,3 см, ширина 2,2 см). Левая рука расположена на колене, правая отсутствует. Статуэтка изготовлена из синесерого стеатита, подставка для ног выполнена в виде диска, с двумя круговыми вставками наборных полос из яшмы (рис. 10). Заметим, что подобные решения (накидка на голове или полукруглая подставка) использованы при изготовлении единичных экземпляров составных статуэток из БМАК (Pottier, 1984, p. 218, pl. 36-295; p. 219, pl. 37-298). Бесформенное лицо и руки, отсутствие фрагмента правой руки, а также кресла(?) у составной статуэтки из Эблы, объясняются пожаром при захвате дворца (Arts of the first cities, 2003, pl. 169).

Здесь уместно обратить внимание читателя на следующее обстоятельство. Все составные женские статуэтки БМАК, а также из дворца G в Эбле, имеют одно очень важное отличие, от женских статуэток богинь, широко известных в Месопотамии и Эламе. На всех сидячих женских статуэтках типа «Богини Иштар» из Суз, Мари или Телль Асмара ясно показаны ступни ног (см. напр.: Frankfort, 1939, pl. 115, fig. 205; Amiet, 1976, p. 102). На составной статуэтке из Эблы, так же как и на других составных изделиях БМАК и из Фарса отсутствуют голые ступни, что позволяет предполагать существование каких-то запретов на их изображение. Этим они радикально отличаются от основной части статуй и статуэток, месопотамского или эламского происхождения III тыс. до н.э. В совокупности, эти обстоятельства сложно объяснить, опираясь на точку зрения о сугубо эламских корнях этой традиции, имея в виду важную и многозначную семантику ступни. Укажем также, что незадолго до падения Эблы туда была приглашена группа мастеров по обработке камня (9 человек) и металлургов (3 чел) из Мари, что подтверждено документально (Archi, 2005, p. 90). В связи с этим, женская составная статуэтка из Эблы, имеющая характерную для женских статуэток из Мари деталь в виде накидки, вкуче с составным принципом ее изготовления, является, по-

видимому, итогом компромисса двух культурных традиций.

Завершая вводную часть, необходимо отметить следующее. Статуэтки или изображения женщин с избыточными формами (стеатопигия) определялись исследователями археологических социумов с производящим типом хозяйства как символы плодородия, и зачастую в отрыве от археологического контекста. Автор имеет в виду следующее. Форма ромбовидных «чешуек» на платьях богинь, изображенных на серебряной вазе из Бустана, булавке с Гонура, составных женских статуэтках БМАК и других изделиях (например, каменных вазах типа «Intercultural style» – см.: Arts of the first cities, 2003, p. 327, fig. 224b; p. 341, fig. 238; p. 342, fig. 240), близка к стилизованным ромбовидным формам неолитических «Венер». Та же цель (добавим, весьма изящно и емко) достигнута и в нашем случае, поскольку символ возрождения в виде змеиной шкуры сочетается с символом плодородия и изобилия (ромб в сочетании с колосьями), – всего лишь наглядная и образная модель мультипликации. Поэтому трактовка женских составных статуэток БМАК самых разных форм, как погребальных атрибутов имеющих, главным образом, семантику возрождения, никак, по мнению автора, не противоречит сказанному. Это вытекает из очевидной очередности стадий жизненного цикла: сначала возрождение, а затем и расцвет, выражаемый плодородием и изобилием.

Мужские составные статуэтки были найдены в Фарсе, то есть достаточно далеко от территорий, на которых располагались памятники БМАК. А. Парро относил их к периоду 3200-2800 гг. до н.э. (Parrot, 1962, p. 94). П. Амье причислял их к единой культурно-исторической традиции, включающей в себя и Бактрию, указав в качестве хронологического ориентира последние века третьего тыс. до н.э. Основой для подобных сопоставлений П. Амье полагал статую царя-жреца из Мохенджо-Даро, как имеющую значительное сходство (Amiet, 1986, p. 200, 201). Змеиную чешую на составных статуэтках из Фарса он счел возможным рассматривать как продолжение бороды(!). Шрам на лице и оскаленный в крике рот, позволил ему срав-

нить мужские статуэтки с Хумбабой. Пока не вдаваясь в обсуждение этих доводов, добавим лишь, что по тексту поэмы, первые два удара были нанесены Хумбабе в спину (Гильгамеш) и грудь (Энкиду), место нанесения третьего, завершающего удара неизвестно. Поэтому нет оснований, считать безусловным идентификационным признаком Хумбабы шрам на лице, тем более, что на его «оригинальном» изображении (см. напр.: Parrot, 1961, s. 302) (рис. 11) шрама нет. Кроме того, важной частью внешнего облика Хумбабы, были наводящее ужас «луче-сияние» (Эпос о Гильгамеше, с. 37), которое визуальнo не фиксируется на составных статуэтках из Фарса. Стилиевые особенности изготовления статуэток, в том числе и их «составность», позволяют рассматривать их в одном культурном контексте с глиптикой и пластикой БМАК (см. напр.: Frankfort, 1994, p. 408-416; Winkelmann, 2000, p. 50-52; 76-78).

Составные статуэтки из Фарса отличаются в деталях. Например, юбки имеют разное направление «складок»: у статуэтки из коллекции Фарухи эти складки выполнены в виде горизонтальных кольцевых желобков, сохранивших остатки белой пасты; на статуэтках из музеев Лувра, Метрополитен и коллекции Азизбеглу они представляют собой узкие вертикальные желобки, завершающиеся внизу круглыми ямками. Отсутствие круговых разверток не позволяет определить их точное число, что могло бы дать какие-то подсказки об их назначении, их примерно 10-18 штук, судя по изображениям фигурок в профиль и анфас (Girshman, 1963, p. 154-157; Frankfort, 1994, p. 411, 412). Статуи месопотамских богов относящихся к III тыс. до н.э., имеют юбки той же формы, однако те не в пример длиннее, и доходят почти до щиколоток. Они имеют подцилиндрическую или слабо коническую форму, а их подол часто имеет форму меандра, реже ровную кромку (Frankfort, 1939, pl. 1). По мнению А.-П. Франкфора, длина юбки прямо соответствовала той иерархической ступени, которую занимало то или иное мужское божество в мифологической картине мира обитателей БМАК (Frankfort, 1994, p. 407). В этой связи укажем на находку юбки для составной статуэтки в Эбле (административная часть дворца

G, 2350-2250 гг. до н.э., музей Идлиб, Сирия № 3117). Она изготовлена из белого известняка (высота 4,2 см, ширина 5,3 см) и состоит из двух регистров. Верхний, более короткий имеет длину около одного сантиметра и «составлен» из пальмовых листьев. На передней части изображения их можно насчитать 12, можно допустить, что всего их 20-22. Нижний регистр состоит из вертикальных полосок волнообразной формы, в свою очередь разделенных на пять частей (рис. 12) (Arts of the first cities, 2003, p. 172, fig. 110).

Находки в Эбле целых мужских составных или частей статуэток малых размеров не известны, исключая указанный фрагмент (юбку). Эти находки и широкое применение композитной техники изготовления статуй в Эбле, дает некоторые основания считать ее первоисточником того технологического импульса, который привел к появлению составных статуэток в Средней Азии и Юго-Западном Иране, где эта технология оказалась в результате политических потрясений и миграций второй половины III тыс. до н.э.

Важным элементом мужских составных статуэток является присутствие в руках персонажа сосуда. Наличие его – видимое свидетельство связи с водой (влажгой). Месопотамская пластика III тыс. до н.э. демонстрирует многочисленные примеры этого, в виде статуй богинь и богов с одним или двумя сосудами в руках (Frankfort, 1939, p. 4, 22, 23). На статуэтке из музея Метрополитен изображена обувь с загнутыми вверх носками – характерная деталь горской обуви. Такая же обувь изображена на печати из Гонура (Sarianidi, 1998, p. 55, fig. 30). Статуэтка из коллекции Азизбеглу изготовлена без обуви и прикреплена к массивной дисковидной подставке из белого известняка (Girshman, 1963, p. 155, fig. 4, 5). Еще раз подчеркнем, что месопотамские антропоморфные статуи этого периода, как правило, босые (Braun-Holzinger, 1977, taf. 24-27). Целые статуэтки из Фарса имеют высоту 11,5-11,8 см, максимальную ширину (в плечах) – 5,2-5,6 см. Исключение составляет фрагмент статуэтки с узором в виде кружочков на бороде (рис. 8) с шириной на уровне плеч 7,8 см. У комплектных статуэток из собраний Фарухи, Азизбеглу и Лувра, достаточно точно сохраняется соотношение между

высотой и шириной, составляющее 2,01-2,26. Это можно считать указанием на существование определенного, сложившегося канона, которым руководствовались при их изготовлении. Вероятно также, что это – продукция одной мастерской.

Мужские составные статуэтки имеют уникальную особенность: присутствие на них «змеиной кожи», состоящей из чешуек подквадратной формы (рис. 6, 9). Возможно, именно это явилось решающим аргументом, позволившим идентифицировать, их как изображение «антропоморфных драконов» (Frankfort, 1994, p. 409). Этот мифический образ, достаточно тесно связанный со стихией воды, имел амбивалентную природу, принося засуху-смерть или даруя влагу-жизнь. Подобная трактовка семантики образа была вполне ожидаема, учитывая природные реалии в которых возникла, развивалась и погибла «цивилизация оазисов». Опираясь на широкий круг параллелей, в том числе и китайские (см. напр.: Weber, 1968, p. 236), А.-П. Франкфор находил в иконографии БМАК проявления такого же дуализма. Крылатый дракон, широко представленный в глиптике БМАК, символизировал два состояния жизненно важной субстанции – воды. Первое – это вода хтонического мира и ее символ – змея. Второе ее состояние – небесная вода, символом которой являлась птица (или крылья по принципу *pars pro toto*).

Антропоморфный дракон, будучи божеством низшего ранга, подчинялся верховной богине и некоему орло-подобному божеству (Frankfort, 1994, p. 413, tab. 2). Последнее отражало природные реалии, массовый прилет орла-змееда *Circatus Gallicus*, имевший место в марте-мае (Flint et al, 1984). Имеющиеся в иконографии БМАК изображения мужских голов с вздыбленными волосами и торчащей в стороны бородой, по мнению А.-П. Франкфора, также относились к «антропоморфному дракону» (Frankfort, 1994, p. 409). Облик «чудища» иногда дополнялся торчащими из ушей крюками – змеями, либо другой «змеиной атрибутикой», например изогнутыми руками, заканчивающимися змеиными головами вместо ладоней (Sarianidi, 1998, p. 21, fig. 3). А.-П. Франкфор считает, что идеология жителей БМАК, являясь периферийной

формой эламо-месопотамской идеологии, вобрала в себя центральноазиатские доаграрные верования шаманистского толка и частичные заимствования эламитской мифологии. Им допускается незначительный вклад, внесенный сиро-хеттской и индийской мифологиями, но без образования цельной мифологической картины мира (Frankfort, 1994, p. 416), хотя некоторые местные инновации допускались. Возможность трактовки каких-либо сюжетов, относящихся к рубежу III и II тыс. до н.э., с позиций Авесты или других источников индоарийского или иранского происхождения, им первоначально отвергались. Допускалась возможность позднего иранского прочтения лишь некоторых элементов цивилизации Окса (БМАК), подразумевая под ними образы богини Анахиты и дракона Ажи Дахаки в контексте обрядов праздника Новруз (Frankfort, 1994, p. 415). Надо сказать, что в недавней работе А.-П. Франкфор эту свою точку зрения несколько изменил, особенно в части, касающейся сиро-хеттского влияния на формирование идеологии жителей БМАК (Frankfort, 2010, p. 82, 83).

Концепция А.-П. Франкфора в целом была встречена сдержанно (см. напр.: Аруз, 1998, с. 94). Д. Аруз не считала также достоверной и трактовку этим автором сюжета на цилиндрической печати, найденной на Гонуре (Сарианиди, 1989, с.17-24), как шаманского ритуала. Также не нашла понимания и его мысль об идентификации статуэток из Фарса в качестве «антропоморфных драконов» (Аруз, 1998, с. 94). С. Винкельманн, анализируя сюжеты глиптики и пластики сопредельных культур III тыс. до н.э., пришла к выводу, что главным источником бактрийской иконографии являлись прото- и ранняя трансэламитская культуры Ирана. Глиптика и пластика Маргианы ею отдельно не рассматривались (Winkermann, 2000, p. 92, 93). Мужские составные статуэтки из Фарса были сопоставлены ею со статуэтками из Мохенджо-Даро (статуэтка царя-жреца), Мундигака и Дабал-Кот (Белуджистан) (Winkermann, 1993, p. 817, 825, 827). Основанием для этого она полагала специфическое положение ног (*squatting posture*), малые размеры, использование техники сборки и практику тщательного исполнения бороды и волос. Такой подход

позволил ей объединить, например, мужские составные статуэтки из Фарса с сюжетами, представленными в пластике и иконографии других культур, не имеющих никаких визуально фиксируемых деталей сходства (Winkelmann, 1993, p. 828).

В.И. Сарияниди, опираясь на образы и сюжеты из глиптики БМАК, авестийские источники и внушительную артефактную базу, сформированную на основе раскопок маргианских памятников (Гонур, Тоголок) за последнее двадцатилетие, предполагает, что некоторые из них являются изображениями авестийского героя Кэрсаспы (Сарияниди, 2010, с. 95, 96). Этот образ, раскрываемый из зороастрийских текстов пехлевийского периода, является достаточно противоречивым. В число его героических деяний вошли убийство трех драконов, в т.ч. Срвара «полного яда, глотавшего коней и людей» (Кэрсаспа, 1987), а также гигантской птицы Камак, которая задерживала крыльями дождь и заслоняла Солнце (Рак, 1998, с. 447). Будучи сыном Триты (русский Третьяк Водович – «сын вод»), он имел отношение к воде Нижнего мира, являясь при этом змее- и драконоборцем (Топоров, 1977, с. 97). Несмотря на значительные заслуги в установлении справедливого мироустройства (*arta/asa*), признанного ортодоксальным зороастризмом, в постоянное и ближайшее окружение Ормазда он не входил. Более того, Ормазд за оскорбление огня Кэрсаспой (Чунакова, 2004, с. 197), не помешал силам зла усыпить его на много веков в каменной скале, до наступления момента обновления мира (*фрашо кэрати*). Тогда пробудившийся ото сна Кэрсаспа убьет вырвавшегося из оков дракона Ажи Дахака (Рак, 1998, с. 447).

Достаточно близкая мифологическая параллель Кэрсаспе просматривается в образе Михра-Мгера Младшего из армянского эпоса «Давид Сасунский». После удачного единоборства с отцом, Давидом Сасунским (Громовержец) и будучи проклят им (тот же мотив конфликта с огнем), Михр был обречен на бесплодие и бессмертье, проводя дни заключенным в скале («Вороний камень») и также ожидая конца света (Михр, 1992). Возвращаясь к Кэрсаспе, можно отметить, что этот образ имеет вполне определенные связи со сти-

хийей воды. В хтонической сфере они прямые (змееборец и сын Триты), и опосредованные, в небесной сфере – убийство птицы Камак, препятствующей круговороту воды в Среднем мире. Можно считать, что семантика обоих подходов, как В.И. Сарияниди, так и А.-П. Франкфора, в трактовке этого образа близка, если подходить к нему практически: как к регулятору оптимального количества воды в Среднем мире (без наводнений и засух), где собственно и обитали жители БМАК.

Подробный анализ составляющих бактрийско-маргианской глиптики и даже пересмотр вкладов отдельных ее составляющих, с учетом результатов раскопок Маргианы за последнее двадцатилетие, безусловно, необходим. Частично он проведен (Frankfort, 2010, с. 82, 83). И хотя в рамках настоящей работы в целом он излишен, некоторые соображения общего порядка все-таки необходимо высказать.

Прежде всего, надо обозначить отношение автора к той части концепции, которая А.-П. Франкфором была названа элементами центрально-азиатского шаманизма (Frankfort, 1994, p. 410-412). Некоторые его признаки, определяемые автором как трехмерное, вертикальное членение мира, наличие мирового дерева (и оси – *axis mundi*), в совокупности с делением Среднего мира на четыре части не могут, по очевидным причинам, считаться достоянием только шаманизма, язычества или монотеистических религий. Семантика и символика этих основных парадигм мироустройства рассмотрены многократно. Можно указать лишь на некоторые, не потерявшие актуальности публикации (Топоров, 1971; Комороци, 1981; Дьяконов, 1990 с библиографиями). Единственное существенное дополнение, которое необходимо сделать в этой связи, касается роли гномона, по своей сути прообраза «оси мира» и мирового дерева. Именно использование гномона являлось наиболее простым и доступным способом определения опорных дат годового календарного цикла – солнцестояний и равноденствий, вокруг которых и разворачивались, в основном, разные сезонные праздники. Однако этот, может быть важнейший, аспект символики и семантики мирового дерева, в этих работах практически не затронут. Что же касается

других деталей приписываемых А.-П. Франкфором «шаманизму», например применения психотропных средств во время совершения сакральных действий, то они известны в ритуальной практике многих религиозных систем (в том числе и самых «продвинутых»), и авестийская не является исключением. Не будем забывать, что применение именно эфедры жителями Гонура не позднее рубежа III – II тыс. до н.э. для изготовления напитка (типа индоарийской Сомы-Хаомы) было экспериментально доказано (Мейер-Меликян, 1990, с. 203). Поэтому ссылка на шаманизм доаграрной эпохи, как на основной источник мифологии жителей БМАК, не убедителен. Добавим также, что В.И. Сарияниди не находил видимых истоков глиптики БМАК в Центральной Азии (Сарияниди, 1999, с. 69).

О сиро-хеттских элементах в материальной культуре и мифологии БМАК В.И. Сарияниди было сказано достаточно. При этом надо отметить, что в свете открытий последних двадцати лет на Гонуре, сиро-хеттский вклад становится все более зримым, осязаемым и весомым. К началу II тыс. до н.э. месопотамская иконография имела как минимум трех-тысячелетнюю историю, но ее вклад в мифологию БМАК рассматривается А.-П. Франкфором как второстепенный, в отличие от основных, с его точки зрения – эламского и протоиндийского. Поэтому имеет смысл остановиться на этом вопросе подробнее, начав обсуждение с поэлементного (сверху вниз) анализа составных статуэток.

Сначала сделаем одно пояснение. В силу сложившихся традиций под термином «месопотамский» обычно понимаются культурные традиции, главным образом, культур аккадо-вавилонского круга. Этим в значительной мере (вольно или невольно) сужается или вовсе игнорируется вклад культурной базы, связанной с дошумерским периодом Месопотамии (см., напр.: Гельб, 2004, с. 70, где он пишет о народе «Х»). Точно также остается в тени и тот культурный вклад, который был внесен в общественную идеологию Месопотамии (отраженный затем в пластике и иконографии) после этнических инвазий второй половины III тыс. до н.э.

Головной убор сохранился только на статуэтке из коллекции Фарухи. Подобные

биконические уборы в месопотамской или эламской иконографии или пластике в литературе не отмечались. На месопотамских статуэтках, относящихся к III тыс. до н.э., головные уборы или отсутствуют, или представлены изделиями полуовальной формы с круговым ободком в основании (напр. статуи Гудеа; см: Arts of the first cities, 2003, p. 428-432; Braun-Holzinger, 1977, taf. 5, 24-27). Как пишет П. Амье, лунный серп на головных уборах богов появляется в единичных случаях еще в раннединастический период, но основной массив изображений этого типа (глиптика) относится к аккадскому и особенно старовавилонскому периодам (Amiet, 1961, p. 162). В качестве формального аналога биконическому головному убору, можно указать биконическое навершие на древке штандарта, который двумя руками держит коленопреклоненный нагой персонаж на цилиндрической печати из красной яшмы, выполненной в аккадском стиле из музея Метрополитен (L 1992.23.5) (Arts of the first cities, 2003, p. 217, fig. 145). Четверичная разбивка сюжетного пространства на нем, в сочетании с лунно-солярной символикой, позволяет причислить его к полю календарно-сезонного мифа.

Отдаленно похожую, но несколько искаженную биконическую форму имеют, так называемые миниатюрные колонки, сделанные из камня с пестрой, неоднородной фактурой поверхности. Они использовались в культовой практике археологических культур, расположенных главным образом на Ближнем Востоке и Средней Азии (Абдуллаев, 2010, с. 323-332).

Особенности изображения головы и лица. Статуэтки из музеев Лувра и Метрополитен в оригинальном состоянии, имели головные уборы (возможно, «диадемы»). Форма волос и бороды на месопотамских статуях достаточно характерна. Бороды в виде равнобедренных трапеций несколько сужаются внизу и завершаются на уровне грудной клетки. Волосы (парики?) на месопотамских статуях разделены симметрично на две части пробором, начинающимся со лба и завершающимся на затылке (Braun-Holzinger, 1977, taf. 3; 4a,b; 5d-f; 27a,b). Однако у составных статуэток из Фарса, борода имеет четкую форму

однойрусного полукруга – «от уха до уха». Полукруглую, но трехъярусную бороду имеет терракота из Телло (Frankfort, 1954, pl. 54) (рис. 13), и бюст бога Тишпака из Телль Асмары (Эшнунна, последние века III тыс. до н.э.) (Frankfort, 1931, p. 23, fig. 17). Форма бороды на некомплектной статуэтке из коллекции Фарухи (Girshman, 1963, p. 156, fig. 9, 10), также имеет форму полукруга. Однако, в отличие от остальных, она декорирована концентрическими кружочками, которые дополнительно оттенялись благодаря втиранию той же пасты белого цвета. Этот элемент (концентрические кружки) характерен для изделий из долины Инда относящихся к III тыс. до н.э. (Marshall, 1931, v. 3). Такие элементы узора изображены на верхней части одеяния бактрийской составной женской статуэтки (Amiet, 1986, p. 330, ill. 204) (рис. 5).

С окладистой полукруглой бородой изображена обнаженная фигура «царя-жреца», хранящаяся в отделе археологии Музея университета Цюриха (3300-3000 гг. до н.э.). Однако отсутствие контекста у этой статуэтки, как и у двух ее аналогов из Лувра (*Arts of the first cities*, 2003, p. 38), не дает возможности полноценно их проанализировать. Можно, по-видимому, говорить только об архаичной манере исполнения этих статуэток.

На глиптике и амулетах БМАК встречается три типа прически или головного убора на изображениях типа «Кэрсаспа»/«антропоморфного дракона». Первый представлен кустиками торчащих волос, диагонально направленных от середины лица к углам изображения, по схеме «косого» креста. Второй тип представлен на амулете, изображающим Кэрсаспу с диадемой на голове. Третий тип – это оформление волос и бороды в виде лучей Солнца или другого яркого источника света, например, молнии (Сарианиди, 2010, с. 95) (рис. 14). Общая черта большинства предполагаемых изображений Кэрсаспы (Frankfort, 1994, fig. 3-5; Sarianidi, 1998, p. 21, fig. 3) – полуоткрытый рот (оскал, улыбка). М. Бойс описывала внешность этого персонажа как имеющую «свириный звериный вид» (Boyse, 1989, p. 97), не уделяя внимания деталям. Сочетание «лучей – ужасов» и оскаленного рта Хумбабы рождают ассоциации с другим персонажем мифологическим персо-

нажем – Медузой Горгоной, изображение которой фланкировалось иногда двумя львами. Кроме этих статуэток из Телло и Эшнунны, в месопотамской иконографии и пластике есть еще два персонажа, имеющие черты внешнего сходства (в плане звероподобности) с Кэрсаспой. Это Хумбаба, дух-хранитель кедрового леса (Хумбаба, 1992) и в некоторой степени Энкиду (Энкиду, 1992).

Юбка. Одной из особенностей различных месопотамских богов был предмет одежды – длинная, ниже колен юбка. Они изображались составными, из узких, вертикальных с треугольным окончанием полосок материала, поэтому подол юбок почти всегда имел форму меандра. Второй тип юбок представляют собой соединенные друг с другом «язычки» шерсти (Frankfort, 1939, pl. 14, 22, 23, 29; Parrot, 1961, p. 118, 147b). На статуэтке из собрания Фарухи (рис. 6) юбка имеет вид бочонка с круговыми кольцевыми бороздками, которые делят ее поверхность на десять частей (Girshman, 1963, p. 154, fig. 3). Строго говоря, юбкой, имея в виду предмет одежды, предназначенной обеспечить некий минимум удобств, своему обладателю, этот бочонок можно назвать весьма условно. В этом случае более подошел бы термин «переходник». Его назначение соединять воедино «верх» и «низ» статуэтки, обеспечивая некоторую степень свободы.

Юбки на других статуэтках (рис. 9, 10) начинаются от пояса и заканчиваются выше колен. Визуально они разделены на части вертикальными бороздками, которые завершаются внизу круглыми ямками. В бороздках сохранились остатки белой пасты, втираемой, по-видимому, для создания визуального контраста со стеатитовой основой. Эти элементы декора имеют аналогии в глиптике, относящейся ко времени первой династии Ура. Именно из них составлены бороды андрокефалов (Amiet, 1961, pl. 79:1045, pl. 81:1078). Форма торса и юбки в совокупности создают у статуэток из Фарса биконическое (битреугольное) очертание фигуры в целом. При этом цилиндрическая форма наборной юбки у статуэтки из собрания Фарухи компенсируется биконической формой головного убора (Girshman, 1963, p. 154, 155; Frankfort, 1994, fig. 3-5).

Сосуд. Этим атрибутом очень часто снабжены статуи месопотамских богов и богинь, а также царственных особ (Гудеа), относящихся главным образом к III тыс. до н.э. (Frankfort, 1939, pl.1; pl. 205; Parrot, 1961, p. 227). Одно существенное замечание. В отличие от нашего случая, у месопотамских статуй сосуда находятся в ладонях, а пальцы правой руки накрывают пальцы левой. Второй вариант расположения сосудов, – когда их держат по одному в каждой руке (статуя богини Иштар(?) из Суз) (Parrot, 1961, p. 209, fig. 181). У изображения кричащего (оскаленно-го?) Хумбабы (Parrot, 1961, fig. 369) сосуд находится в левой руке на уровне груди, а правая поднята вверх (жест приветствия или предостережения).

Змеиная кожа. Может быть, именно эта деталь внешности явилась решающим аргументом для идентификации составных мужских статуэток как изображений «антропоморфного дракона», или, как полагал А.-П. Франкфор, третьей разновидности евразийских змее-драконов (Frankfort, 1994, p. 409). В бактрийско-маргианской иконографии в таких или похожих по внешнему виду «змеинокожих» одеяниях изображены только женские персонажи, занимающие явно нерядовые места в пантеоне. В месопотамской и сузианской пластике нет ничего подобного, и этот прием можно было бы считать сугубо бактрийско-маргианской инновацией. Однако на печати из дворца Ачем-хююк (Amiet et al., 1980, III; 38) (старохетт. стиль, XVIII в. до н.э.) изображены мужчина и женщина, одежда которых внешне напоминает змеиную кожу. Фасон этой одежды обычен для персонажей, представленных в маргианской глиптике и пластике. Это длинное (до пят) платье на женщине, которое закрывает оба плеча, оставляя небольшой вырез на шее, почти такой же, как на составных статуэтках БМАК (рис. 15).

Подставка. Таковая сохранилась лишь на статуэтке из коллекции Азизбеглу, представляя собой диск из белого камня (известняк). В совокупности с массивными ногами создается впечатление, что их обладатель просто «утопает» в земле. Вспомним в связи с этим уже упоминавшегося Мгера Младшего, выходящего один или два раза в год из места за-

Рис. 15. Прорисовка печати из дворца Ачем – Хююк (по: Amiet et al, 1980, fig. 3-38).

точения в «Воронье скале», может быть и для проверки твердости почвы во время весенней (и осенней) распутицы (Михр, 1992).

Звероподобность. Как некая характеристика внешности субъекта, по-видимому, не имеет объективных критериев оценки. Если оценивать ее как антипод антропоморфности, например, по наличию хвоста, клыков или копыт, то мы попадаем в тупик, поскольку что-либо подобное на изображениях известных по глиптике и амулетам БМАК мы не имеем, в отличие, например, от месопотамской глиптики второй половины III тыс. до н.э., пересыщенной изображениями андрокефалов. Общей чертой всех изображений претендующих на «звероподобность», начиная с Хумбабы и кончая «антропоморфным драконом», это оскал – рык, призванный продемонстрировать крепкие зубы, вкупе с обильной растительностью на лице и голове (Frankfort, 1994, fig. 3-5; Sarianidi, 1998, p. 21, fig. 3) (рис. 11, 14). Статуэтки из Фарса имеют еще одну, без преувеличения, уникальную особенность. Это шрам, протянувшийся от переносицы до нижней части лица и во многом обеспечивающий «звероподобное» (львиное) выражение лица (Girshman, 1963, fig. 1, 6, 10; Frankfort, 1994, fig. 4, 5). Пока не найдено ни одного археологического артефакта с такими же чертами на памятниках культур Малой Азии или Месопотамии

III тыс. до н.э. Именно его наличие дало основание П. Амье, как выше уже отмечалось, увидеть в мужских составных статуэтках из Фарса выражение образа Хумбабы.

«Звероподобных» персонажей мужского рода, достойных сравнения с Кэрсаспой в месопотамской (шумерской) мифологии и иконографии известно, как минимум, два. Это уже упомянутые Хумбаба, дух-хранитель кедрового леса, и соперник-сподвижник Гильгамеша, Энкиду. Надо отметить, что Хумбаба в силу своей традиционной (поздней) локализации в северо-западных, горных областях (Аман), по определению не мог быть мифологическим образом южномесопотамского, и тем более эламского происхождения. Добавим также, что локализация образа Хумбабы на северо-западе Междуречья, присуща лишь для поздних (аккадских) вариантов эпоса о Гильгамеше. В ранних шумерских вариантах она неопределенна (Эпос о Гильгамеше, 2006, с. 116). Это обстоятельство понятно, так как горы Амана в сферу приоритетных интересов шумеров в доаккадский период не входили. В связи с исследованиями, дающими прочтение «Еген» как можжевельника (Иванов, 2003, с. 40-42), весьма реальны варианты изменения маршрута похода Гильгамеша. Это мог быть поход за стволами можжевельного дерева, а не кедра. Использование стволов можжевельного дерева известно при оборудовании погребальных камер в курганах (см.: Гуммель, 1992, с. 11 сл.), а веток в медицинской практике новошумерского времени (см.: Dick, 2005, p. 278). Это, хотя и расширяет ареал происхождения мифологического образа Хумбабы, однако в любом случае локализует его к северу от Месопотамии, в т.н. «можжевельных горах». Этот подход может дать ключ к прояснению ранее необъяснимых деталей эпиграфического образа Хумбабы, а именно его «многорукости», поэтическому описанию горных склонов, густо заросших кустами и деревьями можжевельника. Интересно отметить, в связи с этим, что «многорукость» Хумбабы, отмеченная текстуально в главе «Гильгамеш и гора бессмертных», не имеет иконографических, визуально доступных нам признаков.

Наличие сосуда в левой руке Хумбабы (рис. 11), как уже отмечалось, можно считать указанием на его связь с водой и влагой,

а в более широком смысле – с севером, северной стороной, откуда эта влага ежедневно поступала в виде горных рек (Заб, Дияла, Кархе, Карун и др.). Такой подход, отдающий, по-видимому, предпочтение «нижней», речной воде вполне отвечал месопотамским реалиям. В семантике этого образа явственно проглядывают мотивы «северных гор» и расположенной там чужой, враждебной и дикой территории, находящейся за пределами обжитого и безопасного мира между двумя реками. И было совершенно естественно наделять обитателей чужой страны вполне определенными атрибутами «дикости».

В шумерской пластике известны как минимум два типа изображений, приписываемых Энкиду. На первом из них, относящемся к более раннему периоду (середина III тыс. до н.э., статуя из мрамора, Телль Чога, Иракский музей № 51023 – Basmachi, 1975-1976, fig. 67), можно увидеть бородатого и лысого мужчину. Ноги у него ниже колен отсутствуют. На голове с боковых сторон сохранились ямки, может быть для укрепления рогов или головного убора. Следует особо выделить положение рук статуи: в отличие от многочисленных подобных фигур месопотамского происхождения, левая рука накрывает правую руку, и обе в сложенном виде находятся на уровне грудной клетки. На этом, более древнем изваянии, визуально подчеркнуты широкие плечи и узкая талия атлетически сложенного молодого мужчины. Эти признаки в совокупности создают зрительное восприятие торса как перевернутого треугольника. Две очень близкие по манере исполнения статуэтки были найдены на Гонуре (Сарианиди, 2001, с. 138, табл. 3: 2, 3). Они выполнены из глины, их волосы обозначены черной краской. Ноги ниже колен отсутствуют. Это создает впечатление подчинения и смирения. Почти идентичные по исполнению погребальные статуэтки известны из Шахдада (Nakemi, 1993, № 465/72, некрополь А) и Уммы (Frankfort, 1939, pl. 115, fig. 206). Однако на гонурских статуэтках нет бороды, а на шахдадской она очень короткая.

Мужские антропоморфные изображения с рогами и без них в глиптике БМАК представлены достаточно широко. Человеческие фигуры изображены в основном в двух позах:

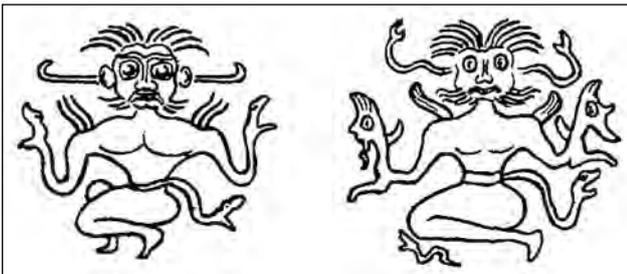

Рис. 16. Мужские изображения на печатях и амулетах БМАК (по: Sarianidi, 1998. на короточках - № 52; коленопреклоненный - № 53).

стоя или на короточках (рис. 16). Вторая поза имеет тенденцию к трансформации, в результате чего изображения ног исчезают вовсе. Сохраняется только торс, опирающийся на животных – змею, собаку-волка или драконов (рис. 17). Нелишне отметить, что в глиптике БМАК нет ни одного антропоморфного изображения с копытами (Sarianidi, 1998, p. 21, fig. 3). Поэтому «антропоморфный дракон»/Кэрсаспа не имеет особых (прямых) семантических схождений с образом Энкиду. На терракотовой статуэтке «Энкиду» (начало II тыс. до н.э.) из Гос. музей Ирака № 24691 (Basmachi, 1975-1976, fig. 110) не менее двух деталей привлекает внимание. Это: форма прически («головного убора»), выполненная в форме «шлема-елочки», и бороды, представляющей полукруг с 10-12(?) радиальными длинными прядями, расположенными полукругом, от уха до уха. Почти такая же по форме, но более короткая, стриженная борода и шлем воспроизведены на медальоне с изображением Кэрсаспы (рис. 14). Как типологическую параллель, можно предложить форму бороды на статуэтке неизвестного «шу-

мерского» бога (Basmachi, 1975-1976, fig. 99) (рис. 18) с топором-молотом в левой руке и в шапке-шлеме конической формы.

Отметим, что топор-молот как ритуальное или боевое оружие, не был характерен для Месопотамии в середине III тыс. до н.э. (см. напр. барельеф с изображением Саргона Аккадского из Акрополя Суз – Amiet, 1976, p. 11, fig. 6). При этом он является неотъемлемой частью элитных курганных погребений народов предположительно иранского происхождения, занимавших причерноморские степи, Северный Кавказ и, возможно, Закавказье во второй половине III тыс. до н.э. (Нечитайло, 1978, с. 35-38; Кушнарева, 1994, с. 278 сл.; Гей, 2000, с. 47).

Полукруглая форма бороды также не характерна для статуй месопотамских богов этого времени. У них этот элемент внешности представлял собой волнообразное произведение парикмахерского искусства трапециевидной формы (см. напр.: Frankfort 1939, pl. 1; Braun-Holzinger, 1977, taf. 4-5). Можно констатировать, таким образом, радикальное изменение облика Энкиду в Месопотамии в течение второй половины III тыс. до н.э. Нам представляется, что одной из вероятных причин этого могло бы быть появление влиятельных «чужаков» (врагов?) с вполне характерными чертами внешности в пределах Средней и Южной Месопотамии не позднее второй половины III тыс. до н.э.

Статуэтка с полукруглой короткой стриженной бородой и общим стилевым сходством с изображениями Кэрсаспы известна из Мохенджо Даро (Marshall, 1931, pl. XCLX, fig. 4-6), что впервые было отмечено П. Амье (1979,

Рис. 17. Мужские изображения на печатях и амулетах БМАК (по: Sarianidi, 1998. восседающий на животных - волке № 905.2; змее № 56.2; драконе № 55.1).

р. 202). Есть еще одна важная деталь в облике Хубабы, голова которого найдена при раскопках храма Иштар в Телль-аль-Рима (плато Синджар) (Howard-Carter, 1983, pl. 6a). Это кольцо в центре лба, замыкающее четко очерченную круговую прическу, повторяя, таким образом, круговую ленту на голове статуэтки царя-жреца в Мохенджо-Даро. Такая же круговая налобная лента-повязка имеется на голове статуи из некрополя А (311/51 из раскопа 215/73 в Шахдаде) (Nakemi, 1993, p. 218). Статуэтка верховного бога Тишпака из Эшнунны (Телль Асмар), местной ипостаси Бога Грозы конца III тыс. до н.э. близка им по стилю, имея стриженную полукругом бороду и шлем-шапку полуовальной формы (Frankfort, 1931, p. 23, fig. 17). Отметим, что круговая основа шлема, визуальнo воспроизводит ленту-повязку.

Такую же характерную форму укладки волос (тюбанно-шлемовидную) или «головной убор» можно увидеть на эламской терракоте (*deese astrale?*) начала II тыс. до н.э. (Amiet, 1966, pl. 89, fig. 214). Из сказанного можно заключить, что бактрийско-маргианский «антропоморфный дракон»/Кэрсаспа, если и имел какие-то иконографические соответствия в Месопотамии или Эламе, выражаемые в стилизованных особенностях исполнения бороды и прически (головного убора) и др. деталей мужских статуй, то сугубо шумерскими или эламскими называть их нет видимых оснований. Выше указывалось, что и в эламской, и в месопотамской иконографии и пластике отсутствуют антропоморфные изображения, покрытые змеиной кожей, что является весьма важным стилизованным маркером БМАК. Эти перечисленные особенности, в большей или меньшей степени, устойчиво воспроизводятся в бактрийско-маргианской глиптике и пластике. Нельзя исключить того, что это является возможным следствием достаточно мощной инвазии, «задевшей» с севера Среднюю Месопотамию и Элам и завершившейся, главным образом, в Маргиане (Южный Туркменистан) и Бактрии (Северный Афганистан).

Надо отметить, что изображения Кэрсаспы в деталях отличаются. Зооморфные ипостаси Кэрсаспы имеют вполне человеческие руки и ноги, являющиеся, кстати сказать,

древнейшими «счетами» (Marr, 1927, с. 84). Сказано это в связи с тем, что счет являлся одним из наиболее характерных признаков принадлежности к «окультуренному», «человеченному» миру, отличавшим его от мира «дикий» природы.

Другая, не менее важная деталь, присущая антропоморфным изображениям Кэрсаспы, – это характерное положение ног (рис. 17). На них правая нога полусогнута, а левое колено опирается на землю. По мнению В.И. Сарияниди, эта поза имеет прямые аналогии в сиро-хеттской глиптике (Сарияниди, 1999, с. 56 и сл.). Самые ранние изображения такого коленапреклоненного «героя» известны из глиптики Тепе-Гавра XII (поздний Убейд) (Caldwell, 1976, p. 241, № 29), хотя полной уверенности в этом нет, так как это может быть и позой «бегущего» человека, как считает Е.В. Антонова (1991, с. 4, рис.1-3). На глиптике из Суз и Тепе-Гияна (Caldwell, 1975, p. 241-244) V – IV тыс. до н.э. таких изображений нет, но при этом в ней устойчиво воспроизводятся различные варианты змеедержца (или Хозяина животных). Отметим, что «герой» изображенный в схватке со львом на печати шумерского происхождения (24 век до н.э.) тоже находится в коленапреклоненной позе

Рис. 19. Коленапреклоненный «герой» – изображение на печати из Карнака (Египет) (по: Evans, 1921, fig. 259 d).

(Гильгамеш, 1987), но этот сюжет для ранней шумерской глиптики в целом нехарактерен. Известна находка печати из черного стеатита в Карнаке (Египет) с коленопреклоненным бычье-головым «героем» раннединастического периода (конец IV тыс. до н.э.) (Evans, 1921, p. 358, fig. 259) (рис. 19).

Отметим, что образ зрелого мужчины, «героя», преклонившего колено, изображенного в состоянии борьбы, схватки и напряжения сил, как устойчивый штамп сохраняется в иконографии вплоть до начала н.э. В связи с этим несколько примеров. На фрагменте стеатитовой вазы из района Персидского залива (вторая половина III тыс. до н.э.) изображен мужчина в характерной позе, с разведенными в стороны руками. Часть его тела ниже пояса и до колена, выполнена в манере, имитирующей змеиную шкуру (Arts of the first cities, 2003, p. 327, fig. 224 d). Коленопреклоненный бычье-головый («Минотавр») персонаж изображен на двух монетах из дворца Кнососа (Крит, первая половина II тыс. до н.э.) (Evans, 1921, p. 358, fig. 260 e, f) (рис. 21). Это – митаннийская печать 15-14 вв. до н.э., найденная в курганном погребении на Южном Кавказе (Гуммель, 1992, с. 13). В той

Рис. 21. Коленопреклоненный «герой» – минойская монета из Кносского дворца (по: Evans, 1921, fig. 260 f2).

же позе изображен возница бога (Атарлухас) из Кархемыша (постхеттский период, 10 в. до н.э.), держащего руками за гривы двух львов (Vieyra, 1955, fig. 57, 76). Так же выглядит и «скифообразный кочевник» на чаше из Хасанлу (Курочкин, 1982, p. 45), датируемой 8 в. до н.э. В своей «Астрономике» (I век н.э.) Марк Манилий называл «Коленопреклоненным» созвездие Геркулеса, отмечая, что он один «только и знающий, почему он застрял в этой позе» (Манилий, 1993, с. 49). Мнение Манилия можно считать указанием на то, что, по крайней мере, на рубеже эр, смысл этой мифологемы в греко-римской ойкумене уже был утерян, хотя форма ее сохранилась. Отметим, что в перечне вавилонских созвездий II тыс. до н.э., созвездие подобной или близкой формы не известно (Куртик, 2007, с. 119). Изложенный материал, при очевидной необходимости расширения артефактной базы, позволяет вчерне наметить возможный ареал истоков этой мифологемы – юго-восток Малой Азии или Северная Месопотамия.

Что касается второго, семантически не менее значимого компонента иконографии БМАК – змей или змееподобных существ – имеющего прямое отношение к обсуждаемой проблеме, то можно выделить несколько характерных типов их представления. Во-первых, это змеи, зажатые в руках героя-змеедержца. Истоки этой композиции можно возвести к изображениям из Тепе-Гияна (Caldwell, 1976, p. 246, fig. 116), Суз (Amiet, 1961, pl. 6, 118), Телль Асмары (Amiet, 1961, pl. 7, 148, 151), относящихся к V-IV тыс. до н.э. Достаточно широко изображения змей представлены в прото- (до)эламской иконографии и пластике. Это главным образом парные изображения: две извивающиеся змеи на вазе из Элама (Amiet, 1966, pl. 35, fig. 7), или змея в паре с быком, женщиной, бараном и т.д. (Toscanne, 1911, p. 208, fig. 403, p. 209, fig. 406, p. 213, fig. 421). Одиночные изображения змей располагаются чаще по краю кругового изображения, замыкая сюжетное поле (Toscanne, 1911, p. 188, fig. 341). Есть также очень редкое, если не единичное изображение змеедержца в виде животного неопределенной видовой принадлежности (выдра, мангуст?) с парой змей в передних лапах (Toscanne, 1911, p. 210, fig.

407). В материалах из Шахдада встречаются весьма выразительные изображения змей (Nakemi, 1997, p. 614, fig. 10; крышка сосуда из серого хлорита № 1103; рельефное изображение змеи в центре медно/бронзового блюда – р. 648, № 2890); изображение рогатого змеедержца с рудиментами ног на пластине треугольной формы (шпатель), датируемых 4 тыс. до н.э. (Nakemi, 1997, p. 715, № 4506). Во вторых это, так называемый, змеиный и четырехногий драконы (Sarianidi, 1998, p. 34, fig. 67; Kuehn, 2010, p. 45-54).

Трактовка образа четырехногого дракона в зороастрийской мифологии, как «дракон Срвар» чудовищных размеров пожирающий людей и лошадей (Кэрсаспа, 1992), имеет поразительные сходства с метафорами Аполлодора, использованными им при описании Лернейской гидры, которая «гуляла по равнине, глотая скот и людей». Учитывая гидрологический режим Лернейской долины в Аргосе (Пьерар, 1994, с. 114-115), можно считать, что образы Лернейской гидры и змеино-го дракона Срвара имеют близкую семантику (несмотря на разный внешний облик), поскольку мифопоэтика в обоих случаях отразила реальность – катастрофические последствия разливов рек, связанных в первую очередь с весенними паводками. Еще два типологических сходства в облике героев-змеборцев, и Геракл и Кэрсаспа – кудрявы и вооружены палицей (Соколова, 2005, с. 25). Здесь надо отметить, что будет ошибкой без обоснований отождествлять образы змеборцев и змеедержцев, имеющих возможно близкую, но не идентичную семантику.

Другой образ, известный из материалов БМАК – бородатые змеи. Для сближения его с образом Иншишунака, городского бога Суз, который в своей зооморфной ипостаси имел облик бородатого и рогатого змея, есть, кажется, все основания. Но при этом нельзя забывать что Иншишунак вошел в триаду главных богов Суз лишь в середине II тыс. до н.э. (Эламская мифология, 1982), поэтому нет неоспоримых причин полагать его главным или единственным источником этого образа для создателей глиптики БМАК на рубеже III и II тыс. до н.э. При этом отметим, что «бородатая змея» как мифологический образ, связанный с календарными ритуалами, был известен

в древнехеттской календарной обрядности (Топоров, 1985, с. 109-112). В этрусской погребальной практике известны бронзовые скульптуры крылатых существ (Vanth), устанавливаемые на саркофагах (рис. 20), которые имели названия «демон преисподней» (Unterwelt Damon) и сжимавшие по бородатой змее в руках (Pfiffig, 1975, s. 329, Abb. 131). Образ бородатой змеи, устойчиво сохраняется также и в древнегреческой мифологии, как минимум до второй половины I тыс. до н.э. Речь идет об изображении поединка Геракла с Лернейской гидрой (критская ваза из музея Гетти IV века до н.э. № АЕ 346), имеющей девять бородатых голов. Но при этом бессмертная, расположенная в середине и, казалось бы, наиболее защищенная голова, бороды не имела, – важный демаскирующий признак, фактически облегчающий ее уничтожение. По совокупности изложенного можно считать, что эти образы, учитывая их весьма длительное и устойчивое существование, находятся в семантическом поле некой мифологемы вневременного и универсального характера, носители которой, потеряв ее первоначальный смысл, с успехом сохранили форму.

В глиптике БМАК можно выделить несколько характерных типов представления мифологических сюжетов, связанных с образами змеборцев и змеедержцев, имея в виду основные маркирующие их признаки. К ним относятся особенности представления «низа» и «верха», то есть формы и расположения ног, торса, рук, головного убора или укладки волос и т.д. О форме прически и бороды говорилось выше, поэтому отметим лишь одно обстоятельство. Речь идет о шлемовидной форме головного убора статуэток из Эшнунны, относящихся к 23-22 вв. до н.э. и его отражении в месопотамской пластике (медальон из Бактрии с изображением Кэрсаспы – Сариаиди, 2010, с. 95).

Возвращаясь к изображениям змеедержцев из глиптики БМАК, отметим некоторые характерные особенности их представления. У мужских персонажей змееподобные руки сочетаются с обычными человеческими ногами. При отсутствии каких – либо «змеиных» черт, козлиноголовый мифологический персонаж имеет вполне человеческие руки.

Одноногими изображены «змеедержцы» и с козлиными, и с львиными, и с человеческими головами (Sarianidi, 1998, p. 21, fig. 3). Одноногость одушевленного существа в индо-европейской мифопоэтике ассоциировалась, как правило, со змеиноподобностью. Достаточно вспомнить Аја Екарата – «одноногого змея», часто упоминаемого в ведийских источниках (RV 7.35.13, 10.64.4, 10.66), хотя месопотамские источники о нем молчат. Для двуногого существа одноногость, является синонимом хромоты. В индоевропейской мифопоэтике хромота упоминается, как минимум, в двух контекстах. Первый относится к так называемому «основному мифу», поединку Бога Грозы со Змеем (Hoffner, 1990, p. 11f). В хеттском (и древнегреческом) вариантах мифа Бог Грозы (Зевс) начисто проигрывает первый раунд схватки Змею Илунке (или Тифону соответственно), лишаясь в итоге сухожилий именно на ногах (а не где-нибудь еще), и становится, по сути, хромым, т.е. «безногим». Хромота и безобразие другого небожителя, Гефеста, хорошо известны, но очень туманно мотивированы, и лишь его соотнесенность с огнем (божественный кузнец) позволяет считать его одной из ипостасей Бога Грозы (Гефест, 1987).

В другом варианте хромота связана с первопродком индоариев Ямой, хозяином под-

земного мира, имеющим одну обычную, и вторую костяную «высохшую» ногу. Образ Ямы имеет близкие параллели в древнегерманской (Имир) (Lincoln, 1975), и в славянской мифопоэтике (Потебня, 2000, с. 159; Степанов, 1995, с. 12-13).

Сказанное дает определенные основания полагать, что отмеченные сюжеты из глиптики БМАК и статуэтки из Фарса своеобразно отразили разные аспекты индоевропейской мифопоэтики, в том числе и основной миф (Иванов, Топоров, 1974, с. 5 сл.). В климатических реалиях этого региона, грозные периоды годового календарного цикла и сопутствующие изменения влажности и количества воды в Среднем мире, влияющие непосредственно на состояние листьев и травы (начало кормовой цепи), являются наиболее выразительными индикаторами календарных сезонов. По мнению А.-П. Франкфорта, суть явлений более определенно отражает термин «календарный миф», формулируемый как «совокупность мифологизированных представлений о циклическом ходе времени в природе, включая сезонные миграции животных, птиц, рыб, положения и состояния небесных светил, соотнесенные с особенностями климата в период их формирования или преобразования» (Frankfort, 2010, p. 82-83).

Рис. 22. Каменная статуэтка из к. Гелот, Таджикистан (по: Виноградова и др., 2010, с. 408).

Наиболее заметная (специфическая) особенность оформления сюжета змеборчества, как некоего символа календарного мифа, это стремление к визуальной симметрии, своего рода уравновешенности «верха» и «низа», естественной границей которых является пояса антропоморфной фигуры, и появление в связи с этим битреугольности (биконичности) изображения в целом. Это достигается за счет использования различных способов трансформации центральной фигуры на изображениях: напр. на № 53 – за счет особого положения ноги, на № 912.2 – за счет широко расставленных ног (Sarianidi, 1998, p. 21; см. также: Caldwell, 1976, p. 247, № 116, 117). На мужских составных статуэтках из Фарса эта задача решена за счет форм торса и юбки (статуэтки из коллекций Ирана, музеев Метрополитен и Лувра). В том же биконическом стиле выполнена мужская погребальная несоставная статуэтка эпохи бронзы из погребения у кишлака Гелот (Южный Таджикистан) (Виноградова и др., 2010, с. 408, рис. 20) (рис. 22). Авторы находки нашли определенное сходство («широкие плечи, широко расставленные руки, изображение лица с улыбающимися губами и глазами миндалевидной формы» со статуэтками раннединастического периода из Диялы или Мари) (Виноградова и др., 2010, с. 408). Однако расположение ладоней рук у месопотамских статуй иное: пальцы правой руки

плотно накрывают пальцы левой (Braun-Holzinger, 1977, pl. 24 a,c,d). Расположение рук на статуэтке из Гелота и на составных женских статуэтках практически одинаково (это, например изображения в работе: Venoit, 2010, p. 33, 37). Другое важное отличие гелотской статуэтки от указанных месопотамских, это то, что последние в большинстве своем изображены с бородой и волосами, что также выражает определенную семантику.

Сравнение гелотской статуэтки с находками в Шахдаде (Nakemi, 1997, p. 469, obj. 3520, некрополь А), на наш взгляд, целесообразно лишь в том отношении, что шахдадские статуэтки, имея ряд сугубо «месопотамских» стилизованных решений (форма бороды и волос), имеют вместе с этим одно очень важное отличие от них, о котором в работе Н.М. Виноградовой с соавторами (2010) ничего не сказано. Широкие плечи и форма расположения рук, в совокупности с узкой талией и расширяющейся книзу конусообразной «юбкой» шахдадских статуэток создают характерное для иконографии БМАК битреугольное (биконическое) очертание мужских фигур. С учетом сказанного выше, это указывает на важную смысловую роль этого основного алгоритма формы статуэток, при иконографическом представлении календарного мифа жителями БМАК и сопредельных археологических культур.

Рис. 1. «Бактрийская принцесса»
(Лувр, по: Venoit, 2010, p. 25).

Рис. 3. «Ожерелье» и «пояс» из листьев – «язычков»
на составной статуэтке (Лувр, по: Venoit, 2010, p. 35).

Рис. 2. Изображение пальмовых листьев на статуэтке
(Лувр, по: Venoit, 2010, p. 40).

Рис. 5. Узор из кружочков на верхней части статуэтки
(по: Amiet, 1986, p. 330, ill. 204).

Рис. 4. Изображения двух богинь на серебряной вазе (музей Бустан, Тегеран, по: Amiet, 1986, p. 288, ill. 110).

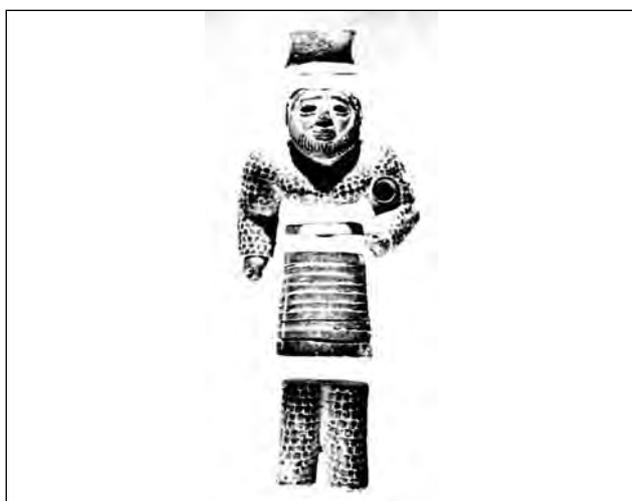

Рис. 6. Мужская составная статуэтка из собр. Фарухи, Тегеран (по: Girshman, 1963, fig. 3, детализировка).

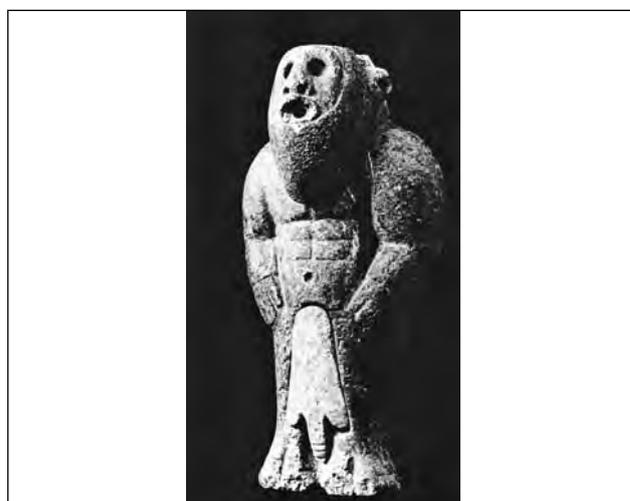

Рис. 7. Нагая составная мужская статуэтка из собр. Фарухи, Тегеран (по: Girshman, 1963, fig. 11).

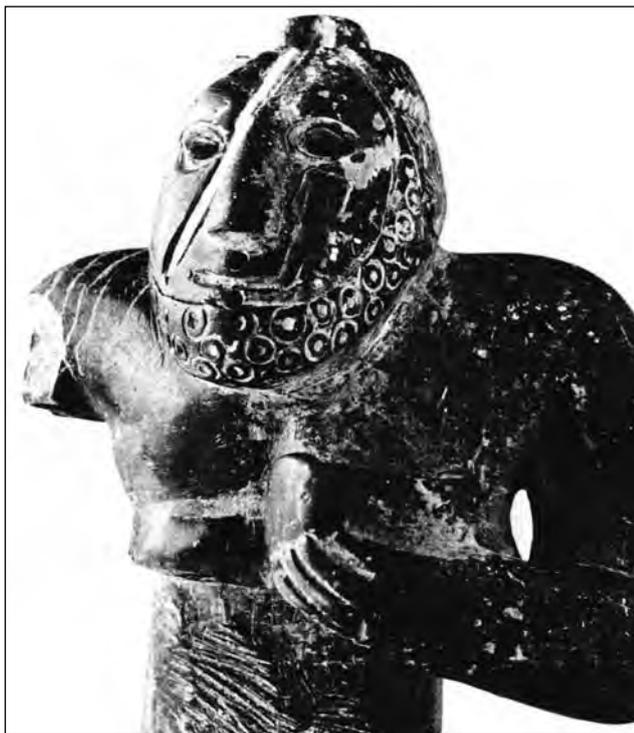

Рис. 8. Фрагмент мужской составной статуэтки из собр. Фарухи, Тегеран (по: Girshman, 1963, fig. 9).

Рис. 10. Составная женская статуэтка из Эблы (по: Arts of the first cities, 2003, p. 169).

Рис. 9. Составная мужская статуэтка из собр. Азизбеглу, Тегеран (по: Girshman, 1963, fig. 4).

Рис. 11. Изображение Хумбабы на терракотовом рельефе. Нач. II тыс. до н.э. (по: Parrot, 1961, s. 302).

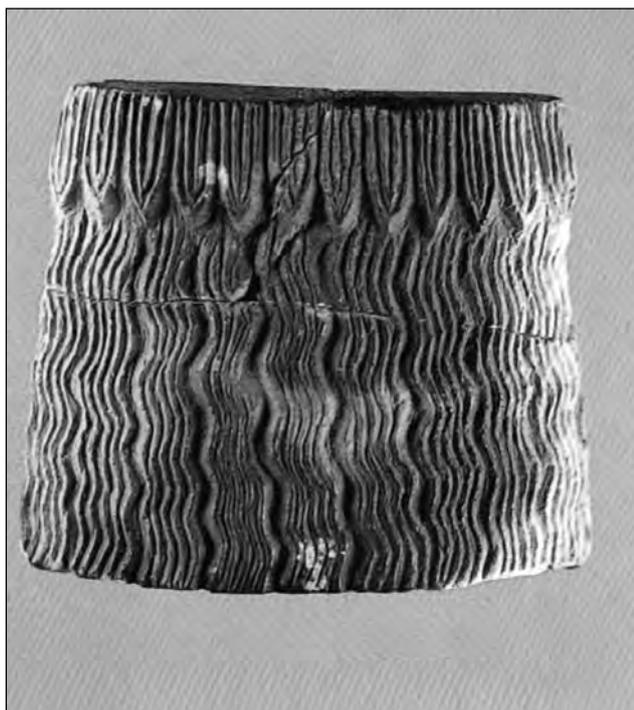

Рис. 12. Юбка, фрагмент мужской статуэтки из Эблы
(по Arts of the first cities, 2003, p. 172, fig. 110).

Рис. 13. Терракотовая голова «бога» из Телло.
Середина III тыс. до н.э.
(по: Frankfort, 1954, pl. 54).

Рис. 18. «Шумерский» бог с топором–молотом в левой руке
(по: Basmachi, 1975-1976, fig. 99).

Рис. 20. Этрusская погребальная статуя,
вторая пол. I тыс. до н.э.
(по: Pfiffig 1975, s. 329).

Рис. 14. Различные варианты изображения Кэрсасы (по: Сариниди, 2010, с. 95).

Литература

- Абдуллаев А.А. К атрибуции «каменных колонок» в Бактрии и Маргиане в эпоху бронзы // На пути открытия цивилизации. М., 2010.
- Абебян М. Труды. Ереван, 1975. Т. 3. (на армян. языке)
- Абдушелишвили М.Г., Алексеев В.П., Малхотра К.Ч. К характеристике профиля и уплощенности носовых костей некоторых групп населения Западной и Южной Индии в эпохи неолита и бронзы // Новые данные к антропологии Северной Индии. М., 1980.
- Абебян М. Труды. Ереван, 1975. Т. 3. (на армян. языке)
- Абрамова З.А., 2002. Об ацефальных и составных изображениях в палеолитическом искусстве Европы // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб, 2002. С.105-108.
- Аванесова Н.А. Новое в погребальном обряде сапаллинской культуры // Археологические вести. № 4. СПб., 1995. С. 63-72.
- Аванесова Н.А. Новые работы на некрополе Бустон VI // Археологические исследования в Узбекистане – 2002. Вып. 3. Ташкент, 2003. С. 20-25.
- Аванесова Н.А. Двенадцатый полевой сезон на некрополе Бустон VI // Археологические исследования в Узбекистане – 2004-2005. Вып. 5. Ташкент, 2006. С. 23-30.
- Аванесова Н.А. Хронология древнеземледельческих памятников Северной Бактрии эпохи поздней бронзы // Центральная Азия и Южная Сибирь. Альманах. М., 2009. С. 6–50.
- Аванесова Н.А. Зеравшанская провинция Бактрийско-Маргианской цивилизации // На пути открытия цивилизации / Труды Маргианской археологической экспедиции. М., 2010. С. 334-364.
- Аванесова Н.А. Проявление степных традиций в сапаллинской культуре // Civilizations and cultures of Central Asia in unity and diversity. Proceedings of the International Conference. Samarkand, 7-8 September, 2009. Samarkand; Tashkent, 2010. С. 107-133.
- Аванесова Н.А., Дубова Н.А., Куфтерин В.В. Палеоантропология некрополя сапаллинской культуры Бустон VI // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. № 1(41). С. 118–136.
- Акопян А. Конструкция храмов в Древней Армении // Историческое и культурное наследие Ширака, материалы 8-ого международного симпозиума. Гюмри, 2010 (на армян. языке)
- Акопян Т.Х., Мелик-Бахшян Ст., Барсебян О.Х. Словарь топонимов Армении и прилегающих областей. Ереван 1986 (на армянском языке)
- Алексеев В.П. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М., 1966.
- Алексеев В. П. Происхождение народов Кавказа (Краниологическое исследование). М., 1974.
- Алексеев В. П. Новые данные к морфологической характеристике населения Месопотамии // СЭ. 1980, № 4.
- Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М., 1964.
- Алексеева Т.И., Богатенков Д.В., Лебединская Г.В. Влахи. Антропо-экологическое исследование (по материалам средневекового некрополя Мистихали). М., 2003.
- Альбедиль М.Ф., Краснодембская Н.Г. Южный Индостан и Шри Ланка // Этногенез и этническая история народов Южной Азии. М., 1994.
- Андреев М.С. О характеристике древних таджикских семейных отношений // Известия Тадж. Филиала АН СССР. №15. Сталинабад, 1949.
- Андреев М.С. Таджики долины Хуф. Сталинабад, 1958.
- Антипина Е.Е. Экологические аспекты развития древнего животноводства в лесной зоне Восточной Европы // Динамика современных экосистем в голоцене. М., 2006. С.15-23.
- Антипина Е.Е. Состав древнего стада домашних животных: логические аппроксимации // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. 2008. № 6. С. 67-85.
- Антипина Е.Е., Лебедева Е.Ю. Продукция земледелия и скотоводства на Телль Хазне I // Археология Кавказа и Ближнего Востока: сб. к 80-летию члена-корреспондента РАН, профессора Р.М. Мунчаева. М., 2008. С. 374-389.
- Антонова Е.В. Первые святилища Армянского Нагорья // Междисциплинарные исследования культурогенеза Армянского Нагорья и сопредельных областей (Сборник докладов). Ереван, 1990.
- Антонова Е.В. Антропоморфный персонаж на печатях Ирана и Месопотамии // ВДИ. 1991. № 2. С. 3-17.
- Аполлодор. Мифологическая библиотека. Л., 1972.
- Ардзинба В.Г. Ритуалы и мифы Древней Анатолии, Москва, 1982.
- Аруз Д. Образы сверхчувственного мира: бактрийско-маргианские печати в их связи с Ближним Востоком и долиной Инда // ВДИ. 1998. № 2. С. 81-94.
- Арутюнян С. Отражение древнейшего культа волка в армянских молитвах «завязывания волков» // X научная сессия посвященная результатам археологических исследований в Республике Армения в 1993-1995 гг. Тезисы докладов. Ереван, 1996 (на арм. языке).

- Арутюнян С. Армянская мифология. Бейрут, 2000 (на армянском языке).
- Арутюнян С. Отражение древнейшего почитания волка в армянских молитвах «завязывания волков» // Тезисы докладов посвященных результатам археологических исследований в республике Армения в 1993-1995 гг. Ереван, 1996 (на армян. языке).
- Аршинов В.И. Синергетика // Новая философская энциклопедия. М., 2001. Т. 3. С. 545-546.
- Аскараров А.А., Ширинов Т.Ш. Ранняя городская культура эпохи бронзы юга Средней Азии. Самарканд, 1993.
- Ачарян Р. Этимологический коренной словарь армянского языка. Ереван, 1971. Т. I (на арм. языке).
- Бабаев А.Г., Фрейкин З.Г. Пустыни СССР вчера, сегодня, завтра. М., 1977.
- Бабаков О. Население Гонур Депе в эпоху бронзы (в свете антропологических данных) // У истоков цивилизации. М., 2004.
- Бабаков О., Рыкушина Г.В., Дубова Н.А., Васильев С.В., Пестряков А.П., Ходжайов Т.К. Антропологическая характеристика населения, захороненного в некрополе Гонур-депе // Сариниди В.И. Некрополь Гонура и иранское язычество. М., 2001. С. 105-132.
- Базеян К. Платок в армянских свадебно-семейных обрядах // Знание и символ, поверье и обычаи. Сборник статей второй международной конференции, Ереван, 2007, стр. 117(на армян. языке).
- Беговатов Е.А., Петренко А.И. Задача определения пола и высоты в холке крупного рогатого скота в археологии. Казань, 1994.
- Бобомуллоев С. Раскопки гробницы бронзового века на верхнем Зеравшане // Stratum plus. № 2. С. 307-313.
- Бонгард-Левин Г. М., Гуров Н. В. Генезис дравидийской культуры.- Вестник АН СССР. 1985, № 10.
- Брюсов А.Я. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952.
- Бубнова М.А. Археологическая карта ГБАО. Западный Памир (памятники каменного века – XX в.). Душанбе, 2007.
- Бужилова А.П. Древнее население (палеопатологические аспекты исследования). М., 1995.
- Бужилова А.П. Палеопатология в биоархеологических реконструкциях // Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М., 1998. С. 87-146.
- Бужилова А.П., Гончарова Н.Н., Леонтьев А.Е. Случай из ростовской жизни 11 столетия // Сообщения Ростовского музея. Вып. IX. Ярославль, 1998. С. 9-12.
- Бужилова А.П., Масленников А.А., Куликов Е.Е., Лебедева И.А., Полтараус А.Б. Материалы к вопросу о ритуальной декапитации в Крымском Приазовье: антропологическая и генетическая экспертиза костных останков античного времени // Вестник антропологии. Вып. 9. М., 2002. С. 42-54.
- Быков Б.А. Берегите пастбища. Алма-Ата, 1985.
- Васильев С.В., Бабаков О., Боруцкая С.Б., Савинецкий А.Б. Антропологическое исследование погребений с обожженными стенками Гонурского некрополя (Туркменистан) // Полевые исследования Института этнологии и антропологии РАН. М., 2001. С. 7-19.
- Васильцов Д. Представления о изоморфном строении человека и мира в иранской мифологии и мусульманской традиции. Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2007 г. СПб., 2008.
- Велецкая Н. Языческая символика антропоморфной ритуальной скульптуры (к вопросу о генезисе и трансформации атрибутов в славяно-балканских ритуальных действиях) // Культура и искусство средневекового города. М., 1984.
- Викторова Л.Л. Основные этапы этнической истории монгольских народов // Проблемы алтаистики и монголоведения. Вып. 1. Элиста, 1974.
- Виноградов В.Б. Место египетских амулетов в религиозно-магической символике кавказцев // Археолого-этнографический сборник ЧИНИИ. Т. 2. Грозный, 1962.
- Виноградова Н.М. Юго-Западный Таджикистан в Эпоху поздней бронзы. М., 2004.
- Виноградова Н.М., Кутимов Ю.Г., Тойфер М., 2010. Погребения эпохи бронзы в окрестностях кишлака Гелот на юге Таджикистана // На пути открытия цивилизации. Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 3 / Ред. П.М. Кожин, М.Ф. Косарев, Н.А. Дубова. СПб., 2010.
- Винокуров Н.И. Практика человеческих жертвоприношений в античное и средневековое время (по материалам ритуальных захоронений Крымского Приазовья) // Opus: Междисциплинарные исследования в археологии. 2004. Вып. 3. С. 55-87.
- Вихров В.С. Диагностические признаки древесины главных лесохозяйственных и лесопромышленных пород СССР. М., 1959.
- Волчок Б.Я. Протоиндийские божества // Сообщения об исследовании протоиндийских текстов. Ч. 2. М., 1972.
- Гайдученко Л.Л., Зданович Д.Г. Расчеты величин биомассы и поедаемой массы тела копытных в археологических исследованиях // Археологический источник и моделирование древних технологий: труды музея-заповедника Аркаим. Челябинск, 2000. С. 45-72
- Галаджян Г. Этнография дерсимских армян // Армянская этнография и фольклор (Материалы и исследования). Ереван, 1973. Т. 5(на армян. языке).
- Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы, Тбилиси, 1984. Т. 1, 2.
- Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс. Первые индоевропейцы в истории: предки тохар в древней Персидской Азии // ВДИ. 1989. № 1. С. 14-39.
- Гаммерман А.Ф., Никитин А.А., Николаева Т.Л. Определитель древесин по микроскопическим

- признакам с альбомом микрофотографий. М.-Л., 1946.
- Ганалаян А. Армянские предания. Ереван, 1969 (на армян. языке)
- Гей А.Н. Новотиторская культура. М., 2000.
- Гельб И. Опыт изучения письма. М., 2004.
- Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта. Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Ч. 1. Челябинск, 1992.
- Генинг В.Ф., Стефанова Н.К. Черноозерье I – могильник эпохи бронзы Среднего Прииртышья. Екатеринбург, 1994.
- Герасимов М.М. Основы восстановления лица по черепу. М., 1949.
- Герасимов М.М. Восстановление лица по черепу (современный и ископаемый человек) // ТИЭ. Нов. Сер. Т. XXVIII. М., 1955.
- Герни О.Р. Хетты / Пер. с англ. Н.М. Лозинской, Н.А. Толстого. Послесловие В.Г. Ардзинбы. М.: Наука, 1987.
- Гефест. // Мифы народов мира. Т. 1. М., 1987. С.299.
- Гильгамеш. // Мифы народов мира. Т.1. М., 1987. С.303.
- Гинзбург В.В., Трофимова Т.А. Черепа эпохи энеолита и бронзы из южной Туркмении // СЭ. №1. 1959.
- Голан А. Миф и символ. М., 1992.
- Городцов В.А. Культуры бронзовой эпохи Средней России // Отчет Государственного Исторического музея за 1914 г. М., 1916.
- Гохман И. И. Происхождение центральноазиатской расы в свете новых палеоантропологических материалов // Исследования по палеоантропологии и краниологии СССР. Л., 1980.
- Грантовский Э.А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970.
- Грязнов М.П. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане // СА. XVI. М., 1952. С. 129-162.
- Гуммель Я.И. Раскопки к юго-западу от Ханлара в 1941 г. // ВДИ. 1992. № 4. С. 5-15.
- Данилов С.В. Ритуальные захоронения баранов в Забайкалье // Советская археология. М.: Наука. 1982. № 1. С. 229-233.
- Данилова И.Е. О сюжетной и композиционной роли жеста в живописи Средних веков и Возрождения // Искусство Средних веков и Возрождения. М., 1984. С. 65-74.
- Демирханян А. Ритм и символ в первобытном искусстве // Историко-филологический журнал. 1986. № 3.
- Деревья и кустарники СССР. М., 1966.
- Джаукян Г. История армянского языка (предписьменный период). Ереван, 1987 (на арм. языке).
- Додхудоева Л. Женская визуальная культура в контексте локального и глобального партнерства // Роль женщины в международном диалоге в Центральной Азии – Душанбе, 2003.
- Древности Таджикистана. Душанбе, 1985.
- Дубова Н.А. Могильник и царский некрополь на берегах большого бассейна Северного Гонура // На пути открытия цивилизации. С. 254-281.
- Дубова Н.А. Антропологический облик населения Маргианы в антропоморфной пластике Гонура // Этнокультурное взаимодействие в Евразии. Т. 1. М., 2006а
- Дубова Н.А. Население Гонура по данным антропологии // Древняя Маргиана – новый центр Мировой цивилизации. Материалы международной конференции, 14-16 ноября 2006 г. Мары, 2006б.
- Дубова Н.А. Погребения животных в ритуальной обрядности Гонур-депе // Культура кочевников Центральной Азии. Самарканд, 2008. С. 84-97.
- Дубова Н.А. Особенности внешнего облика жителей страны Маргуш // Туркменская земля – колыбель древних культур и цивилизаций / Материалы Международной научной конференции. Ашхабад, 2008. С. 85–94.
- Дубова Н.А. Миграции и торговля: антропологические заметки // КСИА. Вып. 223. М., 2009.
- Дубова Н.А. Находка двух новых царских погребений на памятнике бронзового века Туркменистана Гонур Деде // Роль естественнонаучных методов в археологических исследованиях: Сборник научных трудов. Барнаул, 2009. С. 278-281.
- Дубова Н. А. Антропологический покров Туркменистана в древности и в наши дни // На пути открытия цивилизации. Сборник статей к 80-летию В. И. Сарияниди. Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 3. СПб.: Алетейа, 2010. С. 485-503.
- Дубова Н.А. Процессы этногенеза на Евразийском пространстве (антропологические следствия миграций и торговли в бронзовом веке) // Человек: его биологическая и социальная история. Труды Международной конференции, посвященной 80-летию академика РАН В.П. Алексеева (Четвертые Алексеевские чтения) г. Москва, 9-12 ноября 2009 г. Т. 1. М., 2010. С. 67-79.
- Дубова Н.А., Куфтерин В.В. Фактор адаптации в формировании физического типа древнего населения юга Средней Азии: пример Гонур-Депе, Туркменистан // Актуальные направления антропологии. М., 2008. С. 113-116.
- Дубова Н.А., Мурадова Э.А. «Могильник теменоса» Гонура // Труды Маргианской археологической экспедиции. 2008. Т. 2. С. 105-111.
- Дубова Н.А., Рыкушина Г.В. Палеодемография некрополя Гонура // VI Конгресс этнографов и антропологов России. Тез. докл. СПб., 2005. С. 371.
- Дубова Н.А., Рыкушина Г.В. Палеодемография Гонур-депе // Человек в культурной и природной среде. М., 2007. С. 309-319.
- Дьяконов И.М. Арийцы на Ближнем Востоке: конец мифа // ВДИ. 1970. № 4. С.39-63.
- Дьяконов И.М. О прародине носителей индоевропейских диалектов // ВДИ. 1982. № 3, 4.
- Дьяконов И.М. Архаические мифы Востока и Запада. М., 1990.
- Евдокимов В.В., Усманова Э.Р. Знаковый статус украшений в погребальном обряде // Археология Волго-уральских степей. Челябинск, 1990. С. 66–80.

- Еганян Л.Г. Код раннебронзового ритуала жертвоприношения волков в армянских молитвах «завязывания волков» // Научные труды АН РА. Центр арменоведческих исследований Ширака. Т. XII. Ереван, 2009 (на арм. языке).
- Еганян Л.Г. Раскопки Мец Сепасара в 2006 году // Научные труды АН РА. Центр арменоведческих исследований Ширака. Т. IX. Гюмри, 2006 (на арм. языке).
- Емельянова Н. Народы и Гидукуша // Очерки истории распространения исламской цивилизации. Т. 2. М., 2002.
- Ермолова Н.М. Новые исследования остатков млекопитающих из энеолитического поселения Анау // Известия АН ТССР. СОН. 1985. № 1. С. 85-87.
- Ершов Н.Н. Домашние промыслы и ремесла // Таджики Каратегина и Дарваза. Т.1. Душанбе: Дониш, 1966.
- Ершов Н.Н., Широкова З.А. Альбом одежды таджиков. Душанбе, 1969.
- Зеленин Д.К. Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов. М.;Л., 1937
- Зотова С.В. О сибирских кельтах сейминско-турбинского типа // КСИА. М, 1964. Вып. 101. С. 59-63.
- Зотова С.В. Ковровые орнаменты андроновской керамики // Новое в советской археологии. М., 1965. С. 177-181.
- Иванов В. Сходные черты в культе волка на Кавказе, в древней Малой Азии и на Балканах // Кавказ и Средиземноморье. Тбилиси, 1980.
- Иванов В. Близнечные мифы // МНМ М., 1991. Т. 1.
- Иванов В.В. Волкодлак // МНМ М., 1991. Т.1.
- Иванов Вяч. Вс. Евразийские эпические мифологические мотивы // Евразийское пространство. Звук, слово, образ. М., 2003. С.44
- Иванов Вяч. Вс., Топоров В.Н. Исследования в области славянских древностей. М., 1974.
- Иванов В., Топоров В. Перкунас // МНМ М., 1992. Т. 2.
- Иванов В., Топоров В. Птицы // МНМ. М., 1992а. Т. 2.
- Иванов В.В., Топоров В.Н. К семантическому анализу мифа и ритуала (на белорусском материале) // Sign Language, Culture. Paris: Hague, 1970.
- Иванов Вяч. Вс. Двадцать лет спустя. О доводах в пользу расселения носителей индоевропейских диалектов из древнего Ближнего Востока // На пути открытия цивилизации. М., 2010. С. 41-67.
- Ивановский А.А. Археологические наблюдения и исследования 1893, 1894 и 1895 гг. // Материалы по археологии Кавказа. Вып.6. М., 1911.
- Иллич-Светыч В.М. Опыт сравнения ностратических языков. М., 1976. Т. 2.
- Иньской ды фасянь юй яньцзю (Исследования Иньского городища). Бэйцзин, 2001.
- Ионе Г.И. О гончарных обжигательных печах из Мингечаура // Материальная культура Азербайджана. Т. 2. Баку, 1951
- Израелян А. Следы почитания близнецов в Древней Армении // Историко-филологический журнал. 1980. № 3 (на армян. языке)
- История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. 1. Месопотамия. М., 1983.
- Итина М.А. Первобытная керамика Хорезма // Керамика Хорезма. М., 1959. С. 5-62.
- Итина М.А., Яблонский Л.Т. Мавзолеи Северного Тагискена. Поздний бронзовый век Нижней Сырдарьи. М., 2001.
- Каганов Ю.Т. Синергетика // Глобалистика. Энциклопедия. М., 2003. С. 918-920.
- Каландаров Т. Шугнанцы. Историко-этнографическое исследование. М., 2004.
- Каландаров Т. С. Памирские мигранты-исмаилиты в России. М., 2005.
- Калашникова Н.М., Плужникова Г.А. Одежда народов СССР. М., 1990.
- Калоев Б. Осетинская мифология // МНМ. М., 1992. Т.2.
- Каспаров А.К. Скотоводство и охота эпохи неолита – палеометалла в Южном Туркменистане (развитие стратегии использования животных ресурсов). СПб, 2006.
- Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951.
- Клейн Л.С. Проблема определения археологической культуры // СА. 1970. № 2. С. 37-51.
- Клейн Л.С. Ранние индоевропейцы на Кавказе и в Северопонтийских степях // Междисциплинарные исследования культурогенеза Армянского Нагорья и сопредельных областей. Ереван, 1990.
- Кнорозов Ю. В. Протоиндийские надписи. К проблемам дешифровки // СА. 1981, № 5.
- Кожин П.М. Относительная хронология погребений в могильнике Окунев улус // СА. 1971. № 3. С. 31-39.
- Кожин П.М. Типология древней материальной культуры Евразии (неолит – ранний железный век) // Типология основных элементов традиционной культуры. М., 1984.
- Кожин П.М. Значение материальной культуры для диагностики процессов доисторического этногенеза // Историческая динамика расовой и культурной дифференциации населения Азии. М., 1987
- Кожин П.М. Значение керамики в изучении древних этнокультурных процессов // Керамика как исторический источник. М., 1989.
- Кожин П.М. Сибирская фаланга эпохи бронзы // Военное дело населения Юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1993. С. 16-41.
- Кожин П.М. Древнее производство и археологическая генетическая типология // История и эволюция древних вещей. М., 1994. С. 122-128.
- Кожин П.М. Принципы построения и типология андроновской орнаментации // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Материалы конференции. Челябинск, 1995.
- Кожин П.М. Послесловие // Текстиль эпохи бронзы Евразийских степей / Труды Гос. Исторического музея. Т. 109. М., 1999.

- Кожин П.М. Цивилизация, утонувшая в песках великой пустыни // У истоков цивилизации. М., 2004. С. 83-91.
- Кожин П.М. Керамика Гонур Депе // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 2. М., 2010.
- Кожин П.М. Китай и Центральная Азия до эпохи Чингизхана. М., 2011.
- Ковалева Н.А. Методические рекомендации. Методика консервации и реставрации фрагментов среднеазиатского полихромного архитектурного археологического декора с использованием растворов сополимера БМК-5. (Отчет по теме 4.2. ГосНИИ Реставрации МК РФ). М., 2005 г. Рукопись хранится в Архиве ГосНИИР.
- Ковалева Н.А. Методика полевой консервации и реставрации монументального археологического декора с применением растворов БМК-5 // Настенная живопись Центральной Азии (практическое руководство по консервации). По материалам регионального симпозиума «Сохранение объектов согдийской настенной живописи», декабрь 2005 г. Душанбе: Представительство ЮНЕСКО в Узбекистане, 2006 г.
- Козак А.Д. Человеческие жертвоприношения в зольнике раннескифского времени Бельского городища // *Opus: Междисциплинарные исследования в археологии*. 2004. Вып. 3. С. 112-121.
- Кольцов Л.В., Медведев Г.И. Мезолит юга Сибири и Дальнего Востока // *Археология СССР. Мезолит СССР*. М., 1989.
- Комороци Г. К символике дерева в искусстве Древнего Двуречья // *Древний Восток и мировая литература*. М., 1981. С. 47-52.
- Копыл И.В. Пастбищные ландшафты от истории проблемы к современной концепции // *Проблемы региональной экологии*. 2004, №1. С. 62-71.
- Косинцев П.А. Охота и скотоводство у населения лесостепного Зауралья в эпоху бронзы // *Становление и развитие производящего хозяйства на Урале*. Свердловск, 1989. С. 84-104.
- Косинцев П.А. Костные остатки животных из укрепленного поселения Аркаим // *Археологический источник и моделирование древних технологий: Труды музея-заповедника Аркаим*. Челябинск, 2000. С. 17-44.
- Кривцова-Гракова О.А. Алексеевское поселение и могильник // *Археологический сборник / Труды Государственного исторического музея*. Вып. 17. М., 1947. С. 57-172.
- Крюкова В.Ю. Наказание за убийство выдры // *Культурное наследие народов Центральной Азии, Казахстана и Кавказа (Сб. МАЭ. Т. LI)*. СПб., 2006.
- Крюкова В.Ю. Представление о смерти как осквернении в зороастризме // *Центральная Азия. Традиция в условиях перемен*. СПб.: МАЭ РАН, 2009. С. 21-47.
- Крюкова В.Ю. Класс приводных существ urāra- в Авесте: термин и мифология // *Ирано-Славика*. 2011. №. 1. С. 13-21.
- Кузьмина Е.Е. О семантике изображений на чертомлыцкой вазе // *СА*. 1976. № 3.
- Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? М., 1994.
- Кузьмина Е.Е. Современное состояние проблемы доместикации лошади и проблема происхождения колесниц // *На пути открытия цивилизации*. М., 2010. С. 129-141.
- Кун Н. Легенды и мифы Древней Греции. Ереван, 1956 (на армян. языке).
- Курочкин Г.Н. Хасанлу и скифы // *Iranica Antiqua*. Vol. XVII. p.43-47., Leiden. 1982. P. 43-47.
- Куртик Г.Е. Звездное небо древней Месопотамии. СПб, 2007. С. 119,120.
- Кутимов Ю.Г. Культурная атрибуция керамики степного облика эпохи поздней бронзы южных районов Средней Азии (Туркменистана) // *Stratum plus*. 1999. № 2. С. 314-322.
- Куфтерин В.В. К палеоэкологии населения эпохи бронзы Южного Туркменистана (материалы Гонур-депе) // *Курсом развивающейся Молдовы*. Т. 8. Единство и многообразие в системе культурного наследия. М., 2009. С. 149-156.
- Куфтин Б.А. Полевой отчет о работе 14 отряда ЮТАКЭ по изучению культуры первобытно-общинных оседло-земледельческих поселений эпохи меди и бронзы в 1952 г. // *Труды ЮТАКЭ*. Т. 7 / Ред. Массон М. Е. Ашхабад, 1956. С. 175-291.
- Кучерук В.В. Травоядные млекопитающие в аридных экосистемах внетропической Евразии // *Млекопитающие в наземных экосистемах*. М., 1985. С. 166-223.
- Кушнарева К.Х. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ч.1. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М., 1994.
- Кэрсаспа // *МНМ*. Т.1. С. 641, М., 1987.
- Ламберг-Карловский К.К. Модели взаимодействия в III тыс. до н.э.: от Месопотамии до долины Инда // *ВДИ*. 1990. № 1. С. 3-21.
- Лебединская Г. В. Реконструкция лица по черепу. М., 1998.
- Лебединская Г. В. Облик далеких предков. Альбом скульптурных реконструкций. М., 2006.
- Лившиц В.А. Зороастрийский календарь // *Хронология Древнего мира*. М., 1976. С. 320-332.
- Лившиц В.А. Парфянская ономастика. СПб., 2010.
- Ликаон // *МНМ*. Т. 2. М., 1992. С. 54.
- Лисицына Г.Н. Становление орошаемого земледелия в Южной Туркмении. Опыт исторического анализа материалов комплексных исследований на юге СССР и Ближнем Востоке. М., 1978.
- Литвинский Б.А. Кангуйско-сарматский фарн. Душанбе: Дониш, 1968.
- Литвинский Б.А. Медные котелки из Индостана и Памира (древние связи двух регионов) // *Археология, палеоэкология и паледемография Евразии*. М., 2000.
- Литвинский Б.А. Виктор Иванович Сарияниди – легенда археологии Центральной Азии // *У истоков цивилизации* М., 2004. С. 5-22.

- Литвинский Б.А., Седов А.В. Культы и ритуалы Кушанской Бактрии: погребальный обряд. М.: Наука, 1984.
- Лосев А. Античная мифология в ее историческом развитии. М., 1957.
- Луконин В.Г. Искусство Древнего Ирана. М., 1977.
- Луконин В.Г. Иран в III веке. М., 1979.
- Луконин В.Г. Древний и раннесредневековый Иран. М., 1987.
- Ляпин А.А. К палеогеографии дельты Мургаба (эпоха бронзы, железный век) // Проблемы освоения пустынь. М., 1990. № 3. С. 57-65.
- Майр Э. Систематика и происхождение видов с точки зрения зоолога. М., 1947.
- Майр Э. Принципы зоологической систематики. М., 1971.
- Майр Э. Популяции, виды и эволюция. М., 1974
- Максименков Г.А. Андроновская культура на Енисее. М., 1978.
- Мамадшерзодшоев У., Джонбобоев Н., Яминова М. Памир. Природа, история, культура. Хорог, 2007.
- Мамонова Н.Н., Романова Г.П., Харитонов В.М. Первичная обработка и определение антропологического материала в полевых условиях // Методика полевых археологических исследований. Л., 1989. С. 50-83.
- Манилий Марк. Астрономика: наука о гороскопах. М., 1993.
- Марр Н.Я. О числительных // Языковедные проблемы по числительным. Л., 1927. С. 1-96.
- Мартиросян А. Наука начинается в первобытности. Ереван, 1978 (на армян. языке).
- Маршак Б.И., Распопова В.И., Шкода В.Г. Раскопки городища древнего Пенджикента в 1992 г. // Археологические работы в Таджикистане. Вып. 29. Душанбе, 2004.
- Масленников А.А., Бужилова А.П. «Ифигения на Мео-тиде» (материалы к обсуждению существования ритуальной декапитации в античном Приазовье) // Древности Боспора. 1999. Вып. 2. С. 174-183.
- Массон В.М. Древние цивилизации Востока и степные племена в свете данных археологии // Stratum plus. 1999. № 2. С. 265-285
- Массон В. М. Культурогенез древней Центральной Азии. СПб, 2006.
- Медико-криминалистическая идентификация. Настольная книга судебно-медицинского эксперта / Под ред. В.В. Томилина. М., 2000.
- Мелетинский Е.М. Локи // МНМ. Т.2. М., 1992.
- Мейер-Меликян Н.Р. Определение растительных остатков из Тоголока 21 // Сарияниди В.И. Древности страны Маргуш. Ашхабад, 1990. С. 203-205.
- Мешкерис В.А. Терракоты Самаркандского музея. Л., 1962.
- Мешкерис В.А. Коропластика Согда. Душанбе, 1977.
- Мифологический словарь. Ереван, 1985 (на армян. языке).
- Михайлов Ю.И. Мирозрение древних обществ Юга Западной Сибири. Эпоха бронзы. Кемерово, 2001.
- Михр // МНМ. Т. 2. 1992. С. 160.
- МНМ. Т. 1. М., 1991.
- Мнацаканян С.С. Мемориальные памятники ранне-средневековой Армении. Ереван, 1982 (на армянском языке).
- Могильник бронзового века Кокча 3 // Труды Хорезмской экспедиции. Т. 5. М., 1961.
- Мухиддинов И. Обряды и обычаи припамирских народностей, связанные с циклом сельскохозяйственных работ // Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии. М., 1986.
- Мэллори Дж.П. Индоевропейские прародины // ВДИ. 1997. № 1(220).
- Народная одежда таджиков Гармской области // Среднеазиатский этнографический сборник 2. ТрИЭ АН СССР. нов. сер. Т. XV. 1959.
- Нечвалода А. И. Люди города царей и богов: внешний облик жителей Гонур-Депе по данным антропологической реконструкции // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 2., М., 2008.
- Нечитайло А.Л. Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. Киев, 1978.
- Никитин С.А. Дальнейшее развитие метода антропологической реконструкции. Восстановление глаза // Вестник антропологии. Вып. 15. М., 2007.
- Новый словарь древнеармянского языка. Ереван, 1979. Т.1. (на арм. языке).
- Овруцкий Г.Д. Болезни зубов и полости рта // Справочник практического врача / Под ред. А.И. Воробьева. М., 1991. Т. 2. С. 290-299.
- Огурцов А.П. Типология // Новая философская энциклопедия. М., 2001, т. 4, с. 70-72.
- Одабашян А.А. Новогодний праздник в армянском народном календаре // Армянская этнография фольклор. Материалы и исследования. Ереван, 1978. № 9. (на армян. языке).
- Пампелли Р. Мои воспоминания // Культурные ценности: международный ежегодник 2002-2003. СПб, 2004. С. 147-166.
- Пашкова В.И. Очерки судебно-медицинской остеологии. М., 1963.
- Петросян А. Армянский эпос и мифология (Истоки, миф и история). Ереван, 2002.
- Петросян Э. Боги и ритуалы Древней Армении, Ереван, 2004.
- Петрушевский И. О дохристианских верованиях крестьян Нагорного Карабаха // Известия Аз. ГНИИ. Баку, 1930. Т. 1. Вып. 5.
- Пещерева Е.М. Праздник тюльпана (лола) в сел. Исфара Кокандского уезда // В.В. Бартольду туркестанские друзья ученики и почитатели. Ташкент, 1927, с.374-384.
- Пещерева Е.М. Некоторые дополнения к описанию праздника тюльпана в Ферганской долине // Иранский сборник. М., 1963.
- Писарчик А.К. Смерть. Похороны // Таджики Каратегина и Дарваза. Вып. 3. Душанбе: Дониш, 1976.
- Потебня А.А. Символ и миф в народной культуре. М., 2000.

- Пряхин А.Д., Беседин В.И. Конская узда периода средней бронзы в восточноевропейской лесостепи и степи // РА. 1998. № 3. С. 22-34.
- Пугаченкова Г.А. Некоторые изобразительные сюжеты на памятниках искусства древнего Согда // Известия Академии наук Таджикской ССР. Отделение общественных наук. 1952. Вып. 1.
- Пугаченкова Г.А. Искусство Туркменистана. М., 1967.
- Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. Очерки искусства Средней Азии. М., 1982.
- Пьерар М. Вода и засуха в аргосских мифах // ВДИ. 1994. № 3. С. 114-120.
- Ражев Д.И. Биоантропология населения саргатской общности. Екатеринбург, 2009.
- Рак И.В. Мифы древнего и раннесредневекового Ирана. СПб., 1998.
- Ранов В. Древние рисунки на скалах Лангара // Путешествие в Согдиану. Душанбе, 1982. С. 76-99
- Рассудова Р.Я. Материалы по одежде верховьев Зеравшана // Традиционная культура народов Передней и Средней Азии. Сборник музея антропологии и этнографии XXVI. Л., 1970.
- Расторгуева В.С., Эдельман Д.И. Этимологический словарь иранских языков. М., 2003. Т. 2.
- Резван М. Овеществленное слово: талисманы, обереги, амулеты // Центральная Азия. Традиция в условиях перемен. Вып 1. СПб., 2009.
- Ригведа. [В 3 т.] / Пер. Т. Я. Елизаренковой. (Серия «Литературные памятники»). М.: Наука, 1989-1999. Мандалы I—IV. М., 1989. 768 стр. 2-е изд., испр. 1999.
- Рохлин Д.Г. Болезни древних людей (кости людей различных эпох – нормальные и патологически измененные). М. – Л., 1965.
- Руденко С.И. Древнейшие в мире художественные ковры и ткани. М., 1968.
- Рузанов В.Д. Этапы развития древнейшей металлургии Средней Азии (энеолит и эпоха бронзы) // На пути открытия цивилизации. М. 2010, с. 284-303.
- Русаякина С.П. Поездка в Таджикскую ССР // КСИЭ АН СССР. IV. 1948. С. 81-86.
- Русаякина С.П. Национальная одежда и орнамент таджиков Гармской области // КСИЭ. 1949. Вып. IV.
- Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967.
- Сарианиди В.И. Керамическое производство древнемаргианских поселений // Труды ЮТАКЭ. Т. VIII. Ашхабад, 1958. С. 313-348.
- Сарианиди В.И. Древние земледельцы Афганистана. М., 1977.
- Сарианиди В.И. Сиро-хеттские божества в бактрийско-маргинском пантеоне // СА. 1989. № 4. С. 17-24.
- Сарианиди В.И. Древности страны Маргуш. Ашхабад, 1990.
- Сарианиди В.И. И здесь говорил Заратустра. М., 1991.
- Сарианиди В.И. Составные статуэтки Бактрии и Маргианы // ВДИ. 1995. №1. С. 75-79.
- Сарианиди В.И. Сиро-хеттское происхождение бактрийско-маргианской глиптики // ВДИ. 1999. № 1. С. 53-73.
- Сарианиди В.И. Некрополь Гонура и иранское язычество. М., 2001.
- Сарианиди В.И. Маргуш. Древневосточное царство в старой дельте реки Мургаб. Ашхабад, 2002.
- Сарианиди В.И. Социальный и политический строй древневосточного царства Маргуш // Памятники археологии и древнее искусство Евразии. М., 2004. С. 327.
- Сарианиди В.И. Дворцово-культовый ансамбль Северного Гонура // У истоков цивилизации. М., 2004а. С. 229 – 253.
- Сарианиди В.И. Храм воды в Гонур-депе и новые образцы искусства страны Маргуш // Miras. № 3. Ашхабад, 2004b. С. 38-51, 84-97, 130-143 (на туркм., рус., англ. яз.).
- Сарианиди В.И. Гонур-депе. Город царей и богов. Ашхабад, 2005.
- Сарианиди В.И. Царский некрополь на Северном Гонуре // ВДИ. 2006. № 2 (257). С. 155-192.
- Сарианиди В.И. Туркменистан – Центрально-азиатский очаг древневосточной цивилизации // Древняя Маргиана – новый центр мировой цивилизации (на рус., англ. и туркм. яз.). Ашхабад, 2006а.
- Сарианиди В.И. Дворцово-храмовый комплекс Северного Гонура // РА. 2007. № 1. С. 49-63.
- Сарианиди В.И. Маргуш. Тайна и правда великой культуры. Ашхабад, 2008.
- Сарианиди В.И. Археологические свидетельства раннезороастрийской религии в Каракумах // Туркменская земля – колыбель древних культур и цивилизаций. Ашхабад, 2008а. С. 19-37 (на рус., туркм. и англ. яз.).
- Сарианиди В.И. Задолго до Заратустры. М., 2010.
- Сарианиди В.И., Дубова Н.А. Лошадь в Центральной Азии у земледельцев эпохи бронзы: новые находки на Гонур Депе (Туркменистан) // The Ethnohistory and Archaeology of Northern Eurasia: Theory, Methods and Practice. Irkutsk, 2007. P. 224-233.
- Сарианиди В.И., Дубова Н.А. Археологические работы на юго-западном холме Гонур Депе (Раскоп 16) // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 2 / Отв. ред. Сарианиди В.И. М., 2008. С. 28-49.
- Сарианиди В.И., Дубова Н.А. Роль эквид и других животных в жизни земледельческого населения юга Туркменистана (на примере памятника конца III тыс. до н.э. Гонур-Депе) // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. Барнаул, 2008а. С. 149-152.
- Сарианиди В.И., Дубова Н.А. Новые гробницы на территории царского некрополя Гонура (Предварительное сообщение) // На пути открытия цивилизации. СПб, 2010. С. 144-171.
- Сарианиди В.И., Дубова Н.А. Культ животных в Маргиане // Записки Восточного Отдела Русского Археологического Общества. Т. 3. СПб., в печати.

- Сатаев Р.М. Животные из раскопок городища Гонур-Депе // Труды Маргианской археологической экспедиции. М., 2008. С. 138-142.
- Сатаев Р.М. Животные в хозяйстве и духовной жизни древнего населения Гонур-депе // Труды Маргианской экспедиции / Гл. ред. В.И. Сарияниди. Т. 2. М., 2008. С. 143-160.
- Сатаев Р.М., Реконструкция условий кремации животных из жертвенников-лунок Гонур-Депе // На пути открытия цивилизации. СПб., 2010. С. 466 – 484.
- Сатаев Р.М., Сатаева Л.В. Возможности использования этноэкологических аналогий при реконструкции системы жизнеобеспечения древнего населения Гонурского оазиса // Интеграция этнографических и археологических исследований. Казань. Омск. 2010а. С.171-174.
- Сатаев Р.М., Сатаева Л.В. Проблема реконструкции природных условий древнего Гонурского оазиса // Динамика экосистем в голоцене: материалы Второй Российской научной конференции. Екатеринбург; Челябинск, 2010б. С.190-193.
- Сатаев Р.М., Гимранов Д.О. Животные в погребальном обряде срубно-алакульского населения Южного Приуралья по материалам из раскопок кургана 7 Николаевского могильника // Вестник антропологии. Вып. 15. Ч. II. М., 2007. С. 256 - 259 .
- Сафронов В.А. Индоевропейские прародины. Горький: Волго-Вятское книжное издательство, 1989.
- Симченко Ю.Б. О собаках, китах и духах // Симченко Ю.Б. Обычная шаманская жизнь. Этнографические очерки. Российский этнограф. Вып. 7. М., 1993. С. 146-175.
- Синташта. Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Ч. 1 / Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Челябинск, 1992.
- Ситель А.Б., Бахтадзе М.А. Foramen arguale и foramen transversaria: сравнительные характеристики // Мануальная терапия. 2003. № 1. С. 6-15.
- Смирнов К.Ф. Археологические данные о древних всадниках поволжско-уральских степей // СА. 1961. № 1. С. 46-72.
- Соколова В.С. Авеста. СПб., 2005
- Справочник по стоматологии / под ред. А.И. Рыбакова, Г.М. Иващенко, Т.М. Лурье. М., 1966.
- Степанов Ю.С. Баба-яга, Яма, Янус, Ясон и другие. К вопросу о нестрогом сравнительно - историческом методе // Вопросы языка. 1995. № 5. С. 3-16.
- Степанян А. Цветовая система армянский декоров и народное восприятие цвета // Handes Amsorya: Zeitschrift für armenische Philologie. Wien, 2001, стр. 479-480 (на армян. языке).
- Столяр А.Д. Происхождение изобразительного искусства, М., 1985.
- Струве В.В. Иштар-Исольда в древневосточной мифологии // Тристан и Изольда. Л., 1932.
- Сухарева О.А. Сузани: среднеазиатская декоративная вышивка. М., 2006.
- Тенгберг М. Анализ образцов дерева с Гонура (Маргуш), Туркменистан // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 2. М., 2008. С. 163-164.
- Терлецкий Н. Места паломничества и поклонения и доисламские традиции в Центральной Азии // Центральная Азия. Традиция в условиях перемен. Вып 1. СПб., 2007.
- Толеубаев А. Реликты доисламских верований в семейной обрядности казахов. Алма-Ата, 1991.
- Топоров В.Н. Реконструкции мифа о мировом яйце. Труды по знаковым системам. Вып. 3. (Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 198). Тарту 1967.
- Топоров В.Н. О структуре некоторых архаических текстов соотносимых с концепцией «мирового дерева» // Труды по знаковым системам. Вып. 5. Тарту, 1971.
- Топоров В.Н. Об отражении одного индоевропейского мифа в древнеармянской традиции // Историко-филологический журнал. Ереван, 1977. № 3. С. 88-105.
- Топоров В.Н. Хетт.-лув. KAMRUSEPPA: мифологический образ // Древняя Анатолия. М., 1985. С.107-127.
- Топоров В.Н. Аджа Экапад // МНМ. Т. I. М., 1991.
- Токарев С.А. Огонь // МНМ. Т.2. М., 1992.
- Топоров В. Пещера // МНМ. Т.2. М., 1992а.
- Топоров В. Числа // МНМ. Т.2. М., 1992б.
- Торлакян Б. Этнография амшенских армян // Армянская этнография и фольклористика. Ереван, 1981. Т. XIII (на армян. языке).
- Традиционные знания в области землепользования в странах Центральной Азии: Информационный сборник / Под общ. ред. Г.Б. Бектуровой, О.А. Романовой. Алматы, 2007.
- Тревер К.В., Луконин В.Г. Сасанидское серебро. Москва, 1987.
- Трофимова Т.А. Древнее население Хорезма по данным палеоантропологии. М., 1959.
- Трофимова Т.А. Население Южной Туркмении и его переднеазиатские и южно-индийские связи в первобытную эпоху по данным палеоантропологии, М., 1964а.
- Трофимова Т.А. Население Средней Азии в эпоху энеолита и бронзового века и его связи с Индией (по данным краниологии) // Современная антропология. М., 1964б.
- Фрезер Дж. Золотая ветвь. Ереван, 1989 (на армян. языке).
- Ханзадян Э. Дракон Лчашена // Древняя культура Армении. Материалы XIII республиканской научной конференции. Ереван, 2005 (на армян. языке).
- Ханзадян Э. Мецамор. Ереван, 1973 (на армян. языке).
- Хореаци М. История Армении. Ереван, 1981. Кн. II (на армян. языке).
- Хумбаба // МНМ. Т. 2. М., 1982. С. 606.
- Цалкин В.И. Древнейшие домашние животные Восточной Европы. М., 1970а.

- Цалкин В.И. Древнейшие домашние животные Средней Азии // Бюллетень МОИП. Отдел биологический, секция зоологии. 1970б. Т. 75. № 1. С. 145-149.
- Царева Е.Г. Вариативность и стабильность как этногенетический источник (по материалам туркменского ковроделия) // Международный симпозиум по искусству восточных ковров. Тезисы. Баку, 1983. С. 40—41.
- Царева Е.Г. Каталог тканей из Пазырыкских курганов из собрания Гос. Эрмитажа // Текстиль из «замерзших» могил Горного Алтая IV—III вв. до н.э. Вып. 5. Новосибирск, 2006. С. 232—261.
- Царева Е.Г. Куртка Ханумана: древнейшая ворсовая техника Индии? // Радловский сборник. СПб., 2008. С. 171—177.
- Царева Е.Г. Женский передник с бахромой: знак перехода? // Материалы 12-ой Международной конференции «Мода и дизайн: исторический опыт, новые технологии». СПб., 2009. С. 252—259.
- Церен Э. Библейские холмы. М., 1966.
- Черных Е.Н. Степной пояс Евразии и феномен кочевых культур // Человек: его биологическая и социальная история. Труды Международной конференции, посвященной 80-летию академика РАН В.П. Алексеева. М., 2010. С. 38-44.
- Чистов Ю.К. Первые палеоантропологические материалы о-ва Сокотра // Хадрамаут. М., 1995.
- Чунакова О.М. Пехлевийский словарь. М., 2004.
- Шаншашвили Н. Происхождение и функции очажных подставок Куро-аракской культуры // Археология, этнография и фольклористика Кавказа (Материалы международной конференции). Эчмиадзин, 2003.
- Широкова З.А. Одежда // Таджики Каратегина и Дарваза. Вып.2. Душанбе, 1970.
- Широкова З.А. Традиционная и современная одежда женщин горного Таджикистана. Душанбе: До ниш, 1976.
- Широкова З.А. Одежда // Материальная культура таджиков верховьев Зеравшана, Душанбе: До ниш, 1973.
- Шнирельман В.А. Возникновение производящего хозяйства. М., 1989.
- Штаерман Е. Ромул // МНМ. Т. 2. М., 1992.
- Штернберг Л.Я. Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936.
- Щетенко А.Я. О колебаниях климата и ксеротермическом периоде в голоцене Средней Азии // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул, 2003. С. 400-406.
- Эламская мифология // МНМ. Т. 2. М., 1982. С. 662.
- Элиаде М. Космос и история, избранные работы (пер. с француз. и англ.). М., 1987.
- Энкиду // МНМ. Т. 2. М., 1982. С. 662.
- Эпос о Гильгамеше / Пер. с аккадского Дьяконова И.М. СПб, 2006.
- Эттинген Л. Конечности // Человек. 2004. №1. С. 167-178.
- Юсуфбекова З. Семья и семейный быт шугнанцев (конец XIX-начало XXв.). Душанбе, 2001.
- Якобсон Р. Роль лингвистических показаний в сравнительной мифологии // Труды VII МКАЭН. М., 1970. Т. 5.
- L'age des echanges inter-iraniens. 3500 -1700 avant J.-C. / Amiet P., Porada E. (Eds.). P., 1986.
- Al-Rafidan. Journal of Western Asiatic Studies, Vol. I. A Special Edition on the Studies on Textiles and Leather Objects from Al-Tar Caves, Iraq / Ed. Fujii. H. Tokyo, 1980.
- Al-Tar I. Excavations in Iraq, 1971—1974 / Ed. H. Fujii. Tokyo, 1976.
- Amiet P. La gliptique mesopotamienne archaique. P., 1961.
- Amiet P. Elam. Archee. Ed. Auver-sur-oise. P., 1966.
- Amiet P. L'Art d'Agade au Musee du Louvre. P., 1976.
- Amiet P. Archaeological Discontinuity and Ethnic Duality in Elam // Antiquity. 1979. Vol. 53. P. 195-204.
- Amiet P. Art of the ancient Near East / Translated from the French by John Shepley and Claude Choquet. New York: Harry N. Abrams, Inc., Publishers, 1980.
- Amiet P. Les sceaux de l'administration princiere de Suse a l'epoque d'Agade // Revue d'assiriologie et archeologie orientale. T. XCIX. 2005.
- Amiet P. Art de cour de Margiane-Bactriane // La revue des musees de France. Revue du Louvre. 2005a. № 2.
- Amiet P., Ozqoc N., Boardman J. Ancient Art in Seals. Princeton, 1980.
- «Anâhid», Encyclopaedia Iranica: www.iranica.com
- Ancient seals and the Bible / Eds. Gorelick L., Williams-Forte E. Malibu, CA: Undena, 1983.
- Anderson T. Two Decapitations from Roman Towcester // International Journal of Osteoarchaeology. 2001. Vol. 11. P. 400-405.
- Andronovo Culture // Encyclopedia of Indo-European Culture / Eds. J.P. Mallory, D.Q. Adams. L.-Chicago, 2000. Vol. 1. P. 20-21.
- Anklesaria B.T. Zand-Akasihi. Iranian or Greater Bundahishn. Transliteration and Translation in English. Bombay, 1956.
- Apostolos-Cappadona D. Discerning the Hand of Fatima: An Iconological Investigation of the Role of Gender in Religious Art // Beyond the Exotic Women's Histories in Islamic Societies. Ed. by A.El. Sonbol. Syracuse, 2005.
- Archi A. The Head of Kura- the head of Abadal // JNES. 2005. № 2. P. 81-100.
- Ardagna Y., Richier A., Vernet G., Dutour O. A Case of beheading Dating from the Celtic Period (La Tene B, Sarlieve-Grande Halle, France) // International Journal of Osteoarchaeology. 2005. Vol. 15. P. 73-76.
- Ardelenau-Jansen A. The Sculptural Art of the Harappan Culture // Forgotten Cities on the Indus / Eds. M. Jansen, M. Mulloy, G. Urban. Mainz, 1991.

- Arts of the first Cities. The Third Millennium B.C. from the Mediterranean to the Indus. / Eds. Aruz J., Wallenfels R. New Haven: Yale University Press, 2003
- Avanesova N.A. Spätbronzezeitliche Kulturkontakte in der Baktrischen Flussoase nach den Befunden der Nekropole Bustan 6 // *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan*. Bd. 29. Berlin, 1997. S. 147-178.
- Azarpay G. Nana, the Sumero-Akkadian Goddess of Transoxiana // *Journal of the American Oriental Society*. 1976. Vol. XCVI.
- Barber E.W. Woman's Work. The Fiest 20000 Years. NY;L., 1994.
- Barrelet M-Th. Un Inventaire de Kar-Tukulti-Ninurta: textiles decorees assyriens et autres // *Revue d'Assyriologie*. T.71. 1977. P. 51—92.
- Bartolomae Chr. Altiranisches Woerterbuch. Berlin, 1961.
- Basmachi F., 1975 – 1976. Treasures of Iraq Museum. Baghdad.
- Bass W.M. Human Osteology. A laboratory and field Manual. Columbia, 1987.
- Battini Ch. Filikli. Anatolia XX century. Moreschini Collection. Firenze, 2009.
- Bennike P. Trauma // Pinhasi R., Mays S. (Eds.) *Advances in human Palaeopathology*. Chichester, 2008. P. 309-328.
- Benoit A. Princesse de Bactriane. P., 2010.
- Bernhardt W. Human Skeletal Remains from the Cemetery of Timargarha // *Ancient Pakistan*. Department of archaeology University of Peshawar. Vol. III. 1967. P. 291-407.
- Bietak M. Avaris. The capital of the Hyksos. Recent excavations at Tell el'Daba'a. L., 1996
- Bittel K., Hattusha. The Capital of the Hitittes. New York: Oxford University Press, 1970.
- Bittel et al. Bogazkoy VI. Funde aus den Grabungen 1979. Berlin: Gebr. Mann, 1984.
- Boyce M. A Persian Stronghold of Zoroastrianism. Oxford: Oxford University Press, 1977. P. 139-163.
- Boyce M. A History of Zoroastrianism. Vol. 3. Köln, 1989.
- Braun-Holzinger E.A. Fruhdynastische Beterstatuetten. Berlin, 1977.
- Buchwald V.F. Handbook of Iron Meteorites. Berkeley: University of California Press, 1975.
- Buckberry J.L., Hadley D.M. An Anglo-Saxon execution Cemetery at Walkington Wold, Yorkshire // *Oxford Journal of Archaeology*. 2007. Vol. 26. No. 3. P. 309-329.
- Buddhoe J.D. The Oxidation and Weathering of Meteorites // *Publications in Meteorites*. No. 3. Albuquerque, University of New Mexico: 1957.
- Buikstra J.E., Gordon C.C. Individuation in forensic science Study: Decapitation // *Journal of Forensic Science*. 1980. Vol. 25. P. 246-259.
- Buikstra J.E., Gordon C.C., St. Hoyme L. The Case of the severed Skull. Individuation in forensic anthropology // Rathbun R.A., Buikstra J.E. (Eds.) *Human identification: case Studies in forensic Anthropology*. Springfield, 1984. P. 121-135.
- Buikstra J.E., Ubelaker D.H. (Eds.) *Standards for data Collection from human skeletal Remains // Arkansas Archaeological Survey. Research Series*. 1994. No. 44.
- Burney C. *From Village Age to Empire*, Oxford, 1977.
- Bush H., Stirland A. Romano-British decapitation Burials: a comparison of osteological Evidence and burial Ritual from two Cemeteries // *Anthropologie*. 1991. No. 29. P. 205-210.
- Buikstra J.E., Ubelaker D.H. (Eds.) *Standards for data collection from human skeletal remains // Arkansas Archaeological Survey. Research Series*. 1994. No. 44.
- Caldwell D.H. The Early Gliptic of Gawra, Giyan and Susa // *Orientalia*. 1976. Vol. 45. Fasc. 3. Roma, 1976.
- Carter H., Newberry P.E. *Catalogue general des antiquites egyptiennes: The Tomb of Thoutmosis IV*. Westmisnter, 1904.
- Cattani M. Margiana at the End of Bronze Age and Beginning of Iron Age. // *У истоков цивилизации*. М., 2004
- Caubet A., Pouyssegur P. *The Ancient Near East*. Paris, 1997.
- Coghlan H.H., 1956. Notes on the Prehistoric and Early Iron in the Old World // *Pitt Rivers Museum Occasional Papers on Technology*. No. 8. Oxford, 1956.
- Craddock P.T., 1995. *Early Metal Mining and Production*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1956.
- David H.S. The Original Home of Dravidians, their Wanderings in Prehistoric Times (B.C. 4500-1500) // *Tamil Culture*. 1954. Vol. 3. № 1.
- Dhavalicar M., Arte S. Fair Cult and Virgin Sacrifice. Some Harappan Rituals // *Old Problems and New Perspectives in the Archeology in the Archaeology of South Asia*. 1989.
- Dick M.B. A Neo-Sumerian ritual Tablet in Philadelfia // *JNES*. 2005. Vol. 64. № 4.
- Dubova N.A., Rykushina G.V. Necropolis and area 5 of Gonur-depe: some anthropological Data // *У истоков цивилизации*. М., 2004. P. 317-336.
- Dubova N.A., Rykushina G.V. New Data on Anthropology of the Necropolis of Gonur-depe // *Sarianidi V.I. Necropolis of Gonur*. Athens, 2007. P. 296-329.
- Efe T. Early Bronze Age III Pottery from Bahçehisar: The Significance of the Pre-Hittite Sequence in the Eskişehir Plain, Northwestern Anatolia // *American Journal of Archaeology*. Vol. 98. 1994. P. 5-34
- El-Wailly F. The Excavations at Tell-es-Sawwan // *Sumer*. Vol. 19. 1965. № 1, 2
- Evans A.J. *The Palace of Minos at Knossos*. L., 1921. Vol. 1.
- Finnegan M.A. Non-metric Variation of the infracranial Skeleton // *Journal of Anatomy*. 1978. No. 125. P. 23-37.
- Flint V.E., Boehme R.L., Kostin Y.V., Kuznetsov A.A. *A field Guide to Birds of the USSR*. Princeton, 1984.
- Frankfort H. *Tell Asmar and Khafaje. The first season's work in Eshnunna*. 1930, 1931. Chicago, 1931.

- Frankfort H. Iraq Excavations of the Oriental Institute, 1932/1933 // OIC № 17. Chicago, 1934.
- Frankfort H. Sculpture of third Millennium BC from Tell Asmar and Khafaje. Chicago, 1939.
- Frankfort H. The art and Architecture of the Ancient Orient. Middlesex, 1954.
- Frankfort H. Stratified Cylinder Seals from Dijala Region. Chicago, 1955.
- Frankfort H.-P. Fouilles de Shortugai. Recherches sur L'Asie Centrale Protohistorique Paris: Diffusion de Boccard, 1989.
- Frankfort H.-P. The Central Asian Dimension of the symbolic system in Bactria and Margiana // Antiquity. 1994. Vol. 68. № 259.
- Frankfort H.-P. Birds, snakes, men and deities in the Oxus civilization: an essay dedicated to prof. Sarianidi on a cylinder seal from Gonur Depe // На пути открытия цивилизации.
- Gelb I.J. Hurrians and subarians. Chicago, 1994.
- Gelb I.J., Purvez P.M., MacRae A.A. Nuzi personal names. Chicago, 1943.
- Geldner K. Avesta, die heiligen Bücher der Parsen. Bd. 1-3. Stuttgart, 1886-1895.
- Georgia Orientalis. IV. In memoriam acad. G.V. Tsereteli. Tbilisi, 1976.
- Gettens R.J., Clarke Jr. R.S., Chase W.T., 1971. Two Early Chinese Bronze Weapons with Meteoritic Iron Blades // Occasional Paper. No. 4 (1). Washington: Freer Gallery, 1971.
- Girshman K. Notes Iraniennes, XII. Statuettes of archaïques du Fars // Artibus Asiae. 1963. Vol. 26. № 2.
- Girshman R. Notes Iraniennes, XVI. Deux statuettes elamites du plateau Iranien // Artibus Asiae. 1968. Vol. 30. № 2-3.
- Grenet F., Guangda Zh. The Last Refuge of the Sogdian Religion: Dunhuang in the Ninth and Tenth Centuries // Bulletin of the Asia Institute. Studies in Honour of Vladimir A. Livshits. 1996. New Series. Vol. 10.
- Hakemi A. Some Statuettes discovered in the Excavations at Shahdad // South Asian archeology 1993 / Parpola A. and Koskikallio P. (Eds). Proceedings of the twelfth international conference of the European Association of South Asian Archaeologists held in Helsinki University 5-9 July 1993. (Annales Academiae Scientiarum Fennicae B271). Helsinki: Suomalainen Tiedekerakatemia, 1994. Vol. 1. P. 217-224.
- Hakemi A. Shahdad. Roma, 1997.
- Hall H.R., Woolley C.L. Ur Excavations. Vol.1. Al-Ubaid. Oxford, 1927.
- Hallstrom D. (Eds.) Early Medieval Studies. Stockholm: Almqvist, Wiskell, 1973.
- Harman M., Molleson T.I., Price J.L. Burials, Bodies and Beheadings in Romano-British and Anglo-Saxon Cemeteries // Bulletin of the British Museum of Natural History. 1981. No. 35. P. 145-188.
- Hiebert F.T., Moore K.M. A Small steppe Site near Gonur // У истоков цивилизации. М., 2004.
- Hirsch U. The Fabric of Deities and Kings. Hali, 1991. Is. 58.
- Hoffner H.A. Hittite myths. Atlanta, 1990.
- Hope Th. Costumes of the Greeks and Romans. New York. [First edition in 1812].
- Horse // Encyclopedia of Indo-European Culture / Eds. J.P. Mallory, D.Q. Adams. L.- Chicago, 2000. Vol. 2. P. 273-279.
- Houston M. Ancient Egyptian, Mesopotamian and Persian Costume. London, 1920.
- Howard-Carter T. An interpretation of the sculptural decoration of the second millennium temple at Tell-al-Rimah // Iraq. 1983. Vol. 45. № 1.
- Howells W.W. Cranial Variation in Man. Papers of the Peabody Museum of Archeol. and Ethnol. 1973. Vol. 67.
- Hüttel H.-G. Bronzezeitliche Trensens in Mittel- und Ost-europa. München, 1981.
- Hyland A. The horse in the ancient world. Phoenix Mill, Gloucestershire, 2003.
- de Jong A. Traditions of the Magi. Zoroastrianism in Greek and Latin Literature. Leiden, N.Y., Koeln, 1997.
- Karimova G., Kurbanov Sh. Mural Painting from Penjikent (to the Problem of Symbols and Cults) // Miho Museum Bulletin. Vol. 7. 2008.
- Kosay H.Z. Ausgrabungen von Alaca Huyuk. Ankara, 1944.
- Kovaleva N. The methodology of field conservation and restoration of monumental Archeological decor using BMK-5 solutions // Mural paintings Central Asia (A Practical Guide on Conservation). Tashkent: Academy of Arts of Uzbekistan, 2006.
- Kryukova V. Interpretation of Tajik Wedding Embroidery: Ritual, Image, Text // Manuscripta Orientalia. Vol. 12(2). 2006.
- Kuehn S. On the Role of the Serpent and the Quadruped Dragon within the Iconography of the mythological Scheme of the Oxus civilization // На пути открытия цивилизации.
- Li Chung, 1979. Studies on the iron Blade of a Shang Dynasty Bronze Yueh-axe unearthed at Kao-ch'eng, Hopei, China // Arts Orientalis. 1979. No. 11. P. 259 – 290.
- Lincoln B. The Indo-European Myth of Creation // History of Religion. 1975. Vol. 15.
- Littauer M.A. Bits and Pieces // Antiquity. 1969. Vol. 43. N. 172.
- Lombardo G. The Metallurgy of Southern Tajikistan farming Sites in the Late Bronze–Early Iron Age and its Relations with the Namazga VI and Andronovo Cultures // У истоков цивилизации.. М., 2004.
- Lommel H. Anahita-Sarasvati // Asiatica. Festschrift Friedrich Weller. Leipzig, 1954.
- McAlpin D.W. Proto-Elamo-Dravidian: the Evidence and its Implications. Philadelphia, 1981.
- Mackay E.J.H. Further Excavations at Mohenjo – Daro. Vol.1,2. New Delhi, 1938.
- Mackenzie D. The Migration of Symbols. L., 1926.
- Mair E. Toward a new Philosophy of Biology. Observations of an Evolutionist. Cambridge, Mass.,- L., England, 1988.

- Marshak B.I., Raspopova V.I. Wall Paintings from a House with a Granary. Panjikent, 1st Quarter of the Eighth Century A.D. // *Silk Road Art and Archaeology*. 1990. № 1.
- Marshall J. Mohenjo Daro and the Indus Civilization. L., 1931.
- Matthiae P. Some fragments of Early Syrian Sculpture from Royal Palace G of Tell Mardich – Ebla // *JNES*. 1980. Vol. 39. № 4.
- Matthiae P. The Temple of the Rock of Early Bronze IV A-B at Ebla: Structure, chronology, continuity // *Proc. Of the 5th Inter. Congr. on the Archaeology of the Ancient Near East*. Madrid, 2008. Vol. 2.
- Mayrhofer M. Die Indo-Arien im Alten Vorderasien. Wiesbaden, 1938
- Mays S. The Archaeology of Human Bones. L., 2002.
- Meadow R. Continuity and Change in the Agriculture of the Greater Indus Valley // *International Association for the Study of the Cultures of Central Asia Information Bulletin*. No. 19. 1993. P. 63-77.
- Meindl R.S., Lovejoy C.O. Ectocranial Suture Closure: a revised Method for the Determination of Skeletal Age at Death based on the lateral-anterior Sutures // *Am. J. of Phys. Anthropol.* 1985. No. 68. P. 57-66.
- Middleton R. Opening the “Roof of the World”. A Short History of the Discovery and Exploration of the Pamirs. 2005.
- Middleton R., Thomas H. Tajikistan and High Pamirs. A Companion and Guide- NY, 2007.
- Marcus M.I. Hasanlu Special Studies III. Emblems of Identity and Prestige: the Seals and Sealings from Hasanlu, Iran. Commentary and Catalog / Dyson Robert H. (general editor). Philadelphia: University of Pennsylvania, 1988.
- Moore K. M. Animal use at Bronze Age Gonur Depe // *International Association for the Study of the Cultures of Central Asia Information Bulletin*. No. 19. 1993. P. 164-176.
- Morris D. The Art of Ancient Cyprus Oxford, 1985.
- Oats J. The Baked Clay figurines from Tell Es-Sawwan // *Iraq*. 1966. Vol. 28. P. 2.
- Olufsen O. Through the Unknown Pamirs. The Second Danish Pamir Expedition, 1898-1899. NY, 2005. P. 88-102
- Parpola A., Janhunen J. On the Asiatic Wild Asses (*Equus hemionus* & *Equus kiang*) and their Vernacular Names // *На пути открытия цивилизации. Сборник статей к 80-летию В.И. Сараниди. Труды Маргианской археологической экспедиции*. Т. 3. СПб: Алетейя, 2010. С.423-466.
- Parrot A. Mission archeologique de Mari. T. 2. Pictures et monuments. (BAH, LXIX). Paris, 1958.
- Parrot A. Mission archeologique de Mari. T. 3. Le Palais. P., 1959.
- Parrot A. Sumer. Munchen, 1961.
- Parrot A. Statuette archaïque // *La revue du Louvre et des Musees de France*. 12 annee. № 1962. T. 2. P., 1962.
- Parrot A. Les Temples d'Ishtar et de Ninni-Zaza. (Mission archeologique de Mari. Vol, III). Paris, 1967.
- Parrot A. Sumer (L'univers des formes. l'Occident de la préhistoire au XX-e siècle. Le Proche et le Moyen-Orient ancien). Paris: [Unknown Binding], 1981.
- Penner S. Die Wangenscheiben aus Mykene und ihre nordöstlichen Beziehungen // *Псалии. Элементы упряжи и конского снаряжения в древности. Донецк, 2004. С. 62-81.*
- Pfister R., Bellinger L. The Excavations at Dura-Europos Final Report IV. Part II. The Textiles. L., 1945.
- Photos E. The question of meteoritic versus smelted nickel-rich iron: archaeological evidence and experimental results // *World Archaeology*. 1988. No. 20 (3). P. 403 – 421.
- Pirart E. Le parties etologique de l'Ardvisur Banug Yasht et le noms de la grande deesse iranienne // *Indo-Iranian Journal*. 2003. Vol. 46.
- Pirart E. L'Aphrodite Iranienne. P., 2006.
- Pfiffig A.J. Religio etrusca. Graz, 1975.
- Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1959.
- Possehl G. The Indus Civilization. A Contemporary Perspective. Walnut Creek, CA: AltaMira Press, 2002.
- Potratz J.-A.-H. Die Pferdetrensen des Alten Orients // *Analecta Orientalia*. Vol. 41. Roma, 1966.
- Pottier M-H. Materiel funeraire de la Bactriane meridionale de L'age du bronze. P., 1984.
- Purnalingam Pillai N.S. Tamil India. Madras, 1945
- Rudenko S.I. Frozen Tombs of Siberia. Berkeley, 1970.
- Russell J. Zoroastrianism in Armenia // *Harvard Iranian Series*. Vol. 5. 1987.
- Sarianidi V. Die Kunst des Alten Afghanistan. Leipzig, 1986.
- Sarianidi V. The Biblical Lamb and the Funeral Rites of Margiana and Bactria // *Mesopotamia*. Vol. XXXI. Firenze, 1996. P. 33-48.
- Sarianidi V. Myths of Ancient Bactria and Margiana on its Seals and Amulets. M., 1998.
- Sarianidi V. Margiana and Protozoroastizm. Athens, 1998a.
- Sarianidi V. Necropolis of Gonur. Second edition. Athens, 2007.
- Sarianidi V.I. Zoroastrianism: a New Motherland for and Old Religion. Thessaloniki: Kyriakidis Brothers s.a., 2008 (in English and Greek).
- Salvatori S. Bactria and Margiana Seals. A New Assessment of their Chronological and Typological Survey // *EW*. 2000. Vol. 50. № 1.
- Schaeffer-Forrer C.F.A. Corpus des cylindres-sceaux de Ras Shamra-Ugarit et d'Enkomi-Alasia. I. Paris, 1983.
- Schiaparelli E. La Tomba intatta dell'Architetto Cha // *Relazione sui Lavori della Missione archeologica in Egitto 2*. Turin, 1927.
- Schlerath B. Der Hund bei den Indo-germanen // *Paideuma*. 6. 1954. P. 25-40.
- Sewell S., Guha B.S. Human Remains // *Marshall J. Mohenjo-Daro*. Vol. II. L., 1931.
- Sign, Language Culture. The Hague-Paris, 1970.
- Steblin-Kamensky I.M. Avestan k mčit caṛušanam // *East and West*. Vol. 45. № 1-4. Rome, 1995.

- Strommenger E., Kohlmeyer K. Tall Bi 'A Tuttul. Die Altorientalischen Bestattungen, Saarbrücken, 1998.
- Toscane P. Etude sur le serpent. Figure et symbole dans L'antiquité élamite // *Memoires de la Delegation en Perse*. P., 1911. T. XII.
- Tosi M., Cerasetti B. Once upon a Time... A Brief Reflection on the History of "The Archaeological Map of the Murghab Delta (AMMD)" Project in Relations to the Fundamental Role of V. I. Sarianidi // *На пути открытия цивилизации*. СПб., 2010. С. 86-103.
- Tsareva E. Where and when Knotted Rugs began to be produced // *Barbetti P., Boralevi A., Levi A., Tsareva E. Filikli. Anatolia XX century. Moreschini collection*. Firenze: Angelo Pontecoroli editore, 2009. P. 48-55.
- Vieyra M. Hittite Art. 2300 – 750 BC. L., 1955.
- Waldbaum J.C. From Bronze to Iron // *Studies in Mediterranean Archaeology*. No. 54. Göteborg, Paul Aströms Förlag, 1978.
- Waldbaum J.C., 1980. The First Archaeological Appearance of Iron and the Transition to the Iron Age // in *Wertime and Muhly (Eds.)*. 1980. P. 69 – 98.
- Weber C.D. Chinese Pectoral Bronze Vessels on the Late Chou Period. Part IV // *Artibus Asiae*. 1968. Vol. 30. № 2–3.
- Wenying Li. Textiles of the Second to Fifth Century Unearthed from Yingpan Cemetery // *Central Asian Textiles and Their Contexts in the Early Middle Ages*. Riggisberger Berichte. 9. Abegg-Stiftung, 2006. P. 243–264.
- Wertime J.T. Back to Basics; «Primitive» Pile Rugs of West and Central Asia // *Hali*. 100. 1998. P. 86–97.
- Wertime T.A., Muhly J.D., 1980. *The Coming of the Age of Iron*. Newhaven & London, Yale University Press.
- Winkelmann S. Intercultural relations between Iran, BMAC, North-West India and Failaka in the field of seals // *EW*. 2000. Vol. 50. № 1.
- Winkelman S. Intercultural Relations Between India, Central Asia and North-Western India in the Light of Squatting Stone Sculptures from Mohenjo-Daro // *Proceedings of the 12th International Conference of South Asian Archaeology, 1993* / Ed. Parpola A. Helsinki, 1994. P. 815-831.
- Witzel M. Linguistic Evidence for Cultural Exchange in Prehistoric Western Central Asia // *Sino-Platonic Papers*. 2003. № 129(December).
- Woolley L. *Ur Excavations*. Vol. II. The Royal Cemetery. NY, 1934.
- Woolley L. *Alalakh: An Account of the Excavations at Tell Atchana in the Hatay, 1937-1949* (with sections by C.J. Gadd and R.D. Barnett). [Reports of the Research Committee of the Society of Antiquaries of London. 18]. L.: Society of Antiquaries, 1955.
- Symes S.A., Rainwater C.W., Chapman E.N., Gipson D.R., Piper A.L. Patterned thermal Destruction of Human Remains in a Forensic Setting // *Schmidt C.W., Symes S.A. (Eds.) The Analysis of Burned Human Remains*. San Diego, 2008. P. 15-54.
- Tung T.A. Dismembering Bodies for Display: a Bioarchaeological Study of Trophy Heads from the Wari site of Conchopata, Peru // *American Journal of Physical Anthropology*. 2008. No. 136. P. 294-308.
- Walker P.L., Miller K.W.P., Richman R. Time, Temperature and Oxygen Availability: an Experimental Study of the Effects of Environmental Conditions on the Color and Organic Content of Cremated Bone // *Schmidt C.W., Symes S.A. (Eds.) The Analysis of Burned Human Remains*. San Diego, 2008. P. 129-136.

Список сокращений

- ВДИ – Вестник древней истории, Москва
КСИА – Краткие сообщения Института археологии, г. Москва
КСИЭ – Краткие сообщения Института этнографии АН СССР, г. Москва
МКАЭН – Международный конгресс антропологических и этнографических наук.
МНМ – Мифы народов мира. Энциклопедия. М., 1991.
- На пути
открытия
цивилизации – Сборник статей к 80-летию В.И. Сарияниди. Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 3 / Ред. П.М. Кожин, М.Ф. Косарев, Н.А. Дубова. СПб: Алетейя, 2010.
- СЭ – Советская этнография, Москва
- У истоков
цивилизации – М., 2004 - У истоков цивилизации. Сборник статей к 75-летию В.И. Сарияниди / Ред. Косарев М.Ф., Кожин П.М. Дубова Н.А. М.: Старый сад, 2004.
- ЭО – Этнографическое обозрение, Москва
ЮТАКЭ – Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция.

Труды Маргианской археологической экспедиции

Том 4

Исследования Гонур Дене в 2008 -2011 гг.

Редакционная коллегия
Виктор Иванович Сариниди (главный редактор),
Павел Михайлович Кожин, Михаил Федорович Косарев,
Надежда Анатольевна Дубова

Утверждено к печати
Ученым советом Института этнологии и антропологии РАН

Рецензенты:
д.и.н. Н.И. Халдеева, д.и.н. А.Е. Тер-Саркисянц, к.и.н. Э.Д. Зеливинская

Москва 2012

Научное издание

340 с.

Топографические работы, карты, схемы – К. Шадурдыев, М. Аманов.
Фотографии – Н.Дубова, А. Нечвалода, Е. Царева (ковры), М. Беглиев.

На первой странице обложки – мозаичная вставка из погребения № 3245 (фото К. Самурского). На четвертой странице обложки – Лагерь Маргианской археологической экспедиции после дождя.

ООО Старый сад

ISBN 978-5-89930-140-7

Пояснительная записка к схеме расположения археологических раскопов Гонур Дене

Центральной частью памятника является дворцово-храмовый комплекс, получивший изначально название «Гонур1» или «Северный Гонур».

Некрополь (или Большой некрополь Гонура, Главный некрополь Гонура) расположен на левом берегу р. Мургаб, приблизительно в 350 м к юго-западу от центральной части дворцово-храмового комплекса Гонура, центром которого является дворец.

Теменос (или Южный Гонур) находится приблизительно на таком же расстоянии к югу от дворцово-храмового комплекса.

Раскопы 1-4 находятся на территории Дворца Северного Гонура. На схеме они не идентифицированы.

Раскоп 5 ограничивается с юга северным фасом кремлевской стеной, а с севера – соответствующим же фасом второго ряда стен – «стеной каре».

Раскоп 6 находится к западу от кремлевской стеной в пределах «стены каре».

Раскоп 7 – в тех же пределах с юга, а также с востока. Северо-восточной границей раскопа 7 является территории Храма огня.

Раскоп 8 выделен на южном берегу большого южного бассейна Гонура. На территории этого же раскопа, в юго-восточной части, находится и царский некрополь, выделенный в виду его важности в отдельный раскоп. Небольшая часть его, представленная лишь небольшим числом помещений к северу от царского некрополя на восточном берегу Главного южного бассейна и несколькими десятками погребений, не имеет четкой границы с восточной частью Раскопа 9 и южной частью Раскопа 18.

Раскоп 9 находится на северном берегу большого южного бассейна Гонура. Его северной границей является южный фас «стены каре». На востоке эта территория практически сливается с южной частью Раскопа 18 и северо-восточной частью Раскопа 8.

Раскопы 10 и 11 помещаются соответственно на северо-западе и северо-востоке между северным фасом «стены каре» и обводной стеной.

Раскоп 12 расположен на юго-запад от центральной части комплекса, слегка обособленно от других раскопов и, по всей видимости, за пределами обводной стеной.

Раскоп 13 лежит на юго-запад, а раскоп 14 – на запад от центральной части, но в пределах обводной стеной.

Раскоп 15 – небольшая территория на юго-востоке Гонура, между восточной частью раскопа 9 и царским некрополем.

Раскоп 16 – обособленная территория на юго-западе Гонура. Она лежит далее на юг и запад от раскопа 12 за пределами всех стен. Эта территория по мере усыхания одной из протоков древнего Мургаба практически соединилась с восточной частью Главного некрополя Гонура.

Раскоп 17 расположен к северу от центрального северного входа в комплекс за пределами обводной стеной.

Раскоп 18 выделен на восточном фасе комплекса между «стеной каре» и обводной стеной.

